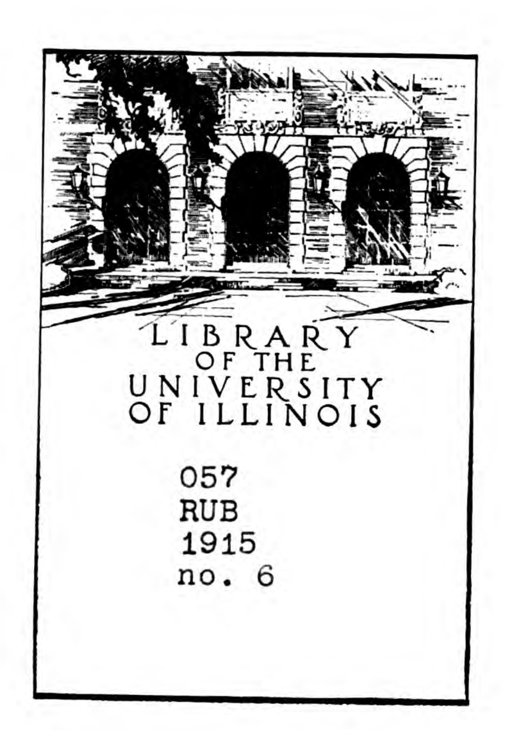

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
057
RUB
1915
no. 6

Русскія Записки

1915 г.

№ 6. ІЮНЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

№ 6. ІЮНЬ.

Русскія Записки

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗБИТЫЯ СКРИЖАЛИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Скучно, однообразно идетъ жизнь на Костиндѣевыхъ хуторахъ. Тянутся дни, тянутся ночи, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и Дунѣ кажется, что всегда было такъ, всегда будетъ такъ, и что ей не восемнадцать, а давно уже сто лѣтъ.

За окномъ, у котораго она любила сидѣть, проходила широкая проселочная дорога. Лѣтомъ пыльно-сѣрая, зимой грязно-желтая, она неторопливо змѣилась среди полей, вползала на пригорки, ныряла въ буераки и терялась, наконецъ, въ мутно-лиловыхъ даляхъ, сливаясь съ небомъ,—тамъ, гдѣ въ солнечные дни золотою искрой сверкалъ крестъ на колокольнѣ села Избищъ.

Отрываясь отъ книги или отъ вышиванья, Дуня часто смотрѣла на эту дорогу и думала, что вотъ и жизнь ея такая же... длинная, сѣрая, куда-то бѣгущая по буграмъ и буеракамъ неизвѣстно зачѣмъ и для чего. Бѣжитъ-бѣжитъ... а тамъ и нѣтъ ничего,—только крестъ и подъ крестомъ могила. Не стоило и бѣжать.

Въ одиночествѣ человѣкъ не живетъ, а выдумываетъ себѣ жизнь, и Дуня поступала также. Не жила, а грезила на яву, наполняя тусклые дни призраками и фантазіями. Подъ пальцами на канвѣ плелся причудливый узоръ, выростали чудовищные цвѣты, какихъ въ природѣ не бываетъ, а вмѣстѣ съ ними въ воображеніи плелись затѣйливые вымыслы, смѣшныя или грустныя сказки, отъ которыхъ на душѣ становилось сладостно и больно. Затуманеннымъ взоромъ смотрѣла она на міръ и думала не словами а образами, яркими и странными, какъ разводы ея вышивокъ.— „Вотъ скоро уже и весна“!—скажетъ кто-нибудь въ сосѣдней комнатѣ, и сейчасъ же Дунѣ видится мокрый, дымящійся

подъ утреннимъ солнцемъ лугъ, золотые гвоздики одуванчиковъ сверкаютъ въ травѣ, голубѣетъ нѣжная бирюза незабудокъ, чьи-то радужныя крылья шелестятъ въ высотѣ,— и захочется вдругъ плакать, смѣяться и пѣть. А лѣто казалось ей густымъ вишнякомъ, облитымъ кровавымъ багрянцемъ спѣлыхъ ягодъ, полнымъ знойной лѣни и зеленыхъ мерцаній, похожихъ на лукавый блескъ подстерегающихъ глазъ. Осень была унылая старая женщина въ грязныхъ, пожелтѣвшихъ лохмотьяхъ, съ плачемъ бродившая по пустыннымъ дорогамъ; зима — таинственный мертвецъ въ ледяномъ гробу, подъ тяжелой бѣлою парчей. Когда же вечерними сумерками Дуня выходила на крыльцо и пугливо вглядывалась въ волнистыя дали полей, слитыя съ безграничными далями неба, ей чудилось, что домъ ихъ—затерянный въ пустынныхъ просторахъ корабль, и въ ужасѣ она готова была кричать и звать кого-то на помощь.

Но вспугивали тишину грубые голоса у крыльца, изъ кухни приносили самоваръ, зажигались въ домѣ огни, и жуткое чувство затерянности въ беззвучныхъ пустыняхъ смѣнялось равнодушною скукой. Надо было идти заваривать чай, доставать посуду, перемывать стаканы. Изъ спальни выходилъ еще не совсѣмъ проспавшійся отъ обѣденной выпивки отецъ, щурилъ на огонь налитые кровью глаза, откашливался, отплевывался и хриплымъ, затекшимъ отъ сна голосомъ, бунилъ:

— Душатка! Ну-ка-сь, брызни стаканчикъ императорскаго, смерть хочется пить. Да ромку достань для привкуса... повеселимъ съ тобой душу-то, ась?

И если она отвѣчала не сразу, вся еще далекая отъ него, вся полная своихъ тайныхъ думъ и переживаній, ему казалось, что она сердится, онъ багровѣлъ, стучалъ кулакомъ по столу и хрипѣлъ:

— Чего ты косоротишься, Миликтриса Кирбитьевна какая?.. Что я пью? Ну, и пью... тебѣ какое дѣло? Не ворую, на свои пью, и косоротиться тебѣ нечего. Я тебѣ кто? Ванька пастухъ аль родитель? Коли приказываю, пухомъ должна летать, а ты ходишь, какъ сонная тетеря...

Дуня молчала. Все было такое будничное и простое, все какъ вчера, какъ будетъ завтра... и всегда. Скучно, скучно!.. Хоть бы случилось что-нибудь такое, чего не бываетъ на свѣтѣ..

2.

Зимній день на хуторѣ начинался очень рано. Еще небо было полно звѣздъ и синяя темнота глядѣла въ морозно-узорчатыя окна, а Дуня уже просыпалась отъ надрывистаго отцовскаго кашля и отхаркиванья. Кашлялъ онъ долго и

старательно, съ хрипами и завываніями; отплевавшись, надѣвалъ валенки и громко стучалъ въ передней желѣзной втулкой рукомойника. Умывшись, переходилъ въ еще темную зальцу и долго молился вслухъ передъ благословеннымъ образомъ съ вѣнчальными свѣчками. Хлопала дверь изъ сѣней, въ домъ сѣдымъ облакомъ вползалъ морозный паръ, лѣзъ подъ одѣяло и заставлялъ зябко поджимать подъ себя согрѣвшіяся за ночь ноги. Это старый Нефедъ втаскивалъ солому топить печи. Гремѣли вьюшки, жестко хрустѣла обледенѣлая старновка, съ трескомъ разбѣгались по ней огненныя струйки, и весь домъ наполнялся гудѣніемъ и веселою пляской золотыхъ переливовъ огня.

— Ну что, Нефедъ, какъ у насъ на хуторѣ, благополучно?—тихо и ласково спрашивалъ отецъ.

Трезвый онъ былъ кроткій, говорилъ пониженно и вкрадчиво, какъ бы извиняясь за то, что натворилъ во хмелю и чего часто совсѣмъ не помнилъ. И Нефедъ такъ же добродушно и ласково отвѣчалъ:

— Ничего, Федоръ Степанычъ, слава Богу, все благополушно. Волчишки всю ночь выли за кошарой, а ничего, Богъ миловалъ.

— Пужануть бы ихъ хорошенько изъ ружья. А морозъ здоровый?

— Дюже здоровый, Федоръ Степанычъ, ажъ бревна трещатъ! Я новый ометъ началъ, старый-то до чиста сожгли; такъ, одно хоботье осталось.

— Ну, топи, топи хорошенько, да не больно стучи, пущай барышня-то понѣжится.

Дунѣ трогательна заботливость отца, трезвый онъ ей нравился, сердце наполнялось нѣжной жалостью къ нему. Еще плотнѣе поджимала она подъ себя ноги, накрывалась съ головой теплымъ одѣяломъ, и легкая дремота туманила голову. Набѣгаютъ голубыя волны, плывутъ-плывутъ бѣлые корабли съ золотыми парусами, несутъ большую, невѣдомую радость. Крѣпко бьется сердце, кипитъ слезами... вотъ-вотъ уже близко,—и невѣдомое станетъ вѣдомымъ, невозможное—возможнымъ...

Но опять гулко стукнула, точно выстрѣлила, дверь, пахнуло холодомъ, и какъ будто надъ самымъ ухомъ прогудѣлъ густой, осипшій отъ мороза голосъ:

— Что жь, Федоръ Степанычъ, насыпать ужь пора? Время-то голомя!

Это возчики пришли, сегодня отправляютъ рожь на винокуренный заводъ графа Богуславскаго. Они озябли, топаютъ ногами, чтобы согрѣться... уснуть нѣтъ уже больше

никакой возможности. Таютъ голубые туманы, уплываютъ бѣлые корабли съ золотыми парусами, уносятъ свѣтлую радость. И никогда-никогда не вернутся опять, никогда не узнаешь, что хранили они въ своихъ нѣдрахъ.

Хмурая, скучная вставала Дуня, нехотя одѣвалась, нехотя пила чай при свѣтѣ старой коптящей лампы и прятала посуду въ источенный червями буфетъ. Изъ кухни приходила вертлявая, румяная съ морозу Лимпіядушка, про которую Дуня знала, что она живетъ съ отцомъ. Блестѣла голубыми, всегда подернутыми какимъ то пьянымъ налетомъ глазами и, поджавъ красныя руки подъ круглыми, точно налитыми, грудями, развязно спрашивала:

— Чего готовить будемъ, барышня?

Скучнымъ голосомъ, стараясь не глядѣть на Лимпіядушку, Дуня заказывала обѣдъ. Иногда путалась, забывала, что готовили вчера, и назначала то же самое. Не все ли равно? Лимпіядушка фамильярно хихикала и поправляла:

— Что вы, барышня, да это вчера было! Семъ-ка, я лучше баранины нажарю, нонѣ барашка рѣзали. Печенки нарублю да съ кашей,—чудесно будетъ! И папашка любитъ.

— Ну, и жарь, если любитъ,—нетерпѣливо говорила Дуня и съ облегченіемъ вздыхала, когда за Лимпіядушкой затворялась дверь.

А на дворѣ уже разсвѣтало, за стѣной вперебивку гудѣли мужицкіе голоса, щелкали счеты и сквозь отпотѣвшее окно смутно виднѣлась извилистая дорога, черезъ холмы и буераки бѣгущая къ селу Избищи.

3.

Дуня когда-то жила въ Избищахъ у молоденькой попадьи, Натальи Павловны Кипарисовой, куда отвезъ ее отецъ вскорѣ послѣ смерти матери, зачахшей отъ какой-то неизвѣстной болѣзни, которой не могли понять ни мудрыя, старыя знахарки, ни избищенскій фельдшеръ Горюновъ. Дѣвочка страшно тосковала, а у матушки Натальи тогда еще не было своихъ дѣтей и она приняла горячее участіе въ сироткѣ. Сначала сама поплакала съ ней, потомъ посовѣтовалась съ мужемъ и предложила Костиндѣевскому прикащику отдать ей дѣвочку въ обученіе. И вотъ Дуня переселилась на житье въ уютный поповскій домикъ съ галлерейкой, до самой крыши обвитой дикимъ виноградомъ и вьюнками. Памятенъ былъ ей этотъ домикъ, сверху до низу полный молодого веселья, смѣха, пѣнія, звона гитары и бѣготни. Угрюмая, молчаливая дѣвочка, одичавшая на хуторѣ въ обществѣ больной матери и погруженнаго въ хозяйствен-

ныя хлопоты отца, здѣсь сразу расцвѣла и повеселѣла, точно ее живой водой спрыснули. Батюшка, о. Владиміръ, былъ шутникъ и балагуръ, любилъ выпить, потанцовать, перекинуться въ картишки; матушка Наталья хорошо пѣла, играла на роялѣ и на гитарѣ, увлекалась чтеніемъ романовъ и умѣла хорошо ихъ разсказывать. Поэтому вся избищенская молодежь льнула къ нимъ, какъ мухи къ меду, и въ тѣсныхъ поповскихъ комнатахъ, заставленныхъ цвѣтами, постоянно толклись семинаристы, ищущіе невѣстъ, цвѣтущія дѣвочки, еще не влюбленныя, но уже готовыя любить, сельскіе учителя и учительницы, подростки, пріѣзжіе изъ города гости. Здѣсь, въ этой любовной атмосферѣ, насыщенной счастьемъ юной четы Кипарисовыхъ, разыгрывались маленькія драмы и комедіи, завязывались романы,— часто, подъ пѣніе нѣжныхъ романсовъ, подъ томное журчаніе гитары, налаживалась и свадьба. Дунѣ жилось легко и пріятно. Матушка Наталья привязалась къ ней, какъ къ родной, и рьяно занялась воспитаніемъ дикарки. Обучила ее разнымъ вязаньямъ и вышиваньямъ, въ которыхъ еще епархіалкой была большая искусница, выучила немножко играть на роялѣ, пѣть, танцовать, пріохотила къ чтенію и сама вмѣстѣ съ ней зимними вечерами упивалась приключеніями королевы Марго, трехъ мушкетеровъ, графа Монте-Кристо, проливая надъ ихъ страданіями горькія слезы къ великой потѣхѣ о. Владиміра. Случалось, что Дуня засиживалась за книгой всю ночь напролетъ и, дочитавъ до конца, будила матушку радостнымъ извѣстіемъ:

— Наталья Павловна! Наталья Павловна! Маркиза казнили!..

Разбуженный этимъ крикомъ о. Владиміръ, косматый, взъерошенный, ничего не понимая спросонья, спрашивалъ:

— Что? Кого? Какого маркиза?

Но Наталья Павловна ничуть не удивлялась и вполнѣ удовлетворенная говорила:

— Казнили? Ну, слава Богу, такъ ему и надо, злодѣю эдакому!

О. Владиміръ приходилъ въ себя.

— Такъ казнили?.. Ха-ха-ха! Великолѣпно! Ахъ, чтобъ вамъ, чуть было кондрашка не хватилъ съ испугу... Сплю сномъ невинности, архіерея во снѣ встрѣчаю, и вдругъ—извольте радоваться,—вставай,—какого-то маркиза казнили... Ой, Дунечка, не доведутъ тебя романы до добра!

И долго послѣ того онъ всѣмъ разсказывалъ о ночной тревогѣ и дразнилъ Дуню разными смѣхотворными выдумками, на которыя былъ великій мастеръ.

Милый о. Владиміръ, милые зимніе вечера въ тихомъ

поповскомъ домикѣ съ томными звуками рояля, волнующимъ запахомъ лакъ-фіоля, неясными дѣвичьими грезами, неясною, но сладкою дѣвичьей тоской! Четыре года прожила тамъ Дуня; они пролетѣли, какъ свѣтлый, радостный сонъ, остались въ памяти, какъ чудесная недосказанная сказка... Теперь уже не то. Теперь матушка Наталья потолстѣла и огрубѣла, забросила музыку, охладѣла къ романамъ, стала разсчетлива и скупа. Ей некогда: у нихъ уже трое дѣтей, всѣхъ надо обшить, обмыть, накормить, надо подумать объ ихъ будущемъ. И о. Владиміръ не тотъ. Онъ хохочетъ не такъ часто и беззаботно, какъ прежде, пышные кудри его порѣдѣли, на лбу прорѣзались двѣ глубокія морщины, и, когда онъ возвращается съ требы, у него въ карманѣ звенятъ деньги, которыя онъ сейчасъ же пересчитываетъ съ какимъ-то особеннымъ, жаднымъ и внимательнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Они копятъ, и Дунѣ бываетъ непріятно слышать, какъ матушка Наталья своимъ нѣжнымъ голоскомъ, которымъ она, бывало, томно выводила: „Ахъ, зачѣмъ эта ночь",—теперь начинаетъ дѣловито толковать о доходахъ, процентахъ и купонахъ, причемъ у нея блестятъ глаза, а въ уголкахъ губъ вскакиваютъ пузырики, точно она ѣстъ что-нибудь очень вкусное. Тогда странная мысль осѣняетъ романтическую голову Дуни... Ей кажется, что въ поповскомъ домикѣ поселились какіе-то другіе люди, а настоящіе о. Владиміръ и матушка Наталья уѣхали, ихъ нѣтъ, но придетъ время, они вернутся и опять начнется прежнее. И было пріятно, но почему-то немножко грустно ждать ихъ возвращенія, глядя на извилистую ленту дороги, въ концѣ которой солнечными днями привѣтливо сіялъ позолоченный крестъ. Когда-нибудь это будетъ. Пріѣдутъ и увезутъ ее отсюда. Кончится одиночество, кончится тоска. Начнется опять свѣтлая, радостная жизнь...

И Дуня ждала.

4.

Дорога оживлялась только зимой, когда начиналъ работать винокуренный заводъ. Туда возили рожь и картофель, оттуда барду и спиртъ. Длинные обозы черными змѣями ползли среди бѣлыхъ снѣговъ; въ морозные дни даже сквозь двойныя рамы были слышны скрипы и визги полозьевъ, удары кнутовъ, хрипучіе, простуженные голоса возчиковъ. Проходили одни, на ихъ мѣсто являлись другіе; изрѣдка звенѣлъ колокольчикъ, проносилась тройка, чье-то усатое лицо съ обмороженнымъ носомъ выглядывало изъ саней,— и такъ съ разсвѣта до самыхъ сумерекъ катилась мимо хутора чужая, незнакомая жизнь. Но не было тѣхъ, которыхъ Дуня ждала. Пріѣзжали къ отцу тарханы скупать сало,

шерсть, кожи; нѣмцы-колонисты привозили на крупорушку гречиху и просо и подолгу, дымя трубочками, пили въ столовой чай; изрѣдка навѣдывался по дѣлу управляющій винокуреннымъ заводомъ, Михневскій, важный господинъ съ ледяными глазами, изъ которыхъ струился холодъ нестерпимый. Съ отцомъ и Дуней онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, но въ его вѣжливости было столько обиднаго пренебреженія и такъ онъ умѣлъ ею подчеркнуть свое превосходство, что у Дуни все кипѣло внутри и слезы сами собой подступали къ глазамъ. На ея счастье Михневскій заѣзжалъ къ нимъ рѣдко—всегда по дѣлу и всегда не надолго. Настоящіе гости бывали на хуторѣ по праздникамъ, и эти нашествія были для Дуни еще противнѣе визитовъ Михневскаго. Вмѣстѣ съ ними въ домъ входило что-то пьяное, угарное, отчего вся жизнь на нѣсколько дней выходила изъ своей колеи и превращалась въ сплошную оргію. Водки выпивалось несмѣтное количество; работники едва успѣвали привозить ее изъ Избищъ ведерными бутылями. По комнатамъ носились хриплые выкрики, безсвязный говоръ, звонъ разбиваемой посуды; часто завязывалась пьяная драка, которая кончалась такими же пьяными поцѣлуями и слезами. Отецъ совершенно утрачивалъ человѣческій образъ и, растерзанный, опухшій, съ безумно блуждающими глазами, придирался ко всѣмъ невыносимо. Лимпіядушка также принимала участіе въ попойкахъ; это сообщало имъ какой-то особенно грязный, омерзительно-разнузданный характеръ. Когда она съ багровымъ румянцемъ на щекахъ носилась въ дикой пляскѣ или, сидя у отца на колѣняхъ, визгливо распѣвала скверныя пѣсни, казалось, даже воздухъ насыщался смрадомъ разврата, и Дуня въ ужасѣ запиралась въ своей комнатѣ, прятала голову подъ подушку и плакала-плакала до упадка силъ. Ее и здѣсь не оставляли въ покоѣ; буйный разгулъ докатывался до ея комнаты, ломился въ двери, принуждалъ искать спасенія въ сѣняхъ, на дворѣ, на чердакѣ. Не разъ ей приходилось натыкаться на гнусныя сцены; не разъ къ ней самой приступали съ отвратительными жестами и предложеніями; она видѣла и знала все, и то, что въ романахъ прикрывалось всегда поэтическимъ флеромъ, предстало передъ ней во всей своей безстыдной обнаженности. Оттого въ ея нѣжномъ дѣвичьемъ обликѣ чуялась преждевременная зрѣлость, таился глубокій и болѣзненный надломъ—точно въ цвѣткѣ при дорогѣ. Шелъ кто-то мимо, зацѣпилъ грязнымъ сапогомъ и придавилъ къ землѣ. Долго лежалъ цвѣточекъ въ пыли, потомъ пригрѣло солнышкомъ, вѣтеркомъ обдуло, поднялъ головку, расправилъ лепестки, въ небо глядитъ. Но нѣтъ уже прежней чистоты и свѣжести и не

радостна улыбка,—что-то болитъ внутри. Такъ и Дунина смятая душа никакъ не могла выпрямиться и взлетѣть на встрѣчу солнцу. Не по дѣвичьи страненъ и временами угрюмъ былъ взглядъ ея глазъ; она рѣдко улыбалась; смѣха же Дуни—того звонкаго, солнечнаго смѣха, какимъ умѣютъ смѣяться только молодыя дѣвушки,—въ домѣ никто никогда и не слыхалъ.

А на нее уже стали заглядываться. Кромѣ обычныхъ отцовыхъ гостей, на хуторѣ иногда появлялись какіе-то молодые люди, извинялись, что заѣхали на минутку, и все-таки оставались чай пить, подолгу засиживались за столомъ и нетерпѣливо поглядывали на дверь, чего-то ожидая. Эти визиты очень волновали Федора Степаныча. Какъ всякій отецъ, имѣющій дочь на выданьи, онъ хорошо понималъ ихъ значенье. Пріѣхали молодые люди, не покупаютъ—не продаютъ и уѣзжать не уѣзжаютъ, видимое дѣло, хотятъ дѣвушку посмотрѣть. А дѣвушка заперлась въ своей комнатѣ и глазъ не показываетъ. Федоръ Степанычъ въ эти минуты чувствовалъ себя точно на горячихъ угольяхъ, пыхтѣлъ, краснѣлъ, наконецъ, не выдерживалъ и шелъ къ Дунѣ.

— Ты что-жь тутъ сидишь,—притаилась, какъ сверчокъ за печкой? Тамъ вонъ подвальный съ завода пріѣхалъ,—такой молодецъ, чистякъ парень... познакомиться хочетъ. Вышла бы, показалась!

— Зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ? Что ты дурака-то валяешь? Подумаешь, маленькая: не знаетъ, зачѣмъ женихи къ невѣстамъ ѣздятъ!

— Я замужъ не хочу.

— Какъ? Да что же мнѣ—въ прокъ, что ли, тебя солить? Смотри, Авдотья...

Дуня поднимала на отца свои сумрачные глаза и готовая сорваться съ языка угроза такъ и оставалась невысказанной. Съ трескомъ Федоръ Степанычъ хлопалъ дверью и возвращался сидѣть на горячихъ угольяхъ.

Женихъ уѣзжалъ; пріѣзжалъ другой и тоже уѣзжалъ ни съ чѣмъ. Но, отъѣзжая отъ крыльца и оглядываясь назадъ, молодые люди видѣли иногда въ окнѣ чернобровое дѣвичье лицо въ пышныхъ темныхъ косахъ, съ недобрыми красивыми глазами, и сердце сладко вздрагивало...—„Хороша, должно быть, шельма“!—Хотѣлось задержаться,—хоть шапку снять, хоть улыбнуться!—да лошади не ждутъ, и вотъ уже рванули, вотъ понеслись, и мелькнувшая на мгновеніе красота исчезла, какъ видѣнье.

А Дуня и не замѣчала, какъ пріѣзжали и уѣзжали женихи. Сидѣла у окна за пяльцами, вплетая свои одинокія

думы въ причудливый узоръ вышивки и въ душѣ ея смутно и странно, какъ въ тускломъ зеркалѣ, отражались грубыя впечатлѣнія мимо бѣгущей жизни.

5.

Контора помѣщалась рядомъ съ Дуниной комнатой за тоненькой досчатой перегородкой и, сидя у своего любимаго окна, Дуня знала, что тамъ дѣлается, кто пришелъ и о чемъ говорятъ. Слушала и не слушала, а мысли невольно цѣплялись за отдѣльныя фразы, переплетались съ ними, рождали образы, настроенія, новыя, неожиданныя мысли. Вотъ дребезжитъ слабенькій голосокъ старичка-конторщика: онъ объясняетъ что-то отцу, а отецъ угрюмо бурчитъ и громко отплевывается на полъ, растирая плевки сапогомъ. У него голова болитъ,—хочется выпить, и Дуня знаетъ, что сейчасъ онъ пройдетъ въ столовую, хлопнетъ буфетная дверца и забулькаетъ изъ графинчика водка. Когда же это кончится? Когда?..

А въ конторѣ уже визжитъ и настежь распахивается дверь, шуршатъ лапти и полушубки, громыхаютъ тяжелые сапоги, слышны сдержанные вздохи, покашливанья, отрывистые голоса. Пришли мужики за разсчетомъ. Чей-то сиповатый жиденькій тенорокъ жужжитъ прямо надъ ухомъ. Это Арсюшка Лычагинъ изъ сосѣдней деревни Лохмотной. Она потому „Лохмотная", что тамъ всѣ мужики подрядъ—лохмотъ на лохмотѣ, бѣднота страшная, а Арсюшка изъ нихъ самый бѣдный. Лохмотовцы только Костиндѣевскимъ хуторомъ и живутъ: забираютъ впередъ подъ полевыя работы, тѣмъ кое-какъ и дышутъ цѣлый годъ. Для конторы это было выгодно; она охотно выдавала задатки, за то ужь лѣтомъ вытягивала ихъ изъ мужиковъ сторицей. Но бывало и такъ: въ своемъ стремленіи получить какъ можно больше задатковъ мужики набирали столько работы, что совершенно не могли ее выполнить. Тогда въ нужный моментъ они исчезали неизвѣстно куда и только осенью, при учетѣ, снова появлялись въ конторѣ, чтобы оправдаться, выклянчить новый задатокъ—и опять начать то же самое.

Арсюшка Лычагинъ въ этомъ дѣлѣ былъ первый мастеръ. И Дуня, вплетая алую нить въ лепестокъ фантастической розы, невольно втягивалась въ его пререканія съ конторщикомъ.

— Ты рожь бралси?

— Бралси!—самоувѣренно отвѣчаетъ Арсюшка, и Дунѣ даже видится, какъ онъ при этомъ хлопаетъ себя шапкой по костлявой колѣнкѣ.

— Разъ! Разъ!—щелкаютъ счеты.

— Пару полторы десятины брался?

— Брался!

— А горчицу?

— Какую горчицу?

— Какую-какую!.. Какая горчица-то бываетъ?

— Никогда!

— Да тутъ записано.

— Идѣ?

— Чего „идѣ“? Говорю, записано, стало быть, и записано.

— Ахъ, жидъ ее задави, и то! Запамятовалъ совсѣмъ... Ахъ, па тотъ-те свѣтъ, да вихоръ-те унеси,—вотъ запамятовалъ-то!..

По конторѣ раскатывается дружный мужицкій хохотъ. Дуня хмурила свои черныя брови. И чего смѣются? Не смѣшно, а противно! Лгутъ, обманываютъ, надуваютъ другъ друга... одни жалкіе, а другіе—подлые...

— Ну, ладно,—говоритъ конторщикъ. — Горчицу ты не отработалъ, такъ и запишемъ. А паръ двоилъ?

— Двоилъ!

— Врешь! И не двоилъ, и не бороновалъ...

— Какъ такъ? Передвоилъ любехонько! И двоилъ, и переломалъ...

— Врешь, Арсюшка! Вотъ вѣдь она, запись-то.

— Стой!.. Вѣрно! Это не я. Это все Алешка. Теперича мы съ нимъ пахали... Я свою полосу какъ слѣдуетъ, въ акуратѣ, и вспахалъ, и переломалъ, а Алешка, мать его, въ солдаты возьми да уйди... Вотъ въ чемъ причина, истинное слово! Я тебѣ и свидѣтелей приведу.

— Ладно, ищи тамъ свидѣтелей!—(Щелкаютъ счеты).— Ты слушай сюда. За горчицу тебѣ 6 рублей, а за паръ—два съ полтиной вычету. Понялъ?

Молчаніе. У Дуни лопнула шелковинка; она гнѣвно выдергиваетъ ее изъ канвы. Навѣрное, Арсюшка чешетъ теперь въ затылкѣ, а глаза жалкіе-жалкіе, какъ у лошади, которая съ возомъ завязла въ грязи. И зачѣмъ онъ позволяетъ себя называть Арсюшкой? У него жена, дѣти,—какой же онъ Арсюшка. Ахъ, противные всѣ!..

— Эхъ!—вздыхаетъ, наконецъ, Арсюшка. — Восемь съ полтиной какъ метлой вымело... Ну, да такъ и быть, гдѣ наше не пропадало! Пиши за мной, лѣтомъ отработаю.

— Опять горчицу? — Конторщикъ смѣется, хохочутъ и мужики.—Да вѣдь забудешь?

— Нѣтъ, въ ротъ ей коренья, теперь ужь не забуду! Ты только сдѣлай милость, на счетъ задатку-то меня не обижай,

ужь дай поджиться, а то вѣдь зима-то вотъ она, зарѣзъ подходитъ, чистый зарѣзъ!

— Объ задаткѣ не рѣчь, ты сперва скажи, чего работать будешь? Паръ въ двѣ пашки возьмешь?

— Возьму!—рѣшительно восклицаетъ Арсюшка.

— Овесъ берешь?

— Беру!

— Пшеницы яровой десятину—писать?

— Пиши!

— А ржи полторы десятины?

— Пиши и рожь...—уже слабѣющимъ голосомъ бормочетъ Арсюшка.

— Гречу уберешь?

Арсюшка молчитъ. Видимо, и самъ ошалѣлъ: экакую уйму работищи набралъ, — когда же свое-то убирать? Но мысль о задаткахъ превозмогаетъ минутное колебаніе, да вѣдь и вычету, все равно, опять не миновать... Хлопаетъ себя шапкой по колѣнкѣ и съ отчаяніемъ на все готоваго человѣка заявляетъ:

— Ладно, уберу и гречу! Пиши ужь и ее за одно... вѣдь я какой работникъ-то, золотыя руки!

Мужики хохочутъ и больше всѣхъ хохочетъ самъ Арсюшка.

А черезъ нѣсколько минутъ Дуня изъ окна видитъ его уже на дворѣ. Въ нахлобученной на лобъ шапкѣ, растопыривъ тощія ноги въ огромныхъ рваныхъ лаптяхъ, онъ пересчитываетъ на ладони мѣдныя деньги. „Золотыя руки“ его дрожатъ, на лицѣ горькое недоумѣніе. Осенній вѣтеръ треплетъ полы ветхаго полушубка, вздуваетъ пузырями домотканные портки, южитъ, свищетъ, внизывается во всѣ дыры. Арсюшка ничего этого не чувствуетъ; ему кажется, что при разсчетѣ вышла какая-то ошибочка... Чуть-ли его не обсчитали. Вотъ онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на окна и рванулся было къ крыльцу. Но остановился, подумалъ... махнулъ рукой и зашагалъ въ свое Лохмотное.

Вѣтеръ погнался за нимъ, заплясалъ, закрутился и, злорадствуя, плевалъ ему въ глаза сухой, ѣдучей пылью.

У Дуни тоже что-то застилаетъ глаза. И жалко ей Арсюшку, и зло на него беретъ. Спутала узоръ, опять оборвалась шелковинка, надо выдергивать. И ярко-огненная роза странно сливается въ ея памяти съ жалкою Арсюшкиной фигурой... навсегда.

Въ конторѣ шумъ и крики. Въ одинъ голосъ гудятъ мужики; кричитъ и скверными словами ругается отецъ. Онъ выпилъ и теперь уже до самаго обѣда будетъ бушевать и придираться.

— Подлецы, такіе-сякіе, анафемы бородастые! Должонъ я хозяйское добро беречь, аль нѣтъ? А вы, лохмоты паршивые, только и норовите съ меня лишнюю копейку дуромъ получить. На вотъ, получи! Я тебѣ...

— Ну-ну-ну, руками-то не балуй!.. угрожающе бунитъ чей-то густой басъ.—Что тебѣ моя борода далась? Не хуже твоей... я вѣдь и самъ эдакъ-то могу...

Громко хлопаетъ дверь, скрипятъ половицы подъ тяжелыми шагами, отецъ опять идетъ къ буфету,—и булькаетъ водка. Мужики сердито галдятъ и хохочутъ за стѣной.

— Налилъ буркалы-то спозаранку, вотъ и храпитъ, песъ хозяйскій! — рычитъ тотъ же басистый мужикъ.—Мы, можетъ, съ утра не ѣмши, а онъ до зари и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ... Ишь ты, къ бородѣ лѣзетъ! Ты къ своей Лимпіядкѣ лѣзь, а моя борода тебѣ не забава... Вѣдеръ Стаканычъ!.. по шерсти и кличка. Ужь истинно Стаканычъ, небось, четвертуху-то ужь охолостилъ да, ни кстя, ни моля, и норовитъ въ рыло. Это тебѣ, братъ, не прежнія времена, гляди, кабы и твоей милости фейверку не сдѣлали!..

Опять застилаетъ глаза и крѣпко-крѣпко бьется сердце. Обидно за отца, а душой Дуня за одно съ басистымъ мужикомъ. Хочется посмотрѣть, какой онъ. Должно быть, огромный, косматый, какъ медвѣдь, съ обвѣтреннымъ лицомъ и свѣтлыми ребячьими глазами. Ихъ вѣдь эдакихъ не поймешь: когда не трогаешь,—они смирные, похожи на большихъ дѣтей; за то, если обидятъ,—страшные, какъ звѣри...

И въ пламени ярко-пунцовыхъ розъ Дунѣ видятся какія-то жуткія картины. Вспоминается, какъ она дѣвочкой-подросткомъ слышала въ поповскомъ домѣ таинственные разговоры о пожарахъ, погромахъ и разстрѣлахъ. Теперь она знаетъ, что это была революція, но тогда ничего не понимала, и отъ того времени у нея осталось только одно въ памяти: какъ матушка Наталья и о. Владиміръ съ испуганными лицами шептались о чемъ-то страшномъ въ темномъ уголку своей спальни. И ей тоже становилось страшно, и по ночамъ снились красные мужики, которыхъ она ненавидѣла и боялась.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

Незадолго до Рождества внезапно заболѣлъ и умеръ старичокъ-конторщикъ. Федоръ Степанычъ былъ и огорченъ, и разсерженъ. Самое горячее время, къ новому году отчетъ надо готовить, а конторщика нѣтъ. И, схоронивъ старика,

онъ уѣхалъ въ уѣздный городъ подыскать на его мѣсто подходящаго человѣка.

Какъ только широкія хуторскія сани, запряженныя въ гусекъ тройкой сытыхъ лошадей, скрылись въ снѣжной дымкѣ поднимающейся метели, Дуня вздохнула во всю грудь и прошлась по всему дому, наслаждаясь тишиной и свободой. Она любила оставаться одна. Въ пустыхъ комнатахъ становилось какъ-то по особенному свѣтло и чисто, ничто не раздражало, никто не мѣшалъ мечтать и думать. И, расхаживая взадъ и впередъ, Дуня воображала себя принцессой въ таинственномъ замкѣ. Все ей нравилось: вьюга на дворѣ и то, что она можетъ дѣлать, что хочетъ, можетъ приказывать и распоряжаться. Въ домѣ было тепло, но она велѣла Лимпіядѣ позвать Нефеда и заставила его топитъ печи, сама сѣла рядомъ съ нимъ на соломѣ и разспрашивала, какъ живутъ у нихъ въ деревнѣ. При отцѣ этого нельзя было дѣлать, онъ не любилъ, когда она разговаривала съ мужиками, а безъ него можно и оттого особенно пріятно. Нефедъ оказался оченъ плохимъ разсказчикомъ, ничего не помнилъ, ничего интереснаго не видѣлъ, на всѣ вопросы отвѣчалъ только: „помилуй Господи", да „кто его знаетъ" и Дуня, глядя на его простое, дѣтски-безмятежное лицо, озаренное багровыми переливами пламени, думала о томъ, что вотъ человѣкъ прожилъ больше полсотни долгихъ лѣтъ, скоро и умирать пора, а разсказать ему нечего... и, пожалуй, такъ же пусто и безцвѣтно пройдетъ и ея жизнь.

— Послушай, Нефедъ, да неужто у васъ въ деревнѣ такъ-таки ничего никогда не случается? Ну, не у тебя, такъ у другихъ, а бываетъ же что-нибудь особенное?

— А кто его знаетъ, можетъ, и бываетъ, меня Богъ миловалъ. Да чему и быть-то, барышня? Наше житье какое,— день да ночь, сутки прочь,—и слава тебѣ, Господи!

— Ну, а вдругъ что-нибудь страшное? Случалось съ тобой страшное, Нефедъ?

— Помилуй Богъ, ничего такого не бывало. Хорошаго мало видалъ, ну, и плохого тоже не было, надо правду говорить, прожили свой вѣкъ, какъ люди, такъ и мы.

— Да вѣдь это тоска такъ жить... Ну, вотъ тебѣ, Нефедъ,—развѣ не хотѣлось тебѣ никогда пожить какъ-нибудь по другому?

— Можетъ, и хотѣлось, да не помню. Забылъ. Молодымъ дѣломъ мало ли чего въ башку лѣзетъ. Только все это ни къ чему: супроть Бога не попрешь, всякому свой предѣлъ положенъ.

— А если человѣкъ не хочетъ жить такъ, какъ ему положено?

— Ну, барышня, это ужь которые самые отчаянные, ежели Бога не боятся. Эдакимъ предѣлу никакого нѣту, потому нечистому душу продали, имъ коловерши помогаютъ.

— Какія коловерши?

— А такія мохнатенькія, на манеръ собачекъ, подъ крыльцомъ у кажнаго колдуна живутъ. Днемъ ихъ не видать, а какъ ночь, такъ они вылазіютъ и идутъ къ чертову пріятелю на дворъ. Онъ спитъ, а онѣ работаютъ. Всталъ, а у него ужь все подѣлано, что надо. Оттого у эдакого и хлѣбъ стѣной стоитъ, и молокомъ хошь залейся, и баба, какъ копна, гладкая.

Нефедъ засунулъ въ печку послѣднюю охапку соломы, кряхтя, выпрямилъ свою натруженную спину и сказалъ:

— Скучаешь, видно, барышня, что моего мужицкаго разговору послухать захотѣлось! Да вѣдь оно и вправду, дѣло сиротское, все одна да одна, а позабавиться не съ кѣмъ. Женишка бы тебѣ хорошаго Господь послалъ поскорѣе, небось, и скучать бы перестала...

Вечеромъ, послѣ ужина, къ Дунѣ вошла Лимпіядушка, сложила, какъ всегда, руки подъ грудями и оскалила свои бѣлые зубы.

— Ночевать къ вамъ пришла!—объявила она.—Гдѣ ложиться-то?

— Не надо!—сердито вымолвила Дуня, избѣгая смотрѣть на женщину, пышныя прелести которой возбуждали въ ней гадливое чувство и стыдъ за отца.

Пьяные глаза бабы нагло блеснули.

— Какъ не надо? Папашка велѣлъ! Что жь одна-то будете? Эдакая хазина,—чай, жуть! Ну-ка, старый конторщикъ съ погоста придя, да и зачнетъ по горницамъ шастать?

— Говорю тебѣ, не надо, уходи, пожалуйста...

Лимпіядушка сощурилась и скверно хихикнула.

— А то домовой защекоча?..

Черныя Дунины брови, какъ двѣ злыя змѣйки, сдвинулись къ самому переносью, потемнѣвшими глазами она взглянула на бабу. Этого взгляда побаивался самъ Федоръ Степанычъ... и Лимпіядушка смутилась. Притворно зѣвнула, повиляла толстымъ задомъ туда и сюда, буркнула себѣ подъ носъ: „Ну, коли, спите!“ — и ушла. Дуня заперла за ней дверь на крюкъ и осталась одна. Теперь уже на всю ночь одна: хоть раскричись на весь домъ, никто не услышитъ, никто не придетъ... Службы далеко, рабочіе спятъ крѣпко, сторожъ Иванъ въ такую погоду не станетъ ходить дозоромъ, а въ конторѣ пусто, померъ ея обитатель и только, можетъ быть, его тѣнь тихонько бродитъ по старому своему жилищу.

Домъ наполнился шорохами, шопотами, потрескиваньемъ, поскрипываньемъ, точно кто-то осторожно переходитъ изъ одной комнаты въ другую. Метель къ ночи разыгралась еще сильнѣе; она южала, постукивала въ окошки, скреблась у дверей, иногда взвивалась на крышу и перебирала тамъ желѣзными листами. Дуня сидѣла въ столовой, пересматривала картинки въ прошлогодней „Нивѣ“. Раскаленныя печи дышали тепломъ, ярко горѣла лампа, изъ отцовской спальни слышалось торопливое тиканье будильника. Было уютно и покойно сидѣть; убаюкивало пѣніе метели, на глаза набѣгала тихая дрема. И, какъ давеча утромъ, Дунѣ представилось въ полуснѣ, что она — принцесса въ заколдованномъ замкѣ. Печальная, блѣдная, бродитъ она по пустыннымъ заламъ, и тысячи зеркалъ отражаютъ ея высокую фигуру въ зеленомъ платьѣ со шлейфомъ. Давно уже томилась она въ плѣну... но скоро затрубитъ золотой рогъ у воротъ ея тюрьмы, рухнутъ старыя стѣны и принцесса на рыжемъ конѣ вылетитъ на свободу.

Вдругъ кто-то сильно стукнулъ въ окно—разъ, и другой, и третій... Дуня вздрогнула, открыла глаза и ясно увидѣла блѣдное лицо, прильнувшее къ стеклу.

— Кто это? Кто это? — вскрикнула Дуня, бросилась въ отцовскую спальню и сняла со стѣны всегда заряженное волчьей дробью ружье.

Но, когда вернулась въ столовую и подбѣжала къ окну, тамъ уже никого не было, крутилась и визжала бѣлая метель, лѣпила снѣжные узоры на обледенѣлыхъ стеклахъ.

Дуня съ ружьемъ постояла, подождала, — усмѣхнулась сама надъ собою, хотя ледяной холодокъ еще цѣпенилъ руки и ноги.

— „Можетъ, это судьба моя приходила!“—подумала она.— „А я ея испугалась... Вотъ какъ чудно: то скучно и хочется, чтобы случилось что-нибудь необыкновенное, а, когда случится,—страшно“...

Она еще разъ заглянула въ окно; тамъ было все такъ же пусто, темно и вьюжно. Съ сожалѣніемъ вздохнула и отнесла ружье назадъ.

— „Нѣтъ, ничего не можетъ случиться! Вѣдь это только въ романахъ бываютъ разныя удивительныя приключенія. И кто это ночью, въ такую погоду, пойдетъ заглядывать въ окна? Кругомъ собаки; одинъ Карайка подыметъ такой брехъ, если придетъ чужой. Просто почудилось; наговорили про домовыхъ да про колдуновъ, вотъ и вообразилось... Всякому свой предѣлъ положенъ. И у меня тоже... Присватается какой-нибудь женишокъ, выйду замужъ, буду стряпать, няньчить, деньги копить, какъ матушка Наталья“...

Стало грустно, не хотѣлось уже спать и грезить о плѣнной принцессѣ въ зеленомъ платьѣ на рыжемъ конѣ. Взволнована была душа, томили какія-то темныя предчувствія и Дуня опять ходила по пустымъ комнатамъ, прислушиваясь къ шорохамъ и шопотамъ, къ унылому вою метели, гулявшей надъ Костиндѣевскимъ хуторомъ.

А Лимпіядушка, вернувшись изъ дома въ людскую, со смѣхомъ разсказывала рабочимъ:

— Чудная у насъ барышня Дуня, сичасъ меня прогнала, хочетъ одна въ пустымъ домѣ ночевать! Порченая что-ль она,—все молчитъ, все молчитъ и какъ есть ничего не боится! Хошь бы пужануть ее когда для смѣху, да право... Политка, а Политка, вотъ бы ты взялся, ты отчаянный? Погрохотали бы...

Рабочіе Лимпіядушку не любили и побаивались. Приказчичья любовница, въ довѣріи и почетѣ, — чего увидитъ, услышитъ, все перенесетъ. Поэтому на ея слова никто ничего не отвѣтилъ; только Нефедъ, залѣзая на печь и крестясь на сонъ грядущій, возразилъ:

— А чего бояться-то? Съ Господомъ и въ аду не страшно...

2.

Отецъ вернулся къ вечеру слѣдующаго дня, привезъ Дунѣ отъ попадьи поклонъ и связку книгъ, а себѣ—новаго конторщика. Въ сумеркахъ Дуня его не разглядѣла, когда онъ вылѣзъ изъ саней, а потомъ онъ сейчасъ же ушелъ въ контору и самоваръ ему туда подавали.

Отецъ былъ веселъ и ласковъ (должно быть, сильно кутнулъ въ городѣ!), долго сидѣлъ за чаемъ и съ хохотомъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ.

— Совсѣмъ было съ дороги сбились, такая пыль поднялась, зги не видать! Кажись, давно Избищи проѣхали, глядь, а они опять вотъ они, и опять мы прямо въ попово гумно воткнулись. Ну, я вижу—плохо дѣло, какъ бы въ полѣ не ночевать, велѣлъ къ попу заворачивать. А у нихъ въ домѣ нетолченая труба, — народу, дѣвчатъ, — елку на святки затѣваютъ. Я Наталью-то и не видалъ путемъ; ужь на прощанье сунула она мнѣ книжки, говоритъ: „Кланяйтесь Дунечкѣ, да скажите, чтобы на праздникахъ насъ провѣдала“... А въ городѣ опять канитель, никто для конторы подходящаго человѣка не знаетъ. Спасибо, знакомаго ссыпщика встрѣтилъ,—„стой, говоритъ, есть такой человѣкъ, все равно, безъ дѣла болтается!“ Оказался племяшъ его по женѣ; ничего, ужловатый парень; говоритъ, — въ Москвѣ бухгалтерію проходилъ. Ну, и привезъ!..

Дуня слушала равнодушно и посматривала на свертокъ съ книгами съ жадностью голоднаго человѣка, который давно не видалъ ѣды. При отцѣ не хотѣла развертывать: онъ не любилъ, когда она за чаемъ или за обѣдомъ сидѣла, уткнувшись въ книжку. Наконецъ, отецъ ушелъ въ контору, Дуня убрала посуду и съ дрожью нетерпѣнія развернула свертокъ. Книги были толстыя; посмотрѣла заглавіе,— „Война и миръ“. Больше уже не могла сдерживаться: убѣжала къ себѣ, дверь на крючокъ, — и съ первой же страницы забыла обо всемъ.

За ужиномъ она сидѣла, какъ сонная или слѣпая. Отецъ по обыкновенію много пилъ, а потомъ, когда со стола было убрано и огни потушены, къ нему прошмыгнула Лимпіядушка. Прежде это всегда больно уязвляло Дунино сердце; сегодня она даже не замѣтила ничего. Вся была въ томъ широкомъ, многоцвѣтномъ, страшномъ и прекрасномъ мірѣ, который ей открыла удивительная книга.

Очарованіе продолжалось нѣсколько дней. Дуня жила странной двойной жизнью. Вокругъ нея были все тѣ же четыре стѣны убогой комнатки, за окномъ, среди пустынныхъ полей, змѣилась скучная дорога, рядомъ пьяный отецъ ругался съ мужиками, а она переживала всѣ страсти и ужасы величавой міровой эпопеи, всѣ радости, волненія, удачи и неудачи невѣдомыхъ, можетъ быть, никогда не бывшихъ или давно исчезнувшихъ, но страшно близкихъ и милыхъ людей, Она видѣла ихъ всѣхъ такъ ясно, что, кажется, могла бы нарисовать ихъ портреты, еслибы умѣла. Вмѣстѣ съ Наташей росла, влюблялась, сидѣла въ лунную ночь на окнѣ Отрадненскаго дома, танцовала съ Андреемъ Болконскимъ на ея первомъ балу. Была около Тушина въ дыму и грохотѣ сраженія, присутствовала при взятіи Смоленска, рыдала надъ пылающею, ограбленной Москвой, съ Пьеромъ Безухимъ переносила страданія плѣна и свѣтлый восторгъ духовнаго озаренія.—Такъ вотъ какая она была, настоящая-то жизнь!..

Дуня совсѣмъ не помнила, какъ она вставала и ложилась, о чемъ разговаривала съ отцомъ, что дѣлалось въ домѣ. Это шло мимо нея и было далекое, чужое, точно совершалось на другой планетѣ. Настоящее, свое, начиналось тамъ, въ маленькой комнатѣ, населенной очаровательными или чудовищными образами, сошедшими со страницъ волшебной старой книги. Только въ сумерки, когда уже нельзя было читать, а зажигать огня не хотѣлось, Дуня наскоро одѣвалась, бѣжала по скрипучему снѣгу до овечьихъ кошаръ и возвращалась обратно. Въ одну изъ такихъ торо-

пливыхъ прогулокъ встрѣтилась съ новымъ конторщикомъ. Онъ ей поклонился; она пугливо пробѣжала мимо. Даже не разглядѣла, какой онъ; мелькнуло что-то длинное, сѣрое; острые глаза блеснули. И сейчасъ же забыла... Надо было спѣшить: вѣдь умиралъ Андрей Болконскій...

И вотъ кончилось. Дуня дочитала послѣднюю страницу и закрыла книгу. Что-то оторвалось въ груди; стало пусто, тѣсно и скучно. Еще звучали въ ушахъ знакомые голоса, но уже далеко; блѣднѣли и расплывались милыя лица. Ушли, исчезли и не вернутся никогда. Впервые Дуня почувствовала острую тоску и ужасъ при мысли объ эфемерности человѣческой жизни. Вотъ передъ ней, гремя и сверкая, пронеслась гигантская волна людей и событій. Любили, ненавидѣли, совершали подвиги и злодѣянія, добивались почестей, славы, владычества надъ міромъ... и гдѣ все это? Нигдѣ. Только, можетъ быть, вотъ въ этотъ часъ, на заброшенномъ хуторѣ, въ душѣ одинокой дѣвушки еще слышится слабое эхо ихъ дѣлъ, шаговъ и голосовъ, но придетъ *завтра*,—и замолкнетъ эхо, а потомъ исчезнетъ и дѣвушка, не оставивъ никакого слѣда въ мірѣ. Зачѣмъ же тогда цвѣла Наташина красота, зачѣмъ лилась кровь и грохотали пушки, зачѣмъ она сама, несчастная Дуня, живетъ, мучается и чего-то ждетъ, когда все равно ничего не будетъ? *Ничего*...

3.

Спустился тихій, хрустально-ясный вечеръ и рѣзче выступили морозные узоры оконъ на его бархатной синевѣ. Въ спальнѣ громко храпѣлъ отецъ; угрюмая тоска неслышно бродила по темнымъ комнатамъ. Дуня накинула на голову старенькую ватную шубку, надѣла валенки и вышла на крыльцо. Огромный Карайка мохнатымъ клубкомъ подкатился подъ ноги, радостно визжалъ и тыкался мокрой мордой въ руки. Широко кругомъ, скованные морозомъ, бѣлѣли снѣга и надъ ними, далекое, сверкало алмазное небо. Дуня заглядѣлась на него; ей вспомнилось, какъ Андрей Болконскій, раненый, лежалъ на Аустерлицкомъ полѣ и удивлялся, что въ первый разъ видитъ небо, спокойное, тихое, торжественное небо, такое чуждое свирѣпой человѣческой бойнѣ, которая кипѣла внизу, на землѣ. И теперь оно было такое же... торжественное, неизмѣримо высокое, но какое холодное, какое страшное въ своемъ вѣчномъ и таинственномъ молчаніи. Играютъ и переливаются звѣзды, Млечный Путь серебряной рѣкою струится отъ края до края земли, и нѣтъ имъ ни начала, ни конца.—„Нѣтъ конца“...—подумала Дуня, стараясь вникнуть въ загадочный смыслъ этихъ словъ. — А тамъ за

звѣздами что? Все тѣ же звѣзды, звѣзды, все тотъ же безмолвный сверкающій океанъ, и все дальше, глубже, выше...

У нея закружилась голова; почудилось, что холодная бездна какъ будто уже втягиваетъ ее въ себя.

— Ой, страшно!..—тихо вскрикнула она, зажмурившись.

— Ага, и вамъ страшно?—сказалъ кто-то около нея.

Дуня вздрогнула и открыла глаза. На крыльцѣ стоялъ длинный человѣкъ и, задравъ голову, тоже смотрѣлъ на небо.

— Да, чертовская сила! —продолжалъ онъ. — Точно въ пропасть глядишь: вѣдь и знаешь, что тамъ смерть, а всетаки тянетъ.

Голосъ у него былъ густой, низкій и въ то же время мягкій, съ какими-то колокольными переливами. Бываютъ такіе колокола: гудятъ такъ, что все дрожитъ кругомъ, а слушать пріятно. Должно быть, онъ хорошо пѣлъ.

Дуня рванулась было бѣжать, но человѣкъ остановилъ ее словами:

— А знаете, почему тянетъ? Ужь очень человѣкъ любопытенъ! А вѣдь смерть тоже штука любопытная... Что тамъ будетъ и какъ... можетъ, ничего, а, можетъ, и новенькое что-нибудь. Вы какъ думаете?

— Я не знаю...

— Ну, а все-таки? Вотъ вѣдь смотришь на небо и думаешь: для чего же существуетъ вся эта махина, если меня не будетъ? Вѣдь долженъ же я узнать, зачѣмъ оно, для какой надобности и причемъ тутъ я? Развѣ мы только для того и родились, чтобы погулять немножко по свѣту, а потомъ превратиться въ пыль? Чертъ возьми, я на это не согласенъ! А вы?

Дуня молчала. Онъ опустилъ голову и посмотрѣлъ на нее.

— А чудные мы люди... то есть, русскіе люди вообще. Любимъ въ небеса устремляться, а что на землѣ, того не видимъ. Звѣздочеты какіе-то... Ну, да всѣхъ звѣздъ не пересчитаешь... давайте лучше познакомимся.

Дуня нерѣшительно прикоснулась къ его большой, костлявой и, какъ ей показалось, очень горячей рукѣ.

— Меня зовутъ Дмитрій... Дмитрій Иванычъ Ермолаевъ. А васъ Дуня, т. е. Авдотья Федоровна. Я вѣдь васъ давно знаю.

— Знаете? —съ недовѣрчивымъ удивленіемъ спросила Дуня.

— Да. Вы вѣдь въ Избищахъ жили, у Кипарисовыхъ, а я тамъ бывалъ. Вы меня, конечно, не помните, а я васъ

помню. Маленькая такая дѣвочка была, глаза большущіе, и все, бывало, по угламъ прячется, какъ звѣрушка. Васъ попъ Владиміръ тогда романисткой называлъ, помните?

— Помню...—нехотя отвѣчала Дуня и вдругъ заторопилась уходить.—Прощайте... Холодно.

— Да, морозъ здоровый! А что же, вы и теперь романами увлекаетесь?

Дуня ничего не отвѣтила и ушла. „Вотъ еще какой!—съ досадой думала она.—Очень мнѣ нужно его знакомство"... Она почему-то вспомнила ухаживанья пьяныхъ отцовскихъ пріятелей и съ отвращеніемъ передернула плечами.—„Пожалуй, и этотъ еще приставать будетъ"...

Дуня стала избѣгать новаго конторщика. Но, когда живешь въ одномъ домѣ, трудно сдѣлать такъ, чтобы не встрѣчаться, и скоро они опять встрѣтились.

— А вы, Авдотья Федоровна, такая же звѣрушка, какъ и были!—безъ всякихъ предисловій сказалъ Ермолаевъ.—Почему вы бѣгаете отъ людей? Презираете ихъ или боитесь?

Дуня вспыхнула и возразила гордо:

— Я никого не боюсь!

— Ого-го-го, здорово сказано!—воскликнулъ Ермолаевъ.—Что же, стало быть, презираете?

Они пристально посмотрѣли другъ на друга, точно желая помѣряться силами, и только теперь Дуня хорошо разсмотрѣла новаго конторщика. Онъ былъ худой, жилистый, весь составленный изъ какихъ-то узловъ, которые непрерывно двигались у него подъ одеждой, какъ кольца ползущей змѣи. Лицо странное, ни молодое—ни старое,—могло быть ему и 25 лѣтъ, могло быть и 40, но видно было, что жизнь порядочно таки потрепала этого человѣка. На впалыхъ, обвѣтренныхъ щекахъ прорѣзались глубокія морщины; тонкія губы непріятно подергивались; въ глазахъ свѣтился безпокойный, лихорадочный блескъ. И, когда Дуня вглядѣлась въ эти глаза, ей стало стыдно, что она думала о Ермолаевѣ такъ же, какъ о другихъ мужчинахъ. Она хорошо знала эти особенные мужскіе взгляды. А Ермолаевъ смотрѣлъ на нее и, казалось, не видѣлъ, занятый какой-то своей тревожной мыслью, которая сжигала ему душу. Отъ этого Дуня смутилась и не сразу отвѣтила на вопросъ. Ермолаевъ повторилъ его нетерпѣливо и настойчиво, кривя губы и покусывая рыжеватые усы.

— Нѣтъ, я не презираю людей,—отвѣтила, наконецъ, Дуня.—Я ихъ просто... не люблю.

— Свирѣпо! За что же это вы ихъ не любите, позвольте узнать?

— А за что ихъ любить?—вмѣсто отвѣта спросила Дуня.

Ермолаевъ какъ-то внезапно и отрывисто засмѣялся, сверкнувъ бѣлыми зубами, такъ же внезапно замолчалъ и удивленно посмотрѣлъ на Дуню своими безпокойными глазами.

— Вотъ исторія-то, чертъ возьми, а вѣдь я и самъ не знаю, за что ихъ любить!

— И все-таки любите?

— И все-таки люблю. Ругаюсь, злюсь, иногда презираю, а люблю. Чертовщина!.. Но обо мнѣ—это не важно, а вотъ вы меня прямо огорошили. Вѣдь совсѣмъ еще дите, небось, кромѣ папы и мамы никого и не видала, и вдругъ: „не люблю людей"... Вы это, грѣшнымъ дѣломъ, не въ романѣ ли какомъ вычитали?

— Ну, и пусть вычитала...

— Ага, разсердилась! По глазамъ вижу, думаетъ: „и чего присталъ, хоть отвязался бы поскорѣй"... Да постойте, постойте, куда же вы? Сейчасъ отвяжусь. Хотите, книжечку вамъ дамъ одну? Занятная!

И прежде, чѣмъ Дуня успѣла отвѣтить, Ермолаевъ торопливо сбѣгалъ въ контору,—все онъ дѣлалъ торопливо!— и принесъ оттуда зачитанную, затрепанную желтую книжку: „Такъ говоритъ Заратустра".

— Да зачѣмъ это мнѣ?—сказала Дуня, подозрительно вглядываясь въ странное заглавіе книги.—Можетъ быть, это какая-нибудь... гадкая!

— Фу ты, какая вы!.. Вотъ и видно, что романовъ начиталась, оттого и люди какими-то чудищами кажутся. Нѣтъ, Авдотья Федоровна, не видали вы еще настоящихъ чудищъ... А книжечку все-таки возьмите, почитайте,—любопытно, что вы о ней скажете!

4.

Книжка Дунѣ не понравилась, она ничего не поняла. Злилась, упорно сидѣла надъ каждой строчкой, стараясь вникнуть въ ея смыслъ, и все-таки не понимала. Едва-едва дотянула до половины, бросила; стыдно было сознаться, что не дочитала, но и лгать не хотѣлось, и, возвращая книгу, Дуня хмуро заявила:

— Вы мнѣ такихъ книжекъ не давайте, я ихъ не понимаю. Я вѣдь простая... необразованная!

— Вотъ тебѣ и разъ!—воскликнулъ Ермолаевъ, разсмѣявшись своимъ внезапнымъ смѣхомъ. — А я-то, вы думаете, образованный? Тоже, матушка моя, цѣлина нераспаханная: что вѣтромъ нанесло, то и взошло, а настоящаго посѣва не было. Три класса реальнаго прошелъ, да бухгал-

терскіе курсы два года слушалъ, только и всего. А Заратустру все-таки читалъ!

— И все поняли?

— Нѣтъ, не все,—откровенно сознался Ермолаевъ.—Есть такія мѣста, будто въ дремучемъ лѣсу бродишь. Ну, а то, что понялъ,—это мнѣ къ душѣ пришлось. Мои мысли онъ мнѣ разъяснилъ... вотъ за что я эту книжечку и возлюбилъ.

— Какія мысли?

— А вотъ объ этихъ старыхъ скрижаляхъ-то, которыя надо разбить... да что же вамъ разсказывать, когда вы не поняли!

— И понимать нечего,—сказала Дуня упрямо.—Скучная книга... совсѣмъ не интересно.

— А что же вамъ интересно, хотѣлъ бы я знать?

— Какъ люди живутъ, вотъ что... Вообще жизнь.

— Странно... Людей не любите, а ихняя жизнь васъ интересуетъ. Ну, я наоборотъ: людей люблю, а какъ они живутъ, до смерти ненавижу... Съ огромнѣйшимъ удовольствіемъ перевернулъ бы всю эту труху кверху тормашками.

— Ну, хорошо, а вмѣсто трухи-то что бы вы сдѣлали?

— Что? А вотъ постойте, я вамъ другую книжечку дамъ...

Онъ опять побѣжалъ къ себѣ и принесъ не одну, а двѣ въ кроваво-красныхъ обложкахъ.—„Что онъ меня учить, что ли, собирается?—съ досадой подумала Дуня.—Должно быть, совсѣмъ за дурочку считаетъ"... Однако просидѣла надъ ними цѣлый вечеръ и дочитала до конца. Эти она поняла, но онѣ ей тоже не понравились.

— Все людей хотите передѣлывать!—сказала она Ермолаеву.—Ничего изъ этого не выйдетъ, какіе были, такіе и останутся.

— Такъ-съ! Вы, Авдотья Федоровна, тоже въ своемъ родѣ Заратустра,—сказала, какъ припечатала.

Дуня вспыхнула; ей показалось, что онъ надъ ней смѣется.

— Ничего я не припечатываю, говорю, что думаю. Можетъ, я и не понимаю, а только мнѣ кажется—никогда этого не будетъ, что въ вашихъ книжкахъ написано.

— Почему-съ? — возбужденно спросилъ Ермолаевъ и губы у него задергались

— Не похоже на правду... точно сказка такая-то. На словахъ все очень хорошо выходитъ—и свобода, и общій трудъ, и войны прекратятся,—ну, а какъ это сдѣлать?

— Вопросъ въ самую точку!.. Ну-съ, а я вамъ отвѣчу. Освободиться надо, Авдотья Федоровна, прежде всего освободиться!..

— Отъ чего?

— А вотъ отъ этихъ самыхъ скрижалей!—съ жаромъ закричалъ Ермолаевъ, самъ захваченный вихремъ безпокойныхъ мыслей, отъ которыхъ нездоровымъ огнемъ горѣли его глаза.—Отъ всѣхъ старыхъ порядковъ и законовъ и всякихъ страховъ, а пуще всего надо свое собственное нутро перетряхнуть и вышвырнуть оттуда протухлый хламъ! Вотъ, когда это будетъ,—все пойдетъ по другому! Новые люди, свободные люди устроютъ и жизнь новую, свободную! Только разбейте скрижали!..

— Не будетъ такихъ людей,—сказала Дуня.—Откуда они возьмутся?

Ермолаевъ посмотрѣлъ на нее воспаленнымъ невидящимъ взглядомъ и послѣ короткаго взрыва смѣха продолжалъ:

— Откуда? А если я вамъ скажу, что они уже есть... Ага? Не вѣрите? А есть! Ихъ покуда еще немного, да вѣдь и Москва, говорятъ, отъ копеечной свѣчки сгорѣла! Вотъ и эти книжечки, которыя вы читали, такая же свѣчечка. Горитъ себѣ потихонечку, да полегонечку гдѣ-нибудь въ темномъ уголку, а тамъ, глядишь, все дальше да больше,— и загорѣлось со всѣхъ четырехъ концовъ!.. Х-ха-ха! Вотъ съ чего и надо начинать, Авдотья Федоровна,—запалить эдакое грандіозное пожарище, а, когда все старье превратится въ прахъ и пепелъ, тутъ-то и строить новые города!..

Дуня хотѣла было возразить, но раздумала и молча ушла. Что-то новое открылось ей сегодня въ Ермолаевѣ, точно человѣкъ вдругъ снялъ маску и подъ нею оказалось совсѣмъ другое лицо. И, когда слѣдующимъ вечеромъ они снова встрѣтились на крыльцѣ, Дуня такъ настороженно себя держала и съ такимъ напряженнымъ ожиданіемъ вглядывалась въ Ермолаева, что это бросилось ему въ глаза.

— Что это вы нынче на меня такъ смотрите?—спросилъ онъ.

— Какъ?—сказала Дуня и въ то же время подумала: „не видитъ, а все замѣчаетъ,—охъ, какой"!..

— Да чудно какъ-то... будто я волкъ и укусить васъ собираюсь.

— А почемъ я знаю, можетъ, вы и волкъ!.. Какъ въ „Красной Шапочкѣ"—надѣлъ чепецъ и притворился бабушкой...

Ермолаевъ захохоталъ и сейчасъ же началъ разсказывать какой-то смѣшной охотничій случай про волка, попавшаго въ капканъ. И Дуня опять подумала, что это онъ нарочно, просто притворяется, а у самого на умѣ копеечная свѣчка, отъ которой должна загорѣться земля.

— Ну что, Душатка, видала, новый конторщикъ-то у

меня какой?—спросилъ Федоръ Степанычъ недѣли двѣ спустя послѣ пріѣзда Ермолаева.—Чудной парень, а ничего, дѣло понимаетъ въ акуратѣ и мужикамъ полюбился. Они говорятъ: „Откуда ты, Степанычъ, эдакого жигилястаго досталъ? То ли онъ благой, то ли кудесникъ, не поймешь, а душа у него праведная"!—Ужь и вправду кудесникъ, это они вѣрно! Водки не пьетъ, мясного не вкушаетъ; чемоданишко привезъ, а тамъ у него окромя книжекъ ничего нѣту. Сроду такого чудака не видалъ!

Дуня промолчала. Она не привыкла откровенничать съ отцомъ, но, еслибы хотѣла и умѣла съ нимъ говорить, то сказала бы, что новый конторщикъ не чудакъ, а кто-то пострашнѣе. Кто?—она сама не знала, но, когда въ призрачной мглѣ зимнихъ сумерекъ видѣла длинную, темную фигуру, тяжело шагающую по хуторскимъ тропинкамъ, ей думалось, что не однѣ красныя книжечки таскаетъ этотъ человѣкъ въ своемъ старомъ чемоданѣ.

5.

До Рождества оставалось три дня, хуторъ оживленно готовился къ празднику. Рѣзали кабановъ и палили ихъ за старой кузней у рѣчки; Лимпіядушка ходила съ засученными рукавами, вся въ мукѣ и въ крови,—пекла пироги и дѣлала колбасы; работникъ Ларька ѣздилъ въ Избищи и привезъ оттуда множество кульковъ съ закусками, ящикъ пива и ведро водки. Дуня съ отвращеніемъ и тоской слѣдила за этими привычными приготовленіями. Все то же и какъ всегда... обжорство, пьянство, дикій разгулъ... Противно было слушать разговоры отца съ Лимпіядушкой о гостяхъ, о томъ что варить и жарить, какія закуски когда подавать. Тошнило отъ запаха сырой свинины, которымъ былъ пропитанъ весь домъ. И Дуня старалась уходить отъ всего этого куданибудь подальше. Шла по дорогѣ къ Избищамъ, сворачивала внизъ по тропинкѣ въ Волчій Буеракъ, гдѣ росла жиденькая дубовая роща, и бродила по бѣлымъ сугробамъ исчерченнымъ узорами заячьихъ слѣдовъ. Тамъ было тихо и немножко грустно, какъ на кладбищѣ. И думалось о смерти такъ просто и такъ безскорбно, точно о сладкомъ и желанномъ снѣ.

Разъ Дунѣ помѣшалъ Ермолаевъ. Онъ вынырнулъ изъ-за деревьевъ такъ неожиданно, что удивилъ Дуню и самъ остановился удивленный.

— Авдотья Федоровна? Это вы или вашъ призракъ? Вотъ не думалъ васъ встрѣтить въ Волчьемъ Буеракѣ.

— Почему? Я часто здѣсь бываю

— Однако вы безстрашная! А вдругъ волкъ?

— Какой волкъ? Ихъ здѣсь давно нѣтъ, овчары распугали.

— Ну, двуногій волкъ... вродѣ меня! Вы — Красная Шапочка, а я волкъ въ бабушкиномъ чепцѣ... сами же говорили намедни. Возьму вотъ сейчасъ—амъ!—и слопаю васъ. Что, страшно?

— Нѣтъ...—сказала Дуня, а сама по привычкѣ насторожилась, готовая дать отпоръ, еслибы онъ вдругъ вздумалъ проявить свое мужское естество.

Но Ермолаевъ даже не смотрѣлъ на нее. Онъ вынулъ изъ бокового кармана револьверъ, осмотрѣлъ его и, пристально нацѣлившись, выстрѣлилъ въ верхушку молодого дубка. Пуля ударилась въ сучокъ и онъ съ легкимъ трескомъ свалился на снѣгъ. Ермолаевъ съ довольнымъ видомъ отшвырнулъ его ногой.

— Еще не разучился, а давно ужь не стрѣлялъ! Ну, а вы, храбрая дѣвица, умѣете стрѣлять?

— Умѣю... только я изъ ружья. Изъ револьвора никогда не стрѣляла.

— Такъ это еще легче!—воскликнулъ Ермолаевъ.—А ну, попробуйте... Это браунингъ: я вамъ сейчасъ объясню, какъ надо съ этой штукой обращаться...

Съ своей обычной стремительностью онъ показалъ ей, какъ нужно вкладывать обойму, какъ ставить на feu, и Дуня, вся раскраснѣвшись, съ страшно серьезнымъ лицомъ и нахмуренными бровями, тоже нацѣлилась въ сучокъ и тоже сбила его съ дерева. Ермолаевъ заставилъ ее повторить еще и еще разъ и, когда Дуня дѣлала промахъ, онъ огорчался, а, когда попадала, радовался, какъ мальчишка, и бѣгалъ смотрѣть, куда засѣла пуля.

— Великолѣпно! — восклицалъ онъ. Вы молодчина! И какая чертовски твердая рука! Вамъ непремѣнно надо практиковаться. Вотъ погодите, получу жалованье, куплю патроновъ и будемъ вмѣстѣ стрѣлять.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Они пошли вмѣстѣ, какъ добрые товарищи, и на ходу Ермолаевъ разсказывалъ Дунѣ разные случаи изъ своей жизни. Разсказывалъ онъ отрывисто и безсвязно, но въ этихъ разорванныхъ кусочкахъ передъ Дуней мелькали такія яркія, иногда смѣшныя, иногда трагическія картинки, что она заслушалась и то, чего онъ не досказывалъ, дополняла собственнымъ воображеніемъ. Никогда еще она не встрѣчала человѣка, который бы такъ много видѣлъ и пережилъ, и вдругъ у нея мелькнула неожиданная мысль, что ея собственная жизнь стала гораздо интереснѣе и полнѣе съ тѣхъ поръ, какъ на хуторѣ появился Ермолаевъ.

Солнце сѣло въ разметавшіяся волны облачнаго моря и на лиловой грани снѣжныхъ полей кроваво пламенѣла узкая черта зари. Все было красно-золотое: крыши подъ снѣгомъ, окна домовъ, оголенныя верхушки сада, надъ которымъ носились и гамѣли чѣмъ-то озабоченныя вороны. Отъ рѣчки все еще тянуло запахомъ паленой щетины и жаренаго мяса. Громко разговаривая и смѣясь, двое работниковъ протащили на плечахъ освѣжеваннаго барана; капли еще теплой крови рубинами падали въ снѣгъ, вытапливая въ немъ кругло-красныя ямки. Дуня, березгливо морщась, обошла эти кровавые слѣды.

— Охъ, ненавижу праздники!..

— Красиваго мало! — согласился Ермолаевъ, съ страннымъ любопытствомъ всматриваясь въ окровавленный снѣгъ. —Вотъ ужь не понимаю этого удовольствія въ жратвѣ! А что, Авдотья Федоровна, вѣдь вамъ здѣсь очень тяжело, а?

Дуня не отвѣтила. И что тутъ говорить, когда и такъ видно?

— Да, скверно у васъ тутъ,—продолжалъ Ермолаевъ съ грубоватой откровенностью. — Утробой живутъ люди, а не душой, вамъ это совсѣмъ неподходяще. Давно батька-то пьетъ?

Дуня вспыхнула, какъ всегда, когда при ней говорили объ отцовскихъ слабостяхъ. Но почему-то она нисколько не обидѣлась на Ермолаева и тихо сказала:

— Да... ужь давно...

— А вѣдь хорошій старикъ, жалко! И съ чего это онъ?

— Не знаю. И при мамѣ еще пилъ. Я тогда маленькая была, не понимала, а теперь думаю, что отъ этого и мама умерла.

— Ну, вотъ... А вы живете! Вамъ непремѣнно надо отсюда уйти.

— А куда я уйду?—угрюмо спросила Дуня.

— Ну, вотъ, мало вамъ мѣста на свѣтѣ! Куда вашъ братъ—дѣвицы—уходятъ? Въ учительницы, напримѣръ!

— Хороша учительница — неучъ! Сама ничего не знаю, какъ же я другихъ учить буду? Только ребятишекъ всѣхъ переколочу отъ злости, что сама дура, вотъ и ученье мое... Нѣтъ, ужь куда мнѣ въ учительницы, не гожусь я на это.

— А какъ же другія-то учатъ? Лучше васъ что ли?

— Другія? Навидалась я этихъ другихъ, когда у Кипарисовыхъ жила... Пріѣдутъ изъ села злющія, жалуются, ругаются. Ребятишки проклятые, и школа проклятая, и жизнь проклятая, — только и слышишь! И одно на умѣ: поскорѣе бы замужъ выйти... Не хочу я такъ! Это ужь лучше въ горничныя поступить.

— Такъ-съ... Все это, пожалуй, вѣрно. Ну, а что же вы будете дѣлать, если, случаемъ, батька-то помретъ?

— А я почемъ знаю? Что будетъ, то и будетъ...

— Эхъ!..—вздохнулъ Ермолаевъ, ожесточенно дергая и кусая свои и безъ того обгрызенные усы.—А какія дѣла-то бываютъ на свѣтѣ, Авдотья Федоровна... жизнь можно отдать—и не жалко!

— Какія же это?—рѣзко спросила Дуня и повернулась къ Ермолаеву.

Онъ взглянулъ на нее... что-то бродило и вспыхивало въ глубинѣ его зрачковъ. Но ничего не отвѣтилъ на Дунинъ вопросъ и у крыльца они молча разошлись.

Поздно вечеромъ, когда Дуня уже собиралась ложиться, къ ней въ стѣну постучались изъ конторы и густой голосъ тихо прогудѣлъ:

— Это я, Авдотья Федоровна, не испугайтесь... Слышу, вы еще не спите, и захотѣлось одно слово сказать. Можно?

— Ну, говорите...

— Экая вы молодчина!.. Знаете, я васъ только нынче какъ слѣдуетъ разсмотрѣлъ. Думалъ: такъ себѣ барышня, сидитъ у окошечка, кружевца вяжетъ, романы почитываетъ...

— Да я такая и есть.

— Э, нѣтъ, не то! Посмотрѣлъ я на васъ давеча въ лѣсу... нѣтъ въ васъ этихъ бабьихъ фокусовъ! И рука твердая... У кого твердая рука, значитъ, и душа твердая. Эхъ, жалко, вы не мужчина, надѣлали бы мы съ вами дѣловъ!

Дуня промолчала и потушила лампу. Разговоръ прекратился. Скоро и въ конторѣ погасъ огонь. Спали тамъ или не спали, Дуня не знала, но сама долго ворочалась въ постели, — не то думала, не то грезила на яву. Видѣлись ей бѣлые сугробы Волчьяго Буерака, падающіе подъ выстрѣлами сучья, красныя брызги на розовомъ снѣгу и безпокойные глаза, зовущіе куда-то. Но куда?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1.

Наступили угарные, пьяные праздничные дни. Уже съ утра въ домъ начали являться хуторскіе служащіе, напускали холоду, конфузливо поздравляли хозяевъ съ праздничкомъ Рождества Христова и жадно выпивали по стакану водки, которую собственноручно подносилъ имъ Федоръ Степанычъ. Обѣдъ прошелъ еще довольно трезво, хотя и у отца, и у Лимпіядушки побагровѣли щеки и посоловѣли глаза, но къ вечеру Дуня изъ окна своей комнаты съ стѣсненнымъ сердцемъ увидѣла чернѣющія на дорогѣ огромныя розвальни, запряженныя гусемъ. Пріѣхали всегдашніе отцовы собутыльники и закадыки: фельдшеръ Горюновъ и землемѣръ Фикулаевъ. Горюнова Дуня еще терпѣла, но землемѣра ненавидѣла всей душой съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ однажды, когда она была совсѣмъ дѣвочкой, поймалъ ее въ темныхъ сѣняхъ и сталъ нашептывать что-то до того стыдное и отвратительное, что она до смерти перепугалась и подняла крикъ на весь домъ. Послѣ этого случая Фикулаевъ долго не показывался на хуторѣ... а потомъ они съ отцомъ гдѣ-то встрѣтились, выпили, помирились и онъ опять сталъ постояннымъ гостемъ и закадыкой.

Съ ихъ пріѣздомъ домъ наполнился шумомъ, смѣхомъ, хриплыми голосами, пьяною суматохой. Звенѣла и гремѣла посуда, протащили огромный ведерный самоваръ, Лимпіядушка съ игривыми взвизгиваньями летала по комнатамъ, запирала и отпирала шкафы, готовила закуску. Вслѣдъ ей неслись пряныя любезности и привѣтствія.

— Лимпіядушка, милая усладушка!..—слышался хрипучій голосъ Фикулаева.—Какъ поживаешь, кого прижимаешь, съ кѣмъ ночку коротаешь?

— Ой, да не балуйте!—кокетливо хихикала Лимпіядушка, шурша новымъ ситцевымъ платьемъ мимо Дуниной комнаты.—Скажу вотъ Федоръ Степанычу, онъ те руки-то окоротитъ. Длинны больно отростилъ!..

— Ну-ну-ну, экая какая прынцесса Винтембергская! Слушай ка... а барышня Дуня гдѣ? Дома?

— „Какъ онъ смѣетъ, какъ смѣетъ про меня спрашивать“!—вся пылая отъ негодованія, шептала Дуня, притаившись у себя въ комнатѣ.

Затренькала гитара; игралъ Горюновъ и игралъ очень недурно, съ большимъ чувствомъ. Иногда подпѣвалъ тоненькимъ, бабьимъ голоскомъ и пѣсни у него были все груст-

ныя, съ надрывомъ и слезой. „Ужь ты, матушка моя родима, почто на горе меня родила“...

— Брось, брось, Горюша, брось!..—хрипѣлъ Фикулаевъ.— Ну что ты какое-то надгробное рыданіе завелъ? Успѣемъ еще наслушаться, когда отпѣвать будутъ. Сыграй-ка лучше веселую, цыганскую, съ дребезгомъ, съ порохомъ и дробью,— ну!

И, неуклюже топоча каблуками, задѣвая стулья, онъ захохоталъ и запѣлъ:

Ой, чигирики-чики-чигири,
Да комарики-мухи-комари!..

За окошками въ мягкой синевѣ сумерекъ прогремѣли бубенцы, Лимпіядушка промчалась, крича:

— Федоръ Степанычъ, съ завода пріѣхали, встрѣчайте!

Въ переднюю ввалились новые гости. Были уже пьяны, и потому особенно шумны и безцеремонны. Обивали снѣгъ съ валенокъ и калошъ, боролись и толкали другъ друга, обмѣниваясь грубыми шутками. Дуня никогда не выходила къ гостямъ, поэтому забывали, что въ домѣ есть молодая дѣвушка, и никто не стѣснялся, всѣ вели себя на распашку, какъ въ холостой компаніи. Въ эти минуты ненависть Дуни къ пьянымъ мужчинамъ, къ Лимпіядушкѣ, даже къ отцу, доходила до того, что хотѣлось сдѣлать что-нибудь ужасное: поджечь домъ или выбѣжать на снѣгъ босикомъ, въ одной рубашкѣ, и кричать, выть, кусаться...

Сегодня ей было не такъ страшно; за стѣной жилъ человѣкъ, непохожій на этихъ разнузданныхъ, безстыдныхъ животныхъ, которыя пили, жрали и плясали на половинѣ отца. И, забравшись съ ногами на кровать, прижавшись къ стѣнѣ, какъ сиротливая птица, Дуня чутко прислушивалась,—не загудитъ ли въ конторѣ густой голосъ съ колокольными переливами... Она знала, что Ермолаева цѣлый день не было дома; Нефедъ говорилъ, что съ утра онъ ушелъ куда-то по дорогѣ къ Лохмотному. Зачѣмъ? Что у него тамъ за дѣла? А, можетъ быть, онъ такой же, какъ всѣ, только прикидывается особеннымъ, и теперь тоже пьянствуетъ въ гостяхъ у какого-нибудь мужика, поетъ скверныя пѣсни и пляшетъ съ лохмотинскими дѣвками. Ахъ, всѣ, всѣ они такіе, и только въ романахъ бываютъ Пьеры Безухіе и Болконскіе... въ жизни ихъ нѣтъ...

Думы ея были прерваны шорохомъ у двери,—она насторожилась. Кто-то царапался тамъ и вертѣлъ дверную ручку во всѣ стороны, пытаясь войти. Ничего изъ этого не выходило; дверь была заперта на два крючка и на ключъ.— „Это Фикулаевъ. Ахъ, противный, ахъ, гадина“!..—проше-

птала Дуня, еще крѣпче прижимаясь къ стѣнкѣ и стараясь не дышать.

— Дунечка! А, Дунечка!.. Божество! Дозвольте хоть глазкомъ глянуть... Хоть пальчикъ ножки поцѣловать... Дунечикъ?... Молчитъ! А вѣдь слышитъ, чувствую, что слышитъ... Цыпочка моя, сердитая какая!..

Поцарапался, ушелъ. Дуня перевела духъ. „Ахъ звѣри, звѣри! И Ермолаевъ еще можетъ вѣрить, что когда-нибудь земля превратится въ рай, а люди будутъ, какъ ангелы"... Она со злостью усмѣхнулась. Нѣтъ, никогда этого не будетъ. Вонъ они... Ревутъ, топаютъ, сквернословятъ, и ничего имъ не нужно, кромѣ водки, ѣды и разврата. Охъ, истребить бы ихъ всѣхъ... какъ Богъ истребилъ Содомъ и Гоморру, — вотъ тогда, можетъ быть, и появятся новые люди. Но вѣдь этого нельзя... и давно молчитъ на своихъ небесахъ грозный, справедливый Богъ... Дуня вздрогнула. Господи, да вѣдь то же самое говорилъ тогда и Ермолаевъ! Запалить землю со всѣхъ четырехъ концовъ и, когда все превратится въ прахъ, строить новые города...

Страшный грохотъ и трескъ снова прервали Дунины мысли. У пирующихъ что-то произошло. Падали стулья, со звономъ разсыпались по полу осколки посуды. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ звуковъ гремѣлъ голосъ отца:

— Какъ ты смѣешь, лысый чертъ, мнѣ эдакія слова говорить? Пріѣхалъ въ мой домъ, мою водку пьешь, мой хлѣбъ-соль ѣшь — и мнѣ же такія подлыя слова? Лимпіядка! Гони его въ шею! А Душатка гдѣ? Отцу родному въ морду плюютъ, а она прячется? Позвать сюда Душатку!..

У Дуни захолонуло сердце. Вотъ—вотъ загремятъ въ дверь кулаки, затрещатъ и разсыплются доски и вся эта буйная орава пьяныхъ звѣрей ворвется къ ней... Господи, Господи, да когда же кончится длинная зимняя ночь, когда кончится эта страшная жизнь!

И вдругъ въ стѣну твердо и отчетливо ударили разъ и другой, и третій.

— Это вы?..

— Я, Авдотья Федоровна. Что это у васъ тамъ? Оргія какая-то?

— Да, да... Всѣ пьяные, дерутся... Какъ я рада, что вы пришли! А вѣдь я думала, вы тоже...

— Запилъ? Покорно васъ благодарю! Нѣтъ, я до этого еще не дошелъ...

Слышно было, какъ онъ смѣялся. И затѣмъ уже серьезно сказалъ:

— Ну, а теперь ложитесь и спите. Я буду васъ карау-

лить. И если какая-нибудь пьяная образина къ вамъ сунется, будьте спокойны, я ее мигомъ отрезвлю...

2.

Оргія продолжалась всю ночь и весь слѣдующій день, а вечеромъ сытые, одурѣвшіе, охрипшіе отъ крику и перепою гости, размѣстились по санямъ и розвальнямъ, захватили съ собой Федора Степаныча и уѣхали. Какъ только смолкли въ снѣгахъ бубенцы ихъ лошадей, Дуня отперла дверь и вышла изъ своего убѣжища. Въ комнатахъ былъ страшный безпорядокъ; на раздвинутыхъ ломберныхъ столахъ валялись измятыя, разорванныя карты, мѣлки, объѣдки; полъ былъ усѣянъ окурками, осколками посуды; въ воздухѣ висѣлъ густой, сизый туманъ и ѣлъ глаза. Дуня все прибрала, отворила форточки и постучалась въ контору. Ермолаевъ пригласилъ ее войти.

— Ну-съ? Кончилось ваше соловецкое сидѣнье? — насмѣшливо спросилъ онъ.

Дуня широкими шагами молча прошлась по конторѣ и жадно дышала. Ермолаевъ, посмѣиваясь, взглянулъ на нее... и смутился. Въ первый разъ за все время жизни на хуторѣ онъ почувствовалъ обаяніе ея красоты.

— Эхъ, какая вы!.. Досадно смотрѣть. Сильная, здоровая... красавица, а сидитъ въ этой трущобѣ съ пьяными идіотами. Стоило, подумаешь, для этого родиться!

— Ну, будетъ!—сердито оборвала его Дуня.—Надоѣло... Вы знаете, я со вчерашняго утра ничего не ѣла. Давайте лучше чай пить и разговаривать о чемъ-нибудь хорошемъ.

Ермолаевъ побѣжалъ въ людскую распорядиться на счетъ самовара и скоро вернулся оттуда обезкураженный.

— Ну, Авдотья Федоровна, съ самоваромъ придется проститься, — сообщилъ онъ. — Тамъ тоже все пьяно, пѣсни, плясъ и ваша Лимпіядушка царица бала. Пойдемте, посмотримъ,—любопытно!

Въ молочной бѣлизнѣ туманной лунной ночи людская съ желтыми огнями въ окнахъ была похожа на глазастое допотопное чудище, распластавшееся на землѣ. Изъ распахнутой настежь двери, точно изъ разинутой пасти, ползли густые клубы пара и вмѣстѣ съ ними неслись дикіе взвизги, ревъ гармоники и дробный топотъ пляшущихъ ногъ. Дуня и Ермолаевъ въ избу не вошли, а остановились въ сѣняхъ у порога. Отсюда имъ хорошо было видно все, что дѣлалось внутри. Прямо противъ нихъ на лавкѣ сидѣлъ парень лѣтъ подъ тридцать съ красивымъ злымъ лицомъ и старательно игралъ на гармоникѣ трепака. Звали его По-

литка; онъ тоже былъ изъ Лохмотнаго и приходился родней Арсюшкѣ Лычагину. Въ работники онъ нанялся только съ осени и уже успѣлъ со всѣми перессориться: такой у него былъ нравъ тяжелый, а кромѣ того Политка считалъ себя выше другихъ, потому что служилъ въ солдатахъ, сражался съ японцами и, по его словамъ, чуть было не получилъ Георгія за храбрость, да ему не дали: „самому генералу напоперекъ пошелъ“!..—разсказывалъ онъ въ людской. Должно быть, вралъ и про Георгія, и про генерала, но и въ этой хвастливости, и въ нестерпимой заносчивости, и въ недобромъ блескѣ глазъ сказывалось глубоко уязвленное самолюбіе,—точно кто-то когда-то больно его обидѣлъ и не можетъ онъ этого забыть и оттого злится на весь свѣтъ. Дунѣ Политка не нравился за его манеру при встрѣчахъ съ ней ухорски, на отлетъ, снимать шапку и какъ-то особенно ухмыляться; этимъ онъ тоже какъ будто хотѣлъ подчеркнуть свою независимость и превосходство надъ всѣми, а между тѣмъ Дуня знала, что онъ такъ же бѣдствуетъ, какъ и всѣ въ Лохмотномъ, и у него тамъ есть жена, грязная, болѣзненная, некрасивая баба, которая въ глухую зимнюю пору ходитъ побираться.

Кромѣ хуторскихъ рабочихъ, въ избѣ толклись еще какіе-то посторонніе люди, вѣроятно, гости и тутъ же торчалъ Арсюшка Лычагинъ, какъ всегда жалкій, обтрепанный, но сегодня пьяненькій и потому веселый. Веселы и пьяны были всѣ, сидѣли по лавкамъ, на печкѣ, даже на полу, красные, потные, галдѣли, курили и подпѣвали въ ладъ гармоникѣ. А плясали двое: Лимпіядушка и овчаренокъ Гаврюшка, нескладный подростокъ съ комической рожицей. Отъ пляски, вина и безсонныхъ ночей Лимпіядушка была въ томъ экстатическомъ состояніи, когда человѣку кажется, что море по колѣна и ни въ чемъ нѣтъ никакого запрета. Точно вѣдьма на Лысой горѣ, высоко подтыкавъ шуршащія юбки, съ безумной улыбкой на толстыхъ красныхъ губахъ, она то кружилась на одномъ мѣстѣ, взмахивая и поводя руками, приговаривая безсмысленныя слова, то съ пронзительнымъ визгомъ безстыдно выпячивала грудь, ударяла себя въ бедра и мчалась по избѣ съ такими извивами всего тѣла, что мужики крякали и говорили: „тьфу ты, окаянная сила“!..

Гаврюшка, наконецъ, не выдержалъ и, вытирая съ лица потъ, конфузливо улыбаясь, отошелъ въ сторону:—„Ну те въ болото, упарился“!..

Политка пересталъ играть и всѣ какъ-то сразу обернулись къ дверямъ, гдѣ стояли Дуня и Ермолаевъ. Галдежъ прекратился, а Политка съ ехидной вѣжливостью сказалъ:

— Что, барышня, интиресно на наше мужицкое веселье поглядѣть?

Дуня нахмурилась и хотѣла было уйти, но Ермолаевъ легонько придержалъ ее за руку и она, сама не понимая какъ, очутилась въ избѣ.

Для нихъ сейчасъ же опростали мѣсто на лавкѣ; мужики переглядывались и, какъ бы ободряя другъ друга, говорили: „Ничего!.. пущай поглядятъ... это Иванычъ, онъ простой... садись, Иванычъ, ничего“!...

Больше всѣхъ суетился Арсюшка Лычагинъ, чему-то радовался и умиленно бормоталъ:

— Барышня Дуня пришла... вонъ какъ? Эхъ, милые вы мои, всѣ мы люди, всѣ человѣки!.. Политка, играй подъ кадрель, барышня послухаетъ!

— „Подъ кадрель“! — передразнилъ его Политка.—Кадрель не хитро сыграть, а кто плясать будетъ? Ты, что-ль?

— Играй! Спляшу!—вдохновенно воскликнулъ Арсюшка и затоптался по избѣ.—Ты думаешь, не могу? Въ полномъ акуратѣ сдѣлаю! Арсюшка да не сдѣлаетъ? Не знаешь ты Арсюшку!.. Я, братъ, отчаянный!..

Мужики такъ и покатились со смѣху: „Вотъ герой-то, ребята... Ахъ ты, вошь кочетиная“!.. Политка пренебрежительно отмахнулся отъ Арсюшки, перебралъ лады и, склонивъ голову къ плечу, играя въ сторону Дуни злыми красивыми глазами, заигралъ: „Послѣдній нонешній денечекъ“. Лимпіядушка топнула на него ногой.

— Засыть! Веселую играй, плясать хочу! Что-й-то расплясалась я ныньче, старики, всея кровушка во мнѣ такъ ходуномъ и ходитъ!.. „И-эхъ да развеселая бесѣдушка“... пронзительно завизжала она.

— Не къ добру...—буркнулъ кто-то изъ дальняго угла.

Лимпіядушка ничего не слышала и не видѣла. Обняла Политку за шею и, навалившись на него всѣмъ тѣломъ, лепетала:

— Сыграй веселую... солдатушка ты мой, желанненькій!.. Уважу!.. и-и-хъ! Во-какъ уважу!.. а на Федьку, стараго пса, начхать я хотѣла!..

Въ избѣ произошло замѣшательство; Политка оскалилъ острые зубы и грубо пихнулъ Лимпіядушку локтемъ въ грудь: „Пшла ты“!.. Арсюшка опять засуетился.

— Дура! Вотъ дура простоволосая! Барышня здѣсь... пришла честно-благородно... уваженіе оказываетъ... а она какія глупости выражаетъ!

— И то дура!.. сочувственно поддакнули мужики.—Налопалась, себя не помнитъ...

Лимпiядушка, ничего не понимая, обвела всѣхъ блуждающимъ взоромъ, увидѣла Ермолаева и засмѣялась.

— А!.. конторщикъ молодой! Иди, я тебя уважу... Всѣхъ уважу... мнѣ не жалко... А ты, Политка, смотри, чертъ ты страшный... я тебѣ не жена толкаться-то! Съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ и гуляю... я вольная! Никого не боюся... Мнѣ Федька что? Тьфу! И никакихъ... А Дуньку-то вашу, змѣищу подколодную, я и вовсе знать не хочу..

Дуня встала съ лавки и властно крикнула:

— Лимпiяда! Самоваръ поставь! Слышишь?

Лимпiядушка сразу отрезвѣла: въ мутныхъ глазахъ ея появились недоумѣнiе и испугъ. И, оправляя поддернутыя юбки, она безтолково заметалась по избѣ.

— Самоваръ? Охъ, батюшки, какъ же это я забыла!.. Сьчасъ... Гаврюшка! Что стоишь, глаза вылупилъ? Сичасъ мнѣ самоваръ ставь!

Дуня и Ермолаевъ вышли. Вслѣдъ имъ изъ людской раскатился неистовый хохотъ, снова заревѣла гармоника и Лимпiядушка затянула „веселую бесѣдушку“.

— Настоящая Мессалина! — сказалъ Ермолаевъ. — Вѣдь бываютъ же такiя бабы дикiя!

— Что это за Мессалина такая?

— Римская императрица была въ старину... тоже баба безпутная. Ну, и вы ныньче, барышня Дуня, характерецъ свой показали. Сразу Мессалину въ чувствiе привели. Я отъ васъ этого не ожидалъ.

— Ну, а что же мнѣ было дѣлать? Дожидаться, когда она спьяну еще какую-нибудь гадость выкинетъ?

— Да вѣдь развѣ я порицаю? Напротивъ... Великолѣпно! Чѣмъ больше васъ узнаю, тѣмъ больше вы мнѣ нравитесь!

— Спасибо! — насмѣшливо поблагодарила Дуня. — А зачѣмъ вы меня туда повели?

— Какъ зачѣмъ? Интересно! Не все вамъ въ терему-то своемъ сидѣть, надо всякихъ людей повидать, на житейскомъ базарѣ потолкаться. А вы вѣдь все въ романахъ витаете, настоящей-то жизни и не нюхали совсѣмъ.

— Какой жизни? Вотъ такой, какъ у насъ? Насмотрѣлась, больше не хочу... А людей, я ужъ вамъ говорила, не люблю, — звѣри они всѣ!

— Ну, ужъ и звѣри! Экая вы злющая! Да неужто вамъ ни одного хорошаго человѣка никогда не встрѣчалось?

Дуня подумала. Вспомнились Кипарисовы, какiе они были прежде и какiе стали теперь... И рѣшительно отвѣтила:

— Совсѣмъ чтобы хорошихъ никогда не видала. Или звѣри, или... мелкiе какiе-то, какъ толкачи на болотѣ. Толкутся туда-сюда, а зачѣмъ толкутся — и сами не знаютъ!

— Толкачи? Великолѣпно!.. Х-ха-ха! Ну, а я, по вашему, кто—звѣрь или толкачъ?

— Вы...—начала Дуня и вдругъ разсердилась.—Да что это вы меня все испытываете? То книжечки, то къ пьянымъ мужикамъ зачѣмъ-то повели, а самъ все притворяется, все притворяется... Почемъ я знаю, кто вы такой?

— Какъ кто? Конторщикъ Дмитрій Иванычъ Ермолаевъ.

— И не конторщикъ вы вовсе! Развѣ я не вижу? У васъ что-то страшное на умѣ... А, можетъ, и нѣтъ ничего, и никакихъ дѣлъ у васъ нѣтъ, и все вы притворяетесь... Ахъ, вотъ тоска-то жить!

Они вошли въ освѣщенную, прибранную столовую и Ермолаевъ сказалъ:

— Барышня Дуня, напрасно вы меня обругали! Я и самъ-то еще на краешкѣ стою, на ту сторону не перепрыгнулъ,— можетъ быть, на этомъ и башку себѣ сломаю. Стало быть, и говорить мнѣ вамъ покуда нечего...

Въ эту минуту Гаврюшка втащилъ кипящій самоваръ и, кривляясь отъ душившаго его смѣха, радостно сообщилъ:

— А у насъ, какъ вы ушли, что бы-ыло! Политка Лимпіяду колошматилъ... Ты, говоритъ, зачѣмъ меня при барышнѣ осрамила! Да на отмашъ ее!

— Какъ онъ смѣетъ драться?—гнѣвно вскрикнула Дуня и вскочила съ мѣста, чтобы побѣжать въ людскую.

— Да ничего, барышня!—успокоилъ ее Гаврюшка.—Они ужь помирились. Водку пьютъ!

3.

Отецъ пріѣхалъ съ завода полумертвый, такъ что кучеръ съ Нефедомъ едва выгрузили его изъ саней и перенесли прямо въ спальню. Цѣлыя сутки онъ спалъ, потомъ цѣлыя сутки стоналъ, охалъ, прикладывалъ къ головѣ капустные листки и нюхалъ тертый хрѣнъ. Наконецъ, пришелъ въ себя и сказалъ Дунѣ тихо и ласково:

— Ты что же, Душатка, къ попадьѣ-то не ѣдешь? Нынче что у насъ? Канунъ новаго года никакъ. Ну, вотъ, какъ разъ у нихъ вечеромъ и елка. Собирайся!

Дунѣ ѣхать не хотѣлось, не въ духѣ она была, да и отъ народа отвыкла и совсѣмъ было рѣшила отказаться. Но отецъ былъ такой добрый и смирный, такими виноватыми глазами на нее смотрѣлъ, что Дуня пожалѣла его огорчать и согласилась.

Передъ отъѣздомъ Ермолаевъ зазвалъ Дуню въ контору и сказалъ:

— Ну, вотъ и отлично, что ѣдете! Будетъ вамъ кваситься-то въ этой мурьѣ, а тамъ встряхнетесь, повидаете всякаго народу. И мнѣ оно кстати. Если, случаемъ, повстрѣчаете у попа одного человѣка, по фамиліи Скафтымовъ, зовутъ Алешей, скажите ему отъ меня одно слово—„орелъ"... Больше ничего.

— Перепрыгнуть собираетесь? — съ усмѣшкой спросила Дуня.

— Ахъ, вы все объ этомъ! Можетъ, и перепрыгнуть...

— А если я не скажу?

— Не скажете, такъ и быть. Только почему?

— Да потому, что не хочу попугаемъ быть. Очень пріятно говорить то, чего не понимаешь.

— Ага... женское любопытство! Барышня Дуня, хоть у васъ и твердая душа, а все-таки вы женщина!

Дуня разсердилась и ушла. Но, когда уже сидѣла въ саняхъ и Ермолаевъ застегивалъ полость, она высунулась изъ воротника отцовской тресковой шубы и прошептала:— „Ну, ужь скажу, что ль"!

Къ Кипарисовымъ Дуня попала въ самый разгаръ приготовленій къ елкѣ и съ непривычки даже растерялась, не зная, куда ей приткнуться и что дѣлать. Въ одной комнатѣ были заперты ребятишки и отъ нетерпѣнія производили тамъ страшный шумъ, ломились въ двери, тузили кулаками по стѣнамъ и безпрестанно спрашивали: — „Скоро ли елка"?— Въ другой готовили столъ для вечерняго чая и ужина и на всѣхъ стульяхъ стояли тарелки съ закусками, бутылки, вазы съ вареньемъ, такъ что нигдѣ нельзя было сѣсть безъ риска попасть въ коробку съ сардинками или въ сливочный кремъ. Елка стояла въ залѣ; ее убирали сама матушка Наталья и ея сестры-епархіалки; онѣ лазили съ табуретки на табуретку и спорили, куда надо повѣсить то или это, а о. Владиміръ ходилъ кругомъ, подавалъ совѣты и гоготалъ на весь домъ.

— А! Романистка пріѣхала!—привѣтствовалъ онъ Дуню.— Фу ты, ну ты, да какъ выросла, да какъ похорошѣла, настоящая графиня Ксавье де Монтепенъ! Мать, смотри-ка!

Попадьѣ смотрѣть было некогда, она наскоро поздоровалась съ Дуней и сейчасъ же заставила ее нанизывать на нитку разсыпанныя бусы. О. Владиміръ къ ней подсѣлъ.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ Митька-то Ермолаевъ, поладилъ съ старикомъ? Пора ему утихомириться,—слава Богу, покуралесилъ на своемъ вѣку!

— А развѣ онъ куралесилъ?—притворившись равнодушной, спросила Дуня.

— Митька-то? О, Господи, да это казнь египетская была! Изъ реальнаго выгнали, въ мореходы поступилъ; турнули и

оттуда, дядя пристроилъ было его по хлѣбной части. А онъ мальчикъ-то не дуракъ, свиснулъ у дяденьки 50 цѣлковыхъ, да и удралъ неизвѣстно куда. А тамъ начались эти забастовки, пошла раздѣлка, глядь, и его, раба Божія, подъ конвоемъ привезли. За что? Молчитъ. Ужь послѣ стороной слыхали, будто онъ въ какомъ-то селѣ республику объявилъ. Хорошо еще, что не повѣсили! Ну, отсидѣлъ онъ сколько-то, теперь ничего. Курсы какіе-то въ Москвѣ прошелъ, стало быть, дѣломъ заняться хочетъ. Дядя до смерти радъ, что къ вамъ его спихнулъ; говоритъ, хоть и остепенился какъ будто, а все души нѣтъ; ну-ка вдругъ опять съ цѣпи сорвется? Шалава-парень, въ башкѣ у него не всѣ дома. Вы, Дунечка, съ нимъ поосторожнѣй... напутляетъ чего-нибудь— и не распутаешь!

Дуня молчала и думала:—„Ужь запуталась... И пускай! Лучше пропаду, чѣмъ весь свой вѣкъ вотъ эдакъ бусинки на нитку нанизывать. Орелъ... Орелъ и рѣшка... И что это еще за Скафтымовъ такой“? Отъ волненія у нея даже щеки разгорѣлись и такъ сердце стучало, что она тревожно оглядывалась, не слышатъ ли и другіе этого стука.

Къ 6 часамъ начали собираться гости. Учительскія жены, дьяконица, сидѣлица винной лавки, старшиниха, писариха и другія почетныя дамы, получившія приглашеніе. Разряженныя по послѣдней избищенской модѣ, онѣ приводили съ собой разряженныхъ дѣтей, вытирали имъ носы, звучно цѣловались съ хозяйкой и чинно разсаживались въ залѣ вокругъ елки. Было нестерпимо скучно; оживились только тогда, когда освѣтили елку и ребятишки съ визгомъ принялись около нея скакать подъ звуки вальса, который бойко отбарабанивала на роялѣ одна изъ епархіалокъ. О. Владиміръ веселился больше дѣтей,—самъ зажигалъ бенгальскія свѣчи, водилъ хороводъ и раздавалъ подарки соотвѣтственно рангу гостей: старшинихѣ получше, а учительскимъ дѣтямъ подешевле. Не обошлось безъ рева, драки и подзатыльниковъ. Сынъ дьяконицы отнялъ лошадку у поповича; тотъ вцѣпился ему въ волосы, ихъ насилу розняли и дьяконица ушла съ елки обиженная, а попадья Наталья, вытирая со лба потъ, жаловалась Дунѣ на некультурность избищенской публики.

— Хлопочешь-хлопочешь, стараешься всѣмъ удовольствіе доставить—и никакой благодарности! Эти дьяконовы дѣти такіе жадные—такъ изъ рукъ и рвутъ; ну, и писариха тоже хороша: залѣзла со всѣми лапами въ вазу и самыя лучшія конфекты своимъ ребятишкамъ по карманамъ напихала!

— Да зачѣмъ вы ихъ зовете, Наталья Павловна?

— Ахъ, Дунечка, нельзя, все народъ нужный, не пригласи, такихъ гадостей надѣлаютъ,—и не радъ будешь!

— Ряженые пришли!—закричала епархіалка въ радостномъ волненіи, влетая въ спальню.

Матушка поспѣшила перемѣнить огорченное выраженіе лица на привѣтливое и побѣжала встрѣчать новыхъ гостей.

4.

Яркіе, пестрые костюмы, смѣшныя маски, притворно-грубые или пискливые голоса разсѣяли кислое настроеніе отъ неудавшейся елки и внесли въ домъ игривый духъ непринужденности, который всегда овладѣваетъ людьми, спрятавшими свои лица подъ масками. Повѣяло былымъ весельемъ; начались танцы, шалости; пищали и топали подковками на красныхъ каблучкахъ двѣ хохлушки; цыганка гремѣла монистами и бубномъ; паяцъ дудѣлъ въ свистульку и рычалъ неизбѣжный медвѣдь, завсегдатай всѣхъ деревенскихъ маскарадовъ. О. Владиміръ обходилъ ряженыхъ, заглядывалъ подъ маски и старался угадать, кто подъ ними скрывается.

— Ну-ка, ну-ка, вотъ сейчасъ разберемъ, кто да кто, а кого угадаю, съ того штрафъ! Фу ты, жасминомъ пахнетъ,—здравствуйте, Лизавета Ивановна, снимайте свою личину, теперь ужъ нечего скрываться. А цыганочку по глазамъ видно, что изъ церковно-приходской школы, — пожалуйте, Марья Власьевна, штрафъ за вами! Ну, а это что за рыцарь печальнаго образа? Э, да не Алеша ли Скафтымовъ? Онъ самый!

Дуня вздрогнула и впилась въ человѣка, съ ногъ до головы закутаннаго въ черную хламиду.—„Орелъ!.. Орелъ!..“ повторила она про себя.

Узнанные ряженые со смѣхомъ снимали съ себя маски, которыя уже надоѣли имъ самимъ. Скафтымовъ сбросилъ свою хламиду и, тихо усмѣхаясь, сѣлъ въ уголку у рояля. Дуня исподтишка за нимъ слѣдила и первое, что бросилось ей въ глаза, была какая-то тихая вкрадчивость, разлитая во всемъ его обликѣ. Тихое, очень красивое бѣлое лицо и глаза тихіе, ласковые, золотисто-каріе, и плавныя движенія маленькой руки, когда онъ поправлялъ свои пышные бѣлокурые волосы, наконецъ, голосъ — пріятный, негромкій, проникающій въ душу, — вотъ онъ былъ какой, этотъ человѣкъ, которому она должна была сказать таинственное слово: „*орелъ*“.

Это было очень трудно сдѣлать, потому что къ нему сейчасъ же подсѣли и обѣ хохлушки, и цыганочка,—хорошень-

кая Марья Власовна, учительница церковно-приходской школы. Дуня догадалась, что Скафтымовъ былъ здѣсь героемъ, львомъ и властителемъ женскихъ сердецъ. Ему заглядывали въ глаза, съ нимъ откровенно заигрывали; у Марьи Власовны горѣли и уши, и щеки, и на лицѣ свѣтилось нѣмое обожаніе, а онъ сидѣлъ тихій и ласковый и всѣмъ одинаково улыбался и говорилъ одинаково пріятныя слова.— „Какой противный!"—думала Дуня, и въ то же время глаза ея невольно тянулись къ нему и съ чувствомъ глухой досады она ловила себя на томъ, что любуется его красотой.

Раскраснѣвшаяся попадья, хлопая въ ладоши, позвала гостей ужинать и проголодавшаяся молодежь съ шумомъ ринулась занимать мѣста. Скафтымовъ не спѣшилъ въ столовую и остался у рояля, просматривая ноты. Дуня подошла къ нему и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказала:

— Ермолаевъ... Дмитрій Иванычъ... Онъ просилъ меня, если васъ увижу... передать вамъ одно слово: „орелъ"...

Тихое спокойствіе на мгновеніе покинуло Скафтымова. Онъ покраснѣлъ, чуть не выронилъ ноты и въ красивыхъ глазахъ его сверкнуло что-то похожее на испугъ. Но быстро справился съ своимъ волненіемъ и, всматриваясь въ Дунино лицо, сухо спросилъ:

— Только это и больше ничего?

— Я ужъ вамъ сказала!—разсердилась вдругъ Дуня, почуявъ въ его вопросѣ и особенно во взглядѣ обидное недовѣріе.—Ничего я больше не знаю...

— Благодарю васъ,—вѣжливо сказалъ Скафтымовъ.— А Ермолаеву прошу передать, что телеграмма послана.

На порогѣ появился о. Владиміръ и загоготалъ:

— Каковъ, онъ ужъ тутъ за Дуночкой ухлыстываетъ? Ахъ, ты донъ-Жуанъ Аррагонскій! Дунечка, не вѣрьте ему, идите лучше пирогъ ѣсть!

> У Владиміра попа
> Больно водка хороша,
> А у Натальи попадьи
> Удалися пироги...

продекламировалъ онъ экспромтъ собственнаго сочиненія.

Дуню и Скафтымова встрѣтило нѣсколько паръ пылающихъ ревностью женскихъ глазъ. У Марьи Власовны дрожали губы, какъ у обиженнаго ребенка. Скафтымовъ сѣлъ рядомъ съ ней; она сразу просіяла и съ торжествомъ посмотрѣла на Дуню. Дунѣ стало смѣшно и досадно. На зло всѣмъ она выпила цѣлую рюмку наливки, ея суровые глаза заискрились, языкъ развязался, и два-три язвительно-мѣткихъ словца обратили на нее общее вниманіе. Какой-то прыщеватый юноша въ красномъ галстухѣ смотрѣлъ ей въ

глаза влюбленнымъ взоромъ и отъ нѣжнаго волненія залилъ всю скатерть пивомъ. Подвыпившій о. Владиміръ безпрестанно лѣзъ къ ней чокаться и черезъ столъ кричалъ матушкѣ Натальѣ:

— Какова наша Дуняша-то, а? Ядъ, а не дѣвица! А помнишь, мать, какъ она по ночамъ насъ будила? Бывало, сидитъ и реветъ на весь домъ.—„Дунечка, что ты?"—Какого-то Жана Вальжана на каторгу сослали. А его и на свѣтѣ никогда не было, Жана-то этого, сочинитель выдумалъ...

— Господа, часы бьютъ, новый годъ, новый годъ!..—завизжали епархіалки.

О. Владиміръ торжественно разлилъ по бокаламъ донскую шипучку и начались тосты. Выпили за милыхъ хозяевъ и другъ за друга, за хорошій урожай и мирное житіе (провозгласилъ о. Владиміръ), наконецъ, за молодежь и за влюбленныхъ (придумалъ долговязый семинаристъ, неравнодушный къ одной изъ хохлушекъ). Послѣ этого всѣ вдругъ какъ-то размякли: гости—отъ признательности къ хозяевамъ за вкусную ѣду и за веселый вечеръ; хозяева—отъ сознанія своего радушія и гостепріимства. У всѣхъ были сытыя, довольныя лица; молодежь ворковала; барышни разнѣженно хихикали. Марья Власьевна не сводила глазъ со Скафтымова, а онъ, вкрадчивый и улыбающійся, принималъ ея поклоненіе съ такимъ видомъ, какъ будто думалъ про себя: „да, я хорошъ, и ничего не имѣю противъ, чтобы вы всѣ на меня любовались"...

Дунѣ почему-то вспомнился Ермолаевъ и въ голову пришла шальная мысль,—бросить всѣмъ какую-нибудь рѣзкость, которая нарушила бы это сытое довольство и вызвала смущеніе и тревогу. Она встала и громко заявила:

— Я тоже хочу сказать тостъ!..

— А ну-ка, ну-ка, послушаемъ!—оживился о. Владиміръ, которому втайнѣ уже хотѣлось спать.—Любопытно, что графиня Ксавье де-Монтепенъ придумала! „Слушайте, слушайте!"—какъ говорятъ въ парламентахъ...

Всѣ уставились на Дуню. У нея похолодѣло сердце. И, смутившись, она произнесла уже не такъ увѣреннно и громко:

— За людей... разбивающихъ скрижали!..

На минуту въ комнатѣ повисло тяжелое молчаніе. Потомъ барышни завозились и захихикали; Скафтымовъ метнулъ на Дуню удивленный и, какъ ей показалось, враждебный взглядъ; только прыщеватый юноша ни съ того, ни съ сего дико взревѣлъ: „браво!"—и опять пролилъ стаканъ пива на скатерть. А о. Владиміръ вышелъ изъ-за стола и, скрывая зѣвоту, недовольно сказалъ:

— Ну, это, Дунечка, вы опять изъ какого-то романа вычитали. Что это за скрижали такія? И причемъ тутъ скрижали? Непонятно!.. Я думалъ, она веселенькое что-нибудь скажетъ,—и вдругъ скрижали! О такихъ священныхъ предметахъ за выпивкой даже и упоминать-то неудобіе...

Вернулись въ залу и долговязый семинаристъ чудеснымъ баритономъ, совершенно неожиданнымъ въ такомъ нескладномъ тѣлѣ, запѣлъ:

Выпьемъ за радость
Юной любви,
Вѣдь скроется младость,
Друзья мои...

И голосъ этотъ, молодой, звенящій, и широкій мотивъ, въ которомъ странно сливались удаль и грусть, и самыя слова опалили Дунино сердце жгучей тоской. Особенно больно почувствовала она въ этотъ мигъ, что ея-то собственная молодость отцвѣтаетъ одиноко и грустно, безъ любви, безъ радости, что скоро отцвѣтетъ совсѣмъ... и нечѣмъ будетъ ее помянуть...

Пѣсню допѣли, Наталья Павловна заиграла было вальсъ, но никому уже больше не танцовалось и не пѣлось. Стали собираться по домамъ, прощались, надѣвали свои маски. Скафтымовъ опять завернулся въ хламиду и сталъ похожъ на черное привидѣніе съ таинственно сверкающими сквозь прорѣзы домино глазами. Когда ряженые были уже въ передней, онъ вернулся въ залу и быстро подошелъ къ Дунѣ.

— Не мечите бисера передъ свиньями,—сказалъ онъ совсѣмъ не такимъ елейнымъ тономъ, какимъ давеча разговаривалъ съ барышнями. — Имъ это безполезно, а вамъ не нужно, — зачѣмъ же говорить ненужныя слова? Запомните лучше хорошенько, что телеграмма послана...

Съ этими словами онъ вышелъ такъ стремительно, что Дуня не успѣла ничего возразить. Да и что она могла возразить? Онъ былъ правъ. Уязвленная и растерянная Дуня тупо смотрѣла ему вслѣдъ. И образъ Скафтымова странно раздвоился въ ея сознаніи, точно передъ нею въ одинъ вечеръ прошли два совершенно разныхъ человѣка. Одинъ — обыкновенный провинціальный франтикъ и сердцеѣдъ, кокетливый и сладкій; другой—темный, весь скрытый, съ загадочнымъ блескомъ въ глазахъ и властнымъ голосомъ. Который же настоящій?

5.

Дуня прогостила у Кипарисовыхъ до Крещенья и возвратилась на хуторъ злая, растревоженная, недовольная всѣми и особенно собой. Воспоминаніе о томъ, какъ она

глупо выскочила съ этими скрижаляли и какъ отчиталъ ее ломака-Скафтымовъ, ни на минуту не покидало ее, она вся горѣла отъ стыда и досады и сама на себя удивлялась, какъ могла допустить, что именно съ ней случилась такая пошлость. Глодала и еще одна тайная, стыдная мысль, что, не будь Скафтымова, не было бы и ея нелѣпой выходки... просто захотѣлось ей отличиться передъ нимъ и показать, что она не такая, какъ всѣ. А сама такая же: увидѣла красиваго франтика и растаяла вродѣ этой противной Марьи Власовны... Ахъ, дура, дура!

Дома ее ждали новыя непріятности. Послѣ ея отъѣзда отецъ опять запилъ, приревновалъ Лимпіядушку къ Политкѣ, ее избилъ, а Политку прогналъ съ хутора. Все это испуганнымъ шопотомъ разсказала Дунѣ людская кухарка, Агафья, которая подавала обѣдъ. Сама Лимпіядушка не показывалась,—вся обвязанная тряпками, лежала въ людской на печи и стонала. Поэтому отецъ былъ злой и угрюмый, Дуню встрѣтилъ неласково и послѣ обѣда сейчасъ же ушелъ въ спальню. И Дуня какъ-то особенно болѣзненно почувствовала сегодня, что дольше такъ жить нельзя... Противно было все: и этотъ большой холодный домъ на юру среди полей, и грязная, пьяная жизнь отца, и сама она,—жалкая, необразованная, никому не нужная барышня Дуня. Лучше умереть... но не такъ, какъ умерла бѣдная мать, — тихо и незамѣтно, а сдѣлать передъ смертью что-нибудь безумно-смѣлое, каждой жилкой, каждой кровинкой восчувствовать прелесть жизни, и потомъ уже исчезнуть.

Дуня прошла къ себѣ и тихонько постучала въ стѣну. Ермолаевъ такъ быстро вскочилъ, что опрокинулъ стулъ.

— Это вы? Ну, что? Батька спитъ? Такъ идите сюда, что это мы точно въ тюрьмѣ перестукиваемся!

Войдя въ контору, Дуня остановилась изумленная. Ермолаевъ досталъ гдѣ-то еловыхъ вѣтокъ и разукрасилъ ими всѣ стѣны. Отъ этого мрачная, неуютная комната приняла веселый, привѣтливый видъ и въ прокуренномъ воздухѣ, точно въ лѣсу, свѣжо и пряно пахло хвоей.

— А что, недурно?—съ довольнымъ видомъ сказалъ Ермолаевъ.--Это я себѣ елку устроилъ. Ну, разсказывайте, разсказывайте!

Дуня передала ему слова Скафтымова. Ермолаевъ опять опрокинулъ стулъ и огромными шагами заходилъ по конторѣ.

— Великолѣпно! Дьявольски великолѣпно!..—восклицалъ онъ отрывисто-возбужденно.—Га! Фу ты, чортъ... Здорово!

Потомъ, успокоившись, усѣлся и веселыми глазами посмотрѣлъ на сумрачную Дуню.

— Авдотья Федоровна, спасибо! Вы привезли мнѣ чудеснѣйшій подарокъ. Послушайте, да что вы нынче такая?..

— Надоѣло жить...

— Вотъ тебѣ и разъ! Пріѣхала изъ гостей — и вдругъ надоѣло жить. Ахъ, дитя вы малое, и не стыдно такія скверныя слова говорить?

— Да что вы все—дите да дите! Двадцать лѣтъ ужь скоро...

— Двадцать лѣтъ? Фю-ю!.. засвисталъ Ермолаевъ.—Что же я-то послѣ этого? Старье! На десять лѣтъ старше. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, что съ вами случилось?

— И не случилось ничего... Все то же!

— Нѣтъ, постойте... Ужь не влюбились ли въ Скафтымова, а?

Дуня вспыхнула такъ, что даже слезы на глаза выступили, и оттого еще больше разозлилась и на себя, и на Ермолаева.

— И что вы носитесь съ своимъ Скафтымовымъ?—рѣзко сказала она.—Вотъ ужь нашли въ кого влюбиться... кривляка, модникъ, воображаетъ о себѣ Богъ знаетъ что, а самъ просто... дрянь, и больше ничего!

— Алеша Скафтымовъ дрянь? Ну, это вы напрасно... Ужь не знаю, что онъ тамъ изъ себя корчилъ, а только скажу: не видали еще вы настоящаго Скафтымова.

— И видѣть не хочу... Ахъ, всѣ вы темные какіе-то, васъ не поймешь!.. Только вы все-таки лучше.

— Покорно благодарю! Вотъ всѣ женщины мнѣ это говорятъ, однако ни одна изъ нихъ ни разу еще въ меня не влюбилась. А Скафтымова ругаютъ и съ ума по немъ сходятъ. Да что, я самъ въ него влюбленъ, какъ баба. И вы влюбитесь, погодите. Непремѣнно влюбитесь!

— Я? Никогда! Ни за что!.. Да еще послѣ того, что было...

— Ага, вотъ я васъ и поймалъ! Стало быть, что-то было? Разскажите!

— Охъ, да что разсказывать... А, впрочемъ, все равно.

И, съ болѣзненнымъ злорадствомъ бередя свою душевную боль, Дуня разсказала все, что произошло въ вечеръ новаго года. Пусть смѣется, такъ ей и надо.

Ермолаевъ не смѣялся. Разсказъ Дуни его обезпокоилъ; онъ опять взволнованно заходилъ по конторѣ.

— Чертовщина!.. А вы его видѣли потомъ?

— Нѣтъ,—говорили, онъ въ городъ уѣхалъ.

— Ну, будетъ мнѣ теперь на орѣхи! Навѣрное, разозлился.

— А вы боитесь, что ли?

— Ни черта я не боюсь... досадно, что дѣло разстроится! Ужь очень мы съ нимъ люди-то разные: я всѣмъ вѣрю, а

онъ не вѣритъ никому. Начнетъ теперь пилить, зачѣмъ я къ нему незнакомыхъ людей посылаю... терпѣть не могу этихъ разговоровъ. Постойте, Авдотья Федоровна, куда же вы?

— Нѣтъ, оставьте пожалуйста, я пойду. Нечего мнѣ у васъ дѣлать... И не путайте меня больше въ ваши темныя дѣла. Это вы всё тамъ ходите на заднихъ лапкахъ передъ вашимъ Скафтымовымъ, а я вовсе не хочу и не нуждаюсь въ его знакомствѣ... И если онъ думаетъ, что я пойду на него доносить, то не смѣетъ... такъ ему и скажите!..

Она хлопнула дверью и ушла. Легла на кроватъ лицомъ къ стѣнѣ, какъ всегда, когда особенно остро чувствовала горечь и обиду жизни, и задыхалась отъ мучительныхъ, невыплаканныхъ слезъ. Да, никому и ни на что она не нужна и всѣмъ чужая... Хорошо бы вотъ сейчасъ потихоньку и незамѣтно умереть. Или выйти въ одномъ платьѣ на дорогу и идти-идти все прямо до тѣхъ поръ, пока не упадешь...

Падали грустныя зимнія сумерки, сѣрымъ пепломъ засыпали землю, томили душу вѣщею тоской. Смутно мерещился въ безформенной тьмѣ грядущихъ дней тотъ неизбѣжный часъ, когда кончатся муки, болѣзни, обиды,—кончится все. И было не страшно думать объ этомъ; вѣдь только немножко, какой-нибудь мигъ, будетъ ужасъ и боль. А тамъ тишина, вѣчный сонъ и покой... Кончится все.

Мысли Дуни спутались, исчезла стѣна, разсѣялись сумерки. И увидѣла она огромную равнину, озаренную мутнымъ свѣтомъ умирающаго солнца. Тысячи людей чернымъ потокомъ двигались по ней; проходили одни, подымались другіе, и кровавый закатъ обагрялъ ихъ мертвыя лица и пѣли они пѣсню, полную отчаянія и скорби безмѣрной.

Дуня очнулась. Тотъ же сумракъ и тусклый отсвѣтъ окна на стѣнѣ, и нѣтъ уже ни равнины въ багровомъ пламени зари, ни вереницы людей, а пѣсня была. Гудѣла, какъ погребальный колоколъ въ ночи, и слышался въ ней тяжкій топотъ многихъ тысячъ ушедшихъ, идущихъ и тѣхъ, что еще не пришли, но придутъ. Дуня знала много пѣсенъ,—у Кипарисовыхъ часто пѣли и любили пѣть, — но такой пѣсни она не слышала никогда. Приникла къ стѣнѣ, вслушивалась, стараясь разобрать слова, и не могла. Пѣсня лилась, гудѣла, звала, и Дуня шла вмѣстѣ съ нею—куда?—не знала,—на подвигъ или на преступленіе, на жизнь или смерть, все равно, но шла по багровой равнинѣ, и сердце горѣло отъ восторга и тоски.

Вдругъ оборвалось и смолкло все,—и топотъ шаговъ, и колокольные гулы,—настала опять та особенная, тоскующая тишина, которая бываетъ только въ сумерки.—„Пойте, пойте

еще"!.. — чуть не крикнула Дуня и уже подняла руку, чтобы постучать въ стѣнку. Но вспомнила глупый тостъ за поповскимъ ужиномъ и Скафтымова, и обиду свою,—остановилась и не постучала. Снова улеглась лицомъ къ стѣнѣ, закрыла глаза и притаилась. Одна, одна, никому ни на что не нужная...

В. І. Дмитріева.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Весеннее.

I.

Какими нѣжными словами
Благодарить за новый день,
За солнце, за веселый вѣтеръ,
За то, что расцвѣла сирень?

И есть-ли въ нашей блѣдной рѣчи
Слова, что были бы нѣжнѣй,
Чѣмъ это ласковое небо
Надъ первой зеленью полей?

Не помня мукъ, не зная злобы,
Я знаю въ этотъ день одно:
Изъ голубой небесной чаши
Пить радость каждому дано.

И счастливъ тотъ, кто не потупитъ
Весенне-свѣтлаго лица
И, опьяненъ небеснымъ хмелемъ,
Не отрезвѣетъ до конца.

II.

Что ты задумчиво, съ тихой улыбкою,
Молча, стоишь подъ окномъ?
— Милый! Зоветъ меня къ морю далекому
Юноша-вечеръ въ плащѣ голубомъ.

Но отчего-жь опустила ты голову,
Слезы во взорѣ твоемъ?
— Знаю, что будетъ мнѣ родина бѣдная
Сниться и ночью, и днемъ.

Г. Вяткинъ.

Русская культура на далекой окраинѣ.

Скоро минетъ триста лѣтъ, какъ русскіе утвердились на берегахъ Лены. Въ то время сѣверо-восточная Сибирь представляла изъ себя нетронутый первобытный край, заселенный дикимъ народомъ. Глухіе лѣса и необъятныя пространства отдѣляли этотъ край отъ русской государственности. Московская Русь временъ Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича столкнулась здѣсь, въ далекомъ углу Азіи, съ нетронутымъ дикимъ міромъ: пробуждавшаяся къ государственной и культурной жизни Русь получала возможность подчинить своему вліянію вновь завоеванный богатый край. И, дѣйствительно, разъ проникнувъ въ новую страну, русская власть затратила не мало энергіи и силъ, чтобы укрѣпиться здѣсь Уже въ 17-мъ вѣкѣ „Государева Новая Сибирская земля, что на великой рѣкѣ Ленѣ", вошла въ составъ россійскаго государства— и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе почти трехъ столѣтій, власть русскаго государства здѣсь росла и крѣпла. Русская культура такимъ образомъ получила возможность творческой работы среди населенія, не испытавшаго на себѣ до тѣхъ поръ посторонняго вліянія, въ краѣ, изобилующемъ всякаго рода естественными богатствами.

Изъ огромной помѣщичьей вотчины московское государство за этотъ періодъ превратилось въ первостепенную европейскую державу, первобытная идеологія московскихъ приказовъ смѣнилась великодержавной политикой, робкая ученица Европы сдѣлалась самостоятельной культурной величиной. Все это, конечно, могло произойти только благодаря внутреннему росту. Поэтому было бы не лишено интереса прослѣдить, какъ этотъ реактивъ—сила русской культуры—дѣйствовалъ въ нейтральной средѣ—первобытномъ мірѣ далекой окраины: быть можетъ, такое изученіе дало бы коечто для пониманія и оцѣнки самого реактива.

Исторія завоеванія Якутскаго края и пріобщенія его къ русской государственности въ высшей степени поучительна и характерна [1]).

---

[1]) Эта исторія описывалась уже неоднократно. См. напр.: Г. Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства. Спб. 1775. Г. Майдель. Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области въ 1868—1870 годахъ. Спб. 1894.

Первыя свѣдѣнія о „великой рѣкѣ" Ленѣ были получены около 1620 года мангазейцами, вышедшими изъ города Мангазеи (съ устья рѣки Тазъ, — теперешняя Енисейская губернія) и проникшими на западный притокъ Лены—Вилюй. Въ 1630 г. на Ленѣ и Вилюѣ уже собираетъ съ покоренныхъ якутовъ ясакъ мангазейскій атаманъ Мартинъ Васильевъ. Черезъ два года происходитъ новая экспедиція мангазейцевъ на Лену.

Это постепенное завоеваніе Якутскаго края, которое на офиціальномъ языкѣ называлось „поисками новой землицы и ясака", совершалось не столько казаками, сколько „промышленниками"— „тѣми отчаянными бродягами, которыхъ не останавливалъ никакой путь, никакое препятствіе, разъ представлялся случай поживиться" (слова Майделя). Завоевателями востока были истинные потомки тѣхъ новгородскихъ ушкуйниковъ, которые чуть ли не съ XI вѣка предпринимали свои разбойничьи плаванія—набѣги по Студеному морю на востокъ, къ устью Оби, а, можетъ быть, и дальше. Конечно, они имѣли при этомъ главною цѣлью личную свою корысть—„государственная польза" явилась позднѣе. Самый составъ этихъ партій достаточно ясно говоритъ за себя. „Изъ старинныхъ источниковъ, — говоритъ Майдель—въ которыхъ приводится составъ отдѣльныхъ отрядовъ, снаряжавшихся въ походъ, мы узнаемъ, что число казаковъ по сравненію съ числомъ промышленниковъ было обыкновенно невелико. Такъ, въ 1626 г. мы находимъ одну партію, состоявшую изъ 28 казаковъ и 189 промышленниковъ, а другую—изъ 312 промышленниковъ и 44 казаковъ" [1]). И цѣли, которыя при завоеваніи края эти партіи преслѣдовали—личное обогащеніе,—сказались сейчасъ же. Проникшіе черезъ Вилюй на Лену мангазейцы столкнулись съ *соперниками*—енисейскими казаками, вышедшими подъ начальствомъ сотника Петра Бекетова на Лену черезъ Ангару, Илимъ и Куту и основавшими здѣсь въ 1632 году Якутскій острогъ. Между мангазейскимъ отрядомъ Степана Корытова и енисейцами Петра Бекетова происходитъ настоящее сраженіе. Бекетовъ разбитъ и долженъ отступить. „Туруханцы устроили на Вилюѣ нѣчто вродѣ самостоятельнаго государства, представлявшаго изъ себя, собственно говоря, гнѣздо грабителей, и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ вели отсюда кровавыя войны какъ съ якутами, *такъ и съ енисейскими казаками*, причиняя тѣмъ неслыханныя бѣдствія" [2]). Потомъ енисейцы берутъ верхъ и имъ удается схватить Корытова.

Поводы къ этой междуусобной борьбѣ были совершенно очевидны. „Ясакъ—главная причина ссоры мангазейцевъ съ енисей-

2 тома. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій край. Спб. 1900. 2 тома. Г. Вернадскій. Противъ солнца. Распространеніе русскаго государства къ востоку. „Русская Мысль", 1914, I.

[1]) Майдель. Стр. 401—402.

[2]) Майдель. Стр. 403.

цами. Съ однихъ и тѣхъ же якутовъ ясакъ берется два раза. Якутовъ, давшихъ ясакъ енисейцамъ, мангазейцы разсматриваютъ, какъ немирныхъ, и соотвѣтственно съ ними поступаютъ" [1]).

Этими описаніями междуусобной борьбы изъ-за ясака между отдѣльными отрядами казаковъ полна книга Миллера. О ней же повѣствуетъ Соловьевъ, излагая исторію завоеванія Анадыря и чукотской земли въ 40-хъ годахъ 17-го столѣтія.

Борьба велась на два фронта —съ объясаченными инородцами, которые естественно уклонялись отъ уплаты двойной дани русскимъ, и каждаго отдѣльнаго казачьяго отряда—съ другимъ изъ-за добычи, т. е. изъ-за покоренныхъ народцевъ. „Болѣе столѣтія, съ 1640 по 1766 годъ, велась война, иногда очень кровопролитная, безъ разумной причины и безъ всякой цѣли". Наконецъ, по распоряженію главнаго управленія, „воинственные и корыстолюбивые казаки" были переселены—этимъ путемъ разомъ добились спокойствія. „Лишь только неумолкавшее бряцаніе оружія затихло, повсюду наступило спокойствіе" [2]).

Въ сущности говоря, завоеваніе Сибири явилось результатомъ безудержной погони русскихъ военно-торговыхъ авантюристовъ за соболемъ—эта погоня въ силу естественныхъ условій шла въ сѣверо-восточномъ направленіи, въ этомъ же направленіи шло и завоеваніе дикаго края. И можно только удивляться тому, съ какими малыми затратами достигнуты были столь великіе результаты. Присоединеніе великой и богатой Сибири къ московскому государству было незаслуженнымъ подаркомъ со стороны исторіи, который можно объяснить лишь той легкостью, съ какой первый пришлецъ завладѣваетъ „пустопорожнимъ" мѣстомъ. „Прокладыватели путей, казаки, продолжали пробираться по пустыннымъ рѣкамъ все далѣе и далѣе къ Восточному океану и границамъ Китайскимъ, приводя подъ высокую руку государя разсѣянныя толпы дикарей, сбирая съ нихъ ясакъ, часто выводя ихъ изъ терпѣнія своими грабительствами, за которыя иногда приходилось платиться жизнью"—этими словами Соловьева [3]) можно смѣло охарактеризовать всю исторію „государственнаго" завоеванія Сибири. Разсѣянныя и зачастую враждующія между собой толпы дикарей съ ихъ лучнымъ боемъ ничего не могли противопоставить бою огненному, и десятки удальцовъ-землепроходцевъ съ успѣхомъ покоряли и облагали данью цѣлые народы. Забравшись вглубь неизвѣстной страны, смѣльчаки рубили на рѣкахъ „острожки", обносили ихъ палями и, создавъ такимъ образомъ опорные пункты, прошли всю страну до самыхъ береговъ Студенаго и Восточнаго морей.

---

[1]) Г. Вернадскій. „Русская Мысль", 1914, 1.

[2]) Интересно, что такими словами характеризуетъ завоеваніе якутскаго края казаками тотъ самый Майдель, который назначенъ былъ въ 1868 г. колымскимъ исправникомъ.

[3]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. 9, гл. 5.

Легко себѣ представить, какія злоупотребленія должны были имѣть мѣсто въ такой обстановкѣ. Прикрываясь государственными интересами, воеводы и служилые люди обирали населеніе въ свою личную пользу. Жалобы инородцевъ на притѣсненія не переставали раздаваться въ каждое царствованіе. И это не могло быть иначе, такъ какъ государственная точка зрѣнія московскихъ приказовъ не могла значительно отличаться отъ частныхъ взглядовъ воеводъ на задачи управленія: государство, какъ и воеводы, старалось лишь извлечь изъ покоренныхъ народовъ максимальныя для себя матеріальныя выгоды. Вѣдь главная цѣнность Сибири—пушнина—въ 16-17 и 18-мъ вѣкахъ въ хозяйствѣ московскаго государства играла огромную роль: она шла въ „личную государеву казну" и не мало содѣйствовала успѣхамъ московской дипломатіи въ ея сношеніяхъ съ европейскими дворами—упоминанія о соболяхъ, лисицахъ и песцахъ встрѣчаются за это время почти во всѣхъ посольскихъ грамотахъ.

Въ рукахъ пришельцевъ, представителей болѣе высокой культуры, были два могучихъ средства, передъ которыми не могъ устоять ни одинъ изъ сопротивлявшихся имъ дикихъ сибирскихъ народовъ: огненный бой и вино. Можно сказать, что эти два средства и завоевали Сибирь: огненный бой сломилъ силу сопротивленія, вино закабалило сибирскаго инородца и отняло у него его достояніе. Разграничить въ исторіи завоеванія Сибири сферы вліянія военной силы и торговыхъ людей — невозможно, такъ какъ само государство въ то время было торговымъ и среди покоренныхъ народовъ искало прежде всего своей корысти.

Еще до сихъ поръ на Колымѣ среди инородцевъ сохранилось преданіе о томъ, какъ русскіе казаки завоевывали этотъ край. Легенду эту мнѣ пришлось слышать лично отъ одного колымчанина и ту картину, которую она рисуетъ, можно считать характерной для исторіи завоеванія всего этого обширнаго края — сѣверо-восточной Сибири.—„Пріѣхали—разсказываютъ колымскіе инородцы — къ намъ чужіе люди, ничего худого не дѣлаютъ. Увидали наше становище, вышли изъ лодокъ — наши всѣ разбѣжались, въ лѣсу запрятались и изъ лѣсу смотрятъ. Выкатили русскіе бочку, стали что-то пить изъ нея кружкой, потомъ смѣялись и плясали. Посидѣли около нашихъ палатокъ, уѣхали, однако бочку на берегу оставили, при ней кружка виситъ. Наши вышли, отвѣдали изъ бочки, тоже стали веселыми. Съѣхалось тутъ много народа съ разныхъ сторонъ, всѣ перепились. Когда лежали всѣ пьяными, пріѣхали снова русскіе и всѣхъ нашихъ съ лодокъ огнемъ перебили".

Врѣзавшаяся въ народную память сцена сохранила живую силу и для нашей современности: насильственное принужденіе и эксплуатація дикаря — это то, на чемъ и нынѣ зиждется государ-

ственно-экономическій строй жизни населенія Якутской области. Никакихъ другихъ воздѣйствій на жизнь мѣстнаго населенія со стороны русской государственности и культуры не было и нѣтъ.

Это можно легко доказать при анализѣ тѣхъ задачъ, которыя вообще русская государственная власть ставила по отношенію къ этой далекой окраинѣ на протяженіи всѣхъ трехъ вѣковъ. „Во все продолженіе 17 и въ первую половину 18 вв. русская власть не ставила предъ собой въ Якутскомъ краѣ никакихъ культурныхъ задачъ. Единственная забота воеводъ и прочихъ чиновъ состояла въ сборѣ ясака и въ охраненіи покорности объясаченныхъ племенъ. При такомъ взглядѣ на задачи управленія, всѣ явленія внутренней якутской жизни не представляли для тогдашней администраціи ни малѣйшаго интереса. Вплоть до 1767 г. взносы инородцевъ составляли не платежъ опредѣленной группы гражданъ на опредѣленныя государственныя и общественныя нужды, а просто дань покореннаго народа, вносившуюся не деньгами, а цѣнными мѣхами. Величина этой дани первоначально опредѣлялась исключительно границами фактической возможности взять именно столько, а не больше... При взиманіи ясака всякихъ чиновъ люди вымогали при помощи пытокъ и истязаній какъ можно больше мѣховъ не только въ доходъ казны, но и для самихъ себя, и уже въ 1733 г. правительство было вынуждено издать указъ о командировкѣ въ Якутское вѣдомство и на Камчатку «нарочныхъ — особливыхъ честныхъ людей» для розыска по поводу раззореній и притѣсненій, претерпѣваемыхъ инородцами отъ воеводъ, коммиссаровъ и сборщиковъ. Правительство угрожало наиболѣе виновнымъ смертною казнью и предупреждало, что все излишне взятое будетъ отобрано и возвращено ограбленнымъ. Приказано было указъ этотъ вывѣсить не только въ Якутскѣ и въ Охотскѣ, но и во всѣхъ зимовьяхъ, и, „вкопавъ столбы и накрывъ малой кровлей, прибить и хранить, чтобы всегда всѣмъ было извѣстно“ [1]).

Намѣченныя триста лѣтъ тому назадъ основы управленія въ полной мѣрѣ сохранились и понынѣ. Въ этомъ можно убѣдиться на примѣрѣ частнаго указа сената отъ 31 мая 1893 года, который разъяснилъ, что „всѣ земли въ Якутской области, находящіяся нынѣ въ пользованіи инородцевъ, а равно право распоряженія этими землями, должно принадлежать казнѣ, отъ которой и зависитъ уже, впредь до окончательнаго устройства мѣстныхъ инородцевъ, отводить часть этихъ земель въ надѣлъ другимъ лицамъ“ [2]). Такое пониманіе „права собственности“ инородцевъ на землю вообще всегда лежало въ основѣ административной практики: Якутская область была завоевана силой и права государства по

[1]) И. И. Майновъ. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области. Записки И. Р. Г. О. по отд. статистики, т. 12. СПБ. 1912, стр. 88, 89, 166.

[2]) Тамже, стр. 213.

отношенію къ мѣстному населенію были правами завоевателя. Поэтому казна всегда безъ какихъ-либо колебаній брала у наслеговъ потребное ей количество земли для водворенія скопцовъ, ссыльныхъ или переселенцевъ. Въ глазахъ администраціи инородецъ всегда былъ лишь объектомъ законодательства, не будучи никогда субъектомъ правъ. Это проходитъ красной нитью во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ государства и мѣстнаго населенія, это же объясняетъ и всю живую современность далекой окраины.

Когда безвыѣздно проживешь нѣсколько лѣтъ въ Якутской области, присмотришься къ жизни города, побываешь на далекомъ сѣверѣ въ глухихъ заброшенныхъ уголкахъ, невольно поражаешься тому, какое ничтожное вліяніе оказали за всѣ вѣка своего здѣсь существованія русская государственность и русская культура на общую жизнь области и ея населенія. И это удивленіе ростетъ съ каждымъ годомъ сильнѣе—по мѣрѣ того, какъ ближе знакомишься съ мѣстнымъ населеніемъ и вникаешь въ различныя области его жизни. Съ нѣкоторымъ правомъ можно назвать русскимъ только городъ Якутскъ, сама же область никакой въ сущности культурной связи съ Россіей не имѣетъ. Вся бытовая обстановка жизни, одежда, характеръ построекъ, промысла, нравы и обычаи, языкъ и религіозныя вѣрованія населенія носятъ свой національный характеръ, почти не испытывая на себѣ русскаго вліянія. Мало того: тѣ немногіе русскіе (7-8% всего населенія области; изъ нихъ огромное большинство живетъ въ самомъ Якутскѣ), которые вкраплены въ инородческую массу — чиновники, часть купечества, потомки пришельцевъ, ссыльные,—не только не смогли оказать какого-либо воздѣйствія на инородцевъ, но сами подпали подъ ихъ вліяніе и въ настоящее время настолько слились физически и духовно съ инородческимъ населеніемъ (якуты составляютъ 94% всѣхъ инородцевъ), что не всегда могутъ быть отличены отъ нихъ ни по своему физическому виду, ни по своимъ внутреннимъ качествамъ. Русскіе здѣсь настолько утратили свою національную физіономію, что *между собой* съ гораздо большей охотой, чѣмъ по-русски, разговариваютъ по якутски, на этомъ разговорномъ языкѣ сѣвера. Почти исключительно якутскую рѣчь вы слышите въ *русскомъ* домѣ среди членовъ семьи, состоящихъ только изъ русскихъ, по якутски же будутъ разговаривать между собою встрѣтившіеся другъ съ другомъ въ дорогѣ казаки, состоящіе на дѣйствительной службѣ у русскаго государства, потомки русскихъ завоевателей, пришедшихъ на далекую окраину изъ коренной Россіи. Въ ихъ глазахъ, несомнѣнно, якутскій бытъ, якутская „культура", если можно говорить о таковой, имѣютъ гораздо болѣе притягательную силу, чѣмъ русскіе. И эта тяга доходитъ до того, что нерѣдко можно встрѣтить русскихъ, выдающихъ себя за якутовъ и стыдливо скры-

вающихъ свое русское происхожденіе. Фактъ бытового и культурнаго подчиненія русскаго населенія якутамъ становится особенно знаменательнымъ, если вникнуть въ то, что въ сущности представляетъ изъ себя якутская „культура". Древніе выходцы изъ монгольскихъ степей, якуты не принесли съ собой съ юга на новую родину—нынѣшнюю Якутскую область—какихъ-либо культурныхъ историческихъ традицій. Въ отличіе отъ большинства народовъ, именующихся „дикими" и имѣющихъ свою письменность и литературу, свою религію, проникнутую въ той или другой степени положительной моралью, якуты пришли на сѣверъ, лишенные какого-либо культурнаго багажа. Они не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ какой-либо письменности и литературы (современная якутская письменность есть чистѣйшій продуктъ интеллигенческой выдумки—съ одной стороны, ученаго нѣмца, съ другой — нѣсколькихъ русскихъ интеллигентовъ, невольныхъ обитателей Якутской области). Если якутская религія и имѣла когда-либо положительное моральное содержаніе, нынѣ она его утратила цѣликомъ въ силу неблагопріятныхъ естественныхъ и климатическихъ условій, когда народу-пришельцу пришлось отстаивать свое существованіе въ жестокой борьбѣ противъ мѣстнаго населенія (тунгусы, юкагиры) и суровой природы. Въ пантеонѣ боговъ современнаго якута нѣтъ мѣста для добраго начала, а сама религія пріобрѣла характеръ шаманства или такъ называемой „черной вѣры", т. е. вѣры въ злое, вредящее человѣку начало [1]).

Изъ промысловъ якуты принесли съ собой изъ Монголіи только скотоводство—по всему своему историческому прошлому это чистые кочевники, живущіе лошадью и быкомъ. Звѣроловству, оленеводству и рыболовству якуты научились на мѣстѣ отъ отодвинутыхъ ими на сѣверъ тунгусовъ и юкагировъ, земледѣліе имъ пытались насильственно привить явившіеся позднѣе русскіе. И эта именно якутская „культура", поражающая своимъ убогимъ духовнымъ содержаніемъ, подчинила себѣ русскую культуру 17-го вѣка съ ея болѣе богатой положительнымъ нравственнымъ содержаніемъ религіей, ея государственной идеологіей, ея, наконецъ, болѣе высокой техникой. Еще болѣе поразительнымъ кажется подчиненіе русской культуры инородческому быту въ наши дни.

На памяти современнаго поколѣнія, всего лишь 15-20 лѣтъ тому назадъ, самый Якутскъ былъ совершенно якутскимъ инородческимъ городомъ. Въ его центрѣ можно было найти типичныя якутскія юрты, обмазанныя глиной съ навозомъ, со вставленными въ окна вмѣсто стеколъ льдинами, съ „хотонами", гдѣ зимовалъ подъ одной крышей съ хозяевами ихъ скотъ. На званыхъ вечерахъ именитыхъ людей можно было услыхать только якутскую

---

[1]) Офиціально якуты считаются всѣ православными христіанами, что, конечно, имъ не мѣшаетъ оставаться фактически шаманистами.

рѣчь и пріѣзжее русское чиновничество выдѣлялось но фонѣ мѣстнаго инородческаго населенія рѣзкимъ пятномъ. Теперь Якутскъ сталъ инымъ. Разросшееся чиновничество, наѣзжіе русскіе купцы, нѣсколько поколѣній ссылки—уголовной и политической—постепенно измѣнили физіономію города и жизнь Якутска въ значительной степени носитъ теперь русскій характеръ. Съ 1914 года въ городѣ даже существуетъ электрическое освѣщеніе. Но жизнь города совсѣмъ не характерна для жизни области. Здѣсь за прожитые вѣка не произошло почти никакихъ перемѣнъ—жизнь течетъ по старинному укладу, установленному хозяевами Якутской области, якутами. Даже такіе крупные центры, какъ окружные города Верхоянскъ и Средне-Колымскъ, такіе оживленные торговые пункты сѣвера, какъ Булунъ въ низовьяхъ Лены, с. Казачье (Усть-Янскъ) въ низовьяхъ р. Яны, имѣютъ рѣзко выраженный якутскій характеръ. Жизнь здѣсь опредѣляется исключительно якутскими интересами, насыщена якутскимъ бытомъ. И если сдѣлать обзоръ Якутской области въ культурно-историческомъ отношеніи, то передъ глазами встанетъ настолько грустная картина, что придется лишь развести передъ нею руками.

Культурная отсталость области объясняется, конечно, прежде всего естественно-историческими условіями. Якутская область занимаетъ колоссальную территорію въ 3½ милліона квадр. верстъ; на этомъ пространствѣ могли бы помѣститься Швеція и Норвегія, Австро-Венгрія и Германія, Франція и Великобританія, Испанія и Италія, т. е. почти вся Западная Европа. Между тѣмъ населеніе области равняется 275.000 человѣкъ, т. е. равняется приблизительно населенію одного лишь города Риги. По густотѣ населенія Якутская область не только уступаетъ малонаселеннымъ губерніямъ Европейской Россіи, но и всѣмъ губерніямъ и областямъ Азіатской Россіи (кромѣ Камчатской). На 1 кв. милю въ Якутской области приходится 0,08 человѣкъ (въ Камчатской области—0,03 человѣка). Врядъ-ли вообще есть на земномъ шарѣ мѣста и страны съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ. Якутскую область, въ сущности говоря, надо назвать самой колоссальной пустыней, какая только вообще извѣстна людямъ. Къ этому надо прибавить еще огромную оторванность края отъ культурныхъ пунктовъ и отъ тѣхъ путей, которыми вообще идетъ культурная жизнь. Областной городъ Якутскъ отстоитъ отъ ближайшаго крупнаго культурнаго центра, Иркутска, и отъ желѣзнодорожной линіи на 3.000 верстъ или на 20 сутокъ непрерывнаго пути. Эти обстоятельства—размѣры территоріи, малая населенность края и его оторванность, конечно, съ самаго начала опредѣлили культурную отсталость области. Но, съ другой стороны, государственная власть, тѣ круги и лица, которыя держали судьбы Якутской области въ своихъ рукахъ, и само населеніе—сдѣлали рѣшительно все, чтобы искусственно задержать развитіе края и остановить его на той ступени культуры, ко-

торая гораздо болѣе свойственна 17-му или 18-му вѣкамъ, чѣмъ 20-му.

Для развитія такой обширной и такъ рѣдко населенной территоріи, какъ Якутская область, первѣйшее значеніе имѣли бы пути сообщенія. По мѣстнымъ условіямъ они не только должны отвѣчать выяснившимся уже потребностямъ населенія, но и создавать возможность дальнѣйшаго развитія края. „Въ Россіи государство вообще мало тратитъ на дороги"—эти слова Витте [1]) нигдѣ не примѣнимы въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Якутской области. Государственное значеніе путей сообщенія ясно для всякаго, здѣсь побывавшаго. Заброшенность сѣвера и неиспользованіе тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя на немъ имѣются, объясняются прежде всего малой обслѣдованностью края, его малой доступностью и невозможностью вывоза изъ него сырья.

„Однимъ изъ главныхъ тормазовъ въ развитіи промышленности и торговли въ области надо считать отсутствіе хорошихъ постоянныхъ дорогъ, благодаря чему нѣкоторое время въ году область бываетъ почти изолирована отъ всего міра" — такъ гласитъ, напр., одинъ изъ офиціальныхъ обзоровъ по Якутской области (за 1909 г.), представляемыхъ ежегодно якутскими губернаторами. Единственнымъ споснымъ путемъ, въ сущности говоря, можно считать только Лену. Но, во-первыхъ, Лена орошаетъ далеко не всю Якутскую область, во-вторыхъ, ея навигаціонное время нужно считать только въ 4 мѣсяца, и, наконецъ, даже при такихъ условіяхъ этотъ наиболѣе естественный для области путь используется далеко не такъ, какъ слѣдуетъ. Изъ другихъ путей слѣдуетъ упомянуть лишь путь изъ Якутска въ Вилюйскъ (618 верстъ), въ Верхоянскъ (870 в.) въ Средне-Колымскъ (2375 в.) и въ Охотскъ (1025 в.). Указанные тракты считаются почтовыми, т. е. по нимъ имѣется срочная доставка почты—одинъ, два раза въ мѣсяцъ. Но нужно самому испытать эти пути, чтобы понять, что такое почтовыя дороги Якутской области. Въ буквальномъ значеніи этого слова дорогъ здѣсь *вообще нѣтъ*. Есть только вьючныя тропы, идущія черезъ крутые каменистые хребты, безчисленныя рѣки и болота, тайгу, кочки и тундру. Лѣтомъ передвиженіе здѣсь возможно только верхомъ—при такихъ условіяхъ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что, напр., путь изъ Якутска въ Ср. Колымскъ продолжается лѣтомъ около 1½ мѣсяцевъ. На сѣверѣ Якутской области пути сообщенія находятся въ еще болѣе первобытномъ состояніи: обывательскіе тракты изъ Верхоянска въ Булунъ на Ленѣ (940 в.), въ с. Казачье-Устъ-Янскъ на р. Янѣ (910 в.), въ Аллаиху на р. Индигиркѣ (1660 в.) существуютъ только зимой и будутъ памятны на всю жизнь тѣмъ,

---

[1]) Изъ рѣчи Витте на съѣздѣ золотопромышленниковъ въ февралѣ 1915 г. въ Петроградѣ.

кто по нимъ проѣхалъ хоть одинъ разъ. Невыносимыя климатическія условія, пятидесяти-градусные морозы, страшныя пурги и глубокіе снѣга дѣлаютъ путешествіе по области почти подвигомъ. Условія передвиженія здѣсь не измѣнились втеченіе цѣлыхъ столѣтій. Путнику приходится ѣхать по совершенно пустынной мѣстности съ разстояніемъ въ сотни верстъ отъ одной станціи до другой (напр., на трактѣ Верхоянскъ - Булунъ ближайшая отъ Булуна Джоэлахская станція находится въ 420 верстахъ). Ночевать приходится въ такъ называемыхъ „поварняхъ", т. е. нежилыхъ амбарчикахъ, выстроенныхъ спеціально для путниковъ; по пріѣздѣ здѣсь приходится самому разыскать дрова, разложить въ камелькѣ костеръ и очистить поварню отъ набившагося послѣ пурги снѣга. Здѣсь же нерѣдко путникъ сутками отсиживается отъ неистовой пурги. Самыя же станціи очень рѣдко бываютъ въ порядкѣ, оленей часто не хватаетъ и ихъ приходится дожидаться на одномъ мѣстѣ цѣлыми недѣлями. Нерѣдко пурга можетъ застигнуть путника и въ дорогѣ и тогда приходится сутками отсиживаться въ снѣгу подъ нартами — въ условіяхъ, нисколько не отличающихся отъ тѣхъ, въ которыя бываютъ поставлены участники полярныхъ экспедицій. Не въ лучшемъ положеніи находится въ области и доставка грузовъ. Транспортировка здѣсь очень дорога и обставлена неимовѣрными трудностями. Доставка 1 пуда клади изъ Якутска въ Ср. Колымскъ (2375 в.) обходится, напр., въ 8 руб., до Н. Колымска—12 руб.; благодаря малой населенности края кладь приходится везти окружными путями, дѣлая лишнихъ 1½-2 тысячи верстъ и самая доставка длится 8-9 мѣсяцевъ. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени характерна практика Якутско-Колымскаго тракта. Какъ сказано, доставка одного пуда клади отъ Якутска до Ср. Колымска обходится въ 8 р., тогда какъ отправка почтой обходится въ 4 р. 25 к. Поэтому почтовый трактъ Якутскъ-Верхоянскъ-Ср. Колымскъ всегда заваленъ посылками изъ Якутска; купцы отправляютъ почтой даже тяжелый товаръ: муку, желѣзо, мануфактуру, сахаръ, табакъ. Почта въ состояніи перевезти за годъ не болѣе 300 пудовъ, а Колымскому краю нужно 15-20.000 пудовъ—и посылки ждутъ своей очереди въ Якутской почтовой конторѣ 3-4 мѣсяца. Жители Верхоянска, Булуна (почта въ Булунъ идетъ зимой черезъ Верхоянскъ) и Колымска должны ждать своихъ личныхъ почтовыхъ посылокъ по нѣсколько мѣсяцевъ; если къ этому присоединится тѣмъ временемъ распутица, то выписанную по почтѣ посылку можно здѣсь получить черезъ 1-1½ года со дня ея выписки—такіе случаи испытаны мною лично. Морская доставка грузовъ изъ Владивостока на Колыму (съ 1911 г.), благодаря недостаткамъ организаціи и неумѣнію, не облегчила и не удешевила сухопутнаго транспорта. „Государство тратитъ ежегодно болѣе 100 тысячъ рублей на субсидированіе морскихъ рейсовъ, — гово-

ритъ въ „Якутской Окраинѣ“ (1912 и 1914) корреспондентъ изъ Ср. Колымска—тратитъ пока что безъ пользы для края, а бросить крохи для упорядоченія почтоваго тракта на Якутскъ, повидимому, жалко. Похоже на то,—добавляетъ корреспондентъ—что для Колымскаго края сшили фракъ, а сапоги купить забыли“.

Никакого преувеличенія не будетъ въ утвержденіи, что на сѣверѣ Якутской области сейчасъ ѣздятъ такъ же, какъ ѣздили 200-250 лѣтъ тому назадъ. На отсутствіе въ области путей сообщенія давно уже обращено вниманіе и администрація края уже давно пришла къ убѣжденію, что это обстоятельство искусственно задерживаетъ экономическое и культурное развитіе области. Но то, что администраціей дѣлается въ этомъ направленіи, заставляетъ только удивляться. Классическимъ для области примѣромъ нужно считать исторію Аяно-Нельканскаго пути. Еще въ царствованіе Екатерины (въ 1787 г.) обращено было вниманіе на этотъ путь участникомъ экспедиціи Биллингса—лейтенантомъ Сарычевымъ. Установленіе Аяно-Нельканскаго пути обезпечило бы дешевую и удобную (при сохраненіи безпошлиннаго ввоза) доставку грузовъ изъ открытаго порта Охотскаго моря Аяна въ Якутскъ. Первое серьезное обслѣдованіе этого пути было произведено въ 1849 г. поручикомъ Вагановымъ. Затѣмъ оно было повторено Струве въ 1852 г., по порученію генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева Амурскаго. Произведенныя изслѣдованія дали положительные результаты: проведеніе пути было признано осуществимымъ и выгоднымъ. Въ 1852 г. здѣсь былъ созданъ почтовый трактъ, но онъ просуществовалъ почему-то только до 1867 г. и затѣмъ былъ заброшенъ. Только въ 1866 г. было возобновлено обслѣдованіе полузабытаго пути, но уже затѣмъ эти „обслѣдованія“ не прекращались: спеціально оборудованныя для изслѣдованія Аяно-Нельканскаго пути экспедиціи были въ 1894 г. (Сикорскаго), 1903 г. (Попова), 1907 г. (Кудрявцева), наконецъ, въ 1912 г. были даже двѣ экспедиціи (Егорова и Соколова). Эта вакханалія экспедицій имѣла самые отрицательные результаты: мѣстное населеніе въ лицѣ бродячихъ тунгусовъ (оленеводовъ и охотниковъ) утратило всякую вѣру въ смыслъ этихъ обслѣдованій, боится ихъ теперь не меньше оспы и всячески уклоняется отъ подачи имъ помощи. Но, быть можетъ, упорство экспедицій и ихъ повторяемость объясняются большимъ протяженіемъ Нелькано-Аянскаго пути? Отъ Аяна до Нелькана разными путями считается всего лишь отъ 140 до 150 верстъ, отъ Нелькана же до Якутска и теперь производится доставка грузовъ по рѣкамъ Мая, Алданъ и Лена (всего 1580 верстъ) [1].

Если вообще говорить о развитіи и оздоровленіи Якутской

---

[1] В. Панкратовъ. Аяно-Нельканскій край. „Сибирская Жизнь“, 6 мая 1914 г.

области, то необходимость оборудованія Аяно-Нельканскаго пути выдвигается на первую очередь—въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи экономической жизни края [1]). Для мѣстной администраціи отсталость области должна быть особенно ощутительна и потому небреженіе первой ея потребности является особенно характернымъ.

Основой экономическаго благосостоянія для всѣхъ инородцевъ Якутской области является до сихъ поръ скотоводство. Въ Якутскомъ, Вилюйскомъ и Олекминскомъ округахъ хозяйство инородца покоится на лошадяхъ и рогатомъ скотѣ, въ обоихъ сѣверныхъ округахъ—Верхоянскомъ и Колымскомъ,—занимающихъ почти половину территоріи всей Якутской области, преобладаетъ оленеводство. Согласно единодушнымъ показаніямъ областной статистики, скотоводство въ Якутской области изъ года въ годъ падаетъ. Очень быстро сокращается количество лошадей, нѣсколько медленнѣе падаетъ число рогатаго скота. Объ улучшеніи породы скота и о введеніи болѣе раціональныхъ пріемовъ скотоводства нѣтъ и рѣчи. Здѣсь не только ничего не измѣнилось за столѣтія, но даже пришлое русское населеніе въ сферѣ скотоводства перенимаетъ у инородцевъ ихъ освященные вѣками пріемы. Оленеводство сѣверныхъ округовъ тоже очень быстро падаетъ. Многотысячныя стада оленей, которыми славились чукчи, юкагиры и тунгусы, давно уже отошли теперь въ область преданій — больше 15.000 головъ теперь не имѣетъ никто, тогда какъ раньше не были рѣдкостью стада въ десятки тысячъ головъ. Общія экономическія причины, вліяющія на оскудѣніе края, и эпидемическія заболѣванія оленей уничтожили эти богатства, раззоривъ вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверное населеніе. Между тѣмъ о томъ, что можно было бы здѣсь сдѣлать, очень краснорѣчиво говоритъ опытъ сосѣдей—американцевъ на Аляскѣ. Лѣтъ 20-25 тому назадъ тамъ не было ни одного оленя, теперь же ихъ разведено уже около 42.000 штукъ, благодаря стараніямъ мѣстной администраціи [2]). Съ 1892 по 1900 г. на Аляскѣ было пріобрѣтено *изъ Сибири* до 1.500 головъ домашнихъ оленей и устроенъ рядъ фермъ при миссіяхъ, причемъ стада были поручены инструкторамъ лапландцамъ. Американцы сортируютъ стада, отдѣляютъ молодыхъ телокъ отъ старыхъ быковъ, раціонально регулируютъ приплодъ, заготовляютъ кормъ (мохъ) въ стоги, прикармливаютъ матокъ, молодыхъ. Въ результатѣ самый олень, благодаря уходу, сталъ крупнѣе.

Администрація же Якутской области не только не подняла оленеводства, этого основного промысла сѣвернаго населенія, но даже не сумѣла сохранить его на прежнемъ уровнѣ. Главной причиной

---

[1]) См., напр., извѣстную книгу А. М. Сибирякова. О путяхъ сообщенія Сибири. СПБ. 1897.

[2]) Изъ доклада И. И. Полевого объ Анадырскомъ краѣ. „Землевѣдѣніе", 1913, 4.

паденія скотоводства и оленеводства въ области являются частыя эпидеміи сибирской язвы, чесотки и ящура, бороться съ которыми мѣстное начальство совершенно безсильно. Ветеринарная помощь въ области—ниже всякой критики. Въ этомъ отношеніи очень характерно письмо въ редакцію, съ которымъ обратился въ отвѣтъ на нареканія на ветеринаровъ въ мѣстной газетѣ областной ветеринарный инспекторъ Лонскій: „Фактъ бездѣятельности лѣтомъ Верхоянскаго и Колымскаго ветеринарныхъ врачей, несомнѣнно, фактъ печальный и удручающій, но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній обвинять въ этомъ ветеринарныхъ врачей. Нѣтъ возможности заставить владѣльцевъ проводить себя къ больному стаду. Въ лѣтнее именно время, чрезвычайно важное для ветеринарной дѣятельности, ветеринары сѣверныхъ округовъ обречены самой стихіей (распутица) на вынужденное, удручающее прежде всего ихъ самихъ сидѣніе на мѣстѣ. Здѣсь, дѣйствительно, все дѣлается наоборотъ. Амбулаторная же дѣятельность, благодаря недостаточнымъ ассигновкамъ, ничего, кромѣ огорченія, пока ветеринару не даетъ“ [1]). При общей постановкѣ управленія и при существующей подачѣ помощи ветеринаріи, повидимому, дѣйствительно, здѣсь дѣлать нечего. Это можетъ подтвердить слѣдующій случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ ветеринаръ былъ командированъ изъ Якутска на сѣверъ Верхоянскаго округа (р. Омолой, 2 тысячи верстъ отъ Якутска) для борьбы съ развившейся тамъ среди оленей копытной болѣзнью—единственнымъ лекарствомъ, которымъ его снабдилъ Якутскій ветеринарный инспекторъ, было незначительное количество карболовой мази! Конечно, при этихъ условіяхъ онъ могъ быть лишь свидѣтелемъ повальнаго падежа оленей.

Возьмемъ другую область экономической жизни края—земледѣліе. Исторія его очень поучительна. Заселяя далекую окраину и поощряя самовольную колонизацію на востокъ „охочихъ людей“—промышленниковъ и торговцевъ, московское правительство на первыхъ же шагахъ натолкнулось на необходимость снабжать пришельцевъ русскимъ хлѣбомъ. Сначала оно вынуждено было наложить на уральское населеніе особый налогъ—такъ назыв. „сибирскій хлѣбъ“, но такъ какъ организація доставки этого хлѣба была налажена очень плохо, то служилое населеніе Сибири нерѣдко бывало обречено на голоданіе. У правительства появилась забота объ „устроеніи пашенныхъ людей“ у сибирскихъ городковъ и острожковъ—такъ возникло сибирское земледѣліе.

Въ Якутской области оно никогда не выходило изъ рамокъ кустарнаго промысла и въ общей хозяйственной экономіи края большой роли не играло. Вначалѣ оно вводилось здѣсь мѣрами принужденія, которыя вызывали среди инородцевъ открытыя возмуще-

---

[1]) „Якутская Окраина“, 1912 г., № 31, 32.

нія на подобіе картофельныхъ бунтовъ въ Россіи. Лишь постепенно населеніе трехъ южныхъ округовъ начало смотрѣть на земледѣліе, какъ на одинъ изъ источниковъ пропитанія. Но и это не столько было достигнуто въ порядкѣ культурнаго воздѣйствія на населеніе, сколько явилось результатомъ случайныхъ моментовъ: примѣра земледѣлія сосланныхъ въ Якутскую область сектантовъ — духоборовъ и скопцовъ. Именно эти изгои русской „культуры" и принесли истинно культурныя начала на далекую окраину. На состоявшемся въ Якутскѣ въ 1912 году совѣщаніи по вопросу о колонизаціи края въ связи съ работами экспедиціи Переселенческаго Управленія якутскій губернаторъ Крафтъ отмѣталъ развитіе земледѣлія среди политическихъ ссыльныхъ—безъ правительственной помощи. Нѣкоторые ссыльные обзавелись хозяйствомъ и занимаются земледѣліемъ. Что же касается спеціально *якутскаго* земледѣлія, то вотъ что говорилъ о немъ на томъ же совѣщаніи представитель инородческаго населенія Говоровъ: „о существованіи въ области хлѣбопашества говорить серьезно нельзя. До сего времени большинство хлѣба въ краѣ привознаго. Скопцы счастливая случайность, сложившаяся подъ вліяніемъ счастливыхъ экономическихъ условій (сплоченность, богатство и проч.)". На основаніи личнаго знакомства съ краемъ Говоровъ заявляетъ, что за 100 - 150 верстъ отъ Якутска находятся уже „гиблыя мѣста" [1]).

До сихъ поръ сѣнокошеніе въ хозяйствѣ якута играетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ хлѣбопашество, что одно уже указываетъ на незначительную роль въ его жизни земледѣлія. Опытъ между тѣмъ говоритъ о томъ, что въ климатическомъ отношеніи Якутская область (три ея южныхъ округа) вполнѣ доступна для хлѣбопашества и оно, несомнѣнно, имѣетъ всѣ данныя для развитія при соотвѣтствующей инціативѣ населенія и достаточномъ культурномъ воздѣйствіи администраціи. „До сихъ поръ одной изъ главныхъ основъ благосостоянія преобладающаго въ области инородческаго населенія остается скотоводство,—говоритъ офиціальный документъ [2])—и малѣйшее несчастье, связанное съ этой отраслью занятій, выводитъ изъ равновѣсія скудныя инородческія хозяйства, толкая ихъ къ полному распаду. Самые блестящіе урожаи злаковъ не могутъ возмѣстить тѣхъ ущербовъ, которые причиняются малѣйшимъ недородомъ травъ. Маленькій участокъ земли, засѣянный хлѣбами, при самыхъ благопріятныхъ метеорологическихъ и почвенныхъ условіяхъ, даетъ только необходимое для пропитанія семьи и не позволяетъ мечтать о продажѣ, чтобы на вырученныя деньги купить кормъ для скота. При такихъ условіяхъ хозяину-инородцу послѣ долгой борьбы съ нагрянувшей бѣ-

---

[1]) „Якутская Окраина", 1912, № 1.
[2]) Обзоръ Якутской области за 1909 годъ. Стр. 14—15.

дой все-таки приходится за безцѣнокъ распродавать оставшійся скотъ".

Въ обоихъ сѣверныхъ округахъ — Верхоянскомъ и Колымскомъ—въ жизни населенія крупную роль играютъ звѣроловство и рыболовство. Пушныя и рыбныя богатства здѣсь буквально неисчислимы. При мало мальски раціонально поставленномъ дѣлѣ пушнина и рыба могли бы быть основой благосостоянія и процвѣтанія всего сѣвернаго населенія. На лѣтней Якутской ярмаркѣ 1913 года пушнины было продано на 1.402.100 рублей, рыбы же съ однихъ только низовьевъ Лены вывозится ежегодно на продажу около 50.000 пудовъ (при общей добычѣ въ 90-100.000 пуд.).

Но звѣроловство по всей области, несомнѣнно, съ каждымъ годомъ падаетъ. Причиной тому являются хищническое истребленіе звѣрей, лѣсные пожары и отсутствіе у населенія порядочнаго оружія. Когда-то Сибирь, дѣйствительно, была золотымъ дномъ и ея пушныя богатства казались неистребимыми. Но беззавѣтное хищничество сказалось очень быстро. Звѣрь постепенно изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ вѣка въ вѣкъ передвигался все дальше на сѣверо-востокъ. И чѣмъ дальше онъ уходилъ, тѣмъ яростнѣе была за нимъ погоня—въ этой погонѣ русскіе дошли до береговъ Тихаго и Ледовитаго океановъ. Въ результатѣ быстро таютъ пушныя богатства и фантастическими скачками ростутъ цѣны на пушнину. Истребленъ боберъ, почти совершенно исчезъ соболь, теперь, повидимому, наступаетъ очередь песца, сильно сократилась добыча бѣлки и горностая. Промыселъ обставленъ самыми хищническими пріемами: не смотря на многократныя запрещенія, исходившія еще въ концѣ 18 вѣка отъ центральнаго правительства (я видѣлъ такіе указы еще временъ Екатерины), промышленники бьютъ малоцѣнныхъ „слѣпышей" и „норниковъ" [1]), не давая имъ дорости по „полнаго" песца, промышляютъ „подпаль", т. е. лѣтнюю бѣлку, не успѣвшую еще обрости цѣнной зимней шерстью; песцовъ, лисицъ, бѣлокъ и горностая промышляютъ главнымъ образомъ „пастями", „плашками" и „чирканами", т. е. самодѣйствующими ловушками—благодаря такому способу огромныя массы добычи гибнутъ совершенно безсмысленно, такъ какъ попавшая въ ловушку добыча съѣдается бродящими по тайгѣ и тундрѣ хищниками. Главной побудительной причиной для такого способа промысла является, конечно, хищничество купца-скупщика, который, собирая всѣми правдами и неправдами пушнину, держитъ промышленника въ вѣчной кабалѣ и слишкомъ низко оплачиваетъ его трудъ. Огромную роль играетъ при этомъ спиртъ, до котораго такъ падки инородцы.

Рыболовство также не сдѣлало ни одного шага впередъ со вре-

---

[1]) Въ настоящее время стоимость шкурки „слѣпыша"—20-50 коп., „полнаго" песца—25-30 рублей.

мени завоеванія Якутской области русскими, а между тѣмъ промыселъ рыбы въ общей хозяйственной экономіи области играетъ крупную роль. Рыба составляетъ основу питанія всего сѣвернаго населенія, разселившагося по рѣкамъ, впадающимъ въ Ледовитый океанъ, и рыболовство, какъ промыселъ, имѣетъ немаловажное значеніе въ заработкахъ населенія. Между тѣмъ самый промыселъ не подвергся никакимъ культурнымъ воздѣйствіямъ и до настоящаго времени производится такъ, какъ онъ сложился въ незапамятныя времена опытомъ дикаго инородческаго населенія. Рус скіе не внесли никакихъ измѣненій ни въ пріемы рыболовства, ни въ рыболовныя снасти—до сихъ поръ все здѣсь основано лишь на вѣковомъ опытѣ. Инородцы не могутъ до сихъ поръ какъ слѣдуетъ выучиться хорошему засолу рыбы, безцѣльно гибнетъ (выбрасывается) цѣнная черная и красная икра, промыселъ производится на жалкихъ лодкахъ, совершенно безпомощныхъ при мало мальски крѣпкомъ вѣтрѣ. Какъ это ни странно, но рыбныя богатства хотя бы одной только Лены совершенно не изслѣдованы и до сихъ поръ съ полной точностью даже не опредѣлены виды имѣющихся здѣсь рыбъ. Между тѣмъ для всякаго ясно, что тѣ колоссальныя рыбныя богатства, которыя таитъ въ себѣ нашъ сѣверъ имѣютъ не только большое мѣстное значеніе, но и очень крупное государственное. Здѣсь происходитъ то, что такъ характерно вообще для нашей культуры — небреженіе имѣющимися возможностями и ихъ неиспользованіе. Это невниманіе и небреженіе на фонѣ тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя въ области имѣются вообще кажутся поразительными. И дѣло вовсе не въ томъ, что администрація не прилагаетъ въ этомъ направленіи никакихъ усилій—она непригодна для этого ни по составу своему, ни по своимъ традиціямъ. Бѣда въ томъ, что у самого населенія, у его даже болѣе интеллигентной части, нѣтъ никакого интереса къ окружающему. Для познанія Якутской области и ознакомленія съ нею гораздо больше, чѣмъ призванная управлять ею администрація и мѣстная интеллигентная часть населенія, сдѣлала ссылка—почти всѣ лучшія изслѣдованія и описанія Якутской области сдѣланы политическими ссыльными. У мѣстнаго же населенія нѣтъ ни интереса къ своему краю, ни инипіативы, ни предпріимчивости. Въ смыслѣ поднятія общаго культурнаго уровня населенія многое могла бы здѣсь сдѣлать торговля, такъ какъ торговый оборотъ проникъ теперь въ самые глухіе углы тайги и тундры, но въ общемъ роль торговли въ дѣлѣ культурнаго развитія области нужно скорѣе признать отрицательной. Дорогой транспортъ и отсутствіе правильныхъ путей сообщеній, медленный оборотъ капитала и связанный со всѣмъ этимъ торговый рискъ—способствуютъ хищническому характеру мѣстной торговли вообще. Хлѣбъ, мануфактуру, бакалею и желѣзный товаръ област отдаетъ за пушнину, мамонтову кость, рыбу и мясо и, несомнѣнно,

сильно проигрываетъ при этомъ обмѣнѣ, такъ какъ при торговой сдѣлкѣ, какъ обычное правило, самое цѣнное сырье области, пушнина, проходя черезъ многочисленныя руки посредниковъ, расцѣнивается при покупкѣ очень низко, тогда какъ обмѣниваемый на нее хлѣбъ и товаръ цѣнятся купечествомъ слишкомъ высоко. Такимъ образомъ за свою культурную отсталость области приходится очень дорого платить, на этой же культурной отсталости очень много выгадываетъ купечество. Огромную роль въ сѣверной торговлѣ играетъ спиртъ, благодаря которому сѣверные купцы-пушники собираютъ колоссальные доходы. Въ раззореніи населенія спиртъ, какъ орудіе торговли, имѣетъ первенствующее значеніе. И такъ какъ именно низкая культура области обусловливаетъ теперешніе доходы купечества, то оно, естественно, заинтересовано въ охраненіи края отъ культурныхъ вліяній. Вотъ почему здѣсь никогда почти не бываетъ слышно о какихъ-либо новыхъ начинаніяхъ, о попыткахъ со стороны купеческаго капитала приступить къ разработкѣ какихъ-либо изъ намѣтившихся уже естественныхъ богатствъ. Беря у населенія за безцѣнокъ его главное богатство—пушнину, этотъ купеческій капиталъ не будитъ въ странѣ новыхъ творческихъ силъ и тѣмъ самымъ истощаетъ населеніе. Между тѣмъ огромныя еще до сихъ поръ пушныя богатства сѣвера и быстро ростущія цѣны на пушнину могли бы поддерживать благосостояніе сѣвернаго населенія области на довольно высокомъ уровнѣ. Въ дѣйствительности же сѣверъ области ведетъ въ буквальномъ смыслѣ слова нищенскую жизнь. Голодовки повторяются среди населенія сѣверныхъ округовъ области изъ года въ годъ; достаточно мѣстнаго падежа оленей или плохого улова рыбы, чтобы населеніе начало въ буквальномъ смыслѣ слова умирать съ голода. Благодаря безпечности самого населенія и нерадивости администраціи, хлѣбные и рыбные запасные магазины обычно пустуютъ. Снабженіе населенія Колымы, Индигирки и Яны продовольствіемъ за счетъ казны вошло въ каждогоднюю практику областной администраціи и составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ ея заботъ. И такъ какъ о самодѣятельности населенія никто при этомъ не думаетъ, то эта помощь голодающимъ носитъ характеръ подачки, которая голодающихъ только развращаетъ. Расхищаются богатства сѣвера, нищаетъ населеніе и цѣлый рядъ народностей сходитъ со сцены. Это вымираніе инородцевъ подъ натискомъ „культуры“ общеизвѣстно и служило предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Здѣсь дѣйствовалъ, конечно, цѣлый рядъ причинъ.

„Каждый годъ въ журналахъ общихъ присутствій областного или губернскаго управленія сибирскихъ и сѣверныхъ губерній приходится то и дѣло встрѣчаться съ отмѣтками: «исключается изъ оклада такой-то инородческій родъ, какъ совершенно вымершій». Такъ сухимъ канцелярскимъ языкомъ зафиксирована драма цѣ-

лыхъ народностей, обреченныхъ на неизбѣжную гибель, на полное вымираніе при современномъ укладѣ жизни"... [1]).

По изслѣдованіямъ этнографа А. А. Макаренка, командированнаго музеемъ Александра III, быстрыми шагами идутъ къ полному вымиранію кочующіе по рѣкамъ Нерчѣ, Киренгѣ и верховьямъ Витима орочоны. „За послѣднія 2 столѣтія въ Сибири вымерло многочисленное племя „омоки" между Яной и Колымой; не менѣе многочисленное племя юкагировъ, затѣмъ анаулы, кочевавшіе по Анадырю, также исчезли. Вымираютъ всѣ племена, причисляемыя къ арійцамъ — арины, ассаны, котты — исчезаютъ и енисейскіе остяки. Вымираніе замѣчается и среди наиболѣе культурныхъ и стойкихъ туземцевъ Сибири. Быстрому вымиранію отъ туберкулеза подвержены якуты Олекминскаго округа и буряты Иркутской губерніи" [2]). Факта вымиранія не отрицаетъ и мѣстная административная власть. Вотъ что, напр., писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1912 годъ якутскій губернаторъ: „За послѣднія 18 лѣтъ число ламутовъ сократилось на одну треть; число чукчей за послѣднія 12 лѣтъ сократилось втрое; за 100 лѣтъ сохранилась только одна пятая часть юкагирскаго племени, чуванцевъ отъ цѣлаго племени осталось всего пять человѣкъ, тогда какъ еще въ 1890 году ихъ значилось 143 человѣка, а въ 1862 г. — 259 человѣкъ". „Въ тиши своихъ кабинетовъ — говоритъ въ указанной выше статьѣ М. Шатиловъ—нѣкоторые ученые думаютъ, что причины вымиранія инородцевъ лежатъ въ скрещиваніи различныхъ народностей, т. е. въ характерѣ физіологической конструкціи различныхъ инородческихъ группъ",—можетъ быть, и такъ, но непосредственные наблюдатели жизни сибирскихъ инородцевъ на сѣверѣ знаютъ и другія причины ихъ вымиранія — гораздо болѣе очевидныя и убѣдительныя: пьянство, болѣзни, раззореніе, тяжкія экономическія и правовыя условія быта. Нужна, дѣйствительно, прямо колоссальная сила сопротивленія, чтобы противостоять натиску современной русской „культуры"; еще вопросъ, смогло ли бы выдержать этотъ натискъ и болѣе высоко въ культурномъ отношеніи стоящее населеніе,—дикари же сѣвера передъ нимъ совсѣмъ беззащитны. Корь, оспа, сифилисъ, скарлатина и дифтеритъ успѣшно косятъ населеніе въ томъ или другомъ уголкѣ обширной области—особенно велика бываетъ дѣтская смертность: вѣдь населеніе живетъ здѣсь въ самыхъ антигигіеническихъ и антисанитарныхъ условіяхъ, которыя можно приравнять лишь къ жизни звѣрей и животныхъ. Что можетъ здѣсь сдѣлать медицина? И какая медицина?

---

[1]) „Сибирская Жизнь", 1914, № 57. Статья М. Шатилова. Наше преступленіе.

[2]) Изъ лекціи Рычкова, прочитанной въ засѣданіи семипалатинскаго подъотдѣла зап.-сиб. отд. геогр. общества на тему „О вымираніи сибирскихъ инородцевъ".

На всю область съ населеніемъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ и на пространствѣ $3^1/_2$ милліоновъ кв. верстъ полагается по штату 17 врачей и 40 фельдшеровъ и акушерокъ. Но въ дѣйствительности даже изъ этого мизернаго количества пунктовъ многіе систематически остаются безъ врачей (особенно Верхоянскій и Колымскій округа). Возьмемъ для примѣра Верхоянскій округъ; онъ имѣетъ 15.000 душъ населенія и свыше 1 милліона кв. верстъ пространства—по штату здѣсь полагается 1 врачъ, 2 фельдшера и 1 акушерка. Округъ имѣетъ лишь одинъ врачебный участокъ, наименьшій выѣздъ—30 верстъ, наибольшій —1.700 верстъ. Мнѣ пришлось одно время жить на крайнемъ сѣверѣ Верхоянскаго округа—ближайшіе отъ меня пункты съ врачебной помощью были с. Булунъ на Ленѣ (въ 1.650 верстахъ) и г. Верхоянскъ (въ 1.760 верстахъ). При такихъ разстояніяхъ наѣзды фельдшера или врача въ дальніе уголки тундры могутъ быть, конечно, лишь случайными, съ промежутками въ нѣсколько лѣтъ. Есть здѣсь, разумѣется, и такіе углы, которые врача вообще никогда не видали. По официальнымъ свѣдѣніямъ, всего въ Якутской области функціонировало въ 1909 г. 16 пріемныхъ покоевъ и больницъ съ 234 кроватями; на одну кровать, слѣдовательно, приходилось 1.173 человѣка всего населенія области. Къ этому надо прибавить, что на содержаніе врачебной части идетъ около 30% всего бюджета Якутской области. Говорить вообще о медицинской помощи населенію при такихъ условіяхъ не приходится—ея вообще, можно сказать, не существуетъ.

Для всякаго ясно, что бороться съ указанными выше невзгодами возможно только мѣрами общаго характера. При нормальныхъ условіяхъ въ дѣлѣ общаго подъема культуры не малую роль могли бы сыграть школы. Но то, что дѣлается здѣсь, рисуетъ положеніе просвѣщенія въ области въ самомъ печальномъ свѣтѣ. Воистину можно назвать область лишь „краемъ народной темноты“.

Согласно официальнымъ даннымъ, на 275.000 населенія области имѣлось къ 1 января 1912 года 71 министерское училище съ 1.142 учащимися и 63 церковно-приходскихъ съ 776 учащимися, причемъ на Якутскій собственно округъ приходится больше половины всѣхъ школъ и всего числа учащихся. Несомнѣнно, впрочемъ, что и указанное въ официальномъ отчетѣ количество является значительно преувеличеннымъ. Сужу объ этомъ по Верхоянскому округу, въ которомъ положеніе просвѣщенія мнѣ хорошо извѣстно по личному опыту. Въ этомъ округѣ, согласно отчету, на 15.000 человѣкъ населенія имѣется двѣ министерскихъ школы (49 учениковъ) и 4 церковно-приходскихъ (34 человѣка) — но эти 4 церковно-приходскія школы лишь значатся на бумагѣ (Абый, Казачье, Аллаиха, Русское Устье), въ дѣйствительности же не существуютъ, какъ я въ этомъ убѣдился лично, побывавъ во всѣхъ четырехъ

означенныхъ пунктахъ. Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить, что въ Абыѣ инородцы ходатайствовали объ открытіи министерской школы въ 1904, 1908 и 1912 гг. Такъ же безуспѣшно хлопотали объ открытіи школъ въ Казачьемъ и Аллаихѣ въ 1908 году. Жиганскій улусъ Верхоянскаго округа, гдѣ имѣется съ 1907 года двухъ-классная министерская школа въ Булунѣ, насчитываетъ населенія 1.620 человѣкъ. До 1907 г. въ Булунѣ имѣлась церковно-приходская школа, а съ 50-хъ годовъ существовала такъ называемая народная школа грамоты. Результаты существовавшаго здѣсь втеченіе десятилѣтій просвѣщенія очень плачевны—въ 1914 г. во всемъ улусѣ имѣлся только *одинъ* грамотный, получившій образованіе въ Булунѣ. Что касается внѣшней обстановки просвѣщенія, то вотъ что говоритъ о ней корреспондентъ изъ Якутска [1]): „Школы немноголюдны: въ среднемъ имѣютъ 12-15 учениковъ, минимумъ— 6 человѣкъ, максимумъ — 30. Освѣщеніе всегда скудное, дѣти учатся зачастую лишь при свѣтѣ камелька, а въ нѣскольких школахъ вмѣсто стеколъ вставлены куски льда". Ученики до крайности неопрятны и грязны. „Первое время—писала одна изъ учительницъ якутской школы — я не могла высиживать въ классѣ болѣе часа: тошнило; въ перемѣну приходилось опрыскивать одежду карболкой или одеколономъ. Хотонный запахъ (школа помѣщалась въ юртѣ съ „хотономъ", т. е. вмѣстѣ со скотомъ) отвращалъ меня отъ пищи. И вотъ... прежде нужно было научить дѣтей держать себя опрятнѣе... Приходилось самой имъ мыть уши, шею, стричь ногти, волосы". О томъ, каковъ въ этихъ школахъ санитарный надзоръ, можно судить по тому, что „въ одной школѣ врачъ былъ всего разъ втеченіе четырехъ лѣтъ, въ другой—разъ за пять лѣтъ, въ 86 школахъ врачъ не былъ ни разу. 37 школъ не видѣли ни разу даже фельдшера. Врачъ для школы какъ бы лицо постороннее".

Положенію въ области просвѣщенія вполнѣ соотвѣтствуетъ и составъ педагогическаго персонала. Большинство учителей окончили двухклассное или четырехклассное училище, есть лица и безъ всякой подготовки. Къ обязанностямъ своимъ относятся по-чиновничьи и интересуются только жалованьемъ. Мнѣ извѣстенъ, напр., такой случай: зимой 1911 - 12 гг. сѣверъ области объѣзжалъ школьный епархіальный наблюдатель; по чину коллежскаго ассесора ему полагалось шесть подводъ (тройные прогоны), онъ занималъ двѣ, получая, конечно, прогоны за всѣ шесть. Онъ объѣхалъ Казачье, Аллаиху, Русское Устье, Колымски, изъ Нижняго Колымска ѣздилъ на Барановъ Мысъ, гдѣ не существуетъ не только школъ, но даже человѣческаго жилья, о чемъ ему не могло не быть

---

[1]) „Сибирь", 21 февраля 1915 г.—на основаніи очерка санитарнаго состоянія школъ Якутскаго округа („Сиб. Врачъ", 1914, № 22 и 1915, № 1 и 2).

извѣстно заранѣе, и, сдѣлавъ такимъ образомъ около 10.000 верстъ, въ результатѣ привезъ, вѣроятно, съ собой въ Якутскъ солидную экономію (въ тысячи рублей), оставшуюся отъ командировки. За свою ревизію г. епархіальный наблюдатель получилъ въ Якутскѣ кромѣ того еще орденъ и въ мѣстной печати [1]) выступилъ со смѣлыми „опроверженіями“ нападокъ на постановку просвѣщенія на сѣверѣ и доказывалъ, что числящіяся на бумагѣ церковно-приходскія школы существуютъ и въ дѣйствительности, „какъ въ томъ лично пришлось убѣдиться автору настоящаго отношенія“. Упоминалъ, между прочимъ, епархіальный наблюдатель и о школѣ въ Русскомъ Устьѣ. Въ этомъ Русскомъ Устьѣ мнѣ пришлось прожить въ 1912 г. 9 мѣсяцевъ, причемъ пріѣхалъ я туда вскорѣ послѣ проѣзда епархіальнаго наблюдателя. Оказывается, послѣдній по пріѣздѣ своемъ созвалъ въ одну изъ наиболѣе просторныхъ избъ Русскаго Устья всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, усадилъ ихъ по скамьямъ, сдѣлалъ съ нихъ фотографическій снимокъ и уѣхалъ прочь, оставивъ каждому на память по карандашу, вѣроятно, какъ эмблему науки. Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ своего доклада г. епархіальный наблюдатель, вѣроятно, помѣстилъ снимокъ со „школы въ Русскомъ Устьѣ“ въ доказательство ея процвѣтанія. Надо ли говорить, что всѣ эти импровизированные „ученики“ были совершенно неграмотны? Послѣ отъѣзда ревизора всѣ они вернулись къ своимъ сѣтямъ и собакамъ и къ пріѣзду новаго ревизора успѣютъ, быть можетъ, всѣ перемереть.

Для характеристики педагогическаго міра Якутской области и для сужденія о томъ, какіе махровые цвѣты могутъ произростать въ мірѣ мѣстнаго чиновничества — много можетъ сказать эпизодъ съ инспекторомъ городского училища въ Якутскѣ Севастьяновымъ въ 1913 году. Мѣстной печати удалось установить изъ жизни инспектора слѣдующіе факты [2]): состоя преподавателемъ реальнаго училища въ Перми, Севастьяновъ содержалъ тамъ... домъ терпимости. За сіе переведенъ былъ въ должности инспектора городского училища въ Якутскъ. Здѣсь педагогъ занялся ростовщичествомъ, взимая до 20%. Обольстилъ 16-ти-лѣтнюю дѣвочку. „Публичная“ дѣятельность педагога была разоблачена, наконецъ, мѣстной печатью и администрація къ этимъ обличеніямъ не осталась глухой: Севастьяновъ отъ должности инспектора городского училища въ Якутскѣ былъ уволенъ и... по словамъ харбинской „Новой Жизни“, назначенъ инспекторомъ одного изъ училищъ Приамурскаго края. Бѣдные амурцы!

Здѣсь приходится коснуться вопроса, имѣющаго для судебъ Якутской области существенное значеніе и ярко характеризую-

---

[1]) „Якутская Окраина“, 1912, №№ 28, 30, 31.

[2]) „Якутская Окраина“, майскіе номера за 1913 г.; „Русскія Вѣдомости“, 12 февр. 1914 г.

щаго отношеніе самой русской государственности къ далекой окраинѣ: я имѣю въ виду составъ и характеръ мѣстной администраціи и чиновничества. Быть можетъ, ни въ чемъ заброшенность области и низкій уровень ея культуры не проявляются въ большей степени. Благодаря цѣлому ряду естественныхъ причинъ мѣстное населеніе почти не выдѣляетъ изъ своей среды культурныхъ силъ, которыя могли бы быть привлечены къ управленію краемъ. Втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ область имѣетъ своихъ стипендіатовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и Сибири, немало якутскихъ уроженцевъ получаютъ тамъ высшее образованіе,—но почти никто изъ нихъ не возвращается на родину. Съ другой стороны—выдѣлившаяся изъ населенія болѣе интеллигентная часть рѣдко преслѣдуетъ какіе-либо общіе для области интересы, ограничиваясь въ своей дѣятельности цѣлями личнаго пріобрѣтенія и обогащенія; въ соотвѣтствіи со своимъ національнымъ характеромъ, наиболѣе предпріимчивые и способные якуты занимаются по преимуществу торговой дѣятельностью, въ связи съ чѣмъ мало цѣнятъ общее образованіе и не придаютъ значенія общественной работѣ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, государству приходится содержать въ Якутской области цѣлую армію чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, пріѣхавшихъ въ область изъ другихъ губерній. Отдаленность края и суровыя условія жизни заставили создать для пріѣзжающаго чиновничества цѣлый рядъ льготъ и преимуществъ—служба въ этомъ далекомъ краю можетъ привлечь къ себѣ пріѣзжихъ лишь въ силу особыхъ *матеріальныхъ* преимуществъ. И, дѣйствительно, получая здѣсь солидные оклады содержанія по штату, чиновники пользуются и преимуществами разнаго рода, какъ-то: двойными и тройными прогонами до мѣста назначенія, полученіемъ содержанія впередъ за треть года въ видѣ пособія, сокращеннымъ срокомъ службы на пенсію, добавочными къ жалованью за каждое пятилѣтіе и на воспитаніе дѣтей обоего пола въ учебныхъ заведеніяхъ отъ 150 до 300 рублей. Что касается окладовъ жалованья, то такихъ, конечно, нигдѣ не найти въ Россіи: въ сѣверныхъ округахъ области мировой судья получаетъ 7,200 рублей въ годъ, исправники и доктора по 3,000 р., помощники исправника по 2,000 р.; кромѣ того, каждый чиновникъ получаетъ соотвѣтственно должности и чину пайки хлѣба, что за годъ даетъ десятки пудовъ хлѣба, цѣнимаго на сѣверѣ очень высоко,—хлѣбъ этотъ чиновниками обычно продается мѣстному населенію. Всѣ эти преимущества имѣютъ въ глазахъ чиновничества такую притягательную силу, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ якутскихъ чиновниковъ, заручившись здѣсь обѣщаніемъ мѣста, уѣзжали въ Европейскую Россію и возвращались сюда обратно со всѣми преимуществами окраинной службы. Обстоятельства эти самымъ плачевнымъ, конечно, образомъ отозвались

на качествѣ мѣстнаго чиновничества. Миддендорфъ еще въ 40-хъ годахъ жаловался на „рыбье равнодушіе и на хладнокровную недобросовѣстность, которыя въ короткое время овладѣваютъ въ Якутскѣ всѣми чиновниками“. Въ этомъ отношеніи жизнь въ Якутской области можетъ представить для наблюдателя острый интересъ. Щедринъ и сейчасъ могъ бы почерпнуть здѣсь богатѣйшій матеріалъ. Высшіе чины областей администраціи, полиція мѣстная и окружная, судебный міръ и присутственныя мѣста, педагогическій и медицинскій персоналъ, духовенство и тюремное вѣдомство—богаты скандальной хроникой, которую съ удовольствіемъ каждый обыватель во всѣхъ подробностяхъ изложитъ пріѣзжему. И можно только жалѣть о томъ, что такъ много матеріала втуне пропадаетъ для пера наблюдательнаго сатирика. Трудный контроль и связанная съ этимъ безотвѣтственность, безпомощность мѣстнаго инородческаго населенія и покоющаяся на этомъ свобода дѣйствій власть имущихъ—даютъ широкій просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ. Ѣдутъ сюда служить либо чиновники, соблазнившіеся высокими окладами жалованья и матеріальными выгодами, либо старцы для дослуживанія пенсіи. Связанными со своимъ положеніемъ обязанностями они не интересуются и на службу въ далекомъ, чужомъ и суровомъ краю смотрятъ, какъ на ссылку, изъ которой стараются какъ можно скорѣе извлечь всяческую пользу.—Ждете, докторъ, себѣ амнистіи?—спросилъ я какъ-то (передъ 18 февраля 1914 г.) въ шутку доктора, дослуживавшаго въ чинѣ статскаго совѣтника пенсію на сѣверѣ.—„А какже,—отвѣтилъ докторъ серьезно — навѣрное, сколько-нибудь годиковъ выслуги скинутъ, *за что же я имъ тутъ страдаю?*“—Докторъ этотъ, надо сказать, получалъ 3,000 р. въ годъ, нѣсколько пайковъ, 2 года службы ему считалось за три—больными же совершенно не интересовался, отказываясь ходить даже къ тѣмъ больнымъ якутамъ, которые жили въ одномъ съ нимъ окружномъ городѣ. Не лучше его относился къ своимъ обязанностямъ мировой судья, назначенный въ Колымскъ. Получивъ лишь домашнее образованіе, никакихъ спеціальныхъ познаній онъ не имѣлъ и мѣсто мирового судьи получилъ по протекціи жены. По пути въ Колымскъ онъ отказался отъ предложенія отдохнуть нѣсколько дней въ Верхоянскѣ.—„Помилуйте, моихъ кровныхъ шесть рублей пропадаетъ въ сутки!“—онъ имѣлъ при этомъ въ виду тѣ 6 рублей въ сутки канцелярскихъ расходовъ, которые исчисляются мировому судьѣ со дня пріѣзда его на мѣсто службы. Этотъ мировой судья черезъ 1½ года службы на сѣверѣ былъ уволенъ безъ прошенія, по собственнымъ словамъ скопилъ за это время 12,000 рублей и за одинъ годъ написалъ на мѣстнаго исправника 21 доносъ, чистосердечно сознавшись въ этомъ при своемъ отъѣздѣ. Сѣверъ зналъ исправника, который за одну зиму обыгралъ городъ въ карты на 12,000 р., и другого, который былъ уличенъ въ незаконной

получкѣ спирта (ввозъ коего на сѣверъ запрещенъ). Рѣдко кто изъ сѣверныхъ администраторомъ остается на своемъ посту больше одного года и почти всегда слѣдствіемъ его вынужденной отставки бываетъ ревизія его дѣлъ. Таковъ обычай, поведшійся здѣсь съ древнихъ временъ.

Полное пренебреженіе къ интересамъ населенія со стороны отдѣльныхъ администраторовъ не должно считаться страннымъ, если принять во вниманіе, что таково же отношеніе къ населенію и самого государства въ лицѣ областной администраціи—и для послѣдней обыватель до сихъ поръ является лишь объектомъ управленія, а не субъектомъ правъ. Населеніе по отношенію къ государству обязано давать, но не обязано получать, должно выплачивать повинности, но не можетъ предъявлять какихъ бы то ни было правъ. Это правило обусловливаетъ всю мѣстную административную практику и повседневный бытъ населенія въ его отношеніяхъ къ органамъ управленія. Однимъ изъ показателей такого именно отношенія администраціи къ населенію служитъ характеръ земскаго обложенія, которое является важнѣйшей статьей его расходовъ. Составленіе земской смѣты нынѣ находится всецѣло въ рукахъ областной администраціи, что—при извѣстномъ отношеніи ея къ населенію—является главной причиной колоссальной налоговой задолженности населенія. Вотъ, напр., составъ раскладочной коммиссіи въ Верхоянскѣ: полицейскій исправникъ, помощникъ исправника, секретарь окружной полиціи, 2 полицейскихъ засѣдателя—и ни одного представителя отъ мѣстнаго населенія. При такомъ составѣ не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что на плечи населенія возлагается слишкомъ тяжелое налоговое бремя. При сличеніи численности платежныхъ силъ съ окладными листами оказывается, напр., что въ одномъ только Жиганскомъ улусѣ въ 1912 г. значилось 978 ревизскихъ душъ, а въ дѣйствительности ихъ было 736 окладныхъ работниковъ по окладнымъ листамъ 520, въ дѣйствительности—328 человѣкъ. По подсчету, произведенному улусомъ въ 1912 г. [1]), на этихъ 328 лицахъ лежало податныхъ сборовъ съ внутренними и натуральными повинностями 19,775 р. 43 к., т. е. *по 60 р. 10 к. на душу*. Если прибавить къ этому кабальную зависимость мѣстнаго промышленника отъ купечества, то не трудно представить себѣ всю тяжесть экономическаго положенія населенія. Инородецъ въ глазахъ государственной власти есть только данникъ, покоренный силой оружія. Такъ, въ томъ же 1912 году у Жиганскаго улуса совершенно для него неожиданно Областное Управленіе отчислило въ казну десять лучшихъ рыболовныхъ песковъ въ видѣ казенной оброчной подати: 4,253 рубля, которые до сихъ поръ улусъ, какъ главную статью своихъ доходовъ,

---

[1]) Приговоръ Жиганской Инородческой Управы отъ 27 ноября 1912 г.

получалъ за сдачу этихъ песковъ въ аренду и которые улусъ тратилъ на свои общественныя нужды, были взяты казною безъ какого бы то ни было предупрежденія и безъ какой-либо компенсаціи.

Въ высшей степени интересно и поучительно современное положеніе нашего сѣвера сравнить съ судьбой Аляски, которая въ климатическомъ, этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ во многомъ напоминаетъ сѣверо-восточную окраину Сибири. И здѣсь, какъ у насъ, свирѣпствуютъ морозы, край былъ заселенъ такимъ же, какъ сибирскій инородецъ, дикимъ племенемъ американскихъ эскимосовъ и не меньше сибирскаго сѣвера онъ отрѣзанъ отъ культурныхъ мѣстъ необъятными пустынными пространствами. Какъ извѣстно, съ конца 17 вѣка сюда первыми піонерами европейской цивилизаціи проникли русскіе; въ 1768 году вновь открытая область была офиціально присоединена къ Россіи, а въ 1867 году за баснословно дешевую цѣну (7.200,000 долларовъ) была уступлена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ [1]. За недолгій срокъ владычества американцевъ Аляска стала неузнаваема. Въ сѣверной пустынѣ точно по волшебству выросли культурные города (Номе на морѣ, Даусонъ и С. Майкль на рѣкѣ Юконѣ), благоустроенные и блестящіе, снабженные удобствами, до какихъ еще не доросли города европейской Россіи. Основанный всего лишь въ 1899 г. городъ Номе насчитываетъ сейчасъ до 5,000 жителей. Здѣсь имѣются телеграфъ, банки, учебныя заведенія, благоустроенныя гостинницы съ электрическимъ освѣщеніемъ, клубы, магазины, свои газеты, больница на 40 мѣстъ, 5 аптекъ, 15 врачей... Въ навигацію ежегодно прибываютъ свыше 100 пароходовъ, имѣется до 40 мелкихъ паровыхъ судовъ, поддерживающихъ мѣстное движеніе, къ ближайшимъ пріискамъ устроена желѣзнодорожная колея. Созданная въ такое короткое время человѣческимъ геніемъ культура подчиняетъ своему вліянію и брошенныхъ на произволъ судьбы сибирскихъ инородцевъ—въ Номе стремятся теперь и эскимосы съ сибирской стороны. На Чукотскомъ полуостровѣ чукчи уже вооружены американскимъ оружіемъ, обзавелись американскими разборными деревянными домиками, одѣваются по-американски и говорятъ по-англійски.

Какъ разъ въ то время, когда я жилъ въ Булунѣ въ низовьяхъ Лены (1913-14 гг.), въ мои руки попалъ альбомъ видовъ города Номе и Аляски. Альбомъ этотъ былъ пересланъ мнѣ изъ Нижняго Колымска, куда осенью 1911 года прибыли изъ Номе на шкунѣ съ торговыми и научными цѣлями три американца. На этихъ

---

[1]) Въ одномъ только 1908 г. было добыто въ Аляскѣ золота, серебра и мѣди на 20.791,000 долларовъ и вывезено отсюда одной только рыбы на 8.500,000 долларовъ.

фотографіяхъ можно было видѣть оживленныя улицы европейскаго города съ роскошными магазинами, гостинницами и кафе: на улицахъ можно было различить вывѣски книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, ювелирныхъ лавокъ, кондитерскихъ и парикмахеровъ. И лишь огромные сугробы снѣга и запряженная собаками нарта на улицахъ города напоминали о томъ, что расположенный далеко за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ городъ Номе находится въ одинаковыхъ климатическихъ и географическихъ условіяхъ съ Булуномъ. Когда я показывалъ полученный альбомъ булунцамъ, они не хотѣли вѣрить, чтобы такая жизнь, какую они видѣли на фотографіи, была возможна въ ихъ условіяхъ существованія. Сами они знали лишь жалкіе поселки въ лучшемъ случаѣ съ двумя-тремя десятками земляныхъ юртъ, у которыхъ оконныя стекла замѣнены льдинами, знали жизнь нищенскую и дикую съ глухой тоской далекаго медвѣжьяго угла. Чудомъ кажется имъ прибывающій изъ Якутска три раза за все лѣто пароходъ и еще недавно они убѣгали, какъ звѣри, въ тундру, когда слышали его свистокъ. Городъ Номе, возникшій по велѣнію человѣческаго генія въ другомъ концѣ снѣжной пустыни, казался имъ невѣроятной, чудесной сказкой.

Совсѣмъ недавно мы были свидѣтелями не менѣе чудеснаго превращенія дикаго края въ культурную страну—это произошло на той же восточной окраинѣ. Я имѣю въ виду южную половину Сахалина, перешедшую въ 1905 г. къ Японіи. Стоило только части Сахалина перейти въ другія руки, какъ съ ней произошло волшебное измѣненіе: города сказочно выросли, населеніе въ нихъ удесятерилось, появились желѣзныя дороги, открылись огромныя природныя богатства. Для русской же государственности Сахалинъ былъ только каторжнымъ островомъ. Та же исторія—только въ гораздо большихъ размѣрахъ—повторяется съ Якутской областью, которая для русской государственности до сихъ поръ представляется лишь областью ссылки. Огромныя естественныя богатства области лежатъ сейчасъ втуне и не могутъ быть использованы—и среди этихъ богатствъ нищенскую жизнь ведетъ жалкое населеніе. Патріархальное хозяйство ведется въ странѣ дремлющихъ богатствъ, какъ многіе называютъ Якутскую область, на хищническихъ началахъ—безвозвратно расточается богатство края, гибнетъ благосостояніе населенія, а съ нимъ вмѣстѣ вымираетъ и само туземное населеніе, которое замѣнить будетъ некѣмъ и которое до сихъ поръ отъ русской государственности и русской „культуры“ не получило ничего, кромѣ минусовъ. И въ голову невольно приходитъ образъ сибирскаго челдона, который рубитъ красавца—кедръ для того лишь, чтобы полакомиться одной его шишкой. Не является ли этотъ челдонъ символомъ той „культуры“, которая сложилась на далекой окраинѣ?

В. Зензиновъ.

ЛАЗАРЕТЪ.

I.

По дорогѣ.

...По дорогѣ съ Васильевскаго на Петербургскую насчитали одиннадцать лазаретовъ:—городскіе съ гербами на бѣлыхъ вывѣскахъ и—Краснаго Креста съ развѣвающимися по вѣтру, успѣвшими посѣрѣть за полгода войны, флагами.

— Никакъ вонъ — двѣнадцатый, сказалъ извозчикъ.

. . . .

. . . .

— Въ, первый разъ въ Питеръ пріѣхали?..

— Ну вотъ сказали... Да я въ емъ тридцать годовъ выжилъ: — съ пятьдесятъ со второго году ѣздилъ... Вотъ послѣдніе годовъ двадцать—поболѣ въ деревнѣ жилъ. Хозяйствовалъ.

— Сына, видно, посылали?

— Сына...

Старый извозчикъ, словоохотливый и болтливый, какъ были всѣ извозчики въ старину,—обернулся ко мнѣ всѣмъ своимъ обросшимъ по брови лицомъ и заговорилъ... О томъ, что Питера теперь не узнать, о томъ, что кормильца на войну взяли, о томъ, что дома—шесть ртовъ.

— Я со старухою, да дѣвка, да дочка вдовая сама третья. Въ городѣ была выдадена. Жили—лучше не надо, сто рублей въ мѣсяцъ зять зароблялъ. Ну, померъ въ осени... Воля на то Божія... Пока невѣстка при насъ державалася, — все было ничего: дѣтей у ней четверо да на самое пай идетъ... Такъ сказать надо—лучше, чѣмъ при сынѣ, жили. Извѣстно,—въ городѣ жилъ: когда положонаго не выѣздилъ, — свое приплатитъ, когда чайкомъ, когда водочкой побалуется... А тутъ еще „люзьены" каки-то пошли, тоже займался, грѣшилъ. Только, какъ моя Евдонька съ ребятами пріѣхала, невѣстка взъѣлась и сватъ, отецъ ейный, за нею:—иди, молъ, домой. Какъ тебѣ золовкиныхъ дѣтей паемъ кормить, такъ ты

лучше отца съ матерью покорми:—у нихъ тожь десять ложекъ во щи лѣзутъ. Въ волости судились, земскій пріѣзжалъ... Я говорю по закону: мой сынъ—мой пай, а земскій мнѣ на мѣсто того: „Теперь, старичокъ, не по закону, а по хлѣбу. Пока твоей невѣсткѣ паи вышли, она со всѣми дѣтьми у родного отца пропитывалася. А теперь,—какъ ея охота. Такую, значитъ, теперь бабамъ волю дали. Поплакали мы, какъ невѣстка съ дѣтьми со двора съѣхала: внуковъ жалко да и съ голоду помереть боязно... Только смотрю я ночью, а моя старуха распорола лантухъ, два хорошіе кошеля шьетъ. Помолилась, Богу покланялась, а тамъ—меня будить взялась: вставай, говоритъ, пока народъ спитъ, пройдемъ гумнами куда подалѣ, чтобъ сраму передъ своими не было, что съ хозяйскаго двора въ кусочки идутъ".

Горе тутъ меня взяло. „Дура ты старая—говорю. Молишься, а Богу, Спасу Милостивому, не вѣруешь. Развъ мысленно, чтобъ солдатскій отецъ съ сумою пошелъ? Еще меня въ Питерѣ по сыну вспомнятъ. А что мерзнуть я буду, такъ и ему въ окопѣ не слаще мого. Всѣ должны страдать: ничего не подѣлаешь"...

— Такъ сказать, что я малость ошибся. Хозяинъ сына вспомнилъ, но мнѣ не больно обрадовался: — „ты, говоритъ, дѣдушка, старъ. Навѣдайся денька черезъ три". А я тыми тремя днями хожу по Питеру да самъ себя въ окнахъ пугаю: извѣстна наша калуцкая обрядка—зипунъ, лапти липовы, борода съ бровамъ сходится. Зятева родня, спасибо, выручила. Сводили меня раза два въ баню, подъ польку подстригли, бороду вродѣ купеческой подровняли, да и самъ я на ситномъ хлѣбѣ послѣ бани пообмякъ, побѣлѣлъ малость. Прихожу,—а у хозяина и вовсе другія рѣчи...

У него три тройки да жена молодая, а его самого на войну ратникомъ берутъ. Такъ онъ на стариковъ сталъ милѣй поглядывать. Свой „козырекъ" съ молодою лошадкой мнѣ предоставилъ: знаетъ — не загоню, не опою... Вотъ и ѣзжу, ужь и пятую пятерку нынче домой послалъ. По началу говорили,—не будетъ хорошихъ дѣловъ: кабаки-рестораны прекратили, господа на войну ушли... Ничего, нашему брату нашлась работа. Питерская публика еще пуще сумятится: что прежде по ресторанамъ, то нонѣ по лазаретамъ себя забавляютъ... Вонъ какая, а тоже лазаретъ спрашиваетъ.

На подъѣздѣ стояла грузная древняя старуха съ широкимъ, бѣлымъ, точно мучнистымъ, лицомъ и затянутыми старческой пленкой свѣтлоголубыми глазами.

— Какъ тутъ, миленькая, къ раненымъ пройти?

— А вамъ кого?

— Сынка ищу, Ондрея Мякинина... Запасной онъ.

— А вы навѣрное знаете, что онъ въ нашемъ лазаретѣ?

— Гдѣ же знать!.. Ничего я не знаю... Такъ думаю, что и въ живыхъ его давно уже нѣту. Какъ прислалъ изъ города Кіева письмо на самое Покровъ, такъ и слуху не стало. Еще и патретъ прислалъ: такой-то хорошій!

— А вы справлялись о немъ?

— Гдѣ намъ, темнымъ, справляться! Кабы я грамотная... Еще, спасибо, монашки отъ о. Іоанна надоумили:—отслужи, говорятъ, по усердію хоть шесть панихидъ по рабѣ Ондреѣ. Коли живъ, ухватитъ его тоска на всякомъ мѣстѣ, — непремѣнно вѣсточку дастъ. Ничего не подѣлаешь, — продала каки были рушнички-платочки, четыре панихидки отправила, еще двѣ осталося... А пока—по лазаретамъ хожу: може гдѣ проявится.

— Напрасно, бабушка, это все равно, что въ стогу сѣна иголку сыскать.

— Что-жь дѣлать, милая, коль на мѣстѣ никакъ не усидишь. Старая я, мнѣ восемьдесятъ годовъ безъ одного. Ондрюшенька у меня послѣдышекъ былъ, а и ему, гляди, сороковой пошелъ. Невѣстка съ меня работы ужь не спрашиваетъ... Нечего говорить, жалѣетъ старуху за то, что я ей дѣтокъ вынянчила. Онамедни прихожу изъ бани, а она алимончикъ купила, — даромъ, что двугривенный штука, — и меня чай пить зоветъ: иди, маменька, съ легкаго пару попей. Сѣла я, Ондреюшкинъ портретъ со стѣнки сняла, поставила.—„Сыночекъ ты мой, соколикъ мой ясный! напейся и ты съ нами, а то скоро стрѣнемся съ тобою на томъ свѣтѣ, тогда намъ чайку,—ау!—не дадутъ“.

Швейцаръ прочелъ до конца списокъ больныхъ нашего лазарета.

— Нѣтъ, бабушка, нѣту такого.

— Нѣту... Такъ, такъ... Такъ я и знала... А далеко-ли, милый, другой лазаретъ?

Лазаретъ рядомъ, за переулкомъ, и изъ окна я увидѣла, какъ старуха брела по глубокому снѣгу, грузно передвигая свои широкія, налитыя водянкою ноги.

II.

Въ лазаретѣ.

Окна лазарета выходятъ на одну изъ старыхъ тихихъ улицъ, гдѣ извозчикъ показывается рѣдко, а автомобиль составляетъ цѣлое событіе. И можно бы забыть, что находишься въ Петроградѣ, еслибы прямо передъ окномъ, за широкою рѣкою, не взлеталъ къ небу шпиль Петропавлов-

ской крѣпости. На шпилѣ солнце играетъ во весь день, а ночью мѣсяцъ осыпаетъ его серебряными звѣздами, и солдаты любятъ по ночамъ смотрѣть на его серебряные переливы.

— Не задергивайте, сестрица, штору, — просятъ они. — Такъ-то веселѣе:—церкву видать.

Съ вечера въ палатахъ засыпаютъ поздно, тяжело и не дружно. Много разъ пройдетъ сестра, проситъ, напоминаетъ правила, пока смолкнетъ, наконецъ, говоръ по кроватямъ и притихнутъ высокія комнаты, облитыя ласковымъ свѣтомъ передъиконныхъ лампадъ. Но совсѣмъ лазаретъ во всю ночь не стихаетъ. Сперва по двое-трое выкрадываются въ корридоръ покурить. Позже начинаютъ стонать, охать и дико вскрикивать со сна уснувшіе люди:—это имъ чудится кровь, смерть и ужасъ, отъ котораго они схоронились на время въ тихія, свѣтлыя комнаты лазарета. Наверстывая ночь, долго спятъ днемъ. Съ восьми часовъ сестры начинаютъ измѣреніе температуры и во весь часъ, назначенный для этого, больные досыпаютъ утренній, самый милый сонъ. „Въ запасъ, сестрица, отсыпаемся", оправдываются они передъ сестрой. Самое бойкое время — послѣ вечерняго чая: — всѣ говорятъ разомъ, всѣ вспоминаютъ... Нужды нѣтъ, что все давно разсказано, давно выслушано.

Лазаретъ маленькій. Въ немъ нѣтъ тяжело раненыхъ прямо съ позицій. Переводятся въ него больные для продолжительнаго отдыха и леченья. Отдыхаютъ руки и ноги въ бинтахъ и шинахъ, отдыхаютъ сытые желудки, дремлетъ разумъ отъ одного и того-же, много разъ повтореннаго разсказа, къ которому авторъ съ каждымъ разомъ придумываетъ новую захватывающую подробность. Но въ этихъ выдумкахъ нѣтъ лжи. Именно эти подробности звучатъ тою настоящею правдой, которую много лѣтъ спустя будутъ искать въ фоліантахъ газетъ и грудахъ воспоминаній будущіе историки великихъ и страшныхъ дней. И хочется уловить этотъ свѣтъ истины теперь, пока онъ еще свѣтится въ воспаленныхъ глазахъ тѣхъ, кто вынесъ эту высшую правду въ собственномъ истерзанномъ тѣлѣ въ видѣ пуль и шрапнелей, въ своей мужицкой, простой, почти всегда незлобивой душѣ...

III.

Пулеглотъ.

Нѣтъ ужаса, къ которому человѣкъ не смогъ бы привыкнуть. А, привыкши, люди начинаютъ подшучивать надъ тѣмъ, о чемъ еще вчера имъ было страшно думать.

„Пулеглотомъ" прозвали Воскобойникова за то, что пуля

попала ему прямо въ ротъ. Бѣжалъ Ванька на приступъ, кричалъ „ура". Влетѣла пуля, отшибла кусочекъ языка, вышла пониже челюсти, прокатилась по шеѣ въ двухъ миллиметрахъ отъ сонной артеріи, раздробила ключицу и вышла изъ-подъ лопатки.

„Нанизала хлопца, какъ дѣвка коралы", говоритъ Гальченко.

Въ первое время Воскобойниковъ не могъ говорить, только мычалъ. И этотъ безсловесный первый нашелъ милое слово, съ которымъ потомъ обращался ко мнѣ весь лазаретъ:— „мамаха", что означало „мамаша".

Мало-по-малу въ глухой модуляціи гортанныхъ и гласныхъ звуковъ стало возможно разобрать слова.

— О-о-оо!—жаловался Ванька и выходило: холодно.

— Ухи-оха-а!—и сестры понимали:—кушать охота.

Разъ я застала Пулеглота съ письмомъ въ рукѣ у самой двери. Лицо у него было озабоченное и печальное: онъ ждалъ меня давно.

— Оюххо! Оюххо ахое!

— Какое горюшко, Ваня?

Оказалось, что письма никто не сумѣлъ разобрать, а видать по отдѣльнымъ словамъ, что плохо пишутъ изъ дома. И точно, вѣсти были нерадостны,—какъ почти во всѣхъ письмахъ къ солдатамъ. Изъ далекой Енисейской губерніи извѣщали, что подать заплатить нечѣмъ, соли — спичекъ купить не на что. Пшеницу продавать приходится по 20 коп., овесъ по 15 за пудъ, а съ пушниной вовсе плачь: горностай — 50 коп., чернобурая лиса два съ полтиной. На простую лиску да бѣлку и вовсе не смотрятъ. Воскобойниковъ слушалъ, затаивши дыханіе, широко открывъ круглые, какъ у звѣря, глаза, и при имени каждаго животнаго онъ весь приходилъ въ движеніе, радостно взвизгивалъ и показывалъ жестами, о комъ идетъ рѣчь. Сдвинувши кулакъ на кулакъ, посадилъ на суку вертлявую бѣлку; широко распушилъ по кровати пышный хвостъ чернобурой лисы; завилялъ вороватыми хвостами рыжихъ лисицъ и, повизгивая отъ восторга, изобразилъ пальцами тоненькаго горностая.

И видно было по горящимъ глазамъ, по всему облику страстнаго звѣролова, что въ его дикой лѣсной душѣ отразились всѣ звѣриныя души родной тайги. Долго не расходились больные отъ Пулеглотовой койки, глядя, какъ онъ представлялъ звѣрей. „Ну и ловко! чисто медвѣдь"!—„Бурундучишко-то, бурундучишко по ногѣ вверхъ цапается"!— слышались восторженные выкрики.

А нѣсколько дней спустя, Воскобойниковъ, вѣрный лаза-

ретнымъ обычаямъ, уже сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ пустыми папиросными коробками, и читалъ:

„Ба-бочка“, „Бо-га-хый“:—началось ученіе грамотѣ.

Тутъ неожиданно сказалось, что ученіе это для Воскобойникова стало серьезною лечебною мѣрой. Уже послѣ нѣсколькихъ уроковъ сестра замѣтила, что онъ произноситъ слова все отчетливѣе и легче. И когда сказала о томъ доктору, тотъ распорядился расположить звуки въ извѣстномъ порядкѣ, при которомъ получалась бы наиболѣе полная гимнастика языка. Электричество и массажъ дополнили дѣло и къ тому времени, какъ раны закрылись, Ванька сталъ говорить, какъ говорятъ шепелявыя, дурашливыя дѣти. И по мѣрѣ выздоровленія становился все капризнѣе, непокорнѣе и проказливѣе, точно самъ дѣлался дурашливымъ ребенкомъ. Онъ принадлежалъ къ тому типу солдатъ, которыхъ въ ротахъ зовутъ „обломъ“. Въ обычное время неуклюжій, лѣнивый,—такой солдатъ въ нужную минуту, повинуясь ротной дисциплинѣ, незамѣнимъ: въ огонь идетъ, не задумываясь; лѣсину цѣлую притащитъ, если нужно кашу варить,—и командира на плечахъ вынесетъ изъ рукопашной схватки, Но въ лазаретѣ, гдѣ все ближайшее начальство одна тоненькая, бѣлая „сестрица“, такой больной сущее мученіе. Обломъ представляетъ себѣ начальство не иначе, какъ вооруженное всѣми орудіями воздѣйствія: кулакомъ, прикладомъ, револьверомъ. И на тихія просьбы сестры и нерѣшительныя угрозы „пожаловаться доктору“ спокойно отвѣчаетъ: „А докторъ что мнѣ сдѣлаетъ“? Къ счастью, Пулеглотъ былъ обломъ крайне добродушный и всѣ его проказы сводились къ тому, что онъ нарушалъ лазаретныя правила: спалъ цѣлый день, бродилъ ночью по палаткамъ, отказывался отъ обѣда и, стащивши краюху въ кухнѣ, уписывалъ ее за обѣ щеки передъ ужиномъ, заѣдая припасеннымъ сахаромъ. Попробовала сестра пригрозить, что въ кинематографъ, до котораго падки всѣ солдаты, не возьметъ; но Ванька и тутъ отвѣтилъ спокойно: „Не больно нуждаемся!“ и запряталъ голову подъ подушку.

Въ тотъ день больные были въ зоологическомъ музеѣ и, вернувшись, за чаемъ разсказывали не бывшимъ товарищамъ о томъ, что видѣли.

— Повѣрить невозможно: пять тигровъ такъ, кажись, и растерзаютъ!

— Ну, и маманъ! Одного мяса, небось, двѣсти пудовъ!

— А мнѣ слонъ будто больше показался...

— А медвѣдя видали? — неожиданно заинтересовался Пулеглотъ.

— Важное кушанье твой медвѣдь! Тамъ — какіе только на свѣтѣ есть звѣри,—всѣхъ увидишь.

И въ слѣдующій разъ, когда пошли въ зоологическій музей, Воскобойниковъ собрался первымъ. Вернулся онъ въ радостномъ неистовствѣ: визжалъ, хрюкалъ, залѣзалъ на столы, изображая рысь, и ухитрился примоститься на спинкѣ кровати, какъ векша.

И съ этого дня любовь къ звѣрю стала уздою, которою можно было удерживать непокорнаго Пулеглота. Стоило пообѣщать ему принести книжку со звѣрями или показать живыхъ звѣрей въ зоологическомъ саду—и Ванька затихалъ, ложился во время и ѣлъ въ мѣру, все спрашивая:—„Скоро ли къ звѣрямъ?“

Былъ лютый морозъ въ тотъ праздничный день, когда наши больные вернулись изъ зоологическаго сада. Клубъ бѣлаго пара вился въ просвѣтѣ дверей, когда они,—кто съ палкой, кто на костыляхъ,—входили одинъ по одному. Первымъ, не раздѣваясь, въ столовую ворвался Воскобойниковъ.

— Мамашечка! Сестрицы родныя!! Видѣлъ... Всѣхъ... Живьемъ видѣлъ!! Обизъяновъ... вотъ такъ и трясутся, сердешныя... Слона... льва... тигровъ... Только бы Господь привелъ одного Царя посмотрѣть, — и помереть не страшно! Тогда хоть и въ окопъ самой обратно.

Удалось исполнить и послѣднее, казалось бы, недостижимое желаніе Пулеглота. На патріотическомъ спектаклѣ въ Маріинскомъ театрѣ онъ былъ въ числѣ немногихъ избранныхъ и вернулся оттуда какъ-то странно присмирѣвшій и затихшій. Въ глазахъ его свѣтилась печальная человѣческая мысль и онъ повторилъ нѣсколько разъ: „Привелъ Богъ... Не иначе, что коммиссія въ армію назадъ оборотитъ“.

Но коммиссія сошла для Ваньки нежданно счастливо: его отправляли домой на поправку на 8 мѣсяцевъ.

— Самъ собою какъ есть здоровъ... Вотъ только „равненія“ нѣтъ нисколько.

И ужь какое было „равненіе“ направо и налѣво съ шеей притянутой къ плечу и груди. Провожали Пулеглота радостно, какъ всѣхъ, идущихъ домой. Не совсѣмъ случайно сестрица выбрала ему изъ вороха пожертвованнаго платья темнокрасную рубаху въ желтый горошекъ и желтую опояску. Лихо заломивъ на ухо сибирскую мохнатую папаху, закрутивъ усы и подмигивая бровью, Ванька стоялъ передъ зеркаломъ и хвалился:

— Какъ пріѣду,—свататься буду. Первую дѣвку на селѣ высватаю,—Варьку Пьянкову возьму.

— Да кто еще за тебя, безъязыкаго, пойдетъ?—смѣялись кругомъ.

— За меня-то!? За меня перва краля ухватится. Я съ рукамъ, съ ногамъ, работать могу... За кого имъ, дырявому войску, итить? Видали вы, какіе женихи въ деревни остались? Либо чахоточный, либо гундосые да безносые...

. . . .

. . . .

IV.

Оксанка.

...Въ нашемъ лазаретѣ не оказалось ни одного георгіевскаго кавалера. Генералъ былъ, видимо, недоволенъ: онъ заѣхалъ нарочно распорядиться доставкою кавалеровъ на завтрашнее торжество, потерялъ даромъ время и теперь повторялъ укоризненно:—Какъ-же вы это, сестрица? Ни одного героя!

Молоденькая сестра изъ курсистокъ молча кусала губы, а санитаръ метался по палатамъ съ такимъ растеряннымъ видомъ, точно онъ самъ былъ виноватъ въ недостачѣ героевъ.

Дня черезъ три въ лазаретѣ появился свой георгіевскій кавалеръ. Привезли его съ новою партіей раненыхъ и онъ—маленькій, весь бѣлый отъ долгаго лежанья—стоялъ въ углу, привалившись всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ корридора, дожидаясь своей очереди. Отъ блѣдности его темные волосы казались еще чернѣе, а каріе глаза, наивные и чистые, какъ у деревенской дѣвушки, глядѣли удивленно и испуганно.

— Какой молодой! Доброволецъ, вѣрно?—спросила сестра, записывавшая больныхъ.

— Дѣ-жъ молоденькій,—улыбнулся солдатъ,—у мене дома жинка Оксанка... и дівка Тытянка,—неожиданно прибавилъ онъ, помолчавши. И съ перваго дня Доминчака прозвали въ лазаретѣ Оксанкой.

Раненъ онъ былъ тяжело: пулей въ животъ навылетъ съ раздробленіемъ реберъ и контузіей позвоночника. Ему былъ предписанъ постельный режимъ и сестра, перебинтовавши закрытую повязкой рану, сейчасъ-же уложила Доминчака въ кровать.

— Сестрица, сестрица,—позвалъ онъ, когда она отошла.

— Что вамъ, Доминчакъ?

— А Егоргій дѣ?

Маленькій, темноглазый солдатъ оказался георгіевскимъ кавалеромъ и забота о „Егоргіи“, казалось, была его единственной мыслью: онъ по многу разъ въ день бралъ его въ руки, разглядывалъ, вертѣлъ во всѣ стороны и улыбался

смущенной дѣтской улыбкой. Но разсказать толково, за что его получилъ,—не могъ.

— Гдѣ вы ранены?

— Проти самого сердца,—скрозь животъ.

— Нѣтъ, я спрашиваю, подъ какимъ городомъ?

— Не подъ городомъ, а подъ лѣскомъ. Мы стояли у праву сторону, а его окопъ—влѣву... То вышелъ приказъ той окопъ взять. Я побигъ, вскочивъ,—а хлопци не поспѣваютъ за мною.

Доминчакъ былъ послѣдняго набора и по деревенской привычкѣ товарищей-солдатъ звалъ хлопцами.

— А за что-же Георгія вамъ дали?

— Не могу знать.. У госпиталѣ три недѣли кусочка хлѣба не давали: одну воду съ виномъ да молоко, да и то нескоро. Самъ царь у госпиталь пріѣзжалъ. А я не помню... Ажъ открываю глаза, „воно" лежитъ. То я пытаю: чей хрестъ? А хлопци смѣются: „твой. Ты первый у окопъ вскочилъ и ихняго офицера закололъ".

Говорилъ Доминчакъ мало и неохотно. Спалъ по цѣлымъ днямъ, ѣлъ много и во время ѣды на лицѣ его свѣтилась не жадность, а великая человѣческая радость. И ѣлъ онъ долго, медленно, жуя всѣмъ ртомъ, какъ ѣдятъ всѣ крестьяне. А недѣли черезъ три, когда разрѣшена была первая ванна, Доминчакъ чуть не надѣлалъ бѣды. Санитаръ, отвернувши кранъ, вышелъ и, обрадовавшись водѣ, Доминчакъ вскочилъ въ сорокаградусный кипятокъ, обжегшій ему едва затянувшуюся рану. Когда испуганная его вскрикомъ сестра вбѣжала въ комнату, въ первый разъ было видно все его истерзанное тѣло разомъ. Пониже груди чуть краснѣло входное отверстіе пули. А Доминчакъ, окруженный облакомъ пара, плескался въ водѣ, поднималъ то одну, то другую ногу, какъ дѣлаютъ малыя дѣти, и повторялъ: „А— славно... Славно: пять місяцевъ не мывся".

Но пуля была разрывная и при выходѣ разворотила рану въ четверть,—истерзала края, изломала ребра, задѣла отростки позвонковъ и—теперь слегка обожженный свѣжій рубецъ рдѣлъ, словно свѣжею кровью. И сестрѣ, привыкшей ко всякимъ ранамъ, на мгновеніе стало жутко.

На другой день Доминчакъ, одѣтый въ халатъ, уже сидѣлъ въ столовой, водилъ пальцемъ по папиросной коробкѣ и читалъ: „Ада". Изъ лазарета неграмотные не уходили. Научались быстро другъ у друга, начиная неизмѣнно съ папиросныхъ коробокъ, и, когда доходили до „Добраго молодца", приходилось покупать новое „Родное Слово".

Съ письмомъ было хуже. Каждый день можно было видѣть, какъ Доминчакъ муслилъ карандашъ или по ладонь

замазывалъ пальцы въ чернилахъ, пока разъ остановилъ сестру.

— А ну, сестрица, шо тутъ написано?

— „Мблса ч“... Ничего разобрать нельзя. А вы что писали?

— Письмо до жинки:—у лазаретѣ лежу. И шо оно такъ: буквы знаю, читать можу, а скласть одно до другого—трудно?

Сестра разложила линеенную тетрадь и написала на лѣвой сторонѣ. „Дорогая Оксанка. Я поправляюсь въ лазаретѣ. Скоро приду домой. Писалъ своею рукою Павло Доминчакъ“.

Много дней трудился Павло надъ правою страницей, пока вечеромъ остановилъ сестру въ коррндорѣ.

— А ну-те ка теперь...

— „Дорогая Оксанка“.

— Ой, Боженько! А ну дальше читайте.

Сестра прочла письмо до конца, и хоть страница была облита чаемъ, замазана кляксами, захватана жирными руками, — послали листокъ непереписаннымъ: слишкомъ великъ былъ и безъ того трудъ на нее положенный.

Медицинская коммисія, на осмотръ которой готовился Доминчакъ, оказалась для него благопріятной: за тяжкими увѣчьями и негодностью къ тяжелому труду онъ былъ уволенъ въ чистую. Но эта вѣсть не вызвала радости, какъ обычно у другихъ солдатъ. Доминчакъ вернулся опечаленный и хмурый, отказался обѣдать и сестра съ трудомъ уговорила его пойти сняться въ моментальной фотографіи, какъ дѣлали всѣ, уходя изъ лазарета. И тутъ Доминчаку не повезло: на карточкѣ вышла только лента, а орденъ остался за краемъ: трафаретъ не былъ приспособленъ къ росту маленькаго георгіевскаго кавалера.

— Хоть бы я догадался подскочить; а то лучше бы и не сниматься: все равно Егоргія не видно.

Наканунѣ выхода день прошелъ въ хлопотахъ: писали прошенія въ разные комитеты, приносились жертвованныя вещи, изъ кладовой доставали мѣшки, успѣвшіе тамъ заплѣсневѣть, и отъ этихъ тряпокъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ вѣяло печалью и ужасомъ окоповъ. Въ мѣшкѣ Доминчака топорщился георгіевскій приборъ съ тарелками въ желто-черной каймѣ.

— Еще миска съ хрестомъ, да я въ той больницѣ сестрѣ на память отдалъ. Може вы тарелочку возьмете?.. Мнѣ съ ними трудно: отъ полустанка семь верстъ, коней негдѣ взять—продали, якъ я пошелъ, а спина сами знаете якая—мѣшка не нацѣпишь.

— Нѣтъ, Доминчакъ, это дорогая память: Тытянкѣ отнесите.

— А я и такъ ей память несу.

Онъ долго рылся въ мѣшкѣ и вытащилъ оттуда тряпочку, въ которой была завязана какая-то бурая пыль.

— Ото такимъ хлѣбомъ мы питалися, какъ четыре дня подвозу не было. Да мы еще счастливы: къ намъ на подмогу пришли. А другимъ доводилося по десятъ денъ одною слюною кормиться.

Онъ бережно завязалъ сухари въ тряпочку и принялся укладывать мѣшокъ.

— Ну и богатый-же я до дому вернулся,—хвалился Доминчакъ черезъ минуту:—пальто у меня панское, чоботы новы, одежи двѣ смѣны... еще и панскій шархъ навязанъ... Ей-богу, Оксанка не вгадае.

Была глубокая ночь. Въ палатѣ слышались выкрики и стоны. На крайней кровати сидѣлъ Доминчакъ и смотрѣлъ въ окно на крѣпостной шпиль, облитой серебрянымъ блескомъ.

— Что вы не спите? Поздно.

— Ой боюсь я, сестричка, боюсь!

Въ голосѣ его слышались страхъ и печаль и этотъ взрослый ребенокъ-герой подвинулся къ сестрѣ всѣмъ тѣломъ, точно ища у нея защиты.

— Чего боитесь?

— До дому идти боюся... Пріймакъ я, до тестя въ пріймы присталъ. Самъ старый померъ, а теща, Оксанкина мачуха, осталась... Пока робилъ я, все хозяйство справлялъ, хочь она лаяла насъ и кляла, хочь Оксанку била, а все-таки отъ миски не отгоняла. А теперь война съила мою силу. Земли у меня нема, силы не стало. Куды я съ малою дитиною проти зимы дѣнуся, якъ меня теща погонитъ изъ хаты?

Долго просидѣла сестра на краю постели, уговаривая маленькаго георгіевскаго кавалера. Но онъ слушалъ плохо. Въ его глазахъ стыла тоска глубокой безнадежности и онъ смотрѣлъ, не отрываясь, на высокое окно, по которому морозъ начиналъ ткать серебряные узоры.

Жестокіе морозы ударили послѣ ухода Доминчака. И ночью, обходя палаты, сестра подолгу стояла у этого окна и чудилась ей безкрайная снѣжная равнина, а по ней съ котомкою на истерзанной спинѣ бредетъ маленькій человѣкъ. Мѣсяцъ играетъ на полированномъ серебрѣ бѣлаго крестика, а въ дѣтскихъ глазахъ мужика-солдата, идущаго безъ страха на встрѣчу смерти, дрожитъ ужасъ передъ . . . . бездомною жизнью.

С. Каласкевичъ.

„Рукописи изъ зеленаго портфеля“

А. И. ПОЛЕЖАЕВА.

Предисловіе.

Сборникъ стихотвореній А. И. Полежаева подъ заглавіемъ „Рукописи изъ зеленаго портфеля“ найденъ нами въ архивѣ московской цензуры.

Укажемъ основанія, приводящія къ убѣжденію, что не подписанныя авторомъ „Рукописи изъ зеленаго портфеля“ принадлежатъ именно А. И. Полежаеву, а не другому поэту.

Уже въ 1913 году, работая въ московскомъ цензурномъ архивѣ надъ изученіемъ старыхъ рукописей нашихъ писателей, мы, между прочимъ, нашли двѣ рукописи А. И. Полежаева поэму „Царь Охоты“, написанную рукою автора, и сборникъ стихотвореній „Урна“, переписанный переписчикомъ и содержащій рядъ неизданныхъ произведеній или новые, доселѣ неизвѣстные варіанты напечатанныхъ стихотвореній, въ томъ числѣ— полный текстъ извѣстной оды „Вѣнокъ на гробъ Пушкина“, давшій пушкинистамъ возможность разрѣшить давній споръ о принадлежности Полежаеву этой оды, которую, до открытія „Урны“, мы имѣли съ значительными издательскими искаженіями и купюрами цензуры.

Поэму „Царь Охоты“ и „Урну“ мы передали въ распоряженіе Н. О. Лернера, съ необходимыми комментаріями къ этимъ рукописямъ; эта работа отчасти и послужила матеріаломъ для статьи Н. О. Лернера „Неизданные стихи А. И. Полежаева“ [1]).

Обѣ рукописи, послѣ напечатанія въ „Нивѣ“, въ началѣ текущаго года поступили на храненіе въ Академію Наукъ.

Внѣшній видъ рукописи „Царь Охоты“ таковъ: это тетрадь четвертушечнаго формата, изъ сѣроватой плотной бумаги, съ водяными знаками. На обложкѣ тетради имѣется заглавіе: „А. Полежаевъ“; на слѣдующей строкѣ—„Царь Охоты. Стихотвореніе“. Надъ заглавіемъ — помѣты цензуры: „Г. Ценсору Булыгину“; на слѣдующей строкѣ. „№ 407. Поступила Іюля 16 дня 1837 года“.

---

[1]) „Ежемѣсячныя Литер. Прилож.“ къ „Нивѣ“, декабрь, 1914

Имѣются еще архивные номера. А на обратной сторонѣ обложки: „Представлена отъ служащаго Правительствующаго Сената при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ Алексѣя Ушакова [1]), жительство имѣю на Тверской улицѣ, въ домѣ генерала Мороза“.

„Рукописи изъ зеленаго портфеля“ имѣютъ другой видъ.

Это объемистая—въ 115 стр.—тетрадь полулистового формата, изъ плотной бѣлой бумаги, съ водяными знаками. На обложкѣ—заголовокъ: „Рукописи изъ зеленаго портфеля“; ниже—римская цифра II. Въ верхнемъ лѣвомъ углу обложки поставлена цифра 16, затѣмъ—№ 19 (зачеркнутъ), рядомъ—цифра 21 и № 17, что означаетъ архивную нумерацію, мѣнявшуюся въ разное время. Въ верхней части обложки—надпись: „*Г. Цензору Снегиреву*“; подъ ней — запись по журналу цензуры: „*№ 391. Поступила Іюля 9 дня 1837 года*“. Между заголовкомъ и римской цифрой II, ближе къ послѣдней, можно прочитать карандашную надпись (цензора Снегирева) *Запретить*, а въ самомъ низу обложки также карандашную надпись: „*XIX* (*первая отпечатана*),“ что означаетъ, какъ видно изъ дѣлопроизводства цензуры, что первая часть „Рукописей изъ зеленаго портфеля“ заключала въ себѣ 19 стихотвореній и была разрѣшена къ печати. Какіе это были стихи и каковы размѣры первой части „Рукописей“,—неизвѣстно.

На оборотѣ обложки, въ верхней части листа, имѣется обычная надпись о подателѣ: „Представлена отъ служащаго при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ Александра Ушакова, жительство имѣю въ домѣ Генерала Мороза“.

Итакъ, на этой рукописи нигдѣ нѣтъ надписи о томъ, что стихи принадлежатъ перу А. И. Полежаева, и изслѣдователь, незнакомый съ характеромъ и нѣкоторыми особенностями полежаевскихъ рукописей, могъ бы стать въ затруднительное положеніе при рѣшеніи вопроса: кому же принадлежатъ стихи: Полежаеву или другому поэту пушкинской эпохи? — хотя ихъ стиль—характерный полежаевскій стиль.

Прочное основаніе для рѣшенія, не допускающаго никакихъ сомнѣній относительно принадлежности „Рукописей изъ зеленаго портфеля“ Полежаеву, даютъ офиціальные документы московской цензуры.

Во-первыхъ, этими документами устанавливается, что рукопись поступила въ цензуру отъ того-же Ушакова, друга Полежаева, вѣдавшаго его литературныя дѣла. Ушаковъ же представилъ въ цензуру и поэму „Царь Охоты“. Во-вторыхъ, поэма „Царь Охоты“ была представлена Ушаковымъ въ московскую цензуру при жизни Полежаева [2]), а именно—16 іюля 1837 года; но и „Ру-

---

[1]) Одинъ изъ друзей Полежаева, сносившійся съ московской цензурой по поводу поэмы „Царь Охоты“ въ то время, когда поэтъ лежалъ въ военномъ госпиталѣ въ злѣйшей чахоткѣ.

[2]) А. И. Полежаевъ умеръ 16 января 1838 года.

кописи изъ зеленаго портфеля“ представлены Ушаковымъ въ цензуру также при жизни поэта—9 іюля 1837 года, т. е. только на семь дней раньше поэмы, и, наконецъ, въ-третьихъ, во „Входящемъ Журналѣ“ цензуры за 1837 годъ значится: „№ 391 9 іюля. Стихотворенія А. Полежаева. Рукописи изъ зеленаго портфеля, въ двухъ частяхъ, двѣ тетради. Представлены отъ служащаго Правительствующаго Сената при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ Алексѣя Ушакова, жительствующаго на Тверской улицѣ, въ домѣ Генерала Мороза“. — Почему во „Входящемъ Журналѣ“ служебное положеніе Ушакова и его адресъ обозначены полнѣе, чѣмъ въ надписи во II части рукописи? Судя по множеству сходныхъ случаевъ, эта разница въ текстахъ записей объясняется тѣмъ, что, если сочиненіе представлялось въ цензуру не въ одной, а въ нѣсколькихъ частяхъ, то на одной только первой части дѣлалась полная надпись какъ о лицѣ, представившемъ сочиненіе въ цензуру, такъ равно и о его адресѣ, а на остальныхъ частяхъ все это обозначалось въ сокращенномъ видѣ; иногда—когда всѣ части даннаго сочиненія поступали на просмотръ къ одному и тому же цензору — надпись дѣлалась только на одной первой части сочиненія. Наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ дѣлопроизводства цензуры (журналы засѣданій) видно, что на ея разсмотрѣніи находились двѣ части „Рукописей изъ зеленаго портфеля“, изъ которыхъ одна, содержавшая 19 стихотвореній, получила одобреніе и была разрѣшена къ печатанію, а вторая—запрещена. На этотъ счетъ въ журналѣ засѣданія, между прочимъ, говорится: „Стихотворенія А. Полежаева „Рукописи изъ Зеленаго портфеля“, 2-ю часть, въ виду неблагонамѣреннаго направленія, оставить безъ одобренія“. Отсюда ясно слѣдуетъ, что на первой части „Рукописей изъ зеленаго портфеля“ имѣлась надпись о принадлежности сочиненія А. И. Полежаеву; очевидно, и вторая часть „Рукописей“ принадлежитъ ему же. Но, еслибъ исчезли всѣ официальные документы, свидѣтельствующіе о принадлежности 2-й части „Рукописей изъ зеленаго портфеля“ перу Полежаева, то по стилю, по характерной структурѣ стиха, по грустной философіи, разлитой въ его поэзіи, можно заключить, что „Рукописи“ принадлежатъ именно Полежаеву.

А. Дунинъ.

ПОНЯ 3-го.

Минута есть, но въ жизни этой
Лишь только избраннымъ она,
Лишь жизнь художника, поэта
Минутой злой надѣлена.
Въ ту пору мучитъ вдохновенье,
Какъ демонъ жаждущій слѣдитъ,
Въ очахъ темно, чело горитъ—
Минута эта—годъ мученья!..
И съ буквой мертвой мы должны
Дѣлиться пламеннымъ мученьемъ!
Зачѣмъ же мы надѣлены
Души мятежнымъ вдохновеньемъ?
Зачѣмъ, не выстрадавъ, нельзя
Увить чело вѣнкомъ лавровымъ?
Зачѣмъ въ душѣ—мечта-змѣя,
На сердцѣ—тяжкія оковы?
Зачѣмъ съ людьми избыткомъ словъ
Мы дѣлимъ пламенныя чувства?
И міру отданъ міръ грѣховъ,
И въ жертву брошено искусство?
Насмѣшка горькая небесъ!
Внимая намъ, онѣ надъ нами
Смѣялись нашими-жь мечтами;
Такъ внемлетъ міръ словамъ чудесъ
Смѣясь надъ тѣмъ-жь чудесами...

ТРИ ПУТИ.

Путь орла—вершины, горы,
Отдаленный неба сводъ—
И туда стремитъ онъ взоры,
И туда его полетъ.

вслѣдъ орла—душа поэта,
Къ недоступнымъ небесамъ,
Тамъ онъ, чуждый жизни этой,—
Дастъ свободу раменамъ.

Путь другой, то путь надежный,
Путь нескользкой, путь земной,
И помыслитъ духъ мятежный
О пути земномъ порой.

Бархатъ-нива надъ рѣкою,
За эфирнымъ мотылькомъ
Птичка носится стрѣлою
И несетъ его въ свой домъ.

Поплавокъ—и манитъ рыбку
Въ рѣку брошенный крючек
Рыбка вьется на прилику,
Тонетъ, тонетъ поплавокъ.

Третій путь,—душѣ любовной
Соловей любовь поетъ
И, тоскою вдохновленный,
То зальется, то замретъ.

Кто-нибудь съ красою-дѣвой
Внемлетъ пѣснямъ соловья—
И высокаго напѣва
Жаждетъ, страстію кипя.

Первый путь—пріютъ могучихъ,
Путь второй—и жизнь цвѣтетъ,
Третій путь нашъ безъ заботъ,
Въ немъ ни вёдра нѣтъ, ни тучи.

ВОЛЯ.

Цыганка старуха плясала и пѣла.
Пропѣла, на насъ поглядѣла:

„Не спѣть ли вамъ пѣсню про волю?"
Горючія слезы лилися ручьями
И вылилась пѣсня съ слезами:
„Ты воля-ль! Дѣвичья воля!"

Притихнули волны, далекія волны·
Во толпѣ мы стояли безмолвны:
„Сгубила ты, дѣвицу, воля!"

Вздохнула, отбросила кудри сѣдыя,
И очи впились, огневыя:
„Когда-бъ была прежняя воля!
„Старушечья воля, да дѣвичья доля,
„Не пѣть бы мнѣ пѣсню про волю!

„Май два раза зеленѣетъ,
„Лѣто два раза цвѣтетъ;
„Вѣтеръ вѣетъ, вѣетъ, вѣетъ,
„Снѣга бѣлы нанесетъ!

„Ужь бѣлы снѣга на полѣ!—
„Кудри тѣхъ снѣговъ бѣлѣй!
„И развѣялись на волѣ
„Завитки моихъ кудрей.

„Ужь не алы-ль были розы!—
„На щекахъ алѣй цвѣли!
„Смыли ихъ злодѣйки слезы,
„Поцѣлуи унесли.

„Ужь не ярки-ль звѣзды ночи
„Но ярчѣе ли очей?
„Разгорѣлись страстью очи—
„И потухли отъ страстей.

„Буйный вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
„Буйный вѣтеръ старшій братъ,
„Охъ, не быть бы мнѣ на волѣ,
„Страсти вольныхъ сторожатъ!

„То дѣвичья доля, доля—
„И весна не разцвѣтетъ;
„Воля скачетъ, пляшетъ воля.
„Горе пѣсенки поетъ".

Цыганка старуха плясала и пѣла,
Пропѣла, на насъ поглядѣла:

„Май два раза зеленѣетъ,
„Лѣто два раза цвѣтетъ;
„Вѣтеръ вѣетъ, вѣетъ, вѣетъ,
„Снѣга бѣлы намететъ".

ЖИЗНЬ.

Море, жизни буйной море,
По синему-ль путь широкъ...
Съ ураганомъ море въ спорѣ,
Споръ ихъ—утлый мой челнокъ.
Море молитъ, море проситъ,
Ураганъ не отдаетъ,
Въ бездну онъ его несетъ,
Но девятый валъ выноситъ.

Не боюсь я пучины морской,
Звѣзды горятъ надо мной;
Море раскатами волнъ
Тихо ласкаетъ мой челнъ.

Такъ малютка въ колыбели,—
Колыбель—приливъ, отливъ—
Волны пѣснь ему пропѣли
И баюкаетъ приливъ.
Убаюканный, несется
По опѣненнымъ волнамъ;
Надъ кормою птичка вьется:
Близко, близко къ берегамъ.

Моря буйнаго волны шумятъ,
Звѣзды на небѣ горятъ.
Волны недаромъ шумятъ,
Звѣзды недаромъ горятъ.

Путь по звѣздамъ безъ компаса,
Кормчій вѣрный—небеса.
До двѣнадцатаго часа
Не сомкну мои глаза.
Первый часъ—и парусъ вьется,
Часъ второй—челнокъ въ волнахъ,
Третій часъ—челнокъ несется,
Часъ четвертый—въ парусахъ
Вѣтеръ крѣпнетъ, вѣтеръ вѣетъ
Семь часовъ прошло, но челнъ
Не боится бездны, волнъ.
Часъ еще и онъ слабѣетъ,
И отпора нѣтъ волнамъ;
Парусъ бѣлый пополамъ,
Черезъ бортъ несутся волны.
Часъ двѣнадцатый—безмолвно...

Не боюсь я пучины морской,
Звѣзды горятъ надо мной;
Звѣзды недаромъ горятъ,
Волны недаромъ шумятъ.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Крестъ новый поставленъ надъ прахомъ роднымъ.
Мы землю съ молитвою рыли
И—мертвое мертвымъ, живое живымъ!—
Надъ мертвымъ мы тризну свершили.

То было надгробье... И что въ письменахъ?
Глядите: вотъ крестъ, вотъ могила!
Внимайте: покойнику память въ слезахъ—
Звукъ пѣсни прощальный, унылый.

Онъ не былъ въ бореньи съ страстями и—палъ!
Высокая дума томила...
И тщетно налилъ намъ заздравный покалъ,
Покалъ мы прощальный допили.

Весна расцвѣтала, весна отцвѣла
Безъ жаркаго, знойнаго лѣта!
Но вновѣ познанье душа приняла
Въ предѣлахъ желаннаго свѣта.

Тамъ май зеленѣетъ, весна здѣсь цвѣтетъ
Надъ этою хладной могилой
И пѣснь соловей о подругѣ поетъ,
И другъ твой мечтаетъ уныло.

Крестъ новый поставленъ надъ прахомъ роднымъ,
Мы землю съ молитвою рыли
И, мертвое мертвымъ, живое живымъ,
Надъ мертвымъ мы тризну свершили.

Да будетъ же тихъ и спокоенъ твой сонъ!
Прекрасное міръ не забудетъ!..
Но только умолкнетъ прощальный нашъ звонъ,
Усопшаго Ангелъ разбудитъ.

СВИДАНІЕ.

Смотри, когда луна взойдетъ,
Не пропусти мой часъ урочный
И помни: свѣтъ ея сольетъ
Мои съ твоими очи.

„Я на луну смотрю всегда
„И не грустна съ тобой разлука,
„Гдѣ-бъ ни былъ я... Но, другъ, когда
„Минуетъ сердце мука".

Не унывай, мы крестъ несемъ;
Ты—сиротство, я—цѣпь союза,
Чело украшено вѣнцомъ,
На персяхъ—крестъ и узы.

„Зачѣмъ ты счастіе въ мечтахъ?
„Что связано имъ въ жизни этой,
„То связано на небесахъ,
„И въ жизни нѣтъ привѣта!"

Но жизнь—мечат, не здѣсь, а тамъ
За жертву есть награда,
Не унывай и вѣрь мечтамъ,
Въ мечтахъ—душѣ отрада.

И смотритъ дѣва, смотритъ онъ,
Привѣтно имъ луны сіянье—
И тамъ, на небѣ голубомъ,
Ночь каждую свиданье.

... j'irai, Seigneur, ou tu m'envois.
Les feuilles d'Automne.

Полетъ орлиный дайте мнѣ,
Мнѣ дайте крылья серафима—
И я расширю ихъ незримо
Въ небесъ надзвѣздной вышинѣ!

Какъ духа тягостную ношу,
Какъ плоть, распятую крестомъ,
Я жизнь мою презрѣнно брошу
Здѣсь, на распутіи земномъ.

Я вознесусь преображенный,
Я вознесу мой гордый взоръ—
И нареку фаворъ вселенной
Я низведу съ небесъ фаворъ.

Потомъ въ слезахъ приникну къ долу,
Прикрою ризою моей
Души забытые глаголы
И сѣмя брошенныхъ страстей.

То будетъ жертвой искупленья,
Того, что сѣялъ и ростилъ—
И міръ забудетъ вдохновенье,
Какъ слово жизни позабылъ.

КОМЕТА*).

Что горитъ на небѣ,
Небѣ свѣтозарномъ,
Въ синевѣ далекой
Свѣтло, лучезарно?

Звѣздочка высоко
Загорѣлась въ небѣ;
Путникъ одинокой—
Звѣздочка на небѣ.
Ты пойдешь ли лѣсомъ—
Теменъ лѣсъ свѣтлѣетъ,
Степью—степь бѣлѣетъ.
Съ звѣздочкой привѣтной
Караванъ въ пустынѣ,
Съ звѣздочкой далекой
И корабль въ пучинѣ.

Что горитъ на небѣ,
Небѣ свѣтозарномъ,
Въ синевѣ далекой
Свѣтло, лучезарно?

Зажглася зарница,
Вспыхнетъ и потухнетъ,
Нива золотится,
Колосъ встрепенулся,
Подъ зарницей зрѣетъ,
Подъ зарницей спѣетъ,
Божьей благодатью
Земля не скудѣетъ.
Путникъ веселится,
Видитъ онъ заранѣ
Радость и довольство.
Смотритъ: поселяне
Высыпали въ поле,
Красныя дѣвицы
Водятъ хороводы.
По рѣкѣ ль, по рѣчкѣ—
Барокъ караваны
Ѣдутъ за пшеницей.

*) Заглавіе это обозначено только въ оглавленіи.

По синему ль морю
Корабли несутся
Въ гавань за пшеницей,
Глядятъ издалече
На привѣтъ зарницы.

Что блеститъ на небѣ
Ярко, свѣтозарно,
Полымемъ по тучѣ,
Змѣею по черной?

Молнія змѣится
Отъ сѣвера къ югу,
Отъ всхода на западъ.
Блеснетъ—лѣсъ пылаетъ,
Встрепенутся громы,
Рѣка выше, выше...
Буря по широкой
Степи пронеслася.
Путникъ одинокій
Ищетъ пріютиться.
Караванъ въ пріютѣ
И корабль по синю
Морю не гуляетъ;
Въ пристани надежной
Кораблей ждетъ съ моря,
Ждетъ и не дождется.

Что горитъ на небѣ,
Небѣ свѣтозарномъ,
Въ синевѣ далекой
Ярко, лучезарно?

Дивуются люди:
По лазури неба
Ходитъ бѣдъ предтеча.
Полосою яркой
Тянутся за нею
Моръ, неурожаи,
Голодъ и пожары.
«Ужь не сдобровать намъ,
Говорятъ жилые:
Также вѣдь ходила
Вотъ на томъ-то мѣстѣ,
Какъ Москву родную
Было полонили,
Грабили, палили.
Старъ и младъ не знаетъ,
Чѣмъ имъ отъ напасти
Этой уберечься?
Постомъ ли, молитвой,
Вкладами ль на церковь?»

Что горитъ на небѣ,
Небѣ лучезарномъ,
Въ синевѣ далекой?
Свѣтлы, лучезарны
Звѣздочка съ зарницей.

ИЗБРАННАЯ.

Не для васъ она цвѣла;
Не для васъ и отцвѣтала;
Не любила, не страдала,
Скромной дѣвою была!
Какъ стыдится ночи темной
Утро радостнаго дня,
Какъ стыдится день любовной
Встрѣтить свѣтлая заря,
Такъ стыдилась вашей встрѣчи
Дѣва скромная моя.
И украдкою лишь я
Лобызалъ уста, грудь, плечи;
Но тогда дышали рѣчи
Дружбой чистою, святой,
Вдохновеніемъ поэта.
Что-жь желать ея привѣта—
И плѣняться красотой?..
Много дѣвъ есть: станъ летучій,
Черный локонъ вкругъ чела,
Рѣчи пламенны, кипучи,
Дымка грудь не облегла,
Взглядъ привѣтный, благосклонный,
Какъ Бразиліи алмазъ,
Тѣ красавицы для васъ,
Сердцу вашему любовны.
А у ней не страстенъ взглядъ,
Очи томны, наше небо
Въ голубыхъ ея очахъ,
Лишь порой на ихъ слезахъ
Промелькнетъ лучъ ясный Феба.
Тихой взглядъ онѣ хранятъ,
Обняли его рѣсницей
И увлажили слезой
Брилліантовою, той,
Что изъ глазъ моей дѣвицы
Жадно выжата тоской.

И займутъ ли васъ напѣвы?..
Въ пѣсняхъ дѣвы оргій нѣтъ,
Въ благодатныхъ пѣсняхъ дѣвы
Счастью тихому привѣтъ.
Сердцемъ понятые тоны,
Вдохновенные, вполнѣ
Одному отрадны мнѣ
Вздохи тяжкіе и стоны.
Я люблю могильный цвѣтъ,
Я люблю аккордъ печальный,
Сердцемъ вылитый, случайный,
Безъ шумливыхъ кастаньетъ.
И ни звука юныхъ лѣтъ,
Гдѣ все шумно, суетливо,
Гдѣ все бѣшенствомъ кипитъ,
И гдѣ ножкой прихотливой
Баядерка въ тактъ стучитъ;
Ни сопрано, ни контральто
Чуждыхъ чувствъ, страстей чужихъ,
Гдѣ все темно, скучно, сжато,
Какъ поэта пошлый стихъ,
Нѣтъ, люблю у скромной дѣвы
Пѣснь страны моей родной,
Эти грустные напѣвы,
Рай, утраченный душой.
Ихъ, аккордами сливая,
Дѣва броситъ въ глубь сердецъ!..
И скажите мнѣ: другая
Лучше-ль пѣснь споетъ? Вѣнецъ
Для кого? Кому скорѣе
Поклялись бы вы въ любви?
Для которой, пламенѣя,
Жизнь свою бы сберегли?
Но не жаждетъ упоенья,
Но безстрастна красота!
У нея своя мечта,
И иное назначенье.
Свѣтлымъ утромъ юныхъ дней,
Скучной повѣстію муки
Васъ не тронетъ... Сердца звуки
И откликъ своихъ страстей
Дѣва въ сердцѣ затаила;
Но когда-бъ краса моя
Тайны сердца вамъ открыла—
И о счастьи, какъ дитя,
Безнадежно разсказала,
Звуки пѣсенъ передала,
Вы любили бы, какъ я,
Звукамъ, пѣснямъ бы внимали,
Любовались бы красой
И страстями-бъ отстрадали
Жизнь для радости другой;
Вы отвергли-бъ дѣвъ любимыхъ,
Преклонились бы предъ ней
И съ тоской невыносимой
Ждали-бъ пламенныхъ рѣчей.
Гдѣ же дѣва? Безглагольна,
Не любовна вамъ она,
Жизнью вашей недовольна
Для страстей она скучна.
Отвергаетъ дѣва страсти,
Вакханаліи клянетъ.
Грудь ея—святой кіотъ
Дружбы, радостей и счастья.

ЗАРЯ ПОГАСАЛА.

Заря погасала, свѣжѣлъ вѣтерокъ,
Впивая розъ нѣжныхъ дыханье,
И жаждалъ невольно сребристый потокъ
Объятій его и лобзаній.
Струями своими въ любви трепеталъ,
Зыбь страсти чело покрывала,
И дивную пѣснь вѣтерокъ навѣвалъ,
И ты говорила... заря погасала...

Привѣтно къ намъ несъ вѣтерокъ ароматъ,
Мы пѣснямъ воздушнымъ внимали
И страсти безумной томительный ядъ
Съ его ароматомъ вдыхали.
Не онъ ли приподнялъ и дымку съ грудей?
Стыдливо ты груди прижала
Къ волнуемой страстію груди моей...
Притихъ вѣтерокъ, заря погасала...

* * *

Не твори себѣ кумира,
Кто бы ни былъ тотъ кумиръ,
Иль кумиръ забытый міра,
Иль—кумиромъ новый міръ.

Не творю кумиръ себѣ я,
Не кумиръ нѣмой она—
Чудодѣйно пламенѣя,
Жизни бѣшеной полна.

Не творю себѣ подобья
На землѣ, на небесахъ.
Не творю. Найти-ль подобье
Фани, пламенной въ страстяхъ!

Ни кумиру, ни святынѣ,
Ей ни въ землю я молюсь:
Безъ молитвъ къ моей богинѣ
Я устами приложусь.

ЧЕРНЕЦЪ.

Исходила я
Селы людныя,
Въ города сама
Понавѣдалась.

Не до ихъ красотъ,
Не до ихъ богатствъ—
Все искала я
Сына молодца.

Не ушелъ-ли онъ
Съ полюбовницей?
Онъ не рекрутъ ли?
Не солдатъ ли онъ?

Не знавалъ соколъ
Перепелушекъ;
Не любила путъ
Его волюшка.

Онъ съ измолода
Полюбилъ меня,
Полюбивъ, душой
Не раздѣлится.

Онъ не рекрутомъ,
Онъ не младъ солдатъ;
Два ужь слугами
Царю-батюшкѣ.

И въ охотнички
Не лежалъ душой,
Вѣдь охотушка—
Что неволюшка.

Пойду въ Лавру я
Къ святой Троицѣ,
Понесу свѣчей
Воска яраго,

Я зажгу свѣчу
Воска яраго
Передъ образомъ
Богоматери.

Я зажгу свѣчу
Воска яраго
Передъ образомъ
Искупителя.

Я зажгу свѣчу
Воска яраго
Предъ заступникомъ
Святымъ Сергіемъ.

Поклонюся я
Въ мать сыру-землю,
Помолюся я
Со усердіемъ.

Что-жь ты, младъ чернецъ,
Смотришь, плачучи?
Говоришь со мной
Запинаючись?

«Не ходи, жена,
«Въ Лавру къ Троицѣ,
«Ты не ставь свѣчи
«Воска яраго.

«За тебя чернецъ
«Свѣчку ставилъ тамъ,
«За тебя чернецъ
«Въ землю кланялся.

«Шесть недѣль прошло,
«Какъ онъ молится,
«Шесть недѣль пройдетъ,
«Съ нимъ увидишься.

«Не неволюшка,
«Не рекрутчина,
«Полюбилась жизнь
«Монастырская».

Молодой чернецъ,
Я пойду сама
Въ Лавру къ Троицѣ,
Къ преподобному.

Чернецу взмолюсь—
Онъ помолится,—
Горемычный сынъ
Возворотится.

«Не ходи, жена,
«Въ Лавру къ Троицѣ,
«Не смущай, жена,
«Сына-молодца.

«Не поставитъ онъ
«Свѣчку вдовію,
«Не помолится
«Противъ волюшки».

Охъ, не мучь меня,
Не томи меня,
Молодой чернецъ,
Разскажи ты мнѣ:

Гдѣ найду теперь
Сына-молодца,
Съ полюбовницей,
Или въ рекрутахъ?

Что-жъ ты, младъ чернецъ,
Смотришь, плачучи,
Говоришь со мной,
Запинаючись?

Я пойду, пойду
Въ Лавру къ Троицѣ,
Помолюся я
Со усердіемъ.

Слезы вдовіи
Краше милостынь,
Благодатнѣе
Чернеца молитвъ.

ЗВУКИ.

Дни были черныхъ упоеній,
Безумныхъ, бѣшенныхъ страстей,
И душу вымучилъ злой геній
Коварствомъ, хитростью рѣчей.
Сложилъ онъ пѣсню, рокотали
Ту пѣсню струны и рвались
И долго жалобно стенали,
И звуки жалобно неслись...
И смолкли звуки... Добрый геній
Тогда о новой жизни пѣлъ,
А онъ, въ порывѣ увлеченій,
Внималъ ему и пламенѣлъ.
Жизнь въ новыхъ звукахъ расцвѣтала,
Иные звуки въ грудь лились,
Въ грудь сѣмя радости запало
И—снова звуки полились.
Онъ пѣлъ и пѣснью вдохновенной
Создалъ душѣ своей кумиръ
Неразрушаемый, нетлѣнный,
И полюбилъ ту пѣсню міръ.

Въ ней звуки чистые, святые,
Казалось, были тѣхъ временъ,
Когда пѣвцы—цари земные—
Верховный созидали тронъ.
И нареклись судебъ пророки,
И прорекли судьбы міровъ
Своею пѣснію высокой
И тайной вдохновенныхъ словъ.
Сложилъ онъ пѣсню, рокотали
Ту пѣсню струны и рвались,
И долго жалобно стенали,
И звуки жалобно неслись...
Прости ему, шептали звуки,
Безумецъ молодой, прости,
Не отдалить тебѣ разлуки,
Твоей душѣ не расцвѣсти.
Въ другихъ мірахъ есть хоръ прекрасный:
Тамъ дивно ангелы поютъ,
За звукомъ льется звукъ согласный,
Прости, безумецъ, насъ зовутъ.
И сѣмя грусти въ грудь запало
Колючимъ терномъ возрасло,
И пѣсня грустно отзвучала,
И время таинствъ перешло.
Онъ не поетъ, кумиръ разрушенъ,—
Не міръ разрушилъ, самъ пѣвецъ,—
И равнодушенъ, равнодушенъ,
Глядитъ на брошенный вѣнецъ.

ЧЕТЫРЕ ПОРЫ.

Въ жизни здѣшней, въ жизни этой
Есть прекрасная пора:
Сердце радостью согрѣто
Отъ утра и до утра.
Неизвѣдано земное,
Сонъ какъ жизнь, а жизнь какъ сонъ,
Все привѣтно, все родное;
Міръ въ веселье облеченъ,
Убранъ свѣжими вѣнками,
Ѳиміамомъ окуренъ.
Онъ, видѣньями, мечтами
И надеждой окрѣпя,
Въ путь зоветъ свое дитя.
Крѣпнетъ духъ и крѣпнетъ тѣло
Съ новой жизненной порой.
Въ путь желанный—гордо, смѣло,
Жизни цѣль передъ тобой...
Жизнь, какъ цѣль, одна приманка
На разсвѣтѣ раннемъ дня,
Юность—буйная вакханка,
Шумно жизнь свою живетъ.
Дѣва пѣсни ей поетъ,
Дѣва пляшетъ и съ любовью—
Жарку голову кладетъ
На плечо и къ изголовью.
И ее на утрѣ дней
Лобызаетъ, обнимаетъ
И, сорвавъ покровъ съ грудей,
Къ ложу страстному сникаетъ,
И мечтаетъ до утра;
Но опять пора приходитъ—
Жизни третія пора,
И сомнѣніе наводитъ
И тревожна и скучна,
Не клеймитъ уста лобзаньемъ
Клонитъ голову страданьемъ,
Изъ объятій тихихъ сна
Будитъ тихо, съ лаской мертвой

Для поры преклонныхъ лѣтъ...
И для той, поры четвертой,
Сохранилъ я мой привѣтъ.

Жизни вѣрная подруга,
Вдохновенная пора!
Приходи не въ часъ недуга,
Приходи ты до утра.
Изъ безчувственности праздной
Изъ житейскаго соблазна
Сердце вырви, свободи.
Разрывая платъ тѣлесный,
За собою въ путь небесный,
Въ путь желанный уведи.

ПОТОКЪ.

Онъ дышетъ вулканомъ, онъ бурей гремитъ,
Идутъ исполинами волны—
И ими, могучій, то всплещетъ, вскипитъ
То снова несется, безмолвный.

Въ его необъятныхъ, какъ море, волнахъ
Погибло такъ много, такъ много!—
Онъ создалъ свой путь на кипучихъ страстяхъ,
Смѣяся людскою тревогой.

И люди напрасно страстями и зломъ,
Сдержать бѣгъ могучій хотѣли:
Онъ сбросилъ оковы, вулканомъ огнемъ
Свободныя волны вскипѣли!

Идетъ—нѣтъ преграды! ударитъ волной—
И небо надъ нимъ встрепенется!
То въ сердце вольется холодной струей,
То въ душу змѣею вопьется.

Не здѣшняя буря, не здѣшній вулканъ
Бушуетъ потока волнами!—
Могучій!—Онъ дивною силой вѣнчанъ,
Онъ созданъ землей съ небесами.

Онъ созданъ, чтобъ зависть, пороки людей,
Ихъ чувства, ихъ черныя славы
Ничтожить, сжигая разливомъ огней—
Потокомъ рушительной лавы.

Онъ созданъ для неба, и вотъ—небеса
Пріялъ онъ желанно въ объятья,
Пріялъ, и въ могучихъ бушуетъ гроза,
Въ объятьяхъ свободныя сжаты.

Но скоро расторгнутъ преступную грудь
И вырвется съ ними могучій
Міръ этотъ разрушить, въ міръ этотъ дохнуть
Своею струею кипучей.

Гордыню низвергнуть, величье смирить
  Корыстью людской издѣваться,
Союзы преступные ихъ разгромить
  И злобою ихъ надругаться.

И если безвременно небо смиритъ
  Возвѣстника славы—могилой,
И тамъ за могилою онъ прогремитъ
  Своею рушительной силой.

ЧЕРНЫЙ ЦВѢТЪ.

Черный цвѣтъ, мой цвѣтъ любимый,
Да, для жизни я избралъ,
Этотъ цвѣтъ житейской схимы,
И мечты въ немъ сочеталъ.

Ты мнѣ дорогъ, цвѣтъ любовный,
Но не цвѣтъ ея кудрей,
Но не цвѣтъ волшебный, черный,
Дѣвы огненныхъ очей.

Я любуюсь неба далью
Подъ покровомъ черныхъ тучъ,
И подъ черною вуалью
Есть привѣтный сердцу лучъ.

Есть и очи намъ родныя,
Какъ родныхъ небесъ эмаль;
Впилась въ очи голубыя
Неба сѣвернаго даль.

Но онѣ намъ недоступны...
И лобзаніемъ земнымъ
Не лобзать очей преступно-
Черный крепъ защита имъ.

Для чего жь онъ, цвѣтъ любимый?
Для чего же я избралъ
Этотъ цвѣтъ житейской схимы—
И мечты въ немъ сочеталъ?

Для чего, душой тоскуя,
Я гляжу на черный цвѣтъ?—
Въ немъ для жажды поцѣлуя
Самарійской капли нѣтъ...

Для того гляжу, что вижу
Чаще черную вуаль.
И тогда я ненавижу
Въ черныхъ тучахъ неба даль.

ТУЧА.

Широко она разостлалась по небу
И стрѣлами молніи небо язвитъ,
Чело устремила къ блестящему Фебу,
А въ землю небеснымъ вулканомъ гремитъ.

Лучъ солнца преломленъ дугой семицвѣтной
И радуга черную грудь ей цвѣтитъ;
Вотъ въ сердце впилася... и туча привѣтно
Скользнула по небу и влагой шумитъ.

Омылась, украсилась дивно природа.
Къ ней солнце на-встрѣчу идетъ, какъ женихъ,
Чело лучезарно, сіяетъ свободой.

Привѣтствуетъ солнце улыбкой земныхъ,
Такъ въ буйномъ, безумномъ волненьи народа
Помазанникъ неба величественъ, тихъ.

А. И. В....

Не осквернилъ я твоего лобзанья
Дыханіемъ моихъ преступныхъ устъ;
Когда дитя, подъ бременемъ страданья,
Въ объятіяхъ моихъ, блѣдна, безъ чувствъ,
Преступникомъ отринута лежала;
Когда потомъ меня ты умоляла
Отмстить ему, когда, мой другъ, твой взоръ,
Твой гнѣвный взоръ мнѣ въ душу впился жадно,
Томительно, ужасно, но отрадно
Ей передалъ твой гнѣвъ и твой укоръ.

Я затаилъ укоръ твой благосклонный,
Укоръ тотъ былъ--отъ любящей привѣтъ—
И мщеніемъ, передъ тобой безмолвный,
Одушевленъ, бѣжалъ свершить обѣтъ.
Минута, двѣ... и хладная могила
И твой позоръ и мой позоръ сокрыла бъ,
А онъ бы въ ней нашелъ пріютъ страстямъ,
Но, бѣдный другъ! я видѣлъ, какъ другая,
Неволею послушная людямъ,
Томилася, преступника лобзая.

Я забывалъ, я позабыть хотѣлъ
И мой обѣтъ и мщеніе святое.
Отмстить ему!—онъ мужъ!—и я умѣлъ
Таить мое желанье роковое:
По цѣлымъ днямъ просиживалъ я съ нимъ,
Я былъ съ его прелестною женою...
И вѣрила она словамъ моимъ,
И ввѣрилась, невинная душою,
Ее увлекъ въ погибель я съ собой,
А онъ страдалъ невѣрною женою!

Мнѣ памятна минута южной ночи,
Когда сжималъ въ объятіяхъ моихъ,
Когда лобзалъ агатовыя очи
И забывалъ лазурь очей твоихъ,
Когда къ грудямъ она мнѣ грудь прижала,
И утомленная невнятно лепатала
Послѣднее и долгое «прости»;
А онъ считалъ преступныя лобзанья,
А онъ смотрѣлъ на насъ, безъynованья
За честь жены, за честь свою отмстить.

Свершенъ обѣтъ. Зачѣмъ же такъ уныло
Ты на меня вперила свѣтлый взоръ?
Невинная, будь къ другу справедлива—
И затаи въ душѣ своей укоръ.

Я не сквернилъ священнаго лобзанья—
Дыханіемъ моихъ преступныхъ устъ,
Когда дитя, подъ бременемъ страданья,
Въ объятіяхъ моихъ, блѣдна, безъ чувствъ,
Преступникомъ отринута лежала,
Когда отмстить меня ты умоляла.

И я отмстилъ, и я свершилъ обѣтъ,
И, какъ Самсонъ, готовъ на истязанья,
Ты жь филистимлянкой не будешь, нѣтъ,
Напрасныя надежды и желанья.
Я храмину позора и грѣховъ
Повергну низъ, я задавлю гордыню,
Омоетъ кровь позоръ моихъ оковъ;
Тебя жь спасу,—страстей своихъ рабыню,
Чтобъ поняла тоску мою, любовь,
Чтобъ знала,—чѣмъ я жертвовать готовъ

КОРАБЛЬ.

Онъ дрогнулъ... всей силой могучей своей,
Ударился въ море, отпрянулъ;
Запѣнилось море, грознѣе, страшнѣй
Ревъ битвы и бури шумъ грянулъ.
Все волны и волны, волнамъ нѣтъ конца,
И идутъ, сѣдѣя, онѣ на бойца.

Царства русскаго твердыня,
Царства русскаго оплотъ—
Ты смѣешься надъ пучиной,
Надъ безсильемъ буйныхъ водъ.

Молодѣешь прежней славой,
Помнишь Чесму, русскій сынъ,
Бой подъ шведами кровавый
И недавній Наваринъ.

Ты мужаешь, крѣпнешь въ брани
И съ стихіей и съ людьми—
И отъ Норда въ наши грани
Не пускаешь корабли.

Бой ли гдѣ?—ты въ бой кровавый!
Путь куда ль?—и ты готовъ
Для родной своей Державы,
Хоть въ предѣлы облаковъ.

Поднялся... Подъ нимъ великаны...
Изъ зависти черною злобой кипятъ.
Сзываютъ къ себѣ ураганы,
Колеблютъ его и крутятъ·

Онъ рѣжетъ ихъ грудью и грудью могучей
Прилегъ къ нимъ, впивается въ море и тучи.

Созданъ русской силой Онъ.
И боятся ли пучины!
И боятся ль буйныхъ волнъ
Флота русскаго твердыни?

Онъ посланникъ къ кораблямъ,
Море черное знакомо—
И не разъ уже врагамъ
Посылалъ свои онъ громы.

Раны тяжкія лѣчилъ,
Налетая въ бой кровавый.—
И свой флагъ онъ осѣнилъ
Русской честью, русской славой.

И снова воспрянулъ и снова свой бѣгъ
Провелъ по волнамъ полосою,
Сребристою пѣною брызжетъ на всѣхъ,
Смѣется надъ бездной морскою
И къ тучамъ вознесъ онъ летучій свой фла.
И будто ребенокъ качнулся въ волнахъ.

КАРІЕ ГЛАЗА.

Не любилъ я очи черныя,
Не любилъ лазурь очей,
Но глаза ея привольные
Юга нашего свѣтлѣй.
Не душа въ нихъ загоралася,—
Ими страстно я горѣлъ,
Мнѣ прекрасная мечталася,
И желанно я смотрѣлъ
Въ очи карія, прелестныя.
И, казалось, будто въ нихъ
Видѣлъ таинства небесныя
Вмѣстѣ съ тайнами земныхъ.
Но являлась одинокая
И была тогда она
То привѣтна, то жестокая,
То привольна, то скромна.
Часто въ буйствѣ наслажденія,
Какъ дрожалъ смѣхъ на устахъ,
Какъ за мигъ всѣ упованія—
Жизнь отдалъ бы въ небесахъ.
Появлялась вдохновенная—
И манила за собой—
И, казалось, незабвенная
Радость вѣдала лишь мной.
Очи черныя, не вѣрю вамъ!
И въ очахъ ли небеса?—
Въ жизни этой погубилъ я самъ
Ея каріе глаза.

ОКЕАНЪ.

Онъ волны раскинулъ широко, далеко,
Трепещетъ и бьется своею красой.
Изъ бездны вздохъ вырвался тяжкій, глубокой,
То шумъ неумолкный, то ревъ роковой.

Влачить тебѣ вѣчно къ скалѣ одинокой
Все бѣшенство бури послушной волной,
Волнѣ жъ твоей къ небу далеко, высоко,
Далеко, высоко и къ тверди земной,

И небо услышитъ ли ропотъ преступный?
И приметъ ли волны на лоно земля!
Онѣ равнодушны, онѣ недоступны
Волненья и бури—стихія твоя.
И съ ними, молитвой людей неподкупный,
Ты гибели нашей атлетъ и дитя!..

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

На землю небо слезы льетъ...
Знать, плачетъ о тебѣ!
А я? Печаль мнѣ душу жжетъ,
Слезинки нѣтъ во мнѣ.

Земля всѣ слезы приняла
Изъ грустныхъ неба глазъ:
Зачѣмъ же слезъ мнѣ не дала
Она въ послѣдній разъ?

Лишь—поцѣлуй одинъ тебѣ,
Но безотвѣтенъ онъ...
И вотъ, покорствуя судьбѣ,
Взоръ къ небу устремленъ.

Гляжу: блеститъ звѣзда вдали:
Ахъ, то душа твоя!—
И мнѣ ли, ангелъ, горсть земли
Здѣсь бросить на тебя.

Но такъ да будетъ... Праху—прахъ,
А духу—духъ родной,
Тѣмъ духомъ въ дальнихъ небесахъ
Мы свидимся съ тобой!

ЖИЗНЬ.

Взгляну ли на небо, и было презрѣнно
Въ надвѣздной своей вышинѣ;
Взгляну ли на море—и перлъ многоцѣнный
Сыскали въ морской глубинѣ
На горы ступили, въ ихъ нѣдра вгнѣздились
Похитить безцѣнный алмазъ,
И море, и горы богатствами взору раскрылись
Лишь не было небо доступно для насъ.

Зачѣмъ же просить намъ и звуковъ, и пѣсенъ?
Намъ золото пѣсенъ звучнѣй,
И міръ сей для нашей корысти не тѣсенъ,
Онъ звѣзднаго міра свѣтлѣй:
Здѣсь очи красавицъ, здѣсь цѣнные камни,
Оставимъ безумныхъ пѣвцовъ
Кровавою жертвой безсильныхъ мечтаній,
Въ надеждѣ терновыхъ вѣнцовъ.

Пусть къ праху земного небесныхъ отзвучья
Невольно на душу падутъ—
И хладную душу всей страстью кипучей,
Всѣмъ пламенемъ страсти сожгутъ.

Пусть взоры ихъ къ небу, пусть бѣдной душею
Стремятся за цѣпь бытія,—
Однимъ разставаться съ прекрасной землею,
Другихъ—оковала земля.

Что жъ въ мірѣ оставимъ? чѣмъ въ мірѣ прославятъ
И впишутся гдѣ письмена?
Пройдутъ всѣ народы и тѣнь не оставятъ
Но избранныхъ тамъ имена
Ужъ вписано много Предвѣчной десницей...
Утѣшимся! наше стоитъ
Блестящей строкою послѣдней страницы,
Жизнь наша—безсмертья зенитъ.

Мы призваны тайной, всесильной судьбою,
И въ новую ризу себя облечемъ,
И тлѣнность падетъ надъ корою земною,
Мы прахъ нашъ съ стихіей сольемъ.
Свобода и тѣла разбиты оковы
И свыше познанія плодъ:
То Фениксъ изъ пепла рождается новый,
Объемля божественный сводъ!..

ОРГІЯ.

Звѣздѣ Шампаніи счастливой
Ты измѣнилъ, о мой Гусаръ!—
И прихотливо, прихотливо
Налилъ венгерское въ покалъ.

Не допивай... Съ заздравнымъ кликомъ,
Въ него ль ты бросишь перстень свой?—
Смотри, Гусаръ, чтобъ то—уликой
Не было жизни молодой!..

Жоли послѣднюю бутылку
Въ покалы лью я черезъ край,
Гусаръ—красавицамъ улыбку,
Гусаръ—бутылку допивай.

И вотъ Гусаръ, съ заздравнымъ кликомъ,
Въ бутылку бросилъ перстень свой,
И звукъ покаловъ былъ откликомъ
Гусарской жизни молодой.

Но вдругъ склонилъ чело на руку,
И слезы капали въ покалъ,
И каждый, каждый сердца муку
Изъ насъ, безпечныхъ, разгадалъ.

Мы повѣряли жизни горе
И не свершенныя мечты,
И въ это время, въ буйномъ спорѣ,
Мы пили въ славу красоты.

Мы пили дружно за измѣну,
За ласки ихъ, за ихъ привѣтъ,
За Талію, за Мельпомену,
Honeur aux braves! за цѣлый свѣтъ..

И въ нашей оргіи гусарской
Жизнь обновлялася, чиста,
Не думой о наградѣ царской,
Но въ думахъ тяжкаго креста.

...17 АПРѢЛЯ.

Ты помнишь на страстяхъ Христа
Мы взоромъ встрѣтилися страстно
Тогда твои невинныя уста
Вторили звукъ Евангелья согласно.
И понималъ одинъ лишь изъ толпы—
Смерть вольную невинной Инокини—
И онъ одинъ слѣдилъ твои стопы,
И онъ одинъ не трепеталъ святыни,
И тотъ одинъ былъ—я!

Ты помнишь ли, когда согласный хоръ
Сестеръ твоихъ пѣлъ гимны воскресенью,
Къ твоимъ очамъ прильнувъ свой страстный взоръ—
Онъ узнавалъ смерть вольную мученьемъ.
Когда-жь потомъ лобзаніемъ любви—
Встрѣчали вы другъ друга и краснѣли—
Смерть на крестѣ, страданій вольныхъ дни
Исчерпалъ онъ изъ вашихъ упоеній—
И тотъ одинъ былъ—я!..

Ты помнишь ли, когда ты отъ людей
Такъ пламенно, такъ смѣло отрекалась—
И міръ тебя на утрѣ юныхъ дней
Отвергъ, отрекъ, и съ міромъ ты разсталась,—
Лишь онъ одинъ не отвергалъ тебя,
Лишь у него грудь страстью изнывала,
Душа его подъ гнетомъ бытія
Желаньями, надеждами страдала...
И тотъ одинъ былъ—я!..

Ты помнишь ли, какъ часто онъ потомъ
Внималъ тебѣ, когда согласно пѣла
Ты пѣснь Христу въ моленіи ночномъ,
Вперялъ тогда онъ взоръ осиротѣлый

На лѣвый клиръ и сердцемъ трепеща,
Внималъ тебѣ, вторилъ тебѣ несмѣло
И лишь одинъ вполнѣ любилъ тебя
Душа его тобой благоговѣла,
И тотъ одинъ былъ —я...

КОМЕТА.

Опочилъ ли Онъ въ созданьи,
Небо, землю сотворя?
Не случайны ли мечтанья?
Не обманъ ли бытія?—
Неба падшее дитя,
Духъ проносится въ эфирѣ,
И въ далекомъ свѣтломъ мірѣ
Жаждетъ новаго Онъ дня.
Иль то новое творенье,
Новосозданный то міръ,
И, страшась грѣхопаденья,
Онъ бѣжитъ отъ насъ въ эфиръ.
Путь таинственный свершая,
Къ небо-жителямъ зоветъ—
И, погибшихъ навѣщая,
То потускнетъ, то блеснетъ.
Наша жизнь—въ Его блистаньи,
Въ тучкѣ—временные дни—
И не въ новомъ ли созданьи
Богоизбранной любви,
Въ далеко-свѣтящемъ мірѣ,
Тамъ, несущимся въ эфирѣ,
Тайна смерти, бытія,
Мигъ пророческаго дня?—
Не оттуда-ль въ міръ паденья,
Къ бѣдной грѣшниковъ землѣ,
Властелины разрушенья —
Новый свѣтъ презрѣнной мглѣ,—
Сходятъ властвовать судьбами,
Царства новыя создать,
И предъ буйными толпами
Троны, скипетры попрать—
И свои воздвигнуть троны,
Упасти жезломъ своимъ?..
И не онъ ли бичъ короны,
Власть небесъ—властямъ земнымъ,
Идолъ новыхъ поколѣній,
Жизнь на небѣ погубя,
Къ намъ низшелъ среди волненій,
И погибъ средь бытія,
Міру миръ завѣщевая?
Не въ тебѣ-ль звѣзда міровъ,
Міръ утраченнаго края,
Храмъ отверженныхъ сыновъ,
Царство древнихъ исполиновъ?
Не къ себѣ-ль, подъ свой покровъ,
Ты пріяла властелина—
И во слѣдъ его зовешь
Провозвѣстниковъ свободы?
Нѣтъ, теперь не соберешь
Подъ свою хоругвь народы!
Прійдутъ новые вѣка,
Устарѣетъ воля сильныхъ,
Ослабѣетъ ихъ рука —
И, надеждами обильный,
Возсоздастся новый міръ,
Міръ свободы, вдохновенья
Свой тогда забывъ эфиръ,
Ты явися поколѣньямъ
И странѣ моей родной
Провозвѣстницей-звѣздой!..

ПОДРУГА.

Я на нее любуюсь каждый день,
Я съ ней дѣлю безпечной жизни лѣнь;
Я съ ней дѣлюсь моей, ея мечтой,
И жизнію моею молодой,

И каждый часъ (другъ другу вѣрны мы)
Ввѣряемъ здѣсь погибшія мечты,
И, ввѣривши, чѣмъ жили, чѣмъ живемъ,
О будущемъ, не вѣрномъ, слезы льемъ.

Да, часто здѣсь, влекомые судьбой
Къ однѣмъ бѣдамъ, мы въ жизни неземной,
Мечтаемъ мы о томъ, что будетъ тамъ,
И рады здѣсь далекимъ небесамъ.

Читаемъ въ нихъ все скрытое отъ насъ
Пучиною, сіяющей для глазъ
И звѣздами, и небомъ голубымъ,
Склонившимся съ любовію къ земнымъ.

Свободные земныхъ своихъ оковъ,
Стремимся мы возвышенной душой
Въ пространства, въ путь непознанныхъ міровъ,
Вращаемыхъ Всевышняго рукой

И мнится намъ, какъ будто съ тѣхъ свѣтилъ
Всевышній далъ душѣ свободу крилъ,
И тамъ она почіетъ навсегда,
Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ не горитъ звѣзда.

Въ предѣлахъ тѣхъ, гдѣ солнце не палитъ.
Гдѣ свѣтъ косой, таинственный горитъ,
Безсмертіемъ безсмертіе храня,
Гдѣ все любовь и радость бытія.

И часто здѣсь, далекая страстей,
Прекрасная, невинная, она
Мнѣ говоритъ: тамъ благо нашихъ дней,
Тамъ Промысломъ земная жизнь дана.

Постигнемъ мы, въ преклонѣ нашихъ дней
Гдѣ жизни грань, предѣлы жизни сей,
Что будетъ тамъ? Что насъ за жизнью ждетъ,
И гдѣ любви торжественный оплотъ?

Постигнемъ мы тотъ выспренній предѣлъ,
Гдѣ опочилъ создавый міръ отъ дѣлъ,
Куда орелъ съ вершины дикихъ горъ
Безтрепетно свой устремляетъ взоръ.

Прекрасный другъ, въ сіяніи ночей
И я люблю смотрѣть на тотъ эѳиръ,
Здѣсь созерцать забытый нами міръ,
И отъ него не отвратить очей.

Мечтаю я: тамъ вѣчный нашъ покой,
Въ предѣлахъ тѣхъ, соединясь душой,
Въ любви своей любовью оживемъ
Безсмертіе утратами найдемъ.

О, вѣрь мнѣ, другъ, и каждый, каждый день
Я подѣлю съ тобою жизни лѣнь,
Я подѣлюсь съ тобой моей мечтой
И жизнію моею молодой.

ЖЕРТВА.

Судьба насильно ихъ свела,
Алтарь соединилъ
Любовь и дружба повела—
Въ виду земныхъ могилъ.

Друзья ужь больше не гостятъ,
Подругъ ужь больше нѣтъ;
Надолго совершенъ обрядъ
И вѣренъ ихъ обѣтъ.

И здѣсь, влекомые судьбой,
Идутъ своимъ путемъ—
Дѣлиться горькою слезой
И радостью вдвоемъ.

Но, если жизнь невѣрна намъ,
И въ жизни все страшитъ,—
Зачѣмъ обѣтъ?—иль небесамъ
Земныхъ онъ сохранитъ?

Или дрожатъ и небеса
За вѣрность жизни сей?
Но нѣтъ!—раскаянья слеза—
И вѣрности вѣрнѣй!..

НОЧЬ НА ДЕНЬ ІОАННА БОГОСЛОВА.

Во храминахъ свершалось поклоненье,
Благоговѣлъ и праздновалъ народъ;
Но на землѣ святое вдохновенье
Онъ не позналъ въ сознаніи заботъ.

Нечуждые къ небесному влеченью,
Склонялися во прахъ передъ земнымъ—
И въ временахъ, святое чтя святымъ,
Бѣжали всѣ святого откровенья.

Нашъ колоколъ призывный не звучалъ
Тѣмъ, что было завѣщано вѣками —
И не было, кто-бъ жизнью постигалъ
Пророчества, свершенныя судьбами.

Невѣріе, какъ смрадный ядъ въ однихъ,
Хулу и зло на небо изрыгало,
Безуміемъ и вѣрою другихъ—
Познанія душа ихъ отвергала.

Къ чему же былъ всемірный фиміамъ?
Къ чему-жь было всемірное моленье?
Обычное свершивши поклоненье,
Не вознеслись душой мы къ небесамъ.

Молились мы грѣху, какъ властелину,
И трубный гласъ живущимъ не вѣщалъ
Міровъ и царствъ послѣднюю судьбину,
Гласный, трубный, всуе прозвучалъ *)

И вновь взошло на небеса свѣтило.
Прекрасное, какъ сами небеса,
Его восходъ тогда благословила
Вдовы, сиротъ и узника слеза.

Ночь не дала имъ жданнаго покоя,
Въ себѣ сокрывъ, собою успокоя
И зло людей, и зло мірскихъ заботъ,
И все, чѣмъ міръ и мучитъ и гнететъ

Но многимъ въ грудь тѣснилось вдохновенье
И каждый рабъ душой благоговѣлъ,
Встрѣчая ночь, всѣ ждали свой удѣлъ;
Минула ночь, и не было видѣнья.

Онѣ-жъ однѣ, чуждаяся ихъ благъ,
Чуждаяся преступнаго желанья,
Мірскихъ суетъ, тверды въ своихъ мечтахъ,
Несли свой крестъ, путями шли страданья.

Надеждою и вѣрой укрѣпясь,
Въ предбудущемъ желаннаго искали,
Пришествіе Его благословляли,
Живущаго предсмертный ждали часъ.

Но ночь прошла, и не было видѣнья.
Въ волненіи земныхъ своихъ заботъ,
Страстьми страдалъ и праздновалъ народъ,
Обычное свершая поклоненье.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Въ рукописи этотъ неправильный стихъ надписано надъ зачеркнутымъ:
Нѣтъ, еще онъ живущимъ прозвучалъ.

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ.

Романъ Шарля де-Костера.

Пер. Б. Ю. Коршанъ.

(*Окончаніе*).

7.

На зеландскихъ шкунахъ, на бригахъ, баркахъ, корветахъ носится Тиль Клаасъ Уленшпигель.

Свободное море мчитъ доблестныя суда; на нихъ по восьми, десяти и двадцати желѣзныхъ пушекъ, извергающихъ смерть и гибель на испанскихъ палачей.

Сталъ умѣлымъ пушкаремъ Тиль Уленшпигель, сынъ Клааса. Надо видѣть, какъ онъ наводитъ, какъ цѣлится, какъ пронизываетъ борты злодѣйскихъ кораблей, точно они изъ коровьяго масла.

На шляпѣ у него серебрянный полумѣсяцъ съ надписью: Liever den Turc als den Paus:—„Лучше служить Турку, чѣмъ Папѣ".

Моряки, видя, какъ онъ взбѣгаетъ на ихъ корабли, легкій, какъ кошка, стройный, какъ бѣлочка, всегда съ пѣсенкой, провожаютъ его шуточками, спрашиваютъ его:

— Почему это, молодецъ, у тебя такой юный видъ—вѣдь говорятъ, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты родился въ Дамме?

— Я не тѣло, я духъ,—отвѣчаетъ онъ,—а Неле, моя возлюбленная, подобна мнѣ. Духъ Фландріи, любовь Фландріи,—мы не умремъ никогда.

— Однако кровь льется изъ тебя, когда тебя ранятъ.

— Это одна видимость, —отвѣчаетъ Уленшпигель:—это вино, а не кровь.

— Ну, проткнемъ-ка тебѣ животъ.

— Я самъ себя выпью.

— Ты смѣешься надъ нами.

— Слышитъ стукъ барабана тотъ, кто бьетъ въ барабанъ.

И вышитыя хоругви католическихъ процессій развѣваются на мачтахъ кораблей. И одѣтые въ бархатъ, парчу, шелкъ, золотыя и серебряныя матеріи, въ какія облачены аббаты при торжественныхъ богослуженіяхъ, съ митрой и посохомъ, распивая вино изъ монастырскихъ погребовъ,— вотъ въ какомъ видѣ стоятъ на часахъ гезы на корабляхъ.

И странно видѣть, какъ изъ этихъ богатыхъ одѣяній вдругъ высунется грубая рука, привыкшая носить аркебузъ или самострѣлъ, аллебарду или пику; странны были эти люди съ суровыми лицами, съ сверкающими на солнцѣ пистолетами и ножами за поясомъ, распивающіе изъ золотыхъ чашъ аббатское вино, ставшее виномъ свободы.

Съ пѣніемъ и кликами: — Да здравствуютъ гезы!— они несутся по океану и Шельдѣ

8.

Гезы,—среди которыхъ были Ламме и Уленшпигель,— взяли въ эти дни Горкумъ. Начальникомъ ихъ былъ капитанъ Маринъ Брандтъ; въ свое время этотъ Маринъ былъ мостовщикомъ на плотинѣ; теперь же, высокомѣрный и самодовольный, онъ заключилъ съ Гаспаромъ Тюркомъ, защитникомъ Горкума, капитуляцію, по которой Тюркъ, монахи, горожане и солдаты, запершіеся въ крѣпости, получаютъ право свободнаго выхода, съ мушкетомъ на плечѣ и пулей въ стволѣ, со всѣмъ, что они могутъ нести на себѣ; только церковное имущество переходитъ къ побѣдителямъ.

Но капитанъ Маринъ, по приказу господина де-Люмэ, выпустивъ солдатъ и горожанъ, задержалъ въ плѣну тринадцать монаховъ.

И Уленшпигель сказалъ: — Слово солдата должно быть золотымъ словомъ. Почему онъ не держитъ своего?

Старый гезъ отвѣтилъ Уленшпигелю:—Монахи—дѣти Сатаны, проказа народовъ, позоръ страны. Съ прибытія герцога Альбы, они задрали носъ въ Горкумѣ. Есть среди нихъ одинъ, братъ Николай, болѣе чванный, чѣмъ павлинъ, и болѣе жестокій, чѣмъ тигръ. Всякій разъ, проходя по улицѣ съ св. Дарами, онъ съ изступленіемъ смотрѣлъ на дома, откуда женщины не вышли преклонить колѣни и доносилъ судьѣ на всякаго, кто не склонялся предъ нимъ. Прочіе монахи подражали ему. Изъ этого проистекли многія великія бѣдствія, казни и жестокія расправы въ Горкумѣ. Капитанъ Маринъ хорошо сдѣлалъ, задержавъ въ плѣну монаховъ, которые, въ противномъ случаѣ, отправились бы съ имъ подобными по деревнямъ, замкамъ, городамъ и мѣстечкамъ проповѣдывать противъ насъ, возмущая народъ и

подстрекая сожигать несчастныхъ реформатовъ. Псовъ держать на цѣпи, пока не издохнутъ. На цѣпь монаховъ, на цѣпь этихъ bloed-honden, окровавленныхъ псовъ герцога. Въ клѣтку палачей. Да здравствуетъ гезъ!

— Но принцъ Оранскій, принцъ Свободы, — сказалъ Уленшпигель:—требуетъ уваженія къ личному достоянію и свободной совѣсти сдавшихся.

— Адмиралъ этого не примѣняетъ къ монахамъ,—отвѣчали старые гезы:—онъ самъ господинъ: онъ взялъ Бріель. Въ клѣтку палачей!

— Слово солдата,— золотое слово; почему онъ его не держитъ!—возразилъ Уленшпигель: — монахи въ тюрьмѣ терпятъ тысячи униженій.

— Пепелъ не стучитъ больше въ твое сердце, — отвѣчали они:—сто тысячъ семействъ, вслѣдствіе королевскихъ указовъ, понесли на сѣверо-западъ, въ Англію, ремесла, промышленность, богатство нашей родины. А ты жалѣй тѣхъ, кто виновенъ въ нашей гибели. Со временъ императора Карла Пятаго, Палача Перваго, подъ властью Филиппа кроваваго, Палача Второго, сто восемнадцать тысячъ человѣкъ погибло въ мученіяхъ. Кто несъ погребальный факелъ въ этихъ убійствахъ и горестяхъ? Монахи и испанскіе солдаты. Неужто ты не слышишь стенаній душъ усопшихъ?

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце,—отвѣчалъ Уленшпигель:—слово солдата—золотое слово.

— Кто посредствомъ отлученій отъ церкви хотѣлъ извергнуть нашу родину изъ среды народовъ? Кто готовъ былъ, если бы могъ, вооружить противъ насъ небо и землю, Господа и діавола и ихъ полчища святыхъ? Кто кощунственно окровавилъ бычачьей кровью св. Дары? Кто довелъ до слезъ деревянныя статуи? Кто, какъ не эти проклятые попы и эти орды бездѣльниковъ-монаховъ, всю нашу родину заставилъ пѣть de profundis, и все для того, чтобы сохранить свое богатство, свою власть надъ идолопоклонниками, чтобы царить надъ несчастной страной посредствомъ крови, огня и разрушенія? Въ клѣтку волковъ, нападающихъ на народъ, въ клѣтку гіенъ! Да здравствуютъ гезы!

— Слово солдата—золотое слово,—возразилъ Уленшпигель.

На другой день прибылъ гонецъ отъ господина де-Люмэ съ приказомъ перевести девятнадцать плѣнныхъ монаховъ изъ Горкума въ Бріель, гдѣ находился адмиралъ.

— Они будутъ повѣшены, — сказалъ капитанъ Маринъ Уленшпигелю.

— Нѣтъ, пока я живъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Сынъ мой,—говорилъ Ламме,—не разговаривай такъ

съ господиномъ де-Люмэ. Онъ человѣкъ необузданнаго нрава и повѣситъ тебя вмѣстѣ съ монахами безъ пощады.

— Я буду ему говорить правду, — отвѣтилъ Уленшпигель:—слово солдата—золотое слово.

— Если ты можешь спасти ихъ, — сказалъ Маринъ— проводи барку съ ними въ Бріель. Возьми съ собой, если хочешь, рулевымъ Рохуса и твоего друга Ламме.

— Хорошо,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Барка стояла у Зеленой набережной; девятнадцать монаховъ были посажены на нее. Трусоватый Рохусъ взялся за руль, Уленшпигель и Ламме, вооруженные, расположились на носу. Нѣкоторые негодяи изъ солдатъ, вкравшихся въ среду гезовъ ради грабежа, стояли вокругъ монаховъ, которые страдали отъ голода. Уленшпигель напоилъ и накормилъ ихъ. — Этотъ измѣнитъ! — говорили негодяи. Девятнадцать монаховъ, сидѣвшіе по серединѣ, хранили ханжескій видъ и дрожали всѣмъ тѣломъ, хотя былъ іюль, солнце сіяло ярко и тепло и мягкій вѣтерокъ вздувалъ паруса барки грузно и тяжело прорѣзавшей зеленыя волны.

И патеръ Николай обратился къ рулевому съ вопросомъ:—Рохусъ, неужто насъ везутъ на Поле висѣлицъ?—И, вставъ и протянувъ руки по направленію къ Горкуму, онъ воззвалъ:— О, городъ Горкумъ! Сколько несчастій суждено тебѣ! Проклятъ будешь ты среди городовъ, ибо ты далъ взрости въ стѣнахъ твоихъ сѣменамъ ереси! О, городъ Горкумъ! Уже не будетъ ангелъ Господень стоять стражемъ у вратъ твоихъ. Онъ отложитъ попеченіе о цѣломудріи твоихъ дѣвъ, о мужествѣ твоихъ мужей, о богатствѣ твоихъ купцовъ! О, городъ Горкумъ! Проклятъ ты, злополучный!

— Проклятъ, проклятъ,—отвѣтилъ Уленшпигель:—проклятъ, какъ гребень, вычесавшій испанскихъ вшей, проклятъ, какъ песъ, сломившій свою цѣпь, какъ гордый конь, сбросившій съ себя жестокаго всадника! Самъ ты будь проклятъ, пустоголовый болтунъ, которому не по душѣ, когда ломаютъ палку пусть хоть желѣзную—на спинѣ тирана.

Монахъ умолкъ и, опустивъ глаза, какъ будто погрузился въ свою молитвенную злобу. Солдаты - бездѣльники, вкравшіеся въ среду гезовъ ради грабежа, окружали монаховъ, вскорѣ почувствовавшихъ голодъ. Уленшпигель попросилъ для нихъ у хозяина барки сухарей и селедокъ.

Тотъ отвѣтилъ:—Пусть ихъ бросятъ въ Маасъ: тамъ покушаютъ свѣжихъ селедокъ.

Тогда Уленшпигель отдалъ монахамъ весь запасъ хлѣба и колбасъ, который былъ у него и Ламме. Хозяинъ барки и безчестные гезы говорили между собой:—Вотъ предатель, кормитъ поповъ; надо донести на него.

Въ Дордрехтѣ барка остановилась въ порту у Bloemen-Key—Цвѣточной набережной; женщины, мужчины, мальчики и дѣвочки сбѣжались толпой посмотрѣть на монаховъ и, показывая пальцами и грозя имъ кулаками, говорили: —Посмотрите на этихъ прохвостовъ, которые корчили изъ себя Божество какое-то и тащили людей на костеръ, а ихъ души въ вѣчный огонь; посмотрите на этихъ ожирѣвшихъ тигровъ и пузатыхъ шакаловъ.

Монахи, опустивъ головы, не смѣли сказать ни слова. Уленшпигель видѣлъ, что они снова дрожатъ всѣмъ тѣломъ.

— Мы опять проголодались, милосердный солдатъ,—говорили они.

Но хозяинъ барки кричалъ:—Кто всегда жаденъ? Сухой песокъ. Кто всегда голоденъ? Монахъ.

Уленшпигель сходилъ въ городъ и принесъ оттуда хлѣба, ветчины и большой жбанъ пива.

— Ѣшьте и пейте,—сказалъ онъ:—вы наши плѣнники, но я спасу васъ, если смогу. Слово солдата—золотое слово.

— Печему ты кормишь ихъ?—говорили гезы-бездѣльники:—они не заплатятъ тебѣ.—И потихоньку переговаривались:—Онъ обѣщалъ спасти ихъ; надо смотрѣть за нимъ.

На разсвѣтѣ они прибыли въ Бріель. Ворота были открыты предъ ними и voet-looper—скороходъ—побѣжалъ сообщить господину де-Люмэ объ ихъ прибытіи.

Получивъ извѣстіе, онъ тотчасъ прискакалъ верхомъ, полуодѣтый и окруженный нѣсколькими приближенными и солдатами.

И Уленшпигель снова увидѣлъ необузданнаго адмирала, одѣтаго, какъ знатный и богатый баринъ.

— Здравствуйте, господа монахи,—сказалъ онъ:—покажите-ка руки. Гдѣ-же кровь графовъ Эгмонта и Горна? Что вы мнѣ тычете бѣлыя лапы? Она вѣдь на васъ.

Одинъ монахъ, по имени Леонардъ, отвѣтилъ:—Дѣлай съ нами что хочешь. Мы монахи, никто за насъ не заступится.

— Вѣрно сказано, — вмѣшался Уленшпигель: — ибо монахъ порвалъ со всѣмъ міромъ—съ отцомъ и матерью, братомъ и сестрой, женой и возлюбленной — и въ послѣдній часъ, дѣйствительно, не имѣетъ никого, кто бы за него вступился. Все-таки я попробую сдѣлать это, ваша милость. Капитанъ Маринъ, подписывая капитуляцію Горкума, далъ въ ней обѣщаніе, что монахи получатъ свободу подобно всѣмъ, взятымъ въ крѣпости, и будутъ выпущены изъ нея. Между тѣмъ они безъ всякой причины были задержаны въ плѣну; я слышалъ, что ихъ собираются повѣсить. Ваша милость,

почтительнѣйше обращаюсь къ вамъ, вступаясь за нихъ такъ какъ знаю, что слово солдата—золотое слово.

— Кто ты такой?—спросилъ господинъ де-Люмэ.

— Ваша милость, — отвѣтилъ Уленшпигель:—я фламандецъ родомъ изъ прекрасной Фландріи, крестьянинъ, дворянинъ, все вмѣстѣ; брожу по свѣту, восхваляя все высокое и прекрасное и издѣваясь надъ глупостью во всю глотку. И васъ я буду прославлять, если вы сдержите обѣщаніе, данное капитаномъ: слово солдата—золотое слово.

Но гезы, бывшіе на кораблѣ, заговорили:—Ваша милость, это предатель: онъ обѣщалъ спасти ихъ, онъ давалъ имъ хлѣбъ, ветчину, колбасы, пиво, а намъ ничего.

Тогда господинъ де-Люмэ сказалъ Уленшпигелю:—Фламандскій бродяга, кормилецъ монаховъ, ты будешь вздернутъ вмѣстѣ съ ними.

— Не испугаюсь, — отвѣтилъ Уленшпигель:—слово солдата—золотое слово.

— Распыжился однако,—сказалъ де-Люмэ.

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Монахи были заперты въ сараѣ и Уленшпигель вмѣстѣ съ ними; здѣсь они пытались обратить его на путь истины теологическими аргументами, но онъ заснулъ, слушая ихъ.

Господинъ де-Люмэ сидѣлъ за столомъ, уставленномъ виномъ и яствами, когда изъ Горкума отъ капитана Марина прибылъ курьеръ съ копіей писемъ Молчаливаго, принца Оранскаго, „повелѣвающаго всѣмъ губернаторамъ городовъ и иныхъ мѣстностей предоставить духовенству такія же права, охрану и безопасность, какъ и прочему населенію“.

Курьеръ пожелалъ видѣть самого адмирала де-Люмэ, чтобы передать ему въ собственныя руки копію писемъ.

— Гдѣ подлинникъ?—спросилъ де-Люмэ.

— У моего господина,—отвѣтилъ курьеръ.

— И этотъ мужикъ посылаетъ мнѣ копію! — вскричалъ де-Люмэ:—гдѣ твой паспортъ?

— Вотъ, ваша милость.

Господинъ де-Люме началъ громко читать:—„Его Милость Господинъ Маринъ Брандтъ симъ приказываетъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, губернаторамъ и офицерамъ республики чинить свободный пропускъ...“

Де-Люмэ стукнулъ кулакомъ по столу и разорвалъ паспортъ на куски.

— Кровь Господня!—закричалъ онъ:—чего тутъ мѣшается этотъ соплякъ, который до взятія Бріели радъ былъ селедочной головкѣ! Онъ именуетъ себя господиномъ и капи-

таномъ и посылаетъ мнѣ, мнѣ посылаетъ свои указы! Онъ повелѣваетъ, онъ приказываетъ. Скажи его милости твоему господину и повелителю, пусть приказываетъ и повелѣваетъ сколько угодно, — монахи будутъ сейчасъ повѣшены, и ты вмѣстѣ съ ними, если не уберешься сію же минуту.

И ударомъ ноги онъ вышвырнулъ его изъ комнаты.

— Пить!—закричалъ онъ:—какова наглость этого Марина! Меня чуть не вырвало отъ злости. Повѣсить сейчасъ этихъ монаховъ въ ихъ сараѣ и привести ко мнѣ этого фламандскаго бродягу, послѣ того, какъ онъ побываетъ при казни. Посмотримъ, какъ онъ посмѣетъ сказать мнѣ, что я нехорошо сдѣлалъ. Кровь Господня! На какого чорта здѣсь всѣ эти горшки и бутылки?

И онъ съ грохотомъ перебилъ всю утварь, тарелки и бокалы, и никто не смѣлъ ему сказать ни слова. Слуги хотѣли подобрать осколки, но онъ не позволилъ и, безъ конца вливая въ себя одну бутылку за другой, ступалъ большими шагами по осколкамъ, бѣшено давя и дробя ихъ.

Ввели Уленшпигеля.

— Ну,—сказалъ де-Люмэ—что слышно новенькаго о твоихъ друзьяхъ-монахахъ?

— Они повѣшены, —отвѣтилъ Уленшпигель,—и подлый палачъ, убившій ихъ ради корысти, распоролъ одному изъ нихъ послѣ смерти, точно заколотой свиньѣ, животъ и бока, чтобы продать сало аптекарю. Слово солдата ужь больше не золотое слово.

Де-Люмэ затопалъ ногами по осколкамъ посуды.

— Ты дерзишь мнѣ, червякъ негодный,—закричалъ онъ, но ты тоже будешь повѣшенъ, только не въ сараѣ, а на площади, позорно, передъ всѣмъ міромъ.

— Позоръ вамъ,—сказалъ Уленшпигель: — позоръ намъ: слово солдата уже не золотое слово.

— Замолчишь ты, мѣдный лобъ?—крикнулъ де-Люмэ.

— Позоръ тебѣ,—отвѣтилъ Уленшпигель:—слово солдата уже не золотое слово. Лучше накажи негодяевъ, торгующихъ человѣческимъ саломъ.

Де-Люмэ бросился къ нему, поднявъ руку, чтобы ударить.

— Бей,—сказалъ Уленшпиель:—я твой плѣнникъ, но я не боюсь тебя; слово солдата уже не золотое слово.

Де-Люмэ выхватилъ шпагу и, навѣрное, убилъ бы Уленшпигеля, еслибы господинъ Трелонъ, схвативъ его за руку, не сказалъ:—Помилуй его! Онъ храбрый молодецъ и не совершилъ никакого преступленія.

Де-Люмэ опомнился и сказалъ: — Пусть проситъ прощенія.

Но Уленшпигель, выпрямившись, отвѣтилъ:—Не стану.

— Пусть по крайней мѣрѣ скажетъ, что я поступилъ правильно!—яростно закричалъ де-Люмэ.

— Я не изъ тѣхъ, кто лижетъ барскіе сапоги: слово солдата уже не золотое слово.

— Поставьте висѣлицу и отведите его къ ней: пусть услышитъ тамъ пеньковое слово,—сказалъ де-Люмэ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Уленшпигель:—и я предъ всѣмъ народомъ буду тебѣ кричать: „Слово солдата уже не золотое слово!“

Висѣлица была воздвинута на Большомъ Рынкѣ. Тотчасъ же весь городъ обѣжала вѣсть, что будутъ вѣшать Уленшпигеля, храбраго гёза. И народъ, исполненный жалости и состраданія, сбѣжался толпой на Большой Рынокъ; господинъ де-Люмэ также прибылъ сюда верхомъ на лошади, желая лично подать знакъ къ исполненію казни.

Онъ сурово смотрѣлъ на Уленшпигеля, раздѣтаго для казни, въ одной рубахѣ, съ привязанными къ тѣлу руками и веревкой на шеѣ стоявшаго на лѣстницѣ, и на палача, готоваго приступить къ дѣлу. Трелонъ обратился къ нему:

— Ваша милость, пожалѣйте его; онъ не предатель, и никто не видѣлъ еще, чтобы вѣшали человѣка за то, что онъ прямодушенъ и жалостливъ.

И народъ, мужчины и женщины, услышавъ слова Трелона, кричалъ:—Сжальтесь, ваша милость, помилуйте Уленшпигеля!

— Этотъ мѣдный лобъ былъ дерзокъ со мной,—сказалъ де-Люмэ:—пусть покается и скажетъ, что я былъ правъ.

— Согласенъ ты покаяться и сказать, что онъ былъ правъ? —спросилъ Трелонъ Уленшпигеля.

— Слово солдата уже не золотое слово,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Тяни веревку,—сказалъ де-Люмэ.

Палачъ уже чуть было не исполнилъ приказаніе, какъ вдругъ молодая дѣвушка вся въ бѣломъ и съ вѣнкомъ на головѣ взбѣжала какъ безумная по ступенькамъ эшафота, бросилась къ Уленшпигелю на шею и крикнула:

— Этотъ человѣкъ—мой; я беру его въ мужья.

И народъ рукоплескалъ ей и женщины кричали:—Молодецъ дѣвушка! Спасла Уленшпигеля!

— Это что такое?—спросилъ де-Люмэ.

— По нравамъ и обычаямъ этой страны,—отвѣтилъ Трелонъ,—установлено какъ законъ и право, что невинная или

незамужняя дѣвушка спасаетъ человѣка отъ петли, если у подножья висѣлицы беретъ его себѣ въ мужья.

— Богъ за него,—сказалъ де-Люмэ:—развяжите его.

Проѣзжая мимо эшафота, онъ увидѣлъ, что палачъ не даетъ дѣвушкѣ разрѣзать веревки Уленшпигеля и борется съ ней, говоря:—Если вы ихъ разрѣжете, кто же заплатитъ?

Но дѣвушка не слушала его.

Увидя ея миловидность, быстроту и нѣжность, де-Люмэ смягчился.

— Кто ты?—спросилъ онъ.

— Я Неле, его невѣста, я пріѣхала за нимъ изъ Фландріи.

— Хорошо сдѣлала,—сурово сказалъ онъ и уѣхалъ.

Къ нимъ подошелъ Трелонъ.

— Маленькій фламандецъ,—спросилъ онъ:—ты, и женившись, останешься солдатомъ на нашихъ корабляхъ?

— Да, ваша милость,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— А ты, дѣвочка, что будешь дѣлать безъ твоего мужа?

— Если позволите, ваша милость, я буду свирѣльщикомъ на его кораблѣ.

— Хорошо,—сказалъ Трелонъ.

И онъ далъ ей два гульдена на свадьбу.

И Ламме, плача и смѣясь отъ радости, говорилъ: — Вотъ еще три гульдена. Все съѣдимъ: я плачу за все. Идемъ въ „Золотой гребешокъ". Ахъ, онъ живъ остался, мой другъ. Да здравствуетъ гёзъ!

И народъ билъ въ ладоши, и они отправились въ „Золотой гребешокъ", гдѣ было устроено великое пиршество, и Ламме бросалъ изъ окна деньги народу.

И Уленшпигель говорилъ Неле:—Красавица моя дорогая, вотъ ты со мной! О, радость! Она здѣсь, тѣломъ, душою и сердцемъ, моя милая подружка! О, кроткіе глазки, о, пурпурныя уста, изъ которыхъ вылетало только доброе слово. Она спасла мнѣ жизнь, моя нѣжная, моя любимая! Ты будешь играть на нашихъ корабляхъ пѣсню освобожденія. Помнишь?.. нѣтъ, не надо... нашъ этотъ сладостный часъ, мое это личико, нѣжное, какъ іюньскій цвѣтокъ. Я въ раю... Но ты плачешь?..

— Они убили ее, — сказала Неле. И она разсказала ему о своей утратѣ.

И глядя другъ другу въ глаза, они плакали отъ любви и скорби.

И на пиру они ѣли и пили, и Ламме грустно смотрѣлъ на нихъ, приговаривая:—О, жена моя, гдѣ ты?

И явился священникъ и обвѣнчалъ Неле и Уленшпигеля.

И утреннее солнце застало ихъ рядомъ въ ихъ брачной

постели. Голова Неле лежала на плечѣ Уленшпигеля. И, когда лучъ солнца разбудилъ ее, онъ сказалъ:

— Свѣжее личико и нѣжное сердечко, мы будемъ мстителями за Фландрію.

А она, поцѣловавъ его въ губы, сказала: — Отчаянная голова и могучая рука, Господь благословитъ союзъ свирѣли и шпаги.

— Я тебѣ сдѣлаю солдатскую одежду.

— Сейчасъ?—сказала она.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ Уленшпигель:—но кто это сказалъ, что земляника всего вкуснѣе по утрамъ? Твои губы много лучше.

9.

Уленшпигель, Ламме и Неле, такъ же, какъ ихъ друзья и товарищи, отбирали у монастырей отнятое ими у народа посредствомъ процессій, ложныхъ чудесъ и прочихъ римскихъ продѣлокъ. Это было противно повелѣнію Молчаливаго, принца Свободы, но деньги шли на военные расходы. Ламме Гоодзакъ, не довольствуясь деньгами, забиралъ въ монастыряхъ окорока, колбасы, бутылки пива и вина и возвращался съ грабежа, обвѣшанный птицей, гусями, индѣйками, каплунами, курами и цыплятами и ведя на веревкѣ еще нѣсколько монастырскихъ телятъ и свиней.—По праву войны,—говорилъ онъ.

Въ восторгѣ отъ каждаго такого захвата, онъ приносилъ добычу на корабль для пиршества и угощенія, но жаловался всегда, что корабельный кокъ невѣжда въ высокой наукѣ соусовъ и жаркихъ.

Какъ-то гёзы, побѣдоносно налившись виномъ, обратились къ Уленшпигелю:—У тебя всегда нюхъ на новости съ суши; ты знаешь все, что дѣлается на войнѣ. Спой намъ обо всемъ; Ламме будетъ бить въ барабанъ, а смазливый свирѣльщикъ попищитъ въ тактъ твоей пѣснѣ.

И Уленшпигель началъ: — Въ свѣтлый и майскій свѣжій день Людвигъ Нассаускій, разсчитывая войти въ Монсъ, не нашелъ однако ни своей пѣхоты, ни конницы. Нѣсколько его приверженцевъ держали ворота открытыми и опустили подъемный мостъ, чтобы онъ могъ взять городъ. Но горожане овладѣли воротами и мостомъ. Гдѣ солдаты графа Людвига? Горожане вотъ-вотъ подымутъ мостъ. Графъ Людвигъ трубитъ въ рогъ.

И Уленшпигель запѣлъ:

Гдѣ твоя конница, гдѣ пѣхотинцы?
Скитаясь по лѣсу, топчутъ траву,
Хворостъ сухой, ландышъ въ цвѣту.
Милое солнышко радостно свѣтитъ

На грубыя лица суровыхъ солдатъ,
И спины лоснятся коней боевыхъ.
Вотъ слышатъ они: графъ Людвигъ трубитъ
И тихо бьетъ боевой барабанъ.

Впередъ, впередъ, во весь опоръ,
Быстрѣе молніи, шпоры въ бока,
Кони летятъ, закусивъ удила.
Строемъ тяжелымъ неудержимо
Всадники мчатся: стальной ураганъ.
Въ бой смѣлѣе! Въ бой скорѣе!
Мостъ поднимаютъ. Снова вонзились
Шпоры въ бока скакуновъ утомленныхъ.
Мы опоздали? Подняли мостъ?

Вотъ, доскакали. Ужели поздно?
Мостъ ужь приподнятъ, но послѣднимъ скачкомъ
Гитуа де Шомонъ влетѣлъ на него.
Мостъ опустился: теперь ужь не трудно.
Нашъ городъ Монсъ: по его мостовой
Строемъ тяжелымъ неудержимо
Всадники мчатся: стальной ураганъ.

Слава Шомону и его скакуну!
Трубы, трубите, бей, барабанъ!
Слава и радость, пиръ и веселье.
Пахнутъ луга, птички поютъ,
Къ небу взлетая легко и свободно.
Слава свободнымъ пѣвцамъ.
Бей въ барабанъ во славу побѣды.
Слава Шомону, да здравствуетъ гёзъ!

И гёзы пѣли на корабляхъ:—Христосъ, воззри на войско твое. Господь, наточи наши шпаги! Да здравствуетъ гёзъ!

И Неле, смѣясь, дудила на своей свирѣли и Ламме билъ въ барабанъ, и вверхъ къ небесамъ, храму Господнему, вздымались золотыя чаши и пѣсни свободы. И волны, ясныя и свѣжія, точно сирены, мѣрно плескались вокругъ корабля.

10.

Былъ жаркій и душный августовскій день; Ламме тосковалъ. Молчалъ и спалъ его веселый барабанъ, и палочки его торчали въ отверстіи сумки. Уленшпигель и Неле, любовно улыбаясь отъ удовольствія, грѣлись на солнцѣ. Дозорные, сидя на верхушкѣ мачты, свистѣли или пѣли, рыская глазами по морскому простору, не увидятъ-ли на горизонтѣ какой добычи. Трелонъ спрашивалъ ихъ, но они отвѣчали только:—Niets,—ничего.

И Ламме жалобно вздыхалъ, блѣдный и усталый. И Неле спросила его:

— Отчего это, Ламме, ты такой грустный?

— Ты худѣешь, сынъ мой,—сказалъ Уленшпигель.

— Да,—отвѣтилъ Ламме,—я тоскую и худѣю. Сердце мое теряетъ свою веселость, а моя добродушная рожа свою свѣжесть. Да, смѣйтесь надо мной, вы, нашедшіе другъ друга, не смотря на тысячи опасностей. Насмѣхайтесь надъ бѣднымъ Ламме, который живетъ вдовцомъ, будучи женатымъ, тогда какъ вотъ она—онъ указалъ на Неле—спасла своего мужа отъ лобзаній веревки, которая будетъ его послѣдней возлюбленной. Она хорошо поступила, да благословитъ ее Господь. Но пусть она не смѣется надо мной. Да, ты не должна смѣяться надъ бѣднымъ Ламме, другъ мой Неле. Моя жена смѣется за десятерыхъ. О, женщины, какъ вы жестоки къ чужимъ страданіямъ. Да, тоскуетъ мое сердце, пораженное мечомъ разлуки, и ничто не исцѣлитъ его, кромѣ *нея*.

— Или куска добраго жаркого?—сказалъ Уленшпигель.

— Да,—отвѣтилъ Ламме—а гдѣ же мясо на этомъ печальномъ суднѣ? На королевскихъ судахъ получаютъ въ скоромное время четыре раза въ недѣлю говядину и три раза рыбу. Что до рыбы, да покараетъ меня Господь, если эта мочала—я говорю о рыбьемъ мясѣ—производитъ что-нибудь, кромѣ безплоднаго пожара въ моей крови, моей бѣдной крови, которая скоро уйдетъ съ водою. У нихъ тамъ есть и пиво, и сыръ, и супъ, и напитки. Да, у нихъ все для радостей желудка: сухари, черный хлѣбъ, пиво, масло, солонина, да, все, вяленая рыба, сыръ, горчица, соль, бобы, горохъ, крупа, уксусъ, масло, сало, дрова, уголь. А намъ только что запретили забирать скотъ чей бы то ни было, дворянскій, мѣщанскій или поповскій. Ѣдимъ селедку и пьемъ жиденькое пиво. Охъ, охъ, всего, всего я лишенъ; ни женской любви, ни добраго винца, ни dobbele-bruinbier, ни порядочной ѣды. Въ чемъ здѣсь наши радости?

— Я сейчасъ скажу тебѣ, Ламме,—отвѣтилъ Уленшпигель:—око за око, зубъ за зубъ: въ Парижѣ въ ночь св. Варѳоломея они убили десять тысячъ человѣкъ, десять тысячъ свободныхъ сердецъ въ одномъ только Парижѣ; самъ король стрѣлялъ въ свой народъ. Проснись, фламандецъ; схватись за свой топоръ, не зная жалости: вотъ наши радости. Бей испанскаго и католическаго врага вездѣ, гдѣ попадешь его. Забудь свое обжорство. Они отвозили живыми и мертвыми свои жертвы къ рѣкамъ и цѣлыми повозками выбрасывали ихъ въ воду. Мертвыхъ и живыхъ,—слышишь ты, Ламме? Девять дней была красна Сена и вороны тучами слетѣлись надъ городомъ. И въ ла-Шаритэ, Руанѣ, Тулузѣ, Ліонѣ, Бордо, Буржѣ, Мо избіеніе было чудовищно. Видишь стаи пресыщенныхъ собакъ, лежащихъ подлѣ труповъ? Ихъ зубы устали. Полетъ воронъ тяжелъ, потому что желудокъ

ихъ переполненъ мясомъ жертвъ. Слышишь, Ламме, голосъ жертвъ, вопіющихъ о мести и жалости? Проснись, фламандецъ. Ты говоришь о твоей женѣ. Я не думаю, чтобы она тебѣ измѣняла: она одурачена и любитъ тебя, бѣдный мой другъ. И она не была среди этихъ придворныхъ дамъ, которыя въ самую ночь убійствъ своими нѣжными ручками раздѣвали трупы, чтобы посмотрѣть на размѣры ихъ мужественности. И онѣ хохотали, эти дамы, великія въ распутствѣ. Воспрянь духомъ, сынъ мой, не смотря на твою рыбу и жидкое пиво. Если скверно во рту послѣ селедки, то много сквернѣе запахъ этихъ гнусностей. Вотъ пируютъ убійцы, и плохо вымытыми руками рѣжутъ жирныхъ гусей, угощая знатныхъ красавицъ парижскихъ, поднося имъ лапки, крылышки, задки. А вѣдь только что они трогали руками другое мясо, холодное мясо.

— Больше я не буду жаловаться, сынъ мой, — сказалъ Ламме, подымаясь: — для свободныхъ сердецъ селедка это дроздъ, жидкое пиво — мальвазія.—И Уленшпигель возгласилъ:

Да здравствуетъ гёзъ! Не плачьте, братья.
На развалинахъ, залитыхъ кровью,
Роза свободы цвѣтетъ.
Если съ нами Господь, то кто противъ насъ?
Конченъ пиръ кровавой гіены,
Пришелъ чередъ побѣдителя льва.
Онъ свалилъ се на земь, вырвалъ сй кишки.
Око за око, зубъ за зубъ.

И гёзы на корабляхъ подхватили:

Съ герцогомъ Альбой мы сдѣлаемъ тоже.
Око за око, рана за рану,
Зубъ за зубъ. Да здравствуетъ гёзъ!

11.

Черной ночью грохоталъ громъ въ нѣдрахъ грозовыхъ тучъ. Уленшпигель сидѣлъ съ Неле на палубѣ.

— Всѣ наши огни погашены, — сказалъ Уленшпигель: — мы лисицы, подстерегающія испанскую дичь: двадцать два богатыхъ испанскихъ корабля, на которыхъ мерцаютъ фонари; это ихъ несчастныя звѣзды. И мы мчимся на нихъ.

— Это колдовская ночь,—сказала Неле: —небо черно, какъ пасть ада, зарницы вспыхиваютъ, какъ улыбка Сатаны, глухо грохочетъ вдали буря; съ рѣзкими криками носятся вокругъ чайки; море катитъ свои свѣтящіяся волны, точно серебряныхъ ужей. Тиль, дорогой мой, унесемся въ царство духовъ. Прими порошокъ сновидѣній.

— Я увижу семерыхъ, дорогая?

И они приняли порошокъ. И Неле закрыла глаза Уленшпигелю, и Уленшпигель закрылъ глаза Неле. И страшное зрѣлище предстало предъ ними. Небо, земля, море были заполнены толпами людей: мужчины, женщины, дѣти работали, бродили, ѣхали, мечтали. Ихъ баюкало море, ихъ несла земля. Они копошились, какъ угри въ корзинѣ.

Семь мужчинъ и женщинъ по серединѣ неба сидѣли на престолахъ. На лбу ихъ сверкала блестящая звѣзда, но образъ ихъ былъ такъ смутенъ, что Неле и Уленшпигель не видѣли ничего, кромѣ ихъ звѣздъ.

Море вздымалось подъ небеса, неся на своей пѣнѣ безчисленное множество кораблей, мачты и снасти которыхъ сталкивались, скрещивались, путались, разбивались, разрывались, слѣдуя порывистымъ движеніямъ волнъ. И одинъ корабль явился среди прочихъ. Борта его были изъ пламенѣющаго желѣза. Его стальной киль былъ острѣе ножа. Вода болѣзненно вскрикивала, когда онъ прорѣзалъ ее. На кормѣ корабля сидѣла Смерть, держа въ одной рукѣ косу и въ другой бичъ, которымъ она, издѣваясь, хлестала семерыхъ путниковъ. Первымъ изъ нихъ былъ худощавый, мрачный, горделивый, молчаливый человѣкъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, въ другой мечъ. Подлѣ него сидѣла верхомъ на козѣ дѣвушка въ раскрытомъ платьѣ, съ голыми грудями, возбужденными глазами, красными щеками. Она похотливо потягивалась къ старому еврею, собирающему гвозди, и раздутому толстяку, который падалъ всякій разъ, какъ пытался встать, между тѣмъ, какъ тощая женщина яростно колотила ихъ обоихъ. Толстякъ ничѣмъ не отвѣчалъ на это, равно какъ его красная подруга. Монахъ, сидя по серединѣ, поглощалъ колбасу. Женщина, лежа на землѣ, скользила между ними, какъ змѣя. Она кусала стараго еврея за его ржавые гвозди, толстяка за его благодушіе, краснощекую дѣвушку за влажный блескъ ея глазъ, монаха за колбасы и худощаваго человѣка за его скипетръ. И всѣ передрались между собой.

Когда они промелькнули, бой на морѣ, на небѣ и на землѣ сталъ ужасенъ. Лилъ кровавый дождь. Корабли были изрублены топорами, разбиты выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. На землѣ сталкивались арміи, подобно мѣднымъ стѣнамъ. Города, деревни, поля горѣли среди криковъ и слезъ Высокія колокольни гордыми очертаніями вздымали свое каменное кружево среди огня, потомъ рушились съ грохотомъ, точно срубленные дубы. Многочисленные черные всадники, сплотившись въ тѣсныя кучки, точно толпы муравьевъ, съ мечомъ въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, избивали мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ, про-

бивъ проруби, топили въ нихъ живыми стариковъ; другіе отрѣзали груди у женщинъ и посыпали раны перцемъ, третьи вѣшали дѣтей въ трубахъ. Уставъ убивать, они насиловали женщину или дѣвушку, пьянствовали, играли въ кости и, засунувъ руки въ груды золота, плодъ грабежа, копошились въ нихъ окровавленными пальцами.

Семеро, увѣнчанные звѣздами, возглашали:—Жалость къ несчастному міру!

И призраки хохотали. И голоса ихъ были подобны крику тысячъ морскихъ орловъ. И Смерть махала своей косой.

— Слышишь?—говорилъ Уленшпигель:—это хищныя птицы, слетѣвшіяся на трупы людскія. Онѣ живутъ маленькими птичками: тѣми, кто простъ и добръ.

И семеро, увѣнчанные звѣздами, возглашали:—Любовь, справедливость, состраданіе!

И семь призраковъ хохотали. И голоса ихъ были подобны крику тысячъ морскихъ орловъ. И Смерть хлестала своимъ бичомъ.

И корабль мчался по волнамъ, разрѣзая пополамъ суда, ладьи, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. И надъ моремъ оглушительно несся жалобный стонъ жертвъ, кричащихъ:—Сжальтесь!

И красный корабль прошелъ чрезъ нихъ, между тѣмъ, какъ призраки кричали, какъ морскіе орлы.

И Смерть съ хохотомъ пила воду, полную крови.

И корабль исчезъ въ туманѣ, стихла битва и исчезли семь звѣздныхъ вѣнцовъ.

И Уленшпигель съ Неле видѣли предъ собой только черное небо, бурное море, мрачныя тучи, спускающіяся на свѣтящіяся волны и—совсѣмъ близко—красныя звѣздочки.

Это были фонари двадцати двухъ кораблей. Глухо грохотали море и раскаты грома.

И Уленшпигель тихо ударилъ vacharm (тревогу) въ колоколъ и крикнулъ:—Испанцы, испанцы! Держать на Флиссингенъ!—И крикъ этотъ былъ подхваченъ всѣмъ флотомъ.

— Сѣрый туманъ покрылъ небо и море,—говоритъ Уленшпигель:—Тускло мерцаютъ фонари, встаетъ заря, свѣжѣетъ вѣтеръ, валы взметаютъ свою пѣну выше палубы, льетъ дождь и стихаетъ, восходитъ лучезарное солнце, золотя гребни волнъ: это твоя улыбка, Неле, свѣжая, какъ утро, кроткая, какъ солнечный лучъ.

Проходятъ двадцать два корабля съ богатымъ грузомъ; на судахъ гёзовъ бьютъ барабаны, свистятъ свирѣли; де-Люмэ кричитъ:—Во имя принца, въ погоню!—Эвонтъ Питерсенъ Вортъ, вице-адмиралъ, кричитъ:—Во имя принца Оранскаго и господина адмирала, въ погоню!—И на всѣхъ корабляхъ,

на „Іоганнѣ“, „Лебедѣ“, „Аннѣ-Маріи“, „Гёзѣ“, „Компромиссѣ“, „Эгмонтѣ“, „Горнѣ“, „Вильгельмѣ Молчаливомъ“—Willem de Zwyger—кричатъ всѣ капитаны:—Во имя принца Оранскаго и господина адмирала!

— Въ погоню, да здравствуютъ гёзы!—кричатъ солдаты и моряки. Корветъ Трелона „Бріель“, на которомъ находятся Ламме и Уленшпигель, вмѣстѣ съ „Іоганной“, „Лебедемъ“ и „Гёзомъ“ захватилъ четыре корабля. Гёзы бросаютъ въ воду все, что носитъ имя испанца, берутъ въ плѣнъ уроженцевъ Голландіи, очищаютъ корабли, точно яичную скорлупу, отъ всего груза и бросаютъ ихъ носиться по взморью безъ мачтъ и парусовъ. Затѣмъ они бросаются въ погоню за остальными восемнадцатью судами. Сильный вѣтеръ дуетъ со стороны Антверпена, борта быстролётныхъ кораблей склоняются къ водѣ рѣки подъ грузомъ парусовъ, надутыхъ, какъ щеки монаха отъ вѣтра, вѣющаго изъ кухни; преслѣдуемые корабли несутся быстро; гёзы подъ огнемъ укрѣпленій преслѣдуютъ ихъ до Миддельбурга. Здѣсь завязался кровопролитный бой; гёзы съ топорами въ рукахъ бросаются на палубу вражескихъ кораблей; вотъ вся она покрыта отрубленными руками и ногами, которыя послѣ боя приходится корзинами выбрасывать въ воду. Укрѣпленія осыпаютъ гёзовъ выстрѣлами; они, не обращая на это вниманія, забираютъ на корабляхъ порохъ, пушки, свинецъ и пули, опустошивъ, сжигаютъ ихъ и уносятся въ Флиссингенъ, оставивъ ихъ тлѣть и догорать на взморьѣ.

Отсюда они пошлютъ отряды пробивать плотины Зеландіи и Голландіи, помогать сооруженію новыхъ судовъ, особенно шкунъ въ сто сорокъ тоннъ, несущихъ до двадцати литыхъ орудій.

12.

На корабляхъ идетъ снѣгъ. Вся воздушная даль бѣла и снѣжинки неустанно падаютъ, падаютъ мягко въ черную воду, гдѣ таютъ.

Снѣгъ идетъ на землѣ; бѣлы дороги, бѣлы черныя очертанія оголенныхъ деревъ. Ни звука; только далеко въ Гарлемѣ бьетъ колоколъ часовъ, и веселый перезвонъ разноситъ въ плотномъ воздухѣ свои приглушенные звуки.

Не звоните, колокола, не наигрывайте своихъ напѣвовъ, простыхъ и мирныхъ: приближается донъ Фредерикъ, кровавое отродье Альбы. Онъ идетъ на тебя съ тридцатью пятью батальонами испанцевъ, твоихъ смертельныхъ враговъ, о Гаарлемъ, городъ свободы; двадцать два батальона валлоновъ, восемнадцать батальоновъ нѣмцевъ, восемьсотъ всадниковъ, могучая артиллерія слѣдуютъ за нимъ. Слышишь ты лязгъ этихъ кровопролитныхъ орудій на ихъ колесахъ?

Фальконеты, кулеврины, широкогорлыя мортиры, это все для тебя, Гаарлемъ. Не звоните, колокола, не разноси, веселый перезвонъ, своихъ напѣвовъ, простыхъ и мирныхъ, въ снѣжной завѣсѣ воздуха.

— Будемъ звонить мы, колокола; я, перезвонъ, буду звенѣть, бросая мои смѣлые напѣвы въ снѣжную пелену воздуха. Гаарлемъ—городъ отважныхъ сердецъ и мужественныхъ женщинъ. Безъ страха съ высоты своихъ колоколенъ смотритъ онъ, какъ переливаются, подобно стаямъ адскихъ муравьевъ, черныя толпы палачей; Уленшпигель, Ламме и сто морскихъ гёзовъ въ его стѣнахъ. Ихъ корабли плаваютъ по Гаарлемскому озеру.

— Пусть придутъ!—говорятъ горожане:—мы вѣдь только простые обыватели, рыбаки, моряки и женщины. Сынъ герцога Альбы заявилъ, что для входа въ нашъ городъ не хочетъ иныхъ ключей, кромѣ своихъ пушекъ. Пусть откроетъ, если можетъ, эти хрупкія ворота; онъ найдетъ за ними людей. Звоните, колокола, шлите свои веселые напѣвы въ снѣжную пелену.

У насъ слабыя стѣны и устарѣлые рвы—больше ничего. Четырнадцать орудій извергаютъ свои сорока-шести-фунтовыя ядра на Cruys-poort. Поставьте людей тамъ, гдѣ не хватаетъ камней. Пришла ночь, всѣ на работѣ—и какъ-будто здѣсь никогда не было пушекъ. На Cruys-poort они выпустили шестьсотъ восемьдесятъ ядеръ, на ворота Св. Яна шестьсотъ семьдесять пять. Эти ключи не открываютъ, ибо вотъ за стѣнами выросъ новый валъ. Звоните, колокола, бросай, перезвонъ, свои веселые напѣвы.

Пушки громятъ и громятъ неустанно крѣпость, разлетаются камни, рушится стѣна. Брешь достаточно широка для фронта цѣлаго батальона. Приступъ! Бей, бей!—кричатъ они. Они карабкаются, ихъ десять тысячъ; дайте имъ перебраться черезъ рвы съ ихъ мостами, съ ихъ лѣстницами. Наши орудія готовы. Вотъ знамя тѣхъ, кто умретъ. Отдайте честь пушкамъ свободы. Онѣ салютуютъ: цѣпныя ядра, смоляные обручи, пылая, летятъ, свистятъ, разятъ, пробиваютъ, зажигаютъ, ослѣпляютъ строй наступающихъ, который ослабъ и бѣжитъ въ безпорядкѣ. Полторы тысячи труповъ переполнили ровъ. Звоните, колокола, неси, перезвонъ, свои бодрые напѣвы.

Подступите еще разъ! Не смѣютъ. Принялись за обстрѣлъ, ведутъ подкопы. Ну, мы тоже знаемъ минное дѣло. Подъ ними, подъ ними зажгите фитиль! Сюда, народъ, будетъ что посмотрѣть! Четыреста испанцевъ взлетѣло на воздухъ. Это не путь къ вѣчному огню. О, чудная пляска подъ серебрян-

ный напѣвъ нашихъ колоколовъ, подъ веселый ихъ перезвонъ.

Они и не думаютъ, что принцъ заботится о насъ, что каждый день по хорошо охраненнымъ путямъ къ намъ прокрадываются вереницы саней съ грузомъ хлѣба и пороха: хлѣбъ для насъ, порохъ для нихъ. Гдѣ шестьсотъ ихъ нѣмцевъ, которыхъ мы истребили и утопили въ гаарлемскомъ лѣсу? Гдѣ одиннадцать батальоновъ, которые мы взяли въ плѣнъ, шесть орудій и пятьдесятъ быковъ? Прежде у насъ была одна крѣпостная стѣна, теперь—двѣ. Даже женщины дерутся и Кеннанъ стоитъ во главѣ ихъ отважнаго отряда. Придите, палачи, вступите въ наши улицы, наши дѣти подрѣжутъ вамъ подколѣнки своими маленькими ножами. Звоните, колокола и ты, перезвонъ, бросай въ плотный воздухъ твои веселые напѣвы!

Но судьба противъ насъ. Корабли гёзовъ разбиты на Гаарлемскомъ озерѣ. Разбито войско Оранскаго, посланное намъ на помощь. Все мерзнетъ, все мерзнетъ. Нѣтъ помощи ни откуда. И вотъ, уже шесть мѣсяцевъ мы держимся тысяча противъ десяти тысячъ. Надо сговориться какъ-нибудь съ палачами. Еще захочетъ ли слушать о какомъ-нибудь договорѣ Альбино отродье, послѣ того, какъ онъ поклялся уничтожить насъ? Пусть выйдутъ съ оружіемъ всѣ солдаты; они прорвутся чрезъ непріятельскіе ряды. Но женщины у воротъ: онѣ боятся, что ихъ оставятъ однихъ охранять городъ. Не звоните, колокола, не бросай своихъ напѣвовъ, веселый перезвонъ.

Вотъ іюнь на дворѣ, пахнетъ сѣномъ, жатва золотится на солнцѣ, поютъ птички. Мы голодаемъ втеченіе пяти мѣсяцевъ, городъ въ отчаяніи. Мы выйдемъ всѣ изъ города: впереди стрѣлки, чтобы открыть путь, потомъ женщины, дѣти, должностныя лица подъ охраной пѣхоты, стерегущей брешь. И вдругъ письмо. Письмо отъ кроваваго отродья Альбы. Что возвѣщаетъ оно—смерть? Нѣтъ, жизнь всему, что осталось въ городѣ. О, неожиданная пощада, о, быть можетъ, ложь! Запоешь ли ты еще, веселый перезвонъ колоколовъ? Они вступаютъ въ городъ.

Уленшпигель, Ламме и Неле переодѣлись нѣмецкими наемниками и вмѣстѣ съ ними—всего шестьсотъ человѣкъ—заперлись въ августинскомъ монастырѣ.

— Мы умремъ сегодня,—шепнулъ Уленшпигель Ламме.

И онъ прижалъ къ груди нѣжное тѣльце Неле, дрожащее отъ страха.

— О, жена моя, я не увижу ея,—вздохнулъ Ламме:—но, можетъ быть, одежда нѣмецкихъ солдатъ спасетъ намъ жизнь?

Уленшпигель покачалъ головой, чтобы показать, что онъ не вѣритъ въ пощаду.

— Я не слышу шума разгрома,—сказалъ Ламме.

— По договору—отвѣтилъ Уленшпигель—горожане откупились отъ грабежа и рѣзни за плату въ двѣсти сорокъ тысячъ гульденовъ. Они должны уплатить втеченіе двѣнадцати дней наличными сто тысячъ гульденовъ, а остальные черезъ три мѣсяца. Женщинамъ приказано укрыться въ церквяхъ. Убійства начнутся, несомнѣнно. Слышишь, какъ сколачиваютъ эшафоты и строютъ висѣлицы?

— Ахъ, пришелъ намъ конецъ,—сказала Неле,—я голодна.

— Да,—сказалъ потихоньку Ламме Уленшпигелю,—кровавый выродокъ герцогскій сказалъ, что, изголодавшись, мы будемъ покорнѣе, когда насъ поведутъ на казнь.

— Я такъ голодна!—сказала Неле.

Вечеромъ пришли солдаты и принесли по одному хлѣбу на шестерыхъ.

— Триста валлонскихъ солдатъ повѣшены на рынкѣ,—разсказывали они:—скоро ваша очередь. Всегда такъ было, что гёзъ вѣнчался съ висѣлицей.

На другой вечеръ они опять принесли по хлѣбу на шесть человѣкъ.

— Четыремъ важнымъ обывателямъ отрубили голову,—разсказывали они:—двѣсти сорокъ девять солдатъ связаны попарно и брошены въ море. Да, вы не потолстѣли съ тѣхъ поръ, какъ седьмого іюля васъ здѣсь заперли. Обжоры и пьяницы всѣ эти нидерландцы; намъ вотъ, испанцамъ, довольно двухъ фигъ на ужинъ.

— Вотъ почему—отвѣтилъ Уленшпигель—вы повсюду требуете отъ обывателей, чтобы васъ кормили четыре раза въ день мясомъ, птицей, сливками, виномъ и вареньемъ; вамъ нужно молоко, чтобы купать въ немъ вашихъ mustachos, и вино, чтобы мыть копыта вашихъ лошадей.

Восемнадцатаго іюля Неле сказала:—У меня мокро подъ ногами; что это такое?

— Кровь,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Вечеромъ солдаты опять принесли по хлѣбу на шестерыхъ.

— Гдѣ недостаточно веревки, тамъ справляется топоръ,—разсказывали они:—триста солдатъ и двадцать семь горожанъ, которые вздумали убѣжать, шествуютъ теперь въ адъ, неся свои головы въ рукахъ.

На другой день кровь опять потекла въ монастырь; солдаты пришли, но не принесли хлѣба, а только смотрѣли на заключенныхъ и говорили:—Пятьсотъ валлоновъ, англичанъ и шотландцевъ которымъ вчера отрубили головы, смо-

трѣли лучше; эти изголодались, конечно, но кому же и умирать съ голоду, какъ не гёзу: гёзъ вѣдь значитъ нищій.

И, въ самомъ дѣлѣ, всѣ блѣдные, изможденные, дрожащіе отъ озноба, имѣли видъ призраковъ.

Шестнадцатаго августа, въ пять часовъ вечера пришли солдаты и со смѣхомъ раздавали узникамъ хлѣбъ, сыръ, пиво.

— Это предсмертный пиръ,—сказалъ Ламме.

Въ десять часовъ пришло четыре батальона; командиры приказали открыть ворота монастыря и, построивъ заключенныхъ по четыре человѣка въ рядъ, велѣли имъ идти за барабанами и свирѣлями вплоть до мѣста, гдѣ имъ сказано будетъ остановиться. Нѣкоторыя улицы были красны; и они шли такъ по направленію къ Полю висѣлицъ.

Здѣсь и тамъ на лугахъ краснѣли лужицы крови; кровь была кругомъ на стѣнахъ. Тучами носились повсюду вороны; солнце заходило въ туманѣ, небо было еще ясно и въ глубинѣ его робко зажигались звѣздочки. Вдругъ послышались жалобныя завыванія.

— Это кричатъ гёзы, запертые въ фортѣ Фейке, за городомъ,—сказали солдаты:—ихъ приказано уморить голодомъ.

— И мы умремъ сейчасъ,—сказала Неле. И она заплакала.

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце,—сказалъ Уленшпигель.

— Ахъ,—сказалъ Ламме (онъ говорилъ по фламандски и конвойные солдаты не понимали его)—ахъ, еслибы я могъ захватить кроваваго герцога и заставить его глотать всѣ эти веревки, висѣлицы, плахи, дыбы, тиски, глотать до тѣхъ поръ, пока бы онъ лопнулъ; еслибъ я могъ поить и поить его пролитой имъ кровью, чтобы изъ его продырявленной шкуры и разодранныхъ кишекъ вылѣзли всѣ эти деревянныя щепки и куски желѣза и чтобы онъ еще не издохъ отъ этого, а я бы вырвалъ у него изъ груди сердце и заставилъ его сожрать свое сердце, сырое и ядовитое. Тогда ужь навѣрное, уйдя изъ этой жизни, онъ попадетъ въ сѣрное пекло, гдѣ дьяволъ его будетъ все кормить и кормить этой закуской, и такъ во вѣки вѣковъ.

— Аминь,—сказали Уленшпигель и Неле.

— Но ты ничего не видишь?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Я вижу на западѣ семь мужчинъ и двухъ женщинъ,—сказала она:—они сидятъ кружкомъ. Одинъ въ пурпурѣ и въ золотой коронѣ. Онъ кажется главою прочихъ; они въ лохмотьяхъ и тряпкахъ. И съ востока. я вижу, тоже яви-

лись семеро: одинъ во главѣ ихъ; онъ тоже въ пурпурѣ, но безъ короны. И они несутся на западныхъ. Они бьются съ ними въ облакахъ; но больше я ничего не вижу.

— Семеро,—сказалъ Уленшпигель.

— Я слышу подлѣ насъ,—сказала Неле—въ листвѣ голосъ, точно дуновеніе вѣтра говоритъ:

Въ мечѣ и огнѣ,
Въ копьѣ и войнѣ,
Ищи;
Въ смерти и гибели,
Въ слезахъ и крови
Найди.

— Не намъ это суждено—другіе освободятъ землю фландрскую,—сказалъ Уленшпигель:—Ночь темнѣетъ, солдаты зажигаютъ факелы. Мы уже подлѣ Поля висѣлицъ. О, милая моя подруга, зачѣмъ ты пошла за мной? Больше ничего не слышишь, Неле?

— Слышу,—отвѣтила она:—въ хлѣбахъ звякнуло оружіе. И тамъ, надъ этимъ склономъ, повыше дороги, по которой мы идемъ, видишь, блеснулъ на стали багровый отсвѣтъ факеловъ? Я вижу огненные кончики фитилей аркебузовъ. Спятъ наши конвойные или ослѣпли? Слышишь громовый залпъ? Видишь, какъ падаютъ испанцы подъ пулями? Слышишь: „да здравствуютъ гёзы!“ Бѣгомъ вверхъ по тропинкѣ они подымаются съ копьями на перевѣсъ; они сбѣгаютъ по склону съ топорами въ рукѣ. Да здравствуютъ гёзы!

— Да здравствуютъ гёзы!—кричали Ламме и Уленшпигель.

— Вотъ солдаты даютъ намъ оружіе,—говорила Неле:—бери, Ламме, бери, дорогой. Да здравствуютъ гёзы!

— Да здравствуютъ гёзы!—кричитъ толпа плѣнниковъ.

— Да здравствуютъ гёзы!—кричатъ отрядъ спасителей.

— Да здравствуютъ гёзы!—кричитъ Уленшпигель и плѣнники. Испанцы въ огненномъ кольцѣ. Бей! бей! Ужь нѣтъ ни одного на ногахъ. Бей, безъ пощады, война безъ жалости. А теперь соберемъ пожитки и бѣгомъ въ Энкгейзенъ. Кому суконное и шелковое платье палачей? Кому ихъ оружіе?

— Всѣмъ. всѣмъ!—кричатъ они:—да здравствуютъ гёзы!

И въ самомъ дѣлѣ они возвращаются на судахъ въ Энкгейзенъ, гдѣ освобожденные вмѣстѣ съ ними нѣмцы остаются для охраны города.

И Ламме, Неле и Уленшпигель вновь на своихъ. корабляхъ. И снова поютъ они въ открытомъ морѣ:—Да здравствуютъ гёзы!

И крейсируютъ передъ Флиссингеномъ

13.

Здѣсь Ламме снова повеселѣлъ. Онъ охотно сходилъ съ корабля на землю и, точно на зайцевъ, оленей и дроздовъ, охотился на быковъ, барановъ и птицу.

И не въ одиночествѣ занимался онъ этой питательной охотой. Хорошо было смотрѣть, какъ возвращаются съ добычи охотники съ Ламме во главѣ, какъ они ведутъ за рога крупный скотъ и гонятъ предъ собой мелкій, палочкой подгоняютъ стада гусей и на баграхъ съ лодокъ тащатъ куръ, цыплятъ и каплуновъ, не взирая на ихъ сопротивленіе.

Пиръ горой на корабляхъ. И Ламме приговариваетъ:— Запахъ подливы вздымается къ небесамъ, услаждая господъ ангелочковъ, которые говорятъ:—„Лучше нѣтъ мясной ѣды".

Такъ разъѣзжая, они наткнулись на торговую эскадру изъ Лиссабона, командиръ которой не зналъ, что Флиссингенъ уже въ рукахъ гёзовъ. Ей приказываютъ бросить якорь, она окружена. Да здравствуютъ гёзы! Барабаны и свирѣли зовутъ на абордажъ. У купцовъ есть пушки, пики, топоры, аркебузы.

Ядра и пули сыплются на корабли гёзовъ. Ихъ стрѣлки, сгрудившись у гротъ-мачты за деревянными прикрытіями, стрѣляютъ навѣрняка, не подвергаясь опасности. Купцы падаютъ, какъ мухи.

— На помощь! — говоритъ Уленшпигель, обращаясь къ Ламме и Неле,—впередъ! Вотъ пряности, драгоцѣнности, дорогіе товары, сахаръ, мускатъ, гвоздика, инбирь, реалы, дукаты, блестящіе золотые барашки: ихъ болѣе пятисотъ тысячъ штукъ. Испанцы оплатятъ военные расходы. Выпьемъ! Отслужимъ мессу гёзовъ: эта месса—битва.

И Уленшпигель съ Ламме носятся повсюду точно львы, Неле играетъ на свирѣли, прячась за деревяннымъ прикрытіемъ. Вся флотилія захвачена.

По подсчету потерь оказалось, что у испанцевъ убита тысяча человѣкъ, у гёзовъ триста; среди послѣднихъ былъ поваръ корвета „Бріель".

Уленшпигель попросилъ позволенія сказать слово Трелону и морякамъ, на что Трелонъ согласился очень охотно. И Уленшпигель держалъ такую рѣчь:

— Господинъ капитанъ и вы, братцы, мы получили въ наслѣдство множество пряностей, а вотъ предъ вами толстячокъ Ламме, который находитъ, что нашъ бѣдный покойникъ—да возвеселитъ Господь его душу—былъ не великій профессоръ по части соусовъ. Такъ вотъ, поставимъ Ламме

на его мѣсто, онъ ужь накормитъ васъ небесными жаркими и райскими супами.

— Отлично,—отвѣтили Трелонъ и прочіе:—Ламме будетъ корабельный кокъ (поваръ). Онъ будетъ носить большую шумовку, чтобы снимать пѣну съ своихъ соусовъ и отгонять отъ нихъ корабельныхъ юнгъ.

— Господинъ капитанъ, друзья и товарищи,—сказалъ Ламме:—вы видите, что я плачу отъ радости, такъ какъ я совсѣмъ не заслуживаю столь великой чести. Во всякомъ случаѣ, разъ ужь вы удостоиваете прибѣгнуть къ моему ничтожеству, я принимаю высокія обязанности мастера кухоннаго искуства на славномъ кораблѣ „Бріель“, но покорнѣйше прошу васъ при этомъ даровать мнѣ высшія права верховнаго начальства надъ кухней, дабы вашъ главный поваръ—это буду я—могъ бы, по силѣ, праву и закону воспрепятствовать кому бы то ни было забирать и ѣсть долю другого.

Трелонъ и прочіе кричали:—Молодецъ, Ламме! У тебя будетъ и право, и сила, и законъ.

— Но я — продолжалъ онъ — приношу вамъ другое покорнѣйшее прошеніе: человѣкъ я жирный, крупный и увѣсистый, глубоко мое чрево, вмѣстителенъ желудокъ; моя бѣдная жена—да возвратитъ мнѣ ее Господь—всегда давала мнѣ двѣ порціи вмѣсто одной; соблаговолите и вы мнѣ даровать то же снисхожденіе.

Трелонъ, Уленшпигель и матросы отвѣтили:—Хорошо, Ламме, ты будешь получать двѣ порціи.

И Ламме вдругъ вновь впалъ въ грусть и сказалъ: —Жена моя, кроткая моя красавица, если что-нибудь можетъ меня утѣшить въ твоемъ отсутствіи, то развѣ только дѣятельное воспоминаніе о твоей небесной кухнѣ въ нашемъ прелестномъ уголкѣ.

— Полагается принести присягу, сынъ мой,—сказалъ Уленшпигель:—принесите большую деревянную ложку и большой мѣдный котелъ.

— Клянусь,—провозгласилъ Ламме:—клянусь Господомъ, помощь котораго призываю, клянусь хранить вѣрность господину принцу Оранскому, по прозванію Молчаливому, правящему отъ имени короля областями Голландіи и Зеландіи; клянусь соблюдать вѣрность господину де-Люмэ, адмиралу, командующему нашимъ доблестнымъ флотомъ и господину Трелону, вице-адмиралу и командиру корабля „Бріель“. Клянусь, по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ, согласно нравамъ и обычаямъ великихъ древнихъ поваровъ, составившихъ превосходные иллюстрированные труды о великомъ искусствѣ стряпни, изготовлять мясо и птицу, какія намъ пошлетъ

судьба, и питать оными яствами вышереченнаго господина Трелона, командира, его помощника, каковымъ состоитъ другъ мой Уленшпигель, и всѣхъ васъ, боцмана̀, лоцмана̀, рулевые, юнги, солдаты, пушкари, камбузные, дневальный командира, лекарь, трубачъ, матросы и всѣ прочіе. Если жаркое будетъ недожарено, а птица не подрумянится, какъ должно; если отъ супа будетъ идти тошнотворный духъ, пагубный для добраго пищеваренія; если запахъ подливы не заставитъ васъ всѣхъ ринуться—съ моего соизволенія, конечно,—въ кухню; если я не сдѣлаю васъ веселыми, а лица ваши благодушными, я откажусь отъ моихъ высокихъ обязанностей, считая себя отнынѣ неспособнымъ занимать кухонный тронъ. Такъ да поможетъ мнѣ Господь въ этой жизни и въ будущей.

— Да здравствуетъ нашъ кокъ!—кричали они,—король кухни, императоръ жаркихъ! По воскресеньямъ онъ будетъ получать три порціи вмѣсто двухъ.

И Ламме сдѣлался поваромъ на кораблѣ „Бріель". И между тѣмъ, какъ душистые супы кипѣли въ кастрюляхъ, онъ стоялъ у кухонныхъ дверей, гордо, точно скипетръ, держа свою большую деревянную шумовку.

И по воскресеньямъ онъ получалъ три порціи.

Когда гёзамъ случалось ввязаться въ схватку съ врагомъ, онъ охотно оставался въ своей соусной лабораторіи, однако иногда выходилъ на палубу, чтобы сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, потомъ поспѣшно спускался къ себѣ присмотрѣть за своими соусами.

Будучи, такимъ образомъ, исправнымъ поваромъ и доблестнымъ воиномъ, онъ сталъ общимъ любимцемъ. Но никто не имѣлъ права проникнуть въ его кухню. Ибо тутъ онъ приходилъ въ ярость и колотилъ своей деревянной шумовкой по спинамъ и животамъ безъ пощады.

И съ этихъ поръ онъ былъ прозванъ Ламме-Левъ.

14.

По океану, по Шельдѣ, подъ солнцемъ, дождемъ, снѣгомъ, градомъ, зимою и лѣтомъ носятся корабли гёзовъ.

Подняты всѣ паруса, точно лебеди, лебеди бѣлой свободы.

Бѣлый цвѣтъ—свобода, синій—величіе, оранжевый—принцъ Оранскій: вотъ трехцвѣтный флагъ гордыхъ кораблей.

Впередъ на всѣхъ парусахъ! Впередъ на всѣхъ парусахъ, славные корабли; струи бьются о нихъ, волны обливаютъ ихъ пѣной.

Они несутся, они скользятъ, они летятъ по рѣкѣ, накренивъ паруса до воды, быстрые, какъ облака подъ сѣвернымъ вѣтромъ, корабли гёзовъ. Слышите, какъ носъ ихъ разсѣкаетъ волны? Богъ свободныхъ людей! Да здравствуютъ гёзы!

Шкуны, корветы, бриги и барки, быстрые подобно вѣтру, чреваты бурей, какъ туча чревата молніей.

Шкуны, корветы, бриги скользятъ по рѣкѣ. Волны, разрѣзанныя пополамъ, стонутъ, когда они несутся съ смертоубійственнымъ жерломъ ихъ длинной кулеврины на носу. Да здравствуютъ гёзы!

На всѣхъ парусахъ! На всѣхъ парусахъ, доблестные корабли! Волны бьются объ ихъ борта, обливая ихъ пѣной.

Ночью и днемъ, въ дождь, снѣгъ и градъ—они плывутъ.

Христосъ улыбается имъ въ облакѣ, въ солнцѣ, въ звѣздѣ. Да здравствуютъ гёзы!

15.

Кровавый король получилъ извѣстія объ ихъ побѣдахъ. Смерть уже глодала палача и тѣло его было полно червей. Жалкій и пугливый, скитался онъ по переходамъ замка Вальядолиды, влача свои распухшія ступни и свинцомъ налитыя икры. Онъ не пѣлъ никогда, свирѣпый тиранъ; когда вставала заря, онъ не смѣялся и, когда солнце заливало его владѣнія какъ бы улыбкой самого Господа, онъ не ощущалъ въ своемъ сердцѣ ни малѣйшей радости.

Уленшпигель, Ламме и Неле пѣли, какъ птички, рискуя своей, если рѣчь идетъ о Ламме и Уленшпигелѣ—шкурой и, если говорится о Неле,—нѣжной кожей, живя изо дня въ день и радуясь тому, что гёзамъ удалось погасить тотъ или иной костеръ, больше, чѣмъ черный король наслаждался пожаромъ цѣлаго города.

Въ эти дни Вильгельмъ Молчаливый, принцъ Оранскій, лишилъ адмиральскаго чина господина Люмэ де-ла-Марка за его непомѣрную жестокость и назначилъ на его мѣсто господина Баувена Эваутсена Ворста. Онъ обсуждалъ также предположенія объ уплатѣ крестьянамъ за хлѣбъ, взятый у нихъ гёзами, о возмѣщеніи наложенныхъ на нихъ контрибуцій и предоставленіи римскимъ католикамъ, равно какъ всѣмъ прочимъ, свободнаго исповѣданія ихъ вѣры безъ преслѣдованій и насилій.

16.

Подъ сверкающимъ небомъ, на свѣтлыхъ волнахъ, свистятъ на корабляхъ гёзовъ свирѣли, гнусятъ волынки, булькаютъ бутылки, звенятъ бокалы, блеститъ сталь оружія.

— Ну вотъ,—говоритъ Уленшпигель:—бей въ барабанъ славы, бей въ литавры радости. Да здравствуютъ гёзы! Побѣждена Испанія, скрученъ упырь проклятый. Море— наше, Бріель взята. Нашъ весь берегъ отъ Ньюпора, дальше чрезъ Остенде, Бланкенберге, острова Зеландскіе, устье Шельды, устье Мааса, устье Рейна вплоть до Гельдерна. Наши Тексель, Флиландъ, Терсхеллингъ, Амеландъ, Роттумъ, Боркумъ. Да здравствуютъ гёзы!

Наши Дельфтъ и Дордрехтъ. Это пороховая нить. Господь держитъ запалъ отъ пушки. Палачи оставили Роттердамъ. Свобода совѣсти, точно левъ, вооруженный зубами и когтями правосудія, захватила графство Цютфенъ, города Дейтихемъ, Досбургъ, Гооръ, Ольденцель и на Вельнюире, Гаттемъ, Эльбургъ и Гардервикъ. Да здравствуютъ гёзы!

Это громъ, это молнія: уже въ нашихъ рукахъ Кампенъ, Цволь, Гассель, Стенвикъ, за ними Аудеватеръ, Гауда, Лейденъ. Да здравствуютъ гёзы!

Нашъ Бюэренъ, нашъ Энкгейзенъ. Мы не взяли еще Амстердама, Схоонговена и Миддельбурга. Но все достанется во время терпѣливымъ клинкамъ. Да здравствуютъ гёзы!

Выпьемъ испанскаго вина! Выпьемъ изъ тѣхъ самыхъ чашъ, изъ которыхъ они пили кровь своихъ жертвъ. Мы двинемся черезъ Зюдерзее по рѣкамъ, протокамъ и каналамъ. Наши Голландія сѣверная и южная и Зеландія; мы возьмемъ Фрисландію, восточную и западную. Бріель будетъ убѣжищемъ нашимъ кораблямъ, гнѣздомъ, гдѣ вызрѣетъ свобода. Да здравствуютъ гёзы!

Слушайте, какъ разносится по Фландріи, дорогой родинѣ, крикъ мести. Куютъ оружіе, точатъ мечи. Все движется, все трепещетъ, какъ струны арфы подъ теплымъ вѣтромъ, подъ дуновеніемъ душъ, исходящимъ изъ могилъ, изъ костровъ, изъ окровавленныхъ труповъ мучениковъ. Все въ движеніи—Геннегау, Брабантъ, Люксембургъ, Лимбургъ, Намюръ, Льежъ, свободный городъ. Все кипитъ. Кровь бродитъ и оплодотворяетъ. Жатва созрѣла для серпа. Да здравствуютъ гёзы!

Въ нашей власти Noord-Zee, широкое Сѣверное море. У насъ—отличныя пушки, гордые корабли, смѣлые отряды грозныхъ моряковъ: нищіе, бродяги, попы-солдаты, дворяне, горожане, ремесленники, бѣгущіе отъ преслѣдованій. Съ нами всѣ, кто за свободу. Да здравствуютъ гёзы!

Филиппъ, кровавый король, гдѣ ты? Альба, гдѣ ты? Ты кричишь и богохульствуешь, покрываясь своей освященной шляпой, пожалованной св. отцомъ. Бей въ барабанъ радости. Да здравствуютъ гёзы! Выпьемъ!

Вино струится въ золотыя чаши. Весело пейте эту влагу.

Жреческія облаченія, одѣвшія простыхъ людей, залиты краснымъ напиткомъ. Римскія церковныя хоругви развѣваются по вѣтру. Музыка безъ конца. За васъ пью, свистящія свирѣли, гнусящія волынки, барабаны, гремящіе о славѣ. Да здравствуютъ гёзы!

17.

На дворѣ стоялъ волчій мѣсяцъ—декабрь. Рѣзкій, точно иглы, дождь лилъ въ воду. Гезы крейсировали въ Зюдерзее. Звуками трубы господинъ адмиралъ созвалъ на свой корабль командировъ шхунъ и корветовъ и вмѣстѣ съ ними Уленшпигеля.

— Вотъ, — обратился онъ прежде всего къ нему,— принцъ, въ знакъ признанія твоей вѣрной службы и важныхъ заслугъ, назначаетъ тебя капитаномъ корабля „Бріель“. Вручаю тебѣ твое назначеніе на пергаментѣ.

— Примите мою благодарность, господинъ адмиралъ,— отвѣтилъ Уленшпигель:—буду капитанствовать по мѣрѣ моихъ слабыхъ силъ и, такъ капитанствуя, твердо надѣюсь, что, если Богъ поможетъ, раскапитаню Испанію, и отдѣлю отъ нея Фландрію и Голландію, то есть Zuid и Noord-Neerlande.

— Прекрасно,—сказалъ адмиралъ:—А теперь,—прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ,—я сообщу вамъ, что Энкгейзенъ осажденъ католиками Амстердама. Они не вышли изъ Ійскаго канала; будемъ крейсировать передъ нимъ, чтобы запереть ихъ тамъ, и бей всякій ихъ корабль, который покажетъ въ Зюдерзее свой тиранскій костякъ.

— Продырявимъ его,—отвѣтили они:—да здравствуютъ гёзы!

Возвратившись на свой корабль, Уленшпигель приказалъ матросамъ и солдатамъ собраться на палубѣ и сообщилъ имъ приказъ адмирала.

— У насъ есть крылья,—это наши паруса,—отвѣтили они,—есть коньки: киль нашего корабля; есть руки великановъ: наши абордажные крючья. Да здравствуютъ гёзы!

Флотъ вышелъ и двигался въ морѣ въ милѣ отъ Амстердама, такъ что безъ ихъ соизволенія никто не могъ ни войти, ни выйти.

На пятый день дождь стихъ; при ясномъ небѣ вѣтеръ дулъ еще рѣзче; со стороны Амстердама незамѣтно было ни малѣйшаго движенія.

Вдругъ Уленшпигель увидѣлъ, что на палубу выбѣгаетъ Ламме, гоня передъ собой размашистыми ударами своей деревянной шумовки корабельнаго „труксмана“, переводчика, молодого парня, бойкаго въ французской и фламандской рѣчи, но еще болѣе бойкаго въ наукѣ громкой глотки.

— Негодяй,—говорилъ Ламме, шлепая его.—такъ ты

думалъ, что можешь безнаказанно лакомиться до времени моимъ жаркимъ. Полѣзай-ка на верхушку мачты и посмотри, не копошится ли что на амстердамскихъ судахъ. Сдѣлай это—сдѣлаешь хорошее дѣло.

— А что дашь?—отвѣтилъ „труксманъ“.

— Еще ничего не сдѣлавъ, уже хочешь платы?—вскричалъ Ламме,—ахъ, ты, мерзавецъ, если ты не полѣзешь сейчасъ, я прикажу тебя высѣчь. И твои французскіе разговоры не спасутъ тебя.

— Чудесный языкъ, французскій,—отвѣтилъ „труксманъ“:—языкъ любви и войны.—И полѣзъ наверхъ.

— Ну, лѣнтяй?—спросилъ Ламме.

— Ничего не вижу ни въ городѣ, ни на корабляхъ.—И, сойдя внизъ, онъ сказалъ:—Теперь плати.

— Оставь себѣ то, что стащилъ,—отвѣтилъ Ламме,—но такое добро въ прокъ не идетъ: навѣрное, извергнешь его въ рвотѣ.

Взбѣжавъ опять на верхушку мачты, „труксманъ“ вдругъ закричалъ:—Ламме, Ламме! Воръ забрался въ кухню.

— Ключъ отъ кухни въ моемъ карманѣ,—отвѣтилъ Ламме.

Уленшпигель, отведя Ламме въ сторону, сказалъ ему:—Знаешь, сынъ мой, это чрезвычайное спокойствіе Амстердама меня пугаетъ. Они что-то замышляютъ.

— Я ужъ думалъ объ этомъ,—отвѣтилъ Ламме:—вода замерзла въ кувшинахъ; битая птица точно деревянная; колбасы покрыты инеемъ, коровье масло твердо, какъ камень, деревянное масло побѣлѣло, соль суха, какъ песокъ на солнцѣ.

— Замерзнетъ и море,—сказалъ Уленшпигель:—они придутъ по льду и нападутъ на насъ съ артиллеріей.

И онъ отправился на адмиральскій корабль и разсказалъ о своихъ опасеніяхъ адмиралу, который отвѣтилъ:

— Вѣтеръ со стороны Англіи; будетъ снѣгъ, но не морозъ; вернись на свой корабль.

И Уленшпигель вернулся.

Ночью пошелъ сильный снѣгъ, но тотчасъ же задулъ вѣтеръ со стороны Норвегіи, море замерзло и стало, какъ полъ. Адмиралъ видѣлъ все это.

Опасаясь, какъ бы амстердамцы не пришли по льду зажечь корабли, онъ приказалъ солдатамъ приготовить коньки на случай, что имъ придется сражаться внѣ и вокругъ судовъ, а пушкарямъ орудій кованныхъ и орудій литыхъ держать наготовѣ кучи ядеръ подлѣ лафетовъ, зарядить пушки и имѣть непрестанно зажженные фитили.

Но амстердамцы не явились.

И такъ тянулось семь дней.

Къ вечеру восьмого дня Уленшпигель приказалъ устроить для матросовъ и солдатъ добрую попойку, чтобы это служило имъ панцыремъ отъ рѣзкаго вѣтра, дувшаго въ морѣ.

Но Ламме отвѣтилъ:—Ничего не осталось, кромѣ сухарей и жидкаго пива.

— Да здравствуютъ гезы! — крикнули они:—это будетъ честный кутежъ въ ожиданіи часа битвы.

— Который не скоро пробьетъ,—сказалъ Ламме:—амстердамцы придутъ жечь наши корабли, но не въ эту ночь. Имъ надо еще предварительно собраться у очага да выпить по нѣсколько кружекъ горячаго винца съ мадерскимъ сахаромъ—пошли его и намъ, Господи!—потомъ, поболтавши до полуночи разсудительно, успокоительно и упоительно, они рѣшатъ, что можно завтра рѣшить, нападутъ они на насъ на будущей недѣлѣ или нѣтъ. Завтра, снова выпивъ горячаго вина съ мадерскимъ сахаромъ — пошли и вамъ его, Господи—они опять будутъ спокойно, разсудительно, за полными кружками рѣшать, не слѣдуетъ ли имъ собраться на другой день, дабы рѣшить, можетъ ли или не можетъ ледъ выдержать тяжесть большого отряда. И они произведутъ испытаніе льда при посредствѣ ученыхъ людей, которые изложатъ свои заключенія на пергаментѣ. Принявъ оныя къ свѣдѣнію, они будутъ знать, что толщина льда двѣ четверти и что, стало быть, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдержать нѣсколько сотъ человѣкъ съ пушками и полевыми орудіями. Затѣмъ они соберутся на совѣщаніе еще разъ, чтобы спокойно, разсудительно, со многими кружками горячаго вина, обсудить, не умѣстно ли, въ разсужденіи сокровищъ, отобранныхъ нами у лиссабонцевъ, напасть на наши корабли, а то и сжечь ихъ. Не безъ колебаній, но во благовременіи они рѣшатъ однако, что представлялось бы умѣстнымъ захватить наши корабли, но не сжигать ихъ, не взирая на значительную несправедливость, причиняемую ими такимъ образомъ намъ.

— Ты говоришь недурно,—сказалъ Уленшпигель:—но не видишь ли ты, что вонъ въ городѣ зажигаются огни и люди съ фонарями суетливо бѣгаютъ тамъ?

— Это отъ холода, — отвѣтилъ Ламме. И, вздыхая, прибавилъ:—Все съѣдено. Ни мяса, ни птицы, ни вина, увы, ни добраго dobbel-bier: ничего, кромѣ сухарей и жидкаго пива. Кто меня любитъ, за мной!

— Куда ты?—спросилъ Уленшпигель:—никто не смѣетъ отлучаться съ корабля.

— Сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме — ты теперь капитанъ и господинъ на кораблѣ. Если ты не позволяешь, я не пойду.

Но соблаговоли подумать, что третьяго дня мы съѣли послѣднюю колбасу и что въ это суровое время кухонный очагъ есть солнце для добрыхъ товарищей. Кто не хотѣлъ бы вдыхать запахъ подливы, упиваться сладостнымъ благоуханіемъ божественной влаги, созданной изъ цвѣтовъ смѣха, веселья и радости? Посему, господинъ капитанъ и вѣрный другъ, я рѣшаюсь сказать: я истосковался душой отъ того, что ничего не ѣмъ; оттого, что я, любящій только покой, охотно убивающій развѣ только нѣжную гуску, жирную курочку, сочную индѣйку, слѣдую за тобой среди тяготъ и сраженій. Посмотри-ка на огоньки на томъ богатомъ хуторѣ, съ его крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Знаешь, кто его хозяинъ? Одинъ фрисландскій судовщикъ, который предалъ господина Дандло и привелъ въ Энкгейзенъ, тогда еще занятый Альбой, восемнадцать несчастныхъ дворянъ и друзей, которые были изъ-за него казнены на Конскомъ рынкѣ въ Брюсселѣ. Этотъ предатель по имени Дирикъ Слоссе получилъ отъ герцога за предательство двѣ тысячи гульденовъ. На эти кровавыя деньги этотъ Іуда купилъ хуторъ, который ты видишь предъ собой, съ крупнымъ скотомъ и окрестными землями, каковыя, расширяясь и принося плоды,—я говорю о земляхъ и скотѣ,—сдѣлали его богачемъ.

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце, — сказалъ Уленшпигель:—ты пробилъ, часъ Господень.

— И часъ обѣда равнымъ образомъ,—сказалъ Ламме: — дай мнѣ два десятка парней, добрыхъ солдатъ и матросовъ, я пойду и захвачу предателя.

— Я самъ поведу ихъ,—отвѣтилъ Уленшпигель:—кто любитъ правду, пусть идетъ со мной. Не всѣ, вѣрные и дорогіе мои: достаточно двадцати человѣкъ, а не то, кто же будетъ охранять корабль? Бросьте костями жребій. Васъ двадцать идемте. Кости показываютъ правильно. Привяжите коньки и скользите по направленію къ Венерѣ, звѣздѣ, сверкающей надъ хуторомъ предателя. Идите по звѣздѣ, конькобѣжцы, всѣ двадцать, скользя по льду, съ топоромъ на плечѣ. Вѣтеръ свиститъ и гонитъ предъ собой по льду бѣлые вихри снѣга. Неситесь, смѣльчаки. Не пойте, не разговаривайте; прямо, беззвучно вы несетесь къ звѣздѣ; только ваши коньки скрипятъ по льду. Кто упалъ, вскакиваетъ сейчасъ. Мы подходимъ къ берегу: ни человѣка фигуры на бѣломъ снѣгу, ни птицы въ морозномъ воздухѣ. Скиньте коньки. Вотъ мы на землѣ, вотъ луга; опять надѣньте коньки. Затаивъ дыханіе, мы окружили хуторъ.

Уленшпигель стучитъ въ двери, собаки лаютъ. Онъ стучитъ вторично; открывается окно и хозяинъ, высунувъ голову, спрашиваетъ:—Кто ты такой?

Онъ видитъ одного только Уленшпигеля; остальные спрятались за keet'омъ, то есть прачешной.

Уленшпигель отвѣчаетъ: — Господинъ де-Буссю приказалъ, чтобы ты сейчасъ явился къ нему въ Амстердамъ.

— Гдѣ твой пропускъ?—спросилъ тотъ, спускаясь и отворяя дверь.

— Здѣсь, — отвѣтилъ Уленшпигель, указывая ему на двадцать гёзовъ, которые бросились за нимъ въ дверь.

И Уленшпигель сказалъ: — Ты Слоссе, предатель, заманившій въ засаду господъ Дандло, Батенбурга и другихъ. Гдѣ деньги, полученныя тобой за чужую кровь?

— Вы гёзы, — отвѣтилъ тотъ, — помилуйте меня; я не зналъ, что дѣлаю. Теперь у меня нѣтъ денегъ; я все отдамъ.

— Темно,—сказалъ Ламме,—дай намъ свѣчей, сальныхъ или восковыхъ.

— Вонъ тамъ висятъ сальныя свѣчи,—сказалъ хозяинъ.

Зажгли свѣчу и одинъ изъ гёзовъ, стоявшій у очага, сказалъ:—Холодно, разведемъ огонь. Вотъ хорошее топливо.

И онъ указалъ стоящіе на полкѣ цвѣточные горшки съ высохшими растеніями. Взявъ одинъ изъ нихъ за стебель, онъ тряхнулъ его, горшокъ упалъ и по полу разсыпались дукаты, гульдены и реалы.

— Вотъ гдѣ деньги, — сказалъ онъ, указывая на прочіе цвѣточные горшки.

И, дѣйствительно, раскопавъ, они нашли въ нихъ десять тысячъ гульденовъ.

А хозяинъ кричалъ и плакалъ при видѣ всего этого.

На крики сбѣжались хуторскіе батраки и служанки въ однѣхъ рубахахъ. Мужчины, вздумавшіе было вступиться за своего хозяина, были перевязаны. Женщины, особенно молодыя, устыдившись, прятались за мужчинъ.

Тутъ выступилъ Ламме.—Предатель,—сказалъ онъ—гдѣ ключи отъ кладовыхъ, конюшни, хлѣва и овчарни?

— Подлые грабители,—отвѣтилъ хозяинъ—вы издохнете на висѣлицѣ.

— Пришелъ часъ Божій,—сказалъ Уленшпигель:—давай ключи.

— Господь отомститъ за меня, — сказалъ хозяинъ, отдавая ключи.

Очистивъ хуторъ, гёзы двинулись въ обратный путь, летя на конькахъ къ кораблямъ, легкимъ убѣжищамъ свободы.

— Я корабельный кокъ, — говорилъ Ламме, направляя ихъ,—я корабельный кокъ. Толкайте ваши добрыя салазки, нагруженныя виномъ и пивомъ; гоните или за рога тащите

быковъ, лошадей, свиней, барановъ, все стадо, поющее свою природную пѣснь. Голуби воркуютъ въ корзинахъ; каплуны, закормленные мякишемъ, удивляются въ своихъ деревянныхъ клѣткахъ, гдѣ не могутъ двинуться. Я корабельный кокъ. Ледъ скрипитъ подъ сталью коньковъ. Мы на судахъ. Завтра взыграетъ кухонная музыка. Подавай блоки, подвяжите лошадей, коровъ, быковъ подъ брюхомъ. Прекрасное зрѣлище—какъ они висятъ на подпругахъ; завтра мы повиснемъ языками на сочномъ жаркомъ. На лебедкахъ они подымаются на суда. Вотъ такъ мясцо! Бросайте въ трюмъ какъ попало куръ, гусей, утокъ, каплуновъ. Кто свернетъ имъ шею? Господинъ корабельный кокъ. Дверь заперта, ключъ въ моемъ карманѣ. Хвала Господу на кухнѣ! Да здравствуютъ гёзы!

Тутъ-же Уленшпигель отправился на адмиральскій корабль, уведя съ собой Дирика Слоссе и прочихъ плѣнниковъ, стонавшихъ и рыдавшихъ изъ страха предъ веревкой.

На шумъ вышелъ адмиралъ Ворстъ; увидѣвъ Уленшпигеля и его спутниковъ, озаренныхъ краснымъ пламенемъ факеловъ, онъ спросилъ:—Чего тебѣ отъ насъ надо?

— Этой ночью—отвѣтилъ Уленшпигель—мы захватили на его хуторѣ предателя Дирика Слоссе, заманившаго въ засаду восемнадцать нашихъ. Вотъ онъ. Прочіе—невинные батраки его и служанки. — Затѣмъ, передавая адмиралу сумку съ деньгами, онъ прибавилъ: — Эти червонцы цвѣли въ цвѣточныхъ горшкахъ въ домѣ предателя: всего десять тысячъ.

— Вы поступили неправильно, отлучившись съ корабля,—сказалъ адмиралъ Ворстъ:—но въ виду успѣха прощаю васъ. И плѣнники, и мѣшокъ съ червонцами намъ очень кстати, а вы, молодцы, согласно законамъ и обычаямъ морскимъ, получите треть добычи. Другая треть пойдетъ флоту, а третья принцу Оранскому. Немедленно повѣсьте предателя.

Исполнивъ это, гёзы бросили тѣло Дирика Слоссе въ прорубь.

— Трава, что ли, выросла вокругъ кораблей, — спросилъ адмиралъ,—что я слышу кудахтаніе куръ, блеяніе овецъ, мычаніе быковъ и коровъ?

— Это плѣнники для глотки,—отвѣтилъ Уленшпигель:— они заплатятъ выкупъ въ видѣ жаркихъ. Самое вкусное получите вы, господинъ адмиралъ. Что касается прочихъ, слугъ и служанокъ, среди которыхъ есть дѣвчонки бойкія и смазливыя, я ихъ заберу на мой корабль.

Такъ онъ и сдѣлалъ и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: — Вотъ, парни и дѣвушки, теперь вы на луч-

шемъ кораблѣ, какой есть на свѣтѣ. Мы проводимъ здѣсь время въ непрестанныхъ кутежахъ, попойкахъ, пирушкахъ. Если вамъ угодно уйти отсюда, уплатите выкупъ; если хотите остаться, вы будете жить, какъ мы, работая и хорошо кушая. Что касается этихъ разлюбезныхъ красотокъ, я предоставляю имъ моей капитанской властью всю тѣлесную свободу, съ указаніемъ, что мнѣ совершенно все равно, сохранятъ ли они своихъ возлюбленныхъ, пришедшихъ съ ними на корабль, или выберутъ кого-нибудь изъ здѣсь присутствующихъ доблестныхъ гёзовъ, чтобы вступить съ нимъ въ брачное собесѣдованіе.

Но всѣ разлюбезныя красотки оказались вѣрными своимъ возлюбленнымъ, кромѣ, впрочемъ, одной, которая, улыбаясь Ламме, спросила его, не подходитъ ли она ему.

— Глубоко тронутъ, красавица,—сказалъ онъ—но я занятъ въ другомъ мѣстѣ.

— Толстячокъ женатъ, — говорили гёзы, видя огорченіе дѣвушки.

Но она, повернувъ спину, уже выбрала другого съ такимъ же добрымъ брюшкомъ и доброй рожей, какъ у Ламме.

Въ этотъ день и въ слѣдующіе шли на корабляхъ пиры и попойки съ истребленіемъ вина, птицы и мяса. И Уленшпигель говорилъ:

— Да здравствуютъ гёзы! Дуйте, злые вѣтры, мы согрѣемъ воздухъ нашимъ дыханіемъ. Наше сердце пламенѣетъ страстью къ свободѣ совѣсти; нашъ желудокъ пламенѣетъ страстью къ мясу изъ вражескихъ запасовъ. Будемъ пить вино, морское молоко. Да здравствуютъ гёзы!

Неле тоже пила изъ золотого бокала, и, красная отъ вѣтра, наигрывала на свирѣли. И, не смотря на холодъ, гезы весело ѣли и пили, сидя на палубѣ.

18.

Вдругъ весь флотъ увидѣлъ на берегу черную толпу, среди которой блестѣли факелы и сверкало оружіе; потомъ факелы погасли и воцарился совершенный мракъ.

По приказу адмирала на суда былъ переданъ сигналъ быть на сторожѣ; были погашены всѣ огни; матросы и солдаты легли ничкомъ на палубѣ, держа на готовѣ топоры. Доблестные пушкари съ фитилемъ въ рукахъ стояли подлѣ пушекъ, заряженныхъ гранатами и двойными ядрами. Какъ только адмиралъ и капитаны крикнутъ: „Сто шаговъ“!—что обозначаетъ расположеніе непріятеля,—они должны па-

лить съ кормы, борта или носа, смотря по ихъ положенію во льду.

И слышенъ былъ голосъ адмирала Ворста:—Смертная казнь тому, кто громко скажетъ слово.

И капитаны повторили за нимъ:—Смертная казнь тому, кто громко скажетъ слово.

Ночь была звѣздная, безъ луны.

— Слышишь,—тихо, точно дуновеніе призрака, говорилъ Уленшпигель Ламме: — слышишь голоса амстердамцевъ и свистъ льда подъ ихъ коньками. Бѣгутъ быстро, слышенъ ихъ разговоръ. Они говорятъ: — Бездѣльники гёзы спятъ. Наши теперь лиссабонскія сокровища. Зажигаютъ факелы. Видишь ихъ осадныя лѣстницы и ихъ гнусныя рожи и длинную полосу наступающаго отряда. Человѣкъ съ тысячу, а то и больше.

— Сто шаговъ!—крикнулъ адмиралъ Ворстъ.

— Сто шаговъ!—крикнули капитаны.

Раздался грохотъ, точно громъ съ небесъ, и жалобные крики на льду.

— Залпъ изъ восьмидесяти орудій сразу,—сказалъ Уленшпигель:—они бѣгутъ! Видишь, факелы удаляются?

— Въ погоню!—приказалъ адмиралъ.

— Въ погоню!—приказали капитаны.

Но погоня длилась недолго, такъ какъ бѣглецы имѣли сто шаговъ въ запасѣ и ноги трусливыхъ зайцевъ.

И на людяхъ, кричащихъ и умирающихъ на льду, были найдены драгоцѣнности, золото и веревки, приготовленныя для того, чтобы вязать гёзовъ.

И послѣ этой побѣды гёзы говорили:—Als God met ons is, wie tegen ons zal zijn: если Богъ съ нами, то кто противъ насъ! Да здравствуютъ гёзы!

Между тѣмъ на утро черезъ день адмиралъ Ворстъ безпокойно ждалъ новаго нападенія; Ламме выскочилъ на палубу и сказалъ Уленшпигелю: — Отведи меня къ этому адмиралу, который не хотѣлъ тебя слушать, когда ты предсказывалъ морозъ.

— Иди безъ проводника,—сказалъ Уленшпигель.

Ламме отправился, заперевъ кухню на ключъ. Адмиралъ стоялъ на палубѣ, высматривая, не замѣтитъ ли онъ какого движенія со стороны города. Ламме приблизился къ нему.

— Господинъ адмиралъ,—сказалъ онъ—смѣетъ ли скромный корабельный кокъ высказать вамъ свое мнѣніе?

— Говори, сынъ мой,—сказалъ адмиралъ.

— Ваша милость,—сказалъ Ламме:—вода таетъ въ кувшинахъ, птица стала нѣжнѣе, съ колбасъ сошелъ налетъ; коровье масло размякло, деревянное стало жидко; соль сле-

зится. Дѣло къ дождю и мы будемъ спасены, ваша милость.

— Кто ты такой?—спросилъ адмиралъ Ворстъ.

— Я Ламме Гоодзакъ, поваръ на „Бріели", — отвѣтилъ онъ:—и если великіе ученые, объявляющіе себя астрономами, читаютъ въ звѣздахъ такъ же хорошо, какъ я въ моихъ соусахъ, то они могли бы намъ сказать, что въ эту ночь будетъ оттепель съ бурей и градомъ. Но оттепель продлится недолго.

И Ламме вернулся къ Уленшпигелю, которому онъ сказалъ около полудня:

— Я опять пророкъ: небо чернѣетъ, вѣтеръ бушуетъ, льетъ теплый дождь; уже на четверть воды надъ льдомъ.

Вечеромъ онъ радостно кричалъ:—Сѣверное море поднялось: часъ прилива насталъ, высокія волны, войдя въ Зюдерзее, ломаютъ ледъ, который трескается и большими кусками падаетъ на корабль; искры брыжжутъ отъ него; вотъ и градъ. Адмиралъ приказываетъ намъ отойти отъ Амстердама, а воды столько, что самый большой изъ нашихъ кораблей уже поплылъ. Вотъ мы у входа въ Энкгейзенъ. Снова замерзаетъ море. Я—пророкъ, и это чудо Господне.

И Уленшпигель сказалъ:—Выпьемъ въ честь Благословляющаго насъ.

Прошла зима и наступило лѣто.

19.

Въ половинѣ августа, когда куры, пресыщенныя кормомъ, глухи къ призывамъ пѣтуха, трубящаго имъ о своей любви, Уленшпигель говорилъ своимъ солдатамъ и морякамъ: —Кровавый герцогъ, будучи въ Утрехтѣ, осмѣлился издать тамъ благодѣтельный указъ, милостиво обѣщающій, среди прочихъ даровъ, голодъ, смерть, раззореніе тѣмъ жителямъ Нидерландовъ, которые не хотятъ покориться. „Все, что еще держится, будетъ изничтожено,—говоритъ онъ—и его королевское величество населитъ страну иностранцами". Кусай, герцогъ, кусай. О напильникъ ломаются зубы ехидны: мы эти зубы. Да здравствуютъ гёзы.

Альба, ты пьянъ отъ крови! Неужто ты думаешь, что мы боимся твоихъ угрозъ или вѣримъ въ твое милосердіе? Твои знаменитые полки, которымъ ты пѣлъ хвалы во всемъ мірѣ, твои „Непобѣдимые", твои „Какіе есть", твои „Безсмертные" вотъ уже семь мѣсяцевъ бомбардируютъ Гаарлемъ, слабый городъ, защищаемый горожанами. Пришлось и имъ, какъ всѣмъ простымъ смертнымъ, поплясать въ воздухѣ отъ взрывовъ въ подкопахъ. Горожане облили ихъ дегтемъ; они въ концѣ

концовъ перешли къ побѣдоноснымъ убійствамъ безоружныхъ людей. Слышишь, палачъ, часъ Божій пробилъ!

Гаарлемъ потерялъ своихъ лучшихъ защитниковъ, камни его слезятся кровью. Онъ потерялъ и истратилъ за время осады милліонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ гульденовъ. Власть епископа возстановлена здѣсь. Радостной рукой и съ веселымъ лицомъ онъ благословляетъ церкви; донъ Фредерикъ присутствуетъ при этихъ благословеніяхъ. Епископъ моетъ ему руки, которыя красны въ глазахъ Господнихъ, и онъ принимаетъ причастіе подъ обоими видами, что не разрѣшено простому народу. И колокола звонятъ и перезвонъ бросаетъ въ воздухъ свои спокойные, пѣвучіе напѣвы, точно пѣніе ангеловъ на кладбищѣ. Око за око! Зубъ за зубъ! Да здравствуютъ гёзы!

20.

Гёзы были въ Флиссингенѣ, гдѣ Неле вдругъ простудилась. Вынужденная покинуть корабль, она поселилась у реформата Петерса на Турвенъ-Кэ.

Уленшпигель, очень удрученный, все-таки былъ доволенъ, думая о томъ, что въ постели, гдѣ она, конечно, выздоровѣетъ, испанскія пули не тронутъ ея.

И онъ безвыходно сидѣлъ подлѣ нея вмѣстѣ съ Ламме, ухаживая за ней хорошо и любя ее еще лучше. И они болтали.

— Другъ и товарищъ, — сказалъ однажды Уленшпигель, —знаешь новость?

— Нѣтъ, сынъ мой,—отвѣтилъ Ламме.

— Видишь корабль, который недавно присоединился къ нашему флоту, и знаешь, кто тамъ каждый день играетъ на лютнѣ?

— Вслѣдствіе недавнихъ холодовъ я глухъ на оба уха,— отвѣтилъ Ламме:—почему ты смѣешься, сынъ мой?

Но Уленшпигель продолжалъ:—Однажды я слышалъ оттуда фламандскую пѣсенку, и голосокъ показался мнѣ такимъ нѣжнымъ.

— Увы!—сказалъ Ламме, — она тоже пѣла и играла на лютнѣ.

— А знаешь другую новость?—продолжалъ Уленшпигель.

— Ничего не знаю, сынъ мой,—отвѣчалъ Ламме.

— Мы получили приказъ подняться съ нашими кораблями по Шельдѣ до Антверпена и тамъ захватить или сжечь непріятельскія суда. Что до людей — безъ пощады. Что ты думаешь объ этомъ, толстячокъ?

— Увы,—сказалъ Ламме,—неужто никогда въ этой злосчастной странѣ мы не услышимъ ничего, кромѣ разгово-

ровъ о сожженіяхъ, повѣшеніяхъ, утопленіяхъ и прочихъ искорененіяхъ рода человѣческаго? Когда, наконецъ, придетъ вожделѣнный миръ, чтобы можно было безъ помѣхи жарить куропатокъ, тушить цыплятъ и слушать пѣніе колбасы среди яицъ въ печи. По мнѣ кровяная лучше; бѣлая слишкомъ жирна.

— Это сладостное время вернется,—отвѣтилъ Уленшпигель — когда на яблоняхъ, сливахъ и вишняхъ Фландріи вмѣсто яблокъ, сливъ и вишенъ будетъ на каждой вѣткѣ висѣть по испанцу.

— Ахъ,—говорилъ Ламме — еслибы я хоть могъ найти мою жену, мою дорогую, милую, любимую, прелестную, кроткую, вѣрную жену. Ибо знай, сынъ мой, рогатъ я не былъ и никогда не буду; для этого она была слишкомъ сдержанна и спокойна въ повадкѣ; она избѣгала общества другихъ мужчинъ; если она любила наряды, то только по женской природѣ. Я былъ ея поваромъ, стряпкой, судомойкой, говорю это прямо, съ радостью былъ бы и дальше тѣмъ же. Но я былъ также ея супругомъ и повелителемъ.

— Оставимъ эти разговоры, — сказалъ Уленшпигель: — слышишь, адмиралъ кричитъ: „Поднять якоря!“ и капитаны кричатъ за нимъ тоже. Надо сниматься.

— Почему ты уходишь такъ скоро?—сказала Неле Уленшпигелю.

— Идемъ на корабль,—отвѣтилъ онъ.

— Безъ меня?—сказала она.

— Да,— отвѣтилъ Уленшпигель.

— А ты не думаешь, что теперь я буду очень безпокоиться о тебѣ?

— Милая,—сказалъ Уленшпигель—у меня шкура желѣзная.

— Ты смѣешься надо мной,—отвѣтила она:—я вижу на тебѣ твой камзолъ, онъ суконный, а не желѣзный; подъ нимъ твое тѣло, состоящее изъ костей и мяса, какъ и мое. Если тебя ранятъ, кто перевяжетъ тебя? Что бы ты умеръ одинъ среди бойцовъ? Нѣтъ, я иду съ тобой.

— О,—сказалъ онъ — если копья, пули, мечи, топоры, молотки, пощадивъ меня, обрушатся на твое нѣжное тѣло, что буду дѣлать я, негодный, въ этомъ мірѣ безъ тебя?

— Я хочу быть съ тобой, ничего нѣтъ опаснаго,—говорила Неле,—я спрячусь за деревяннымъ прикрытіемъ, гдѣ сидятъ стрѣлки.

— Если ты идешь, я остаюсь. И твоего любезнаго Уленшпигеля назовутъ трусомъ и предателемъ; лучше послушай мою пѣсенку:

Моя шерсть изъ желѣза. Шлемъ и панцырь мои
Мнѣ силы природы сковали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали.

И напрасно манила въ силки меня смерть:
Ея когти меня не поймали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали.

Слово „Жить“ я выбралъ девизомъ моимъ.
Пусть сгинутъ тьма и печали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали.

И, напѣвая, онъ убѣжалъ, не забывъ однако поцѣловать трепещущія губы и милые глазки Неле, которая дрожала отъ лихорадки, смѣялась, плакала, все вмѣстѣ.

Гёзы въ Антверпенѣ; они захватили всѣ суда Альбы вплоть до стоявшихъ въ порту. Войдя въ городъ среди бѣла дня, они освобождаютъ заключенныхъ и забираютъ другихъ, чтобы получить съ нихъ выкупъ. Они хватаютъ горожанъ и безъ разговоровъ подъ страхомъ смертной казни принуждаютъ нѣкоторыхъ слѣдовать за ними.

— Сынъ адмирала задержанъ у каноника, — сказалъ Уленшпигель Ламме,—надо освободить его.

Войдя въ домъ каноника, они нашли здѣсь этого сына, разыскиваемаго ими, въ обществѣ толстопузаго монаха, который яростно увѣщевалъ его, стараясь возвратить въ лоно матери нашей святой римско-католической церкви. Но молодой человѣкъ никакъ не хотѣлъ и ушелъ вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ. Тѣмъ временемъ Ламме, схвативъ монаха за капюшонъ, гналъ его передъ собой по улицамъ Антверпена, приговаривая:

— Сто гульденовъ—вотъ цѣна за твой выкупъ. Собирай пожитки и — маршъ впередъ. Живѣй, живѣй! Что у тебя, свинецъ, что ли, въ сандаліяхъ? Впередъ, кусокъ сала, мѣшокъ жратвы, суповое брюхо, впередъ!

— Я-жь иду, господинъ гёзъ, я иду; но, съ разрѣшенія вашего почтеннаго аркебуза, позвольте сказать: вы же такой же толстый, грузный, пузатый человѣкъ, какъ и я.

— Что?—закричалъ Ламме, толкая его:—какъ ты смѣешь, гнусная монашеская образина, сравнивать твой тунеядскій, лѣнтяйскій, безполезный монастырскій жиръ съ жиромъ фламандца, честно накопленнымъ въ трудахъ, испытаніяхъ и сраженіяхъ. Бѣги или я тебя пришпорю носкомъ, какъ собаку.

Но монахъ не могъ бѣжать и задыхался, и Ламме точно также. И такъ они добрались до корабля.

21.

Взявъ Раммекенсъ, Гертруйденбургъ, Алькмаръ, гёзы возвратились въ Флиссингенъ. Выздоровѣвшая Неле ожидала Уленшпигеля въ порту.

— Тиль,—говорила она, увидѣвъ его,—Тиль дорогой мой, ты не раненъ?

Въ отвѣтъ Уленшпигель запѣлъ:

Слово „Жить" я выбралъ девизомъ моимъ.
Пусть сгинутъ тоска и печали.
Моя первая шкура—кожа моя,
Вторая шкура изъ стали...

— Охъ,—стоналъ Ламме, волоча ногу: — пули, гранаты, цѣпныя ядра дождемъ сыплются вокругъ него, а онъ чувствуетъ только вѣтеръ. Ты, видно, духъ, Уленшпигель; и ты, Неле, тоже, ибо, какъ на васъ посмотришь, вы всегда такіе юные и легкіе.

— Почему ты волочишь ногу?—спросила Неле.

— А потому, что я не духъ и никогда не буду духомъ,— вотъ и получилъ топоромъ въ бедро—ахъ, какія бѣлыя и полныя бедра были у моей жены — смотри, кровь льется. Охъ, горе! Почему некому здѣсь ухаживать за мной!

— На что тебѣ жена, измѣнившая обѣту?—сказала, разсердившись, Неле.

— Не говори дурно о ней,—отвѣтилъ Ламме.

— На, вотъ тебѣ бальзамъ,—сказала Неле: — я берегла его для Уленшпигеля; приложи къ ранѣ.

Перевязавъ свою рану, Ламме повеселѣлъ, такъ какъ отъ бальзама исчезла мучительная боль; и они поднялись втроемъ на корабль.

— Кто это такой?—спросила Неле, увидѣвъ монаха, ходившаго по палубѣ со связанными руками: — я его гдѣ-то видѣла и какъ будто узнаю.

— Его цѣна—сто гульденовъ выкупа,—отвѣтилъ Ламме.

22.

Въ этотъ день флотъ пировалъ. Не смотря на рѣзкій декабрьскій вѣтеръ, не смотря на снѣгъ и дождь, всѣ гёзы флота были на палубѣ кораблей. Серебряные полумѣсяцы тускло свѣтились на зеландскихъ шляпахъ. И Уленшпигель пѣлъ:

Лейденъ отбитъ. Изгнанъ герцогъ кровавый.
Радостно пой, перезвонъ величавый.
Весело лейся въ бокалы, вино.
    Убѣжалъ отъ колотушекъ
    Страшный песъ, поджавши хвостъ.
    Обернувшись, онъ сердито

Взглядъ бросаетъ на дубинку,
Отъ которой претерпѣлъ.
И отъ страха и отъ злобы
Мрачно щелкаетъ зубами.
Ахъ, хотѣлось бы куснуть.
Но, проученный дубиной,
Опустилъ онъ злую морду,
Вспоминая о быломъ,
О набѣгахъ и о жратвѣ.
Убѣжалъ кровавый Альба,
Слава гёзамъ! Пей вино!
„За часъ единый ушедшей силы
Возьми мою собачью душу",—
Кричитъ онъ черту. „На кой мнѣ прахъ
Душа собачья"—чертъ отвѣчаетъ:
„Твоя душенка, душа селедки—
Корысти нѣтъ въ поживѣ этой".
И зубы щелкаютъ безсильно,
Не справиться имъ съ твердой костью.
Бѣжалъ, бѣжалъ кровавый герцогъ.

И паршивые щенята,
Косолапые, кривые,
Что привыкли на навозныхъ
Кучахъ жить и издыхать,
Другъ за другомъ подымаютъ
Смѣло лапу на того,
Кто любилъ одно убійство:
Убивалъ, чтобъ убивать.

Не любилъ онъ ни друзей,
Ни веселья, ни любовницъ,
Ни жены, ни свѣта солнца,
Ни владыки своего:
Только Смерть, свою невѣсту.
И она для обрученья
Перебила ему лапы:
Ей несносенъ не-калѣка
Бей, веселый барабанъ.

А паршивыя дворняги,
Кривоногія и злыя,
Поднимаютъ снова лапы.
Съ ними гончія, овчарки,
Псы изъ Венгріи, Брабанта,
Изъ Намюра, Люксембурга.

И избитый, удрученный,—
Морда вся въ кровавой пѣнѣ,—
Мрачно къ своему владыкѣ
Поплелся онъ издыхать.
Тотъ его пинками встрѣтилъ,
Что кусалъ онъ слишкомъ мало.
Онъ въ аду вѣнчался съ Смертью.
„Герцогъ мой" его любовно
Кличетъ смерть; онъ отвѣчаетъ;
„Инквизиція моя!"

Громче звените, бутылки и рюмки,
Весело лейся въ бокалы, вино.
Колоколовъ перезвонъ величавый,
Радостно пой:—„Да здравствуетъ гёзъ“.

КНИГА ПЯТАЯ.

1.

Монахъ, взятый Ламме, увидѣвъ, что гёзы совсѣмъ не собираются его убивать, а только хотятъ получить выкупъ, началъ задирать на кораблѣ носъ.

— Смотри, пожалуйста, — говорилъ онъ, расхаживая и яростно мотая головой:—смотри, въ какую бездну подлыхъ, черныхъ, поганыхъ гнусностей попалъ я, ступивъ ногой на эту лохань. Еслибы я не былъ помазанникъ Божій...

— Божій ли?—спрашивали гёзы.

— Собаки богохульныя! — отвѣчалъ монахъ, продолжая свои разглагольствованія:—да, паршивыя, бродячія, вонючія, дохлыя собаки, сбѣжавшія съ тучнаго пути нашей матери святой римско-католической церкви, чтобы побѣжать по тощимъ тропинкамъ вашей нищенской реформатской церкви. Да, еслибы я не сидѣлъ здѣсь, на этой деревяшкѣ, въ этомъ корытѣ, Господь давнымъ давно бы уже поглотилъ въ глубочайшихъ безднахъ морскихъ вмѣстѣ съ вами все ваше проклятое вооруженіе, ваши чертовы пушки, вашего горлодёра-капитана, ваши богохульные полумѣсяцы,—да!— все это было бы въ глубинахъ глубинъ царства Сатаны, гдѣ вы не будете горѣть въ огнѣ, о нѣтъ, — а мерзнуть, дрожать, издыхать отъ холода втеченіе всей долгой, долгой вѣчности. Да! И Господь съ небесъ угаситъ вашу безбожную ненависть къ кротчайшей матери нашей римско-католической церкви, къ святымъ угодникамъ, къ ихъ преосвященствамъ господамъ епископамъ и къ благословеннымъ указамъ, столь мягкосердечно и здравомысленно составленнымъ. Да, и я съ высоты рая увидѣлъ бы васъ замерзшихъ, синихъ, какъ слива, или бѣлыхъ отъ холода, какъ рѣпа. 'T sy! 't sy! 't sy! Такъ да будетъ, да будетъ, да будетъ!

Матросы, солдаты и юнги издѣвались надъ нимъ и стрѣляли въ него сухимъ горохомъ изъ трубочекъ. И онъ закрывалъ лицо руками отъ этой пальбы.

2.

По отъѣздѣ кроваваго герцога, страной правили господа Медина-Цели и Реквезенсъ, уже съ меньшей жестокостью.

Затѣмъ во главѣ страны отъ имени короля стали Генеральные Штаты.

Тѣмъ временемъ жители Зеландіи и Голландіи, благопріятствуемые моремъ и плотинами, ихъ природными крѣпостями и окопами, воздвигли Богу свободныхъ людей свободные храмы; и папистскіе палачи могли невозбранно пѣть рядомъ съ ними свои гимны; и Молчаливый Вильгельмъ Оранскій спѣшилъ основать штатгальтерскую и королевскую династію.

Страна бельгійская была разгромлена валлонами, недовольными гентской „пацификаціей", которая, предполагалось, должна была искоренить всякую вражду. И эти валлоны Pater-noster-knechten, съ черными четками на шеѣ, которыхъ двѣ тысячи было потомъ найдено въ Геннегау, грабили, захватывали быковъ и лошадей по тысячѣ двѣсти, по двѣ тысячи штукъ разомъ, выбирая лучшихъ, уводили въ поляхъ и лугахъ женщинъ и дѣвушекъ, ѣли, не платя, сжигали въ амбарахъ крестьянъ, которые, наконецъ, вооружились, ссылаясь на то, что не позволятъ отнимать у нихъ плоды ихъ тяжелыхъ трудовъ.

И въ народѣ говорили: „Донъ-Хуанъ явится со своими испанцами и его высочество придетъ со своими французами, не съ гугенотами, а съ папистами. И Молчаливый, желая мирно править Голландіей, Зеландіей, Гельдерномъ, Утрехтомъ, Оверисселемъ, тайнымъ договоромъ уступилъ бельгійскія области, съ тѣмъ, что королемъ ихъ будетъ принцъ Анжуйскій".

Кой-кто въ народѣ не терялъ надежды. „Господа изъ Генеральныхъ Штатовъ—говорили эти—имѣютъ въ своемъ распоряженіи двадцать тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, множество пушекъ и хорошую конницу. Они справятся со всѣми иноземными солдатами".

Но болѣе освѣдомленные возражали: „Генеральные Штаты имѣютъ двадцать тысячъ человѣкъ, но не въ полѣ, а на бумагѣ. Конницы у нихъ мало, такъ что Pater-noster-knechten всего въ милѣ отъ ихъ лагерей захватываютъ ихъ лошадей. Артиллеріи у нихъ совсѣмъ нѣтъ, ибо, нуждаясь въ ней у насъ, они все-таки рѣшили отправить сто пушекъ съ порохомъ и ядрами дону Себастіану Португальскому. И неизвѣстно, куда дѣлись два милліона экю, которые мы заплатили въ четыре срока въ видѣ налоговъ и контрибуцій. Граждане Гента и Брюсселя вооружаются, Гентъ за реформацію, и Брюссель за Гентомъ. Въ Брюсселѣ женщины играютъ на бубнѣ, въ то время какъ ихъ мужья строютъ городскія укрѣпленія. И Гентъ Отважный посылаетъ Брюс-

селю Радостному порохъ и пушки, которыхъ маловато у Брюсселя для защиты отъ Недовольныхъ и испанцевъ".

И всякій, въ городахъ и „на равнинѣ", in 't plat landt, видитъ, что не слѣдуетъ вѣрить ни въ важныхъ господъ, ни въ кого иного. И мы, горожане и простонародье, удручены въ сердцѣ нашемъ, ибо, отдавая наши деньги и готовые отдать нашу кровь, мы видимъ, что благоденствіе родины все также далеко. И страна бельгійская робка и раздражена, не находя вѣрныхъ вождей, которые дали бы ей возможность сразиться и одержать побѣду, между тѣмъ какъ всѣ напряженно готовы бороться съ врагомъ свободы.

А болѣе освѣдомленные говорили: „Въ гентской пацификаціи владѣтели голландскіе и бельгійскіе поклялись искоренить вражду, оказывать взаимную поддержку областямъ бельгійскимъ и областямъ нидерландскимъ; они провозгласили недѣйствительность указовъ, отмѣну конфискацій, миръ между обѣими религіями; они обѣщали уничтожить всѣ колонны, трофеи, надписи и статуи, воздвигнутыя Альбою для нашего униженія. Но въ сердцѣ вождей жива вражда; дворянство и духовенство стараются разъединить владѣнія, слившіяся въ Союзъ. Получая деньги на уплату солдатамъ, они тратятъ ихъ на обжорство; пятнадцать тысячъ процессовъ о возвращеніи конфискованныхъ имуществъ не получаютъ разрѣшенія; лютеране и католики соединяются противъ кальвинистовъ; законные наслѣдники не могутъ добиться того, чтобы изъ ихъ владѣній были изгнаны грабители; статуя герцога повергнута на землю, но образъ инквизиціи нерушимъ въ ихъ сердцахъ".

И несчастное простонародье, и измученные горожане все пребывали въ ожиданіи отважнаго и вѣрнаго вождя, который повелъ бы ихъ въ бой за свободу.

И они говорили другъ другу: „Гдѣ же это достославные участники компромисса, объединившіеся — такъ говорили они—ради блага отечества? Чего ради эти лицемѣры заключили „священный союзъ", если тотчасъ же понадобилось порвать его? Зачѣмъ было соединяться съ такимъ шумомъ, возбуждать гнѣвъ короля, чтобы затѣмъ распасться съ кличкой трусовъ и предателей? Будь они въ братскомъ союзѣ, эти господа—ихъ вѣдь было пятьсотъ человѣкъ, важныхъ и мелкспомѣстныхъ,—навѣрное спасли бы насъ отъ испанскихъ неистовствъ. Но они пожертвовали благомъ Бельгіи своему личному благу: такъ, какъ сдѣлали Эгмонтъ и Горнъ".

„О,—говорили они—смотрите, вотъ теперь явился донъ-Хуанъ, честолюбивый красавецъ, врагъ Филиппа, но еще болѣе врагъ своей родины. Онъ явился ради папы и ради себя. Дворянство и духовенство предали насъ".

И они затѣваютъ видимость войны. На стѣнахъ домовъ вдоль улицъ и переулковъ Гента и Брюсселя, а то и на мачтахъ гёзскихъ кораблей выставлены имена измѣнниковъ, военачальниковъ и командировъ крѣпостей: имя графа Лидекерке, который не оборонялъ своего замка отъ донъ Хуана; профоса Льежа, который собирался продать городъ донъ-Хуану; господъ Арсхота, Мансфельда, Берлэмона, Рассангіена; имена членовъ Государственнаго Совѣта, Жоржа де-Лалэна, губернатора Фрисландіи, главнокомандующаго господина де-Россиньоля, клеврета донъ-Хуана, посредника въ дѣлѣ убійства между Филиппомъ и Жореги, виновникомъ неумѣлаго покушенія на принца Оранскаго; имя архіепископа города Камбрэ, который чуть не впустилъ испанцевъ въ городъ; имена іезуитовъ антверпенскихъ, предложившихъ три бочки золота — это составляетъ два милліона гульденовъ—Генеральнымъ Штатамъ за то, чтобы крѣпость не была разрушена и сохранена для донъ-Хуана; имя епископа Льежскаго; имена католическихъ проповѣдниковъ, клеветавшихъ на патріотовъ; епископа Утрехтскаго, котораго горожане послали подальше пастись травой предательства; названія нищенскихъ орденовъ, строившихъ въ Гентѣ козни для выгоды донъ-Хуана. Жители Герцогенбуша прибили къ позорному столбу имя кармелитскаго монаха Петра, который, при содѣйствіи ихъ епископа и его духовенства, замыслилъ предать городъ донъ-Хуану.

Въ Дуэ они, правда, не повѣсили in effigie ректора университета, равнымъ образомъ объиспаненнаго, но на корабляхъ гёзовъ можно было видѣть повѣшенныхъ куколъ, на груди которыхъ значились имена монаховъ, аббатовъ, прелатовъ, тысячи восьмисотъ богатыхъ женщинъ и дѣвушекъ изъ Малинскаго монастыря, которыя своими пожертвованіями поддерживали, золотили, наряжали палачей родины.

И на этихъ куклахъ, позорищѣ предателей, значились имена маркиза д'Арро, коменданта крѣпости Филиппвилля, безсмысленно расточавшаго съѣстные и военные припасы чтобы, подъ предлогомъ недостатка ихъ, сдать крѣпость непріятелю; имя Бельвера, который сдалъ Лимбургъ, когда городъ могъ еще держаться восемь мѣсяцевъ; имена предсѣдателя совѣта Фландріи, членовъ магистрата Брюгге, магистрата Малина, сохранившаго свой городъ для донъ-Хуана, членовъ Гельдернской счетной палаты, закрытой за измѣну, членовъ Брабантскаго совѣта, канцеляріи герцогства тайнаго и финансоваго совѣта, коменданта и бургомистра Менэна и злоумышленныхъ сосѣдей провинціи Артуа, позволившихъ безпрепятственно пройти двумъ тысячамъ французамъ, которые шли грабить страну

— Увы,—говорили горожане—вотъ герцогъ Анжуйскій засѣлъ въ нашей странѣ. Хочетъ быть нашимъ королемъ. Видѣли вы, какъ онъ вступалъ въ Монсъ? Маленькій, толстобедрый, длинноносый, желтолицый, криворотый. Это важный принцъ, возлюбившій необычайные виды любви; чтобы соединить въ его имени нѣжную женственность и мужскую мощь, его называютъ *ея* высокое высочество господинъ герцогъ Анжуйскій.

Уленшпигель былъ въ задумчивомъ настроеніи. И онъ пѣлъ:

„Небо ясно, небо лазурно. Покройте крепомъ знамена, покройте крепомъ эфесы шпагъ; уберите драгоцѣнности, поверните зеркала къ стѣнѣ. Я пою пѣсню о смерти, пѣснь о предателяхъ.

Они наступили ногой на чрево и грудь гордымъ областямъ — Брабанту, Фландріи, Геннегау, Антверпену, Артуа и Люксембургу. Предатели—дворянство и духовенство, соблазненные блескомъ наживы. Я пою пѣснь о предателяхъ.

Когда повсюду грабитъ врагъ, когда испанцы вступаютъ въ Антверпенъ, аббаты, прелаты, офицеры покидаютъ городъ, въ шелкахъ и золотѣ проходя по его улицамъ. Ихъ лица раскраснѣлись отъ добраго вина, обличая также ихъ подлость.

И по ихъ винѣ инквизиція воспрянетъ для новаго торжества, и новые Тительмансы станутъ бросать въ темницу глухонѣмыхъ за ересь. Я пою пѣснь о предателяхъ.

Подписавшіе Компромиссъ, трусливые его участники, да будутъ прокляты ваши имена! Гдѣ вы въ часъ войны? Какъ воронье, крадетесь вы по слѣдамъ испанцевъ. Бей, барабанъ погребальный.

Страна бельгійская! Грядущее осудитъ тебя за то, что ты, будучи въ полномъ вооруженіи, позволила разграбить себя. Грядущее, не торопись. Смотри, какъ поглощены дѣлами предатели: вотъ ихъ было двадцать, вотъ ихъ тысяча; они заняли всѣ должности, и большіе устраиваютъ малыхъ.

Всякое сопротивленіе замыслили они сковать посредствомъ раздѣленія и лѣни: это девизы ихъ предательства. Покройте крепомъ зеркала и эфесы шпагъ. Это пѣснь о предателяхъ.

Они объявили мятежниками испанцевъ и недовольныхъ; они не позволяютъ помогать имъ хлѣбомъ и пріютомъ, порохомъ или свинцомъ. Но, когда враговъ ловятъ и хотятъ повѣсить,—они ихъ тутъ же отпускаютъ.

„Не сдаваться!“—говорятъ брюссельцы. „Не сдаваться!“—вторятъ гентцы и весь народъ бельгійскій. Несчастные! Васъ

хотятъ раздавить между королемъ и папой, который двинулъ на Фландрію крестовый походъ.

Они пришли, наемники, пропахшіе кровью: стая собакъ, змѣй и гіенъ. Они проголодались, они хотятъ пить. Бѣдная страна отцовъ, созрѣвшая для смерти и разгрома.

Не думай, что это донъ-Хуанъ все подготовилъ для Фарнезе, возлюбленнаго папы: это тѣ, кого ты осыпала золотомъ и наградами, тѣ, кто исповѣдывалъ твоихъ женъ, твоихъ дочерей, твоихъ дѣтей.

Они повергли тебя на землю, а испанецъ приставилъ тебѣ ножъ къ горлу. Они издѣвались надъ тобой, празднуя въ Брюсселѣ прибытіе принца Оранскаго.

Когда на каналѣ весело взрывались потѣшные огни и корабли красовались, торжественно разубранные коврами,— это разыгрывалась, о страна бельгійская, исторія Іосифа проданнаго братьями...“

8.

Видя, что ему не мѣшаютъ болтать, монахъ сталъ задирать на кораблѣ носъ. И матросы съ солдатами, чтобы подстрекнуть его къ разглагольствованіямъ, начинали хулить Пресвятую Дѣву, святыхъ угодниковъ и священные обряды римской церкви.

Онъ приходилъ въ ярость и изрыгалъ на нихъ бездну ругательствъ.

— Да,—кричалъ онъ,—да, вотъ я въ гёзскомъ вертепѣ! Да, вотъ гдѣ они, эти проклятые вампиры нашей страны! Да. И послѣ этого смѣютъ еще говорить, что инквизиторъ святой мужъ, жегъ ихъ слишкомъ много! Нѣтъ, не мало еще осталось этихъ поганыхъ червей. Да, на этихъ прекрасныхъ и смѣлыхъ корабляхъ нашего короля и государя, прежде такихъ чистыхъ, такихъ вылощенныхъ, теперь сплошь червоточина, да, гёзская смердящая червоточина. Да, все это грязная, вонючая, смердящая червоточина,—и вашъ горлодеръ-капитанъ, и поваръ съ его богохульнымъ пузомъ, и вы всѣ съ вашими еретическими полумѣсяцами. Когда его величество король задастъ артиллерійскую мойку своимъ судамъ, то по малой мѣрѣ тысячъ на сто гульденовъ придется истратить пороха и ядеръ, чтобы разметать эту грязную, смердящую заразу. Да, всѣ вы рождены на ложѣ госпожи Люциферъ, осужденной на сожительство съ Сатаной среди червивыхъ стѣнъ подъ червивыми завѣсами, на червивой подстилкѣ. Да, и вотъ здѣсь-то, въ этомъ смрадномъ соединеніи они и произвели на свѣтъ гёзовъ! Да. И я плюю на васъ.

Выслушавъ эти рѣчи, гёзы сказали ему:—Чего мы дер-

жимъ здѣсь этого бездѣльника, который умѣетъ только изрыгать ругательства? Повѣсимъ его лучше.

И они приступили къ дѣлу.

Монахъ, увидѣвъ, что веревка готова, лѣстница стоитъ у мачты и ему связываютъ руки, жалобно взмолился:

— Помилуйте меня, господа гёзы; это бѣсъ ярости говорилъ въ моемъ сердцѣ, а не вашъ покорный узникъ, бѣдный монахъ, имѣющій одну лишь шею на этомъ свѣтѣ. Милостивые господа, сжальтесь и пощадите. Если ужъ вамъ угодно, заткните мнѣ ротъ кляпомъ; это не вкусная закуска, но все же лучше, чѣмъ висѣлица.

Они, не слушая его и, не смотря на его неистовое сопротивленіе, потащили его къ лѣстницѣ. Тогда онъ завизжалъ такъ пронзительно, что Ламме сказалъ Уленшпигелю, который перевязывалъ ему рану въ кухнѣ:

— Сынъ мой, сынъ мой! Они утащили свинью изъ хлѣва и удираютъ съ ней. О, разбойники, еслибы я могъ встать!

Уленшпигель поднялся на палубу, но увидѣлъ здѣсь только монаха, который, замѣтивъ его, бросился на колѣни, протягивая къ нему руки.

— Господинъ капитанъ,—кричалъ онъ—капитанъ доблестныхъ гёзовъ, грозный на морѣ и сушѣ, ваши солдаты хотятъ меня вздернуть за то, что я согрѣшилъ языкомъ; это несправедливая кара, господинъ капитанъ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы надѣть пеньковый воротникъ всѣмъ адвокатамъ, прокурорамъ, проповѣдникамъ и женщинамъ—и міръ бы совсѣмъ обезлюдѣлъ. Ваша милость, спасите меня отъ веревки, я буду молиться за васъ Господу и вѣчное осужденіе не постигнетъ васъ. Простите меня. Демонъ злорѣчія увлекъ меня и принудилъ говорить безъ конца; это великое горе. Моя бѣдная желчь омрачилась и подстрекнула наговорить тысячу вещей, которыхъ я совсѣмъ не думаю. Пощадите, господинъ капитанъ, и вы всѣ, господа, просите за меня.

Вдругъ на палубѣ появился въ одномъ бѣльѣ Ламме.

— Капитанъ и друзья,—сказалъ онъ—итакъ это визжала не свинья, а монахъ, чему я очень радъ. Уленшпигель, сынъ мой, у меня имѣется на счетъ Его Благословенія одинъ важный замыселъ. Подари ему жизнь, но не оставляй его на свободѣ, не то онъ выкинетъ на кораблѣ какую-нибудь скверную штуку. Лучше устрой ему на палубѣ клѣтку, тѣсную, но чтобъ въ ней можно было дышать, сидѣть, спать, какъ дѣлаютъ для каплуновъ. Я буду его откармливать—и если онъ не будетъ ѣсть столько, сколько я захочу, тогда—на висѣлицу.

— Если онъ не будетъ ѣсть, — на висѣлицу,—сказали Уленшпигель и гёзы.

— Что же ты собираешься сдѣлать со мной, толстякъ? — спросилъ монахъ.

— Увидишь,—отвѣтилъ Ламме.

И Уленшпигель исполнилъ желаніе Ламме, и монахъ былъ посаженъ въ клѣтку, въ которой каждый могъ смотрѣть на него сколько угодно.

Ламме отправился въ кухню; спустившись за нимъ, Уленшпигель услышалъ его споръ съ Неле.

— Я не лягу,—говорилъ онъ — нѣтъ, я не лягу, чтобы другіе тамъ хозяйничали въ моихъ соусахъ. Нѣтъ, я не стану лежать въ постели, какъ теленокъ.

Не сердись, Ламме,—уговаривала его Неле,—не то твоя рана опять откроется, и ты умрешь.

Ну, и пусть умру,—отвѣчалъ онъ:—мнѣ надоѣло жить безъ моей жены. Мало мнѣ того, что я ее потерялъ, такъ ты еще мѣшаешь мнѣ, корабельному повару, лично заботиться о супахъ. Или ты не знаешь, что самый запахъ соусовъ и жаркихъ пропитанъ здоровьемъ? Они питаютъ даже мой духъ и охраняютъ меня отъ несчастія.

— Ламме,—сказала Неле — надо слушаться нашихъ совѣтовъ и не мѣшать намъ вылечить тебя.

— Я самъ хочу, чтобы вы меня вылечили, — отвѣчалъ Ламме:—но чтобы кто-нибудь сталъ здѣсь хозяйничать, чтобы какой-нибудь невѣжественный бездѣльникъ, смрадный, грязный, сопливый, паршивый явился здѣсь царить на моемъ мѣстѣ въ санѣ корабельнаго повара и сталъ запускать свои поганые пальцы въ мои соусы, да я лучше убью его тутъ же моей деревянной шумовкой, которая для этого станетъ желѣзной.

— Во всякомъ случаѣ тебѣ нуженъ помощникъ,—сказалъ Уленшпигель:—ты вѣдь боленъ...

— Мнѣ помощникъ! — закричалъ Ламме: — мнѣ нуженъ помощникъ? Ну, не набитъ ли ты биткомъ неблагодарностью, какъ колбаса—рубленнымъ мясомъ? Помощникъ!—и это говоришь своему другу ты, сынъ мой, котораго я такъ долго и такъ сытно кормилъ. Теперь откроется моя рана! Нехорошій другъ! Кто же здѣсь будетъ готовить такую ѣду- какъ я? Что же вы станете оба дѣлать, если я не буду подносить тебѣ, господинъ капитанъ, и тебѣ, Неле, лакомыхъ кусочковъ?

— Управимся сами въ кухнѣ,—сказалъ Уленшпигель.

— Въ кухнѣ? — вскричалъ Ламме: — ты можешь ѣсть, пить, нюхать то, что въ ней приготовлено, но управиться въ ней—нѣтъ. Несчастный мой другъ и господинъ капи-

танъ, да вѣдь я, съ твоего позволенія, изрѣжу на полоски кожанную сумку, зажарю и подамъ тебѣ, и ты это съѣшь, думая, что это жестковатыя кишки. Ужь позволь мнѣ, сынъ мой, остаться теперь поваромъ—не то я высохну, какъ тычина.

— Ну, оставайся поваромъ, — сказалъ Уленшпигель:— если ты не выздоровѣешь, я запру кухню и мы будемъ питаться сухарями.

— Ахъ, сынъ мой,—говорилъ Ламме, плача отъ радости:— ты добръ, какъ Божья Матерь.

4.

Такъ или иначе, онъ какъ будто выздоровѣлъ.

Каждую субботу гёзы видѣли, какъ онъ длиннымъ ремнемъ измѣряетъ толщину монаха.

Въ первую субботу онъ сказалъ:—Четыре фута.

И измѣривъ себя, прибавилъ:—Четыре съ половиной.

И имѣлъ при этомъ мрачный видъ.

Но, измѣривъ монаха въ восьмую субботу, онъ возликовалъ и сказалъ:—Четыре и три четверти.

И, когда онъ мѣрилъ монаха,—тотъ съ яростью спросилъ его:—Чего тебѣ отъ меня надо?

Но Ламме, не говоря ни слова, высунулъ языкъ.

И по семь разъ въ день видѣли матросы и солдаты, какъ онъ подходитъ съ какимъ-нибудь новымъ блюдомъ къ монаху и говоритъ:—Вотъ тертые бобы на фландрскомъ маслѣ. Ѣлъ ты что-нибудь подобное въ твоемъ монастырѣ? Рожа у тебя почтенная, у насъ на кораблѣ не худѣютъ. Чувствуешь, какія подушки сала выросли на твоей спинѣ? Скоро тебѣ не нужно будетъ никакихъ тюфяковъ.

При второй кормежкѣ онъ говорилъ монаху:—Ну, вотъ тебѣ koeke-bakken, ушки на манеръ брюссельскихъ; французы ихъ называютъ crêpes, потому что носятъ ихъ на шляпахъ въ знакъ траура. А эти не черныя, а свѣтлыя, и въ печи подрумянились; видишь, какъ капаетъ съ нихъ масло? Такъ будетъ и съ твоимъ пузомъ.

— Я не голоденъ,—сказалъ монахъ.

— А съѣсть придется,—отвѣтилъ Ламме:—подумай, вѣдь это ушки крупичатые, изъ чистой пшенички, отецъ мой, отецъ во толстопузіи, это цвѣтъ пшеничный, отецъ мой о четырехъ подбородочкахъ: вижу, вижу, ростетъ у тебя пятый, и радуется сердце мое. Ѣшь.

— Оставь меня въ покоѣ, толстобрюхій,—сказалъ монахъ.

— Я господинъ надъ твоей жизнью!—закричалъ, вскипѣвъ, Ламме:—что-жь ты, предпочитаешь веревку мискѣ

тертаго гороха съ сухариками, которую я тебѣ сейчасъ поднесу?

И, явившись съ миской, онъ говорилъ: — Тертый горохъ любитъ доброе сосѣдство; поэтому я прибавилъ къ нему нѣмецкихъ knoedels, это такіе вкусные мучные катышки; ихъ живьемъ бросаютъ въ кипятокъ и такъ варятъ; они тяжелы для желудка, но отъ нихъ жирѣютъ. Съѣшь, сколько можешь; чѣмъ больше съѣшь, тѣмъ довольнѣе буду я. Не строй изъ себя пресыщеннаго, не отдувайся, какъ будто объѣлся, ѣшь. Лучше же поѣсть, чѣмъ быть повѣшеннымъ. Покажи-ка твою ляшку. Ростетъ здорово; два фута семь дюймовъ въ обхватѣ. Какой окорокъ можетъ похвастать такой толщиной?

Черезъ часъ онъ опять возвращался къ монаху.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—вотъ девять голубей. Для тебя зарѣзали этихъ невинныхъ птичекъ, которыя довѣрчиво летали надъ кораблями. Не пренебрегай ими, я имъ въ нутро положилъ кусочекъ масла, хлѣбнаго мякиша, тертаго муската, гвоздичекъ, истолченныхъ въ мѣдной ступкѣ, блестящей, какъ твоя кожа: само солнышко радуется, что можетъ отразиться въ такомъ свѣтломъ зеркалѣ, какъ твоя рожа, потому что она жирная, а добрый жиръ этотъ отъ моихъ заботъ.

На пятую кормежку онъ принесъ ему waterzoey.

— Что скажешь ты объ этомъ рыбномъ угощеніи?—началъ онъ:—Море несетъ тебя и тебя кормитъ: больше оно не въ силахъ сдѣлать даже для его королевскаго величества. Да, да, вижу, у тебя явно ростетъ пятый подбородокъ, слѣва немножко виднѣе, чѣмъ справа. Надо будетъ немножко подкормить этотъ обиженный бочокъ, ибо Господь заповѣдалъ намъ:—„Будьте справедливы ко всякому“. Гдѣ же будетъ справедливость, если не въ равномѣрномъ распредѣленіи сала? На шестую кормежку я принесу тебѣ слизняковъ, этихъ устрицъ бѣдноты: такихъ не подавали въ твоемъ монастырѣ; невѣжды кипятятъ ихъ въ водѣ и ѣдятъ въ такомъ видѣ. Но это только предвареніе жаренія: надо затѣмъ снять съ нихъ ракушки, сложить ихъ нѣжныя тѣльца въ кострюльку и потихонечку тушить ихъ съ сельдереемъ, мускатомъ, гвоздикой, а подливу къ нимъ заправить пивомъ и мукой и подавать съ обжаренными въ маслѣ сухариками. Я ихъ такъ и приготовилъ для тебя. За что обязаны дѣти отцамъ и матерямъ столь великой благодарностью? За отчій кровъ и ласку ихъ, но прежде всего за пропитаніе. И ты, стало быть, долженъ любить меня, какъ отца и мать родныхъ, и, какъ имъ, ты обязанъ мнѣ признательностью твоей пасти. Да не верти ты такъ

дико глазами противъ меня. Сейчасъ принесу тебѣ сладкой похлебочки изъ пива съ мукой, съ сахаромъ, съ корицей. Знаешь для чего? Для того, чтобы твой жиръ сталъ прозраченъ и трепеталъ у тебя подъ кожей: онъ ужь и теперь виденъ, когда ты волнуешься. Но вотъ звонитъ вечерній колоколъ. Спи спокойно, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, въ твердой увѣренности, что завтра ты вновь обрѣтешь смачную ѣду и твоего друга Ламме, который ее для тебя приготовитъ.

— Уходи и дай мнѣ помолиться Богу,—сказалъ монахъ.

— Молись,—отвѣчалъ Ламме—молись подъ веселую музыку храпа: отъ сна и пива нагуляешь еще добраго жирка. Я доволенъ.

И Ламме собрался спать.

— Чего ради — спрашивали его солдаты и матросы — ты откармливаешь этого монаха, который тебя терпѣть не можетъ?

— Не мѣшайте мнѣ,—отвѣчалъ Ламме:—я совершаю великое дѣло.

5.

Пришелъ декабрь, мѣсяцъ долгаго сумрака. Уленшпигель пѣлъ:

„Его высочество герцогъ Анжуйскій сбросилъ маску: онъ хочетъ быть государемъ Бельгіи. Области, ставшія испанскими, но пока еще не анжуйскими, не платятъ ему налоговъ. Бей въ барабанъ: провалился анжуецъ.

Въ ихъ власти ихъ земли, угодья, сборы, платежи, назначеніе на должности. И за все это очень сердитъ на реформатовъ его высочество герцогъ анжуйскій, который во Франціи считается атеистомъ. Ого! Провалился анжуецъ!

Попросту хочется ему быть королемъ, править силой и мечомъ, хочется господину герцогу стать самодержавнымъ государемъ; хочется ему въ наказаніе за измѣну захватить многіе прекрасные города и даже Антверпенъ. Дворяне и мѣщане, быть на чеку! Ого! Провалился анжуецъ!

Не на тебя, о, Франція, обезумѣвъ отъ ярости, ринулся бельгійскій народъ; эти страшные кровавые удары разятъ не твое благородное тѣло. И трупы, горой загромоздившіе Кипъ-Дорпскія ворота,—не дѣтей твоихъ тѣла. Ого! Провалился анжуецъ!

Нѣтъ, не дѣтей твоихъ бросаетъ народъ во рвы укрѣпленій; нѣтъ, это его высочество пассивный распутникъ анжуйскій живетъ, Франція, твоей кровью и хочетъ пить нашу. Но между чашей и устами!.. Ого! Провалился анжуецъ.

Въ одномъ беззащитномъ городѣ его высочество кричалъ:—

„Бей, убивай! Да здравствуетъ месса!“ И съ нимъ кричали его любовники, красавцы съ глазами, въ которыхъ сверкаетъ безстыдный, позорный, тревожный огонь похоти безъ любви. Ого! Провалился анжуецъ.

Вотъ ихъ и бьютъ, а не тебя, бѣдный народъ, на который они наложили тяготы налоговъ, взысканій, оброковъ, растлѣній, презирая тебя и отбирая у тебя твой хлѣбъ, твоихъ лошадей, твои телѣги, у тебя, который былъ для нихъ отцомъ. Ого! Провалился анжуецъ!

Франція, ты была имъ матерью и грудью кормила исчадья этихъ отцеубійцъ, которые грязнятъ твое имя въ чужихъ странахъ, Франція, ты упиваешься ихъ славой, когда они подвигами насилія—ого! провалился анжуецъ — вплетаютъ новый листокъ въ твой побѣдный вѣнецъ, даютъ новую область землямъ твоимъ. Наступи болвану пѣтуху, что зовется „Война и распутство“, ногой на горло, о, народъ французскій, народъ мужей, и раздави ихъ подъ пятой! И всѣ народы окружатъ тебя любовью. Ого! Провалился анжуецъ!“

6.

Въ маѣ, когда фландрскія крестьянки, чтобы предохранить себя отъ болѣзни и смерти, медленно бросаютъ ночью черезъ голову назадъ три черные боба, рана Ламме опять открылась; его трясло въ лихорадкѣ и онъ просилъ, чтобы его положили на палубѣ, противъ клѣтки монаха.

Уленшпигель согласился, но, боясь, какъ бы его другъ въ безпамятствѣ не упалъ въ море, онъ приказалъ хорошенько привязать его къ кровати.

Во время свѣтлыхъ промежутковъ Ламме неустанно напоминалъ, чтобы не забыли о монахѣ, и высовывалъ ему языкъ.

И монахъ говорилъ:—Ты оскорбляешь меня, толстопузый.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ламме—я тебя выкармливаю.

Мягко вѣялъ вѣтерокъ, тепло сіяло солнце. Ламме въ лихорадочномъ бреду былъ крѣпко привязанъ къ кровати, чтобы въ припадкѣ безпамятства онъ не соскочилъ за бортъ. Ему казалось, что онъ въ кухнѣ, и онъ говорилъ:

— Печь сверкаетъ сегодня. Сейчасъ дождемъ посыплются дрозды. Жена, разставь силки въ саду. Какъ ты красива такъ, съ руками, оголенными до локтя. Какая бѣлая рука. Я укушу ее, укушу губами—это бархатные зубы. А кому же это чудное тѣло, эта нѣжная грудь, видная сквозь тонкое полотно твоей рубашки? Мнѣ, радость моя, мое все это. Кто сваритъ соусъ изъ пѣтушиныхъ гребешковъ и цыплячьихъ задковъ? Не такъ много муската—отъ него лихорадка дѣлается. Гдѣ желтки?

И, знакомъ приказавъ Уленшпигелю приблизить ухо къ его рту, онъ шепнулъ ему:—Сейчасъ дождемъ посыплется дичь. Тебѣ дамъ четырьмя дроздами больше, чѣмъ другимъ. Ты капитанъ, не выдавай меня.

И услышавъ, какъ волна мягко бьется о бортъ корабля, онъ сказалъ:—Супъ кипитъ, сынъ мой, супъ кипитъ. Но какъ трудно нагрѣть эту печь.

Едва сознаніе вернулось къ нему, онъ заговорилъ о монахѣ:—Гдѣ онъ? Толстѣетъ?

И, увидѣвъ его, онъ показалъ ему языкъ и сказалъ: —Свершается великое дѣло. Какъ я радъ.

Въ одинъ прекрасный день онъ потребовалъ, чтобы на палубѣ поставили большіе вѣсы, на одну чашку посадили его, на другую монаха. Но едва монахъ вступилъ на чашку, какъ Ламме стрѣлой взлетѣлъ вверхъ и закричалъ въ восторгѣ: — Вотъ вѣсъ! вотъ вѣсъ! Я легкій духъ въ сравненіи съ нимъ; я чуть было не вспорхнулъ, какъ птичка. Вотъ что, спустите его, чтобы я могъ сойти. Теперь положите гири, посадите его. Сколько въ немъ? Триста девяносто фунтовъ. А во мнѣ? Двѣсти семьдесятъ пять.

7.

Слѣдующей ночью, въ сумеркахъ разсвѣта, Уленшпигеля разбудили крики Ламме:—Уленшпигель, Уленшпигель! На помощь! Не пускай ее уйти. Разрѣжь бичевки!

— Чего ты кричишь?—спросилъ Уленшпигель, выйдя на палубу:—я ничего не вижу.

— Это она,—отвѣчалъ Ламме—она, жена моя, плаваетъ въ шлюпкѣ вокругъ того корабля, да, того корабля, откуда слышались пѣсни и лютня.

Неле вышла на палубу.

— Разрѣжь мои бичевки, другъ мой,—обратился къ ней Ламме:—развѣ ты не видишь, моя рана исцѣлена; ея нѣжная рука перевязала ее. Она, да, это она. Видишь, вонъ она стоитъ въ шлюпкѣ. Слышишь, она поетъ. Приди, моя дорогая, приди, не избѣгай твоего бѣднаго Ламме, который безъ тебя такъ одинокъ на свѣтѣ.

Неле взяла его руку, коснулась его лица.

— Онъ еще въ жару,—сказала она.

— Разрѣжьте бичевки, — говорилъ Ламме — дайте мнѣ шлюпку! Я живъ, я счастливъ, я выздоровѣлъ!

Уленшпигель перерѣзалъ бичевки; освобожденный Ламме соскочилъ съ постели въ бѣлыхъ холщевыхъ исподникахъ безъ куртки, и началъ самъ спускать шлюпку.

— Смотри, у него руки дрожатъ отъ нетерпѣнія, — сказала Неле Уленшпигелю.

Шлюпка была готова и Уленшпигель, Неле и Ламме сошли въ нее съ гребцомъ и направились къ кораблю, стоявшему въ глубинѣ порта. — Красавецъ корветъ,—сказалъ Ламме, помогая гребцу.

На ясномъ небосклонѣ, озаренномъ лучами разсвѣта, точно золотистый хрусталь, вырѣзались стройныя очертанія корвета и его изящныхъ мачтъ.

— Теперь разскажи намъ, какъ ты ее нашелъ? — спросилъ Уленшпигель у гребущаго Ламме.

— Мнѣ было лучше, я спалъ,—прерывисто разсказывалъ Ламме:—вдругъ глухой стукъ. Кусокъ дерева ударился о бортъ. Шлюпка. Матросъ бѣжитъ на шумъ:—„Кто тамъ?"— Нѣжный голосъ ея, сынъ мой, ея сладостный голосъ:— „Друзья". И другой голосъ, грубѣе: — „Да здравствуютъ гёзы! Отъ командира корвета „Іоганна" къ Ламме Гоодзаку".— Матросъ бросаетъ лѣсенку. При свѣтѣ луны вижу, на палубу подымается человѣческая фигура: полныя бедра, круглыя колѣни, широкій тазъ; говорю себѣ: „поддѣльный мужчина"; чувствую, точно роза раскрылась и коснулась моего лица: — ея губы, сынъ мой, и я слышу, она, понимаешь, она говоритъ со мной. Покрываетъ меня поцѣлуями и слезами, и точно жидкій и благоуханный огонь охватилъ мое тѣло,—и говоритъ:—„Я знаю, что поступаю дурно, но я люблю тебя, мужъ мой. Я дала обѣтъ Господу, но измѣняю клятвѣ, мужъ мой, мой бѣдный мужъ; я уже не разъ приходила, но не смѣла приблизиться къ тебѣ. Наконецъ, матросъ мнѣ позволилъ; я перевязывала твою рану, ты меня не узнавалъ, но я тебя вылечила; не сердись, мужъ мой! Я пришла къ тебѣ, но я боюсь: онъ на вашемъ кораблѣ. Пусти, я уйду; если онъ меня увидитъ, онъ проклянетъ меня и я буду горѣть въ вѣчномъ огнѣ!" Плача и радуясь, она поцѣловала меня еще разъ и ушла, не смотря на мои слезы, противъ моей воли: ты связалъ меня по рукамъ и ногамъ, сынъ мой, но теперь...

И онъ сопровождалъ свою рѣчь могучими размахами веселъ: точно натянутая стрѣла лука, посылающая впередъ стремительную стрѣлу.

Они подъѣзжали къ кораблю и Ламме говорилъ:—Вонъ она стоитъ на палубѣ, играетъ на лютнѣ, моя прелестная жена съ золотистыми волосами, съ темными глазами, съ еще свѣжими щеками, съ обнаженными полными руками, съ бѣлыми пальчиками. Лети, лодочка, по волнамъ.

Увидя подходящую шлюпку и на ней Ламме, гребущаго,

какъ дьяволъ, капитанъ корвета приказалъ бросить съ палубы лѣстницу. Приблизившись къ ней, Ламме прыгнулъ съ шлюпки на лѣстницу, чуть не упавъ при этомъ въ море и отбросивъ шлюпку назадъ больше, чѣмъ на три сажени; и, вскарабкавшись, точно кошка, по лѣстницѣ, бросился къ своей женѣ, которая не чувствуя себя отъ радости, цѣловала его и обнимала, говоря:

— Ламме, не забирай меня. Я дала обѣтъ Господу, но я люблю тебя. Ахъ, дорогой мой мужъ.

— Да это Каллекенъ Гейбрехтсъ, — вскричала Неле,— красавица-Каллекенъ.

— Да, это я,—отвѣтила та — но, увы, полдень минулъ уже для моей красоты.

И лицо ея стало грустно.

— Что ты сдѣлала?—говорилъ Ламме,—что съ тобой сталось? Почему ты меня бросила? Почему ты теперь хочешь меня покинуть?

— Слушай,—сказала она—не сердись. Я скажу тебѣ: зная, что монахи—люди святые, я довѣрилась одному изъ нихъ; его имя братъ Корнелисъ Адріансенъ.

— Что!—закричалъ Ламме, услышавъ это имя:—этотъ злобный ханжа, съ помойной ямой вмѣсто рта, только и говорившій, что объ избіеніи реформатовъ! Этотъ хвалитель инквизиціи и указовъ! О, такъ это былъ этотъ мерзавецъ?

— Не оскорбляй святого человѣка,—сказала Каллекенъ

— Святого человѣка! — отвѣчалъ Ламме: — знаю я его, этого святого. Это грязная и подлая скотина. О, горе, горе. И моя красавица Каллекенъ должна была попасть въ лапы къ этому распутному монаху. Не подходи, я убью тебя. А я такъ ее любилъ. Мое бѣдное, обманутое сердце, которое принадлежало только ей. Что ты здѣсь дѣлаешь? Зачѣмъ ты перевязывала мои раны? Надо было дать мнѣ умереть. Я не хочу тебя видѣть, убирайся или я брошу тебя въ море. Мой ножъ!..

— Ламме, мужъ мой,—отвѣчала она, обнимая его,—не плачь, я совсѣмъ не то, что ты думаешь: я никогда не принадлежала этому монаху.

— Ты лжешь,—говорилъ онъ, плача и скрежеща зубами— —ахъ, я никогда не ревновалъ, а теперь сталъ ревнивцемъ. Печальная страсть, гнѣвъ и любовь, влеченіе убить и цѣловать. Уходи! Нѣтъ, останься. Я былъ такъ добръ къ ней. Убійство—вотъ мой господинъ теперь. Мой ножъ! О, какъ внутри меня горитъ, ѣстъ, грызетъ, а ты смѣешься надо мной.

Рыдая, она цѣловала его, кроткая и покорная.

— Да,—говорилъ онъ—я глупъ въ моей ярости; да, ты хранила мою честь, ту честь, которую такъ безумно прицѣ-

пляютъ къ юбкамъ женщины. Такъ вотъ для чего ты пускала въ ходъ самыя нѣжныя твои улыбки, когда тебѣ надо было идти слушать проповѣдь съ пріятельницами...

— Дай мнѣ слово сказать,—говорила она, цѣлуя его:— пусть я умру на мѣстѣ, если я обманываю тебя!

— Умри же,—отвѣтилъ Ламме—ибо ты сейчасъ солжешь.

— Слушай же.

— Говори или не говори, мнѣ все равно.

— Братъ Адріансенъ имѣлъ славу хорошаго проповѣдника,—начала она—я пошла его послушать. Онъ говорилъ, что духовный санъ и безбрачіе выше всего прочаго, ибо ими легче всего достигаетъ вѣрное чадо райскаго блаженства. Его краснорѣчіе было могуче и пламенно; оно глубоко взволновало многихъ честныхъ женъ—среди нихъ и меня, и особенно вдовъ и дѣвушекъ. Такъ какъ безбрачіе и есть жизнь совершенная, то онъ совѣтовалъ намъ пребывать въ немъ и мы поклялись, что отнынѣ отрекаемся отъ супружеской жизни.

— Кромѣ сожительства съ нимъ, конечно, — сказалъ Ламме, плача.

— Молчи,—отвѣчала она, разсердившись.

— Ну, кончай,—сказалъ онъ:—ты нанесла мнѣ тяжелый ударъ, я ужь не оправлюсь.

— О, мужъ мой, когда я буду неразлучна съ тобой...

Она хотѣла обнять и поцѣловать его, но онъ оттолкнулъ ее.

— Вдовы—говорила она—принесли ему клятву не вступать больше въ бракъ.

Ламме слушалъ, погруженный въ свои ревнивыя мысли, а Каллекенъ стыдливо продолжала свой разсказъ:

— Онъ принималъ въ исповѣдницы только молодыхъ и красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ; прочихъ онъ отправлялъ къ ихъ духовникамъ. Онъ устроилъ кружокъ богомолокъ, взявъ съ насъ со всѣхъ клятву, что мы будемъ исповѣдываться только у него; я поклялась. Другія женщины, болѣе опытныя, чѣмъ я, спрашивали меня, не хочу ли я быть наставляемой во Святомъ Послушаніи и Святомъ Покаяніи. Я согласилась. Въ Брюгге на набережной Каменотесовъ подлѣ монастыря Миноритовъ были дома, гдѣ жила женщина по имени Калле де Нажажъ, у которой дѣвушки получали обученіе и содержаніе за дукатъ въ мѣсяцъ. Братъ Корнелисъ могъ незамѣтно проходить къ ней изъ монастыря. Здѣсь въ маленькой комнаткѣ, гдѣ не было никого, кромѣ него, я встрѣтилась съ нимъ. Онъ велѣлъ мнѣ разсказать ему подробно обо всѣхъ моихъ естественныхъ и плотскихъ склонностяхъ. Я сперва не рѣшалась. но въ концѣ концовъ покорилась и разсказала все.

— О, горе,—всхлипывалъ Ламме—и твои чистыя признанія достались этой свиньѣ.

— Онъ говорилъ мнѣ всегда—и вѣдь это правда, мужъ мой,—что превыше стыда земного стоитъ стыдъ небесный, коимъ мы приносимъ Господу въ жертву нашу мірскую стыдливость; только исповѣдуясь нашему духовнику въ тайныхъ вожделѣніяхъ, мы становимся достойны Святого Послушанія и Святого Покаянія.

Потомъ онъ сталъ требовать, чтобы я предстала предъ нимъ нагая, дабы мое грѣшное тѣло приняло самое легонькое наказаніе за мои пороки. Однажды онъ заставилъ меня раздѣться; я лишилась сознанія, когда рубаха упала съ меня онъ привелъ меня въ чувство нюхательными солями.—„На этотъ разъ довольно, дочь моя,—сказалъ онъ—черезъ два дня придешь и принесешь розгу“... Это длилось долго, но никогда... клянусь Богомъ и всѣми святыми... мужъ мой... пойми меня... взгляни на меня... посмотри, лгу-ли я: я осталась чиста и вѣрна тебѣ... я люблю тебя...

— Бѣдное нѣжное тѣльце, — сказалъ Ламме:—о, позорное пятно на твоемъ брачномъ нарядѣ.

— Ламме,—сказала она — онъ говорилъ отъ имени Господа и Святой Матери нашей католической церкви: могла ли я не слушаться его? Я любила тебя всегда, но подъ страшными клятвами принесла Пресвятой Дѣвѣ обѣтъ не отдаваться тебѣ. Но я была слаба все-таки, слаба къ тебѣ. Помнишь гостинницу въ Брюгге? Я была у Калле, ты проѣхалъ мимо на ослѣ вмѣстѣ съ Уленшпигелемъ. Я пошла за тобой слѣдомъ; у меня были деньги, я ничего на себя не тратила, я увидѣла, что ты голоденъ; мое сердце потянулось къ тебѣ, я почувствовала жалость и любовь.

— Гдѣ онъ теперь?—спросилъ Уленшпигель.

Каллекенъ отвѣчала:

— Послѣ слѣдствія, произведеннаго по приказу магистрата и преслѣдованій со стороны злыхъ людей, братъ Адріансенъ вынужденъ былъ оставить Брюгге и нашелъ пристанище въ Антверпенѣ. Мнѣ говорили на кораблѣ, что мой мужъ взялъ его въ плѣнъ.

— Что!—закричалъ Ламме:—монахъ, котораго я откармливаю, это...

— Да,—отвѣтила Каллекенъ, закрывая лицо руками.

— Топоръ! Топоръ!—кричалъ Ламме,—убью его, съ торговъ продамъ сало этого похотливаго козла. Скорѣе, назадъ на корабль. Шлюпку! Гдѣ шлюпка?

— Это гнусная жестокость — убивать или ранить плѣнника,—сказала Неле.

— Ты такъ зло на меня смотришь; не позволишь?—сказалъ онъ.

— Да,—сказала Неле.

— Хорошо! Не причиню ему никакого зла; мнѣ только выпустить его изъ клѣтки. Шлюпка! Гдѣ шлюпка?

Они спустились въ шлюпку. Ламме поспѣшно гребъ и въ то же время плакалъ.

— Ты удрученъ, мужъ мой?—сказала Каллекенъ.

— Нѣтъ, я веселъ: ты, конечно, меня никогда ужь не покинешь?

— Никогда,—отвѣтила она.

— Ты говоришь, что осталась чиста и вѣрна мнѣ; но радость моя, дорогая Каллекенъ, я жилъ только мыслью найти тебя и вотъ, благодаря этому монаху, во всѣхъ нашихъ радостяхъ отнынѣ будетъ ядъ, ядъ ревности... Въ минуту грусти или даже утомленія я непремѣнно буду видѣть, какъ ты, обнаженная, подставляешь свое тѣло этому гнусному бичеванію. Весна нашей любви была моя, но лѣто досталось ему; осень будетъ пасмурная, скоро за ней придетъ зима и похоронитъ мою вѣрную любовь.

— Ты плачешь?—спросила она.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—оттого, что прошлое не вернется.

Но Неле сказала:—Если Каллекенъ была вѣрна, ей слѣдовало бы теперь уйти отъ тебя за твои злыя слова.

— Онъ не знаетъ, какъ я его люблю, — сказала Каллекенъ.

— Правда? — вскричалъ Ламме, — такъ приди ко мнѣ, красавица, приди, жена моя — и нѣтъ ужь ни пасмурной осени, ни зимы-могильщика.

Онъ, видимо, повеселѣлъ, и такъ они вернулись на корабль.

Получивъ у Уленшпигеля ключи отъ клѣтки, Ламме отперъ ее. Онъ хотѣлъ вытащить монаха за ухо на палубу, но не смогъ; онъ попытался заставить его пролѣзть бокомъ, но тоже не смогъ.

— Придется все сломать, — сказалъ онъ: — разжирѣлъ каплунъ.

Монахъ вышелъ, вращая отупѣвшими глазами и держа руки на животѣ, и тутъ же упалъ на свой задъ, такъ какъ большая волна качнула корабль.

— Что, будешь называть меня „толстопузый“? Вотъ ты толще меня. Кто кормилъ тебя по семь разъ въ день? Я. Отчего это, крикунъ, ты сталъ теперь тише и мягче къ бѣднымъ гёзамъ? Если ты останешься еще на годъ въ клѣткѣ, то ужь не сможешь выйти; при каждомъ движеніи твои

щеки дрожатъ, какъ свиной студень; ты ужъ не кричишь; скоро и сопѣть не сможешь.

— Молчи, толстопузый,—отвѣтилъ монахъ.

— Толстопузый!—закричалъ Ламме, придя въ ярость:— я Ламме Гоодзакъ, а ты Broer Dikzak, Vetzak, Leugenzak, Slokkenzak, Wulpsak, братъ Мѣшокъ, мѣшокъ сала, мѣшокъ лжи, мѣшокъ обжорства, мѣшокъ похоти. У тебя четыре пальца сала подъ кожей, ужь глазъ твоихъ не видно. Уленшпигель и я, мы вмѣстѣ могли бы расположиться подъ соборными сводами твоего пуза. Ты назвалъ меня толстопузымъ— хочешь зеркало взглянуть на твое толстопузіе? Это я тебя выкормилъ, монументъ изъ мяса и костей. Я поклялся, что ты жиромъ будешь плевать, жиромъ потѣть и оставлять за собой жирныя пятна, точно сальная свѣчка, тающая на солнцѣ. Говорятъ, апоплексія приходитъ съ седьмымъ подбородкомъ; у тебя уже шесть съ половиной.

И онъ обратился къ гезамъ: — Смотрите на этого сладострастника! Это братъ Корнелисъ Адріансенъ Ахтыдряньсенъ изъ Брюгге; онъ проповѣдывалъ здѣсь новомодную стыдливость. Его сало — его кара; его сало—мое созданіе. Слушайте же вы, солдаты и матросы, я ухожу отъ васъ, отъ тебя, Уленшпигель, и отъ тебя, Неличка, я поселюсь въ Флиссингенѣ, гдѣ у меня есть имущество, и буду тамъ жить съ моей бѣдной, вновь обрѣтенной женой. Вы когда-то поклялись мнѣ, что исполните все, чего я отъ васъ потребую.

— Слово гёзовъ,—отвѣтили они.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Ламме—взгляните на этого распутника, на этого брата Адріансена Ахтыдряньсена изъ Брюгге. Я поклялся, что онъ у меня задохнется своимъ саломъ, какъ свинья. Постройте клѣтку пошире, впихивайте въ него двѣнадцать обѣдовъ въ день вмѣсто семи; откармливайте его жирнымъ и сладкимъ: теперь онъ какъ быкъ, пусть пусть будетъ какъ слонъ—и, вы увидите, онъ заполнитъ всю клѣтку.

— Мы откормимъ его,—сказали гёзы.

— А теперь, — продолжалъ Ламме, обращаясь къ монаху,—я прощаюсь и съ тобой, бездѣльникъ, котораго я кормилъ по-монастырски вмѣсто того, чтобы повѣсить тебя: возростай въ жиру и въ апоплексіи.

И, обнявъ Каллекенъ, онъ прибавилъ:—Смотри, хрюкай или реви, я забираю ее, больше ты ее сѣчь не будешь.

Но тутъ заговорилъ разъяренный монахъ, обращаясь къ Каллекенъ:—Такъ ты уходишь, баба плотская, уходишь на ложе похоти? Да, ты уходишь безъ состраданія къ бѣдному мученику слова Божьяго, который наставлялъ тебя въ святомъ, сладостномъ, небесномъ послушаніи. Будь проклята!

Пусть никакой священнослужитель не дастъ тебѣ отпущенія; пусть земля горитъ подъ твоими ногами; пусть сахаръ тебѣ кажется солью, а говядина будетъ собачьей падалью, пусть хлѣбъ тебѣ будетъ золой, солнце—льдиной, а снѣгъ огнемъ адскимъ. Пусть будетъ проклято твое чрево и дѣти твои будутъ чудовищами, съ тѣломъ обезьяньимъ и свиной головой, раздутой больше, чѣмъ ихъ животъ. Пусть ничего, кромѣ страданій, плача, стенаній, ты не будешь знать на этомъ свѣтѣ, и на томъ тоже, въ аду, который ждетъ тебя, въ пеклѣ сѣрномъ и смоляномъ, зажженномъ для такихъ, какъ ты, самокъ. Ты отвергла мою отцовскую любовь; будь трижды проклята святой Троицей, семь разъ проклята свѣтильниками Ковчега; пусть исповѣдь будетъ для тебя мукой; пусть св. причастіе будетъ для тебя смертельно и пусть каждая плита подымется во храмѣ съ пола, чтобы размозжить тебя и сказать тебѣ:—„Се есть распутница, сія осуждена и проклята".

И Ламме, прыгая отъ восторга, весело говорилъ: — Она была мнѣ вѣрна, монахъ самъ сказалъ. Да здравствуетъ Каллекенъ.

Но она, рыдая и дрожа, говорила: — О, сними, молю, сними съ меня это проклятіе. Я вижу адъ! Сними проклятіе!

— Сними проклятіе,—сказалъ Ламме.

— Не сниму, толстопузый,—отвѣтилъ монахъ.

И женщина, блѣдная и обезумѣвшая, стоя на колѣняхъ вздымала съ мольбой руки къ брату Адріансену.

— Сними проклятіе,—сказалъ Ламме монаху—не то ты сейчасъ же будешь повѣшенъ, а если веревка лопнетъ отъ твоей тяжести, ты будешь повѣшенъ вторично, пока не издохнешь.

— Повѣшенъ дважды и трижды,—сказали гёзы.

— Ну, что-жъ,—сказалъ монахъ,—иди, сладострастница, иди съ этимъ толстопузымъ. Иди, я снимаю мое проклятіе, но Господь и всѣ святители будутъ слѣдить за тобой. Иди съ этимъ толстопузымъ, иди.

И онъ умолкъ, потѣя и хрипя.

— Онъ хрипитъ, онъ хрипитъ, — вдругъ закричалъ Ламме,—вотъ шестой подбородокъ, на седьмомъ апоплексія. А теперь,—обратился онъ къ гезамъ—препоручаю васъ Господу, и тебя Уленшпигель, препоручаю Господу, и тебя, Неле, и всѣхъ васъ, друзья, и святое дѣло свободы тоже препоручаю Господу: больше я уже не могу ничего для нея сдѣлать.

Затѣмъ. обнявшись и перецѣловавшись со всѣми, онъ

обратился къ своей Каллекенъ: — Пойдемъ, пришелъ часъ законной любви.

Лодка неслась по водѣ, унося Ламме и его возлюбленную, а на кораблѣ всѣ, матросы, солдаты и юнги, размахивали шапками и кричали: — Прощай, другъ и братъ! прощай, Ламме! прощай, другъ и братъ!

И Неле, снимая тонкимъ пальчикомъ слезинку, повисшую въ углу глаза у Уленшпигеля, спросила его:

— Ты опечаленъ, дорогой мой?

— Онъ былъ такой хорошій,—отвѣтилъ онъ.

— О,—сказала она,—этой войнѣ нѣтъ конца, неужто мы такъ и проведемъ всю жизнь въ слезахъ и крови?

— Будемъ искать семерыхъ,—отвѣтилъ Уленшпигель:— близокъ часъ освобожденія.

Исполняя обѣщаніе, данное Ламме, гезы продолжали откармливать монаха въ его клѣткѣ. Когда, по уплатѣ выкупа, онъ былъ выпущенъ на свободу, въ немъ было триста девяносто два фунта и одиннадцать унцій фландрскаго вѣса.

И онъ умеръ пріоромъ своего монастыря.

8.

Въ это время собрались господа члены Генеральныхъ Штатовъ въ Гаагѣ судить Филиппа, короля Испаніи, графа Фландріи, Голландіи и прочая, согласно имъ подтвержденнымъ хартіямъ и привилегіямъ.

И письмоводитель собранія говорилъ:

— Извѣстно каждому, что государь страны поставленъ Господомъ Богомъ, какъ властелинъ и глава надъ подданными, ради защиты и охраны ихъ отъ всякихъ обидъ, притѣсненій и насилій, подобно тому, какъ пастухъ долженъ быть стражемъ и защитникомъ своихъ овецъ. Извѣстно также, что подданные не созданы Господомъ для потребы государя, ни для того, чтобы покоряться ему во всемъ, что онъ прикажетъ, будь оно благочестиво или грѣховно, справедливо или неправедно, ни для того, чтобы рабски служить ему. Но государь для того есть государь надъ своими подданными, безъ которыхъ онъ не существуетъ, чтобы править ими, согласно закону и разуму; чтобы охранять ихъ и любить, какъ отецъ любитъ дѣтей, какъ пастырь свою паству, жертвуя жизнью для ихъ защиты. Если онъ этого не дѣлаетъ, то онъ уже не государь, но тиранъ. При помощи наемныхъ солдатъ, призывовъ къ крестовому походу, буллъ объ отлученіи, король Филиппъ бросилъ на насъ четыре

иностранныхъ арміи. Какое надлежитъ ему наказаніе по законамъ и обычаямъ страны?

— Да будетъ низложенъ,—отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

-- Филиппъ преступилъ свои клятвы; онъ забылъ объ услугахъ, которыя мы ему оказали, о побѣдахъ, которыя мы помогли ему одержать. Видя наше богатство, онъ обрекъ насъ въ жертву вымогательствамъ и грабежамъ членовъ своего испанскаго Совѣта.

— Да будетъ низложенъ, какъ неблагодарный и разбойникъ,—отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Филиппъ поставилъ въ важнѣйшихъ городахъ страны новыхъ епископовъ, отдавъ имъ въ удѣлъ и жалованіе имущества богатѣйшихъ аббатствъ; съ ихъ помощью онъ ввелъ испанскую инквизицію.

— Да будетъ низложенъ, какъ палачъ и расточитель чужого достоянія,—отвѣтили господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Дворянство страны, видя это насиліе, подало въ 1566 г. прошеніе, въ которомъ умоляло государя смягчить свои суровые указы, особенно относящіеся до инквизиціи. Онъ отвергъ просьбу.

— Да будетъ низложенъ, какъ тигръ неутолимый въ своей жестокости,—отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

Письмоводитель продолжалъ:

— На Филиппа падаетъ чрезвычайное подозрѣніе въ томъ что онъ, при посредствѣ членовъ своего испанскаго Совѣта былъ тайнымъ подстрекателемъ уничтоженія иконъ и разгрома церквей съ той цѣлью, чтобы, подъ предлогомъ преступленій и безпорядковъ, двинуть на насъ иноземныя войска.

— Да будетъ низложенъ, какъ орудіе смерти,—отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Въ Антверпенѣ Филиппъ учинилъ избіеніе гражданъ, раззорилъ фландрскихъ купцовъ и купцовъ иноземныхъ. Самъ онъ и его испанскій Совѣтъ дали тайныя распоряженія, по коимъ нѣкій Рода, завѣдомый негодяй, получилъ право объявить себя главою грабителей, собирать добычу, пользоваться его именемъ, именемъ короля Филиппа, для того, чтобы поддѣлывать печати большія и малыя и вести себя, какъ его правитель и замѣститель. Это доказано перехваченными и находящимися въ нашихъ рукахъ королевскими письмами. Все произошло съ его согласія и по обсужденіи въ Совѣтѣ Испаніи. Прочитайте его письма; онъ одобряетъ въ нихъ то, что произошло въ Антверпенѣ, признаетъ, что этимъ ему оказана имъ самимъ намѣченная ус-

луга, обѣщаетъ отблагодарить, приглашаетъ Роду и прочихъ испанцевъ шествовать далѣе по тому же славному пути.

— Да будетъ низложенъ, какъ разбойникъ, грабитель и убійца,—отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Мы не хотимъ ничего, кромѣ сохраненія нашихъ привилегій, мира честнаго и твердаго, свободы умѣренной, особенно въ дѣлѣ вѣры, относящемся до Господа Бога и совѣсти. Мы не получили отъ Филиппа ничего, кромѣ лицемѣрныхъ договоровъ, служащихъ сѣменемъ раздора между областями, для того, чтобы поработить ихъ одну за другой и уничтожить ихъ, какъ Индію, грабежомъ, конфискаціями, казнями и инквизиціей.

— Да будетъ низложенъ, какъ убійца, замыслившій погубить страну, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

— Онъ выпустилъ изъ страны всю кровь при посредствѣ герцога Альбы и его клевретовъ, Медины-Цели, Реквесенса, злодѣевъ, засѣдавшихъ въ совѣтахъ государственныхъ и областныхъ; онъ требовалъ непреклонной и кровавой жестокости отъ донъ-Хуана и Александра Фарнезе, принца Пармскаго—и это также явствуетъ изъ его перехваченныхъ писемъ. Онъ подвергъ принца Оранскаго изверженію изъ имперіи, подкупилъ трехъ убійцъ, въ ожиданіи, пока подкупитъ четвертаго; покрылъ страну крѣпостями и замками; сжигалъ мужчинъ, закапывалъ живьемъ женщинъ и дѣвушекъ, получая послѣ нихъ наслѣдство; задушилъ Монтиньи, Бергеса и прочихъ дворянъ, вопреки своему королевскому слову; убилъ своего сына Карлоса; выдавъ беременную отъ него донью Эвфразію за принца Асколи, онъ отравилъ его, чтобы обогатить свое незаконное отродье наслѣдствомъ принца; издалъ противъ насъ указъ, коимъ объявилъ насъ всѣхъ злодѣями и измѣнниками, потерявшими жизнь и имущество и совершилъ неслыханное въ христіанской странѣ преступленіе, смѣшавъ невинныхъ и виновныхъ воедино.

— По всѣмъ законамъ, правамъ и привилегіямъ, да будетъ низложенъ, — отвѣчали господа чины Генеральныхъ Штатовъ.

И печати короля были сломаны.

И солнце сіяло надъ землей и моремъ, наливая золотыя колосья, золотя виноградъ, разметая по каждой волнѣ жемчугъ, драгоцѣнный уборъ невѣсты Нидерландовъ: Свободы.

И вотъ, принцъ Оранскій, будучи въ Дельфтѣ, пораженъ четвертымъ убійцей тремя пулями въ грудь. И онъ умеръ, послушный своему девизу: „Спокойный среди бурныхъ волнъ“.

Враги его говорили, что, съ цѣлью обойти короля Филиппа и не надѣясь стать государемъ южной и католической Голландіи, онъ по тайному договору уступилъ ее герцогу Анжуйскому. Но послѣдній не такъ былъ созданъ, чтобы породить дитя Бельгію въ союзѣ съ Свободой, которая не любитъ противоестественной любви.

И Уленшпигель вмѣстѣ съ Неле покинули флотъ.

И родина бельгійская стонала подъ ярмомъ, скованная злодѣями.

9.

Былъ мѣсяцъ зрѣлой жатвы; воздухъ былъ удушливъ, вѣтеръ горячъ; жнецы и жницы могли спокойно собирать подъ свободнымъ небомъ на свободной землѣ жатву, засѣянную ими.

Фрисландія, Дрепте, Овериссель, Гельдернъ, Утрехтъ Сѣверный Брабантъ, сѣверная и южная Голландія, Вальхеренъ, сѣверный и южный Бевеландъ, Дюивеландъ и Cховенъ, образующіе Зеландію, все побережье отъ Кнокке до Гельдера; острова Тексель, Виландъ, Амеландъ, Схирмоникоогъ отъ западной Шельды до восточнаго Эмса: все это было наканунѣ освобожденія отъ испанскаго ярма. Морицъ, сынъ Молчаливаго продолжалъ войну.

Уленшпигель и Неле, сохраняя всю свою молодость, свою силу и красоту—ибо любовь и духъ Фландріи не старѣютъ —жили вмѣстѣ въ башнѣ Неере, въ ожиданіи, что смогутъ послѣ столькихъ тяжелыхъ испытаній вздохнуть воздухомъ свободы, повѣявшимъ надъ бельгійской родиной.

Уленшпигель просилъ о назначеніи его начальникомъ и стражемъ башни на томъ основаніи, что, имѣя орлиные глаза и заячій слухъ, онъ сможетъ увидѣть, если испанцы сдѣлаютъ попытку вновь явиться въ освободившейся странѣ. тогда онъ зазвонитъ wacharm, что означаетъ „тревога“ на фламандскомъ языкѣ.

Магистратъ исполнилъ его желаніе: въ награду за его заслуги ему опредѣлили жалованія гульденъ въ день, двѣ кружки пива, бобовъ, сыра, сухарей и три фунта мяса въ недѣлю.

Такъ превосходно жили вдвоемъ Уленшпигель и Неле, радостно созерцая вдали свободные острова Зеландіи, вблизи —лѣса, замки и крѣпости и вооруженные корабли гёзовъ, охраняющіе побережье.

Часто ночью они поднимались на башню и, сидя здѣсь на верхней площадкѣ, перебирали тяжелыя испытанія и радости любви, прошедшія и предстоящія. Они видѣли отсюда море, которое приливало и отливало у побережья, неся свои волны свѣтящіяся въ это жаркое время, бросая ихъ на

острова, точно пламенныя видѣнія. И Неле пугалась, завидѣвъ въ польдерсахъ блуждающіе огоньки, которые — говорила она—суть души несчастныхъ покойниковъ. А всѣ эти мѣстности были полями сраженій.

Блуждающіе огоньки трепетали надъ лугами, проносились надъ плотинами, потомъ, какъ бы не въ силахъ разстаться съ тѣломъ, изъ котораго вышли, возвращались въ польдерсы.

Однажды ночью Неле сказала Уленшпигелю: — Смотри, какъ ихъ много въ Дрейвеландѣ и какъ высоко они летаютъ: со стороны птичьихъ острововъ ихъ больше всего. Хочешь туда, Тиль? Мы приѳмъ снадобье, которое показываетъ смертнымъ глазамъ невидимыя вещи.

— Если это то снадобье, которое меня носило на великій шабашъ,—отвѣтилъ Уленшпигель—то я не больше вѣрю въ него, чѣмъ въ пустой сонъ.

— Не слѣдуетъ отрицать силу чаръ, — сказала Неле: — пойдемъ, Уленшпигель.

— Пойдемъ.

На другой день онъ попросилъ у магистрата, чтобы ему на смѣну былъ поставленъ зоркій и вѣрный солдатъ стеречь башню и бдить надъ округой.

И они съ Неле направились къ птичьимъ островамъ.

Проходя по лугамъ и плотинамъ, они видѣли маленькіе зеленѣющіе островки, между которыми бурлили морскія воды, а на поросшихъ травой холмахъ, доходившихъ до дюнъ, большія стаи чаекъ, гагаръ, буревѣстниковъ; однѣ сидѣли неподвижно, покрывая острова бѣлой пеленой, другія тысячами носились въ воздухѣ. Земля подъ ногами была загромождена гнѣздами. Когда Уленшпигель наклонился, чтобы поднять свалившееся на дорогѣ яйцо, на него съ крикомъ налетѣла чайка; на ея призывъ налетѣла ихъ сотня, болтливо крича, кружась надъ головой Уленшпигеля и надъ сосѣдними гнѣздами, но не рѣшаясь приблизиться.

— Уленшпигель, — сказала Неле — эти птички просятъ пощадить ихъ яйца.—И, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, она прибавила: — Мнѣ страшно; вотъ солнце заходитъ, небо побѣлѣло, звѣзды проснулись; это часъ духовъ. Смотри, красныя испаренія носятся надъ землей. Тиль, дорогой мой, что тамъ за адское чудовище разверзло въ облакѣ свою огненную пасть? Посмотри по направленію къ Филипсланду, гдѣ король палачъ ради своего жестокаго честолюбія загубилъ такое множество несчастныхъ людей; видишь, какъ тамъ пляшутъ блуждающіе огоньки: въ эту ночь души несчастныхъ, убитыхъ въ бояхъ, покидаютъ холодные круги чистилища, чтобы подняться на землю и обогрѣться ея теплымъ возду-

хомъ. Въ этотъ часъ ты можешь просить о чемъ угодно у Христа, Господа добрыхъ волшебниковъ.

— Пепелъ стучитъ въ мое сердце,—сказалъ Уленшпигель:—о, еслибы Христосъ могъ показать тѣхъ семерыхъ, пепелъ которыхъ, разсѣянный по вѣтру, долженъ осчастливить Фландрію и весь міръ.

— Безвѣрный,—сказала Неле:—ты ихъ увидишь при помощи снадобья.

— Можетъ быть, — сказалъ Уленшпигель, показывая пальцемъ на Сиріуса,—если какой-нибудь духъ сойдетъ съ этой холодной звѣзды.

При этомъ движеніи блуждающій огонекъ, кружившійся вокругъ него, сѣлъ на его палецъ и, чѣмъ настойчивѣе онъ старался сбросить его, тѣмъ крѣпче держался огонекъ.

Неле, при попыткѣ избавить Уленшпигеля, получила свой огонекъ на кончикъ пальца.

— Отвѣчай,—сказалъ Уленшпигель, щелкнувъ по своему огоньку,—душа ты гёза или испанца? Если ты душа гёза, уходи въ рай; если ты душа испанца, возвратись въ адъ, откуда пришла.

— Не оскорбляй душъ, хотя бы это были души палачей,—сказала Неле.

И, подбрасывая огонекъ на своемъ пальцѣ, она говорила:—Огонекъ, милый огонекъ, какія новости принесъ ты изъ страны душъ? Чѣмъ онѣ тамъ заняты? Ѣдятъ и пьютъ, не имѣя ртовъ? Ибо и у тебя нѣтъ рта, славненькій огонекъ. Или онѣ принимаютъ образъ человѣческій лишь въ благословенномъ раю?

— Какъ можетъ ты—сказалъ Уленшпигель—терять время на разговоры съ печальнымъ огонькомъ, у котораго нѣтъ ни ушей, чтобы слышать тебя, ни рта, чтобы отвѣтить тебѣ?

Но Неле, не слушая его, говорила:—Отвѣть своей пляской, огонекъ, ибо я трижды спрошу тебя: разъ во имя Господа Бога, разъ во имя Пресвятой Дѣвы и разъ во имя стихійныхъ духовъ, которые посредничаютъ между Богомъ и людьми.

Она это сдѣлала—и огонекъ подпрыгнулъ три раза.

Тогда Неле сказала Уленшпигелю:—Раздѣнься, я сдѣлаю то же; вотъ серебрянная коробочка съ снадобьемъ для ясновидѣнія.

— Это мнѣ все равно,—отвѣтилъ Уленшпигель.

Раздѣвшись и натершись бальзамомъ ясновидѣній, они легли рядомъ другъ съ другомъ на травѣ.

Чайки жалобно вскрикивали; громъ глухо грохоталъ въ тучѣ, гдѣ сверкала молнія; луна изрѣдка выставляла межъ

двухъ тучъ золотые рожки своего полумѣсяца; блуждающіе огоньки Уленшпигеля и Неле унеслись плясать вмѣстѣ съ прочими на лугу.

Вдругъ Неле и ея возлюбленнаго схватила громадная рука великана, который швырялъ ихъ въ воздухѣ, какъ дѣтскіе мячики, ловилъ, бросалъ другъ на друга, мялъ въ рукахъ, бросалъ въ лужицы между холмовъ и вытаскивалъ оттуда, опутанныхъ водорослями. Затѣмъ, такъ нося ихъ въ пространствѣ, онъ пѣлъ голосомъ, ужаснувшимъ пробужденныхъ чаекъ:

Косоглазыя блошки презрѣнныя
Захотѣли свершить этотъ грѣхъ:
Прочитать знаки священные,
Что мы держимъ въ тайнѣ отъ всѣхъ.

Знай же тайну, блошка презрѣнная,
Прочитай священный завѣтъ,
На который властно вселенная
Наложила строгій запретъ.

И дѣйствительно, Уленшпигель и Неле увидѣли на травѣ, въ воздухѣ и въ небѣ семь скрижалей сверкающей мѣди, прибитыхъ семью пламенѣющими гвоздями. На скрижаляхъ было написано:

Въ навозѣ зерно проростаетъ
Семь это зло, но семь и добро.
Алмазъ въ углѣ созрѣваетъ,
Дуракъ мудреца воспитаетъ.
Семь это зло, но семь и добро.

И великанъ шествовалъ, а за нимъ два блуждающихъ огонька, которые, стрекоча, какъ стрекозы, твердили:

Смотрите, имъ владыка данъ.
Онъ папа папъ, онъ царь царей,
Онъ сдѣлалъ кесаря скотомъ.
Смотрите, онъ простой чурбанъ.

Вдругъ лицо его преобразилось, онъ сталъ печальнѣе, худѣе, выше. Въ одной рукѣ онъ держалъ скипетръ, въ другой мечъ. Имя его было—Высокомѣріе.

Онъ швырнулъ Неле и Уленшпигеля на землю и сказалъ:

— Я—Богъ.

Затѣмъ рядомъ съ нимъ верхомъ на козѣ появилась красная дѣвка, въ раскрытомъ платьѣ съ голыми грудями и похотливымъ взглядомъ. Имя ея было Сладострастіе. За нею шла старая еврейка, собиравшая съ земли скорлупу чаичьихъ яицъ; имя ея было—Скупость; затѣмъ—жадный, прожорливый монахъ, пихающій въ себя колбасы и непре-

станно жующій, какъ и свинья, на которой онъ ѣхалъ; это было Обжорство. За нимъ, волоча ногу, тащилась Лѣнь, блѣдная и одутловатая, съ потухшимъ взглядомъ; Гнѣвъ подгонялъ ее уколами жала. Лѣнь ныла, скулила и, заливаясь слезами, падала въ изнеможеніи на колѣни. Затѣмъ двигалась худосочная Зависть съ змѣиной головой и щучьими зубами, кусая Лѣнь за то, что она слишкомъ благодушна, Гнѣвъ за то, что онъ слишкомъ порывистъ, Обжорство за то, что оно слишкомъ упитано, Сладострастіе за то, что оно слишкомъ красно, Скупость за ея скорлупу, Высокомѣріе за его пурпурную мантію и вѣнецъ.

И огоньки плясали вокругъ нихъ и жалобными голосами мужчинъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей взывали:

— Высокомѣріе, отецъ честолюбія, Гнѣвъ, источникъ жестокости, вы убивали насъ на поляхъ сраженій, въ темницахъ, въ застѣнкахъ, чтобы сохранить ваши скипетры и короны. Зависть, ты въ зародышѣ уничтожила множество благородныхъ и полезныхъ мыслей, мы души ихъ загубленныхъ творцовъ. Жадность, ты обращала въ золото кровь несчастнаго народа; мы духи твоихъ жертвъ. Сладострастіе, спутникъ и братъ убійства, породившій Нерона, Мессалину и Филиппа, короля испанскаго, ты покупаешь добродѣтель и создаешь подкупность; мы души погибшихъ. Лѣнь и Обжорство, вы грязните міръ, надо его очистить отъ васъ; мы души усопшихъ.

И послышался голосъ:

Въ навозѣ зерно проростаетъ.
Семь это зло, но семь и добро.
Дуракъ мудреца воспитаетъ.
Чтобы пепла добыть и угля немножко,
Что станетъ дѣлать бродячая мошка?

И огоньки говорили:—Мы пламя, мы возмездіе за былыя слезы, за горе народное; возмездіе господамъ, охотившимся на человѣческую дичь въ своихъ помѣстьяхъ; возмездіе за ненужныя битвы, за кровь, пролитую въ темницахъ, за людей, сожженныхъ на кострахъ, за женщинъ и дѣвушекъ, живьемъ зарытыхъ въ землю; возмездіе за прошлое, окровавленное и скованное. Мы пламя, мы души усопшихъ.

При этихъ словахъ семеро обратились въ деревянныя изваянія, не мѣняя ни въ чемъ своего первоначальнаго образа.

И голосъ воззвалъ:

— Уленшпигель, сожги дерево.

И Уленшпигель, обратившись къ огонькамъ. сказалъ: —Разъ вы—огонь, то дѣлайте свое дѣло.

И блуждающіе огоньки толпой окружили семерыхъ, которые загорѣлись и обратились въ прахъ.

И полилась рѣка крови.

Изъ пепла вышло семь иныхъ образовъ. Первый изъ нихъ сказалъ:—Имя мнѣ было Высокомѣріе; я называюсь теперь благородная Гордость. Другіе говорили тоже, и Уленшпигель съ Неле увидѣли, какъ изъ Скупости явилась Бережливость, изъ Гнѣва — Живость, изъ Обжорства — Аппетитъ, изъ Зависти—Соревнованіе, изъ Лѣности—Мечтательность поэтовъ и мудрецовъ. И Сладострастіе на своей козѣ обратилось въ красавицу, имя которой было Любовь.

И огоньки кружились вокругъ нихъ въ веселомъ хороводѣ.

Тогда Уленшпигель и Неле услышали тысячи голосовъ невидимыхъ мужчинъ и женщинъ; звонкіе, упоительные, они гремѣли, точно колотушки.

Когда воцарятся надъ землей и водой
Семеро, преображенные,
Радостно всѣ подымите чело:
Счастье—властитель вселенной.

И Уленшпигель сказалъ:—Духи издѣваются надъ нами.

И могучая рука схватила Неле за руку и швырнула ее въ пространство.

И духи пѣли:

Когда сѣверъ къ западу
Склонится съ лобзаніемъ,
Наступитъ терзаніямъ
Послѣдній конецъ.
Отыщи вѣнецъ.

— Увы!—сказалъ Уленшпигель:—сѣверъ, западъ, вѣнецъ. Темно вы вѣщаете, господа духи.

И они запѣли смѣшливо:

Сѣверъ это Нидерланды,
Западъ это Бельгія,
Вѣнецъ это союзъ,
Вѣнецъ это дружба.

— Вы совсѣмъ не такъ нелѣпы, господа духи, сказалъ Уленшпигель.

И они запѣли дальше:

Вѣнецъ, бѣдняга,
Свяжетъ вѣчнымъ союзомъ
Нидерланды и Бельгію.
Найди-же вѣнецъ.

Met raedt
En daedt;
Met doodt
En bloodt.

Совѣтомъ и дѣломъ,
Смертью и кровью,
Еслибъ такъ было суждено,
Не было бъ Шельды.

— Увы,—сказалъ Уленшпигель:—такова, стало быть, наша тяжелая жизнь: слезы людей и смѣхъ судьбы.

Союзъ крови и смерти,
Когда-бъ не Шельда,—

Повторили насмѣшливо духи.

И могучая рука схватила Уленшпигеля и швырнула его въ пространство.

10.

Неле, упавъ, протерла глаза и увидѣла передъ собой только солнце, восходящее въ золотистыхъ туманахъ, верхушки травъ, также залитыя золотомъ, и желтоватыя подъ лучами встающаго солнца перья уснувшихъ чаекъ; онѣ однако тутъ же проснулись.

Неле осмотрѣлась, увидѣла себя голой и наскоро одѣлась; затѣмъ, увидѣвъ Уленшпигеля, тоже голаго, накрыла его; въ увѣренности, что онъ спитъ, она тряхнула его, но онъ не двигался, точно мертвецъ. Ужасъ охватилъ ее. „Неужто—сказала она—я убила моего друга чародѣйскимъ снадобьемъ? Я тоже хочу умереть. О, Тиль, проснись! Онъ холоденъ, какъ мраморъ!“

Уленшпигель не пробуждался. Прошли двѣ ночи и день, и Неле, въ лихорадкѣ отъ горя, не засыпала подлѣ своего возлюбленнаго Уленшпигеля.

Утромъ второго дня Неле услышала звукъ колокольчика и увидѣла крестьянина, идущаго съ лопатой; за нимъ со свѣчой въ рукѣ шли бургомистръ и двое старшинъ, священникъ Ставенисѐе и причетникъ, держащій надъ нимъ зонтикъ.

Они шли, говорили они, со Св. Дарами для причащенія доблестнаго Якобсена, который изъ страха былъ гёзомъ, но, по минованіи опасности, возвратился въ смертный часъ въ лоно святой Римской Церкви.

Они стояли вокругъ Неле, заливавшейся слезами, и смотрѣли на тѣло Уленшпигеля, распростертое на травѣ и покрытое его платьемъ. Неле стала на колѣни.

— Дѣвушка, — сказалъ бургомистръ — что ты дѣлаешь подлѣ этого мертвеца?

Не смѣя поднять глаза, она отвѣчала: —Молюсь за моего друга, который палъ здѣсь, точно пораженный молніей: теперь я осталась одна и тоже хочу умереть.

— Гёзъ Уленшпигель умеръ,—сказалъ священникъ, задыхаясь отъ радости,—слава Богу! Мужикъ, выкопай живѣе могилу. Сними съ него его одежду до погребенія!

— Нѣтъ,—сказала Неле, вставъ и выпрямившись,—съ него ничего не снимутъ, не то ему будетъ холодно въ землѣ.

— Копай могилу,—сказалъ священникъ крестьянину съ лопатой.

— Хорошо,—сказала Неле, заливаясь слезами,—въ этомъ известковомъ пескѣ нѣтъ червей, и онъ останется невредимъ и прекрасенъ, мой возлюбленный.

И, обезумѣвъ отъ горя, она, рыдая, упала на тѣло Уленшпигеля, покрывая его поцѣлуями и слезами.

Бургомистръ, старшины и крестьянинъ были исполнены сожалѣнія, но священникъ не переставалъ весело повторять: —Великій гёзъ умеръ, слава Богу!

Затѣмъ крестьянинъ вырылъ могилу, положилъ въ нее Уленшпигеля и засыпалъ пескомъ.

И священникъ произносилъ надъ могилой заупокойную молитву; всѣ преклонили вокругъ колѣни. Вдругъ подъ пескомъ все закопошилось и Уленшпигель, чихая и стряхивая песокъ съ волосъ, схватилъ священника за горло.

— Инквизиторъ!—закричалъ онъ,—ты меня хоронишь живьемъ во время сна! Гдѣ Неле? Ее тоже похоронилъ? Кто ты такой?

— Великій гёзъ вернулся на этотъ свѣтъ!—закричалъ священникъ:—Господи владыка, возьми мою душу.

И онъ убѣжалъ, какъ олень отъ собакъ.

Неле подошла къ Уленшпигелю.

— Поцѣлуй меня, красавица,—сказалъ онъ.

И онъ снова оглядѣлся вокругъ; крестьяне убѣжали вслѣдъ за священникомъ, бросивъ на землю, чтобъ легче было бѣжать, лопатку, стулъ и зонтикъ; бургомистръ и старшины, зажавъ отъ страха уши, стонали, распростертые на травѣ.

Подойдя, Уленшпигель встряхнулъ ихъ.

— Развѣ возможно,—сказалъ онъ, —похоронить Уленшпигеля, духъ, и Неле, сердце нашей матери Фландріи? И она можетъ уснуть, но умереть—никогда! Пойдемъ, Неле.

И онъ пошелъ съ ней, распѣвая свою шестую пѣсню. Но никто не знаетъ, когда онъ спѣлъ послѣднюю.

Конецъ

Приложеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОВЫ[1]).

Господа художники, государи мои, господа издатели, господинъ поэтъ, я должна сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній касательно вашего перваго изданія. Какъ! Въ этой книжной громадинѣ, въ этомъ слонѣ, коего вы въ количествѣ восемнадцати человѣкъ попытались подвигнуть на путь славы, вы не нашли ни маленькаго малюсенькаго мѣста для птицы Минервы, мудрой совы, совы благоразумной? Въ Германіи и этой Фландріи, которую вы такъ любите, я путешествую непрестанно на плечѣ Уленшпигеля, который такъ прозванъ потому, что имя его обозначаетъ *сова* и *зеркало*, мудрость и комедія, Uyl en Spiegel. Обыватели Дамме, гдѣ онъ, говорятъ, родился, по закону стяженія гласныхъ и по привычкѣ произносить U вмѣсто Uy произносятъ „Уленшпигель". Это ихъ дѣло.

Вы сочинили другое объясненіе: Ulen вмѣсто Uliden и Spiegel—Ваше зеркало—ваше, господа крестьяне и дворяне, управляемые и управляющіе: зеркало глупостей, нелѣпостей и преступленій цѣлой эпохи. Это было остроумно, но не благоразумно. Никогда не надо разрывать съ традиціей.

Быть можетъ, вы нашли странной мысль воплотить мудрость въ образѣ птицы мрачной и забавной — на вашъ взглядъ — педанта въ очкахъ, балаганнаго лицедѣя, любителя потемокъ, беззвучно налетающаго и убивающаго раньше, чѣмъ слухъ уловилъ его появленіе: точно сама смерть. И однако, притворно-простодушные насмѣшники, вы похожи на меня. Нѣтъ ли и среди вашихъ ночей такихъ, когда рѣкой лилась кровь подъ ударами убійства, подкравшагося на войлочныхъ подошвахъ, чтобы не было слышно его приближенія? И ваша Всеобщая Исторія не знаетъ ли блѣдныхъ разсвѣтовъ, тусклымъ лучемъ озарявшихъ мостовыя, заваленныя трупами мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Чѣмъ живетъ ваша политика съ тѣхъ поръ, какъ вы царите надъ міромъ? Кровопролитіями и избіеніями.

Я, сова, гадкая сова, убиваю для того, чтобы жить, чтобы

---

[1]) Мы печатаемъ это предисловіе не передъ романомъ, но въ его заключеніе, такъ какъ въ этой послѣдовательности оно представляется намъ гораздо болѣе понятнымъ и интереснымъ для читателей. Примѣчаніе издателя Лакомблэ, впервые послѣ многолѣтняго промежутка выпустившаго въ свѣтъ романъ де-Костера, сообщаетъ, что предисловіе это, равно какъ гравюры, было приложено къ части перваго изданія (Lacroix Verboeckhoven et C-ie), въ сущности, единственнаго до 1893 года. Ред.

кормить моихъ птенчиковъ, я не убиваю, чтобы убивать. Если вы попрекаете меня тѣмъ, что мнѣ доводилось сожрать гнѣздышко съ птичками, то не могу ли я попрекнуть васъ избіеніемъ всего, что дышетъ на этомъ свѣтѣ? Вы наполнили цѣлыя книги трогательными разсказами о стремительномъ полетѣ птицы, о ея любовной жизни, о ея красотѣ, объ искусствѣ вить гнѣздо, о страхѣ самки за дѣтеныша; а дальше вы пишете, подъ какимъ соусомъ надо подавать птицу и въ какомъ мѣсяцѣ она жирнѣе и вкуснѣе. Я не пишу книгъ, упаси Господи, не то я бы написала, что, когда вы не можете съѣсть птицу, то вы съѣдаете гнѣздо, лишь бы зубы не были безъ дѣла.

Что до тебя, неблагоразумный поэтъ, то вѣдь тебѣ выгоднѣе было указать на мое участіе въ твоемъ твореніи, изъ коего по малой мѣрѣ двадцать главъ [1]) принадлежатъ мнѣ; прочія оставляю въ полную твою собственность. Это еще наименьшее зло—быть неограниченнымъ владыкой всѣхъ глупостей, которыя печатаешь. Громокипящій поэтъ, ты безъ разбора обличаешь тѣхъ, кого зовешь палачами родины, ты пригвождаешь Карла V и Филиппа II къ позорному столбу исторіи: ты не то, что сова, ты неблагоразуменъ. Убѣжденъ ты, что въ этомъ мірѣ уже нѣтъ Карловъ Пятыхъ и Филипповъ Вторыхъ? . . . .

. . . .

. . . .

---

[1]) Это утвержденіе точно. Поэтъ позаимствовалъ изъ маленькой фламандской брошюрки изъ коллекціи Ванъ-Памеля подъ заглавіемъ „Het aerdig leven van Thyl Ulenspiegel" (Земная жизнь Уленшпигеля) главы 6, 13, 16, 19, *24*, *35*, *39*, 41, 43, 47, 48, 52, 54, 55, *57—59* первой книги своего произведенія.

Цифры, отмѣченныя курсивомъ, означаютъ, что соотвѣтственныя главы можно скорѣе считать созданіями автора, чѣмъ заимствованіемъ. Затѣмъ всѣ главы кромѣ гл. 61—62 подверглись существенной переработкѣ.

Прочія, начиная съ гл. 56 до конца, всецѣло принадлежатъ г. Ш. де-Костеру, равно какъ книги II, III, IV и V,—созданія чистаго творчества.

Мы должны однако отмѣтить два исключенія: 1) проповѣдь Корнелиса Адріансена (книга II, глава 11) взята въ отрывкахъ изъ одного сборника 1590 года. Авторъ долженъ былъ соединить въ одно цѣлое разныя выдержки изъ поученій этого яростнаго проповѣдника, чтобы получить возможность, не повторяясь безпрестанно, представить точное изображеніе различныхъ сектъ XVI вѣка, 2) припѣвъ въ хорѣ гезовъ (книга III, глава V: Slaet op den trommele etc) заимствованъ изъ одной фламандской пѣсни этой эпохи.

Данныя изъ области исторіи, и среди нихъ разсказъ о разгромѣ собора Антверпенской Богоматери (книга II, глава 15) и „Пѣсня о предателяхъ" (книга V, глава 2), основаны въ первичномъ замыслѣ: разгромъ собора Богоматери на положительномъ утвержденіи высоко цѣнимаго лѣтописца Ванъ-Метерена, а Пѣсня о предателяхъ на документахъ безупречной подлинности, находящихся въ Государственномъ Архивѣ въ Брюсселѣ.

(Примѣчаніе первыхъ издателей).

. . . . Кто ищетъ ударовъ, отъ ударовъ погибнетъ. Есть люди, которые тебя не простятъ ни за что, да и я тебя не прощаю: ты нарушаешь мое благополучное мѣщанское пищевареніе.

Что это за упорное противопоставленіе ненавистнаго короля, съ дѣтства жестокаго—на то вѣдь онъ и человѣкъ,— и фламандскаго народа, который ты хочешь представить намъ такимъ самоотверженнымъ, жизнерадостнымъ, честнымъ и трудолюбивымъ? Кто сказалъ тебѣ, что этотъ народъ былъ хорошъ, а король плохъ? Я могла бы разумными доводами доказать тебѣ противное. Твои главныя дѣйствующія лица, безъ единаго исключенія, дураки или сумасшедшія: твой сорванецъ Уленшпигель берется за оружіе, чтобы бороться за свободу совѣсти; его отецъ Клаасъ умираетъ на кострѣ, ради утвержденія своихъ религіозныхъ убѣжденій; его мать Сооткинъ терзаетъ себя и умираетъ вслѣдствіе пытки, потому что хотѣла сохранить богатство для своего сына; твой Ламме Гоодзакъ идетъ въ жизни прямымъ путемъ, какъ будто въ этомъ свѣтѣ достаточно быть добрымъ и честнымъ... Гдѣ видано что-нибудь подобное? Я бы жалѣла тебя, еслибы ты не былъ смѣшонъ.

Правда, я должна признать, что рядомъ съ этими нелѣпыми личностями, у тебя можно найти нѣсколько фигуръ, которыя мнѣ по душѣ: таковы твои испанскіе солдаты, твои монахи, жгущіе народъ, твоя Жиллина, шпіонка инквизиціи, твой скаредный рыбникъ, доносчикъ и оборотень, твой важный баринъ, прикидывающійся по ночамъ дьяволомъ, чтобы соблазнить какую-нибудь дуру, и особенно этотъ умница Филиппъ II, который, нуждаясь въ деньгахъ, подстроилъ разгромъ святыхъ иконъ въ церквахъ, чтобы затѣмъ покарать за мятежъ, коего умѣлымъ подстрекателемъ былъ онъ самъ. Это лучшій путь,—когда ты призванъ быть наслѣдникомъ тѣхъ, кого убиваешь.

Но, мнѣ кажется, я говорю попусту. Ты, быть можетъ, и не знаешь, что такое сова. Сейчасъ объясню тебѣ.

Сова это тотъ, кто изподтишка брызжетъ клеветой на людей, которые ему въ чемъ-нибудь неудобны, и, когда ему предлагаютъ принять на себя отвѣтственность за свои слова, благоразумно восклицаетъ: „Я ничего не утверждаю. *Говорятъ*“. Онъ отлично знаетъ, что эти *„говорятъ“* неуловимы.

Сова это тотъ, кто втирается въ почтенную семью, ведетъ себя, какъ женихъ, бросаетъ тѣнь на дѣвушку, беретъ взаймы, иногда платитъ долгъ и исчезаетъ, когда больше взять нечего.

Сова—политикъ, который, надѣвъ личину свободомыслія,

неподкупности, любви къ человѣчеству, въ подходящій моментъ потихоньку возьметъ да придушитъ человѣка или націю.

Сова это купецъ, который поддѣлываетъ свои вина и съѣстные припасы, вмѣсто питанія даетъ несвареніе, вмѣсто веселья—ярость.

Сова это тотъ, кто ловко крадетъ, такъ что его не схватишь за шиворотъ, защищаетъ ложь противъ правды, раззоряетъ вдову, грабитъ сироту и торжествуетъ въ сытости, какъ другіе торжествуютъ въ крови.

„Совиха“ или „совица“—какъ хочешь, безъ игры словъ—это женщина, которая торгуетъ своими прелестями, растлѣваетъ лучшія сердца молодыхъ людей, заявляя, что это она ихъ „развиваетъ“, и бросаетъ ихъ безъ гроша въ карманѣ въ грязь, куда втянула ихъ.

Если она печальна иногда, если она вспоминаетъ, что она женщина, что она могла бы быть матерью, я ее не признаю. Если, истомленная этимъ существованіемъ, она бросается въ воду, это сумасшедшая, недостойная жить.

Осмотрись вокругъ, провинціальный поэтъ, и пересчитай, если можешь, совъ міра сего; подумай, разумно ли нападать, какъ ты дѣлаешь, на Силу и Коварство, этихъ царственныхъ совъ. Вернись къ себѣ, произнеси твое Mea culpa и вымоли на колѣняхъ прощеніе.

Твое довѣрчивое неразуміе занимаетъ меня однако; и потому, не взирая на мои извѣстныя привычки, я предупреждаю тебя, что предполагаю незамедлительно обличить откровенности и дерзновенія твоего слога предъ моими литературными родичами, сильными перьями, клювами и очками. Люди разсудительные и педантичные, они умѣютъ въ самой милой, самой пристойной формѣ, подъ всяческими дымками и прикровенностями разсказывать молодежи любовныя исторіи, родина которыхъ не только Киѳера, и которыя могутъ втеченіе одного часа, совершенно незамѣтно „довести до точки“ самую цѣломудренную Агнессу. О, дерзновенный поэтъ, такъ любящій Раблэ и старыхъ мастеровъ, эти люди имѣютъ предъ тобой то преимущество, что, оттачивая французскій языкъ они въ концѣ концовъ сточатъ его совсѣмъ на нѣтъ.

Бубулусъ Бубъ.

— —

Изъ крестьянской жизни.

(Окончаніе).

II. О томъ, какъ нашъ Макаръ ѣздилъ на выборы.

На выборахъ по волостямъ въ уѣздѣ кандидатовъ въ земскіе гласные у насъ выбрали Макара Сысалова, въ сосѣдней волости— писаря Кутасова—мѣстнаго крестьянина, а какъ прошли выборы по другимъ волостямъ, еще не было извѣстно.

Выборы Макара явились крупной побѣдой группы нашихъ „людей новаго свѣта" и результатомъ употребленія баллотировочнаго ящика на сходѣ. Очень просто: у Макара въ ящикѣ оказалось на 20 картошекъ больше, чѣмъ у Краснова.

Черезъ нѣкоторое время Макаръ получилъ повѣстку, гдѣ было написано: „уѣздный предводитель дворянства имѣетъ честь просить Васъ, Милостивый Государь, пожаловать для участія въ избирательномъ собраніи..." и т. д.

Все это было очень хорошо: и „Милостивый Государь" и „имѣетъ честь", но Макара этимъ не возьмешь, не таковъ человѣкъ нашъ Макаръ...

Ночью онъ лежалъ на полатяхъ и обдумывалъ рѣчь, какую онъ скажетъ на собраніи передъ выборами.

Нужно было значительно передѣлать рѣчь, сказанную имъ на волостномъ сходѣ...

„Что такое земство и его задачи тамъ, понятно, знаютъ,— думалъ Макаръ, ворочаясь на палатяхъ,—и что касается значенія земства для насъ — крестьянъ... А вотъ относительно реформы земскаго положенія выскажусь, разовью... А главное—о выборной системѣ распространюсь... о дворянахъ, землевладѣльцахъ... И еще—о нашемъ крестьянскомъ представительствѣ: молъ, въ настоящее время отъ крестьянъ часто проходятъ кулаки-буржуи, которые дѣйствуютъ (надо поярче) за свои интересы противъ трудового крестьянства и заодно съ землевладѣльцами. Еще часто проходятъ люди несознательные, неразвитые, которые только сидятъ и молчатъ на собраніи—вмѣсто мебели... Это—такъ... Нужно, молъ,—думалъ дальше Макаръ, ворочаясь съ боку на бокъ,—

выбирать изъ трудовыхъ крестьянъ, сознательныхъ и развитыхъ людей, которые бы могли протестовать"...

— Не клопы-ли тебя кусаютъ, Макарушка?—спрашивала мать, по старости плохо спавшая по ночамъ.

— Оставьте, пожалуйста,—отзывался Макаръ съ досадой.

„Нужно, чтобы они составили крѣпкую объединенную группу... Только трудовой крестьянинъ, какъ таковой, и постольку, поскольку онъ объединенъ"...—сочинялъ Макаръ засыпая...

Утромъ зашелъ писарь Кутасовъ—кандидатъ отъ сосѣдней Низовской волости. Они уговорились ѣхать на Макаровой лошади—расходы пополамъ.

Макаръ надѣлъ новую сатиновую рубаху, брюки на выпускъ, положилъ сѣна побольше, чтобы не покупать его на постояломъ. Сѣли они и поѣхали.

Ѣхали день и ѣхали ночь... Не шибко ѣхали: и конь у Макара былъ далеко не рысакъ, да и дороги не дозволяли.

Конечно, разговаривали, и Макаръ прежде всего пытался освѣдомиться, опредѣлить нѣсколько положеніе:

— А не знаете вы, Павелъ Михайлычъ, кто собственно прошелъ отъ другихъ прочихъ волостей?—спрашивалъ онъ.

— Да кому же быть, матушка моя, какъ не все тѣмъ же, что и были, — отвѣчалъ писарь. — Все тѣ же, полагать надо... Хо-хъ!.. Попридержите, голубушка, а то жмякнемся мы тутъ... Хо-хъ!

Телѣга жмякается въ выбоинѣ.

— Взяли-бы поправѣй, а то застрянемъ...

Держатъ поправѣй, застряваютъ въ грязи, трясутся по мосту и, съѣзжая, опять жмякаются въ грязь.

— Хо-хъ! Мать Пречистая!..

— Кому же быть, голубушка, какъ не прежнимъ... Недостаточному мужику тутъ не рука. Всякій разъ надо три-четыре дня потерять, а съ конемъ—это разсчетъ—влечетъ за собой большіе расходы-съ. Богатому-же это ничего не стоитъ, и у него другой разсчетъ... У него склады, торговыя помѣщенія и всякія заведенія: ему, изволите знать, присылаются окладные листы... И другіе есть разсчеты. Тутъ, голубчикъ, какъ говорится, не до дружка, а до своего брюшка... Хо, хе!

А, когда они ѣхали около села Большой-Поляны, писарь показалъ Макару на дамбу, что шла въ сторону Прудищъ:

— Видите дамбу и новый мостъ... тутъ живетъ Карпъ Иванычъ Широковъ и, чай, знаете, что у него тутъ стекольный заводъ и, кромѣ того, вся округа на него работаетъ веревку, — поэтому самому ему нужна была хорошая дорога и чтобы всегда въ исправности - съ... Онъ гласнымъ былъ, Карпъ-то Иванычъ... Какъ же... И опять, надо полагать, выберутъ...

Ѣхали они, ѣхали, и писарь говорилъ:

— Я васъ понимаю, голубчикъ, и весьма сочувствую: я тоже

не ради чего... а на счетъ народнаго блага... понимаю идею и тому подобное... Хо-хъ! Потише, голубушка! Тутъ языкъ прикусишь или организмы повредишь... Но я, не какъ вы; я другое дѣло: я могу при случаѣ съѣздить на волостныхъ,—это мнѣ ничего не стоитъ, и другія есть у меня соображенія... Будемъ, голубушка, поддерживать другъ друга, въ единенія—сила. Знаете? Хе-хе! —Писарь хитро подмигнулъ Макару и подержалъ за талію.—Вы, впрочемъ, какъ хотите: положите мнѣ или не положите, но я вамъ положу, мой шаръ считайте...

Макаръ возражалъ.

— Главное—надо дать возможность высказаться кандидатамъ. Пусть каждый изъ насъ выскажетъ свои взгляды...

— Конечно, конечно... Надо объединиться и все такое... Если, знаете ли, матушка моя, кое-кто будетъ изъ нашихъ передовыхъ, то можно будетъ сообразить, поворожить, знаете ли... Слышалъ я,—писарь даже голосъ понизилъ—что Широковъ съ Барминымъ совсѣмъ разладились... Враждуютъ-съ!

— Ну, такъ что же?

— А вотъ увидите что...

Ѣхали они, ѣхали и, наконецъ, пріѣхали.

Въ городѣ остановились они на постояломъ у Самохвалихи. Другой дворъ въ городѣ былъ у Гусева, остальные — грязные для простонародья и обозниковъ. Во время выборовъ въ Думу дворъ у Гусева наполнялся нашими „демократами" и интеллигенціей, а у Самохвалихи собирались люди болѣе грузные корпусомъ и правыхъ убѣжденій. У Гусева встрѣчались молодые люди въ очкахъ, косовороткахъ и кожаныхъ поясахъ. У Самохвалихи пили и закусывали, у Гусева только спорили и курили.

Макаръ распрягъ лошадь, далъ ей сѣна, захватилъ свой мѣшокъ и полѣзъ по лѣстницѣ наверхъ, куда уже прошелъ писарь Кутасовъ и гдѣ принимались пріѣзжіе почище.

На лѣстницѣ Макара остановила было толстая баба:

— Не туда, не туда лѣзешь, парень... Внизъ ступай!

— Нѣтъ, нѣтъ, сюда! — появился писарь. — Нашъ это, Анна Ивановна, тоже будущій гласный.

Анна Ивановна недовѣрчиво посторонилась и смѣрила нашего Макара съ ногъ до головы, — должно быть, подумала: „ишь ты, какой неподходящій".

Писарь ввелъ его въ горницу съ диванами, гдѣ за самоваромъ сидѣла компанія человѣкъ въ шесть, и сказалъ:

— Имѣю честь рекомендовать...

Макаръ поочередно жалъ пухлыя потныя ладони, а писарь знакомилъ: Щуровъ — отъ Юматовской волости, Кряжевъ — изъ Каменки, Хрюковъ, Самоваровъ, Барминъ...

Только старикъ Кряжевъ подалъ Макару два пальца, остальные —какъ слѣдуетъ.

„Пузаны",—сказалъ себѣ Макаръ.

Въ центрѣ былъ огромный самоваръ и его здѣсь уже два раза подогрѣвали—„съ дороги пьется". Только молодой Барминъ не пилъ чай, но онъ былъ человѣкъ уже другого сорта: онъ былъ уже настолько богатъ, что постоянно жаловался на свои слабые нервы и на настроеніе. Онъ носилъ галстукъ и манжеты, былъ пухлый и бѣлый, пухлыя руки его были покрыты веснушками. И сидѣлъ онъ нѣсколько въ сторонѣ, съ видомъ усталымъ, меланхоличнымъ, и кушалъ яйца въ смятку. Подъ остальными, что называется, стулья гнулись: все бородатый, волосатый, широкій — въ два обхвата, тяжелый народъ. Не наблюдали ли вы, что богатый мужикъ пухнетъ на деньгахъ, какъ опара на дрожжахъ, и тотчасъ же худѣетъ, какъ только начинаетъ худѣть его кошель? Какъ онъ живетъ, т. е. наживаетъ, можно безошибочно бываетъ опредѣлить по наружному виду.

Были дѣйствительно здѣсь все „тѣ-же", и Макаръ нашъ почувствовалъ себя плохо.

Если предложить имъ,—думалъ онъ—обмѣняться взглядами на задачи земства и реформу земскаго положенія, чтобы познакомиться, то изъ этого едва-ли что выйдетъ, и ужь во всякомъ случаѣ заготовленная имъ рѣчь здѣсь не годилась—это Макаръ понималъ.

— Человѣкъ надежный и понимающій,—рекомендовалъ писарь Макара компаніи и особо Бармину:—нашъ, человѣкъ передовой...

Послѣ этого сосѣдъ справа сейчасъ-же досталъ изъ-за самовара бутылку, налилъ и сказалъ кратко:

— Ну-ка, для знакомства?

— Не употребляю,—скромно, но съ достоинствомъ отклонилъ Макаръ.

— Ну, ну... не ломайся!—и сосѣдъ дружески съѣздилъ бѣднаго Макара вдоль спины.

— Ахъ, не то,—поморщился Барминъ.—Нужно понимать, съ кѣмъ имѣешь дѣло...

Сосѣдъ понялъ и налилъ изъ другой бутылки, коньяку. Но и отъ коньяку Макаръ рѣшительно отказался.

— Пей, не сумлѣвайся! Намъ это ни къ чему...

Макаръ былъ непоколебимъ: „ишь, буржуи, первая ихъ манера подпоить; ну, да меня этимъ не возьмешь".

Произошла нѣкоторая заминка.

Потомъ мужики продолжали свой разговоръ. Вздыхая отъ сытости, поговорили о дѣлахъ съ пенькой, о цѣнахъ на шерсть — разговоръ неинтересный; потомъ завели ерническій, скоромный разговоръ на счетъ писаря Кутасова, который будто бы толстыхъ бабъ любитъ,—разговоръ, для Макара противный.

Писарь былъ тутъ свой человѣкъ, а Макару было не по себѣ: и разговоръ противный, и дѣлать здѣсь ему, Макару, нечего.— „Пузаны,—ругался онъ про себя,—не только пить, воровать съ вами не пойду вмѣстѣ“...

Онъ рѣшительно взялся за шапку.

— Постой малость...—остановили его.—Значитъ, ты, парень, нашу руку держишь?

— Я еще не рѣшилъ,—совралъ Макаръ.

— А чего тутъ торговаться... И торговаться нечего—будь съ нами, а ужь мы тебя, братъ, проведемъ... Не сумлѣвайся! Давай руку? И сосѣдъ Щуровъ даже шлепнулъ Макара по рукѣ.

Когда Макаръ вышелъ, вмѣстѣ съ нимъ будто случайно вышелъ Барминъ и пригласилъ за перегородку.

— Я васъ понимаю, господинъ Сысаловъ, я самъ изъ принциповъ и имѣю убѣжденія... тоже желаю вести борьбу за разныя идеи... Въ настоящее время у насъ, видите-ли, происходитъ партійность: Широковъ Карпушка со своей шайкой стремится пройти въ гласные, чтобы обдѣлывать себѣ разныя темныя дѣлишки, и распускаетъ про меня всякую пропаганду... Не брезгуя никакими средствами, онъ присоединилъ къ себѣ человѣкъ десять. Но это ничего не значитъ, потому что гласныхъ надо выбрать только пять, а не десять... Не понимаете? Ну, поймете тамъ...— И, понизивъ голосъ продолжалъ:—Мы съ вами, господинъ Сысаловъ, люди передовые и понимаемъ другъ друга, я буду говорить прямо: видѣли сами, какой народъ,—кивнулъ онъ на перегородку—а всѣ хотятъ въ гласные... Если вы присоединитесь, насъ будетъ 7 человѣкъ, а гласныхъ надо 5, но вы не безпокойтесь... Видите ли, конечно, это секретъ, между нами (Барминъ даже дверь притворилъ). Кряжева и Хрюкова мы забаллотируемъ, а васъ проведемъ... обязательно. Только они этого не должны знать, пусть они думаютъ, что мы ихъ выбирать будемъ, а мы ихъ забаллотируемъ...

— Ну, и жулики, однако...—подумалъ Макаръ.

Пошелъ онъ внизъ, поѣлъ студню съ хрѣномъ, навязалъ коню торбу и, не теряя времени, отправился на постоялый дворъ Гусева, гдѣ собралась, по словамъ Бармина, „шайка“ Широкова.

Здѣсь у Самохвалихи было нечего дѣлать Макару—это ясно но онъ надѣялся встрѣтить людей у Гусева. Онъ дипломатически умолчалъ передъ Барминымъ о своемъ твердомъ намѣреніи накласть черпяковъ немедленно всѣмъ его „пузанамъ“ безъ исключенія. —„Пусть они считаютъ, что я съ ними, и выбираютъ меня, а я ихъ, пузановъ, надую... Ничего не подѣлаешь, выборная борьба... вонъ даже въ Западной Европѣ“...

Къ удивленію Макара, писарь Кутасовъ былъ уже здѣсь, у Гусева.

— Имѣю честь рекомендовать,—сказалъ писарь, ничуть не смущаясь.—Человѣкъ понимающій...—И познакомилъ Макара.

Въ центрѣ на столѣ былъ тоже самоваръ, а у стола огромный, какъ копна, хмурый и сонный Широковъ, а вокругъ, увы, тоже „лузаны“.

Широковъ только повелъ запухшими глазами на Макара, а рядомъ съ нимъ—старикъ съ серебряной бородой, подпоясанный высоко поверхъ живота шелковымъ монастырскимъ пояскомъ съ молитвой—высоко поднялъ и осторожно положилъ бѣлую цѣпкую руку на ладонь Макара и спросилъ: „какъ по-батюшкѣ“?

Всѣмъ распоряжался гладкій, круглый, какъ поросенокъ, кулачишко Палкинъ. Остальные были все „тѣ-же“.

— А-а! Наше вамъ... — налетѣлъ на Макара Палкинъ.— Ну-ка, добрый человѣкъ, лѣзь сюда на минутку! Заворачивай въ этотъ переулокъ!

И потащилъ Макара за перегородку.

Тоже за перегородку.

Здѣсь было гораздо основательнѣе, чѣмъ у Бармина. Большой столъ былъ весь уставленъ бутылками и трое кандидатовъ уже ничего не могли сказать Макару, только пялили на него пьяные глаза и шевелили пальцами. Партія Широкова вела дѣятельную агитацію.

— Ну-ка, для первоначала... У насъ братъ по просту, не какъ у Бармина, безъ нервовъ...

Но Макаръ былъ твердъ, какъ скала. Только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ на столь поддавшихся агитаціи Широкова кандидатовъ и вышелъ.

У самовара старикъ съ серебряной бородой цѣпко ухватилъ Макара и усадилъ съ собой рядомъ.

— Такъ, такъ... разскажи-ка намъ, Макаръ... какъ по-батюшкѣ? разскажи, что тебѣ нашъ баринъ, господинъ Барминъ, пѣлъ? Хорошо онъ поетъ, только гдѣ-то сядетъ... хе, хе!

— Въ калошу сядетъ,—подхватилъ Палкинъ.

— Ошибется баринъ на сей разъ, ошибется...

— Вполнѣ можетъ ошибиться-съ,—скромно подтянулъ и писарь Кутасовъ.

— Сволочь! Молокососъ!—рявкнулъ Широковъ.

— И напрасно ты, молодой человѣкъ, приписался къ этой шайкѣ. Напрасно... Я бы не совѣтовалъ,—зловѣще предостерегалъ старикъ.

И объяснилъ Макару, что всѣ Бармины—и отцы, и дѣды, и прадѣды—были воры и мошенники, Щуровъ—двѣ волости обокралъ, а Кряжевъ—фальшивыми бумажками занимается и, кромѣ того, со снохой живетъ... Потомъ убѣждалъ Макара старикъ, что ему, Макару, нѣтъ разсчета съ мошенниками связываться, потому что „силы въ нихъ не заключается“ — въ ихъ шайкѣ только ше-

стеро, а здѣсь вдвое... Если Макаръ присоединится къ нимъ, то они обязательно выберутъ его въ гласные: „на счетъ этого будь безъ сумлѣнія!"... „Имъ даже нуженъ человѣкъ съ понятіемъ, такой, какъ Макаръ, чтобы иной разъ въ книгахъ могъ разобраться—потому тутъ въ управѣ всякаго мошенства сколько хочешь"...

Выслушавъ, нашъ Макаръ прежде всего энергично протестовалъ противъ предположенія, что онъ присоединился къ кому бы то ни было, „приписался"... Онъ не присоединялся и полагаетъ только, что выбирать надо достойныхъ людей, поэтому очень бы хотѣлъ познакомиться со взглядами господъ кандидатовъ, находящихся здѣсь, на задачи земства, на роль земства въ культурно-экономическомъ строительствѣ, на реформу земскаго положенія и другое прочее... А также узнать хотѣлъ бы, кого именно намѣчаютъ здѣсь кандидатами на голосованіе, и вообще опредѣлить кандидатовъ, согласиться... Онъ предлагалъ бы высказаться.

— Такъ вотъ ты и скажи первый, а мы послушаемъ—предложили Макару.

Макаръ не заставилъ себя долго просить, всталъ, откашлялся и началъ:

— Мнѣ кажется, господа, что я долженъ начать прежде всего съ избирательной системы, совсѣмъ неправильной въ настоящее время; потомъ я выскажу свой взглядъ на роль земства въ культурно-экономическомъ строительствѣ и затѣмъ буду говорить о реформѣ земства, которой намъ нужно энергично добиваться... Такъ вотъ, господа... въ настоящее время я прежде всего начну объ избирательной системѣ. Избирательный законъ въ настоящее время существуетъ такой, что вся земская дѣятельность оказывается въ рукахъ помѣщиковъ и богачей; намъ—крестьянамъ—нужно стремиться къ тому, чтобы законъ былъ демократическій, чтобы демократія...

— За-абастовщикъ!—выговорилъ одинъ изъ-за перегородки, пяля на Макара пьяные глаза.

— Я просилъ бы не перерывать меня... Чтобы демократія... Я говорю, въ настоящее время... чтобы демократія...

— З-забастовщикъ!—повторилъ пьяный и погрозилъ пальцемъ.

Макаръ плюнулъ и сѣлъ.

„Пузаны" съ усмѣшкой пожурили пьянаго, а старикъ съ серебряной бородой сказалъ Макару:

— Ты это тово... Макаръ—какъ по-батюшкѣ?—ничего сказалъ... можешь. Только, тово, молодой человѣкъ, законъ нельзя порицать... это—зря.

„Дурачье!"—выругался про себя Макаръ и не сталъ ждать, что кто-нибудь еще пожелаетъ высказаться.

Но, собираясь уходить, онъ сдѣлалъ еще попытку. Попытался узнать Макаръ: кого же „проводить" будетъ партія, кто ея кандидаты?

— Кто кому по душѣ, молодой человѣкъ, тотъ тому и положитъ шарикъ. А тебя мы выберемъ, ты не сумлѣвайся... да, хе, хе! Только держись за насъ, а ужь мы...

Макаръ понялъ, что кандидатовъ здѣсь не называли потому что всѣ хотѣли въ гласные и никто бы никому не уступилъ.

— Ну, и публика...—думалъ онъ съ сокрушеніемъ, выходя на улицу и пробуя перескочить черезъ большую у крыльца лужу.

На улицѣ было темно и шелъ дождикъ.

На улицѣ Макара догналъ писарь Кутасовъ, человѣкъ вездѣсущій.

— Айда, голубушка, въ кабачишко: чайку попьемъ, потолкуемъ... Кое-кто придетъ...

Заняли они отдѣльный номерокъ въ трактирѣ Хрѣнова, спросили чаю, и сейчасъ же сюда пришли трое изъ „партіи Широкова“: одинъ—отъ Каменской волости, другой—изъ Иволжанъ, уже бывшій гласнымъ, и третій—тоже бывшій гласный истекшаго трехлѣтія.

— Вотъ что, голубчики,—началъ писарь, покрѣпче притворивъ дверь,—какъ бы намъ въ дуракахъ не остаться?

— Мы и сами объ этомъ соображаемъ, Михайлычъ!—дружно откликнулись трое.

— Насъ съ вами за носъ водятъ, ангелы...

Всѣ трое навострили уши.

— Кандидаты-то мнѣ извѣстны, и насъ съ вами въ ихъ числѣ нѣтъ.

— Ну, ну! Не тяни, сдѣлай милость!

— Во-первыхъ, конечно, Широковъ и старикъ Аридовъ, два свата Широкова—Костроминъ и Ногтевъ, а пятаго... не знаю.

— Вѣрно?

— Безусловно. Сказано по секрету... Конечно, и я вамъ по секрету, чтобы ни-ни...

— Та-акъ. Значитъ, насъ за носъ водили... Ловко.

Состоялся совѣтъ и былъ заключенъ союзъ. Было постановлено голосовать только другъ за друга, всѣмъ другимъ класть черняковъ и держать соглашеніе въ тайнѣ.

Разсчетъ былъ таковъ: авось по незнанію кое-кто все-таки имъ будетъ класть направо, со своими пятью шарами, авось, и составится нужное большинство и ужь, во всякомъ случаѣ, у каждаго изъ соперняковъ будетъ на пять черняковъ больше.

— Вотъ плуты!—удивлялся Макаръ, а самъ думалъ: ну, да ладно, пусть они мнѣ кладутъ направо, а я имъ всѣмъ налѣво. И все-таки Макаръ чувствовалъ большую неловкость.

Когда они выходили отъ Хрѣнова, въ дверяхъ встрѣтилась другая компанія. Тутъ были члены отъ обѣихъ враждующихъ партій:

вмѣстѣ съ Палкинымъ былъ Кряжевъ и другой—изъ партіи Широкова, котораго Макаръ не зналъ.

— Чай пить вотъ идемъ,—объяснилъ Палкинъ предупредительно.

— А мы уже попили вотъ,— отвѣтилъ писарь.

— Тоже... гуси,—кивнулъ онъ Макару.—Прости Господи мои великія согрѣшенія!

— Скажите, матушка моя, что такое вамъ говорилъ давече господинъ Барминъ за перегородкой? — спросилъ писарь, какъ только они остались одни по дорогѣ до постоялаго.—Конечно, если это не секретъ, и вообще все останется между нами—Боже сохрани...

- А наплевать мнѣ на всѣ секреты,—легкомысленно отвѣтилъ Макаръ.—Говорилъ Барминъ, что Кряжева и Хрюкова они собираются надуть, забаллотировать, значитъ, а меня выберутъ.

— Прости Господи мои великія согрѣшенія, — повторилъ писарь, усмѣхнулся и пожалъ плечами.

У Самохвалихи внизу уже спали. Въ верху ихъ встрѣтилъ Барминъ въ халатѣ и туфляхъ. Нетерпѣливо своимъ разслабленно-нѣжнымъ голосомъ спросилъ писаря: ну что, какъ?.. И увелъ его за перегородку.

Въ той комнатѣ, гдѣ давече „пузаны“ чай пили, теперь одинъ изъ нихъ Богу молился, собираясь спать, другой уже спалъ. Въ непритворенную дверь Макаръ видѣлъ широкую спину и голыя пятки его и не пошелъ сюда, а спустился внизъ и забрался на палати.

— Значитъ, писаря къ Гусеву посылалъ Барминъ, — думалъ Макаръ на палатяхъ.—Теперь писарь разсказываетъ, что подслушалъ и разузналъ у Широкова. Ло-овко! Вотъ жулики, ну, и жулики только!..—Макарь былъ очень недоволенъ собой, но утѣшался:—ладно, вотъ выберутъ меня въ гласные, я имъ покажу себя!

На другой день на избирательномъ собраніи Макаръ уже не попытался высказаться.

Предводитель прочелъ законъ о порядкѣ выборовъ, пожелалъ успѣха и удалился.

Въ предсѣдатели дружно просили Широкова.

— Карпа Иваныча! Карпа Иваныча, — кричали и особенно усердно изъ партіи Бармина.

Широковъ съ большимъ удовольствіемъ и важностью разгладилъ бороду на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

Писали записки съ именами кандидатовъ и, когда подсчитали ихъ, оказалось, что всѣхъ больше записокъ получилъ тоже Широковъ; за нимъ шли два его свата и Аридовъ. Имя Макара Сыса-

лова повторялось 6 разъ, рядомъ съ нимъ шелъ писарь Кутасовъ, и только двѣ записки получилъ Барминъ.

— Это ничего не значитъ,—подумалъ Макаръ и даже съ уваженіемъ посмотрѣлъ на бывшихъ съ нимъ въ трактирѣ Хрѣнова,—не обманули, дескать. Для избранія достаточно было имѣть десять шаровъ въ правомъ ящикѣ.

Стали баллотировать шарами.

Широковъ, снисходительно давъ согласіе на баллотировку, удалился, какъ это и слѣдуетъ, на время баллотировки въ сосѣднюю комнату и возвратился съ тѣмъ же снисходительнымъ и важнымъ видомъ.

— Р-разъ!..—громко выкрикивалъ подсчитывавшій шары—два!.. три!.. че-тыре!..

Скроилъ изумленную рожу и сказалъ:—больше, братцы, ничего нѣтъ...—И даже постучалъ въ дно перевернутаго ящика.

Въ толпѣ проползла ехиднѣйшая усмѣшка.

Широковъ покраснѣлъ, какъ арбузъ, и даже выговорить ничего не могъ, только шевелилъ пальцами. Макару было совѣстно взглянуть на него.

Слѣдующій—сватъ Широкова Ногтевъ—получилъ тоже четыре. Трое за нимъ одинъ за другимъ отказались, и старикъ Аридовъ низко поклонился и произнесъ:—Покорно благодарю за честь!—А руки у него дрожали.

И другіе двое отказались.

— Такъ ихъ и надо,—думалъ нашъ Макаръ.

Баллотировались послѣ нихъ двое изъ бывшихъ съ Макаромъ въ трактирѣ Хрѣнова и оба раза на тарелку звонко стукнулось по три шара, а злорадствующій теперь Широковъ на всю залу оралъ:

— Избирательныхъ—три! Неизбирательныхъ—четы-ырнадцать!

Это уже было не совсѣмъ понятно: если пятеро съ Широковымъ теперь клали на-лѣво, то и съ Барминымъ было только пятеро...

Писарь Кутасовъ поблагодарилъ, поломался, но согласился и оказался избраннымъ: въ его ящикѣ оказалось цѣлыхъ 11 шаровъ.

Наступила очередь Макара.

Макаръ съ большимъ достоинствомъ поклонился въ знакъ согласія, но во все время баллотировки волновался и, возвратясь къ подсчету шаровъ, волновался.

Открыли ящикъ.

— Р-разъ!.. — сказалъ предсѣдатель, и на тарелку звонко стукнулся одинокій шаръ.

Стукнулся и звукъ его замеръ печально.

— Макаръ Сысаловъ: избирательныхъ... одинъ! Неизбирательныхъ—17! — прокричалъ Широковъ, и тихо добавилъ: и одинъ — свой.

И, какъ нарочно, „пузанъ" во всю глотку прокричалъ...

— Только мой шарикъ, значитъ... — съ сожалѣніемъ пожалъ плечами сосѣдъ писарь, и совралъ.

Выбрали потомъ еще кого-то... Макаръ уже не помнитъ, кого, и баллотировавшагося послѣ всѣхъ Бармина выбрали, потому что онъ, хитрая бестія, баллотировался послѣднимъ. А двоихъ такъ и не добрали.

Когда читали протоколъ, Макару еще разъ пришлось выслушать:—Макаръ Сысаловъ... избирательныхъ—1, неизбирательныхъ 17 и одинъ—свой.

Послѣ собранія Макаръ немедленно запрягъ свою лошадь и не оглядываясь, поѣхалъ домой.

— Ахъ, и жулики же!.. Ну, и подлые!—бранился Макаръ всю дорогу, понукая мерина и жмякаясь на выбоинахъ.

Около Полянской гати мимо его промчался, обдавъ грязью, Барминъ на парѣ караковыхъ. Съ нимъ сидѣлъ писарь Кутасовъ и они весело разговаривали. Макаръ послалъ имъ въ догонку чертей и погрозилъ кулакомъ.

Такимъ вотъ образомъ по нашему уѣзду и получился недоборъ гласныхъ отъ крестьянъ, о чемъ и писали въ мѣстной газетѣ, весьма сѣтуя на это „постоянное явленіе на выборахъ по крестьянской куріи“.

С. Матвѣевъ.

Ночная мелодія.

Поля. И мѣсяцъ надъ пустыней.
Какая даль!
Туманомъ стелется и стынетъ
Въ долу печаль,

Печаль о вечерѣ минувшемъ,
О лѣтнемъ днѣ,
О солнцѣ, ало потонувшемъ
Въ иной странѣ.

Журчитъ и плачется размѣрно
Въ ручьѣ струя,
И, какъ ребенокъ, суевѣрна
Душа моя.

П. Радимовъ.

ИЗЪ АНГЛІИ.

Три Армагеддона.

I.

Король Генрихъ V въ шекспировской хроникѣ объясняетъ жителямъ осажденнаго Гарафлёра, что мирное населеніе должно страдать во время войнъ.

Какой уздой возможно удержать
Стремленіе неукротимой злобы,
Когда она закуситъ удила
И подъ гору, какъ дикій конь, несется?
Остановить солдатъ ожесточенныхъ,
Когда они предались грабежу,—
Все то же, что велѣть Левіаѳану,
Чтобъ на берегъ изъ моря вышелъ онъ.

говоритъ король. И страницы исторіи говорятъ намъ про то, какъ жестоко страдало *мирное* населеніе во время войны. Мы въ XV вѣкѣ. Мѣсто дѣйствія то же, гдѣ и теперь кипитъ война. „То была прекрасная война,—говоритъ романистъ-историкъ.—Обѣ стороны отбирали у мирнаго населенія хлѣбъ, вино, деньги, посуду, платье, мелкій и крупный скотъ да жгли огнемъ все то, чего нельзя было унести. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей облагали выкупомъ. Въ большинствѣ деревень полевыя работы остановились. Всѣ мельницы были сожжены... Отряды солдатъ объѣзжали Лотарингію, предавая все мечу и огню. Крестьяне на день прятали своихъ лошадей въ пещеры и выгоняли ихъ лишь ночью на пастбище... Все населеніе въ деревняхъ, въ томъ числѣ и кюрэ, караулили поочередно на колокольнѣ. Какъ только на дорогѣ показывалась пыль или зарево пожара ночью, дозорный ударялъ въ набатъ. Тогда крестьяне спѣшно убѣгали со своей скотиной въ лѣсъ, за Мёзу“ [1]).

Мы въ XVI вѣкѣ. Чтобы опредѣлить точнѣе, въ 1558 году. Только что началась Ливонская война. Болѣе всѣхъ была опустошена Дерптская провинція—говоритъ историкъ.—Ратные люди сожигали села,

---

[1]) Anatole France, „La vie de Jeanne d'Arc“, vol. I, стр. 29.

деревни и посады до тла, истребляли хлѣбъ въ скирдахъ и амбарахъ, загоняли скотъ въ загоны и тамъ его сожигали; малыхъ дѣтей, моложе десяти лѣтъ, прокалывали копьями и втыкали на плетни; не щадили и тѣхъ, которые были старѣе двадцати лѣтъ, терзали ихъ страшными муками, напримѣръ: связавши, насыпали имъ на бока порохъ и зажигали его; другихъ обмазывали горячей смолой и зажигали; беременнымъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; красивыхъ женщинъ насиловали; иныхъ изъ нихъ послѣ того уводили съ собою и продавали другъ другу; другихъ замучивали затѣйливыми способами, какъ, напримѣръ, обрѣзывали имъ сосцы, привѣшивали къ деревьямъ и разстрѣливали стрѣлами; у дѣтей вырѣзывали сердца, вѣшали на деревья и стрѣляли въ нихъ изъ лука. Въ плѣнъ брали обыкновенно только юношей и дѣвицъ, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ отъ роду [1]).

Пододвигаемся къ „вѣку разума" еще на одно столѣтіе. Мы теперь въ XVII вѣкѣ. Тилли только что взялъ Магдебургъ. „Началась страшная рѣзня,—говоритъ историкъ—для воспроизведенія которой нѣтъ языка у исторіи, нѣтъ кисти у искусства. Ни невинный дѣтскій возрастъ, ни безпомощная старость, ни юность, ни полъ, ни положеніе, ни красота не помогли обезоружить ярость побѣдителя. Женщинъ насиловали въ присутствіи ихъ мужей, дочерей у ногъ ихъ отцовъ, и безпомощный полъ имѣлъ одно преимущество—быть жертвой удвоенной ярости. Ничто—ни потаенность мѣста, ни святость его—не могло спасти отовсюду проникавшей жадности. Въ одной церкви нашли пятьдесятъ три обезглавленныхъ женщинъ. Кроаты забавлялись тѣмъ, что бросали дѣтей въ огонь... Ужасы продолжались безъ перерыва, пока, наконецъ, дымъ и пламя не остановили грабежъ. Для того, чтобы усилить замѣшательство и сломить сопротивленіе гражданъ, еще съ самаго начала прибѣгли къ поджогу. Теперь поднялась буря, разнесшая огонь по всему городу, и пожаръ со страшной быстротой охватилъ все. Ужасна была сутолока среди чада и труповъ, между сверкающихъ мечей, среди обрушивающихся домовъ и потоковъ крови" [2]).

„Менѣе, чѣмъ въ двѣнадцать часовъ, многолюдный большой Магдебургъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ Германіи, былъ обращенъ въ пепелъ за исключеніемъ двухъ церквей и нѣсколькихъ хижинъ". Подобная же картина была всюду. „Пустыни простирались тамъ, гдѣ нѣкогда кишѣли тысячи бодрыхъ и дѣятельныхъ людей, гдѣ природа изливала свои благостные дары, гдѣ царили богатства и благосостояніе. Въ полномъ запущеніи лежали одичавшія поля, покинутыя трудолюбивой рукой пахаря, и, гдѣ прежде всходили молодые побѣги, тамъ одинъ военный маневръ

[1]) Н. И. Костомаровъ, „Собраніе сочиненій", т. I, стр. 568.
[2]) Шиллеръ, „Исторія Тридцатилѣтней войны".

уничтожалъ трудъ цѣлаго года, послѣднюю надежду изнемогшаго народа. Сожженные замки, запущенныя поля, погорѣвшія деревни тянулись на протяженіи многихъ миль, являя картину страшнаго разрушенія, между тѣмъ какъ ихъ ограбленные обитатели умножали число разбойничьихъ шаекъ, страшными насиліями вымещая на своихъ спасшихся согражданахъ то, отъ чего пострадали сами. Не было иного спасенія отъ угнетенія. Было одно спасеніе отъ мученій—стать самому мучителемъ. Города стенали подъ бичомъ разнузданныхъ разбойничьихъ гарнизоновъ, поглощавшихъ достояніе гражданина и съ невѣроятнымъ своеволіемъ осуществлявшихъ вольности войны, преимущества своего занятія и права необходимости... Всѣ узы порядка были расторгнуты... Исчезло уваженіе къ человѣческимъ правамъ, страхъ предъ законами, чистота нравовъ, сгинула вѣра и вѣрность, и лишь сила царила одна съ своимъ желѣзнымъ скипетромъ... Люди одичали вмѣстѣ съ пажитями“ [1]).

Таковъ отвѣтъ исторіи на знаменитый тезисъ, выставленный геніальнымъ романистомъ: „Долгій миръ, а не война, звѣритъ и ожесточаетъ человѣка. Долгій миръ всегда родитъ жестокость, трусость и грубый, ожирѣлый эгоизмъ, а главное—умственный застой... Страшно развивается сладострастіе. Сладострастіе родитъ жестокость и трусость... Теряется вѣра въ солидарность людей, въ братство ихъ“ [2]).

Перейдемъ еще на вѣкъ ближе къ намъ. Мы въ XVIII вѣкѣ. Идетъ общеевропейская борьба, извѣстная подъ названіемъ войны за испанское наслѣдство. Англія и Голландія начали борьбу съ Франціей за свои жизненные интересы. Не говоря уже о соперничествѣ въ морской торговлѣ и другихъ важныхъ дѣлахъ,—читаемъ мы въ трудѣ „Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность“,—вспомнимъ только, что Людовикъ XIV хотѣлъ завоевать Голландію и вооруженною рукою возвратить въ Англію Стюартовъ, которые были его вассалами и правленіе которыхъ грозило погибелью всему, что было священно для англичанина, отъ протестантской религіи до гражданскихъ законовъ. Австрія имѣла въ войнѣ съ Франціей очень важный интересъ, если не народный, то, по крайней мѣрѣ, государственный; дѣло шло о томъ, австрійскому или французскому вліянію первенствовать въ западной Европѣ, господствовать въ Испаніи, Италіи, испанскихъ Нидерландахъ. Эти вопросы были совершенно чужды интересамъ Германіи; она не могла выиграть въ этой распрѣ, каковъ бы ни былъ конецъ, и не имѣла причины вмѣшиваться въ войну. Но съ одной стороны подкупалъ германскихъ князей Людовикъ XIV субсидіями, съ другой—императоръ обѣщаніями повышеній въ титулахъ. Потому въ Готѣ и въ Вольфенбюттелѣ начали вербовать войска для французскаго короля...

---

[1]) Ib.

[2]) Достоевскій, „Дневникъ писателя“.

Ганноверскія войска заняли непокорныя области. При посредничествѣ бранденбургскаго курфюрста, войска, навербованныя для французовъ, отданы были въ распоряженіе императора. Курфюрсты баварскій и кёльнскій на деньги, данныя Людовикомъ XIV, вербовали войска, которыя, вмѣстѣ съ французами, жгли и грабили германскія области... Курфюрстъ кёльнскій хвалился, что на двадцать миль отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояла его главная квартира, не осталось ни одного поселянина.

Въ продолженіе XIX вѣка на цѣломъ рядѣ конгрессовъ обсуждались права „не комбатантовъ". Написана гора книгъ, въ которыхъ тщательно выговариваются эти права. И въ результатѣ, хотя насъ отдѣляетъ отъ намѣченныхъ ужасовъ „вѣкъ разума", никогда кажется мирное населеніе не страдало такъ отъ завоевателей, какъ теперь. Предо мною только что вышедшая Синяя книга (Cd. 7894), представляющая собою отчетъ спеціальнаго комитета, назначеннаго Британскимъ правительствомъ для изслѣдованія, насколько справедливы обвиненія въ жестокости, возводимыя на германскія войска. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ лордъ Брайсъ, авторъ классическаго труда „The American Commonwealth", хорошо извѣстнаго и у насъ въ Россіи. Брайсъ—юристъ съ міровымъ именемъ, осторожный, спокойный, умѣющій анализировать и тщательно провѣрять факты. Члены комитета тоже или судьи съ многолѣтней практикой, или знаменитые адвокаты, слава которыхъ извѣстна далеко за предѣлами англо-саксонскаго міра, какъ сэръ Фредерикъ Поллакъ, сэръ Эдуардъ Кларкъ, сэръ Альфредъ Гопкинсонъ. Все это люди холодные, спокойные, скептически настроенные противъ всего „сенсаціоннаго", безпристрастные. Въ комитетѣ былъ только одинъ профессіональный публицистъ—Гарольдъ Коксъ (членъ парламента). Комитетъ этотъ работалъ нѣсколько мѣсяцевъ и за это время подвергъ допросу нѣсколько тысячъ свидѣтелей. И въ результатѣ получился прямо кошмарный документъ.

Страницы, на которыхъ изложены показанія свидѣтелей, какъ будто бы вырваны изъ „Исторіи Тридцатилѣтней войны", или изъ „Сказанія князя Курбскаго", а именно изъ того мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о Ливонской войнѣ. Синяя книга приводитъ факты, которые могли бы быть отнесены къ взятію Магдебурга войсками Тилли, но указываетъ при этомъ, что мы имѣемъ дѣло не съ *единичными* проявленіями жестокости, а съ тщательно придуманной *системой*. „Въ глазахъ прусскихъ офицеровъ война стала своего рода священной миссіей и высшей функціей всесильнаго государства, превратившагося въ армію,—говоритъ Синяя книга.— Обычное представленіе о нравственномъ и обыкновенное чувство жалости чужды государству, какъ его понимаютъ прусскіе офицеры. Солдату разрѣшаются всѣ поступки, какъ бы возмутительны они ни были съ точки зрѣнія справедливости и человѣчности, если

только эти поступки содѣйствуютъ намѣченной цѣли. Подчиненіе государству и военному вождю не оставляютъ въ сердцѣ германскаго солдата мѣста для чувства и для сознанія долга передъ совѣстью. Жестокость становится законной, если она обѣщаетъ побѣду. Это ученіе, провозглашенное вождемъ арміи, захватило не только офицеровъ, но и солдатъ, оправдавъ въ ихъ глазахъ убійство мирныхъ обывателей. Оно до такой степени пріучило солдатъ къ убійству, что они не останавливались, наконецъ, передъ истребленіемъ женщинъ и дѣтей. Эта теорія не можетъ быть порожденіемъ самого германскаго народа, ибо она противорѣчитъ всему тому, что до сихъ поръ знали про него сосѣди. Передъ нами по преимуществу милитаристическое ученіе, порожденное тѣмъ, что командующій классъ такъ долго думалъ, говорилъ и писалъ только о войнѣ, что подпалъ подъ ея гипнозъ". Еслибы и германцы могли привести рядъ потрясающихъ фактовъ, собранныхъ не во Франціи или въ Бельгіи, а въ другихъ мѣстахъ, то это не явилось бы опроверженіемъ данныхъ, собранныхъ въ только что выпущенной Синей книгѣ. Это показало бы только, что арена страданій мирнаго населенія гораздо шире...

II.

Когда Америка узнала про потопленіе Лузитаніи, то одна изъ главныхъ газетъ [1]) написала страстную статью, начинавшуюся словами „A wild beast is let loose in the world" (дикій звѣрь спущенъ съ цѣпи въ Европѣ). И эти слова припоминаются постоянно при чтеніи только что вышедшей Синей книги. „Въ августѣ прошлаго года восточная часть Бельгіи представляла собою зрѣлище, подобное которому можно найти развѣ во время Тридцатилѣтней войны,—читаемъ мы.—Убійства, грабежи и насилія всякаго рода, происходившія тогда въ Бельгіи, давно не знаютъ ничего подобнаго въ исторіи цивилизованныхъ народовъ". Въ „отчетѣ" собранъ цѣлый рядъ тщательно провѣренныхъ показаній о жестокихъ убійствахъ взрослыхъ и дѣтей и объ изнасилованіяхъ. Но самое страшное не эти факты. За преступленіями индивидуумовъ мы всюду видимъ чудовищную германскую военную машину, не знающую жалости, дѣйствующую методически, планомѣрно, съ полнымъ презрѣніемъ къ страданіямъ и къ смерти индивидуумовъ. Для этой машины живые люди чужой страны имѣютъ такую же цѣнность, какъ воробьи или полевыя мыши. И при чтеніи этого отчета невольно припоминается фантастическій романъ Уэльса „Борьба міровъ", въ которомъ говорится про вторженіе на нашу планету жителей Марса. Марсіяне считаютъ себя настолько высшей расой, чѣмъ обитатели земли, что истребляютъ ихъ съ

[1]) New-York Tribune.

такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ садовникъ убиваетъ крота.

Вдумываясь въ показанія свидѣтелей, мы приходимъ къ заключенію, что нѣкоторыя единичныя преступленія совершены нѣмцами подъ вліяніемъ страха или гнѣва. Вполнѣ возможно, что германскіе вожди при объявленіи войны не думали еще о сожженіи Лувэна или Термонда. Но за то цѣлый рядъ приведенныхъ въ отчетѣ показаній несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что германскій генеральный штабъ вообще подготовлялъ систематическіе поджоги. Съ этой цѣлью нѣмецкіе солдаты заранѣе были снабжены „научными“ приспособленіями всякаго рода. Пожары и насилія надъ мирными обывателями составляли часть тщательно выработаннаго плана. Маленькій народъ, не создавшій большой военной машины, какъ бы онъ ни былъ культуренъ, приравнивается готтентотамъ или туземцамъ австралійскихъ зарослей: по отношенію къ нимъ, съ точки зрѣнія германскаго милитаризма, все дозволено. Судя по показаніямъ свидѣтелей, нѣмецкіе солдаты проявляли иногда неизмѣримо болѣе гуманности, чѣмъ ихъ начальники. Германскіе офицеры *поощряли* наиболѣе грубыхъ солдатъ убивать и насиловать мирныхъ обывателей, чтобы такимъ образомъ терроризировать населеніе и довести его до покорности. Изъ Синей книги видно, что преступленія, совершенныя германской арміей въ бельгійскихъ деревняхъ страшнѣе, чѣмъ ограбленіе Лувэна или рѣзня въ Динанѣ. „Доведенная до бѣшенства упорнымъ сопротивленіемъ и подозрительно относясь къ мирному населенію, разсчитывая, кромѣ того, на вліяніе устрашенія, германская армія ввела насилія надъ мирными обывателями и даже убійство ихъ въ систему“,—читаемъ мы въ отчетѣ.

Комитетъ подъ предсѣдательствомъ лорда Брайса считаетъ доказанными слѣдующіе пункты:

1. Во многихъ мѣстахъ Бельгіи совершались намѣренныя и систематическія убійства мирнаго населенія. Происходили также многочисленныя убійства, совершенныя по иниціативѣ отдѣльныхъ германскихъ солдатъ и оставшіяся безнаказанными.

2. Въ Бельгіи многія женщины были изнасилованы, а дѣти убиты.

3. Офицеры германской арміи всячески поощряли грабежъ, поджоги и вообще разрушеніе имущества. Съ этой цѣлью, еще до начала войны, былъ сдѣланъ большой запасъ подходящихъ инструментовъ и приспособленій (зажигательныя лепешки, ручныя бомбы). Поджоги не были продиктованы военной необходимостью, а составляли часть системы, имѣющей цѣлью устрашеніе.

4. Правила войны часто нарушались. Германскія войска часто пользовались при наступленіи гражданскимъ населеніемъ, а въ особенности женщинами и дѣтьми, какъ щитами. Въ меньшей

степени наблюдалось убійство плѣнныхъ и злоупотребленія бѣлымъ флагомъ и флагомъ Краснаго креста.

Я не стану приводить изъ Синей книги детальныхъ показаній о грабежахъ, поджогахъ, убійствѣ дѣтей или объ изнасилованіяхъ. Германскіе офицеры съ полнымъ правомъ могутъ примѣнить къ себѣ слова егеря изъ полка Голька [1]):

Пламя охватитъ деревню въ полночь;
Спятъ сторожа; суматоха; задаромъ
Мечется сонный, испуганный людъ—
Гдѣ ему сладить съ лукавымъ пожаромъ!
Такъ-то и мы: жжемъ и тамъ, да и тутъ—
Пламенемъ вспыхнемъ, потопомъ нахлынемъ
Сзади насъ нѣтъ ни кола, ни двора:
Все истребимъ, раззоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора.
Дѣло военное,—пахнетъ добычей.
Тутъ не до жалости, не до приличій.

Современная наука дала германскому милитаризму въ руки неизмѣримо больше средствъ вредить мирному населенію, чѣмъ егерямъ Голька. Назову только ядовитые газы и потопленіе Лузитаніи, причемъ пошло ко дну болѣе 1.200 пассажировъ въ возрастѣ отъ 70 лѣтъ до семи мѣсяцевъ. Я не буду здѣсь касаться совершенно права пользованія ядовитыми газами противъ непріятеля, а упомяну о нихъ лишь постольку, поскольку страдаютъ мирные обыватели. Нѣмцы, какъ извѣстно, въ послѣднее время примѣняютъ два газа: хлоръ и бромъ. „До послѣдняго времени въ токсикологіи извѣстно было очень мало о дѣйствіи этихъ двухъ газовъ на человѣческій организмъ, — говоритъ ученый химикъ въ Manchester Guardian.—Ядовитыя свойства хлора и брома не были изучены, и было неизвѣстно, какая доза ихъ является роковой. Случаи отравленія этими газами до сихъ поръ были очень рѣдки. До 1910 г. — говоритъ одинъ высокій авторитетъ—записано лишь пять случаевъ отравленія бромомъ. Что касается отравленія хлоромъ, то случаи ограничивались почти только лабораторіями. Только разъ было отравленіе этими газами на кораблѣ, нагруженномъ хлорной известью... И вотъ теперь токсикологія впервые имѣетъ многочисленные случаи отравленія упомянутыми газами. Прежде мы имѣли случайное отравленіе. Теперь германское правительство показало, что парами хлора и брома можно пользоваться для убійства“. Тамъ, гдѣ нѣмцами пущены въ ходъ ядовитые газы, воздухъ отравленъ на далекомъ пространствѣ. Въ деревняхъ, отстоящихъ на разстояніи 3-4 миль отъ поля битвы, крестьяне, а въ особенности дѣти, были отравлены хлоромъ и бромомъ. На широкомъ протяженіи погибла также всякая растительность.

---

[1]) Шиллеръ, „Лагерь Валленштейна“.

III.

Мирное населеніе теперь страдаетъ во время войны ни въ коемъ случаѣ не меньше, чѣмъ въ „жестокія" времена, т. е. въ XV или въ XVI вѣкахъ. Тогда грабежъ мирнаго населенія и насилія надъ нимъ являлись разультатомъ жестокости отдѣльнаго вождя или ожесточенія отдѣльнаго полка, теперь это—послѣдствіе *системы*. Обожествленное государство требуетъ для себя особаго, иного кодекса морали, чѣмъ для индивидуума. Мнѣ извѣстенъ такой фактъ. Русская дама, воспитывавшаяся въ Германіи, была очень дружна съ семьей Алоиза Риля. Философъ относился къ дамѣ, какъ къ дочери, и говорилъ ей ты. И вотъ недавно, когда этой дамѣ пришлось быть въ Стокгольмѣ, она послала Рилю поздравительную телеграмму по случаю дня рожденія. Философъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что „Marichen" будетъ ему всегда дорога, какъ дочь, хотя идейно они теперь разошлись. „Побѣда Германіи для насъ *священная* необходимость. Побѣда необходима *нашему* государству, которое не можетъ быть неправо". И это пишетъ авторъ „Теоріи науки и метафизики съ точки зрѣнія философскаго критицизма". И если талантливый философъ находится подъ гипнозомъ идеи обожествленнаго государства, то какой же умственной свободы можно ждать отъ обыкновенныхъ смертныхъ?.. Кѣмъ была выработана въ окончательной формѣ въ Германіи идея, которая, съ одной стороны, создала наступательный націонализмъ, а, съ другой, породила отношеніе къ другимъ націямъ, какъ къ кроликамъ или полевымъ мышамъ, отношеніе опредѣленное фактами, приведенными въ только что вышедшей Синей книгѣ? И мнѣ хочется еще разъ указать на ту роль, которую сыгралъ университетъ, сдѣлавшійся слугой прусскаго государства.

Я говорю о дѣятельности прусской исторической школы. Намѣчу здѣсь нѣсколько вѣхъ. Въ свое время Нибуръ былъ основателемъ исторической школы, выставившей тезисъ, что исторія представляетъ собою эволюцію свободы въ учрежденіяхъ, созданныхъ человѣкомъ. Какъ историкъ, Нибуръ былъ умственно свободенъ и отмѣчалъ дѣятельность всѣхъ народовъ, содѣйствовавшихъ развитію свободы, и въ частности дѣятельность англійскаго народа. Основными принципами его философіи исторіи являлись націонализмъ и боязнь неожиданныхъ переворотовъ. Въ Германіи въ то время мы наблюдаемъ *оборонительный* націонализмъ. Преемникъ Нибура Эйхгорнъ разсматриваетъ исторію, какъ конструктивный патріотизмъ. Оборонительный націонализмъ выдвигаетъ впередъ братьевъ Гриммовъ, а въ особенности Якова, стремившагося пробудить національное самосознаніе красотами древне-германской литературы и выясненіемъ народной души. Братья Гриммы, стремившіеся возвеличить германскій народъ, не думали унижать другіе народы Европы. Ранке въ своихъ историческихъ изсѣдованіяхъ строго

считается съ фактами. Для него исторія представляетъ собою предметный урокъ этики и религіи. Въ своей исторіи папъ Ранке безпристрастно относился къ папамъ и къ Лютеру, къ католицизму и къ реформаціи. Онъ безпристрастенъ даже къ Пруссіи, что видно изъ его отказа обсуждать присоединеніе Силезіи. Ранке относился съ глубокимъ уваженіемъ къ Англіи, въ которой цѣнилъ ея консерватизмъ и послѣдовательный прогрессъ. За это историки, порожденные германскимъ наступательнымъ націонализмомъ, обвиняли впослѣдствіи Ранке въ „робости“ и въ „опасеніи высказать свой личный взглядъ“. Изслѣдованія Ранке, по мнѣнію этихъ историковъ, „рисунки на фарфорѣ, пригодные только для дамъ и для любителей“.

Явился Гервинусъ, провозгласившій, что „активная жизнь должна быть центральнымъ пунктомъ исторіи“. Однимъ изъ героевъ у него Маккіавелли, „дерзавшій на все ради блага родины“. Этотъ тезисъ прусскіе историки, явившіеся впослѣдствіи, одобрили, хотя самого Гервинуса отвергли, такъ какъ за нимъ наступательный націонализмъ считаетъ много грѣховъ: онъ осуждалъ Бисмарка за войну съ Даніей, не ликовалъ послѣ Седана и безъ энтузіазма привѣтствовалъ объединеніе Германіи. Гервинусъ стоялъ за развитіе демократическихъ, а не націоналистическихъ идей. За это Трейчке презрительно отметаетъ автора „Исторіи девятнадцатаго вѣка“ замѣчаніемъ: „онъ не принадлежалъ ни къ какой націи“. И вотъ является Георгъ Вайцъ, авторъ Deutsche Verfassungsgeschichte, основанной на убѣжденіи въ необходимости изучать исторію народа въ связи съ исторіей его государственныхъ учрежденій. Въ трудахъ Вайца, кажется, впервые мы встрѣчаемся съ національнымъ самохвальствомъ и съ тезисомъ, что „мы выше всѣхъ другихъ народовъ“ [1]).

Это Вайцъ открылъ, что тевтонскія племена, вторгшіяся въ Римскую имперію, принесли съ собою высокую цивилизацію. Когда одинъ изъ критиковъ-патріотовъ замѣтилъ, что Вайцу слѣдовало бы поэтому больше сказать о древне-тевтонской цивилизаціи, историкъ отвѣтилъ, что писалъ на основаніи „иностранныхъ источ-

---

[1]) Наши Вайцы и Гизебрехты презрительно пожимаютъ плечами, когда читаютъ о томъ, что нѣмцы, считая себя величайшимъ народомъ въ мірѣ, претендуютъ поэтому на роль вождей всего человѣчества. Во то же время наши Гизебрехты считаютъ вполнѣ естественнымъ тезисъ вродѣ слѣдующаго, если только онъ высказанъ русскимъ: „Всякій великій народъ вѣритъ и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобъ стоять во главѣ народовъ, пріобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во едино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной“. При извѣстномъ толкованіи это — доктрина наступательнаго націонализма. Мнѣ припоминаются вѣщія слова В. Г. Бѣлинскаго: „Гдѣ народъ имѣетъ дѣйствительныя внутреннія силы, ему нечего хлопотать о своей національности. Она, какъ природа, будетъ проявляться сама собою“.

никовъ“ (т. е. Тацита), которымъ не можетъ довѣрять вполнѣ. Одновременно почти съ Вайцомъ явился Гизебрехтъ, авторъ труда „Geschichte der deutchen Kaiserzeit“. Въ этой книгѣ историкъ изображаетъ „эпоху, когда имя нѣмцевъ было наиболѣе уважаемо всѣми и когда нѣмецкій народъ былъ не только господиномъ самому себѣ, но повелѣвалъ еще и надъ другими“. Гизебрехтъ выставилъ тріаду, которая въ нѣсколько иной редакціи была принята наступательнымъ націонализмомъ въ другой странѣ: „Могущественная имперія, сильная церковь и богобоязненный народъ“. По мнѣнію Гизебрехта, германскіе императоры прежнихъ вѣковъ „сдѣлали то, что нѣмецкій народъ сталъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ народовъ“. Въ тѣ времена нѣкоторыхъ нѣмецкихъ историковъ еще смущала такая оцѣнка германскихъ императоровъ, расходящаяся совершенно съ дѣйствительностью. Даже Зибель нашелъ, что было бы лучше, еслибы Гизебрехтъ умѣрилъ свой восторгъ, такъ какъ въ имперіи Карла Великаго были сильные недостатки. Имперія, созданная Оттономъ, болѣе соотвѣтствовала развитію нѣмецкаго духа; но послѣдній—говоритъ Зибель—нашелъ полное выраженіе только тогда, когда выдвинулась Пруссія.

Эта мысль развивается полнѣе и откровеннѣе представителями собственно прусской школы историковъ, основателемъ которой былъ Дальманъ. Началъ онъ писать раньше 1848 г., когда „пруссачество“, т. е. милитаризмъ и наступательный націонализмъ, еще не взяли верхъ. Родоначальникъ прусской исторической школы восхваляетъ либеральную имперію, скрѣпленную демократической конституціей, имперію, во главѣ которой стоитъ Пруссія. Преемникъ и послѣдователь Дальмана, Максъ Дункеръ, идетъ дальше. Въ своихъ главныхъ научныхъ трудахъ „Origines germanicae“ и „Geschichte des Altertums“ онъ доказываетъ, что германская національная идея это не *свобода*, какъ полагали Нибуръ и его послѣдователи (между прочимъ, старикъ Шлоссеръ, столь популярный у насъ одно время), а *сила*. Писанія Макса Дункера проникнуты почти мистической преданностью Гогенцоллернамъ. Историкъ становился публицистомъ, когда у Бисмарка возникали столкновенія съ рейхстагомъ. Дункеръ былъ всегда на сторонѣ силы, т. е. канцлера. За преданность Гогенцоллернамъ Дункеръ былъ назначенъ офиціальнымъ исторіографомъ династіи.

Одновременно почти съ Дункеромъ выступилъ Іоганнъ Дройзенъ, авторъ извѣстной у насъ въ Россіи „Исторіи эллинизма“. Какъ Дункеръ и Дальманъ, Дройзенъ обладалъ большимъ литературнымъ талантомъ. Въ своей книгѣ „Grundriss der Historie“ онъ доказываетъ моральное значеніе силы. Передъ нами талантливое прославленіе военной касты и государственныхъ дѣятелей, ведущихъ наступательную внѣшнюю политику. Въ своемъ главномъ трудѣ, „Исторія Прусской политики“, вышедшемъ впер-

вые въ пятидесятыхъ годахъ, Дройзенъ доказываетъ, что прусскіе короли являются высшими выразителями германскаго духа, а потому Пруссіи подобаетъ занять первое мѣсто въ имперіи. Германскіе либералы стараго закала и историки типа Шлоссера протестовали противъ этихъ идей, причемъ назвали „Исторію Прусской политики“ „плохимъ романомъ“. Дройзенъ горячо поддерживалъ каждое активное проявленіе „пруссачества“. Онъ приспособилъ, такъ сказать, для ежедневнаго потребленія идею Гегеля о государствѣ. По ученію Дройзена, государство есть всеобъемлющая, самодовлѣющая идея сама по себѣ. Государство ни въ коемъ случаѣ не есть сумма индивидуумовъ, а потому оно не возникло по волѣ ихъ. Дѣятельность государства не можетъ быть измѣряема обычными мѣрками, примѣнимыми къ индивидуумамъ. Всякая мѣра, содѣйствующая осуществленію задачъ государства,—хороша хотя бы она, съ точки зрѣнія морали индивидуумовъ, казалась предосудительной. Дройзенъ поэтому восхвалялъ Бисмарка за подделку эмской телеграммы, толкнувшей Францію на войну съ Пруссіей. Историкъ доказалъ, что, въ концѣ концовъ, телеграмма была только „сокращена“, а не поддѣлана. И, когда эта защита показалась слишкомъ смѣлой даже Зибелю, высказавшему это печатно, кайзеръ выразилъ свое неудовольствіе. Императоръ не только не утвердилъ награду, присужденную Зибелю за одинъ изъ его трудовъ, но запретилъ также историку доступъ въ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ.

Затѣмъ явился самый крупный историкъ прусской школы, вдохновитель двухъ поколѣній, — Трейчке. Это онъ придалъ окончательную форму ученію о томъ, что государство превыше всего; что германская раса—цвѣтъ человѣчества; что она явилась на землю съ великой миссіей: создать міровое государство; что Гогенцоллерны постигли эту миссію и что на пути Германіи стоитъ одинъ врагъ—Англія. Идеалы Германіи и ея миссія могутъ быть осуществлены только при помощи силы. Военная мощь это— тотъ молотъ Тора, при помощи котораго Судьба выковываетъ государства. „Богъ далъ человѣчеству сильное лекарство для излѣченія отъ застоя—войну. Горе тѣмъ, которые попадаютъ подъ удары всесокрушающаго молота“. „Если сильный побѣждаетъ слабаго, то онъ осуществляетъ лишь міровой законъ“ [1]). Трейчке въ Германіи сталъ не только властителемъ думъ, но и пророкомъ. Нѣмецкіе профессора-историки не только развивали и развиваютъ въ своихъ лекціяхъ идеи Трейчке, но дѣлаютъ на основаніи ихъ прогнозы въ области міровой политики Самъ Трейчке, повидимому, тоже считалъ себя пророкомъ, у кото-

---

[1]) О Трейчке я писалъ уже нѣсколько разъ. Читатели найдутъ о немъ много данныхъ въ книгѣ проф. Крэмба „Германія и Англія“, вышедшей теперь въ русскомъ переводѣ.

раго есть своя миссія. „Богъ не имѣетъ права отозвать меня, покуда я не написалъ еще VI-ый томъ моего труда!“—воскликнулъ профессоръ—и умеръ, не закончивъ шестого тома.

IV.

„Совершенно вѣрно, что война эта ужасна и что теперь мирное населеніе страдаетъ, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо раньше; но за то нынѣшняя трагедія—*послѣдняя*“,—говорятъ оптимисты, о которыхъ я писалъ уже. „Великій конгрессъ народовъ 1916 или 1917 гг. не только передѣлаетъ карту Европы и всего міра, но приметъ также мѣры, чтобы войнъ больше не было“,—такъ пишетъ, между прочимъ, Уэльсъ. Война, втянувшая столько европейскихъ народовъ и имѣющая театромъ дѣйствій три континента, *не первый* Армагеддонъ въ Европѣ. Съ 1701 г. разъ въ сто лѣтъ происходитъ великое столкновеніе европейскихъ народовъ, имѣющее цѣлью своего рода „черный передѣлъ“ и завладѣніе наслѣдствомъ государствъ, которыхъ сосѣди считаютъ умирающими. Начинается война коалицій съ коалиціями. Послѣ упорной борьбы, продолжающейся *много лѣтъ*, послѣ того, какъ воюющія коалиціи совершенно истощатъ свои средства, собираются конгрессы, на которыхъ пересматриваются всѣ спорные вопросы политики. Представители коалицій вырабатываютъ договоры, которые, повидимому, должны установить вѣчный миръ. На каждомъ такомъ конгрессѣ обязательно поднимается вопросъ о разоруженіи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ — и обнаруживается, что мирный договоръ и передѣлъ не только ничего не уладили, но запутали еще новые узлы въ международной политикѣ. Для распутыванія ихъ возникаетъ рядъ „частичныхъ“ войнъ, каждая изъ которыхъ прибавляетъ только новые узлы. И черезъ сто лѣтъ, выражаясь словами Апокалипсиса, „бѣсовскіе духи... выходятъ къ царямъ земли и всей вселенной, чтобы собрать ихъ на брань... на мѣсто, называемое Армагеддонъ“. Снова начинается борьба коалицій, заканчивающаяся конгрессомъ всѣхъ народовъ, передѣломъ и увѣреніями, что теперь наконецъ осуществленъ вѣчный миръ. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ и начинаются „частичныя“ войны, запутывающія новые узлы, для ликвидаціи которыхъ черезъ сто лѣтъ начинается новый Армагеддонъ, и т. д.

Я напомню читателямъ нѣкоторые факты. Восемнадцатый вѣкъ начался общеевропейской войной за Испанское наслѣдство, продолжавшейся *одиннадцать* лѣтъ. Офиціальнымъ поводомъ было то, что Людовикъ XIV посадилъ на вакантный испанскій престолъ своего внука Филиппа. Дѣйствительной причиной войны было то, что и Франція, и Англія считали Испанію умирающей страной и желали забрать себѣ возможно большую часть наслѣдства. Импе-

рія Карла V, включавшая Нидерланды, Бургундію, Парму, Южную Италію, называвшуюся потомъ Королевствомъ обѣихъ Сицилій, и Сардинію, была уже урѣзана въ 1701 г. Но Испанія владѣла богатѣйшими колоніями, а молодыя государства ихъ почти не имѣли. То, что придется дѣлить испанское наслѣдство, было очевидно для молодыхъ государствъ еще съ середины XVII вѣка. Въ 1698 г. Людовикъ XIV и англійскій король Вильгельмъ III, предвидя смерть Карла II испанскаго, заключили между собою тайный договоръ о раздѣлѣ территорій, принадлежащихъ Испаніи. Въ мартѣ 1700 г. заключенъ былъ съ тою же цѣлью новый договоръ, еще болѣе обстоятельный. Но когда Карлъ II умеръ 1 ноября 1700 г., Людовикъ XIV, вопреки договору, согласился, чтобы его внукъ Филиппъ сталъ испанскимъ королемъ. Французскій король, повидимому, рѣшилъ забрать себѣ все наслѣдство. Тогда началась война за Испанское наслѣдство, продолжавшаяся отъ 1702 до 1713 г. Мы видимъ коалиціи большихъ государствъ; затѣмъ передъ нами маленькія государства, не заинтересованныя непосредственно въ дѣлежѣ испанскаго наслѣдства, но втянутыя въ борьбу подкупомъ и обѣщаніями всякаго рода. Мы видимъ также государства, сохранявшія нѣкоторое время нейтралитетъ не изъ чрезмѣрной скрупулезности, а отъ нерѣшительности, къ какой сторонѣ выгоднѣе всего присоединиться.

Война началась почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ черезъ двѣсти лѣтъ проявилась первая стадія третьяго Армагеддона. Франція, выставившая безпримѣрную для того времени армію въ 450.000 человѣкъ, заняла крѣпости въ испанскихъ Нидерландахъ. Въ исторіи войны за Испанское наслѣдство часто встрѣчаются Ньюпортъ, Диксмюдъ, Ипръ, Кассель, Лилль, Монсъ и другія мѣста, густо политыя теперь кровью. Кромѣ того, война шла на Дунаѣ, въ Лотарингіи, въ Италіи, въ Испаніи, на Средиземномъ морѣ. Когда европейскія государства были достаточно раззорены войною, начались въ январѣ 1712 г. переговоры о мирѣ, закончившіеся въ 1714 г. Утрехтскимъ договоромъ и передѣломъ карты Европы. Представители воюющихъ сторонъ, собравшись на конгрессъ, желали заключить продолжительный, если не вѣчный миръ. Въ первую голову поэтому обсуждался вопросъ о „гарантіяхъ“ (отъ Франціи требовали гарантіи, что престолы испанскій и французскій не будутъ соединены). Затѣмъ начали устранять всѣ поводы для возможнаго столкновенія въ будущемъ. Стоитъ взглянуть на карты Европы 1700 и 1715 г., чтобы убѣдиться, какъ великъ былъ передѣлъ, состоявшійся въ Утрехтѣ. Карты Европы и Америки были передѣланы совершенно и, повидимому, всѣ поводы къ новой войнѣ устранены; но немедленно же оказалось, что Утрехтскій договоръ навязалъ новые узлы.

Испанскій король, отказавшійся отъ итальянскихъ владѣній и отъ правъ на французскую корону, никакъ не могъ помириться съ

потерей и попробовалъ выступить, какъ только въ октябрѣ 1715 г. умеръ Людовикъ XIV. Испанія начала спѣшно вооружаться и заручаться союзниками. Она пріобрѣла поддержку Швеціи, вступила въ тайное соглашеніе съ „якобитами“, которые никакъ не хотѣли помириться съ изгнаніемъ изъ Англіи и всюду искали союзниковъ. И тутъ мы видимъ, какъ легко недавніе враги вступаютъ въ коалиціи и какъ прежніе товарищи по оружію становятся врагами. Какъ только Испанія попыталась въ 1716 г. захватить Сицилію, Англія, Франція и Голландія составили тройственный союзъ. Въ 1718 г. къ этому союзу присоединилась и Австрія, недавній ожесточенный врагъ Франціи. Началась первая частичная война изъ цѣлой серіи войнъ, порожденныхъ Утрехтскимъ договоромъ. Дипломаты, заключавшіе его, сдѣлали ошибку, которая потомъ повторялась постоянно: они учли лишь факторы, существовавшіе тогда, не допуская даже, что могутъ возникнуть въ Европѣ новые факторы. А между тѣмъ прошло только нѣсколько лѣтъ послѣ передѣла, какъ выяснилось, что въ Европѣ есть два молодыхъ государства, имѣющія свои притязанія: Россія и Пруссія. На востокѣ Европы тоже желали воспользоваться наслѣдствомъ умирающихъ государствъ. Такъ возникла война 1733-35 годовъ за Польское наслѣдство и борьба Австріи съ Пруссіей за главенство въ Германскомъ союзѣ, что имѣло последствіемъ Семилѣтнюю войну. Выяснилось также, что Утрехтскій передѣлъ не покончилъ съ колоніальными притязаніями государствъ, и началась борьба между Франціей и Великобританіей за владѣнія въ Индіи, Канадѣ и въ Караибскомъ морѣ. Семилѣтняя война дала новую группировку государствъ, причемъ недавніе союзники оказались врагами (Пруссія и Англія съ одной стороны, а съ другой—Австрія, Саксонія, Россія, Франція и Швеція). Государства, явившіяся новыми факторами, не предусмотрѣнными при передѣлѣ, не видѣли основанія, почему бы имъ не послѣдовать примѣру Франціи, Англіи и Испаніи. Фридрихъ Великій захватилъ Силезію, а въ 1772 г. послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши.

V.

Такъ прошло сто лѣтъ. Къ началу XIX вѣка международныя отношенія въ Европѣ такъ запутались, что новый Армагеддонъ явился бы все равно и безъ революціи во Франціи. По Европѣ промчался ураганъ, подобный тѣмъ tornado, которые на Антильскихъ островахъ иногда сметаютъ въ прахъ лѣса и десятки городовъ. Возникли неожиданныя коалиціи. Карта Европы передѣлывалась каждый годъ и, наконецъ, былъ созванъ Вѣнскій конгрессъ. Для большей торжественности и для устраненія всѣхъ поводовъ къ возможному столкновенію въ будущемъ на Вѣнскій конгрессъ призвали представителей и второстепенныхъ государствъ. Собралось также множе

ство придворныхъ, свѣтскихъ людей и писателей. „Никогда раньше въ Европѣ не было такого съѣзда титулованныхъ и талантливыхъ людей“,—говоритъ историкъ. Вся Европа съ живымъ нетерпѣніемъ ждала результатовъ великаго съѣзда. Всюду были увѣрены, что конгрессъ распутаетъ всѣ политическіе узлы, устранитъ навсегда войны и дастъ свободу порабощеннымъ народамъ. (Въ Германіи война противъ Наполеона называлась *Освободительной*; прусскій король обѣщалъ народу, въ случаѣ побѣды, конституцію и свободу). Германія ждала, что теперь наконецъ осуществятся ея завѣтныя мечты. (Тогда она мечтала еще только о свободѣ, а не о міровомъ владычествѣ). На вѣсахъ конгресса находилась судьба Польши и Италіи. Носились слухи, что передѣлъ коснется даже владѣній папы и турецкаго султана. Оптимисты были увѣрены, что конгрессъ, покончивъ передѣлъ, провозгласитъ всеобщее разоруженіе и установитъ вѣчный миръ, въ которомъ Европа такъ нуждалась послѣ ряда войнъ, продолжавшихся двадцать лѣтъ. О чемъ только не мечтали оптимисты въ 1815 году!

Какъ только Вѣнскій конгрессъ начался, то выяснилось немедленно, что территоріи такъ же трудно подѣлить, какъ наслѣдственную деревушку въ сценѣ Тургенева „Завтракъ у Предводителя“. Каждое государство думало, что имѣетъ исключительныя права на ту или другую область. Правда, особые комитеты работали надъ вопросами, имѣвшими идейный характеръ. Но центръ тяжести конгресса былъ перенесенъ туда, гдѣ обсуждался передѣлъ. И вотъ представители собравшихся государствъ мало по малу разбились на двѣ группы по отношенію къ тому, что, главнымъ образомъ, предстояло дѣлить, т. е. по отношенію къ польско-саксонскому вопросу. Императоръ Александръ, требовалъ, чтобы вся Польша отошла къ Россіи. Австрія должна была получить вознагражденіе въ Италіи, тогда какъ наградой Пруссіи намѣчалась вся Саксонія. Король Саксонскій, какъ извѣстно, былъ самымъ вѣрнымъ вассаломъ Наполеона. Противъ требованій Александра I возсталъ представитель Англіи Кэстльри (Castlereagh). Какъ настоящій ученикъ Питта, Кэстльри относился къ Россіи съ такимъ же глубокимъ недовѣріемъ, какъ къ революціонной Франціи. Ему казалось, что европейское равновѣсіе будетъ совершенно нарушено, если „границы Россіи выйдутъ далеко въ самое сердце Германіи“. Кэстльри желалъ въ то же время, чтобы вся Саксонія отошла къ Пруссіи, дабы создать такимъ образомъ сильное государство на востокѣ. Для Австріи вопросъ о Саксоніи былъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ о Польшѣ, но Кэстльри удалось заручиться содѣйствіемъ Меттерниха. Англійскому представителю хотѣлось также заручиться содѣйствіемъ Пруссіи, чтобы такимъ образомъ создать на конгрессѣ коалицію противъ Россіи, но Фридрихъ Вильгельмъ упрямился.

И тутъ происходитъ одна изъ наиболѣе любопытныхъ группи-

ровокъ на конгрессѣ. Кэстльри и Меттернихъ ищутъ помощи у представителя Франціи Талейрана, который, вмѣсто того, чтобы занимать второстепенную роль, становится хозяиномъ положенія. Кэстльри и Меттернихъ потребовали, чтобы Талейрана, выступившаго защитникомъ Саксоніи, допустили къ участію въ секретномъ совѣтѣ. Противъ этого возстали Александръ I и прусскій король. Тогда третьяго января 1815 года заключенъ былъ тайный оборонительный союзъ между Франціей, Австріей и Великобританіей. Нѣкоторое время казалось, что конгрессъ, долженствующій установить вѣчный миръ, закончится новымъ Армагеддономъ.

Но мало по малу найденъ былъ компромиссъ. Австрія и Пруссія удержали большую часть своихъ польскихъ владѣній, а Пруссія получила, вмѣсто всей Саксоніи, только $^2/_5$ ея. Остальное дѣлить было уже легче. Швейцаріи дали конституцію, имѣвшую послѣдствіемъ нынѣшнюю федеральную систему. Австрія удержала въ Италіи Ломбардію и Венецію; Геную отдали Сардиніи, а Парму Маріи Луизѣ. Правда, былъ законный наслѣдникъ, Карлъ Людовикъ, но его вознаградили Луккой, а Парму обѣщали ему послѣ смерти Маріи Луизы. Мелкимъ государямъ, которыхъ повыгоняли ихъ подданные или Наполеонъ, были возвращены троны. Голландіи оставили Бельгію и Люксембургъ, а Швецію, которая уступила Финляндію, вознаградили Норвегіей. Значительно увеличили свои территоріи главнѣйшія германскія государства, а въ особенности Пруссія. Послѣ передѣла 1815 г. карта Европа такъ же сильно измѣнилась, какъ послѣ передѣла 1714 г. Національности Европы и территоріи, занятыя ими, представляютъ собою кубики изъ которыхъ, послѣ Армагеддоновъ, дипломаты пробуютъ сложить новыя зданія, работая по вдохновенію. Кубики, служившіе ступенями въ прежнемъ зданіи, составляютъ колонны въ новой постройкѣ. Кубики изъ фундамента идутъ на крышу и т. д. Какъ извѣстно, зданія, выведенныя изъ кубиковъ, очень непрочны и достаточно толчка, чтобы опрокинуть ихъ. Любопытнѣе всего то, что строители зданій изъ политическихъ кубиковъ, не смотря на прецеденты, каждый разъ думаютъ, что наконецъ-то вывели нѣчто незыблемое, *вѣчное*.

Передѣлъ, совершенный на Вѣнскомъ конгрессѣ, былъ на рѣдкость неудаченъ и комбинація „кубиковъ“ особенно непрочна. Въ XIX вѣкѣ возникъ цѣлый рядъ войнъ и революцій для уничтоженія результатовъ Вѣнскаго конгресса. Съ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка начинаютъ раздаваться голоса, что главная ошибка лицъ, устраивавшихъ передѣлъ 1815 г., заключается въ пренебреженіи *національной* идеи. Когда Пруссія потомъ выступила съ идеей наступательнаго націонализма, построеннаго на полномъ презрѣніи къ другимъ народностямъ, защитники націоналистической идеи стали увѣрять насъ, что государственный націо-

нализмъ не имѣетъ ничего общаго съ стремленіемъ каждой народности къ самоопредѣленію, т. е. съ оборонительнымъ націонализмомъ. Къ великому сожалѣнію, такъ какъ національности въ Европѣ перемѣшаны, то оборонительный націонализмъ очень быстро превращается въ наступательный, какъ только становится господствующимъ. Націонализмъ въ Венгріи, былъ, напр., оборонительно-наступательнымъ въ 1848 г. и сталъ наступательнымъ послѣ 1866 г. Мы видѣли, съ какой энергіей принялись обращать въ Македоніи „Ивановыхъ“ въ „Ивановичей“ и, наоборотъ, „Поповичей“ въ „Поповыхъ“.

Каждая война въ Европѣ, имѣвшая цѣлью распутать узлы, навязанные передѣломъ 1815 года, прибавляла такимъ образомъ новыя осложненія. На каждомъ мирномъ конгрессѣ, слѣдовавшемъ за „мѣстной“ войной, учитывались только факторы *настоящаго* момента и не предусматривалась даже возможность возникновенія новыхъ факторовъ. И, когда международныя отношенія совсѣмъ запутались, возникъ черезъ сто лѣтъ послѣ 1815 г. новый Армагеддонъ, третій по счету. Опять мы видимъ неожиданныя коалиціи и опять мы наблюдаемъ чаянія со всѣхъ сторонъ, что *эта* война будетъ послѣдней и что передѣлъ 1916 или 1917 гг. устранитъ непремѣнно „навсегда“ возможность столкновенія.

VI.

Литература на англійскомъ языкѣ, порожденная войною, очень велика. Въ большинствѣ случаевъ книги и брошюры эти составлены наскоро, въ нѣсколько дней, съ главнымъ разсчетомъ „не упустить моментъ“. Въ числѣ этихъ книгъ и брошюръ, при составленіи которыхъ авторы иступили не одну пару ножницъ и извели не одну банку клея, не мало произведеній, доказывающихъ, что эта война—послѣдняя. „War that will end Wars“ („Война, которая покончитъ съ войнами“), „The Last War“ („Послѣдняя Война“),—таковы заглавія нѣкоторыхъ книжекъ. Одна изъ нихъ написана романистомъ Уэльсомъ. Повидимому, нѣкоторые авторы при составленіи своихъ книжекъ соображались съ афоризмомъ Оскара Уайльда: „До тѣхъ поръ, покуда войну будутъ считать только *ужасной*, она будетъ привлекать людей. И только тогда, когда поймутъ ея *вульгарность*, война перестанетъ дѣйствовать чарующимъ образомъ на воображеніе массъ“. Въ упомянутыхъ книжкахъ доказывается весь ужасъ, вся невыгода и вся грубость вооруженнаго столкновенія. И у пессимистовъ, при чтеніи книжекъ съ названіемъ въ родѣ „The Last War“, возникаютъ вопросы: На чемъ именно основанъ оптимизмъ авторовъ? Какіе факторы гарантируютъ хоть продолжительный (куда ужь тамъ *вѣчный*!) миръ? На основаніи какихъ данныхъ можно утверждать, что третій передѣлъ не поведетъ къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ

и второй или первый, т. е. къ ряду „мѣстныхъ“ войнъ и къ четвертому Армагеддону черезъ сто лѣтъ?

Конгрессу народовъ 1916 или 1917 гг. предстоитъ разрѣшить четыре вопроса, изъ которыхъ каждый, по многимъ обстоятельствамъ, сложнѣе, чѣмъ всѣ вопросы, обсуждавшіеся въ Утрехтѣ или въ Вѣнѣ:

1) Отношенія Востока къ Западу.
2) Національный вопросъ.
3) Интернаціональныя отношенія.
4) Милитаризмъ.

Во время прежнихъ передѣловъ у европейцевъ были всѣ данныя считать Востокъ „умирающимъ“. Если возникалъ вопросъ, то только о томъ, какъ подѣлить между собою безъ ссоры наслѣдство умирающаго. За послѣднія тридцать лѣтъ на дальнемъ востокѣ выдвинулся новый факторъ — Японія, напоминающая во многихъ отношеніяхъ (по обожествленію государства, напр.) Германію. Надо помнить, что на дальнемъ востокѣ лежатъ величайшіе рынки въ мірѣ, Китай и Индія. Съ тѣхъ поръ, какъ исторія ведетъ свои лѣтописи, великія войны происходили за обладаніе моремъ и „воротами“ къ этому морю. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ великая борьба за обладаніе Тихимъ океаномъ и двумя главными воротами его: Малакскимъ проливомъ и Панамскимъ каналомъ. Интересы Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, Россіи и Японіи лежатъ въ Великомъ океанѣ и на рынкахъ его. И, пока европейскія государства всецѣло заняты войною, „Германія дальняго востока“, т. е. Японія, рѣшила забрать себѣ величайшій рынокъ. Такой именно характеръ носитъ ея ультиматумъ, представленный 7 мая Китаю [1]). „Китай уступилъ Японіи и принялъ ультиматумъ; такимъ образомъ кризисъ на дальнемъ востокѣ кончился,—пишетъ великій знатокъ Китая и Японіи [2]).—Имперія Восходящаго солнца согласилась въ концѣ концовъ нѣсколько измѣнить свои наиболѣе крайнія требованія; но она, тѣмъ не менѣе, вырвала безконечный списокъ уступокъ. Требованія Японіи опираются не на правѣ, а исключительно на силѣ. Въ сущности, Японія добилась всѣхъ своихъ требованій въ Маньчжуріи и во внутренней Монголіи, которыя представляютъ теперь ея исключительную экономическую сферу. Во всемъ, кромѣ названія, эти провинціи находятся подъ протекторатомъ Японіи. Въ Шань-Дунгѣ Японія пріобрѣла всѣ права, которыя принадлежали раньше Германіи. Фудзянская провинція, въ военномъ отношеніи, теперь закрыта для другихъ государствъ, хотя Японія не настаиваетъ на правѣ экономической монополіи здѣсь. Металлургическія работы въ Янъ-Дзы (Хань-Іея-Пингская компанія), повидимому, будутъ

---

1) Ср. „Иностранную лѣтопись“ въ майской книжкѣ, стр. 289 и слѣд.
2) Статья его была напечатана въ Nation за 15 мая.

находиться подъ японскимъ контролемъ. Единственнымъ успокоительнымъ фактомъ является—уступка Японіи по вопросу о назначеніи своихъ финансовыхъ, политическихъ и военныхъ совѣтниковъ. Китай однако обязанъ совѣщаться во многихъ случаяхъ съ Японіей".

Великія державы теперь поглощены войною. Поэтому во время столкновенія Японіи съ Китаемъ, онѣ ограничились только тѣмъ, что ласково посовѣтовали дѣйствовать „полегче". Но онѣ слишкомъ заинтересованы въ китайскихъ дѣлахъ, чтобы оставить вопросъ въ томъ видѣ, какъ теперь. Во время передѣла японскія права въ Китаѣ, несомнѣнно, будутъ пересмотрѣны. Тогда свой голосъ подадутъ и Соединенные Штаты, являющіеся соперникомъ Японіи на Великомъ океанѣ. Британскія колоніи въ Великомъ океанѣ, т. е. Австралія и Новая Зеландія, давно уже относящіяся крайне подозрительно и очень недружелюбно къ имперіалистическимъ стремленіямъ Японіи, заставятъ метрополію поступать гораздо болѣе рѣшительно съ этой страной, чѣмъ Англія, быть можетъ, хотѣла бы. Стоитъ заглянуть въ нумеръ любого австралійскаго изданія (въ особенности въ Sydney Bulletin), чтобы понять, какъ остро поставленъ тамъ вопросъ объ отношеніяхъ Запада къ Востоку.

Въ такой же степени остро поставленъ вопросъ въ Штатахъ дальняго запада великой республики. Вопросъ о дѣлежѣ дальневосточныхъ рынковъ представитъ собою не малыя затрудненія. Едва-ли не большее затрудненіе представитъ собою дѣлежъ добычи на ближнемъ востокѣ: Константинополь, Босфоръ, Дарданеллы, Малая Азія, Месопотамія, Персидскій заливъ — все это опасные пороги, при прохожденіи которыхъ во время самаго передѣла могутъ возникнуть неожиданныя коалиціи. Вопросъ объ отношеніяхъ Запада къ Востоку такъ сложенъ, что трудно себѣ даже представить, какъ онъ можетъ быть разрѣшенъ окончательно, „безъ узловъ".

Затѣмъ конгрессу 1916 или 1917 гг. предстоитъ, какъ намъ говорятъ, совершить передѣлъ въ зависимости отъ національностей. Теоретически вопросъ рѣшается очень легко. У насъ есть, напр., очень красивая формула, принадлежащая Ренану: „Ce qui fait que des hommes forment un peuple c'est le souvenir des grandes choses qu'ils ont faites ensemble et la volonté d'en accomplir de nouvelles" (Люди составляютъ *народъ* тогда, когда у нихъ есть воспоминанія о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ вмѣстѣ, и воля выполнить новыя великія дѣла). Такая формула не удовлетворитъ вкрапленныя національности, мечтающія о самоопредѣленіи. Онѣ требуютъ проведенія границъ въ зависимости отъ языка; но такое выдѣленіе не всегда пріемлемо для государственной народности. Затѣмъ, еслибы даже оно было принято, оно не гарантируетъ другія національности, живущія на

той же территоріи, не имѣющія другой родины, отъ стремительнаго превращенія оборонительнаго національзма въ наступательный. „Самоопредѣленіе“ маленькой національности, говорятъ намъ, ведетъ къ замкнутости, къ созданію своей собственной раковины, къ обособленности, къ пониженію культуры.

„Націонализмъ означаетъ обособленность. Обособленность означаетъ невѣжество. Нѣвѣжество означаетъ страхъ. Страхъ означаетъ ненависть и стремленіе бить, чтобы не быть битымъ, —пишетъ въ послѣднемъ нумерѣ „English Review“ извѣстный романистъ Джорджъ, дерзнувшій подойти къ національному вопросу не такъ, какъ дѣлаетъ это теперь въ Англіи большинство.—Націонализмъ это—фикція и чудовищная иллюзія. Подъ вліяніемъ ея Германія увѣрена, что борется съ тираномъ, пытавшимся задушить ея промышленность. Подъ вліяніемъ идеи націонализма Великобританія убѣждена, что воюетъ съ фельдфебелемъ, стремящимся превратить весь міръ въ плацпарадъ... Когда міръ былъ населенъ враждующими и обособленными племенами, идея націонализма была еще понятна. Племя воевало съ другимъ племенемъ для того, чтобы защитить свои стада. Тогда каждое племя, въ извѣстномъ отношеніи, было этнически чисто. Совсѣмъ другое представляютъ націи теперь“. Галлы, римляне, датчане, готы, франки и сарацины, напр., смѣшавшись вмѣстѣ, образовали французскую національность, признаваемую наиболѣе чистой. То же самое, но только въ еще болѣе рѣзкой формѣ, мы наблюдаемъ въ другихъ государствахъ. Неужели въ государствахъ, состоящихъ изъ двадцати или тридцати народовъ, индивидуумы сражаются за національную идею? — спрашиваетъ Джорджъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что національная идея въ настоящее время не реальность, и даже не призракъ. „Это—сфабрикованное изъ пустой тыквы съ горящей внутри свѣчей привидѣніе“. О томъ, что народы сражаются не во имя національной идеи, свидѣтельствуетъ коалиція недавнихъ враговъ: Японія, воевавшая въ 1904 г. съ Россіей, является теперь ея союзницей. Буры, отстаивавшіе въ 1902 г. свою національную идею, теперь являются вѣрными друзьями Великобританіи. Въ силу этихъ соображеній Джорджъ, полемизирующій съ Уэльсомъ, находитъ, что его вѣра въ возможность устранить навсегда войны путемъ раздѣла Европы въ зависимости отъ національностей ни на чемъ не основана. Какъ раздѣлить по національностямъ, напр., Венгрію, гдѣ есть деревни, населенныя словаками, и другія деревни, гдѣ на одной улицѣ живутъ мадьяры, а на другой—словаки [1])? Еслибы возможно было учинить такой раздѣлъ, то онъ повелъ бы неминуемо къ паденію культуры.

---

[1]) „The Price of Nationality“; „English Review“, Май, 1915, стр. 190-195.

На это Джорджу можно отвѣтить, конечно, что культура имѣетъ не абсолютную, а относительную цѣнность. Другими словами, это означаетъ, что собственная культура, выработанная маленькимъ народомъ, цѣннѣе навязанной, чужой культуры, хотя бы, можетъ быть, и высшей. Опасенія вызываетъ не созданіе ряда „національныхъ раковинъ“, а то, что въ каждой изъ нихъ наступательный національнзмъ хозяевъ положенія будетъ душить оборонительный національнзмъ несчастнаго меньшинства. Въ каждой изъ такихъ раковинъ будутъ вколачивать кого-нибудь въ новую культуру, построенную на принципахъ національнзма. И если во время предстоящаго передѣла дѣйствительно будутъ созданы такія „національныя раковины“, то требуется еще доказать, что это поведетъ къ окончательному замиренію Европы. Путь къ дѣйствительному замиренію лежитъ черезъ уничтоженіе старыхъ границъ между народностями, а не черезъ установленіе новыхъ проволочныхъ загражденій между ними. Только при устраненіи границъ національности, исторически поставленныя въ общія географическія условія, сливаются вмѣстѣ, дружной работой создаютъ общую культуру, словомъ, образуютъ одинъ народъ. Такъ обстоитъ дѣло, напр.. въ Соединенныхъ Штатахъ, представляющихъ собою плавильный тигль для десятковъ національностей. Можетъ ли однако быть поставленъ такъ вопросъ о національностяхъ во время предстоящаго передѣла, результатомъ котораго, вѣроятно, будетъ нѣсколько Эльзасовъ?

VIII.

На конгрессѣ 1916 или 1917 г., какъ на конгресахъ Утрехтскомъ и Вѣнскомъ, долженъ обсуждаться вопросъ интернаціональный, т. е. о международныхъ отношеніяхъ, которыя должны гарантировать миръ. Послѣ всѣхъ фактовъ, выяснившихся съ начала войны, мы съ сардонической улыбкой читаемъ разсужденія проф. Комаровскаго о томъ, что „международное право вызвано къ жизни не чьей-либо волей, а объективными, фактическими условіями, кроющимися въ природѣ и въ исторіи новыхъ народовъ“. По мнѣнію ученаго юриста, условія эти слѣдующія: „Наличность нѣсколькихъ самостоятельныхъ, суверенныхъ государствъ, связанныхъ между собою общностью высокой культуры и сознающихъ себя солидарными въ преслѣдованіи культурныхъ цѣлей, а потому поддерживающихъ между собою правильныя, организованныя, юридическія отношенія“. Всѣ европейскія государства „проникнуты сознаніемъ ихъ солидарности въ осуществленіи общихъ или культурныхъ задачъ“. Намъ невольно припоминаются факты, изложенные въ цитированной выше Синей книгѣ, когда мы читаемъ у проф. Комаровскаго, что „международное право вытекаетъ изъ факта существованія международнаго союза — того великаго культурнаго

общества народовъ, которое дипломаты уже давно стали называть *европейскимъ концертомъ,* а нѣкоторые философы—*христіанскою республикою*". Ubi societas, ibi jus, — прибавляетъ проф. Комаровскій. Результатомъ сознанія народами своей солидарности въ осуществленіи общихъ культурныхъ задачъ являются международные договоры. У Шиллера это выражено въ *Элевзинскомъ Праздникѣ*, когда люди, преслѣдуя общую пользу, вступили въ союзъ съ матерью-землею, съ небесъ спустилась Θемида, ведя за собою сонмъ безсмертныхъ, и указала народамъ ихъ права:

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлыхъ сонмъ;
И Θемида имъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

„Внутреннимъ источникомъ международныхъ договоровъ является правосознаніе человѣческаго рода",—говоритъ Блунчли,—„принципъ абсолютной справедливости",—говоритъ другой ученый,—„сознаніе общей пользы". Нерушимость международныхъ договоровъ, какъ доказывалъ Еллинекъ, основывается „на моральномъ требованіи вѣрности данному слову". Народы всего міра знаютъ теперь значеніе самыхъ торжественныхъ договоровъ, которые хороши rebus sic stantibus. Когда командующій классъ усматриваетъ благопріятный моментъ для вооруженнаго выступленія, то онъ очень мало думаетъ о трактатахъ, построенныхъ на принципахъ абсолютной справедливости. „Мы видимъ, что великій процессъ распространенія цивилизаціи происходитъ съ такою же непреодолимостью, съ какою дѣйствуютъ силы природы, — читаемъ мы у Трейчке.—Только глупецъ думаетъ, что расширеніе государства можетъ быть остановлено по желанію индивидуумовъ. А между тѣмъ такими именно глупцами являются проповѣдники вѣчнаго мира. Даже на картѣ нельзя намѣтить такую комбинацію государствъ, которая гарантировала бы вѣчный миръ. Націи живутъ и усиливаются. Никто не можетъ предсказать смерть одного народа и возрожденіе другого" [1]). Принимая во вниманіе судьбу самыхъ прочныхъ международныхъ договоровъ,—приходится усомниться въ томъ, что предстоящій конгрессъ дастъ лучшіе результаты, чѣмъ предшествовавшіе. Недавно еще была сильна вѣра, что ростъ одного класса во всѣхъ странахъ и союзъ его гарантируетъ международный міръ. Гдѣ эта вѣра теперь? Недавніе союзники обличаютъ германскихъ соціалъ-демократовъ не въ измѣнѣ, а въ сознательномъ обманѣ соціалистовъ другихъ странъ.

[1]) H. von Treitschke, „Politik", v. I, стр. 113.

„Быть можетъ, нѣкоторыхъ поразитъ военный энтузіазмъ, проявленный теперь германскими соціалистами, — читаемъ мы въ недавно вышедшей французской книжкѣ. Но откуда товарищи взяли, что германскіе соціалъ-демократы когда-либо были антимилитаристами?.. Для нихъ милитаризмъ даже не необходимое зло, а положительное добро. Въ Sozialistische Monatshefte за январь 1913 г. Карлъ Лейтнеръ разсматриваетъ войну, какъ моральный институтъ. Въ 1899 г. Шиппель доказывалъ въ Neue Zeit (апрѣль), что война даетъ работу пролетаріату и что милитаризмъ, увеличивая на рынкѣ спросъ на трудъ, улучшаетъ экономическое положеніе народа". По мнѣнію автора книжки, германскіе соціалъ-демократы всегда были имперіалистами, такъ какъ захватъ новыхъ рынковъ Германіей долженъ улучшить положеніе нѣмецкаго пролетаріата. „Эта война, начатая съ цѣлью захвата новыхъ территорій, должна дать Германіи,—по мнѣнію ея соціалъ-демократовъ,—новые рынки, безъ которыхъ національная промышленность не можетъ производить много и дешево. Такъ какъ побѣжденнымъ народамъ, кромѣ того, Германія навяжетъ еще таможенный союзъ, т. е. обязательство впускать безпошлинно нѣмецкіе товары, то германскіе соціалъ-демократы надѣются, что послѣ разгрома непріятельскихъ армій будетъ сокрушена промышленность конкурентовъ и это поведетъ къ благоденствію германскаго пролетаріата" [1]). Конечно, не всѣ германскіе соціалъ-демократы думаютъ такъ: но вѣрно и то, что Интернаціоналъ, даже если онъ возродится, не можетъ считаться больше гарантіей международнаго мира, если командующимъ классамъ придетъ желаніе нарушить торжественный договоръ, который будетъ выработанъ въ 1916 или 1917 годахъ.

Наконецъ, четвертый вопросъ, который будетъ обсуждаться на предстоящемъ конгрессѣ, это — милитаризмъ. Надо быть очень наивнымъ, чтобы думать, что передѣлъ, долженствующій создать въ Европѣ и въ Азіи нѣсколько Эльзасовъ, поведетъ къ общему разоруженію. Напротивъ, государства, которыя получаютъ новыя территоріи, заселенныя народами, имѣющими вѣскія основанія вспоминать свое прошлое,—должны будутъ увеличивать свои арміи и флоты. Третій Армагеддонъ, такимъ образомъ, носитъ въ себѣ зародыши ряда мѣстныхъ войнъ и гигантскаго столкновенія въ будущемъ. Человѣчество будетъ въ интервалахъ мира съ лихорадочной энергіей создавать годами культуру, чтобы она была уничтожена потомъ въ нѣсколько часовъ (или даже минутъ) какимъ-нибудь новымъ національнымъ орудіемъ разрушенія.

„Все это очень печально",—скажетъ читатель,—„неужели у человѣчества нѣтъ ничего впереди, кромѣ ряда Армагеддоновъ?"

---

[1]) Egmond Laskine, „Les Socialistes du Kaiser. La Fin d'un Mensonge"; Paris, 1915, стр. 41—48.

Будущее далеко не такъ мрачно. Въ „общественномъ договорѣ" Руссо выставляетъ знаменитый тезисъ: „L'homme est né libre, et partout il est dans les fers" (человѣкъ рожденъ свободнымъ, а между тѣмъ всюду онъ въ цѣпяхъ). Человѣкъ не свободенъ умственно даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ политическія оковы сняты съ него давно. Человѣческій умъ скованъ ошибочными доктринами, принятыми на вѣру, и неумѣніемъ думать критически и самостоятельно. Умственнымъ рабствомъ большинства объясняется то, что формулы и теоріи, предложенныя, напр., Трейчке, дѣйствуютъ какъ гипнозъ. И мнѣ припоминаются вѣщія слова великаго русскаго публициста про „постоянный трибуналъ" и про „безпощаднаго Фукье-Тенвиля", живущихъ внутри *дѣйствительно* свободнаго человѣка, не поддающагося гипнозу доктрины, *кѣмъ бы она ни была предложена*. Разумъ свободнаго человѣка „безпощаденъ, какъ Конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ, онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ къ отвѣту" *всѣ* доктрины. „Не будетъ міру свободы", пока все канонизированное „не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и отрицанію". Возмужалая логика дѣйствительно свободнаго человѣка „ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской", она изъ мистическихъ теорій „дѣлаетъ явныя истины"; она не знаетъ доктринъ неприкосновенныхъ [1]). До тѣхъ поръ, покуда большинство будетъ состоять изъ толпы (хотя бы даже университетски образованной, какъ въ Германіи), довольствующейся готовыми формулами, а не изъ политически и *умственно* свободныхъ людей, не поддающихся обаянію доктрины, до тѣхъ поръ, къ великому несчастью, человѣчество не гарантировано отъ новыхъ и новыхъ Армагеддоновъ.

Діонео.

Въ германскомъ тылу.

I.

На западной и на восточной границахъ Германіи вотъ уже десятый мѣсяцъ подрядъ не перестаетъ раздаваться грохотъ канонады и милліоны человѣческихъ существъ, схватившись въ смертельныхъ объятіяхъ въ грязи и холодѣ траншей, безъ сожалѣнія и пощады уничтожаютъ другъ друга. Великая борьба народовъ кипитъ безъ передышки. Опустошительная волна битвы набѣгаетъ по очереди то на тотъ, то на другой берегъ, захлестывая подчасъ въ своемъ грандіозномъ размахѣ сторожевыя башни воюющихъ государствъ. Но чаще она, вся вспѣненная и дрожащая отъ напря-

[1]) И. Герценъ, „Съ того берега".

женія, останавливается въ нерѣшительности посрединѣ, не зная, въ какую сторону бросить свой клокочущій гребень. Эти колебанія волны, эта причудливая игра воинскаго счастья и успѣха привлекаетъ къ себѣ взоры всего человѣчества. Телеграфъ ежедневно разноситъ по всему міру мельчайшія подробности происшедшихъ „на фронтѣ" столкновеній, и ежедневно же тысячи перьевъ глубокомысленно комментируютъ и освѣщаютъ совершившіяся въ полосѣ огня событія. Всѣ съ жгучимъ интересомъ слѣдятъ за безчисленными аттаками и контръ-аттаками, наступленіями и отступленіями, по ходу ихъ стремясь угадать, куда же, въ концѣ концовъ, склонится чаша стоящихъ сейчасъ въ равновѣсіи вѣсовъ. И, если это сосредоточеніе всего вниманія на кровавой работѣ меча психологически является вполнѣ понятнымъ, то съ другой стороны политически оно едва-ли можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ; ибо оно неизбѣжно ведетъ къ забвенію или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторому пренебреженію тѣмъ, что обычно обозначается именемъ тыла.

А между тѣмъ это огромная ошибка. Тылъ—понятіе въ высшей степени сложное и многообразное. Тылъ—это мирное населеніе страны, это—мѣра воодушевленія широкихъ массъ демократіи, это—работа политическаго и административнаго механизма государства, это—финансовые и экономическіе рессурсы націи, это—уровень ея культуры и образованія, это—фабрики и конторы, засѣянныя поля и желѣзныя дороги, словомъ это—вся пестрая и многогранная „гражданская" жизнь борющагося народа. Значеніе тыла колоссально, вліяніе его на ходъ военныхъ дѣйствій неизмѣримо. Можно смѣло утверждать, что въ наши дни мирное орало, а не мечъ, тылъ, а не фронтъ опредѣляетъ въ конечномъ счетѣ исходъ войны. И поэтому, я думаю, читатель на меня не посѣтуетъ, если я отвлеку на моментъ его вниманіе отъ стратегической карты Европы, утыканной по всѣмъ направленіямъ разноцвѣтными національными флажками, и поведу его за живую линію огня, отдѣляющаго сейчасъ имперію Гогенцоллерновъ отъ всего остального міра.

II.

Начнемъ съ области финансово-экономической.

Полгода тому назадъ, характеризуя на страницахъ „Русскихъ Записокъ" [1]) состояніе Германіи въ первыя недѣли войны, я отмѣчалъ значительныя гибкость и упругость, обнаруженныя ея хозяйственной системой, и въ соотвѣтствіи съ этимъ относился съ большимъ скептицизмомъ къ широко распространенному въ то время убѣжденію въ близости экономическаго краха тевтонской

[1]) См. мою статью „Германія во время войны", „Р. З.", № 1, ноябрь 1914 г.

монархіи. Послѣдующія событія оправдали мою тогдашнюю осторожность и теперь даже самый легкомысленный газетный обозрѣватель едва-ли рѣшится утверждать, что имперія Гогенцоллерновъ не нынче завтра должна будетъ сложить оружіе за недостаткомъ денегъ или подъ вліяніемъ полнаго разстройства своего индустріальнаго и коммерческаго аппарата.

Дѣйствительно, все, что мы знаемъ о современномъ финансовомъ состояніи Германіи, свидѣтельствуетъ объ устойчивости ея кредитной системы. Вотъ, напр., отчетъ „Имперскаго Банка“ (Reichsbank) за 1914 годъ. Знакомясь съ его цифровыми данными, вы то и дѣло натыкаетесь на явственные слѣды переживаемаго нами исключительнаго времени и все-таки по прочтеніи отчета вы приходите къ неизбѣжному выводу, что важнѣйшій центръ финансоваго механизма имперіи удачно выдержалъ тяжелое испытаніе. Общій оборотъ банка въ 1914 г. составилъ 522 милліарда марокъ противъ 423 милліардовъ въ 1913 г., чистая прибыль 67 милліоновъ противъ 50, дивидендъ 10,24% противъ 8,43%. Металлическіе резервы банка въ 1914 г. равнялись въ среднемъ 1.716 милліонамъ марокъ противъ 1.350 милліоновъ въ 1913 г. Замѣчателенъ быстрый ростъ золотыхъ запасовъ уже въ періодъ войны: 31 іюля (по новому стилю) 1914 г. они достигали 1.253 мил. марокъ, 31 декабря—2.029 и 23 марта 1915 г.—2.330 мил. марокъ. Правда, одновременно сильно увеличилось число выпущенныхъ государствомъ кредитныхъ билетовъ. Однако законъ о покрытіи суммы находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ на 1/3 золотой наличности продолжаетъ строго соблюдаться. Средняя высота дисконта Имперскаго Банка въ 1914 г. равнялась 4,9% для векселей и 5,9% для ломбардныхъ ссудъ противъ 5,9% и 6,9% въ 1913 г. Результаты, какъ видимъ, болѣе, чѣмъ удовлетворительные.

Если отъ Имперскаго Банка мы обратимся къ крупнѣйшимъ частнымъ банкамъ, то увидимъ въ общемъ также благопріятную картину. Въ самомъ дѣлѣ балансъ за 1914 г. равнялся [1]):

	Акціонер. капиталъ. (милліоны марокъ).	Чистая прибыль. 1914 г.	Чистая прибыль. 1913 г.	Дивидендъ въ %. 1914 г.	Дивидендъ въ %. 1913 г.
Disconto-Gesellschaft	300	20,9	24,5	8	10
Deutsche Bank	250	37,4	32,7	10	12
Dresdener Bank	200	23,8	26,0	6	8,5
Darmstädter Bank	160	6,9	10,7	4	6,5
Brl. Handelsgesellschaft	110	10,1	11,5	5	8,5
Nationalbank	90	8,0	7,0	—	6,5
Kommerz-und-Discontobank	85	5,7	6,6	4,5	6,0
Mitteldeutsche Kreditbank	60	8,8	8,9	5,5	6,5

1) „Vorwärts“, отъ 31 марта 1915.

Изъ приведенной таблицы ясно, что всѣ перечисленные банк за исключеніемъ „Deutsche Bank“, понесли въ минувшемъ году извѣстныя потери и въ соотвѣтствіи съ этимъ понизили свои дивиденды („Nationalbank“ оказался не въ состояніи уплатить акціонерамъ даже ни копейки, что впрочемъ, объясняется не столько вліяніемъ войны, сколько господствовавшими въ немъ еще раньше непорядками управленія). Однако, принимая во вниманіе исключительность переживаемой нами эпохи, можно утверждать, что и крупнѣйшія частныя кредитныя учрежденія въ общемъ благополучно справились съ грозившими имъ опасностями. Очень многозначительно, что, не смотря на войну, довѣріе публики къ нимъ нисколько не уменьшилось: сумма вкладовъ въ восьми перечисленныхъ банкахъ въ концѣ 1914 г. достигала 2.024 милліоновъ марокъ противъ 1.955 милліоновъ въ концѣ 1913 г.

Не можетъ пока жаловаться на плохіе дѣла и государственное казначейство. Правда, имперскіе финансы, построенные почти цѣликомъ на пошлинахъ и косвенномъ обложеніи, потерпѣли благодаря огромному сокращенію иностранной торговли (вдобавокъ пошлины на хлѣбъ съ начала войны были совсѣмъ отмѣнены) и нѣкоторому уменьшенію народнаго потребленія очень существенный уронъ, но за то военные займы прошли очень хорошо. Первый заемъ въ сентябрѣ прошлаго года далъ $4^1/_2$ милліарда марокъ, второй въ мартѣ текущаго года — свыше 9 милліардовъ. Любопытно, что второй заемъ прошелъ лучше и оказался болѣе популярнымъ въ рядахъ среднихъ и низшихъ классовъ, чѣмъ первый [1]).

---

[1]) По даннымъ „Leipziger Volksztg“ подписка на оба займа представляетъ слѣд. картину:

Размѣръ индивидуальной подписки:	Процентъ общей суммы: 1-го займа.	2-го займа.
до 200 марокъ:	0,8	0,8
300 — 500 „	2,5	2,8
600 — 2.000 „	13,0	14,7
2.100 — 5.000 „	13,0	15,0
5.100 — 10.000 „	10,0	12,0
10.100 — 20.000 „	7,5	8,0
20.100 — 50.000 „	9,0	10,0
50.100 — 100.000 „	7,0	7,0
100.100 — 500.000 „	11,0	11,0
500.100 — 1.000.000 „	6,0	4,5
свыше 1.000.000 м.	20,0	12,5

Какъ видно изъ этой таблицы, „мелкіе подписчики“ (до 500 марокъ) въ первый разъ дали 3,3% всей суммы займа, а во второй 3,6%, „средніе подписчики“ (600—50.000) въ первый разъ 52,5%, во второй 59,7%, „крупные подписчики“ (50.100—500.000) въ оба раза по 18%, „очень крупные“ (свыше 500.000) въ первый разъ 26%, а во второй только 17%. Изъ приведенныхъ цифръ явствуетъ, такимъ образомъ, что второй заемъ встрѣтилъ значительно большій откликъ, чѣмъ первый, въ кругахъ средне и мало зажиточнаго населенія.

Это свидѣтельствуетъ, прежде всего, о томъ, что страна располагаетъ большими количествами свободнаго капитала. Послѣднее, впрочемъ, не особенно удивительно.

По разсчетамъ новаго имперскаго министра финансовъ К. Гельфериха [1]), весь національный доходъ Германіи въ 1913 г. равнялся 45 милліардовъ марокъ, изъ которыхъ 35 милліардовъ пошло на личное и общественное потребленіе, а 10 милліардовъ составилъ чистый избытокъ, большая часть котораго была помѣщена въ различныя отечественныя и иностранныя предпріятія. Война сильно сократила внѣшнюю торговлю и производство (объ этомъ ниже), сдѣлала невозможной покупку цѣнныхъ бумагъ за границей, поставила непреодолимыя преграды основанію новыхъ фабрикъ и заводовъ. Въ результатѣ „освободились" очень крупныя суммы денегъ, которыя и нашли себѣ выгодное примѣненіе въ покупкѣ государственныхъ бумагъ (второй заемъ, напримѣръ, гарантировалъ подписчикамъ втеченіе десяти лѣтъ уплату 5%). Вмѣстѣ съ тѣмъ разсчеты Гельфериха показываютъ, что предоставленные пока въ распоряженіе правительства на веденіе войны 13,5 милліардовъ марокъ лишь немного превышаютъ сумму годичныхъ сбереженій германской націи, а ея основной капиталъ, достигающій примѣрно 300 милліардовъ марокъ, еще почти что не затронутъ.

Какъ видимъ, сейчасъ, въ періодъ войны, Германія не будетъ ощущать недостатка въ деньгахъ,—ихъ у нея достаточно. Но за то каждый лишній милліардъ, непроизводительно затраченный нынѣ на цѣли человѣкоубійства и разрушенія, ляжетъ впослѣдствіи свинцовой тяжестью на плечи населенія. Уже только по настоящій моментъ, по вычисленіямъ „Vorwärts'a", сумма постоянныхъ экстренныхъ расходовъ послѣ заключенія мира, сумма, необходимая на покрытіе процентовъ по займамъ, дефицитовъ военнаго времени и т. д., достигаетъ 2,5—3 милліардовъ марокъ въ годъ, что на практикѣ означаетъ удвоеніе нынѣшняго налоговаго обложенія. Какъ справится государство со столь грандіозными финансовыми проблемами? Откуда оно возьметъ потребныя ему исполинскія суммы денегъ? Это очень серьезный, чреватый многими опасностями и потрясеніями вопросъ. Но это во всякомъ случаѣ дѣло будущаго, и объ этомъ сейчасъ мало думаютъ. „Довлѣетъ дневи злоба его": лишь бы теперь справиться съ матеріальными затрудненіями, лишь бы теперь найти нужныя средства для уплаты по счетамъ многочисленныхъ поставщиковъ арміи, а тамъ все какъ-нибудь „образуется". И пока, повторяю, имперскому министру финансовъ жаловаться не приходится.

---

[1]) Dr. K. Helfferich. Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913; Berlin, 1914.

III.

Хуже положеніе въ сферѣ промышленности. Германія—страна пышно цвѣтущей, стремительно развивающейся индустріи par excellence. Индустріей и торговлей живутъ свыше ²/₃, одной индустріей свыше половины ея населенія. И потому состояніе этой области народнаго хозяйства имѣетъ огромное значеніе для оцѣнки общаго экономическаго положенія имперіи. Мѣсто не позволяетъ мнѣ подробно останавливаться на характеристикѣ вліянія войны на всѣ, или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшую часть отраслей германской промышленности. Ограничусь поэтому лишь нѣсколькими наиболѣе яркими и типичными образчиками.

Вотъ, напримѣръ, угольное дѣло. Въ первыя недѣли войны добываніе чернаго топлива въ важнѣйшемъ горнопромышленномъ районѣ имперіи—Рурскомъ бассейнѣ, сократилось болѣе, чѣмъ на половину. Въ дальнѣйшемъ однако ситуація начала постепенно улучшаться. Въ самомъ дѣлѣ, вплоть до іюля прошлаго года мѣсячная добыча угля въ названномъ районѣ колебалась между 7.911 и 8.855 тысячъ тоннъ, въ августѣ она сразу упала до 4.623 тысячъ, послѣдующія же колебанія добычи представляли слѣдующую картину: сентябрь—5.510, октябрь—6.642, ноябрь—5.753, декабрь—5.661 тысячъ тоннъ. На томъ же, примѣрно, уровнѣ держатся цифры и въ январѣ—февралѣ 1915 г. Общая добыча угля за 1914 г. упала до 85 милліоновъ тоннъ противъ 102 милліоновъ въ 1913 г., или на 17%. Впрочемъ, для того, чтобы точнѣе судить о вліяніи войны на данную отрасль промышленности, необходимо брать цифры производства не en bloc за весь годъ, а по періодамъ: за первые 7 мѣсяцевъ (до войны) и за послѣдніе 5 мѣсяцевъ (время войны). Тогда получимъ:

	1193 г.	1914 г.	
Январь-Іюль. . . .	60,2 мил. т.	56,8 мил. т.	— 5%
Августъ-декабрь. .	41,8 „ „	28,2 „ „	— 32%

Какъ видимъ, въ первый періодъ размѣръ добыванія угля въ Рурскомъ районѣ въ 1914 г. сократился по сравненію съ предыдущимъ годомъ всего лишь на 5%, что объяснялось главнымъ образомъ приближеніемъ эпохи экономическаго кризиса. Наоборотъ, во второмъ періодѣ добываніе сразу упало почти на цѣлую треть.

Производство кокса также сократилось съ 21,2 милліоновъ тоннъ въ 1913 г. до 14,8 мил. въ 1914 г., производство брикетовъ съ 4,6 до 3,9 милліоновъ тоннъ. Главными причинами ослабленія дѣятельности въ угольной промышленности являются, съ одной стороны, почти полная пріостановка экспорта чернаго топлива за границу, а съ другой, недостатокъ рабочихъ рукъ и, въ особенности, недостатокъ средствъ перевозки. Обычно въ Рурской

области ежедневно грузятся углемъ 30-32 тысячи вагоновъ. Между тѣмъ, напримѣръ, въ августѣ прошлаго года желѣзныя дороги могли предоставить въ распоряженіе шахтъ всего лишь 14 тысячъ, въ сентябрѣ 21-22 и даже въ ноябрѣ всего лишь 24-25 тысячъ вагоновъ въ день.

Не иначе и въ сферѣ металлургической промышленности. Производство чугуна въ 1914 г. составило 14,4 милліона тоннъ противъ 19,3 милліона въ 1913 г., или на 25%, а если брать для сравненія только послѣдній пятимѣсячный періодъ обоихъ годовъ, то и на цѣлыхъ 56% (3,5 мил. тоннъ вмѣсто 8) меньше. Впрочемъ, съ начала 1915 г. положеніе стало постепенно улучшаться. Производство стали также сократилось за тотъ же періодъ съ 19 мил. тоннъ до 15, или на 23%. Въ области обработки металловъ война оказала весьма неравномѣрное дѣйствіе на различныя отрасли индустріи. Такъ, напримѣръ, ювелирная промышленность, производство бронзовыхъ вещей и игрушекъ, производство лампочекъ накаливанія и цѣлаго ряда электрическихъ приборовъ и аппаратовъ, какъ разсчитанныя, по преимуществу, на экспортъ, очень сильно пострадали (число рабочихъ на заводѣ „A. E. G.“ въ Берлинѣ сократилось съ 43.000 въ іюлѣ до 32.000 въ декабрѣ 1914). Наоборотъ, во всѣхъ предпріятіяхъ, могущихъ обслуживать потребности военнаго дѣла, началась лихорадочная, 24 часа въ сутки продолжающаяся дѣятельность, вызвавшая необходимость въ громадномъ увеличеніи занятыхъ рабочихъ рукъ. Въ общемъ, по свидѣтельству вождей „Союза рабочихъ по металлу“ [1]), одно приблизительно компенсируетъ другое, такъ что безработица въ данной отрасли промышленности очень невелика (2,3% членовъ союза въ февралѣ 1915 г. противъ 19% въ августѣ 1914).

Любопытно положеніе текстильной индустріи, занимавшей передъ войной громадную армію въ 950.000 человѣкъ. Существованіе этой индустріи зависитъ почти цѣликомъ отъ заграницы, такъ какъ, съ одной стороны, она получаетъ оттуда чуть не весь необходимый ей сырой матеріалъ (хлопокъ, шерсть, джутъ и пр.), съ другой — очень значительная часть изготовляемыхъ ею продуктовъ предназначается для вывоза въ Россію, Англію, Южную Америку и различныя иныя страны [2]). Война на первыхъ порахъ вызвала въ текстильной промышленности настоящую панику и повела къ закрытію втеченіе августа мѣсяца, по меньшей мѣрѣ, 2.000 предпріятій изъ общаго количества 11.243. Десятки тысячъ рабочихъ были выброшены на улицу („Союзъ текстильныхъ рабочихъ“ на-

---

[1]) „Neue Zeit“ № 21, отъ 26 февраля 1915 г.

[2]) О какихъ громадныхъ цѣнностяхъ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, можно судить по тому факту, что въ 1913 г. импортъ сырыхъ матеріаловъ текстильнаго производства равнялся 1.500, а экспортъ готовыхъ текстильныхъ продуктовъ—1.100 мил. тоннъ.

считывалъ въ это время 30.000 безработныхъ, т. е. около одной трети всего своего состава). Ближайшее будущее индустріи рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Дѣйствительность однако готовила неожиданный сюрпризъ для пессимистовъ. Во-первыхъ, очень скоро выяснилось что въ Германіи имѣется въ наличности около 700 тысячъ „балловъ" (тюковъ по 450 ф. вѣсомъ каждый) хлопка, т. е. нѣсколько больше трети ея нормальнаго годового потребленія; далѣе, громадные запасы хлопка были найдены въ Антверпенѣ; значительные запасы доставлены изъ Америки уже во время войны. Точно также импортъ шерсти изъ нейтральныхъ и отчасти даже враждебныхъ странъ въ Германію втеченіе всей зимы не прекращался, въ общемъ покрыва нужды производства. Вопросъ о сырыхъ матеріалахъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ болѣе благополучно, чѣмъ это можно было ожидать. Не менѣе благопріятно сложились обстоятельства и въ области сбыта. Иностранный рынокъ текстильной промышленностью, правда, былъ потерянъ, но за то въ видѣ компенсаціи открылся новый гигантскій рынокъ — армія. Съ середины сентября заказы военнаго министра и посылка частными лицами „на фронтъ" различнаго рода теплыхъ вещей приняли такіе гигантскіе размѣры, что въ производствѣ тканей, особенно шерстяныхъ, наступилъ періодъ лихорадочной работы. Всѣ фабрики были сразу завалены заказами, такъ что во многихъ мѣстахъ въ конторахъ текстильныхъ предпріятій были даже вывѣшены плакаты: „Покупатели за недостаткомъ времени не принимаются. Всѣ запасы распроданы".

Конечно, это приспособленіе промышленности къ новымъ условіямъ рынка не обошлось безъ извѣстной ломки и потрясеній, но все-таки въ общемъ послѣдняя обнаружила большую гибкость и эластичность. Такъ, фабрики ковровъ на передѣланныхъ станкахъ стали изготовлять теперь шерстяныя одѣяла; шелковыя фабрики Крефельда—матеріи для палатокъ; плюшевыя фабрики Хемница—грубое, такъ называемое „парусное" полотно; фабрики зонтичныхъ верховъ—непромокаемыя матеріи для солдатскихъ жилетовъ и шинелей и т. д. Какъ бы то ни было, но сейчасъ индустрія работаетъ полнымъ ходомъ и, хотя нѣкоторыя ея отрасли, производящія по преимуществу, предметы роскоши (кружева, шелкъ, тюль, гардины и т. п.), почти совершенно пріостановили работу, однако и тутъ, какъ и въ сферѣ обработки металловъ, происходитъ извѣстное выравниваніе различныхъ плюсовъ и минусовъ, дающее въ итогѣ удовлетворительный результатъ: число безработныхъ въ союзѣ текстильщиковъ къ февралю 1915 г. опустилось до 5,1% [1]).

[1]) См. статьи H. Krätzig'a и H. Kunow'a въ „Neue Zeit" отъ 11 декабря 1914 г. и 2 апрѣля 1915 г.

Аналогичную картину мы встрѣчаемъ и въ строительной, и въ деревообдѣлочной, и въ химической, и въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей промышленности. Война нанесла имъ тяжелый ударъ. Но война же открыла передъ ними нѣкоторыя до сихъ поръ отсутствовавшія возможности. Между прочимъ интересно отмѣтить, что въ борьбѣ съ отрицательными послѣдствіями политическаго кризиса въ экономической области возникли чрезвычайно любопытныя рабоче-предпринимательскія организаціи, получившія названіе Arbeitsgemeinschaften. Суть ихъ сводится къ слѣдующему: профессіональные союзы и объединенія работодателей въ различныхъ отрасляхъ промышленности образуютъ на основѣ равнаго представительства мѣстные, областные и центральный комитеты, главной задачей которыхъ является отысканіе заказовъ для соотвѣтственныхъ предпріятій, распредѣленіе наличной работы между отдѣльными фабриками и заводами, наблюденіе за точнымъ соблюденіемъ во все время войны заключенныхъ раньше тарифныхъ договоровъ и т. д. Особенно широко распространены подобныя учрежденія въ деревообдѣлочной, портняжной, типографской и строительной промышленностяхъ. Въ послѣдней, напримѣръ, къ концу января насчитывалось свыше 200 мѣстныхъ комитетовъ, которые наряду съ областными и центральнымъ успѣшно воздѣйствовали на муниципальныя и административныя власти въ цѣляхъ неукоснительнаго продолженія работъ, рѣшенныхъ еще въ мирное время общественными и государственными учрежденіями, добивались у банковъ льготныхъ условій кредита для частныхъ лицъ желающихъ строить дома, и т. д.

О томъ, что положеніе германской промышленности является относительно (т. е. принимая во вниманіе исключительность момента) благопріятнымъ и даже постепенно улучшающимся, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и статистика безработицы. По даннымъ „Reichsarbeitsblatt“, распространяющимся на 34 профессіональныхъ организацій съ 1.266 тысячами членовъ, процентъ безработныхъ составлялъ:

въ августѣ	22,4	въ декабрѣ	7,2
„ сентябрѣ	16,0	„ январѣ	6,5
„ октябрѣ	10,9	„ февралѣ	5,1
„ ноябрѣ	8,3		

Конечно, даже и сейчасъ количество безработныхъ выше, чѣмъ въ самыя худшія времена послѣдняго промышленнаго кризиса 1908—09 г., но всетаки оно не такъ ужъ велико, чтобы внушать какія-либо особыя опасенія. Тѣмъ болѣе, что и государство и коммуны, и различнаго рода частныя организаціи, не говоря уже о профессіональныхъ союзахъ, довольно энергично стремятся прійти на помощь этимъ экономическимъ жертвамъ войны. Во всякомъ случаѣ страшная перспектива массовой нищеты и

голода, такъ отчетливо рисовавшаяся въ августѣ - сентябрѣ прошлаго года, не осуществилась; и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла едва-ли не важнѣйшая причина, дѣйствіе которой могло бы серьезно ослабить въ ближайшемъ будущемъ боеспособность имперіи Гогенцоллерновъ на границахъ. „Внутренній врагъ“ имперіи пока не угрожаетъ.

Говоря о состояніи германской промышленности, нельзя не упомянуть объ энергіи и изобрѣтательности въ области техники, которыя нѣмцы обнаружили втеченіе послѣднихъ 8 - 9 мѣсяцевъ. Англійская морская блокада почти совершенно отрѣзала тевтонскую монархію отъ остального міра и на три четверти пріостановила подвозъ въ нее всякихъ припасовъ изъ-за границы. Въ странѣ не хватаетъ мѣди, керосина, каучука, селитры и цѣлаго ряда другихъ чрезвычайно важныхъ продуктовъ. И, такъ какъ, не смотря ни на что, необходимо все-таки жить, бороться, приводить въ движеніе машины и осыпать противника градомъ пуль, то германскимъ химикамъ и инженерамъ волей неволей приходится изловчаться и изыскивать способы для преодолѣнія неожиданно выросшихъ передъ отечествомъ затрудненій. Надо отдать имъ справедливость, — справляются съ этой задачей они блестяще. Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ.

Недостатокъ керосина повелъ къ переходу многихъ небольшихъ городовъ и особенно селъ и деревень на электрическое освѣщеніе. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ увеличеніе спроса на провода. А такъ какъ мѣдь въ настоящее время въ Германіи цѣнится, если не на вѣсъ золота, то во всякомъ случаѣ на вѣсъ серебра, то нѣмецкіе электро-техники предприняли цѣлый рядъ опытовъ для отысканія какого-либо подходящаго суррогата. Таковой, въ концѣ концовъ, и нашелся въ лицѣ никеллированнаго мягкаго желѣза, успѣшно выполняющаго функцію проводника электрическаго тока. Но такъ какъ каучукъ нынѣ въ Германіи представляетъ тоже большую рѣдкость, то резиновые изоляторы теперь повсюду (и съ неменьшимъ успѣхомъ) замѣняются изоляторами изъ бумаги. Разсказанный случай не единственный. Германская техника сейчасъ добываетъ спиртъ путемъ перегонки сахара (картофель приходится беречь для ѣды, а сахару въ странѣ, сколько угодно), касторку превращаетъ въ машинное масло, а старыя газеты въ теплую одежду, вату приготовляетъ изъ бумаги, безъ прорезиниванія доставляетъ непромокаемые плащи и куртки и т. д.

Заканчивая обзоръ современнаго экономическаго положенія Германіи, будетъ не безынтересно познакомить читателя съ тѣми индустріальными „пріобрѣтеніями“, которыя имперія Гогенцоллерновъ сдѣлала пока въ Бельгіи и Франціи.

Въ Бельгіи мѣстная промышленность въ настоящее время находится почти въ полномъ застоѣ. такъ какъ обычно она занималась переработкой получаемаго изъ-за границы сырого матері-

ала для надобностей опять-таки заграничнаго экспорта. Теперь какъ ввозъ, такъ и вывозъ естественно пріостановлены, и это обрекаетъ бельгійскіе фабрики и заводы на бездѣйствіе. Впрочемъ, кое-гдѣ индустрія понемногу начинаетъ оживать. Съ ноября мѣсяца возобновилась работа въ каменноугольныхъ копяхъ провинціи Льежъ и къ февралю число занятыхъ въ нихъ рабочихъ достигло 22.000 (противъ 39.000 въ нормальное время). Возобновили работу также желѣзнодѣлательные заводы Cocquerill, Ougrie Marihaye, Angleur, хотя производство ихъ не превышаетъ 60—70% обычнаго. Электрическая индустрія Льежа функціонируетъ на 40%, газовая на 70% прежнихъ размѣровъ.

Много существеннѣе промышленныя завоеванія нѣмцевъ во Франціи. Здѣсь ими захвачены 10 лучшихъ и наиболѣе цѣнныхъ въ индустріальномъ отношеніи департаментовъ республики, съ населеніемъ въ $3^1/_4$ мил. человѣкъ. По вычисленіямъ журнала „Stahl und Eisen“, въ рукахъ нѣмцевъ сейчасъ находятся отъ одной четверти до одной трети всей промышленности Франціи, въ томъ числѣ 69% всего текстильнаго производства, 60% угольнаго, 54% металлургическаго, 47% производства пищевыхъ продуктовъ, 31% химическаго производства и т. д. (при этомъ исчисленіи въ основу клалось количество паровыхъ котловъ и лошадиныхъ силъ, употребляемыхъ во французской индустріи). Всѣ локомотиво-вагонные заводы, за исключеніемъ одного (въ Бельфорѣ), всѣ наиболѣе совершенные трубочные заводы, масса электрическихъ станцій, крупнѣйшія текстильныя фабрики, копи, доменныя печи и пр.— все досталось въ качествѣ добычи августовскимъ побѣдителямъ. Они пустили всѣ предпріятія въ ходъ и теперь снабжаютъ свою армію на западномъ фронтѣ разнообразными продуктами (инструментами, колючей проволокой, защитными листами, бомбометателями и т. д.), производимыми тутъ же на мѣстѣ.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы можемъ, такимъ образомъ, смѣло утверждать, что хозяйственная система Германіи вынесла сравнительно благополучно 9-ти мѣсячное испытаніе войны. Та великая экономическая катастрофа, которая раньше признавалась совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ общеевропейскаго вооруженнаго конфликта, не наступила. Капиталистическій механизмъ обнаружилъ гораздо большія стойкость и упругость, чѣмъ это обычно предполагалось, и, какъ показываетъ примѣръ Германіи, оказался въ состояніи приспособиться даже къ столь исключительно-труднымъ условіямъ, какъ тѣ, въ которыхъ сейчасъ живетъ имперія Гогенцоллерновъ.

IV.

Жизнь—большая затѣйница, а нынѣшняя война своимъ жестокимъ опытомъ опрокинула не мало сложившихся представленій,

обманула не мало ожиданій и подарила не мало неожиданностей. Къ числу послѣднихъ, между прочимъ, относится крайнее обостреніе въ послѣдніе мѣсяцы въ Германіи продовольственной проблемы. Когда въ столь недавнее и вмѣстѣ съ тѣмъ столь далекое мирное время нѣмецкіе политики и экономисты задумывались надъ перспективами будущей войны, они всегда останавливались передъ вопросомъ: что случится въ такомъ случаѣ съ германской промышленностью, съ германской торговлей? Эта проблема казалась имъ наиболѣе важной и чреватой послѣдствіями. Она привлекала къ себѣ ихъ наибольшее вниманіе. Но, чтобы громадная 70-ти милліонная страна оказалась почти въ положеніи осажденной крѣпости, чтобы передъ ней стала во весь свой пугающій ростъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова забота о хлѣбѣ насущномъ и призракъ массоваго голода въ ея предѣлахъ изъ сферы трагическихъ фантазій внезапно вдвинулся въ кругъ вполнѣ реальныхъ возможностей, объ этомъ никто никогда серьезно не думалъ, этого никто себѣ не представлялъ. Да и не удивительно: подобнаго прецедента исторія еще не знала. А между тѣмъ фактъ остается на лицо: Германія, относительно легко справившаяся съ вызванными войной экономическими потрясеніями, вынуждена сейчасъ напрягать всю силу своей энергіи, таланта, изобрѣтательности и организованности для того, чтобы не стать жертвой англійской политики „вымариванія голодомъ“.

Полгода тому назадъ въ упоминавшейся уже выше статьѣ „Германія во время войны“ я, касаясь вопросовъ народнаго продовольствія въ имперіи, предостерегалъ читателя отъ излишняго довѣрія къ сенсаціоннымъ газетнымъ слухамъ и указывалъ, что серьезно данная проблема можетъ стать передъ страной не слишкомъ скоро, примѣрно, лишь въ концѣ перваго года войны. Мои тогдашнія предположенія оказались справедливыми и, такъ какъ пушечная канонада на границахъ тевтонской монархіи не смолкаетъ вотъ уже десятый мѣсяцъ, то забота объ обезпеченіи питанія населенія естественно должна была выдвинуться теперь и, дѣйствительно, выдвинулась на первое мѣсто.

Суть этой сложной проблемы заключается въ слѣдующемъ. Германія хорошо обезпечена мясомъ, сахаромъ, солью, овощами, картофелемъ, ибо всѣ эти продукты въ изобиліи производятся на ея собственной территоріи. Единственнымъ темнымъ пунктомъ является хлѣбъ, и прежде всего пшеница. Правда, и въ данномъ отношеніи страна далеко не безпомощна: обычно втеченіе 10 мѣсяцевъ въ году она питается хлѣбомъ отечественнаго производства и только втеченіе двухъ остающихся—иностраннымъ (главнымъ образомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Аргентины). Но все-таки на эти шестьдесятъ дней Германія зависитъ отъ заграницы и сейчасъ, въ періодъ войны, когда почти всякій импортъ въ страну прекращенъ, она поставлена въ довольно затруднительное поло-

женіе: ей нужно во что бы то ни стало пережить критическія восемь недѣль для того, чтобы дождаться новаго урожая [1]).

При такихъ обстоятельствахъ программа дѣйствій намѣчалась сама собой. Государство должно было бы тотчасъ же послѣ уборки урожая произвести отчужденіе всѣхъ запасовъ хлѣба, находящихся въ странѣ, и, точно установивши количества послѣдняго, такимъ образомъ регулировать его потребленіе, чтобы вмѣсто 10 мѣсяцевъ зерна хватило на 12. Это былъ крайній минимумъ, котораго требовало положеніе, и именно на этомъ настаивали с.-д. партія и профессіональные союзы еще въ августѣ прошлаго года. Однако имперское правительство есть буржуазное вдобавокъ еще юнкерское правительство. Неудивительно, что широкія мѣры „соціалистическаго характера", да еще близко затрагивающія интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, ему меньше всего улыбались. Записка представителей рабочей демократіи была представлена на разсмотрѣніе совѣта министровъ, подверглась тщательному обсужденію и въ результатѣ... оставлена безъ послѣдствій, въ виду полной обезпеченности Германіи,—какъ заявляли власти,—хлѣбными запасами.

Первымъ послѣдствіемъ правительственной дѣятельности была потеря огромныхъ количествъ хлѣба, ушедшихъ на кормъ скоту и тѣмъ самымъ безъ нужды сократившихъ запасы, необходимые для человѣческаго питанія. Вторымъ—и, пожалуй, не менѣе важнымъ—явился стремительный ростъ цѣнъ на зерно и муку.

Вотъ соотвѣтственныя офиціальныя цифры (стоимость тонны):

	Пшеница.		Рожь.	
	Зерно.	Мука.	Зерно.	Мука.
1914 г.				
Апрѣль - іюль	201 м.	258 м.	164 м.	229 м.
Августъ	224 „	359 „	104 „	294 „
Сентябрь	258 „	350 „	212 „	214 „
Октябрь	250 „	360 „	227 „	309 „
Ноябрь	260 „	366 „	220 „	301 „
Декабрь	260 „	393 „	220 „	316 „
1915 г.				
Январь	262 „	419 „	222 „	352 „
Увеличеніе за 6 мѣсяцевъ на	30%	62%	35%	54% [2]).

[1]) Помимо хлѣба, Германія ощущаетъ еще большой недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ для скота, половину которыхъ она обычно ввозила изъ заграницы.

[2]) Справедливость требуетъ сказать, что вздорожаніе хлѣба въ Германіи не превосходитъ вздорожанія его въ другихъ воюющихъ странахъ, даже не испытывающихъ никакихъ затрудненій въ подвозѣ. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ въ январѣ-февралѣ 1915 г. тонна американской пшеницы стоила въ переводѣ на нѣмецкія деньги 268 - 270 марокъ, т. е. была нѣсколько дороже, чѣмъ въ Берлинѣ (262 - 263 м.). Что же касается вздорожанія въ предѣлахъ тевтонской монархіи всѣхъ вообще пищевыхъ продуктовъ за время войны, то оно далеко не такъ значительно, какъ обычно себѣ представляютъ. По даннымъ, приводимымъ „Vorwärts'омъ" (№ отъ 6 марта), средняя стоимость жизни рабочей семьи изъ четырехъ человѣкъ, въ недѣлю равнялась:

Власти пытались противодѣйствовать этому повышательному движенію путемъ установленія максимальныхъ таксъ на зерно (но не на муку), и это несомнѣнно сказывается въ относительной прочности цѣнъ на послѣднее, начиная съ ноября. Но онѣ выступили на сцену слишкомъ поздно, когда цѣны уже были достаточно вздуты спекулянтами, и кромѣ того не проявили достаточной рѣшительности. Въ результатѣ правительству пришлось, въ концѣ концовъ, прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, отъ принятія которыхъ оно больше всего хотѣло бы уклониться,—пришлось вступить на путь серьезнаго ограниченія „свободной игры хозяйственныхъ силъ".

6 января 1915 г. союзный совѣтъ издалъ предписаніе, устанавливавшее болѣе тщательный вымолотъ зерна, чѣмъ это практиковалось до того (до 82% у ржи, до 80% у пшеницы), и печеніе хлѣба не изъ чистой пшеничной муки, а изъ смѣси ея съ ржаной, и не изъ чистой ржаной, а изъ смѣси ея съ картофельной мукой. Далѣе рѣшеніемъ того же союзнаго совѣта отъ 25 января было установлено то, что повсюду заграницей, да отчасти и въ самой Германіи, не совсѣмъ правильно называется „государственной монополіей" на хлѣбъ [1]). Особому обществу „Kriegsgetreide-Gesellschaft", имѣющему 50 милліоновъ марокъ основного капитала и насчитывающему въ составѣ своихъ участниковъ всѣ нѣмецкія союзныя государства (Пруссію, Саксонію, Баварію и пр.) и цѣлый рядъ крупныхъ городскихъ самоуправленій, правительствомъ было поручено скупить три милліона тоннъ зерна, примѣняя для этой цѣли въ случаѣ необходимости право реквизиціи. Въ то же время муниципальнымъ учрежденіямъ было предписано произвести отчужденіе большей части муки, находящейся въ районѣ ихъ дѣятельности, и озаботиться заготовленіемъ достаточнаго количества долго сохраняющихся мясныхъ товаровъ. Всѣ получен-

---

	Іюль 1914 г.	Январь 1915 г.	
Восточная Пруссія	23,67 мк.	29,74 мк.	+26%
Силезія	23,93 „	29,68 „	+23%
Берлинъ и предмѣстья	24,75 „	30,06 „	+21%
Рейнская область	26,01 „	30,94 „	+19%
Познань	25,16 „	29,73 „	+18%
Ганноверъ	24,97 „	29,53 „	+18%

Вздорожаніе въ Восточной Пруссіи (26%) высшее на пространствѣ всей страны.

[1]) Не совсѣмъ правильно потому, что хлѣбные запасы далеко не цѣликомъ переходятъ въ руки государства, хотя бы и въ лицѣ полуофиціальнаго Kriegsgetreide-Gesellschaft. Внѣ сферы полномочій послѣдняго остается, во-первыхъ, дѣло снабженія хлѣбомъ арміи; далѣе, въ частномъ владѣніи сохраняются запасы зерна, необходимые для обсѣмененія полей и собственныхъ нуждъ землевладѣльческихъ хозяйствъ; зерновой хлѣбъ, ввезенный послѣ указа 25 января изъ-заграницы, также продолжаетъ составлять собственность импортеровъ; наконецъ, продажа муки мельницами и торговцами не уничтожается совсѣмъ, а только сильно ограничивается.

ные такимъ образомъ хлѣбные запасы должны были быть распредѣлены пропорціонально количеству населенія между отдѣльными коммунами и союзами коммунъ, считая по 225 (позднѣе по 200) гр. муки въ день на человѣка [1]).

Это была несомнѣнно грандіозная, не имѣющая еще прецедента въ исторіи „государственно-соціалистическая" схема. Но такъ какъ ея проведеніе волею судебъ было вложено въ руки юнкерскаго правительства, то осуществленіе реформы сильно страдало отъ отсутствія стройности и послѣдовательности. Такъ, радикально ограничивъ торговлю зерномъ, правительство не приняло однако достаточныхъ мѣръ къ нормировкѣ цѣнъ на муку и печеный хлѣбъ, и въ результатѣ населеніе, посаженное на „военные" раціоны, вынуждено было платить бѣшеныя деньги за самый необходимый продуктъ питанія. Точно также правительство слишкомъ долго медлило съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ для обезпеченія страны нужными для человѣческаго питанія количествами картофеля, что имѣло своимъ послѣдствіемъ потерю и здѣсь также очень значительныхъ массъ полезнаго продукта, пошедшихъ на кормъ скоту. Только въ недавнее время имперскіе министры пришли, наконецъ, къ выводу о неизбѣжности покупки большихъ запасовъ картофеля и введенія на него хотя бы и въ нѣсколько ослабленной и разжиженной формѣ „государственной монополіи".

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ... Необходимость обезпечить во что бы то ни стало существованіе націи въ трудную годину борьбы повела и здѣсь, какъ и въ области промышленности, къ примѣненію цѣлаго ряда остроумныхъ и подчасъ оригинальныхъ мѣръ. Такъ, въ интересахъ экономіи хлѣбныхъ злаковъ для человѣческаго питанія было приложено немало усилій къ отысканію какихъ-нибудь суррогатовъ, могущихъ идти вмѣсто зерна и картофеля на кормъ скоту. Усилія эти увѣнчались крупнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время Германія кормитъ своихъ свиней особыми препаратами, получаемыми изъ переработанныхъ кухонныхъ отбросовъ, а своихъ коровъ и овецъ—„соломенной мукой" и нѣкоторыми побочными продуктами, создающимися въ процессѣ сахарнаго производства. Въ цѣляхъ же обезпеченія возможно большаго урожая въ нынѣшнемъ году Германія энергично осушаетъ

[1]) Что установленные союзнымъ совѣтомъ мучные раціоны представляютъ собой весьма суровое ограниченіе, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, любопытное изслѣдованіе статистическаго отдѣленія города Маннгейма о размѣрахъ нормальнаго потребленія хлѣба, произведенное въ январѣ текущаго года. Изслѣдованіе распроспространялось на 416 типичныхъ семей изъ всѣхъ слоевъ и классовъ населенія, насчитывающихъ въ суммѣ 2.164 членовъ, и окончательный итогъ его такой: потребленіе муки на ѣдока составляетъ въ среднемъ 1.821 граммъ въ недѣлю, или 260 граммъ въ день. Между тѣмъ германское мирное населеніе въ настоящее время должно довольствоваться только 200 граммами.

болота, подымаетъ новь, засѣваетъ незастроенные пустыри въ городахъ, стараясь утилизировать каждый подходящій клочекъ земли для воздѣлыванія столь необходимыхъ хлѣбныхъ злаковъ. Работа кипитъ безъ передышки на всемъ протяженіи страны (засѣяны, между прочимъ, и захваченныя нѣмцами части Франціи), ибо нація прекрасно сознаетъ, что отъ успѣшнаго вызрѣванія колоса на поляхъ зависитъ исходъ исполинской борьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все будущее имперіи.

Удастся ли Германіи благополучно справиться со своими продовольственными затрудненіями? Повидимому, да. Судя по офиціальнымъ и неофиціальнымъ даннымъ, при строгой экономіи наличныхъ запасовъ хлѣба въ странѣ хватитъ до середины августа новаго стиля. Сборъ же урожая происходитъ обычно, смотря по району, начиная съ первой половины іюня и до второй половины іюля. Уже сейчасъ различныя сельско-хозяйственныя организаціи совмѣстно съ правительственными и коммунальными властями принимаютъ всѣ необходимыя подготовительныя мѣры для обезпеченія возможно болѣе ранней уборки полей и немедленнаго же перемола послѣ того зерна въ муку. И, конечно, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что при производствѣ всѣхъ этихъ работъ не будетъ потеряно ни одного дня, ни одного лишняго часа... Иными словами, это означаетъ, что въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года нѣсколько отощавшая, но все еще достаточно крѣпкая Германія будетъ располагать новыми запасами продовольствія на цѣлый годъ и сможетъ, если не вмѣшаются какіелибо иные факторы, не боясь голодной смерти, энергично вести вторую зимнюю кампанію. Данное обстоятельство надо трезво учитывать и не строить себѣ никакихъ особенныхъ иллюзій на счетъ результатовъ англійской блокады: подъ вліяніемъ войны имперія Гогенцоллерновъ начинаетъ все больше приближаться къ идеалу того „самодовлѣющаго государства“, о которомъ сто лѣтъ назадъ писалъ Фихте.

V.

Въ августѣ-сентябрѣ прошлаго года общественныя настроенія въ странѣ были бурныя и кипящія. Въ то время всѣ вѣрили въ близость и грандіозность германской побѣды, съ презрѣніемъ относились къ боеспособности врага, упивались яркими мечтами о міровомъ господствѣ и въ одинъ голосъ повторяли: „хорошо быть нѣмцемъ!“ Съ тѣхъ поръ многое, очень многое перемѣнилось. Страсти остыли и стали постепенно покрываться корой хладнокровія и разсудительности. Безмѣрныя человѣческія жертвы на западѣ и на востокѣ, число которыхъ даже по офиціальнымъ свѣдѣніямъ уже перевалило за милліонъ, способствовали отрезвленію самыхъ горячихъ головъ. Упорство противника и почти полная пріостановка всякаго поступательнаго движенія германскихъ

армій на обоихъ фронтахъ заставили серьезно задуматься надъ перспективами ближайшаго будущаго. Исчезъ вызывающій надменный тонъ. Явно сократились былые аппетиты и притязанія. Что сказать, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы о нижеслѣдующихъ размышленіяхъ извѣстнаго (и при томъ весьма близкаго къ правительственнымъ кругамъ) апологета германскаго имперіализма П. Рорбаха, напечатанныхъ въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ еженедѣльника „Das grössere Deutschland": „Фридрихъ Великій, — пишетъ нашъ авторъ, — остался побѣдителемъ въ семилѣтней войнѣ, не смотря на то, что онъ не пріобрѣлъ въ результатѣ ея ни клочка чужой территоріи и лишь съ крайнимъ напряженіемъ силъ сохранилъ свои собственныя владѣнія. Его побѣда заключалась въ томъ, что онъ принудилъ противниковъ признать Пруссію великой державой со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями... И сейчасъ мы могли бы считать себя побѣдителями даже и въ томъ случаѣ, еслибы въ итогѣ исполинской борьбы наши объединенные враги вынуждены были отказаться отъ мысли сломить нашу военную мощь и должны были вернуться къ тому положенію, которое существовало до войны".

Какія поразительныя скромность и умѣренность! И какъ мало приведенная цитата гармонируетъ по настроенію съ слѣдующими словами того же Рорбаха, относящимися къ сентябрю мѣсяцу прошлаго года: „Нашъ первый и самый главный врагъ... Англія. Съ Англіей миръ заключенъ можетъ быть не раньше, чѣмъ ея власть вредить будетъ уничтожена навсегда... Щадить Англію — значитъ измѣнять собственному отечеству. Поэтому: долой англійское морское разбойничество" [1]).

Не менѣе любопытно и многозначительно неожиданное превращеніе пресловутаго генерала фонъ-Бернгарди. Этотъ вѣчно бряцающій оружіемъ пѣвецъ прусско-юнкерскаго милитаризма, который еще совсѣмъ недавно курилъ фиміамы предстоящей общеевропейской войнѣ, провозглашая не только неизбѣжность, но и желательность ея, и болѣе, чѣмъ откровенно, дѣлилъ „указательнымъ перстомъ" Европу на страницахъ своей книги „Deutschland und der nächste Krieg", — этотъ самый Бернгарди теперь вдругъ публикуетъ на столбцахъ „New-Iork Sun" длинную статью, въ которой усиленно доказываетъ, что Германія никогда ничего больше не желала, какъ только оставаться въ мирѣ и покоѣ, и что нынѣшняя война навязана ей коалиціей злобныхъ и завистливыхъ противниковъ съ коварной и преступной Англіей во главѣ [2]).

Рорбахъ и генералъ Бернгарди — это наиболѣе яркіе индиви дуальные примѣры. Но та же самая эволюція настроенія наблю

---

[1]) P. Rohrbach, „Der Krieg und die deutsche Politik"; Dresden, 1914, стр. 100.

[2]) „Times" отъ 23 марта 1915.

дается и въ широкихъ слояхъ населенія. Частныя письма, приходящія изъ Германіи; впечатлѣнія гражданъ „нейтральныхъ государствъ", имѣющихъ возможность отъ времени до времени посѣщать тевтонскую монархію; тонъ прессы и характеръ дебатовъ въ парламентскихъ и коммунальныхъ учрежденіяхъ страны; тысячи незначительныхъ, подчасъ мало уловимыхъ признаковъ и фактовъ — все это вмѣстѣ взятое ясно свидѣтельствуетъ о большомъ психологическомъ сдвигѣ, о томъ, что девять мѣсяцевъ войны не прошли даромъ для нѣмецкой націи, и что она теперь не та, совсѣмъ не та. Нація примолкла, насупилась, призадумалась...

И все-таки... не смотря ни на что, большой патріотическій подъемъ въ широкихъ слояхъ населенія даже и сейчасъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ потерялъ, быть можетъ, пылъ и горячность только что разбуженнаго чувства, онъ сталъ по внѣшности какъ-то спокойнѣе, будничнѣе, прозаичнѣе, но за то пріобрѣлъ силу привычки и крѣпость глубоко засѣвшаго въ сознаніи убѣжденія.

Совсѣмъ недавно одинъ изъ „нейтральныхъ" корреспондентовъ „Times'а" разсказалъ на страницахъ лондонскаго органа слѣдующую маленькую, но весьма характерную исторію. Въ Берлинскомъ Тиргартенѣ онъ встрѣтилъ рабочаго, устало сидѣвшаго на скамейкѣ. Корреспондентъ вступилъ съ рабочимъ въ разговоръ и, между прочимъ, узналъ, что его собесѣдникъ занятъ на одной столичной мебельной фабрикѣ.—„Много ли вы получаете?" задалъ онъ вопросъ своему сосѣду.—„Три марки въ день".—„А сколько вы получали до войны?"—„Пять съ половиной марокъ".—„И вы недовольны своей нынѣшней платой?"—„Недоволенъ?"—Рабочій удивленно посмотрѣлъ на журналиста и затѣмъ прибавилъ:—„Какъ я могу быть недовольнымъ *здѣсь*? А развѣ тамъ, въ траншеяхъ лучше? Плата еще хуже, да вдобавокъ невѣроятныя мученія. Наше время придетъ послѣ войны, но прежде надо разбить Англію". Сейчасъ повсюду въ Германіи — замѣчаетъ корреспондентъ —то же самое настроеніе, среди рабочихъ, въ кругахъ среднихъ и высшихъ классовъ. Именно это чувство патріотизма, эту готовность выносить страданія и лишенія ради отечества—вотъ что труднѣе всего побѣдить. Всѣ нѣмцы, какъ одинъ человѣкъ. Они крѣпко стоятъ другъ за друга въ правомъ и неправомъ, хорошемъ и плохомъ, чего бы это имъ ни стоило. „Times'у" едва-ли есть особое основаніе изображать положеніе дѣлъ во вражеской странѣ въ розовыхъ краскахъ,—тѣмъ цѣннѣе и многозначительнѣе его свидѣтельство [1]).

Любопытна также для характеристики нынѣшняго настроенія Германіи та „военная" или точнѣе, пожалуй, „воинственная" поэзія, которая пышнымъ цвѣтомъ расцвѣла втеченіе послѣднихъ 9 мѣсяцевъ. Я не случайно употребляю выраженіе „пышнымъ

[1]) См. „Times" отъ 30 марта.

цвѣтомъ расцвѣла": по подсчетамъ Юліуса Баба въ „Literarisches Echo" [1]), число стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ, написанныхъ о войнѣ съ прошлаго августа, опредѣляется минимумъ въ 50.000 (пятьдесятъ тысячъ). Мыслимъ ли болѣе богатый урожай? Правда, 99% этихъ произведеній не суждено было увидѣть свѣта, но все-таки даже и появившійся въ печати 1% представляетъ въ количественномъ отношеніи такую крупную величину, что можетъ дать нѣкоторое представленіе о движеніяхъ нѣмецкой души въ настоящій моментъ. Тѣмъ болѣе, что рѣшительно всѣ хоть сколько-нибудь замѣтные и выдающіеся пѣвцы Аполлона, къ какой бы литературной школѣ они ни принадлежали и какихъ бы политическихъ воззрѣній ни держались, сочли своимъ долгомъ откликнуться на переживаемыя событія. О чемъ же они повѣдали міру?

Когда просматриваешь безчисленное количество стихотвореній, появившихся въ германской печати за время войны, невольно поражаетъ рѣдкое единство настроенія, единство симпатій, стремленій и даже отдѣльныхъ словъ и выраженій большинства авторовъ. Рихардъ Демель и Гергардтъ Гауптманъ, Карлъ Генкель и Арнс Гольцъ, Людвигъ Гангхоферъ и Лиссауеръ,—всѣ, рѣшительно всѣ, не смотря на громадныя идейныя различія, раздѣлявшія ихъ въ мирную эпоху, теперь дружно тянутъ одну и ту же ноту, на всѣ лады распѣваютъ одну и ту же нѣмецко-шовинистическую мелодію. Всѣ они называютъ нынѣшнюю войну „святой войной"; всѣ изображаютъ Германію въ видѣ суроваго рыцаря, который, по Божьему повелѣнію, творитъ судъ и расправу надъ „злодѣями", „шакалами и гіенами"; всѣ жестоко издѣваются надъ враждебными имъ націями и превозносятъ собственное отечество превыше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Вотъ нѣсколько образчиковъ.

Отто Эрнстъ въ стихотвореніи „Къ моему отечеству" восклицаетъ: „Убей дьявола и принеси себѣ съ неба семь вѣнцовъ человѣчества!" (семь по числу враговъ Германіи). Рихардъ Демель поетъ: „Народъ, ты чувствуешь себя вдохновеннымъ, ибо твой духъ есть Духъ Божій и никогда не можетъ умереть!" Народъ—это, конечно, нѣмецкій народъ, потому что противниковъ Демель въ томъ же стихотвореніи („Gebet aus Volk") характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Они—олицетвореніе всего плохого, всего сквернаго, разбойники, наемники, рабы, негодяи". Гергардтъ Гауптманъ заставляетъ Германію на вопросъ, что заставило ее взяться за мечъ, отвѣчать: „Моя незапятнанная честь, мое безупречно чистое имя". Рихардъ Нордгаузенъ сочиняетъ цѣлую торжественную оду „на рожденіе" 42-сантиметроваго орудія, оду, въ которой онъ, между прочимъ, провозглашаетъ: „Война! Она не какое-нибудь доистори-

[1]) 17 Jahgraug, Heft № 1.

ческое животное, она—богиня массъ; молитвы и трубные звуки возносятся къ ней, открывающей намъ дорогу къ будущему". Іосифъ фонъ Лауффъ поле битвы сравниваетъ съ алтаремъ, а Рудольфъ Герцогъ демонстрируетъ читателю ни больше ни меньше, какъ „нѣмецкаго архангела Михаила", котораго Богъ „между Мецомъ и Вогезами" дѣлаетъ своимъ знаменосцемъ. Впрочемъ, это еще далеко не предѣлъ. Карлъ Росснеръ умудрился нарисовать гораздо болѣе выразительную картину: Христосъ идетъ черезъ поле битвы и при этомъ внимаетъ среди умирающихъ только тѣмъ, которые думаютъ „по-нѣмецки". Стихотвореніе Росснера имѣло шумный успѣхъ.

Если таково безумное превознесеніе собственнаго народа—„избраннаго народа",—то не менѣе преувеличены презрѣніе и ненависть, питаемыя къ народамъ враждебнымъ. Еще къ французамъ отношеніе сравнительно благодушно. Ихъ называютъ всего только „глупцами" (Остини), „галльскими комедьянтами" (Густавъ Шюлеръ), говорятъ о „египетской ночи, дремлющей по ту сторону Рейна", о „вѣчномъ позорѣ Седана" и т. д. Хуже уже отношеніе къ русскимъ. „Варвары", „дикіе калмыки", „безсмысленная орда" и т. п.—вотъ наиболѣе обычные эпитеты, которые примѣняются къ нашимъ соотечественникамъ. Но ярче и неугасимѣе всего пламя ненависти въ нѣмецкихъ сердцахъ пылаетъ по отношенію къ англичанамъ. Англія—это, въ изображеніи германскихъ поэтовъ, исчадіе ада, сосудъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ; это страна, которая знаетъ только одну страсть—низкую страсть наживы; это врагъ, который не вѣдаетъ мѣры въ жестокости и границы въ злопамятствѣ. И потому вѣчная, непримиримая ненависть къ Англіи! Пожалуй, лучшимъ съ художественной точки зрѣнія произведеніемъ среди моря „воинственной" лирики Германіи является знаменитый обращенный къ Англіи „Гимнъ ненависти" Лиссауера, достаточное представленіе о которомъ можетъ дать слѣдующая строфа:

Dich werden wir Hassen mit langem Hass,
Wir werden nicht lassen von unserm Hass,
Hass zu Wasser und Hass zu Land,
Hass des Hauptes und Hass der Hand,
Hass der Hämmer und Hass der Kronen,
Drasselnder Hass von siebzig Millionen
Sie leben vereint, sie hassen vereint,
Sie haben alle nur einen Feind:
England [1]).

---

[1]) „Тебя мы будемъ ненавидѣть долгой ненавистью, мы никогда не откажемся отъ нашей ненависти! Ненависть на моряхъ и ненависть на сушѣ, ненависть сознанія и ненависть дѣйствія, ненависть королей и ненависть работниковъ, лютая ненависть 70 милліоновъ! Они любятъ вмѣстѣ, они ненавидятъ вмѣстѣ, они всѣ имѣютъ только одного врага—Англію".

VI.

Въ странѣ продолжаетъ господствовать провозглашенный еще въ августѣ „Burgfrieden“ (гражданскій миръ). Партіи прекратили политическую борьбу; газеты различныхъ направленій отказались или почти совсѣмъ отказались отъ полемики; власти, повинуясь слову императора, признали, что въ странѣ существуютъ не консерваторы, либералы, с.-д., а „только нѣмцы“; рабочая демократія, выросшая и развившаяся на полувѣковой борьбѣ съ реакціей, бросила въ сторону свой привычный мечъ и пошла на встрѣчу правительству съ масличной вѣтвью въ рукахъ. Насколько строго соблюдается (по крайней мѣрѣ, съ одной стороны) это внутреннее перемиріе, можно судить хотя бы по слѣдующему факту: во время происходившей въ февралѣ сессіи прусскаго ландтага с.-д. Генишъ выступалъ по бюджету народнаго просвѣщенія. Въ обычное время данная тема всегда служила поводомъ для цѣлаго ряда острыхъ столкновеній между представителями пролетаріата и государственной властью. С.-д. рѣзко критиковали политику правительства, министръ и его товарищи имъ рѣзко отвѣчали, вмѣшивались ораторы буржуазныхъ партій, и дѣло нерѣдко доходило до „stürmische Szenen“ и призывовъ особенно горячихъ депутатовъ къ порядку На этотъ разъ все обошлось на рѣдкость тихо и спокойно. И, хотя школьная политика прусскаго юнкерства нисколько не измѣнилась и въ бюджетѣ, какъ всегда, содержались статьи, направленныя противъ с.-д. и поляковъ, съ устъ Гениша не сорвалось ни одного рѣзкаго слова. Еще бы: Burgfrieden.

Я не случайно привелъ для иллюстраціи моей мысли этотъ маленькій инцидентъ изъ практики трехкласснаго парламента, ибо онъ чрезвычайно ярко обрисовываетъ внутреннюю, очень часто однобокую сущность „гражданскаго мира“. Позволю себѣ остановиться еще на нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ фактахъ аналогичнаго порядка.

Вотъ рабочая пресса. Не смотря на объявленное „единеніе власти съ народомъ“, цензура все чаще начинаетъ запускать свои когти въ живое тѣло соціалистической печати. За послѣдніе мѣсяцы цѣлый рядъ газетъ пролетаріата—„Magdeburger Volksstimme“, „Danziger Volkswacht“, „Braunschweiger Volksfreund“ и нѣкоторыя другія (всего около 10)—подвергался временному или окончательному закрытію. Сверхъ того значительное количество газетъ поставлено было подъ дѣйствіе предварительной цензуры. Одинъ изъ этихъ безвременно погибшихъ органовъ, „Gothaer Volksblatt“, послѣ тщетныхъ попытокъ возродиться въ прежнемъ видѣ вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, снять совсѣмъ свой соціалистическій ярлыкъ и превратиться въ безпартійный „General-Anzeiger“. Редакторъ же стараго „Volksblatt“ былъ привлеченъ къ суду за „оскорбленіе величества“ и въ результатѣ приговоренъ къ 3-мѣсяч-

ному тюремному заключенію. „Попеченіе“ начальства о печати приняло въ послѣдніе мѣсяцы столь острый характеръ, что даже буржуазныя партіи заволновались, и правительству пришлось давать въ рейхстагѣ успокоительныя разъясненія. „Гражданскій миръ“, можетъ быть, и прекрасная вещь, но почему же онъ признается обязательнымъ только для одной стороны?

Еще хуже обстоитъ дѣло съ центральной проблемой политической жизни Германіи—съ проблемой прусскаго избирательнаго права. Во время осенней сессіи ландтага с.-д. не рѣшились поставить данный вопросъ въ порядокъ дня съ достаточной рѣзкостью и опредѣленностью. Говорившій отъ ихъ имени П. Гиршъ выразилъ тогда лишь надежду, лишь скромное ожиданіе, что господствующіе классы не забудутъ жертвъ, принесенныхъ нѣмецкимъ народомъ въ настоящей войнѣ, и въ награду за это подарятъ ему систему всеобщаго голосованія въ Пруссіи. Господствующіе классы спокойно выслушали и промолчали, въ глубинѣ души при этомъ саркастически подумавъ: „Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось...“. Въ слѣдующую февральскую сессію трехклассной камеры тотъ же вопросъ пришлось выдвинуть уже вполнѣ категорически и недвусмысленно. Въ бюджетной коммиссіи прогрессисты интерпеллировали правительство о его намѣреніяхъ касательно реформы избирательнаго права, въ пленумѣ о томъ же говорили с.-д. И въ результатѣ и тѣ, и другіе получили краткое и выразительное: нѣтъ! Ни министерство, ни доминирующія партіи (прежде всего, конечно, консерваторы) даже и не помышляютъ о демократизаціи могущественнѣйшаго представительнаго учрежденія Германіи.

Спустя нѣсколько дней ораторъ рабочей партіи демократіи въ рейхстагѣ формулировалъ pia desideria пролетаріата: политическое равноправіе соціалъ-демократіи; прекращеніе гоненій на с.-д. прессу и профессіональные союзы; расширеніе правъ имперскаго парламента послѣ войны; широкія соціальныя преобразованія, какъ введеніе страхованія отъ безработицы, и т. д. Что же правительство? Что же буржуазныя партіи? Они встрѣтили и проводили рѣчь Шейдемана, не проронивши ни слова, и въ этомъ краснорѣчивомъ молчаніи крылся въ сущности вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Сказать „да“ они не хотѣли, сказать „нѣтъ“ считали въ настоящій моментъ неудобнымъ,—что же имъ оставалось дѣлать, какъ не молчать?

Формулируя свои впечатлѣнія отъ нынѣшней политической ситуаціи въ странѣ, фонъ-Герлахъ, одинъ изъ немногихъ истинныхъ демократовъ Германіи, недавно писалъ:

„Откровенно говоря, послѣдняя сессія ландтага произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Ея лейтмотивъ заключался, какъ мнѣ кажется, въ словахъ оратора правой, который заявилъ, что опытъ войны убѣждаетъ его въ необходимости не демократизаціи нашихъ политическихъ учрежденій, а, наоборотъ, еще большаго

усиленія государственной власти. Ни проблеска надежды на болѣе свѣтлое и свободное будущее!.. Все остается по старому“ [1]).

Все остается по старому не только въ области внутреннихъ германскихъ дѣлъ,—„по старому“ остается все и въ сферѣ иностранной политики. Въ засѣданіи рейхстага 4 августа Бетманъ-Гольвегъ торжественно провозгласилъ, что нынѣшняя война есть оборонительная война, что она навязана Германіи извнѣ комплотомъ ея недруговъ и завистниковъ и что имперское правительство, съ своей стороны, не преслѣдуетъ никакихъ аггрессивныхъ цѣлей. Одновременно во всей нѣмецкой прессѣ началась пропаганда войны, какъ войны „противъ русскаго абсолютизма“ и „за освобожденіе“ порабощенныхъ имъ народовъ. Нападеніе на Бельгію и военныя дѣйствія противъ Англіи и Франціи объявлялись лишь печальной стратегической необходимостью. Такимъ путемъ правящіе круги думали сдѣлать подносимую ими горькую пилюлю болѣе пріемлемой для нѣмецкой демократіи и, хотя вся эта сказка объ освободительной миссіи Гогенцоллерновъ была явно сшита бѣлыми нитками, на первыхъ порахъ она имѣла несомнѣнный успѣхъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около девяти мѣсяцевъ и нынѣ истинное лицо войны начинаетъ обнаруживаться все отчетливѣе и опредѣленнѣе. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлали газетные дебаты о „цѣляхъ войны“, которые оживленно велись въ январѣ-мартѣ текущаго года и затѣмъ были насильственно прекращены правительствомъ. Главное участіе въ обсужденіи столь злободневнаго вопроса принимала правая пресса, правые политики и публицисты (лѣвую печать сдерживалъ намордникъ цензуры). И, такъ какъ именно эти элементы заправляютъ сейчасъ судьбами имперіи, то ихъ мнѣнія и настроенія для насъ далеко не безразличны. Основной тонъ послѣднихъ лучше всего, пожалуй, характеризуется слѣдующей выдержкой изъ рѣчи президента прусской палаты господъ, сказанной имъ при закрытіи сессіи ландтага 15 марта: „Еслибы мы не хотѣли ничего больше, какъ только отразить нападеніе врага, то было бы, я думаю, не трудно добиться заключенія мира уже въ самомъ ближайшемъ времени. Этимъ однако мы никакъ не можемъ удовлетвориться. Послѣ тѣхъ огромныхъ жертвъ людьми и имуществомъ, которыя мы принесли, мы должны потребовать больше“.

Само собою разумѣется, что это „больше“ понимается различными органами и людьми весьма различно. Такъ, аграрно-консервативная „Deutsche Tageszeitung“ пишетъ: „Бельгія... основной вопросъ всего германскаго будущаго. Берега и гавани Бельгіи должны быть разъ навсегда избавлены отъ прямого или косвеннаго вліянія на нихъ какой-либо великой державы“ (№ отъ 29 марта). Вождь націоналъ-либераловъ, Бассерманъ, требуетъ, чтобы въ ру-

[1]) „Die Welt am Montag“ отъ 8 марта.

кахъ Германіи остались всѣ завоеванныя силою ея оружія земли. Глава саксонскихъ металлургическихъ заводчиковъ, д-ръ Штреземанъ, заявляетъ: горе тому государственному человѣку, который рискнетъ добровольно отказаться отъ Антверпена! „Deutscher Wehrverein" согласенъ признать лишь такой мирный договоръ, который дастъ нѣмецкому народу не только денежную контрибуцію, но и расширеніе его территоріальныхъ владѣній, какъ въ Европѣ, такъ и внѣ Европы („Vorwärts" отъ 23 февраля). Даже лидеръ свободомыслящихъ, докторъ Пахнике, настаиваетъ на мирѣ, который бы принесъ странѣ „большія политическія и экономическія выгоды" („Hilfe" отъ 20 января).

Кажется, достаточно ясно. И если сюда еще прибавить, что въ консервативныхъ кругахъ существуетъ очень вліятельное теченіе съ германскимъ кронпринцемъ во главѣ, которое мечтаетъ о скорѣйшемъ примиреніи съ Россіей и сосредоточеніи всѣхъ силъ на борьбѣ съ Англіей, то даже у самого довѣрчиваго человѣка должны разсѣяться послѣднія сомнѣнія. Да, нынѣшняя „святая", „освободительная" война является въ дѣйствительности самой обыкновенной имперіалистской, завоевательной войной, совершенно лишенной какого бы то ни было идеалистическаго налета.

Какъ видимъ, „гражданскій миръ" въ его практическомъ осуществленіи означаетъ собой лишь добровольное разоруженіе демократіи и, наоборотъ, крайнее усиленіе (благодаря этому разоруженію и благодаря исключительнымъ законамъ военнаго времени) позицій политической и соціальной реакціи. Пролетаріатъ Германіи принесъ на алтарь „Burgfrieden" величайшую изъ возможныхъ жертвъ,—принесъ тѣхъ боговъ, которымъ онъ поклонялся втеченіе полувѣка. Наоборотъ, правящая каста не принесла рѣшительно никакихъ жертвъ, она не возложила на этотъ алтарь ни полушки: какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ она осталась вѣрна себѣ до конца, не забывъ ничего изъ своего прошлаго и не научившись ничему у грандіозныхъ событій дѣйствительности. Какое бьющее въ глаза, кричащее неравенство! Казалось бы, фактъ этого неравенства долженъ быть теперь яснымъ даже слѣпому. Казалось, онъ долженъ былъ бы, подобно остро отточенному лезвію, проникать до глубины сознанія пролетаріата, смущать его душевный покой, настраивать болѣе критически и оппозиціонно.

А въ дѣйствительности? Въ дѣйствительности мы видимъ совершенно иное. С.-д. фракція рейхстага вотируетъ правительству 13-милліардный бюджетъ (20 марта). Вся с.-д. пресса, за ничтожными исключеніями вродѣ „Bremer Bürger-Zeitung" или „Düsseldorfer Volkszeitung", единодушно апплодируетъ этому акту и клеймитъ обидными именами двухъ отступниковъ, К. Либкнехта и О. Рюле, голосовавшихъ противъ. Міръ профессіональнаго движенія сплошной стѣной стоитъ за творцами нынѣшней германской

политики. Вождь ревизіонистовъ, Вольфгангъ Гейне, бросаетъ на громадномъ рабочемъ собраніи въ Штуттгартѣ лозунгъ: „сначала мы нѣмцы, а уже потомъ соціалъ-демократы“ и, отрекаясь отъ евангелія классовой борьбы, приглашаетъ соціалъ-демократію превратиться въ національную партію демократическихъ и соціальныхъ реформъ [1]). Бывшій крайній радикалъ и редакторъ „Leipziger Volkszeitung“ д-ръ Ленчъ публикуетъ брошюру „Die deutche Sozialdemokratie und der Weltkrieg“, въ которой самыми „научными“ аргументами пытается доказать, что пораженіе Германіи задержало бы на долгія десятилѣтія движеніе мірового пролетаріата, и что поэтому, въ интересахъ рабочаго класса, интернаціонала и соціализма, необходима побѣда имперіи Гогенцоллерновъ надъ „тройственнымъ согласіемъ“.

Конечно, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ партіи стоитъ Либкнехтъ и его единомышленники. Однако справедливость требуетъ сказать, что пока они представляютъ собою только скромное меньшинство. Правда, ихъ вліяніе постепенно ростетъ, но это медленный процессъ и едва-ли можно ожидать, чтобы по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ они превратились въ очень серьезную силу. На крайнемъ правомъ флангѣ стоитъ Гейне и его товарищи, но и они также немногочисленны и не играютъ особой роли въ партіи. Дѣйствительно доминируетъ и давитъ, какъ всегда, своей массой громадный, безформенный „центръ“, группирующійся около Parteivorstand'а. Этотъ центръ мало говоритъ, но онъ дѣйствуетъ (замѣчательно, что на засѣданіяхъ с.-д. фракціи рейхстага дискутируютъ обычно лишь представители крайнихъ фланговъ, центръ же только голосуетъ). И онъ-то именно, не смотря на всѣ откровенія и разочарованія послѣднихъ мѣсяцевъ, продолжаетъ поддерживать войну и правительство.

В. Майскій.

По поводу городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ.

Съ момента обнародованія извѣстнаго августовскаго воззванія къ полякамъ вся Польша со дня на день ожидала изданія акта „первостепенной важности“, который долженъ былъ придать обѣщанію реальныя формы. Въ печати въ связи съ этимъ время отъ времени появлялись всевозможные слухи, свѣдѣнія „изъ самыхъ авторитетныхъ источниковъ“. Въ обществѣ изданіе этого акта пріурочивалось къ разнымъ торжественнымъ случаямъ, побѣдамъ,

[1]) См., напримѣръ, его статью въ „Frankfurter Zeitung“ отъ 2 марта.

посѣщеніямъ и т. д. Однако проходилъ день за днемъ, закончился и 1914 годъ, истекъ восьмой мѣсяцъ войны, а все еще актъ „первостепенной важности“ не былъ опубликованъ. . . . . . .
. . . .
. . . . Вмѣстѣ съ этимъ общественное настроеніе шло на убыль, ...
. . . .
. . . .

И тѣмъ не менѣе, когда въ первый день Пасхи телеграфное агентство принесло коротенькое извѣстіе объ опубликованіи положенія о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, оно было принято обществомъ, по крайней мѣрѣ, съ недоумѣніемъ и — я бы сказалъ—съ нѣкоторой горечью. И это чувство усилилось еще болѣе, когда въ мѣстномъ офиціозѣ, „Варшавскомъ Дневникѣ“, появилась . . . . восторженная статья. „Изъ числа намѣченныхъ реформъ —пишетъ „Варш. Дневникъ“—опубликована одна изъ самыхъ важныхъ, касающаяся интересовъ многочисленнаго городского населенія. Съ довѣріемъ, достойнымъ державной Россіи и такъ заслуженнымъ польскимъ народомъ въ переживаемую всѣмъ славянствомъ годину испытаній, мѣстное общество призывается къ самоуправленію въ области городского хозяйства“. Ясно, что „Варшавскій Дневникъ“, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые органы столичной русской печати связываютъ городское самоуправленіе въ Польшѣ съ августовскими обѣщаніями, считаютъ его первымъ—и притомъ чрезвычайно важнымъ—изъ ряда мѣропріятій, направленныхъ къ осуществленію этихъ обѣщаній и какъ бы наградой за примѣрное поведеніе польскаго народа во время войны.

Такая точка зрѣнія и такіе комментаріи возбуждаютъ естественное недоумѣніе въ подавляющемъ большинствѣ польскаго общества. Прежде всего, городское самоуправленіе не можетъ считаться новымъ мѣропріятіемъ и облагодѣтельствованіемъ Польши, хотя бы уже по той простой причинѣ, что вопросъ о немъ возникъ и дебатировался въ законодательныхъ учрежденіяхъ задолго до наступленія теперешняго курса польской политики. И затѣмъ, что еще важнѣе — мѣстное управленіе, создающее почву для чисто хозяйственной дѣятельности, не имѣетъ ничего общаго съ разрѣшеніемъ основной проблемы національно-политическаго устройства Польши.

Еслибы Польша получила долго жданное самоуправленіе до войны, оно было бы принято, если далеко не всѣмъ обществомъ, то, по крайней мѣрѣ, его верхами и плетущимся въ ихъ хвостѣ мѣщанствомъ, какъ крупная и серьезная побѣда. И такъ оцѣнивался бы этотъ законъ, не смотря на всѣ его недостатки, которыми онъ обладаетъ даже съ точки зрѣнія господствующихъ классовъ Польши. Достаточно вспомнить политику польскаго кола, которое не отступало ни передъ какими компромиссами и униженіями, которое слишкомъ часто дѣйствовало per fas et nefas, искало покровителей

на правыхъ скамьяхъ Думы — и все для того, чтобы все-таки добиться городского самоуправленія.

Теперь создалось совершенно иное положеніе. Война поставила на очередь другія, несравненно болѣе широкія задачи—о національно-политическомъ будущемъ, которыя далеко оттѣснили скромное по своему политическому содержанію городское самоуправленіе. И новый законъ не могъ быть принятъ съ энтузіазмомъ съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, передъ которыми открылись гораздо болѣе широкія перспективы; не могъ онъ также служить показателемъ перемѣны правительственнаго курса по польскому вопросу, такъ какъ августовское воззваніе гораздо полнѣе и ярче очертило будущую программу правительства. Помимо всего этого, и содержаніе самаго закона не могло вызвать особенно восторженнаго пріема со стороны широкихъ массъ польскаго народа.

Отсюда и та сдержанность въ оцѣнкѣ новаго положенія о городскомъ самоуправленіи, которая проявилась въ статьяхъ изданій различныхъ направленій.

Крайняя лѣвая не располагаетъ печатью и лишена возможности высказаться. Тѣмъ не менѣе взгляды ея не трудно угадать, если принять во вниманіе, что широкія демократическія массы совершенно исключаются изъ сферы активной муниципальной дѣятельности. Отношеніе либеральныхъ и радикальныхъ круговъ къ закону тоже рѣзко отрицательное, о чемъ свидѣтельствуютъ хотя бы многочисленныя бѣлыя пятна на столбцахъ прогрессивной печати. Впрочемъ, несмотря на всѣ препоны, либеральнымъ органамъ удалось до нѣкоторой степени высказать свои взгляды. „Введеніе городского самоуправленія никоимъ образомъ не является выполненіемъ обѣщаній августовскаго воззванія,—говоритъ либеральный „Dziennik Polski“.—Введеніе самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ это только отмѣна одного изъ ограниченій. И это слѣдуетъ привѣтствовать, какъ вообще каждую отмѣну ограниченія. Но и только“. Такъ же, приблизительно, высказывается и „Nowa Gazeta“, которая, критикуя всѣ коренные недостатки новаго закона, подчеркиваетъ, что проектъ его зародился въ періодъ, когда „трудно было ожидать глубокой реформы“, и рѣшительно заявляетъ, что „городское самоуправленіе никоимъ образомъ не разрѣшаетъ вопроса о будущемъ политическомъ строѣ національной жизни, хотя бы уже потому, что городское самоуправленіе предназначено къ разрѣшенію чисто хозяйственныхъ задачъ“.

Даже органъ сравнительно умѣренныхъ элементовъ, еженедѣльный „Tygodnik Polski“ трезво оцѣниваетъ значеніе новаго закона: „Въ періодъ кризиса призваніе общества къ несенію помощи было полезно для государства, которое всегда стремилось къ использованію этого средства ради облегченія дѣятельности своихъ органовъ... Такъ случилось и теперь... Это въ достаточной

степени объясняетъ выборъ момента опубликованія новаго закона. И отнюдь не слѣдуетъ доискиваться какихъ-либо скрытыхъ общегосударственныхъ мотивовъ этого акта, причинъ, якобы связанныхъ съ польскимъ вопросомъ".

На правомъ флангѣ чувствуется нѣкоторое смущеніе. Съ одной стороны, въ виду ожиданій и надеждъ широкихъ общественныхъ круговъ, энтузіазмъ органовъ правой печати былъ бы явно неумѣстнымъ и компрометирующимъ. Съ другой же стороны, трудно было бы въ концѣ концовъ осудить возлюбленное дѣтище польскаго кола. Поэтому первыя статьи въ націоналъ-демократической печати были посвящены болѣе благодарной и менѣе щекотливой темѣ—исторіи мытарствъ законопроекта. Впрочемъ, нужно немножко пофрондировать—это входитъ въ программу. И вотъ, органъ консервативнаго мѣщанства „Kurjer Warszawski", съ которымъ въ этомъ случаѣ нужно считаться, такъ какъ онъ выражаетъ взгляды главной массы домовладѣльцевъ, купцовъ и т. д., т.-е. всѣхъ тѣхъ, кто будетъ вершить польскими городскими дѣлами, попробовалъ было проявить нѣкоторую, правда, самую безобидную, оппозиціонность. И по его мнѣнію, городское самоуправленіе не можетъ служить „исходнымъ моментомъ для дальнѣйшихъ преобразованій". Даже самъ по себѣ законъ не вызываетъ полнаго удовлетворенія газеты, которая однако не видитъ ничего дурного въ его недемократичности, ограниченіи евреевъ, даже въ скромныхъ сравнительно размѣрахъ правъ польскаго языка. Отведя душу и отдавъ должную дань оппозиціонности, „Kurjer Warszawski" однако обѣими руками ухватывается за новый законъ и со страстнымъ нетерпѣніемъ ждетъ момента, когда возникнутъ органы самоуправленія, когда можно будетъ въ нихъ безраздѣльно хозяйствовать на общую пользу и себѣ не въ убытокъ.

Въ концѣ концовъ трудно этому особенно удивляться. Жажда власти такъ сильна! Польская буржуазія чувствуетъ въ себѣ непочатую силу, огромный запасъ энергіи и неутомимую жажду властвованія. А примѣнять свои силы и энергію негдѣ. И съ раскрытыми объятіями принимаетъ она . . . .
самоуправленіе, не замѣчая или не желая замѣчать всѣхъ созданныхъ для него преградъ, ...
. . . . Все равно—лишь бы властвовать и хозяйничать.

И крайняя правая послѣ непродолжительнаго періода смущенія пріободрилась. Офиціальный органъ націоналъ-демократіи, „Gazeta Warszawska", съ чувствомъ удовлетворенія заявляетъ, что „наибольшій недостатокъ проекта — веденіе засѣданій на русскомъ языкѣ — устраненъ". Все остальное — и высокій избирательный цензъ, и ограниченія евреевъ, и зависимость отъ администраціи— все это, конечно, по мнѣнію н.-д. газеты, составляетъ не недостатокъ, а, пожалуй, достоинство. Во всякомъ случаѣ это не причис-

ляется къ минусамъ новаго закона. Незачѣмъ, впрочемъ, пускаться въ область догадокъ. Пользующаяся печальной славой „Gazeta Poranna 2 grosze“ рубитъ съ плеча все то, что дипломатически замалчивается партійнымъ официозомъ. „Законъ о городскомъ самоуправленіи“—пишетъ съ чувствомъ удовлетворенія н.-д. листокъ — „открываетъ передъ обществомъ поле для творческой и полезной работы... Послѣ войны мы будемъ обладать, по крайней мѣрѣ, въ области городского хозяйства, органами, надѣленными извѣстной властью, позволяющей польскому обществу регулировать свою хозяйственную жизнь“. Въ общемъ „Dwa grosze“ довольны закономъ, который, кромѣ всего прочаго, обладаетъ огромнымъ преимуществомъ—ограниченіемъ еврейскаго элемента. Но еврей—сильный, „коварный врагъ“! Нужно съ нимъ бороться не на жизнь, а на смерть, и пуще всего нужно стараться, чтобы новыя учрежденія „не попали въ руки прислужниковъ еврейскихъ интересовъ“. Развѣвая своими боевыми знаменами, „Dwa grosze“ начинаютъ новую антисемитскую кампанію на почвѣ „пасхальнаго подарка“. И не помогаютъ здѣсь призывы, раздающіеся со стороны прогрессивной печати: „Тяжелымъ ударомъ для общества были бы демагогическія стремленія въ духѣ націоналистической исключительности. Что самоуправленіе въ Польшѣ должно быть польскимъ — разумѣется само собой. Но оно должно быть въ то же время демократическимъ, если не по формѣ (въ виду высокаго ценза), то по своему духу, по методамъ развитія польской общественной культуры, по своимъ учрежденіямъ, доступнымъ для всѣхъ и всѣмъ одинаково полезнымъ и близкимъ. Самоуправленіе должно примѣнить такіе принципы организаціи городской жизни, чтобы каждый гражданинъ понималъ, что „отцы города“ дѣйствуютъ на его пользу, а не съ пользой для однихъ слоевъ населенія и вредомъ для другихъ“ („Nowa Gazeta“, и такъ же приблизительно „Dziennik Polski“).

Но какое дѣло домовладѣльцамъ и купцамъ до пользы всѣхъ слоевъ населенія, какое дѣло шовинистамъ и человѣконенавистникамъ до братской и мирной дѣятельности сообща съ другими народами, живущими тутъ же рядомъ съ ними? Смѣшно и наивно было бы требовать отъ нихъ отказа отъ того, что составляетъ ихъ сущность. Нужно не убѣждать ихъ, а бороться съ ними. Но какъ разъ эту-то борьбу внутри самоуправленія новый законъ исключаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ...

Спора нѣтъ, даже такое . . . . самоуправленіе лучше бюрократическаго хозяйства въ городахъ. Это признало, въ концѣ концовъ, и само правительство, которое пошло на встрѣчу общественнымъ стремленіямъ и внесло въ законодательныя учрежденія соотвѣтствующій проектъ. Когда же законопроектъ о городскомъ самоуправленіи безъ конца блуждалъ между Думой и Государственнымъ Совѣтомъ до самой войны, а въ періодъ тяжелыхъ испытаній бюрократія окончательно пришла къ выводу, что ей одной

не подъ силу дѣятельность въ новыхъ условіяхъ, требующихъ крайняго напряженія энергіи, она дала свое согласіе на образованіе „гражданскихъ комитетовъ"—этого суррогата мѣстнаго самоуправленія. И, не смотря на всѣ органическіе недостатки, никто въ Польшѣ не объявляетъ войны городскому самоуправленію, какъ таковому. И, конечно, въ будущемъ борьба пойдетъ не за принципъ мѣстнаго самоуправленія вообще, а за его реформу въ духѣ національной терпимости и соотвѣтствіи съ интересами широкихъ демократическихъ массъ.

Читатели „Русскихъ Записокъ" знакомы, какъ съ исторіей законопроекта, такъ и съ нимъ самимъ. Это избавляетъ меня отъ необходимости детальнаго анализа самаго закона. Необходимо однако указать на нѣсколько самыхъ важныхъ отступленій отъ хорошо извѣстнаго русскому обществу городского положенія 1892г.

„Новое Время", „Биржевыя Вѣдомости" и всѣ остальные органы консервативнаго и либеральнаго національзма въ восторгѣ отъ допущенія польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ. Достаточно однако было просмотрѣть текстъ закона, чтобы убѣдиться въ томъ, что польскій языкъ лишь терпимъ наряду съ обще-государственнымъ, который считается основнымъ, напримѣръ, въ случаѣ какихъ-либо несогласій въ текстѣ постановленій городскихъ органовъ и т. д. Получается парадоксальное положеніе: въ краѣ, около 80% населенія котораго говоритъ и мыслитъ по-польски, польскій языкъ не считается основнымъ, а лишь „допускается въ дѣлопроизводствѣ". Дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы русскій языкъ былъ лишенъ правъ и—скажемъ—не принятъ во вниманіе законодателемъ. Такая мысль рѣшительно никому не приходитъ въ голову, хотя бы уже по той причинѣ, что русскіе составляютъ, правда, незначительную, часть населенія Польши. Но нельзя считать нормальнымъ положеніе, при которомъ языкъ огромнаго національнаго большинства занимаетъ второстепенное мѣсто. И, мнѣ кажется, это не чисто-теоретическая проблема; практическія затрудненія и недоразумѣнія всякаго рода должны будутъ проявиться съ перваго же момента проведенія въ жизнь новаго закона.

Но положеніе мѣстнаго языка въ коренной Польшѣ еще блестяще по сравненію съ тѣмъ, какое получилось въ сѣверной половинѣ Сувалкской губ., т. е. въ литовской этнографической области. Литовцы требовали равноправія своего языка съ русскимъ и польскимъ въ учрежденіяхъ нѣсколькихъ городовъ этой губерніи. Законодатель разсудилъ иначе и, отвергнувъ домогательства и литовцевъ, и поляковъ, предписалъ исключительное употребленіе русскаго языка въ городскихъ учрежденіяхъ Волковышекъ, Маріамполя и т. д.

Второй особенностью закона является куріальная система выборовъ. Деморализующее вліяніе ея достаточно извѣстно; въ Польшѣ же она усилитъ національную рознь и еще выше под-

ниметъ волну шовинизма и человѣконенавистничества. При этомъ въ законѣ содержатся положенія, создающія привилегированное положеніе русскаго населенія и сильно урѣзывающія права евреевъ. Позволю себѣ привести примѣры будущаго распредѣленія силъ въ думахъ нѣсколькихъ крупнѣйшихъ городовъ Польши. Въ Варшавѣ городская дума будетъ состоять изъ 160 гласныхъ; русское населеніе вмѣсто 6-ти гласныхъ, которые ему причитаются соотвѣтственно его численности (4%), будетъ избирать 25—26; за то еврейское вмѣсто 59 гласныхъ—всего 16. Въ Лодзи результаты выборовъ будутъ нѣсколько ближе къ дѣйствительному соотношенію силъ; русскихъ гласныхъ вмѣсто трехъ будетъ 4—5 на 120 гласныхъ, евреевъ—вмѣсто 25—26—только 12. Въ Люблинѣ евреи составляютъ больше половины городского населенія (50, 8%), тѣмъ не менѣе гласныхъ-евреевъ будетъ лишь 20 на 80 членовъ городской думы; русское населеніе будетъ располагать числомъ мандатовъ, соотвѣтствующимъ въ общемъ его численному отношенію къ общей массѣ населенія Люблина. Еще любопытнѣе предполагаемый составъ городскихъ думъ въ маленькихъ городахъ. Возьмемъ для примѣра Калушинъ, Варшавской губ., съ десятитысячнымъ населеніемъ. Евреи составляютъ здѣсь 85,2% населенія, русскіе 0, 2%. Городская дума по закону будетъ состоять изъ 24 гласныхъ, въ томъ числѣ: 1 русскій (на 20 человѣкъ населенія), 19 поляковъ (одинъ на 80 человѣкъ населенія) и 5 евреевъ (одинъ —на 1706 человѣкъ). Подсчеты эти сдѣланы, понятно, только приблизительно, но и они показываютъ, что городскія думы не будутъ сколько-нибудь правильно отражать дѣйствительное соотношеніе силъ національныхъ группъ Польши.

Вообще же, благодаря высокому избирательному цензу, управленіе городскимъ хозяйствомъ окажется исключительно въ рукахъ общественныхъ верховъ. Отъ городового положенія 1892 г. новый законъ отступаетъ лишь настолько, насколько въ принципѣ допускаетъ квартиронанимателей къ участію въ выборахъ. Но и въ этомъ отношеніи „либеральная" реформа имѣетъ лишь то значеніе, что, кромѣ собственниковъ недвижимости и торговыхъ элементовъ, нѣкоторое вліяніе на городскія дѣла предоставляется верхнимъ слоямъ интеллигенціи. Квартирный избирательный цензъ настолько высокъ (въ Варшавѣ свыше 450 руб., въ Лодзи, Люблинѣ и Сосновцѣ 240 руб., въ мелкихъ городахъ 120 руб. въ годъ), что совершенно исключаетъ широкіе демократическіе слои отъ участія въ выборахъ. По приблизительнымъ подсчетамъ, которые, помнится, дѣлались во время думскихъ дебатовъ, въ Варшавѣ при ея почти милліонномъ населеніи избирательнымъ правомъ будетъ располагать всего около 20—25 тысячъ. Въ Лодзи, судя по общей соціальной структурѣ этого города, соотношеніе между избирателями и всей массой населенія будетъ еще менѣе благопріятно.

Что касается самостоятельности органовъ самоуправленія, то она ограничена еще больше, чѣмъ въ Россіи, ибо администраціи, кромѣ общаго контроля, предоставлено еще право роспуска городскихъ Думъ. Такими „улучшеніями“ изобилуетъ новый законъ, изобилуетъ еще въ большей степени, чѣмъ даже первоначальный проектъ П. А. Столыпина.

Трудно сказать, какъ будетъ работать новое самоуправленіе. Едва-ли можно въ ближайшемъ будущемъ ожидать отъ него многаго, и не только вслѣдствіе общаго его характера, но еще и потому, что вводится оно въ исключительное время, когда половина страны занята непріятелемъ, а весь край совершенно раззоренъ.

. . . .

. . . .

В. Котвичъ.

ВНУТРЕННІЕ ДѢЛА и ВОПРОСЫ.

1. Перемѣна взглядовъ.

„Я отдѣлился отъ фракціи правыхъ въ первые же дни войны. Я считалъ, что когда происходитъ міровая война, недовольныхъ быть не должно, всѣ должны работать сообща. Не нужно давать права кому бы то ни было придти послѣ и сѣять сѣмена раздора. Со мною не согласились и я оставилъ предсѣдательствованіе во фракціи“.

Такъ говорилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей“ бывшій предсѣдатель думской фракціи крайнихъ правыхъ г. Хвостовъ. Свою принадлежность къ этому направленію общественной мысли онъ ярко проявилъ въ качествѣ нижегородскаго губернатора. Не менѣе ярко проявлялъ и во время выборовъ въ IV Думу. Какъ депутатъ и предсѣдатель фракціи, онъ былъ нѣсколько менѣе ярокъ, чѣмъ нѣкоторые изъ его политическихъ друзей (напр., г.г. Пуришкевичъ и Марковъ). Теперь онъ „объѣздилъ Россію съ цѣлью ознакомиться съ настроеніями на мѣстахъ“. И говоритъ:

Война заставила меня нѣсколько измѣнить прежніе взгляды. Я понялъ, что въ интересахъ населенія нужно стремиться привлечь возможно больше общественныхъ силъ къ совмѣстной работѣ. Необходимо во всей Россіи участіе квартиронанимателей въ городскихъ дѣлахъ. Необходима въ противовѣсъ капитализму организація серьезно поставленныхъ кооперативовъ.

Прежніе взгляды измѣнились „нѣсколько“. И, быть можетъ, перемѣна не окончательная. Въ частности, г. Хвостовъ находитъ необходимой организацію кооперативовъ „въ противовѣсъ капита-

лизму" по слѣдующимъ основаніямъ: надо бороться противъ дороговизны, ибо

ничто такъ не затрагиваетъ интересы средняго человѣка, какъ дороговизна. Человѣкъ, никогда не занимавшійся политикою, начинаетъ ею заниматься, едва затрагиваются его карманные интересы.

То-есть, если мы вѣрно понимаемъ мысль г. Хвостова, кооперативы надо противопоставить капитализму, между прочимъ, для того, чтобы отвлекать средняго человѣка отъ „занятій политикою". И такимъ образомъ еще неизвѣстно, къ какимъ взглядамъ придетъ г. Хвостовъ, если будетъ доказано, что организація серьезно поставленныхъ кооперативовъ вовлекаетъ средняго человѣка въ занятія политикой. Сейчасъ г. Хвостовъ за возможно большее „привлеченіе общественныхъ силъ къ совмѣстной работѣ". Но если окажется, что и этотъ путь вовлекаетъ средняго человѣка въ политику, то во взглядахъ г. Хвостова можетъ произойти новая перемѣна. Будущее, во всякомъ случаѣ, темно. Но въ данный моментъ г. Хвостовъ полагаетъ, что должна произойти перегруппировка партій,—по крайней мѣрѣ, въ Думѣ.

На мой взглядъ—говоритъ онъ—самой здоровой и нормальной при новыхъ условіяхъ явилась бы прогрессивная партія съ программой депутатовъ типа Челнокова.

Рѣчь идетъ, очевидно, о депутатѣ Челноковѣ, выбывшемъ изъ состава конституціоналистовъ-демократовъ послѣ избранія въ городскіе головы Москвы. Въ газетахъ не мало шутили,—„И Хвостовъ сталъ либераломъ". Много де нынче стало „новыхъ либераловъ",— и Гурко, и Пуришкевичъ, и Скворцовъ. Нѣкоторое основаніе для шутокъ, пожалуй, есть. И „новыхъ либераловъ" таки не мало набирается. Наблюдается однако и обратное явленіе, не возбуждающее въ прессѣ особенной веселости — нѣкоторые либералы тоже мѣняютъ свои взгляды. И если много уже появилось „правыхъ" которые полѣвѣли и облибералились, то не мало и „либераловъ", которые поправѣли и обнаціоналистились. Быть можетъ, и поэтому поводу не грѣхъ бы пошутить. Но не грѣхъ и присмотрѣться къ явленію,—понять его причины и его значеніе.

„Война заставила измѣнить взгляды". И, несомнѣнно, война дѣйствуетъ. Дѣйствуетъ прежде всего на людей, которые при выработкѣ своего міросозерцанія недостаточно принимали во вниманіе лежащее въ каждомъ изъ насъ чувство любви къ родинѣ кровной или, по крайней мѣрѣ, государственной, бытовой, интимной связи съ народомъ. И случилось то же, что бываетъ при сложныхъ математическихъ построеніяхъ, если въ самомъ началѣ допущена какая-либо ошибка. Ошибка вскрылась, и все построеніе рухнуло. Людей стало перебрасывать,—однихъ справа налѣво, другихъ слѣва направо. Сгоряча, подъ первымъ впечатлѣніемъ

только что обнаруженнной ошибки, иные впадаютъ, вѣроятно, въ ошибку противоположную,—перебѣгаютъ слишкомъ для нихъ влѣво или слишкомъ далеко для нихъ вправо. Потомъ будутъ подаваться назадъ, перестраиваться. Есть, быть можетъ, и такіе, которые, такъ сказать, упорствуютъ, какъ бы не хотятъ сами передъ собой сознаться въ ошибкѣ и лишь медленно перестраиваютъ свое міровоззрѣніе наново. Пока, повторяю, ни тѣ, ни другіе, ни третьи, вѣроятно, еще не нашли, гдѣ ихъ настоящее мѣсто. И столь же вѣроятно, что это будетъ не то мѣсто, которое они до войны считали своимъ.

Безъ сомнѣнія, повліяла война и на тѣхъ, кто не имѣлъ и не считалъ нужнымъ имѣть какое-либо міровоззрѣніе. Недавно сотрудникъ „Школы и Жизни“, работавшій въ лазаретѣ, писалъ, что происходитъ съ беззаботными людьми, попадающими на фронтъ. Беззаботность или даже просто легкомысліе довольно быстро исчезаютъ, люди начинаютъ понимать, что разные вопросы, казавшіеся очень скучными и не нужными, существуютъ не зря, начинаютъ интересоваться этими вопросами, ждутъ отвѣтовъ на нихъ изъ тыла съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ мы ждемъ извѣстій съ фронта. Провинціальные люди могли бы засвидѣтельствовать, что такая же метаморфоза происходитъ съ тыловыми беззаботными жителями. Быть можетъ, въ особенности замѣтно это на дамахъ и дѣвицахъ изъ такъ называемаго „высшаго“ провинціальнаго круга,— едва-ли не самая беззаботная часть населенія, хотя, конечно, среди нея есть женщины, достойныя уваженія. На нѣкоторыхъ подѣйствовало уже начало войны. Но многія продолжали смотрѣть на жизнь легко. Шли слушать лекціи врачей о подачѣ первой помощи, записывались на курсы сестеръ, на кройку или шитье бѣлья. Но и тутъ было многовато легкихъ резоновъ: „потому что всѣ записываются“, „потому что разнообразіе“, „потому что весело“. Послушавъ лекцію о перевязкахъ, шли плясать танго. Затѣмъ появились раненые, настала пора серьезной работы. Наиболѣе беззаботныя жены и дѣвицы отошли,—„скучно“, „трудно“, „съ какой стати“, „не умирать же со скуки“. И старались, а иныя и понынѣ стараются „не умирать“. Но „отъ войны не уйдешь“. Нынче прислуга не принесла изъ рынка мяса, завтра недохватки сахара, заминка въ подвозѣ хлѣба, письма отъ родныхъ и знакомыхъ съ фронта, вѣсти о нихъ, иное многое. Конечно, всѣ поголовно любительницы и любители легкой и веселой жизни не сдадутся. Но многихъ жизнь заставляетъ и еще заставитъ задуматься. Г. Хвостовъ не даромъ обезпокоенъ склонностью „средняго обывателя“ заниматься „политикой“. „Политика“,—слишкомъ общій терминъ. Быть можетъ правильнѣе уже извѣстное намъ опредѣленіе, даваемое сотрудникомъ „Школы и Жизни“. Беззаботные люди просто начинаютъ думать, „понимать вопросы“, казавшіеся скучными и совершенно ненужными, „интересоваться вопросами“. Подмѣчаются характер-

ныя явленія на этой почвѣ. Отъ библіотекарей приходится слышать объ усиливающемся спросѣ на серьезную книгу, хотя продолжаютъ спрашивать и Вербицкую (та или иная Вербицкая всегда будетъ имѣть спросъ). Въ журнальныхъ обозрѣніяхъ провинціальныхъ газетъ начинаютъ удѣлять больше мѣста „вторымъ отдѣламъ", чѣмъ беллетристикѣ. И, по отзывамъ провинціальныхъ людей, вторыми отдѣлами журналовъ публика вообще стала интересоваться сильнѣе.

Беззаботные, не думавшіе серьезно о жизни не всѣ сплошь были нейтральными. Однихъ случай прибивалъ къ правому берегу, и здѣсь они оставались. Другіе, также по волѣ случая, попадали на лѣвый берегъ. Утративъ беззаботность, они, навѣрное, замѣнятъ случайныя мѣста сознательно избранными позиціями. То же самое должно случиться и съ тою нейтральной публикой, которая жила, ни о чемъ не думая, „ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ" и начинаетъ креститься лишь теперь, когда грянулъ громъ. Выработка взглядовъ—дѣло сложное и далеко не всегда быстрое. Тутъ неизбѣжны исканія, ошибки, перелеты, недолеты. Каждому, испытавшему на себѣ періодъ самоопредѣленія, извѣстно, какъ много значатъ въ немъ внѣшнія условія. Въ этомъ смыслѣ недаромъ г. Хвостова безпокоитъ вліяніе дороговизны. Быть можетъ, у многихъ ближайшіе этапы по пути къ своему мѣсту опредѣлятся именно дороговизной. Но, разумѣется, не только она побуждаетъ людей думать и не оставаться безразличными.

Среди разныхъ другихъ вліяній едва-ли не самое глубокое—вольная или невольная близость къ народу. И къ тому народу, который защищаетъ государство на фронтѣ, и къ тому, который несетъ главную тяжесть военнаго времени въ тылу. До войны у насъ среди извѣстныхъ круговъ была „мода" обрушивать на русскій народъ обвиненія въ хулиганствѣ, пьянствѣ, лѣности, неискоренимой дикости, во всевозможныхъ другихъ порокахъ и безчинствахъ. Эти обвиненія называютъ клеветой. И они—таки клевета. Но въ основѣ клеветничествъ была, мнѣ кажется, нѣкоторая потребность самооправданія. Была она у тѣхъ людей, которые слишкомъ уходили въ обслуживаніе узкихъ групповыхъ интересовъ. Была она и у другихъ людей, которые увлекались личными дѣлишками, вопросиками и удовольствіями. Для однихъ было удобно вѣрить клеветѣ, ибо этимъ оправдывались корыстныя претензіи отдѣльныхъ группъ. Другимъ не менѣе удобно было говорить: народъ—толпа безобразниковъ, пьяницъ, въ лучшемъ случаѣ — „фефела". Съ какой же стати заниматься народными дѣлами? Жизнь дается одинъ разъ,—лучше прожить ее въ собственное удовольствіе. Это была не только клевета, но и чрезвычайно удобная теорія. Повидимому, ея времена надолго прошли. Народъ призванъ и вышелъ на сцену. Онъ показалъ себя воочію. И уже первые дни іюльской мобилизаціи, протекавшей, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ при изумительномъ сознаніи важности момента и при трогательной готовности идти

хотя бы и на смерть за общее дѣло, производили впечатлѣніе потрясающее. Помню, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разговора между однимъ помѣщикомъ Смоленской губерніи и его старшей родственницей. Помѣщикъ объяснилъ, что онъ направляется къ воинскому начальнику, хочетъ на войну.

— А имѣніе?—всполошилась родственница.

— Домъ сдаю подъ лазаретъ. Землю—пока крестьянамъ

— Какъ же? по чемъ?

— На совѣсть больше. Не обидятъ.

— А семья?

— Жена будетъ при лазаретѣ. Какъ-нибудь, тетя.

Тетка, видимо, растерялась:

— Какъ же это? Что же это?

Племянникъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ, словно отвѣчая на свои мысли, сказалъ:

— Мы-то думали, тетя, что нами только порядокъ держится. Пустяки все. Пора намъ въ отставку.

Это, конечно, порывъ, отзвукъ перваго впечатлѣнія и при томъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не случилось никакихъ эпизодовъ, которые могли бы стать впослѣдствіи предметомъ судебнаго разбирательства. Подъ первымъ впечатлѣніемъ недооцѣнки смѣнились, быть можетъ, переоцѣнками. Духовная мощь и красота народа казались чѣмъ-то чудеснымъ, сверхъестественнымъ. Потомъ глаза привыкли. Чуда нѣтъ. Есть просто народъ съ огромными достоинствами, но и огромными нуждами. Близость къ нему, къ его достоинствамъ и нуждамъ, однихъ прямо понуждаетъ сойти съ прежняго мѣста, отказаться отъ прежнихъ мнѣній; на другихъ, начинающихъ искать для себя новыя мѣста, она способна оказать едва-ли не самое глубокое вліяніе.

Пока не сказалось въ полной мѣрѣ, но уже чувствуется и еще одно значеніе войны. Народъ, призванный и вышедшій защищать родину и нести тяготы военныхъ обстоятельствъ, разумѣется, не только механическая сила или механическій придатокъ. Онъ получилъ возможность сознательнѣе отнестись къ своимъ нуждамъ, лучше оцѣнить ихъ государственное значеніе, отчетливѣе понять смыслъ разныхъ деталей государственной организаціи, которыя раньше были не вполнѣ понятны или просто непонятны, даже совсѣмъ неизвѣстны. Острѣе и глубже стало сознаніе общности и общаго долга, чувство связи съ прошлымъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, и отвѣтственности за будущее, за судьбу потомковъ. Что скажетъ эта ростущая въ своемъ самосознаніи сила,—пока можно лишь угадывать. Пока замѣчаются лишь первые шаги на безконечномъ пути организованнаго строительства: еще болѣе усиленное, чѣмъ прежде, тяготѣніе къ школамъ, къ учрежденіямъ внѣшкольнаго образованія, къ устройству библіотекъ, къ разумному и благообразному заполненію досуговъ, къ кооперативной солидарности.

Все это—именно лишь первые шаги. И, говоря о нихъ, необходимо помнить, что сила, ростущая снизу, была и до войны. Мало того,—до войны была тамъ, въ низахъ, и нѣкоторая дифференціація,—свои „правые“, свои „лѣвые“, свои безразличные. Теперь тамъ такъ же, какъ и въ верхнихъ слояхъ, происходятъ перегруппировки, сдвиги, перемѣщенія. Тамъ при выработкѣ взглядовъ было, быть можетъ, еще больше ошибокъ и еще больше имѣли значеніе случайности. Нѣкоторые тамошніе правые, быть можетъ, еще сильнѣе лѣвѣютъ, а нѣкоторые лѣвые еще сильнѣе правѣютъ. Видны первые шаги. Есть достаточныя основанія не сомнѣваться въ серьезности и значительности окончательныхъ рѣшеній. Но что будетъ завтра, на ближайшемъ промежуткѣ между первыми шагами и окончательнымъ рѣшеніемъ,—не угадаешь, это зависитъ отъ цѣлаго ряда условій и случайностей, отъ того или иного поворота событій. Сила, ростущая въ своемъ самосознаніи, лишь чувствуется. Но уже одно это дѣйствуетъ. Одни, какъ скоро увидимъ, настораживаются, становятся еще болѣе крайними и непримиримыми. Другихъ, быть можетъ, тянетъ сойти съ высотъ отвлеченной мысли къ обывательской упрощенности, къ обывательскому эклектизму,—ибо послѣдній особенно близокъ къ наростающему, но неопредѣлившемуся настроенію массъ.

Не лишне отмѣтить и еще одно — вліяніе экономическихъ послѣдствій войны. Повидимому, нѣкоторыя крупноцензовыя группы обречены ослабѣть, — по крайней мѣрѣ, численно. Въ частности, вѣроятно, ослабѣетъ часть землевладѣльцевъ, не ведущая собственнаго хозяйства и жившая главнымъ образомъ доходами отъ земледѣльческой аренды. Жизнь вздорожала, доходы возросли, между тѣмъ арендныя (и земельныя) цѣны упали. Ослабѣютъ, вѣроятно, и тѣ землевладѣльцы, которые вообще слишкомъ задолжены и жили собственно въ кредитъ. Еслибы на этомъ перемѣны остановились, то кругъ сословнаго землевладѣнія сталъ бы еще болѣе тѣснымъ, болѣе малолюднымъ, но именно поэтому групповая точка зрѣнія могла бы оказаться болѣе непремиримой. Но перемѣны не остановились; какъ далеко онѣ зайдутъ,—неизвѣстно. И въ виду неизвѣстности одинаково возможенъ какъ переходъ групповыхъ точекъ зрѣнія къ государственнымъ, такъ и рѣшительный отказъ отъ такого церехода. Переходя съ групповой на государственную точку зрѣнія, люди говорятъ:

— Всѣ мы дѣти Россіи, братья, по-братски надо и устраиваться. Пусть инымъ изъ насъ придется потерять достояніе и преимущества. Вѣдь наши братья отдаютъ за насъ самую жизнь.

Если экономическія перемѣны въ данной группѣ зайдутъ очень далеко, то эти сужденія могутъ получить преобладаніе. Пока же, разумѣется, не получили. Не ожидая перемѣнъ, способныхъ стать рѣшающими, многіе живутъ, какъ жили, разсуждаютъ, какъ разсуждали.

Сложнѣе съ торговцами и промышленниками. Опасенія, что война „раззоритъ буржуазію", не оправдались. Можно говорить лишь о раззореніи отдѣльныхъ лицъ. За то другія даже „нажились", „заработали". Вообще этой соціальной группой 10 мѣсяцевъ прожиты благополучно. Государство вошло въ огромные долги, народомъ утрачено много цѣнностей и достояній, матеріальные же рессурсы буржуазіи въ цѣломъ, пожалуй, даже нѣсколько возросли Иное съ рессурсами моральными. Я не касаюсь торговопромышленнаго класса Западной Европы. Тамъ онъ проявилъ изумительную гибкость. Тамъ, обладая огромною силой, онъ позволилъ себѣ роскошь нѣкотораго самоограниченія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и частичнаго самоотрицанія. Гораздо болѣе слабый торговопромышленный классъ Россіи, не только не позволилъ себѣ роскоши самоограниченія, но и не сдѣлалъ многаго необходимаго. Время войны онъ ознаменовалъ слишкомъ многочисленными спекулятивными эксцессами. И не только спекулятивными. Оказались возможными даже такіе шаги, какъ посылка депутаціи крупнѣйшихъ мясопромышленниковъ къ предсѣдателю совѣта министровъ съ просьбою не допускать въ печати критическаго отношенія къ дѣятельности торговцевъ и промышленниковъ. Эти люди сумѣли довести стремленіе къ своимъ ближайшимъ и слишкомъ конкретнымъ интересамъ до размѣровъ моральнаго самоубійства. Ихъ отношеніе къ важнымъ экономическимъ и политическимъ интересамъ государства побудило и правительственныя учрежденія и общественныя организаціи принимать чрезвычайныя мѣры противодѣйствія. Такъ называемый чистый либерализмъ, настаивающій на государственномъ невмѣшательствѣ въ экономическія отношенія, получилъ дополнительные уроки и удары. Потерпѣла ударъ и цензовая теорія, полагающая, что людямъ съ крупными достатками свойственно лучше понимать государственныя нужды, чѣмъ бѣднякамъ. Въ результатѣ даже такіе дѣятели, какъ г. Хвостовъ, начинаютъ настаивать на „упорной энергичной борьбѣ съ капитализмомъ" и на расширеніи городскихъ избирательныхъ правъ. Было бы ошибкой видѣть въ этомъ какой-либо демократизмъ. Земскихъ избирательныхъ правъ, напр., г. Хвостовъ не касается. Но нѣкоторая перемѣна взглядовъ и позицій все-таки происходитъ.

Рядомъ съ перемѣнами и колебаніями есть однако и устойчивость. „Со мною не согласились" — говоритъ тотъ же г. Хвостовъ о своихъ бывшихъ политическихъ единомышленникахъ. Не согласились даже въ началѣ войны. Потомъ они стали болѣе увѣренно — даже черезчуръ увѣренно — смотрѣть на происходящее. И достаточно нѣсколькихъ цитатъ, чтобы убѣдиться въ неизмѣнности ихъ позицій. Вотъ, напр,, „Земщина", — ее безпокоитъ мысль, что законъ о военной цензурѣ признается временнымъ:

Кончится борьба съ внѣшнимъ врагомъ, начнется болѣе трудная борьба съ врагомъ внутреннимъ. Но цензуры уже не будетъ, и правительство

окажется связаннымъ по ногамъ и по рукамъ. Къ этому и надо готовиться. А то какъ бы наши „временныя правила" о печати не создали положенія еще болѣе опаснаго, чѣмъ послѣ Японской войны.

Вотъ „Русское Знамя", — оно взволновано предположеніями о городскихъ и земскихъ реформахъ, настаиваетъ о необходимости энергичныхъ мѣръ, особенно же противъ „земскихъ и городскихъ союзовъ", а не то

союзъ русскаго народа поднимется вновь, какъ одинъ человѣкъ, и покажетъ дерзкимъ безумцамъ свою многомилліонную силу.

Вотъ „Московскія Вѣдомости",—ихъ безпокоитъ ростъ кооперативныхъ организацій и возникновеніе въ деревнѣ просвѣтительныхъ учрежденій, и газета пишетъ:

Раздаются уже голоса, что будущіе народные дома, которые замѣнятъ трактиры, прежде всего должны быть разсадниками внѣшкольнаго образованія. Черезъ 10 — 15 лѣтъ Россія покроется сѣтью народныхъ домовъ-университетовъ.

А къ чему это приведетъ?

Современное земство замѣняетъ съѣзды представителей кооперативныхъ народныхъ домовъ. Этими представителями будутъ преимущественно лекторы и инструкторы, которые легко пріобрѣтутъ клочекъ земли и вступятъ въ члены кооперацій.

Въ очень скоромъ времени деревенская Россія будетъ состоять изъ массы самоувѣренныхъ недоучекъ, представляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезную силу какъ въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, такъ и единства понятій.

„Но что всего хуже и ужаснѣе", — эти „самоувѣренные недоучки" предпримутъ

несомнѣнный походъ противъ православной церкви и христіанства вообще.

Вѣдь для успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей соціализму прежде всего надо уничтожить религію.

Какъ только крестьянинъ станетъ просвѣщеннѣе,—такъ непремѣнно сдѣлается соціалистомъ и атеистомъ. Развѣ могутъ быть въ этомъ сомнѣнія? Пусть не соціалистомъ, а всего лишь гражданиномъ, сознательно относящимся къ своимъ правамъ и обязанностямъ. Но развѣ это хорошо? Пусть не атеистомъ, а всего лишь человѣкомъ, знающимъ не меньше приходскаго батюшки исторію церкви и ея ученіе. Но развѣ это пріятно? И безъ того теперь говорятъ, что надо усилить образованіе духовныхъ лицъ, дабы они были освѣдомлены не меньше свѣтскихъ образованныхъ людей. А если еще крестьяне по деревнямъ станутъ образованными, — то что же тогда будетъ?

Безпокоитъ также „Московскія Вѣдомости" и дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія. Газета предполагаетъ нѣкоторую интригу. Интригуютъ, кажется, все тѣ же самоувѣренные

недоучки, склонные къ соціализму и атеизму. Они хотятъ пріобрѣсти „власть въ народѣ“, а потому и стараются „овладѣть школой“.

Этимъ объясняется бѣшеная травля школы... Ударъ противъ серьезной школы былъ задуманъ во время: не до того теперь, чтобы слѣдить за ихъ махинаціями. А министерство, благожелательное въ своемъ отношеніи къ обществу, приняло ихъ крики и выступленія за голосъ всего общества. Отсюда и несвоевременность всей этой реформы.

Не измѣнились. Да и почему бы имъ мѣняться? Они утверждали и продолжаютъ утверждать, что въ Россіи мало возможны полушаги и полумѣры: либо все должно остаться по старому, либо должны произойти крупныя реформы. И въ этомъ бывшіе единомышленники г. Хвостова правы. Они утверждали и продолжаютъ утверждать, что не можетъ остаться все по старому, если поставить на надлежащую высоту народное просвѣщеніе, усилить значеніе земскихъ учрежденій, измѣнить правовое положеніе печати и т. д. И въ этомъ они правы. То возраженіе, что страна, отставшая въ культурномъ развитіи, не можетъ выдержать международнаго соперничества, не убѣждало покойнаго Леонтьева, наиболѣе послѣдовательнаго защитника неизмѣнности: по его мнѣнію, пусть Россія окажется неспособной выдержать соперничество, пусть потерпитъ пораженіе, пусть утратитъ западныя окраины,—лишь бы все осталось по старому. Другими словами, пусть лучше Россія умретъ, погибнетъ,—лишь бы не мѣнялась, лишь бы стояли, въ самомъ дѣлѣ, кабаки и трактиры, а отнюдь не народные университеты и не народные дома. Мы можемъ смѣяться надъ этими взглядами, можемъ негодовать по поводу ихъ. Но надо признать, что они по своему логичны. Дѣйствительно вѣдь положеніе такое: либо остаться съ трактиромъ и погибнуть, либо достроить народный домъ и жить, не обращая вниманія на Леонтьева и его послѣдователей, увѣряющихъ, что такая жизнь равносильна погибели.

Не измѣнились и продолжаютъ оставаться съ своей точки зрѣнія логичными. Но вѣдь это значитъ, что также остается логичной противоположная точка зрѣнія. Жизнь вводитъ новые аргументы и мотивы, исторія выдвигаетъ новыя обстоятельства и силы, но тотъ же остается путь къ государственному застою и разложенію и тотъ же остается путь къ государственному развитію и преуспѣянію. Мѣняются и перестраиваются мнѣнія людей. Но незамѣтно, чтобы такимъ же пертурбаціямъ подвергались исторически сложившіяся направленія общественной мысли. Не измѣнилось „правое направленіе“, хотя отдѣльные, и даже многіе люди, принадлежащіе къ нему, путешествуютъ въ иныхъ мѣстахъ. Но точно также не подверглась видимымъ измѣненіямъ, скажемъ для примѣра — демократически либеральное направленіе, хотя отдѣльные демократы-либералы странствуютъ. Конечно, направленія, какъ и все въ мірѣ, рождаются и умираютъ. Мыслима смерть

нѣкоторыхъ старыхъ направленій, мыслимо рожденіе новыхъ. Но пока больше походитъ на то, что измѣнится лишь соотношеніе силъ между уже сложившимися направленіями общественной мысли.

II. Прогрессивныя предположенія.

Одни предсказатели говорятъ, что въ ближайшемъ будущемъ соотношеніе общественныхъ силъ сложится въ пользу націонализма,—и у насъ начнется „національная эра". Другіе предсказатели разсчитываютъ на примиреніе крайностей: правые полѣвѣютъ, лѣвые поправѣютъ. Есть и разныя иныя предсказанія. Но жизнь обладаетъ свойствомъ плохо слушаться предсказателей, —чаще всего она создаетъ какъ разъ то, чего они не предвидятъ. Кромѣ предсказателей, есть діагносты. Одни изъ нихъ склонны къ пессимизму и говорятъ:

— Возьмите факты.

И точно,—факты теперь очень сильны. Но и очень противорѣчивы. Въ совокупности, пожалуй, даже сумбурны. Какъ бы соотвѣтствуютъ шатанію мнѣній и точекъ зрѣнія,—люди шатаются справа налѣво, слѣва направо, и у фактовъ „правая, лѣвая гдѣ сторона". Другіе діагносты склонны къ оптимизму и говорятъ:

— Обратите вниманіе на симптомы.

Недавно мнѣ довелось слышать цѣлую теорію относительно симптомовъ. Она сводится къ слѣдующему. Конечно, соотношеніе силъ должно измѣниться. Но опредѣлится оно впослѣдствіи. Сейчасъ же чувствуется лишь назрѣваніе перемѣнъ. Опытъ прошлаго учитъ насъ, что при первыхъ признакахъ благопріятной перемѣны не ставятся сразу центральные основные вопросы. До нихъ дѣло доходитъ потомъ. А сначала выдвигаются вопросы, такъ сказать периферическіе,—которые представляется возможнымъ рѣшить, не измѣняя существа, и при томъ рѣшить въ духѣ умѣреннаго либерализма, въ согласіи съ благоразумною частью общества. Какъ разъ въ этой стадіи мы теперь и находимся.

Я не предсказатель. Не склоненъ къ пессимизму. Но и не очень оптимистъ. Полагаю, что предположенія въ духѣ умѣреннаго либерализма заслуживаютъ вниманія сами по себѣ, безотносительно къ тѣмъ или инымъ прогнозамъ. Дѣйствительно, въ данное время выдвигаются вопросы такъ сказать периферическіе. Нѣкоторые изъ нихъ—периферическіе даже въ смыслѣ территоріальномъ. Между прочимъ, снова возникъ проектъ о земствѣ въ Сибири. Вѣрнѣе, впрочемъ, не проектъ, а собираніе матеріаловъ, способныхъ лечь въ основу проекта. Въ серединѣ апрѣля

иркутскій генералъ-губернаторъ обратился въ мѣстную инспекцію мелкаго кредита, въ государственный банкъ и въ агрономическую организацію съ просьбою дать заключеніе о культурной дѣятельности кооперативовъ въ

Енисейской губерніи. Матеріалы эти, какъ говорится въ запросѣ генералъ-губернатора, послужатъ для опредѣленія степени подготовки мѣстнаго населенія къ воспріятію земскихъ реформъ („Русское Слово", 18. IV).

Проектовъ о сибирскомъ земствѣ было нѣсколько. Послѣдній изъ нихъ былъ отвергнутъ на томъ основаніи, что въ Сибири нѣтъ достаточно сильнаго привилегированнаго землевладѣнія, которое дало бы возможность организовать земское представительство, какъ въ центральной Россіи. Послѣ этого былъ произведенъ опытъ,— очередное административное обсужденіе земскихъ смѣтъ Сибири производилось съ участіемъ назначенныхъ или выборныхъ представителей населенія. Опытъ въ общемъ подтвердилъ опасенія, что земство въ Сибири окажется демократичнѣе земствъ Европейской Россіи. Съ другой стороны, потребность населенія въ культурныхъ благахъ такъ велика, что сами собою стали возникать „суррогаты земства". За удовлетвореніе культурныхъ нуждъ берутся различныя частныя организаціи и въ особенности кооперативы. Возникаетъ двоякое неудобство. Во-первыхъ, безспорное и государственное: публично-правовыя задачи рѣшаются частно-правовыми союзами. Во-вторыхъ, неудобство спорное и убѣдительное не для всѣхъ: частно-правовые союзы по своему составу (не говоря уже о тенденціяхъ) демократичнѣе обыкновеннаго у насъ земскаго представительства. Кромѣ того, надо считаться и съ голосомъ общества. О немъ можетъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующій оглашенный въ прессѣ — столичной и провинціальной— „запросъ акмолинскаго губернатора". Губернаторъ

сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что происходившій въ Омскѣ съѣздъ представителей городовъ Западной Сибири вышелъ изъ рамокъ разрѣшенной правительствомъ программы и принялъ цѣлый рядъ резолюцій злободневнаго характера,—высказался за неотложность введенія земства въ Сибири, за необходимость скорѣйшаго пересмотра городового положенія на началахъ расширенія контингентовъ избирателей и за отмѣну ограниченія для евреевъ. Доводя объ этихъ резолюціяхъ до свѣдѣнія центральной власти, губернаторъ запрашиваетъ министерство, какъ ему слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ.

Собираніе матеріаловъ „о степени подготовки мѣстнаго населенія къ воспріятію земскихъ реформъ" идетъ на встрѣчу отзывамъ общества, выражаетъ заботу объ устраненіи неудобствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о глубинѣ остающихся сомнѣній.

Болѣе опредѣленно ставится вопросъ о „реформахъ въ Польшѣ". Вслѣдъ за опубликованіемъ въ порядкѣ 87 статьи временнаго закона о городскомъ управленіи края, появились свѣдѣнія о подготовкѣ земской реформы, такой же, какъ въ центральной Россіи (по закону 1890 г.), но „съ измѣненіями и дополненіями, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ". Кромѣ того, предполагается ввести судъ присяжныхъ и институтъ мировыхъ судей (выборныхъ). Вырабатывается также проектъ общаго провинціальнаго управленія. Въ

прессѣ оглашены, конечно, лишь самыя общія очертанія этого проекта. Во главѣ провинціальнаго управленія предполагается намѣстникъ, при немъ „особый совѣтъ" смѣшаннаго состава,—часть членовъ назначается правительствомъ, часть избирается земскими и городскими общественными управленіями; въ составъ „особаго совѣта" входятъ и представители вѣдомствъ. Такими конкретными величинами предполагается заполнить общую формулу воззванія 1 августа 1914 г.: „возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи". При данномъ ходѣ событій, эти предположенія имѣютъ значеніе, по преимуществу принципіальное,—больше академическое, чѣмъ дѣловое. Въ силу этого они имѣютъ до нѣкоторой степени програмный характеръ.

Выдвигаются, далѣе, нужды, важныя сами по себѣ, но не имѣющія центральнаго значенія. Таковы, напр., вновь возникающіе проекты о поселковомъ общественномъ управленіи, о пересмотрѣ городового положенія, о преобразованіи городскихъ окраинъ въ особыя единицы съ самостоятельнымъ поселковымъ управленіемъ. Эти предположенія едва-ли можно разсматривать внѣ связи съ наблюдаемымъ въ настоящее время стихійнымъ стремленіемъ къ организованности, къ совмѣстнымъ заботамъ объ улучшеніи матеріальныхъ и духовныхъ условій жизни. При одномъ устройствѣ мѣстныхъ общественныхъ управленій иниціатива, ростущая снизу, можетъ быть усилена, при другомъ она можетъ оказаться раздробленной или поставленной въ стѣснительныя рамки. Пока предположенія не настолько опредѣлились, чтобы судить, къ какой изъ этихъ возможностей они ближе.

Болѣе извѣстны и опредѣленны попытки реформировать паспортную систему. Былъ опубликованъ первоначальный текстъ проекта. Печатались краткіе рефераты о засѣданіяхъ особаго совѣщанія, гдѣ онъ обсуждался. По проекту, отъ обязанности имѣть при себѣ паспорта освобождались всѣ вообще, за исключеніемъ нищихъ, цыганъ, евреевъ. Само собою возникало сомнѣніе: по внѣшнему виду не всегда можно отличить еврея отъ не-еврея; между тѣмъ такой еврей можетъ назвать себя русскимъ, грузиномъ или татариномъ и такимъ образомъ пріобрѣсти возможность не сообразоваться съ чертой осѣдлости. Какъ же быть? Очевидно, каждое заявленіе о своей національности должно подлежать провѣркѣ. А дабы можно было провѣрить безъ задержекъ и проволочекъ, необходимо, чтобы всѣ имѣли при себѣ офиціально удостовѣренныя свидѣтельства о личности или виды на жительство. Къ этому единственно возможному выводу совѣщаніе и пришло. И затѣмъ свѣдѣнія о его работахъ прекратились.

Особенное вниманіе и прессы, и общества привлекаетъ „реформаторская"—какъ ее называютъ—дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія. Правыя газеты, особенно недовольныя ею,

переносятъ одіумъ на министра гр. Игнатьева. Въ прессѣ либеральной не мало комплиментовъ по адресу также гр. Игнатьева. Едва-ли однако правильна такая концентрація одіума и похвалъ. Положеніе школьнаго вопроса въ Россіи особенное. Тяга къ просвѣщенію, исключительно сильная до войны, теперь, во время войны, получила чрезвычайную остроту, доведена до высшаго напряженія исключительными мотивами. Есть мотивы личнаго характера,—еще болѣе наглядны стали возможности сдѣлать карьеру, обладая образовательнымъ цензомъ. Есть мотивы и болѣе глубокаго, государственнаго и патріотическаго значенія. Сейчасъ на низахъ прямо засыпаютъ знакомаго „образованнаго человѣка“ вопросами „объ образованности“: сколько гдѣ школъ, гимназій, университетовъ, какъ гдѣ учатъ, и въ какой мѣрѣ открытъ доступъ къ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, какая гдѣ плата за ученье. Порою вопросы неожиданны и не сразу поймешь ихъ:

— Правда-ль, что у нѣмцевъ есть банки для учениковъ?

Только путемъ разспросовъ выясняется, что рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ организаціяхъ, снабжающихъ кредитомъ для продолженія и окончанія образованія. И вопросы не спроста. Именно въ образованности ищутъ секрета той огромной роли, какую игралъ „нѣмецъ“ въ экономической жизни Россіи; образованностью объясняютъ упорство противника, его техническую подготовленность, его военную гибкость и предпріимчивость. И самъ собою складывается выводъ: учиться, учиться, учиться.

— Безъ ученья пропадемъ.

— Если не учиться, то и побѣда будетъ ни къ чему. Побѣдимъ, а онъ все равно намъ на шею сядетъ.

Жажда свѣта соединилась съ патріотическимъ чувствомъ, обострилась инстинктомъ національнаго самосохраненія. Въ этомъ— одно изъ несомнѣннѣйшихъ послѣдствій войны. Здѣсь наиболѣе опредѣленно уже теперь складывается соотношеніе силъ какъ въ низахъ, такъ и среди общества. Вопреки либеральнымъ комплиментамъ и раздраженнымъ укоризнамъ правыхъ, гр. Игнатьевъ не вызываетъ и не ускоряетъ тяготѣній, — скорѣе онъ ихъ сдерживаетъ. Сдерживаетъ, быть можетъ, невольно. Требованія исключительно огромны. Средства стали ограниченнѣе. Государственныхъ рессурсовъ на школы и раньше оставалось гораздо меньше, чѣмъ требовала жизнь. Теперь и подавно. Земскіе и городскіе финансы при иномъ составѣ представительства, быть можетъ, и теперь позволили бы расширять школьное дѣло. Но при данныхъ условіяхъ на расширеніе трудно надѣяться. Удовлетворять обостренную потребность въ низшемъ образованіи приходится лишь отчасти, съ привычными урѣзками, но при вѣроятномъ отсутствіи привычно терпѣливаго отношенія къ факту: въ школѣ не хватаетъ мѣста. Кое-какія смягченія способенъ дать полузабытый и мало дѣйствующій до сихъ поръ законъ о районныхъ школьныхъ попечи-

тельствахъ. Законъ приведенъ въ дѣйствіе тамъ, гдѣ онъ до сихъ поръ не дѣйствовалъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ изъ отдѣльныхъ мѣстъ, открывшіяся школьныя попечительства приступили къ заботамъ объ улучшеніи и расширеніи школьныхъ зданій, о пріобрѣтеніи учебниковъ и учебныхъ принадлежностей и т. д. Учебное начальство съ своей стороны принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ усиленной подготовкѣ учительницъ для начальныхъ школъ.

Требуется удовлетворить также „настоятельную — по выраженію министерства — потребность въ повышенномъ образованіи“. Нѣкоторыя возможности для этого предоставляетъ законъ 26 іюня 1912 г. о высшихъ начальныхъ училищахъ, до сихъ поръ не использованный вполнѣ. Въ частности не использована предоставляемая закономъ возможность учреждать женскія и смѣшанныя высшія начальныя училища. Министерство приступило къ разработкѣ новой сѣти школъ этого типа и къ изысканію средствъ.

Гр. Игнатьевъ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ войти немедленно въ сношенія съ губернскимъ начальствомъ, предводителями дворянства и съ органами городскихъ и земскихъ самоуправленій по вопросу о созывѣ уѣздныхъ и городскихъ совѣщаній, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства, при участіи лицъ учебнаго вѣдомства, городскихъ управъ и земствъ. На этихъ совѣщаніяхъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, должны быть обсуждены вопросы: 1) въ какихъ пунктахъ необходимо открытіе новыхъ начальныхъ высшихъ училищъ мужскихъ, женскихъ или смѣшанныхъ, 2) какія изъ существующихъ училищъ должны быть расширены, 3) какія могутъ быть назначены на это средства изъ мѣстныхъ источниковъ въ пособіе государственному казначейству. Совѣщанія вообще вырабатываютъ программу работъ въ данной области на ближайшіе пять лѣтъ.

Не менѣе настоятельна потребность въ образованіи среднемъ. Количество среднихъ школъ можно бы значительно расширить, если серьезной урѣзкой смѣтъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ усилить ассигновки по министерству народнаго просвѣщенія. Но перераспредѣленіе государственныхъ средствъ, — дѣло, практически очень сложное. Опытъ недавняго прошлаго показалъ, какъ быстро ростетъ число среднихъ школъ, содержимыхъ самими родителями,— если не ставятся этому особыя препятствія. Опытъ доказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость нѣкоторыхъ гарантій. Существованіе частныхъ школъ, налаженныхъ средствами и трудами родителей, оказывалось слишкомъ зависимымъ даже отъ ничтожныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ,—напр., отъ того, что покровительствующій школѣ предводитель дворянства не далъ писарскаго мѣста маленькому человѣку, называвшему себя „союзникомъ“. Обнаружилъ опытъ прошлаго и важность юридической стороны дѣла. Обществамъ для открытія и содержанія школъ возникнуть трудно,— хлопоты о разрѣшеніи тянутся годами. Легче добиться разрѣшенія

на открытіе школы частному лицу,—конечно, обладающему репутаціей политической благонадежности. Приходилось предпочитать юридическія неопредѣленности: открывалась и содержалась школа иждивеніемъ кружковъ и группъ, юридическимъ же ея владѣльцемъ оказывалось отдѣльное лицо. Затѣмъ юридическій владѣлецъ мѣнялъ мѣсто жительства или умиралъ и общественное достояніе переходило въ личную собственность къ наслѣдникамъ и правопреемникамъ. Министерство народнаго просвѣщенія предпринимаетъ нѣкоторые шаги, которые можно понять какъ возвращеніе къ краткому періоду прошлаго, втеченіе котораго возникло значительное число частныхъ общественныхъ школъ. Но функція министерства спеціальная. Установленіе же гарантій требуетъ общей компетенціи. И общаго рѣшенія требуетъ вопросъ о безпрепятственномъ возникновеніи какъ частныхъ общественныхъ школъ, такъ и самыхъ обществъ, отвѣтственныхъ за эти школы.

Еще сложнѣе—расширеніе доступа къ среднему образованію. Открыть столько среднихъ государственныхъ школъ, чтобы можно было вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться, министерство не въ состояніи по недостаточности предоставленныхъ ему рессурсовъ. Обезпечить обширное возникновеніе частныхъ школъ, питаемыхъ организованными заботами и трудами самого населенія, министерство не въ состояніи по ограниченности своей компетенціи. Доступность средняго образованія опредѣляется, кромѣ того, не только числомъ школъ,—надо еще довести до минимума расходы семьи на обученіе дѣтей. Между тѣмъ даже плата за ученіе — не говоря уже о многомъ другомъ — въ государственныхъ школахъ крайне высока, для массы населенія недоступна, а въ школахъ частныхъ по необходимости она еще выше. Мыслимы палліативы. Въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній ученики обезпечены содержаніемъ за счетъ государства. Это до сихъ поръ давало нѣкоторый, хотя и крайне затрудненный, доступъ къ источникамъ знаній. Сынъ крестьянина, напр., могъ изъ начальной школы (двухклассной) поступить по экзамену въ учительскую семинарію „на казенный коштъ". Оплативъ этотъ коштъ обязательною службою втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ поступалъ также по экзамену въ учительскій институтъ. Здѣсь опять казенный коштъ, за который надо служить еще нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ снова экзаменъ и поступленіе въ высшую школу. Подобные обходные пути можно въ значительной степени облегчить. Возможна болѣе широкая постановка благотворительной помощи,—въ частности широкая постановка родительскихъ комитетовъ. Возможна организація кредита на образованіе. Кое-какіе шаги въ сторону нѣкоторыхъ палліативовъ можно замѣтить. Нѣсколько облегченъ, напр., переходъ изъ учительскихъ институтовъ въ университеты. Ожидается болѣе благожелательное отношеніе къ родительскимъ комитетамъ. Но не надо забывать, что съ переходомъ отъ вопросовъ низшаго образованія къ вопро-

самъ средняго и высшаго соотношеніе силъ измѣняется. Противъ начальнаго образованія, если и возражаютъ, то въ формѣ спора о типахъ школъ (напр., „церковная, а не земская"). Но лишь только рѣчь заходитъ о доступности средняго образованія, подъ тѣмъ или инымъ соусомъ преподносятся „кухаркины дѣти". Конечно, прямо о „кухаркиныхъ дѣтяхъ" кричатъ лишь очень грубые люди. Болѣе тонкій сотрудникъ „Новаго Времени" сочиняетъ собственную теорію наслѣдственности: за отпрыскомъ богатой или родовитой фамиліи стоятъ, дескать, поколѣнія, привычныя къ умственному труду, а у мужицкаго сына мозги не развиты, нѣтъ на черепѣ той самой шишки, которая воспринимаетъ науки. Еще болѣе тонкіе „мѣстные люди" просто жалуются: намъ техники, грамотные рабочіе нужны, а образованныхъ и безъ этого слишкомъ много, — дѣвать некуда. Первоклассные мастера умѣютъ подать кухаркина сына даже подъ демократическимъ соусомъ:

— Если де открыть свободный доступъ, то низшая школа должна превратиться въ подготовительную ступень средней, а средняя станетъ лишь подготовительной ступенью къ высшей. Отдѣльныя лица будутъ свободно всходить къ вершинамъ знанія, но масса, вынужденная довольствоваться только низшей и средней школами, останется съ обрывками, съ незаконченными и практически мало пригодными свѣдѣніями. Нельзя же въ жертву все-таки немногихъ приносить интересы всѣхъ?

Такого рода разсужденія теперь сызнова повторяются. И потому, быть можетъ, не лишне напомнить, что они не были убѣдительными уже 100 лѣтъ назадъ, — въ началѣ XIX вѣка. Уваровская система состояла изъ четырехъ ступеней, — отъ начальной школы прямой переходъ къ уѣздному училищу (нынѣ высшая начальная школа), отъ уѣзднаго училища къ гимназіямъ, отъ гимназій къ университетамъ, причемъ каждая ступень давала законченное образованіе. Къ этой системѣ было лишь одно дополненіе, едва-ли возможное въ наше время: свободное восхожденіе по всѣмъ школьнымъ ступеніямъ предоставлялось лишь привилегированнымъ состояніямъ, крѣпостнымъ же людямъ и податнымъ сословіямъ оно не дозволялось прямымъ закономъ. Прибавокъ сталъ трудно допустимымъ. Но система ступеней, изъ которыхъ каждая даетъ законченное образованіе, теперь, разумѣется, возможна такъ же, какъ и 100 лѣтъ назадъ.

Споры во всякомъ случаѣ идутъ. Настроеніе, довольно единодушное, пока рѣчь идетъ о начальныхъ школахъ, раздробляется въ верхнихъ общественныхъ слояхъ при переходѣ къ среднему образованію. Быть можетъ, отчасти поэтому конкретные въ данное время вопросы (прежде всего объ увеличеніи числа среднихъ школъ) остаются какъ бы въ тѣни, за то очень видна постановка вопросовъ, которые въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ имѣютъ значеніе по преимуществу отвлеченное, академи-

ческое. Среди нихъ поставленъ на очередь вопросъ „о реформѣ средней школы". Сначала онъ былъ подвергнутъ обсужденію общему, въ особомъ совѣщаніи при участіи приглашенныхъ профессоровъ, членовъ Государственной Думы и членовъ Государственнаго Совѣта. Затѣмъ началось обсужденіе детальное—въ особой педагогической коммиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра В. Т. Шевякова. Снова всплыли тѣ же вопросы, среди которыхъ застряла реформаторская попытка покойнаго Ванновскаго. Типы школъ, концентры, программы, бифуркаціи. Все это очень важно. Но практическая цѣль обширныхъ сужденій обо всемъ этомъ остается неясной. Конечно, возникъ, напр., тотъ же вопросъ о доступности образованія, о послѣдовательной связи между низшими и высшими школами. Въ защиту доступности и связи высказано не мало цѣнныхъ аргументовъ. Но достаточнаго числа среднихъ школъ все-таки нѣтъ. Удовлетворить потребность въ нихъ безъ крупной перестройки бюджета и безъ фундаментальной перемѣны отношеній къ частной и общественной иниціативѣ нельзя. Нельзя, стало быть, и принимать всѣхъ желающихъ учиться. Все равно придется поставить барьеръ... Очень важно правильное рѣшеніе вопроса о школьныхъ программахъ. Но вотъ, напр., газеты сообщаютъ, что нѣкоторыми провинціальными учебными начальниками требуется, чтобы въ среднихъ школахъ ученикамъ не было ничего сообщаемо объ извѣстныхъ теоріяхъ относительно происхожденія земли, — тѣхъ самыхъ теоріяхъ, скрыть которыя отъ юношества настойчиво предлагалъ еще министръ Шишковъ А разъ такъ, то мы никуда не уйдемъ отъ того, что было и что есть: какъ бы ни были хороши программы, но ученики все таки будутъ узнавать многое необходимое для современнаго образованнаго человѣка гдѣ-то внѣ школы, и останется все то же дѣленіе знаній на разрѣшенныя и запрещенныя, и такъ же, по логикѣ противорѣчія, запрещенное будетъ казаться сладкимъ, а разрѣшенное прѣснымъ и скучнымъ, и такъ же будутъ психологически невозможны искреннія отношенія между учителемъ и ученикомъ.

Нѣсколько академичными представляются и сужденія о возможно совершенномъ типѣ школы. Совершенныхъ школьныхъ системъ вообще нигдѣ нѣтъ. Есть лишь болѣе и менѣе удовлетворительныя. Но самую удовлетворительную систему можно превратить въ инквизиціонную камеру и, наоборотъ, мало удовлетворительную—можно сдѣлать пріятнымъ учрежденіемъ. Въ послѣдніе годы очень обострился споръ объ экзаменахъ. И несомнѣнно, экзамены превращены въ очень тягостное бремя, хотя изъ нихъ можно сдѣлать и школьный праздникъ. Мало того, на экзаменѣ, которому приданъ характеръ праздника, можно точнѣе опредѣлить познанія дѣтей, чѣмъ на экзаменѣ, имѣющемъ значеніе чего-то мучительнаго, способнаго довести ребенка до самоубійства. Въ нынѣшнемъ году, по докладу новаго министра, переводные экза-

мены отмѣнены, — учащіеся переводились изъ одного класса въ другой по годовымъ отмѣткамъ. И мѣстами случилось слѣдующее: ученикамъ были назначены провѣрочныя четвертныя работы и испытанія, а эти испытанія тянулись ежедневно съ утра до поздней ночи, по нѣсколько часовъ на каждый предметъ и на каждаго ученика. Втеченіе добраго полумѣсяца метались учащіеся, метались родители и, повидимому, имѣли нѣкоторое основаніе говорить.

— Это еще хуже, чѣмъ экзамены.

Даже въ смыслѣ гарантіи хуже: на экзаменѣ все-таки ассистенты, а тутъ одинъ „преподаватель предмета",—„сколько хочетъ, столько и ставитъ". Суть-то, стало быть, не въ экзаменахъ. И точно такъ же вообще суть не въ той или иной собственно *школьной* системѣ, сколько въ педагогичности отношеній къ юношеству и къ задачамъ школы. Главная и основная трудность именно въ томъ, чтобы сдѣлать школу учрежденіемъ педагогическимъ. Но эта главнѣйшая и основная трудность почти не затронута,—можно сказать, даже не поставлена совѣщаніемъ и коммиссіей, обсуждающими заново проектъ о реформѣ средней школы. И понятно. При однихъ условіяхъ школа можетъ стать учрежденіемъ педагогическимъ, при другихъ ей неизмѣнно навязываются цѣли, чуждыя педагогикѣ и даже вредныя съ педагогической точки зрѣнія. Условія же, опредѣляющія это, гораздо шире, чѣмъ кругъ компетенціи министерства народнаго просвѣщенія.

Поставленъ принципіальный вопросъ и о реформѣ высшей школы. Опубликованы общія положенія проекта новаго университетскаго устава, въ коихъ предположенъ созывъ особаго совѣщанія; въ него войдутъ попечители округовъ, ректоры университетовъ, профессора, нѣкоторые члены Думы и Совѣта. Пока неизвѣстно, будетъ ли „университетская реформа" обсуждаться иначе, чѣмъ „реформа средней школы",—или такъ же отвлеченно, внѣ связи съ рѣшающими условіями и обстоятельствами.

Остается еще область внѣшкольнаго образованія. Относительно нея сейчасъ едва-ли можно ограничиваться отвлеченными сужденіями. Необходимо такъ или иначе отнестись конкретно къ усиленной потребности массъ въ библіотекахъ, народныхъ домахъ, народныхъ университетахъ и т. п. Вообще говоря, гр. Игнатьевъ устанавливаетъ ко всему этому нѣсколько иныя отношенія, чѣмъ его предшественникъ Л. А. Кассо. О деталяхъ же можно судить по недавно оубликованнымъ правиламъ 21 мая о народныхъ библіотекахъ учреждаемыхъ или существующихъ при школахъ. Правила—уже третьи по счету за послѣдніе 9 лѣтъ. Первыя были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 28 февраля 1906 г. Въ ту пору начинала усиливаться тяга къ устройству просвѣтительныхъ учрежденій въ деревнѣ. Къ тому же времени можно отнести и начало массовой тяги строить деревенскіе „дома просвѣщенія". Но

такимъ домомъ и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ остается лишь школа,—другихъ помѣщеній для народной библіотеки очень мало, еще не успѣли построить. Въ 1906 г. ихъ было и того меньше. Но школьныя зданія принадлежатъ министерству народнаго просвѣщенія или находятся въ его распоряженія. Отсюда необходимость спеціальныхъ правилъ.

Правилами 1906 г. разрѣшалось учреждать публичныя библіотеки на общихъ основаніяхъ — т. е. этимъ библіотекамъ было предоставлено имѣть и распространять всѣ изданія, кромѣ, конечно, находящихся подъ запретомъ на основаніи закона. Вопросъ же о завѣдываніи и распоряженіи библіетеками при школахъ правила 1906 г. рѣшали не вполнѣ ясно. Затѣмъ вышли новыя правила 9 іюня 1912 г.—они разсматриваютъ каждую учрежденную при школѣ библіотеку, какъ пожертвованіе, которое должно поступать въ полное распоряженіе учебнаго начальства, причемъ разрѣшается имѣть лишь книги, „допущенныя" спеціальными каталогами или дозволенныя мѣстнымъ начальствомъ. Послѣ этого многія публичныя библіотеки при школахъ закрылись или были закрыты. Кромѣ того, обнаружилось послѣдствіе, едва-ли предусмотрѣнное министерствомъ народнаго просвѣщенія: правила 1912 г. сыграли роль толчка, усилившаго стремленіе и земствъ, и—главное—самихъ селъ и деревень къ постройкѣ спеціальныхъ зданій для библіотекъ, читаленъ и другихъ культурныхъ надобностей. Нынѣшнія правила 21 мая даютъ дѣлу какъ бы среднее направленіе. Народныя библіотеки при школахъ разрѣшается учреждать и земствамъ, и городамъ, и попечительствамъ, и частнымъ обществамъ, даже частнымъ лицамъ, причемъ библіотеки признаются собственностью учредителя, которую онъ при желаніи, конечно, въ правѣ пожертвовать въ распоряженіе учебнаго начальства. Но книги допускаются почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ опредѣлено правилами 1912 г., и завѣдующихъ библіотеками назначаетъ директоръ народныхъ училищъ по соглашенію съ земствомъ.

Не трудно видѣть, что всѣ три изданія правилъ не ставятъ препятствій стремленію учреждать библіотеки общаго назначенія при школахъ. Различіе между правилами 1906 г. и послѣдующими изданіями заключается въ отношеніи къ составу библіотекъ. Въ 1906 г. считалось возможнымъ не ставить умственнымъ запросамъ народа спеціальныхъ ограниченій,—сверхъ общаго дѣйствія законовъ о печати. Въ 1912 г., какъ и теперь, устанавливается спеціальное ограниченіе. Въ 1912 г. Л. А. Кассо считалъ для этого нужнымъ не признавать право собственности учредителей. Теперь, при гр. Игнатьевѣ, министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, пришло къ выводу, что споръ о правѣ собственности не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ признаніе

этого права нисколько не мѣшаетъ устанавливать спеціальныя ограниченія и спеціальный надзоръ.

Остается сомнительнымъ еще одинъ пунктъ: правила 1915 г. могутъ быть признаны по существу вполнѣ однородными съ правилами 1912 г. и способными покрѣпить мысль о постройкѣ особыхъ зданій для библіотекъ. Получается во всякомъ случаѣ возможность не оправдываемой пестроты: если особое зданіе построено, то населеніе имѣетъ библіотеку на общихъ основаніяхъ, если же особаго зданія нѣтъ и надо пользоваться школьнымъ домомъ, то населенію предоставляется имѣть библіотеку, находящуюся подъ спеціальными ограниченіями и спеціальнымъ надзоромъ. Неудобства въ этомъ есть. Но они зависятъ не отъ министра народнаго просвѣщенія. Его компетенціи подлежатъ библіотеки при школахъ. Вообще же публичныя библіотеки находятся въ вѣдѣніи другого министерства. Впрочемъ, чинами послѣдняго также принимаются мѣры. Такъ, напр., по сообщенію „Голоса Москвы“ (19. IV),

земскими начальниками Новосильскаго уѣзда, по предписанію тульскаго губернатора, волостнымъ правленіямъ предлагается принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы на общественныя деньги не выписывались газеты вреднаго направленія, и наблюдать за тѣми, кто выписываетъ газеты такого направленія.

Конечно, административными приказами не все рѣшается. Надо еще юридически доказать обоснованность подобныхъ мѣръ. Но это уже часть формальная. Для насъ же важно отмѣтить, что между отдѣльными вѣдомствами нѣтъ непримиримыхъ разногласій по существу.

III. Землеустроительныя дѣла.

Важнѣйшія назначенія послѣдняго времени связаны съ вѣдомствомъ земледѣлія и землеустройства: тамъ служилъ новый министръ народнаго просвѣщенія, тамъ же служилъ и новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Вѣдомство стало какъ бы школой, гдѣ подготовляются кандидаты на важнѣйшіе посты. За послѣднее же время—съ начала войны—значительно расширился и кругъ его компетенціи: въ вѣдомствѣ земледѣлія и землеустройства сосредоточились важнѣйшія матеріальныя заботы военнаго времени. Въ вѣдомствѣ же земледѣлія и землеустройства сосредоточена и значительная часть административыхъ заботъ о помощи воинскимъ семьямъ. Наконецъ, изъ вѣдомства исходитъ цѣлый рядъ распоряженій и предположеній, затрагивающихъ важные принципіальные вопросы. Одно изъ нихъ—объ учрежденіи фонда, предназначеннаго для надѣленія воиновъ землею,—намъ приходилось своевременно отмѣчать. Теперь послѣдовало еще одно распоряженіе, требующее вниманія.

Циркулярнымъ письмомъ А. В. Кривошеина отъ 5 мая губернаторамъ указано на необходимость пріостановить тѣ землеустрои-

тельныя дѣла, „которыя, не достигнувъ полюбовнаго соглашенія сторонъ, могли бы вызвать непріязненныя въ средѣ населенія отношенія". Эта общая формула иллюстрируется ссылкою на такое примѣрное дѣло, представленное „изъ одной губерніи" на разрѣшеніе главноуправляющаго. Часть членовъ общины требуетъ выдѣла. Другая часть не согласна. По закону выдѣлъ, уже „подготовленный съ правовой и технической сторонъ", долженъ быть произведенъ.

Дѣло осложняется тѣмъ, что часть общества упорно добивалась землеустройства, приводя рядъ ходатайствъ членовъ своихъ семействъ, находящихся на войнѣ и настаивающихся на скорѣйшемъ выдѣлѣ. Другая же часть ссылается на такой же уходъ родныхъ на войну и также ходатайствуетъ до ихъ возвращенія не удовлетворять добивающихся выдѣловъ.

Въ данномъ случаѣ выдѣла добивается большинство. Тѣмъ не менѣе главноуправляющій считаетъ долгомъ указать губернаторамъ,

что подобныя дѣла, не взирая на ихъ закономѣрность и на то, что интересы большинства преобладаютъ, подлежатъ пріостановкѣ... Такая отсрочка тѣмъ болѣе необходима при работахъ, въ коихъ заинтересовано только меньшинство, а особенно при одиночныхъ выдѣлахъ, разъ добровольное соглашеніе отсутствуетъ, а указанный закономъ обязательный порядокъ можетъ привести къ осложненіямъ.

Насколько это указаніе соотвѣтствуетъ условіямъ жизни, можно судить по другому примѣрному дѣлу, бывшему въ началѣ мая предметомъ судебнаго разбирательства въ Одессѣ (при открытыхъ дверяхъ).

27 сентября 1914 г. въ село Стецовку прибыли землемѣры для производства выдѣла крестьянамъ, пожелавшимъ въ числѣ 38 выдѣлиться на отруба. Вскорѣ къ землемѣрамъ явилась группа женъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, ушедшихъ на войну, и потребовала не производить землемѣрныхъ работъ до возвращенія съ войны ихъ мужей, причемъ онѣ угрожали, что если работы не будутъ прекращены, то онѣ выйдутъ на межу въ большомъ числѣ и „провалятъ головы какъ землемѣрамъ, такъ и участвующимъ въ выдѣлѣ" („Одесскія Новости", 2 мая).

Черезъ нѣкоторое время собрался сходъ. Онъ „выразилъ несогласие на общее разверстаніе и потребовалъ прекращенія работъ". Затѣмъ дѣло перешло снова въ землеустроительную коммиссію. Коммиссія предписала землемѣру произвести выдѣлъ. Тогда общество рѣшило произвести общее разверстаніе земли, о чемъ и составило приговоръ,—проектъ котораго, по просьбѣ общества, былъ составленъ землемѣромъ. Землемѣръ, съ своей стороны запросилъ

землеустроительную коммиссію, не найдетъ ли она нужнымъ, въ виду согласія общества на общую разверстку, прекратить работы по выдѣлу. Коммиссія отвѣтила, что работы по выдѣлу должны продолжаться (тамже).

Въ результатѣ—20 подсудимыхъ по дѣлу „о вооруженномъ сопротивленіи властямъ при исполненіи послѣдними постановленія

землеустроительной коммиссіи о выдѣленіи нѣсколькихъ крестьянъ, каковое сопротивленіе выразилось въ поломкѣ и разбрасываніи межевыхъ знаковъ, насильственномъ удаленіи землемѣровъ и побояхъ односельчанъ, изъ которыхъ двое скончались". На основаніи военнаго положенія, преступленіе это признано подлежащимъ юрисдикціи военно-окружного суда и караемымъ по статьямъ, предусматривающимъ смертную казнь. Одинъ изъ подсудимыхъ призванъ къ исполненію воинскихъ обязанностей и находится въ рядахъ арміи. Дѣло о немъ выдѣлено. Поступки остальныхъ 19-ти были разсмотрѣны военно-окружнымъ судомъ—въ открытомъ, какъ я уже сказалъ, засѣданіи; судъ не нашелъ признаковъ вооруженнаго сопротивленія властямъ (тѣмъ самымъ отпали статьи, грозящія смертною казнью); 12 человѣкъ оправданы; семерыхъ судъ призналъ виновными въ насильственныхъ дѣйствіяхъ скопомъ изъ экономическихъ побужденій и приговорилъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ на сроки отъ 3 лѣтъ до 1 года. Дѣло нельзя считать оконченнымъ, ибо приговоръ опротестованъ прокуроромъ. И уже одна возможность подобныхъ дѣлъ обязываетъ признать необходимыми принципіальныя указанія, излагаемыя въ циркулярномъ письмѣ 6 мая:

Если въ обычныхъ условіяхъ деревенской жизни землеустройство призвано вносить удовлетвореніе въ крестьянскую среду, разрѣшая сложныя имущественныя отношенія путемъ возможнаго соглашенія встрѣчныхъ интересовъ, то отступленіе отъ этого основного начала въ настоящее время и производство работъ, которыя могли бы обострить взаимныя отношенія крестьянъ, совершенно недопустимы.

Исполненіемъ этихъ указаній, вѣроятно, будетъ устранена возможность эпизодовъ вродѣ только что отмѣченнаго одесскаго. Вѣроятно, будутъ устранены и, напримѣръ, такіе эпизоды болѣе обычнаго типа:

Воронежъ. Въ Задонскомъ уѣздѣ трое крестьянъ, почтенныхъ хозяевъ, за выраженное ими несогласіе перейти на отруба въ указанное начальствомъ мѣсто посажены на 3 мѣсяца въ тюрьму („Голосъ Москвы",— 29 марта).

Суть не въ однихъ эпизодахъ. Быть можетъ, важнѣе устраненіе нѣкотораго соблазна. Оставшимся въ деревняхъ хозяевамъ соблазнительно закрѣпить за собою лучшіе куски общинныхъ земель,— пока многіе другіе хозяева служатъ въ арміи и лишены возможности защищать свои интересы. Призваннымъ по мобилизаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ соблазнительно закрѣпить за своей семьею участокъ общинной земли, дабы онъ, въ случаѣ смерти владѣльца, могъ перейти, какъ личная собственность, къ наслѣдникамъ по „писанному закону", а не какъ общинное достояніе наслѣдственное, пользованіе которымъ опредѣляется обычнымъ правомъ; закрѣпленная земля перейдетъ къ женѣ и дѣтямъ, а распоряди-

телемъ незакрѣпленнаго надѣла можетъ стать, напр., зять, шуринъ или иной родственникъ, а этотъ новый распорядитель впослѣдствіи, быть можетъ, закрѣпитъ землю въ свою собственность. Получился такимъ образомъ соблазнъ и для тѣхъ, кто сидитъ дома, и для тѣхъ, кто призванъ въ армію. Прекратить соблазнъ, способный вести къ розни и склокѣ, было необходимо.

Въ письмѣ подчеркивается, что указанныя имъ работы и дѣлопроизводства подлежатъ лишь временной пріостановкѣ:

> Это не есть отказъ въ правѣ на землеустройство, а лишь естественная въ условіяхъ переживаемаго времени отсрочка осуществленія этого права.

Потомъ въ газетахъ было напечатано дополнительное письмо, подтвердившее, что пріостановка должна быть именно временной. Даже съ чисто формальной стороны иного пониманія и быть не можетъ. Дѣйствіе законовъ не упраздняется циркулярными письмами начальствующихъ отдѣльными вѣдомствами. Строгаго юриста, пожалуй, смутитъ и временная пріостановка въ такомъ порядкѣ. Независимо отъ формальной стороны,—и по существу радикальныя измѣненія въ аграрномъ законодательствѣ не предполагаются въ данное время. Возникли лишь обстоятельства, побудившія распорядиться о частичной пріостановкѣ. И разъ ужь эти обстоятельства признаны заслуживающими вниманія, то естественно возникаетъ вопросъ: долго ли они будутъ дѣйствовать?

Въ „письмѣ“ отмѣчается характерное явленіе: часть солдатскихъ семействъ настаиваетъ на скорѣйшемъ выдѣлѣ, другая часть такихъ же солдатскихъ семействъ проситъ объ отсрочкѣ до возвращенія съ войны. Не трудно понять одну изъ важныхъ причинъ этого различія. Уходитъ на войну, положимъ, фактическій домохозяинъ, у котораго отецъ и старъ, и слабъ. Такому уходящему естественно разсуждать: если сейчасъ закрѣпить землю, то можно устроить такъ, чтобъ она перешла къ моей семьѣ; при ней будетъ жить и ослабѣвшій отецъ; если же дѣло пойдетъ въ оттяжку, то отца, пожалуй, подобьютъ закрѣпить землю въ свою собственность, онъ ее спуститъ, быть можетъ, передастъ на сторону, а моя семья останется не причемъ и пойдетъ по міру. Стало быть, надо закрѣпить за собою, теперь же, поскорѣе. Представьте другое сочетаніе условій: на войну ушелъ не юридическій домохозяинъ: сынъ при живомъ отцѣ, который хозяйствуетъ,—или младшій не выдѣленный братъ, изъ семьи, гдѣ есть еще, допустимъ, старшій братъ, за возрастомъ или по физическому недостатку непригодный къ военной службѣ. Если въ этомъ случаѣ закрѣпитъ общинную землю за собою юридическій домохозяинъ, то можетъ остаться не при чемъ солдатская семья. Тутъ даже соображенія собственной выгоды понуждаютъ солдата и его жену быть противъ выдѣла. Конечно, не все можно объяснить различіемъ семейственныхъ и имуществен

ныхъ положеній. Но уже однимъ этимъ различіемъ обостряются противорѣчія, осложнившія деревенскую жизнь послѣ 9 ноября 1906 г. Циркулярное письмо 5 мая временно снимаетъ съ очереди обостренія. Но вернуться къ нимъ будетъ необходимо.

Начать хотя бы съ хозяйственнаго положенія семей тѣхъ солдатъ, которые убиты или претерпѣли болѣе или менѣе тяжкое увѣчье. Письмомъ А. В. Кривошеина дана отсрочка. Но судьба этихъ семей продолжаетъ висѣть въ воздухѣ. Часть хозяйствъ уже перешла въ распоряженіе новыхъ людей. Другія—еще перейдутъ. Пока солдатскія жены и дѣти продолжаютъ сохранять свою долю правъ на общинную землю. Но неизвѣстно, что съ ними будетъ, когда пріостановленный законъ снова получитъ дѣйствіе и распорядители хозяйствъ станутъ укрѣплять семейныя доли общиннаго достоянія въ свою личную собственность. Если выдѣлы и укрѣпленія пойдутъ прежнимъ порядкомъ, то вдовы и сироты могутъ оказаться жестоко обиженными.

Обидчиками могутъ быть не только формальные представители семействъ и семейныхъ правъ. Выдѣлъ даже одного домохозяина часто ведетъ къ сумятицѣ среди всѣхъ остальныхъ; за однимъ устремляется другой, за другимъ третій, каждый норовитъ забрать себѣ побольше. До сихъ поръ въ такихъ случаяхъ интересы вдовъ и сиротъ оказывались особенно беззащитными. Но процентъ вдовъ и сиротъ былъ такъ сказать средній. Послѣ войны онъ будетъ выше средняго. Если вдовы и сироты вообще должны быть защищаемы, то вдовы и сироты павшихъ въ бою имѣютъ особенное право на защиту. Очевидно, въ прежнемъ положеніи дѣло оставить нельзя.

Есть и нѣкоторыя другія обстоятельства, съ которыми надо считаться не только сейчасъ. Повидимому, усилилось тяготѣніе возвращаться отъ хуторовъ и отрубовъ къ общинному хозяйству. Тяготѣніе это наблюдается даже въ южныхъ губерніяхъ, хотя онѣ давно привыкли къ подворному владѣнію и ихъ бытъ не такъ тѣсно связанъ съ общиннымъ порядкомъ. Въ виду этого нѣкоторыя земства—напр., Верхнеднѣпровское, Екатеринославской губерніи —приступили къ экономическому обслѣдованію хуторянъ. Врядъ-ли однако явленіе можно объяснить только экономическими причинами. По крайней мѣрѣ, лично мнѣ отъ крестьянъ Орловской губерніи довелось слышать такую, напр., мотивировку:

— Мужа убили. Дѣло женское, вдовье; дѣтишки малыя,—не осилитъ, спуститъ землю. Кабы по прежнему, обществомъ,—мать такъ ли, сякъ ли перебьется, пока дѣтишки подростутъ, а дѣти подростутъ, у нихъ все-таки земля, какой ни на есть свой уголъ.

„По прежнему",—обезпеченіе сиротъ землею, хотя бы и въ маломъ размѣрѣ, гарантировано. „По новому",—личная земельная собственность будетъ прожита, ликвидирована, и что станется съ сиротами, неизвѣстно.

Безпокоитъ не одно будущее. И въ настоящемъ острѣе сказываются неудобства „новаго порядка“. Жизнь хуторянъ, на отлетѣ, вообще представляетъ особенности, не всегда выгодныя. А теперь, когда мужья на войнѣ, женамъ съ дѣтьми приходится чувствовать невыгоды съ особенною силою. Зимою, напримѣръ „одолѣвали сугробы“,—деревнямъ не всегда подъ силу выкарабкаться изъ нихъ, одинокимъ же хуторянамъ и подавно плохо. „Ледъ некому прорубить“,—въ колодцѣ или прудѣ. „Рожать собралась,—за бабкой некому сбѣгать“. „Заболѣла,—кто за скотиной присмотритъ, дѣтишекъ покормитъ, печку истопитъ?“.. Есть множество бытовыхъ мелочей, улаживаемыхъ добрососѣдской помощью и взаимною поддержкой. Когда хуторянки остались однѣ съ дѣтьми,—отсутствіе повседневной, неизмѣнно близкой помощи сосѣдей получило особенную остроту. Острѣе, чѣмъ въ былое время, почувствовалось даже простое одиночество: „живешь одна на отшибѣ“, „не съ кѣмъ слова сказать“, „тоска изводитъ“.

Сказалась и особенная черта времени: значительный подъемъ интереса къ большимъ событіямъ. Каждому хочется знать, что дѣлается на свѣтѣ, тянетъ быть на людяхъ, послушать, о чемъ говорятъ, подѣлиться своими мыслями. По селамъ и деревнямъ теперь все-таки газеты, совмѣстныя чтенія, во многихъ мѣстахъ говорятъ о „собственныхъ“, крестьянскихъ, аудиторіяхъ, народныхъ домахъ. И не только говорятъ. Кое-что и дѣлаютъ. Въ такое время исключительно тяжело жить вдали отъ чужого жилья. И уже поэтому не удивительно, что людей съ особенною силою потянуло назадъ въ деревню.

Видимо, и съ хозяйственными работами труднѣе справиться солдаткамъ-хуторянкамъ, чѣмъ солдаткамъ-общинницамъ. У деревенскихъ корреспондентовъ, напримѣръ, „Смоленскаго Вѣстника“ находимъ такіе отзывы.

Въ деревняхъ съ общиннымъ владѣніемъ озимыя нынѣшней весною выглядятъ лучше, нежели у хуторянъ и отрубниковъ. Особенно неудовлетворительными кажутся они у послѣднихъ, вышедшихъ изъ общины въ концѣ лѣта прошлаго года („Смоленскій Вѣстникъ“, 27. IV).

Что касается вышедшихъ на хутора и отруба,—пишетъ другой корреспондентъ—то положеніе ихъ противъ прежней жизни въ общинѣ заставляетъ желать лучшаго. Они не успѣли примѣниться къ веденію новаго землепользованія въ смыслѣ сѣвооборота. Не получаютъ необходимаго количества хлѣба и корма, хотя имѣютъ и достаточно земли. Скотъ отдаютъ пасти въ сосѣднія деревни съ общиннымъ владѣніемъ. Надѣлали много долговъ на переносъ построекъ изъ деревни на участокъ, такъ какъ пособіе на это выдавалось отъ землеустроительной коммиссіи недостаточное, а инымъ и вовсе не давали. Потомъ пришлось дѣлать долги и на другія нужды по хозяйству, и въ концѣ концовъ нѣкоторые заложили свое имѣніе въ банкъ. Получше живутъ только тѣ домохозяева, которые и въ общинѣ были богаты, но такихъ немного. Особенно жуткое впечатлѣніе производятъ хутора и отруба бѣдняковъ. Стоитъ у такихъ „горемыкъ-помѣщиковъ“ гдѣ-либо въ

концѣ бывшаго мірского поля одна кое-какъ собранная избушка, а остальныя постройки—овинъ, сарай и амбаръ представляютъ собою пока одни незаконченные, по неимѣнію средствъ, голые срубы. (Тамже, 5. V.).

Въ послѣднемъ отзывѣ деревенскаго корреспондента находимъ цѣлый рядъ указаній на особенное положеніе хуторянокъ: къ землепользованію на новыхъ началахъ приспособиться не успѣли, хатки собраны кое-какъ и не закончены, хозяйственныя постройки лишь начаты, долговъ много. И все это свалилось на солдатокъ, со всѣмъ этимъ онѣ какъ-то должны справиться. Мѣстами стараются помочь землеустроительныя коммиссіи; нѣкоторыя изъ нихъ организовали выдачу дополнительныхъ ссудъ на посѣвы,—на покупку сѣмянъ, на пріобрѣтеніе орудій и т. д. Въ отдѣльныхъ случаяхъ ссуды достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ,—оршанская, напр., землеустроительная коммиссія выдаетъ по 45 руб. на семью. Но даже эта сравнительно крупная ссуда при нынѣшней дороговизнѣ не достаточна для посѣвовъ, — не говоря о другихъ хозяйственныхъ нуждахъ. Падая дополнительнымъ и притомъ краткосрочнымъ кредитомъ на хозяйство, она крайне осложняетъ вопросъ о сосѣдской помощи, безъ которой вообще солдатка, за рѣдкими исключеніями, обойтись не можетъ. Между тѣмъ, разъ хуторянка получаетъ ссуду, сосѣди, не имѣющіе этой спеціальной поддержки, непремѣнно скажутъ:

— Ты обойдешься, тебѣ начальство деньги даетъ.

Вопросъ о сосѣдской помощи хуторянкамъ вообще довольно сложенъ. Запаснымъ общинникамъ во время іюльской мобилизаціи нерѣдко „міръ“ говорилъ: „о семьѣ не безпокойся, не оставимъ, поможемъ“. Отбившимся отъ „міра“ хуторянамъ и отрубникамъ не было этого утѣшенія. А извѣстная острота отношеній между выдѣленцами и общинниками вынуждала предполагать, что жизнь пойдетъ враздробь,—общинники сами по себѣ, хуторяне и отрубщики сами по себѣ. Мѣстами она и пошла враздробь. Но во многихъ случаяхъ жизнь сгладила остроту отношеній. Сосѣди „помогаютъ безъ различія“,—и общинницамъ, и хуторянкамъ. Разница лишь въ томъ, что общинницамъ помогать „способнѣе“. Ѣдутъ сосѣди за дровами или за сѣменами,—заодно ужь берутъ и солдаткину лошадь. Навьючить возъ, наблюдать за лошадью, доставить на мѣсто,—все это, конечно, требуетъ заботы и труда. Но этотъ трудъ какъ бы мимоходомъ, по спопутности, — онъ не считается. Хуторянкѣ же мимоходомъ не поможешь, къ самому жилью ея нужно сдѣлать крюкъ. Общинное солдаткино поле можно обработать вмѣстѣ съ своими полями, — опять вродѣ какъ мимоходомъ. Къ хуторянкѣ же, чтобъ помочь ей, надо ѣхать „нарочно“, и на хуторахъ не общій, какъ у всѣхъ, а индивидуальный сѣвооборотъ и порядокъ. Общинное поле солдатки чаще всего сподручно пахать вмѣстѣ съ своими полями и какъ свои поля. Поля

хуторянокъ приходится пахать „по силѣ возможности“. Удастся вспахать два раза,—„подъ навозъ“ и „по навозу“—слава Богу. А не удастся,—и за одну вспашку спасибо скажешь.

Словомъ, многое усиливаетъ обратную тягу къ общинѣ. Независимо отъ частностей—бытовыхъ и хозяйственныхъ—можно чувствовать или, по крайней мѣрѣ, угадывать нѣкоторое общее знаменіе эпохи. Исключительное время. Исключительныя испытанія. Можно подмѣтить черты характернаго несходства настроеній. Среди такъ называемыхъ господствующихъ круговъ въ началѣ войны наблюдалась, съ одной стороны, излишняя легкость взглядовъ, съ другой,—излишняя нервность. Однимъ казалось, что все пустяки, черезъ три—четыре мѣсяца противникъ будетъ раздаеленъ. Другіе, наоборотъ, почти панически убѣгали оттуда, откуда не было никакой надобности убѣгать; не шутя собирались отправить семьи на мередіаны Дона и нижней Волги. Послѣ первыхъ же улыбокъ военнаго счастья тревога улеглась. И легкіе взгляды стали ужь слишкомъ назойливы. Только въ самое послѣднее время, приблизительно, со второй половины апрѣля и въ маѣ, суровая дѣйствительность заставила болѣе серьезно оцѣнивать происходящее. Въ народной глубинѣ испытанія сразу почувствовались конкретнѣе. Еще въ первое время могла быть надежда, что они, хотя и велики, но кратковременны, однако, тѣмъ меньше оставалось мѣста на иллюзіи, тѣмъ яснѣе становилась необходимость общаго и солидарнаго напряженія силъ. Никто не знаетъ, въ какомъ размѣрѣ понадобится оно. Не угадаешь,—какъ сложатся событія, какой оборотъ могутъ принять они. Но въ народной массѣ чувствуется какъ бы инстинктивное тяготѣніе быть вмѣстѣ, стягиваться, а не расходиться. Потянуло къ разнымъ формамъ совмѣстности. Община, быть можетъ, не лучше другихъ формъ. Но она — наиболѣе извѣстный массамъ населенія порядокъ жизни, построенный на началахъ общности и солидарности.

Можно замѣтить нѣкоторую перемѣну и въ настроеніи недавнихъ общиноборцевъ. Сторонники общины, какъ извѣстно, не собирались консервировать то, что есть. То, что есть, во многихъ отношеніяхъ изуродовано посторонними подмѣсями. Сторонники общины не отрицаютъ, что она нуждается въ реформированіи. По ихъ мнѣнію, необходимо и важно лишь, чтобы въ народныхъ глубинахъ продолжалъ оставаться дѣйственнымъ исторически сложившійся порядокъ, укрѣпляющій начала общности и солидарности. Но именно эти-то начала противниками считались наиболѣе непріемлемыми. Объ общинѣ говорили, что она служитъ источникомъ „превратныхъ мнѣній“, что она воспитываетъ въ неуваженіи къ собственности, предрасполагаетъ народную массу къ „разрушительнымъ теоріямъ“. Именно поэтому считалось особенно необходимымъ „уничтожить заразу“, создать въ народныхъ глубинахъ новый порядокъ, построенный на разобщеніи и на сопер-

ничествѣ обособленныхъ частныхъ интересовъ. Жизнь напомнила, какое значеніе имѣютъ начала общности и солидарности въ исключительные моменты исторической жизни народа. Она вынуждаетъ признать, что въ этихъ началахъ вообще нѣтъ ничего „превратнаго". Общиноборчеству приходится пересмотрѣть свои политическіе аргументы. Надежды же на быстрый экономическій прогрессъ, къ которому якобы должна привести система разобщенности, больше выражались на словахъ, чѣмъ существовали въ дѣйствительности.

Въ стремленіи „назадъ къ общинѣ" есть доля наивности. Люди выдѣлились, вызвали этимъ сложныя перестройки въ хозяйственномъ быту цѣлыхъ сельскихъ обществъ, обременили выдѣленную землю личными долгами, взяли на себя цѣлый рядъ обязательствъ предъ третьими лицами и учрежденіями. А потомъ назадъ. Оторванное не приставишь. И сшить разодранное не просто. Но это не значитъ, что усиливающійся поворотъ не заслуживаетъ вниманія. Пожалуй, даже невозможно будетъ оставить его безъ послѣдствій. Всякая система мѣръ все-таки держится на благопріятномъ для нея соотношеніи силъ. Система, начало которой положено 9 ноября 1906 г., не гарантирована, что благопріятное для нея соотношеніе силъ будетъ вѣчнымъ.

А. Борисовъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Коалиціонный кабинетъ въ Англіи. — Выступленіе Италіи.—Событія второй половины 10-го мѣсяца и первой половины 11-го мѣсяца войны.

I.

Послѣдній мѣсяцъ отмѣченъ двумя очень крупными событіями. замѣною англійскаго либеральнаго кабинета коалиціоннымъ и присоединеніемъ Италіи къ тройственному согласію. Попробуемъ прежде всего оцѣнить ихъ политическое значеніе.

Междупартійное правительство вмѣсто партійнаго, это—почти неслыханное явленіе на традиціонной почвѣ великобританскихъ учрежденій. Либеральный кабинетъ стоялъ у власти безъ малаго 10 лѣтъ, сначала съ Кемпбелемъ-Баннерманомъ во главѣ (съ 4 декабря 1905 г.), а затѣмъ съ Аскитомъ въ роли премьера (съ 13 апрѣля 1908 г.). Выдержавъ нѣсколько перемѣнъ, изъ которыхъ послѣдняя была вызвана войной, когда изъ кабинета вышло три члена и вступилъ въ качествѣ военнаго министра Китченеръ, онъ все же оставался либеральнымъ. А центральной фигурой этого реформистскаго, во многихъ отношеніяхъ выдающагося министер-

ства былъ Ллойдъ-Джорджъ, занимавшій мѣсто министра финансовъ, или, согласно традиціонному англійскому названію, „канцлера Шахматной доски“ [1]).

Нынѣ этотъ долговѣчный кабинетъ былъ подорванъ стеченіемъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, и 25 (12) мая включилъ въ свой составъ такое количество другихъ, почти исключительно консервативныхъ, элементовъ, что утерялъ свой прежній обликъ. А именно, изъ 22 членовъ обновленнаго министерства лишь 12 принадлежатъ къ либеральной, а 8 взяты изъ рядовъ уніонистовъ, 1 представляетъ рабочую партію и 1—безпартійный. Такимъ образомъ, номинально, если хотите, оно остается либеральнымъ, такъ какъ большинство въ немъ принадлежитъ либераламъ, но очень значительное меньшинство другимъ партіямъ. Неваженъ, впрочемъ, самъ по себѣ численный составъ кабинета,—важно то, что рядъ „большихъ“ министерствъ находится теперь въ рукахъ уніонистовъ.

Вотъ нѣкоторыя подробности настоящаго состава. Премьеромъ остался Аскитъ. Но рядомъ съ нимъ какъ бы въ родѣ совѣтника и соправителя вошелъ министромъ безъ портфеля лордъ Лэнсдоунъ, лидеръ консервативной оппозиціи въ палатѣ лордовъ. Этотъ бывшій сторонникъ Гладстона, впослѣдствіи приблизившійся въ качествѣ уніониста къ консерваторамъ почти до полнаго сліянія съ ними, занималъ блестящіе посты въ администраціи,—въ срединѣ 80-хъ годовъ какъ генералъ-губернаторъ Канады, на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ какъ генералъ-губернаторъ Индіи. А затѣмъ,втеченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ 1895 по 1905 г., былъ непрерывно министромъ въ двухъ консервативныхъ кабинетахъ, а именно—военнымъ министромъ въ кабинетѣ Сольсбѣри и министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Бальфура. Джентльменъ и любитель респектабельности, онъ однако не отступалъ порою передъ демагогическими пріемами, какъ это было, напр., продѣлано имъ лѣтомъ 1911 г., когда передъ третьимъ чтеніемъ Аскитова билля, ограничивающаго полномочія верхней палаты, маркизъ Лэнсдоунъ внесъ поправку, требовавшую, чтобы важнѣйшіе билли прежде, чѣмъ стать закономъ, получали предварительную санкцію самой страны путемъ референдума. Не рѣшаясь передать ему ни военнаго министерства, которымъ завѣдуетъ пользующійся пока довѣріемъ обоихъ лагерей Китченеръ, ни министерства иностранныхъ дѣлъ, главою котораго остается по прежнему Грей, либералы и дали Лэнсдоуну мѣсто министра безъ портфеля.

Морскимъ министромъ вмѣсто Чёрчилля сдѣлался одинъ изъ

---

1) У насъ порою переводятъ этотъ титулъ невѣрнымъ терминомъ „перваго лорда казначейства“. Есть и такой постъ (first lord of the Treasury). Но онъ является синекурою, даваемою обычно премьеру именно для того, чтобы позволить ему цѣликомъ отдаваться поглощающей дѣятельности руководителя министерства.

крупнѣйшихъ вожаковъ консервативной партіи, Бальфуръ, а министромъ колоній, вмѣсто Гаркура, настоящій лидеръ оппозиціи въ нижней палатѣ, Бонаръ Ло. Кромѣ этихъ корифеевъ консервативной оппозиціи, въ кабинетъ вошло еще пять другихъ извѣстныхъ противниковъ либеральнаго правительства. Мѣсто хранителя печати получилъ лордъ Кёрзонъ,—путешественникъ и крупный администраторъ въ Азіи. Секретаремъ по дѣламъ Индіи сталъ сынъ покойнаго Джозефа Чемберлэна, Остинъ Чемберлэнъ. На долю Лонга выпало то самое министерство мѣстнаго управленія, которымъ онъ завѣдывалъ въ консервативномъ кабинетѣ Сольсбёри. Министромъ земледѣлія сталъ лордъ Сельборнъ. И, наконецъ, пресловутый демагогъ-вожатай эльстерцевъ, Эдуардъ Карсонъ, назначенъ генеральнымъ атторнеемъ. Съ другой стороны, вошедшій въ кабинетъ лидеръ рабочей партіи, Гендерсонъ, получилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, или, какъ гласитъ его англійскій титулъ, президента департамента образованія. Словомъ, прежній чистый либеральный кабинетъ чуть не на половину замѣщенъ уніонистами и консерваторами. И оппозиція, ставшая нынѣ у власти вмѣстѣ съ правительствомъ, заняла, по крайней мѣрѣ, съ полдюжины важныхъ мѣстъ, которыя дадутъ ей возможность проводить свою политику въ періодъ военнаго напряженія и борьбы съ внѣшнимъ врагомъ.

Слѣдуетъ указать еще на одну перемѣну, которая съ формально партійной точки зрѣнія покажется, пожалуй, наблюдателю незначительной, но по существу можетъ стать факторомъ серьезнаго поправѣнія кабинета въ области соціальныхъ вопросовъ. А именно, министръ финансовъ, Ллойдъ-Джорджъ, приводившій своими радикальными реформами въ ужасъ и негодованіе представителей „прочно установленныхъ интересовъ", замѣненъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Маккенна, который, если и принадлежитъ къ либераламъ, то по сравненію съ Ллойдомъ-Джорджемъ является изрядно тусклымъ политическимъ дѣятелемъ. Самъ же Ллойдъ-Джорджъ сталъ во главѣ раньше не существовавшаго, нынѣ спеціально созданнаго „министерства снабженія арміи", въ вѣдомствѣ котораго, какъ вѣрно сообразили консерваторы, онъ уже не можетъ такъ сильно колебать основы современнаго благополучія привилегированныхъ классовъ.

Спрашивается: какой же смыслъ имѣетъ эта политическая метаморфоза? Надо прямо сказать, что, если не считать нѣкоторыхъ рѣдкихъ прецедентовъ, — напр., союза либераловъ съ пилитами въ началѣ 50-хъ годовъ, [1])—она является колоссальнымъ новше-

[1]) Кстати, въ извѣстныхъ мемуарахъ Чарльза Грэнвилля находится слѣдующая оцѣнка тогдашняго коалиціоннаго кабинета: „въ настоящемъ кабинетѣ есть пять-шесть первоклассныхъ дѣятелей съ одинаковыми или почти одинаковыми притязаніями, но ни одинъ пзъ нихъ не способенъ признать

ствомъ въ англійской политической жизни, глубоко волнующимъ и потрясающимъ самыя основы механизма государственнаго управленія Великобританіи. Дѣло въ томъ, что, въ силу различныхъ политическихъ условій, на которыхъ было бы долго здѣсь останавливаться, англійская политика представляетъ среднюю равнодѣйствующую постоянной борьбы двухъ историческихъ, сохранившихъ и до сего времени важное значеніе политическихъ партій, каждая изъ которыхъ по истеченіи большаго или меньшаго промежутка времени смѣняетъ другую, чтобы проводить политику въ духѣ своей программы. Англійскій кабинетъ, выросшій и выдѣлившійся изъ тайнаго королевскаго совѣта, состоитъ формально изъ слугъ и совѣтниковъ короны, а на самомъ дѣлѣ является, какъ было уже не разъ замѣчено, исполнительнымъ комитетомъ господствующей въ данный моментъ парламентской партіи.

Можно, конечно, рѣзко нападать на нѣкоторые порою довольно крупные изъяны этой системы политическаго маятника, очередного балансированія борющихся партій. Но въ общемъ придется признать, что именно эта возможность той или другой партіи проводить извѣстныя реформы, соперничая съ оппозиціей въ дѣлѣ привлеченія на свою сторону все болѣе и болѣе широкихъ слоевъ британскихъ гражданъ, является цѣлесообразнымъ пріемомъ рѣшенія назрѣвающихъ вопросовъ въ странѣ. Эта борьба двухъ главныхъ смѣняющихся у власти партій проходитъ до сихъ поръ красной нитью чрезъ общественную и политическую жизнь Англіи. Другія партіи, вербующіяся внѣ кадровъ этой политической „пары силъ“,—выражаясь терминомъ физики, — напр., ирландская или въ послѣднее время рабочая партія, могутъ проводить свою программу не столько самостоятельно, сколько путемъ присоединенія то къ той, то къ другой большой партіи, чтобы, бросая свой вѣсъ на чашки порою очень колеблющихся вѣсовъ общей политики, добиваться проведенія въ жизнь тѣхъ или иныхъ пунктовъ своей программы.

Теперь Англія вступаетъ на путь очень серьезнаго эксперимента, представляющаго собою самое рѣшительное отклоненіе отъ пріемовъ англійскаго паламентаризма. Неоднократно континентальные писатели столь демократическихъ странъ, какъ Франція и Италія, завидовали англійской практикѣ стоянія у власти строго опредѣленнаго партійнаго министерства, которое проводитъ свою программу, пока не прекращающая ни на минуту борьбы съ нимъ оппозиція въ свою очередь не столкнетъ его съ мѣста и не возьметъ на время въ руки дальнѣйшее управленіе политикой страны. Эти континентальные писатели завидовали такой особенности англійской жизни, горько жалуясь на то, что у нихъ въ по-

превосходство или склониться къ мнѣніямъ другого, а всѣ вмѣстѣ считаютъ себя талантливѣе и важнѣе своего премьера“. Не будетъ ли впослѣдствіи сказано приблизительно того же о новой министерской комбинаціи?

литикѣ черезчуръ часто царитъ принципъ такъ называемаго концентраціоннаго министерства, когда люди входятъ членами въ составъ кабинета, насквозь пропитаннаго межеумочными тенденціями и включающаго въ свою программу если и не прямо противоположныя, то сильно расходящіяся между собою стремленія, рознь которыхъ только прикрывается искусственнымъ дозированіемъ различныхъ именъ и сидѣньемъ разномыслящихъ членовъ министерства за однимъ столомъ. Парламентарный принципъ солидарной отвѣтственности всего кабинета вызываетъ въ такихъ случаяхъ лишь эквилибристику министерства, которое старается въ своей программѣ нейтрализовать требованія далеко отстоящихъ порою другъ отъ друга фракцій и поэтому выдвигаетъ на первый планъ лишь политическія банальности, обрекающія кабинетъ да и самое страну на хлопотливое круженіе на одномъ и томъ же мѣстѣ Только въ крайнихъ обстоятельствахъ общественной и политической жизни нѣкоторыя коалиціонныя министерства демократическихъ странъ континентальной Европы оставляли въ исторіи полезные слѣды своей дѣятельности. Но въ этомъ случаѣ играло роль опять-таки объединеніе людей вокругъ опредѣленной программы и твердое желаніе приносить интриги личныхъ самолюбій и фракціонныя дрязги въ жертву великимъ интересамъ всей страны.

На путь коалиціонной политики вступаетъ теперь Англія, и притомъ въ той крайней формѣ, которая соединяетъ въ одномъ кабинетѣ людей, пришедшихъ на министерскую скамью съ противоположныхъ концовъ горизонта. Можно сказать, что настоящая попытка англійской націи составить консервативно-либерально-рабочее министерство является по существу даже бо̀льшимъ парадоксомъ, чѣмъ оппортунистско - радикально - соціалистическое министерство Франціи, вызванное къ жизни необходимостью войны. Между тѣмъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя видно, что дѣятельность французскаго министерства, какъ бы ни оцѣнивать ее подъ угломъ зрѣнія спеціальныхъ задачъ военнаго времени, представляетъ собою, несомнѣнно, шагъ назадъ. По мѣрѣ того, какъ война затягивается и внутренняя жизнь выдвигаетъ все болѣе и болѣе сложные и трудные вопросы существованія широкихъ массъ, коалиціонный кабинетъ Вивіани-Рибо-Гэда все чаще и чаще сторонится отъ ихъ радикальнаго рѣшенія и не въ состояніи вызвать такого истинно демократическаго энтузіазма въ народѣ, который всего лучше способствовалъ бы націи не только побѣдить внѣшняго врага, но и справиться съ нестроеніями, вытекающими изъ дѣленія современнаго общества на сытыхъ и голодныхъ, имущихъ и неимущихъ.

Избѣжитъ ли болѣе созрѣвшая въ политическомъ отношеніи Англія этой опасной подводной скалы, о которую разбивается напряженіе великой демократіи Европы? Нѣтъ почти сомнѣнія, что англійскіе уніонисты и консерваторы, забравшіеся въ важные

пункты министерской цитадели, окажутъ непосредственное воздѣйствіе не только на техническую сторону веденія войны, но и на все направленіе внутренней политики. И что можетъ сдѣлать, съ другой стороны, въ коалиціонномъ кабинетѣ членъ рабочей партіи, котораго ставятъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, т. е. какъ разъ того вѣдомства, гдѣ онъ, пожалуй, менѣе всего можетъ защищать въ данный моментъ интересы широкихъ массъ и вообще народной демократіи, и гдѣ, пожалуй, ему не хватаетъ болѣе, чѣмъ на какомъ-либо другомъ мѣстѣ, достаточной компетентности? Наконецъ, нельзя подавить въ себѣ опасенія, что, какъ бы ни была почетна и велика роль Ллойда-Джорджа въ области снабженія арміи необходимой аммуниціей,—роль, аналогичная съ тою, какую игралъ во время великой французской революціи Лазарь Карно, этотъ „организаторъ побѣды", — Ллойдъ-Джорджъ несомнѣнно теряетъ на своемъ новомъ мѣстѣ большую часть своего удѣльнаго вѣса. Ибо сила его заключалась въ томъ, что, самъ поднявшись изъ народа въ верхи привилегированнаго класса, онъ умѣлъ заставлять этотъ классъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ наиболѣе чуткихъ представителей его въ парламентѣ, идти на компромиссъ съ великими вопросами современности и вырывать у эгоизма имущихъ слоевъ тѣ соціальныя реформы, которыя имѣютъ въ виду интересы широкихъ массъ населенія, а въ концѣ концовъ придаютъ бо̀льшую устойчивость всему общественному организму. Запирая Ллойда-Джорджа въ клѣтку всеобщаго провіантмейстера, консерваторы, несомнѣнно, вырываютъ у „окаяннаго уэльсца" ту способность идти противъ крупныхъ неправдъ современной жизни, которая такъ пугала людей капитала и владѣнія.

Какія же причины вызвали крушеніе либеральнаго кабинета? Чаще всего говорятъ о томъ сопротивленіи, которое было оказано вліятельными слоями англійскаго общества послѣднему радикальному плану Ллойда-Джорджа, предусматривавшему или почти полное запрещеніе спиртныхъ напитковъ, или очень высокое обложеніе ихъ съ цѣлью сильно уменьшить потребленіе. Эта причина, какъ мы сейчасъ увидимъ, играетъ дѣйствительно большую роль въ паденіи либеральнаго министерства. Но есть и другія обстоятельства, подготовлявшія и ускорившія это паденіе, а именно довольно яркіе факты технической неподготовленности правительства къ веденію войны. Остановимся въ отдѣльности на каждой изъ упомянутыхъ причинъ.

Итакъ, радикальная реформа Ллойда-Джорджа въ области спиртныхъ напитковъ. Надо замѣтить, что министръ финансовъ еще осенью прошлаго года, стараясь разрѣшить бюджетныя затрудненія, вытекающія изъ огромныхъ военныхъ издержекъ, значительно усилилъ обложеніе пива и спиртныхъ напитковъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этотъ энергичный человѣкъ вооружался противъ злоупотребленія массъ крѣпкими напитками.

Съ свойственною ему манерою расширять и углублять вопросъ, по мѣрѣ того, какъ первоначальный планъ принимаетъ въ его головѣ болѣе конкретныя и осуществимыя формы, причемъ самыя препятствія являются у него словно мотивомъ дальнѣйшаго расширенія реформы, онъ быстро перешелъ въ своихъ проектахъ отъ мѣръ, клонящихся къ сокращенію потребленія крѣпкихъ напитковъ, къ мѣрамъ, которыя предполагали окончательное запрещеніе спиртныхъ напитковъ или, по крайней мѣрѣ, серьезный контроль правительства надъ ихъ производствомъ и продажей. Скоро Ллойдъ-Джорджъ уже прямо объявилъ войну алкоголизму. Въ рѣчахъ, обращенныхъ къ своимъ избирателямъ, вербующимся преимущественно изъ рабочаго класса, онъ дѣлалъ рѣзкія нападенія на порокъ пьянства, заражающаго, по его мнѣнію, широкіе слои англійскаго трудящагося населенія. Въ одномъ изъ ораторскихъ выпадовъ противъ этой привычки онъ прямо обвинялъ рабочихъ въ томъ, что своею склонностью къ крѣпкимъ напиткамъ они компрометируютъ дѣло національной защиты, такъ какъ вслѣдствіе пьянства дѣлаютъ частые и продолжительные прогулы на заводахъ и фабрикахъ, изготовляющихъ снаряды, аммуницію и прочіе предметы военнаго снабженія. Жесткость его нападеній была порою настолько велика, что заставляла лучшую часть рабочихъ горячо протестовать противъ такихъ утвержденій популярнаго министра. А вожакъ независимой рабочей партіи, Киръ-Гарди, бросилъ даже публично перчатку Ллойду-Джорджу въ видѣ рѣзкаго письма въ печати, доказывая всю необоснованность огульнаго обвиненія, взведеннаго министромъ на англійскій рабочій классъ.

На этомъ пути Ллойдъ-Джорджъ зашелъ дѣйствительно далѣе, чѣмъ того требовала справедливость. Говоря вообще, его нельзя упрекать въ томъ, что онъ не побоялся высказать то, что ему казалось правдою, прямо въ глаза трудящимся. Лесть массамъ вообще претитъ Ллойду-Джорджу, который убѣжденъ, что наилучшимъ способомъ служенія искренняго демократа народу является указаніе не только на положительныя, но и на отрицательныя стороны народной психологіи. Бѣда на сей разъ заключалось въ томъ, что демократическій министръ черезчуръ легко повѣрилъ жалобамъ на рабочихъ со стороны владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, работающихъ на армію. Ихъ делегаціи удалось увѣрить Ллойда-Джорджа, что среди рабочихъ господствуетъ невѣроятное пьянство, чѣмъ и объясняются, молъ, страшные прогулы, мѣшающіе заводчикамъ доставлять арміи и флоту надлежащее количество предметовъ вооруженія и аммуниціи. Ниже мы увидимъ, какія поправки и ограниченія придется внести въ эти однобокія объясненія. Какъ бы то ни было, съ свойственной ему энергіей и рѣшительностью Ллойдъ-Джорджъ дошелъ въ своей борьбѣ съ алкоголизмомъ до того, что въ концѣ марта (новаго стиля) воскликнулъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что Англія должна вести борьбу

не только съ Германіей, не только съ Австріей, но и съ третьимъ, еще болѣе сильнымъ противникомъ,—„Пьянствомъ".

Въ тотъ моментъ, когда произносилась эта надѣлавшая много шуму рѣчь, Ллойдъ-Джорджъ высказывался за самыя рѣшительныя мѣры, вплоть до окончательнаго запрещенія спиртныхъ напитковъ. Однако осуществить эти первоначальныя намѣренія Ллойду-Джорджу не удалось. И втеченіе мѣсяца, прошедшаго между его антиалкогольною рѣчью и внесеніемъ въ палату противоалкогольныхъ мѣръ, онъ самъ же былъ вынужденъ значительно смягчить свой проектъ. Въ началѣ своей кампаніи Ллойдъ-Джорджъ, очевидно, намѣревался пойти столь же далеко, какъ типичные англійскіе титоталеры. Сторонники этого теченія уже давно и горячо проповѣдывали необходимость, во-первыхъ, полнѣйшаго запрещенія алкоголя, во-вторыхъ, введенія государственной монополіи на крѣпкіе напитки, монополіи, которая облегчала бы быстрое сокращеніе производства алкоголя и связанныхъ съ нимъ золъ. Но съ свойственнымъ ему практическимъ складомъ ума Ллойдъ-Джорджъ замѣтилъ, что такое прямолинейное рѣшеніе назрѣвающаго вопроса могло бы натолкнуться на слишкомъ сильное сопротивленіе какъ со стороны очень вліятельныхъ категорій промышленниковъ, такъ и со стороны привычекъ, распространенныхъ въ широкихъ классахъ населенія.

Поэтому въ результатѣ обмѣна мнѣній въ кабинетѣ правительство остановилось на проектѣ, имѣвшемъ задачею устранить прежде всего изъяны, которые обнаруживались въ отрасляхъ промышленности, работавшихъ на армію и флотъ. Ллойдъ-Джорджъ въ центрѣ своего билля ставилъ предложеніе отдать въ руки правительства полнѣйшій контроль надъ производствомъ и торговлею крѣпкихъ напитковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Англіи, гдѣ сосредоточены различные заводы и фабрики, изготовляющіе матеріалъ для войны. Вокругъ этого центральнаго пункта располагались другія статьи и мѣропріятія, совокупность которыхъ должна была нанести серьезный ударъ англійскому алкоголизму. Такъ, прежде всего предполагалось, что крѣпкіе напитки типа виски будутъ совершенно запрещены къ продажѣ. Съ другой стороны, проектировалось значительно ослабить процентное содержаніе алкоголя въ пивѣ. Имѣлось также въ виду сильное сокращеніе того времени, втеченіе котораго заведенія, торгующія спиртными напитками, открыты потребителямъ.

Однако по мѣрѣ того, какъ росла оппозиція проекту, кабинетъ сталъ подвергать дальнѣйшимъ измѣненіямъ свой билль, зная, что онъ наткнется на очень сильное противодѣйствіе консерваторовъ, а отчасти и членовъ рабочей партіи и трэдсъ-юніоновъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря забавному капризу политической психологіи, въ то время, какъ во Франціи кабатчики являются по большей части приверженцами радикальнаго міровоззрѣнія и въ этомъ

смыслѣ часто служили мишенью для насмѣшекъ аристократическихъ и буржуазныхъ элементовъ, въ Англіи винокуръ, пивоваръ, трактирщикъ и кабатчикъ обыкновенно составляютъ надежную опору консерваторовъ и являются излюбленными дѣтищами этой партіи. И вотъ правительству приходилось все болѣе и болѣе передѣлывать свой проектъ отказываясь отъ уменьшенія часовъ дозволенной торговли спиртными напитками, а вмѣсто запрещенія ихъ потребленія рекомендуя значительное повышеніе акциза. Такъ, на крѣпкое пиво вводился, согласно проекту, прогрессивный дополнительный налогъ; на крѣпкіе напитки налогъ удваивался; наконецъ, ввозныя вина облагались четверною сравнительно съ прежней пошлиною.

Въ этой смягченной формѣ билль, казалось, могъ пройти черезъ парламентъ, куда онъ былъ внесенъ 29 апрѣля и гдѣ формальная процедура перваго чтенія сошла благополучно. Но парламентарныя Парки уже готовились подрѣзать нить жизни чистаго либеральнаго кабинета. Между тѣмъ, какъ консерваторы удерживались пока отъ прямого нападенія и маскировали свои батареи, направленныя на правительственное предложеніе, застрѣльщиками выступили ирландцы въ лицѣ двухъ соперничающихъ фракцій, на которыя распадается представительство Зеленаго Эрина въ англійскомъ парламентѣ. Затѣмъ напали на проектъ рабочіе представители. Тогда и стратеги консервативной партіи воспользовались уже рѣзко обозначавшейся оппозиціей противъ правительства и нанесли ему во время второго чтенія билля рѣшительный ударъ.

Для того, чтобы читатель могъ понять надлежащимъ образомъ характеръ кампаніи консерваторовъ противъ министерства, стоявшаго у власти, намъ придется остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Со стороны ирландцевъ оппозиція правительственному биллю была вполнѣ понятна. Антиалкогольныя движенія въ Ирландіи въ общемъ никогда не были особенно популярны. Кромѣ того, въ этой странѣ, гдѣ индустрія развита гораздо слабѣе англійской (согласно промышленной переписи 1907 г., цѣна всего промышленнаго производства для Англіи равнялась 1.483 милліонамъ ф. ст., для Шотландіи 208 милліонамъ, для Ирландіи только 66 милліонамъ), производство спиртныхъ напитковъ является однако очень важной отраслью промышленности (въ 1906 г. при неполныхъ 4.400.000 чел. населенія было произведено 7.337.928 галлоновъ=ок. 2.715.000 ведеръ виски и 3.275.309 бочекъ пива). Количество лицъ, прямо или косвенно связанныхъ съ производствомъ и торговлею спиртными напитками, сравнительно очень значительно. При этомъ крупные винокуры и пивовары Ирландіи являются столь могущественными факторами въ мѣстной политической жизни, что избиратели отражаютъ въ значительной степени стремленія этой категоріи промышленниковъ, а страхъ избирателя,

какъ извѣстно, является началомъ премудрости депутата. Когда правительство впервые выразило свое намѣреніе вступить на путь антиалкогольной политики и его друзья пытались ознакомить публику съ характеромъ мѣропріятій кабинета, въ Ирландіи во всѣхъ мало-мальски крупныхъ центрахъ былъ собранъ рядъ митинговъ, на которыхъ были вотированы самыя энергичныя резолюціи противъ предполагавшейся реформы. Надо кстати сказать, что такое же движеніе противъ либеральнаго правительства въ этой области рѣзко прокинулось и въ Шотландіи: шотландское пиво и виски шли рука объ руку съ виски и пивомъ ирландскимъ.

Что касается до позиціи, занятой рабочимъ классомъ Англіи, то онъ протестовалъ противъ мѣръ правительства отчасти потому, что не признавалъ за государствомъ права навязывать насильственно свои вкусы и стремленія трудящимся массамъ, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ раздраженія, которое было вызвано въ немъ обвиненіемъ его со стороны офиціальныхъ сферъ въ пьянствѣ и прогулахъ. Въ этомъ отношеніи взгляды рабочихъ и правительства сталкивались очень рѣзко. Правительство выпустило, напр., подъ заглавіемъ „Бѣлая тетрадь", докладную записку, касающуюся прогульнаго времени въ кораблестроеніи, производствѣ аммуниціи и транспортѣ товаровъ. Она заключаетъ въ себѣ рядъ документовъ, въ томъ числѣ отчетъ депутаціи хозяевъ верфей, выдержки изъ писемъ адмирала Джеллико къ морскому министру, доклады и статистическія свѣдѣнія, полученныя съ военныхъ заводовъ, кораблестроительныхъ и транспортныхъ учрежденій. Согласно этимъ документамъ, пьянство и нерачительность рабочихъ упомянутыхъ учрежденій доходили до такой степени, что они прогуливали будто бы отъ 22% до 35% всего рабочаго времени въ недѣлю. Главный инспекторъ Клайдскаго металлургическаго района, утверждая, что на верфяхъ и заводахъ его округа рабочіе вообще черезчуръ много пьютъ, объяснялъ вмѣстѣ съ тѣмъ причину такого поведенія тѣмъ, что въ данный моментъ, при увеличившейся вслѣдствіе обстоятельствъ военнаго времени заработной платѣ, они „получаютъ болѣе денегъ, чѣмъ то количество, къ какому они привыкли и съ какимъ они обычно знаютъ, что дѣлать".

Лишь одинъ документъ звучитъ диссонансомъ въ этомъ хорѣ офиціальныхъ обличеній, направленныхъ противъ англійскихъ рабочихъ. Но этимъ документомъ является докладъ фабричнаго инспектора въ округѣ Глэзго, т. е. человѣка, принадлежащаго какъ разъ къ той категоріи лицъ, которая издавна прославилась въ Англіи своимъ въ высшей степени справедливымъ отношеніемъ къ рабочему персоналу находящихся подъ ея контролемъ заводовъ и фабрикъ. Упомянутый инспекторъ, Гарри Уильсонъ, дѣйствительно пишетъ: „Здѣсь не замѣчается бросающагося въ глаза усиленія пьянства со времени войны. Количество потребляемаго алкоголя болѣе или менѣе нормально, тѣ же самыя лица посѣщаютъ тѣ же самыя

пивныя заведенія и люди, склонные къ пьянству, продолжаютъ лишь то, что они дѣлали до войны. Правда, были случаи, когда виски покупалось и потреблялось маленькими бутылками внѣ питейныхъ заведеній, въ особенности рабочими ночныхъ смѣнъ. Но и это касается чрезвычайно малаго числа лицъ. Напримѣръ, на верфи, гдѣ работаютъ 10.000 человѣкъ, было найдено въ одну ночь три подвыпившихъ и немедленно же изгнанныхъ съ фабрики человѣка. Говоря вообще, въ прогулахъ и неправильной работѣ повинна лишь одна категорія трудящихся, а именно сдѣльные рабочіе, работающіе внѣ помѣщеній, на воздухѣ, при самыхъ судахъ. И поведеніе этихъ-то людей и заставило распространить обвиненіе на всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на верфяхъ и морскихъ механическихъ мастерскихъ,—что не подтверждается фактами и, несомнѣнно, незаслуженно" [1]).

Почти тотчасъ же обвиненіе, брошенное рабочему классу его офиціальными обличителями, было подхвачено съ цѣлью опроверженія обширной федераціей трэдсъ-юніоновъ, насчитывающей болѣе милліона членовъ. Въ докладѣ, представленномъ этому обществу за 63-й триместръ существованія, мы читаемъ: „Втеченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ все рабочее движеніе цѣликомъ подвергалось ожесточеннымъ нападеніямъ и грубому искаженію со стороны лицъ, которыя, не имѣя понятія ни о техническихъ пріемахъ производства, ни о жизни и умственномъ складѣ рабочаго класса, пытались возложить на трэдсъ-юніонистское движеніе отвѣтственность за всякую ошибку, всякое замедленіе въ снабженіи арміи аммуниціей. Только потому, что тамъ и сямъ находились одинъ-два человѣка, дискредитировавшіе себя своимъ поведеніемъ, враждебные намъ критики утверждали, что и все наше движеніе страдаетъ отъ преобладанія въ немъ такихъ пороковъ. Они высказывали эту мысль при всевозможныхъ обстоятельствахъ и пытались воспользоваться исключительными условіями даннаго момента, чтобы провести законодательныя мѣры, которыя, какова бы ни была ихъ конечная цѣль, должны имѣть своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ дальнѣйшее урѣзываніе индивидуальной свободы. Помня уроки прошлаго, трэдсъ-юніонисты должны быть очень осторожны въ вопросѣ о проведеніи мѣропріятій, которыя выдвигаются, согласно громкому заявленію властей, въ интересахъ морали, а между тѣмъ серьезно затрагиваютъ интересы личности. Если Великобританія желаетъ успѣха, то народъ ея долженъ быть прежде всего достаточно свободенъ, чтобы думать о самомъ себѣ и полагаться на собственную иниціативу въ дѣлахъ личнаго поведенія".

Лидеры консерватизма почувствовали, что такое настроеніе

---

[1]) „Munitions of war"; „The Times", 3 мая 1915.

рабочихъ, оскорбленныхъ обвиненіемъ въ алкоголизмѣ, даетъ возможность партіи продѣлать маневръ, который долженъ будетъ привлечь въ извѣстной степени на ея сторону широкія массы, раздосадованныя рѣзкимъ отношеніемъ къ нимъ либераловъ. „Таймсъ" немедленно же отправилъ спеціальнаго корреспондента въ тѣ районы металлургическаго производства, гдѣ прогулы, согласно офиціальному утвержденію, были особенно часты, съ тѣмъ, чтобы репортеръ хорошенько ознакомился съ настроеніемъ умовъ рабочаго класса и разсказалъ своимъ читателямъ, какъ рабочіе этихъ мѣстностей отзываются на правительственныя обвиненія. Въ одной изъ этихъ корреспонденцій читаемъ: „Въ бассейнѣ Тайна пьютъ, правда, много и пьянство здѣсь болѣе развито, чѣмъ въ среднемъ районѣ и на югѣ. Но все же оно менѣе виновно въ прогулахъ, чѣмъ другіе факторы. Вся эта кампанія противъ рабочихъ была до нельзя злополучной операціей и вызвала повсюду значительныя тренія. Многія изъ утвержденій, заключающихся въ „Бѣлой тетради", опровергаются съ начала до конца, и не только трэдсъ-юніонами относительно своихъ членовъ, но и хозяевами. Особенно же то мѣсто въ письмѣ Джеллико, которое говоритъ о медленности ремонтныхъ работъ, встрѣчаетъ безусловное осужденіе и вызываетъ глубокое раздраженіе... Рабочіе союзы утверждаютъ, что опубликованныя по этому поводу статистическія данныя и неточны, и проникнуты несправедливымъ отношеніемъ къ рабочимъ. Они говорятъ, что люди, работавшіе по 70 и по 80 часовъ въ недѣлю, были тѣмъ не менѣе ошибочно внесены въ списки прогулявшихъ. И въ эти же списки были внесены большіе отряды рабочихъ, которыхъ отсылали съ фабрики потому, что имъ нечего было тутъ дѣлать по винѣ самихъ хозяевъ".

Въ противоположность офиціальному сообщенію, „Таймсъ", со словъ мѣстнаго населенія, объясняетъ причины прогула совершенно иначе: „Другая причина, о которой часто упоминалось въ „Таймсѣ", есть чрезмѣрная продолжительность труда. Я вполнѣ провѣрилъ этотъ фактъ. Работы въ данныхъ учрежденіяхъ шли постоянно, днемъ и ночью, двумя смѣнами: дневной смѣной,—продолжительностью въ 11 часовъ, съ 6 ч. утра до 5 ч. вечера; и ночной смѣной,—въ 13 часовъ, съ 5 ч. вечера до 6 ч. утра. Эти смѣны рабочихъ чередуются между собою каждую недѣлю, такъ что въ среднемъ весь персоналъ работаетъ по 12 часовъ втеченіе 7 дней въ недѣлѣ. Нѣкоторые изъ рабочихъ совершенно истощены Я самъ видѣлъ людей обѣихъ смѣнъ и когда они шли на работу, и когда возвращались съ нея, и могъ наблюдать ихъ состояніе. Вчера я, напр., слышалъ, какъ по пути они сообщали другъ другу, что рѣшительно заработались и, что бы ни случилось, не могутъ возвратиться на работу ранѣе понедѣльника. А другою причиною прогуловъ является, по моимъ наблюденіямъ, невозможность для

извѣстной части рабочаго персонала добраться во время до воротъ фабрики, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ передвиженія“ [1]).

„Таймсъ“ съ худо скрываемой радостью открывалъ свои столбцы для формальнаго вызова, который исполнительный комитетъ огромнаго союза, извѣстнаго подъ именемъ „Объединеннаго общества механиковъ“, бросалъ Ллойдъ-Джорджу: „Мы по порученію нашихъ членовъ протестуемъ противъ утвержденія канцлера о привычкѣ пьянства въ рабочемъ народѣ и слѣдующихъ отсюда прогулахъ. Мы были бы очень довольны, еслибы былъ подвергнутъ провѣркѣ каждый конкретный случай обвиненія. Мы вполнѣ увѣрены, по крайней мѣрѣ, относительно своихъ членовъ, что эти упреки по разслѣдованіи дѣла окажутся лишенными всякаго основанія. Мы надѣемся, что канцлеръ отнесется серьезно къ этому нашему вызову и примется за дѣло разслѣдованія“ [2]).

Надо сказать, что Ллойдъ-Джорджъ и самъ почувствовалъ неловкость слишкомъ поспѣшнаго обобщенія, сдѣланнаго имъ подъ вліяніемъ сообщенія заинтересованныхъ въ дѣлѣ заводчиковъ и на основаніи наскоро собранныхъ и плохо провѣренныхъ данныхъ официальной статистики. Онъ нѣсколько разъ возражалъ противъ ошибочнаго, по его мнѣнію, представленія, вызваннаго въ умахъ рабочихъ его рѣчами. Онъ, молъ, не хотѣлъ обрушить общій упрекъ въ пьянствѣ и ничегонедѣланіи на весь рабочій классъ Англіи, а имѣлъ въ виду лишь нѣкоторыя категоріи, гдѣ алкоголизмъ былъ распространенъ. Но политическіе враги почувствовали, что здѣсь въ позиціи Ллойда-Джорджа открылась брешь, черезъ которую они могутъ произвести нападеніе на канцлера и поколебать его кредитъ, тѣмъ самымъ расшатывая прочность всего кабинета, гдѣ Ллойдъ-Джорджъ занималъ такое центральное мѣсто.

Мы уже цитировали раньше корреспондента „Таймса“,— „Таймса“, который обыкновенно любилъ повторять обычныя фразы хозяевъ относительно бездѣльничества и пьянства рабочихъ, но на сей разъ подъ видомъ безпристрастія сталъ ссылаться на мнѣнія самихъ заводчиковъ, якобы раскаивающихся въ томъ, что вліятельная группа ихъ собратовъ черезчуръ безцеремонно обошлась съ истиной и приписала пьянству среди рабочихъ такіе размѣры, какихъ въ дѣйствительности этотъ порокъ не имѣлъ. Горькій комизмъ всей этой исторіи заключался въ томъ, что органъ крупной буржуазіи лицемѣрно защищалъ рабочихъ отъ упрека въ алкоголизмѣ по двумъ очень прозрачнымъ и далеко не безкорыстнымъ побужденіямъ. Во-первыхъ, всегда являясь защитникомъ интересовъ имущихъ классовъ, онъ желалъ этимъ путемъ направить свои удары противъ Ллойда-Джорджа,

---

[1]) „War industries and labour. A special inquiry“; „The Times“, 11 мая 1915.

[2]) „The Times“, 19 мая 1915.

какъ противъ человѣка, который въ послѣдніе годы сталъ особенно ненавистенъ людямъ капитала и владѣнія своими радикальными финансовыми реформами. Во вторыхъ, нападая на несправедливость оцѣнки рабочихъ со стороны военныхъ заводчиковъ, „Таймсъ“ защищалъ интересы винокуровъ и кабатчиковъ, которымъ угрожала опасность жестоко пострадать отъ противоалкогольной кампаніи.

Какъ бы то ни было, когда правительство внесло смягченный билль Ллойда-Джорджа въ палату общинъ (29 апрѣля н. с.), то втеченіе нѣсколькихъ дней консерваторы скрывали готовившійся ударъ и высказывали желаніе не сопротивляться правительству, поскольку внесеніемъ своего предложенія оно намѣревалось установить контроль надъ питейными учрежденіями въ районахъ и производствахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ военной индустріи. Мы уже сказали выше, что при первомъ, какъ всегда, почти формальномъ, чтеніи законопроекта онъ былъ принятъ палатой безъ особаго сопротивленія. Но какіе-нибудь 5-6 дней спустя, когда наступило обсужденіе билля во второмъ чтеніи, консерваторы рѣзко измѣнили свою тактику и, воспользовавшись недовольствомъ на Ллойда-Джорджа, какъ со стороны ирландцевъ, такъ и со стороны рабочихъ въ питейномъ вопросѣ, направили свой огонь противъ проекта министра финансовъ. На засѣданіяхъ 4-6 мая н. с., не смотря на увѣренія Ллойда-Джорджа, поддержаннаго Аскитомъ, что онъ въ данный моментъ имѣетъ въ виду примѣненіе мѣръ, ограничивающихъ продажу спиртныхъ напитковъ, лишь въ спеціальныхъ районахъ и въ цѣляхъ войны и не касается обложенія алкоголя вообще, большинство палаты не согласилось даже обсуждать военно-питейный билль независимо отъ болѣе общихъ антиалкогольныхъ мѣръ, проектировавшихся правительствомъ. А по отношенію къ этимъ мѣрамъ враждебное настроеніе быстро слагавшейся коалиціи партій проявлялось настолько опредѣленно, что Ллойдъ-Джорждъ ясно увидѣлъ невозможность провести свой билль въ мало-мальски цѣломъ видѣ сквозь тѣснины насторожившейся палаты. Парламентъ послѣдовалъ за предложеніемъ лидера ирландской партіи отсрочить пренія до тѣхъ поръ, пока правительство не предъявитъ палатѣ вполнѣ опредѣленнаго плана новыхъ налоговъ. Наконецъ, въ третьемъ чтеніи, которое имѣло мѣсто 11 мая, билль прошелъ лишь въ очень усѣченной формѣ правительственнаго контроля надъ продажею крѣпкихъ напитковъ исключительно въ районахъ, работающихъ на армію. И отъ предложеній правительства, имѣвшихъ въ виду обложеніе алкоголя и пива, даже и въ смягченной редакціи не осталось ничего.

Моральный ударъ, нанесенный кабинету оппозиціей при недружномъ выступленіи сторонниковъ министерства былъ очень тяжелъ. Кабинетъ лишался надлежащаго авторитета для руководства внут-

ренней и внѣшней политикой страны въ такой отвѣтственный моментъ, какъ настоящій. На этой разрыхленной, заминированной интригами почвѣ парламентарныхъ отношеній, новыя нападенія оппозиціи производили такое сокрушающее дѣйствіе, какого нельзя было бы и ожидать, ведись атака противъ министерства въ другія болѣе спокойныя времена. Орудіемъ для нападенія оппозиціи были выбраны самые чувствительные при настоящихъ обстоятельствахъ изъяны въ дѣятельности либеральнаго правительства, а именно по отношенію къ условіямъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать сухопутнымъ и морскимъ силамъ Великобританіи. 17-18 мая палата была ареною короткихъ, но интересныхъ дебатовъ, возникшихъ по поводу запроса депутата Келлеуэ относительно корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій во Франціи, появившейся въ „Таймсѣ". Корреспонденція эта прошла двоякую цензуру генеральнаго англійскаго штаба во Франціи и бюро печати въ самой Англіи и гласила о томъ, что въ дѣлѣ при Фромеллѣ и Ришбурѣ 9 мая н. с. замѣчательная атака англійскихъ войскъ окончилась неудачей и потерями значительнаго числа героически дравшихся солдатъ Великобританіи подъ ураганнымъ огнемъ нѣмцевъ, такъ какъ англійская артиллерія не могла оказать серьезнаго противодѣйствія вслѣдствіе крайняго недостатка въ тяжелыхъ снарядахъ. Оказалось, дѣйствительно, что англійская армія снабжена удовлетворительно лишь шрапнелью, большіе же разрывные снаряды поставляются очень неправильно и притомъ въ незначительномъ количествѣ. Обмѣнъ мыслей между депутатами и правительствомъ произвелъ необычайную сенсацію въ парламентѣ и это возбужденіе быстро разошлось цѣлыми волнами по всей странѣ.

Не смотря на то, что Китченеръ очень высоко цѣнится консерваторами, прекрасно понимающими, что его обычная квалификація, какъ безпартійнаго человѣка, еле-еле скрываетъ его строго консервативные взгляды, нападеніе на военнаго министра было произведено съ разныхъ концовъ политическаго горизонта. И въ этой кампаніи консерваторы не уступали рѣзкостью отзывовъ радикаламъ. Они дѣлали лишь ту оговорку, что если, молъ, даже такой огромный организаторскій талантъ, какъ Китченеръ, не можетъ справиться надлежащимъ образомъ съ вопросами снабженія арміи, то это объясняется тѣмъ, что никакихъ человѣческихъ силъ, какой бы гигантъ ни стоялъ на посту военнаго министра, не хватитъ на одновременное преслѣдованіе двухъ цѣлей: высшаго руководства всѣми военными операціями, съ одной стороны, и снабженія арміи необходимою аммуниціею и запасами, съ другой. Изъ возникшей по этому вопросу полемики выходило, что Англія очень сильно отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ Франціи, которая съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе развиваетъ производство

артиллерійскихъ снарядовъ и, повидимому, успѣваетъ въ настоящее время вполнѣ удовлетворить эту боевую потребность арміи. И вотъ возникаетъ мысль о необходимости раздѣлить функціи военнаго министра на двѣ группы: его дѣятельность, какъ верховнаго стратега арміи, и его дѣятельность, какъ поставщика всего необходимаго боевого запаса и провіанта. Такъ сложилась мысль о созданіи новаго министерства „снабженія арміи", во главѣ котораго и былъ поставленъ Ллойдъ-Джорджъ. Тутъ, конечно, не обошлось безъ воздѣйствія консерваторовъ, которые особенно настаивали на этой комбинаціи, полагая, что цѣликомъ охваченный подготовленіемъ военнаго матеріала Ллойдъ-Джорджъ уже не будетъ болѣе приводить своими реформами въ трепетъ людей привилегированнаго владѣнія.

Не менѣе ощутительный недостатокъ былъ замѣченъ представителями народа и страной въ дѣятельности морского министерства. Во главѣ его стоялъ, какъ извѣстно, Чёрчилль, который представляетъ собою типъ очень иниціативнаго, но и очень авторитарнаго человѣка, не желающаго вслушиваться внимательно въ соображенія своихъ совѣтниковъ и подчиненныхъ и часто пускавшагося на сомнительные шаги внутри своего вѣдомства, что не могло не отозваться на успѣхахъ англійскаго флота. Большинство критиковъ перваго лорда адмиралтейства—такъ называется въ Англіи морской министръ—не могли не считаться съ значительною энергіею, проявленною Чёрчиллемъ при мобилизаціи флота. Но всѣмъ были извѣстны постоянныя натянутыя отношенія между первымъ лордомъ адмиралтейства и первымъ морскимъ лордомъ (титулъ высшаго техническаго руководителя англійскаго флота), постъ котораго занималъ адмиралъ Фишеръ. И, какъ увѣряютъ знатоки дѣла, опрометчивая энергія Чёрчилля не разъ обходилась дорого англійскому флоту. Конечно, для обработки общественнаго мнѣнія цивилизованныхъ странъ и для успокоенія своихъ собственныхъ соотечественниковъ англичане считали необходимымъ при всякомъ удобномъ случаѣ указывать на огромные успѣхи, достигнутые англійскимъ флотомъ въ столкновеніяхъ съ германскимъ, и на подавляющее превосходство перваго надъ вторымъ въ дѣлѣ дѣйствительной блокады Германской имперіи. Но въ кругахъ спеціалистовъ и среди людей, понимающихъ дѣло, неоднократно дѣлались горькіе упреки Чёрчиллю, который не умѣлъ до сихъ поръ лучше охранять англійскія и нейтральныя суда отъ нападеній нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ и разрушительнаго дѣйствія непріятельскихъ минъ. Припоминались и странныя заявленія морского министра во время запроса о потопленіи „Лузитаніи". Пренія эти достаточно выяснили, что Чёрчилль слишкомъ далеко пошелъ по пути оптимизма, утверждая, что гибель „Лузитаніи", какъ ни тяжела сама по себѣ, представляетъ собою лишь исключеніе изъ общаго правила вполнѣ обезпеченной безопасности отечественныхъ и ней-

тральныхъ судовъ, находящихся подъ охраною знаменитаго англійскаго флота. Враги министра припомнили также, что, вопреки мнѣнію морскихъ авторитетовъ, Чёрчилль предпринялъ операціи въ Дарданеллахъ черезчуръ опрометчиво, не подготовивъ заблаговременно достаточнаго дессанта. Въ результатѣ при образованіи коалиціоннаго кабинета Чёрчилль уступилъ свой постъ Бальфуру, получивъ синекуру канцлера герцогства Ланкастерскаго. Но и на мѣсто Фишера было назначено другое лицо, а именно Джэксонъ.

Пользуясь обстоятельствами, уніонисты, дѣйствительно, оказывали все болѣе и болѣе сильное давленіе на общественное мнѣніе страны. И при томъ скептическомъ настроеніи относительно скораго окончанія войны, которое является теперь господствующимъ въ Англіи, вожакамъ консервативной партіи было не трудно заставить либеральный кабинетъ расширить свои ряды и включить въ себя значительную, и по количеству, и по качеству, группу лидеровъ оппозиціи. Съ 20-хъ чиселъ мая н. с. слухи о предстоящей замѣнѣ чисто либеральнаго кабинета коалиціоннымъ начали принимать все болѣе и болѣе осязательныя формы. И послѣ перваго шага, сдѣланнаго кабинетомъ Аскита по пути переговоровъ съ уніонистами на счетъ общей министерской комбинаціи, образованіе кабинета шло въ направленіи, которое совпадало скорѣе съ желаніями консерваторовъ, чѣмъ съ требованіями радикальныхъ и демократическихъ элементовъ, поддерживавшихъ до сихъ поръ правительство и настаивавшихъ на томъ, чтобы домогательства оппозиціи были отвергнуты. Передовыя и информаціонныя статьи „Таймса", очевидно инспирировавшіяся вожаками консерватизма, вѣрно отражали постоянное возростаніе аппетитовъ къ власти среди оппозиціи.

Въ началѣ кризиса сторонники либеральнаго министерства разсчитывали, что перемѣны въ кабинетѣ ограничатся вхожденіемъ 3-4 членовъ консервативной партіи. Но вскорѣ оказалось, что этого для торійскихъ самолюбій недостаточно. И на составѣ министерства все сильнѣе стали сказываться требованія, выдвинутыя въ одной изъ статей „Таймса" по поводу „позиціи уніонистовъ": „Не можетъ быть и рѣчи между уніонистами или среди націи вообще о такой фальшивой коалиціи, которая лишь поглощала бы въ себѣ избранное меньшинство, выхваченное изъ оппозиціи. Результатомъ такой комбинаціи было бы просто-на-просто притупленіе шпоръ критики безъ серьезнаго увеличенія энергіи правительства. Но дѣлежъ власти поровну, поровну не только съ точки зрѣнія численности, но и въ смыслѣ важности раздѣляемыхъ портфелей и, стало быть, степени непосредственнаго воздѣйствія на національную политику,—вещь совсѣмъ другая" [1]). Идя къ этой цѣли, консерва-

[1]) „Reconstructing the governement"; „The Times", 19 мая 1915.

торы ловкимъ тактическимъ пріемомъ потребовали введенія въ министерство и представителя от рабочей партіи, говоря, что „задачи труда болѣе, чѣмъ когда-либо, пріобрѣтаютъ значеніе для надлежащаго веденія войны". Но при этомъ устроили такъ, что умѣренный вожакъ рабочихъ, Гендерсонъ, вошелъ какъ разъ въ ту административную область, гдѣ непосредственные интересы труда затрагиваются гораздо меньше, чѣмъ во многихъ другихъ сферахъ. Ибо если консерваторамъ удалось, съ одной стороны, запречь Ллойдъ-Джорджа въ страшно громоздкій возъ снабженія арміи, то, съ другой стороны, Гендерсону, какъ мы уже видѣли, были открыты двери отнюдь не какого-нибудь вѣдомства, прямо касающагося трудовой дѣятельности государства, а министерства народнаго просвѣщенія.

Спрашивается: чего можно ожидать отъ сформировавшагося при такихъ обстоятельствахъ кабинета? Прежде всего, несомнѣннаго отодвиганія на задній планъ,—подъ предлогомъ національной обороны, — всѣхъ внутреннихъ вопросовъ, составлявшихъ программу либеральной партіи: дальнѣйшаго ограниченія власти палаты лордовъ, гомруля, отдѣленія церкви отъ государства въ Уэльсѣ, и т. д. Во-вторыхъ, болѣе чѣмъ возможнаго проведенія всеобщей воинской повинности, въ результатѣ которой непроизводительная часть англійскаго бюджета увеличится въ громадной степени. И тогда—прощай тѣ соціальныя реформы, которыя Англія потому только и могла осуществлять послѣдніе годы, что не страдала такъ сильно подъ бременемъ страшно дорогого милитаризма, этого вампира, высасывающаго на континентѣ Европы лучшія физическія, матеріальныя и моральныя силы изъ націй. Въ-третьихъ, общаго поправѣнія англійской политики, такъ какъ участіе консерваторовъ въ ослабленномъ либеральномъ кабинетѣ должно будетъ послѣ войны только подлить воды подъ мельничное колесо уніонизма, уже давно ждущаго возможности столкнуть либеральное правительство.

II.

Наконецъ-то, послѣ долгихъ колебаній на манеръ маятника между тройственнымъ согласіемъ и бывшимъ тройственнымъ союзомъ, отъ котораго она отпала еще при объявленіи войны, Италія рѣшила присоединиться къ франко-англо-русской комбинаціи и выступить противъ бывшихъ своихъ партнеровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ шагъ долженъ будетъ рано или поздно внести измѣненія въ современную военную конъюнктуру, хотя стратегическое значеніе этого выступленія будетъ, какъ намъ кажется, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, менѣе крупнымъ, чѣмъ склонны думать публицисты тройственнаго согласія. Но такъ какъ дѣло идетъ не только о чисто технической, а и о моральной сторонѣ сдѣланнаго Италіей шага, объ отношеніи самого населенія къ позиціи, занятой теперь пра-

вительствомъ, то интересно присмотрѣться къ тому, насколько война дѣйствительно популярна въ Италіи и насколько широки и могущественны тѣ слои, которые являются дѣятельными сторонниками итальянскаго выступленія.

Конечно, составить себѣ ясное представленіе о психологіи народа всегда вещь трудная, а теперь въ особенности. Во-первыхъ, потому, что въ этомъ настроеніи должно встрѣчаться много оттѣнковъ. А, во-вторыхъ, и потому, что во многихъ случаяхъ такое или иное отношеніе къ войнѣ опредѣляется не столько сознанными интересами, сколько смутными инстинктами массъ, не находящими себѣ достаточно опредѣленнаго выраженія вовнѣ, но эксплуатируемыми имущимъ и правящимъ меньшинствомъ. Приходится прислушиваться къ отзывамъ различныхъ партій, сравнивать и критически взвѣшивать правдивость политическихъ телеграммъ, наконецъ, стараться хоть нѣсколько проникнуть за кулисы офиціальной Италіи, скрывающіе, подобно защитному дыму, дѣйствительныя движенія широкихъ слоевъ. Въ этомъ отношеніи придется повторить, что было уже неоднократно сказано нами: повидимому, большинство населенія не хотѣло войны, какъ не хотѣло ея большинство въ парламентѣ, гдѣ джолиттіанствующіе либералы и ортодоксальные соціалисты перевѣшивали численно радикаловъ, республиканцевъ и соціалистовъ умѣреннаго толка и немногочисленныхъ, но очень шумныхъ націоналистовъ.

Однако агитація этихъ послѣднихъ группъ велась энергичнѣе, чѣмъ контръ-агитація нейтралистовъ. И здѣсь, какъ бываетъ почти всегда, лучше организованное меньшинство повело за собою болѣе или менѣе обширные слои населенія, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, и произвело этимъ путемъ достаточно сильное давленіе на парламентское большинство, чтобы послѣднее сравнительно очень быстро оставило позицію сопротивленія войны и высказалось за вмѣшательство, и притомъ вмѣшательство на сторонѣ тройственнаго согласія. Это ярко выразилось въ тѣ дни, въ половинѣ мая н. с., когда маневръ Джолитти разстроить министерство Саландры и Соннино потерпѣлъ крушеніе подъ напоромъ манифестацій. Втеченіе нѣсколькихъ дней джолиттіанцы въ парламентѣ и въ странѣ и вообще нейтралисты, казалось, торжествовали. Саландра подалъ отставку по тѣмъ соображеніямъ, что онъ не чувствуетъ въ народномъ представительствѣ достаточной поддержки, которая требуется духомъ и практикой конституціи. Но въ отвѣтъ на это въ крупныхъ центрахъ Италіи произошли уличныя манифестаціи, на которыхъ сторонники вмѣшательства играли выдающуюся роль, тогда какъ нейтралисты, особенно нейтралисты активные, оказались почти повсюду въ меньшинствѣ. Особенно значительны эти проявленія воинственнаго настроенія были въ Римѣ и въ Миланѣ, гдѣ, повидимому, цѣлые десятки, а, по свѣдѣніямъ печати тройственнаго согласія, сотни тысячъ привѣтствовали войну Италіи

съ Австро-Германіей и выражали крайнее негодованіе на „предателей“, т. е. главнымъ образомъ на Джолитти и его сторонниковъ.

Движеніе, видимо, ускользало изъ рукъ ортодоксальныхъ соціалистовъ, которымъ не удалось не только противоставить планамъ воинственныхъ элементовъ націи орудіе всеобщей стачки, какъ они еще недавно угрожали, но и сколько-нибудь замѣтно проявить свое отвращеніе къ войнѣ въ уличныхъ манифестаціяхъ. Правда, кой-гдѣ дѣло доходило до ожесточенныхъ схватокъ между передовыми элементами рабочаго класса и шовинистски настроенными толпами, кой-гдѣ была перестрѣлка изъ револьверовъ, были убитые и раненые. Но въ общемъ послѣдовательные соціалисты не могли собрать вокругъ себя достаточнаго числа приверженцевъ, чтобы остановить неудержимо клонившуюся къ выступленію Италію. Очевидно, на современной почвѣ Европы, дрожащей отъ вулканическихъ взрывовъ великой борьбы, находятъ пока отзвукъ преимущественно воинственныя настроенія. И ортодоксальный соціалистъ Мерлони сдѣлалъ меланхоличное признаніе, что теперь „парламентъ болѣе не существуетъ. Нами управляетъ улица (въ подлинникѣ собственно „площадь“, — la piazza), и правительство поставитъ насъ предъ совершившимся фактомъ, вызваннымъ давленіемъ улицы“ [1]). Сторонники войны не безъ лукавства замѣчали по этому поводу, что сами соціалисты любили всегда апеллировать къ улицѣ, стремились приводить въ движеніе широкія народныя массы съ цѣлью производить, въ желательномъ для соціалистовъ смыслѣ, давленіе извнѣ на парламентъ. А теперь разочарованы въ своей тактикѣ, такъ какъ взмывшая волна, видимо, несла на своемъ гребнѣ воинственные элементы. Дѣло доходило, дѣйствительно, до того, что въ иныхъ мѣстахъ манифестанты обращались съ криками къ проѣзжавшему королю: „Война или революція“!

До какой степени воспламенились и замутились умы итальянцевъ, можно судить по тому, что ничтожная группа націоналистовъ, которая насчитывала въ парламентѣ едва полдюжины членовъ, а въ странѣ еще годъ тому назадъ вызывала раздраженіе и порою искренній смѣхъ широковѣщательностью своихъ патріотическихъ заявленій, въ эти дни пріобрѣла значеніе, сильно превышавшее ея настоящій удѣльный вѣсъ. И солидный, хоть и изрядно пожелтѣвшій со времени его пріобрѣтенія лордомъ Норсклиффомъ, „Таймсъ“ старался на своихъ столцахъ очистить взгляды такого нелѣпаго шовиниста, какъ Энрико Коррадини, отъ шлаковъ „преувеличеній“ и представить читателямъ тройственнаго согласія въ симпатичномъ свѣтѣ дѣятельность этого главы итальянскихъ націоналистовъ: „Онъ пишетъ—говоритъ пресерьезно „Таймсъ“—

---

[1]) „Verso la seduta storica. Quello che dicono i socialisti“; „Il Secolo“ 18 мая 1915.

въ органѣ „Idea Nazionale“ и проповѣдуетъ во всей странѣ войну, за что его часто называютъ зажигателемъ и горящей головней. И онъ отнюдь не желаетъ отказываться отъ этой клички, ибо цѣль его дѣятельности и состоитъ въ томъ, чтобы передать итальянской націи нѣчто отъ того огня вѣры въ будущее Италіи, который пылаетъ въ его собственномъ сердцѣ. Его программа или, лучше сказать, программы могутъ казаться преувеличенными, неразумными, неосуществимыми. Но его роль—это роль не политика, а пророка. На его плечахъ лежитъ, какъ было сказано о немъ, „отвѣтственность безотвѣтственности“ [1]). И вотъ теперь, по словамъ „Таймса“, оказалось, что этотъ самый несуразный Коррадини довольно точно выражаетъ среднюю равнодѣйствующую итальянскихъ стремленій, поскольку онъ безъ всякаго колебанія говоритъ, что, по его мнѣнію, никто изъ разсудительныхъ людей въ Европѣ не будетъ сомнѣваться, что Италіи принадлежитъ по праву не только Трентино, не только Тріестъ, не только Истрія, но и Далмація. Относительно послѣдней онъ желаетъ, правда, вступить въ дружескіе переговоры съ Сербіей, но громко заявляетъ при этомъ, что обладаніе Далмаціей составляетъ для итальянскаго народа существенную часть его такъ называемой „адріатической системы“ и что отъ этой программы никто изъ итальянцевъ теперь не отступитъ.

Національный подъемъ улицы былъ во всякомъ случаѣ настолько силенъ, что король усиленно сталъ держаться за Саландру. Послѣ формальнаго совѣщанія съ Джолитти, послѣ формальнаго приглашенія, обращеннаго къ Маркорѣ составить новую комбинацію,—отъ чего Маркора самъ уклонился,—Викторъ-Эммануилъ III наотрѣзъ отказался принять отставку „патріотическаго“ кабинета. И такимъ образомъ, не успѣло министерство Саландры-Соннино сдѣлать минутный выходъ за политическія кулисы, какъ оно уже снова появлялось на сценѣ освѣженнымъ и укрѣпленнымъ. Отнынѣ было ясно видно, что Италія идетъ къ разрыву съ прежними союзниками и присоединенію къ франко-англо-русскому согласію. И въ то время, какъ населеніе большихъ центровъ истолковало возвращеніе Саландры къ власти именно въ такомъ смыслѣ, — ибо бушевавшая на улицѣ толпа принималась разносить австрійскіе и нѣмецкіе дома и пыталась атаковать посольства своихъ бывшихъ политическихъ друзей,—въ самомъ парламентѣ произошла быстрая перегруппировка политическихъ симпатій. Отражая настроеніе самого хитреца Джолитти, который публично заявлялъ теперь, что онъ и не думаетъ подставлять ножку Соннино, джолиттіанцы не рѣшались уже открыто идти противъ войны и скоро должны были выразить это своимъ вотумомъ въ парламентѣ. 20 (7) мая палата большинствомъ въ 407 голосовъ противъ 74 при 1 воздержавшемся приняла среди бурныхъ рукоплесканій проектъ закона, предоста-

---

[1]) „Waiting Italy“; „The Times“, 3 мая 1915.

вляющій правительству чрезвычайныя полномочія на случай войны. Согласно этому проекту, различныя мѣры, касающіяся политической, экономической и правовой стороны, могутъ немедленно привидиться въ исполненіе безъ всякой санкціи парламента въ силу простыхъ „приказовъ“ министерства.

Рѣчь Саландры, мотивировавшаго предложеніе этого законопроекта, заключала въ себѣ заявленіе о расторженіи союзнаго договора съ Австро-Венгріей. Она подкрѣплялась рѣчью министра иностранныхъ дѣлъ Соннино, давшаго выдержки изъ „Зеленой книги“, которая содержала въ себѣ различные документы, касавшіеся переговоровъ Италіи съ той и съ другой стороной объ условіяхъ соблюденія нейтралитета или же выступленія. Предложенія, сдѣланныя Италіи тройственнымъ согласіемъ, оказались обширнѣе тѣхъ компенсацій, на которыя шла Австро-Венгрія подъ дружественнымъ давленіемъ Германіи. Въ то время, какъ Австрія въ началѣ апрѣля н. с. предлагала уступить Италіи не только Трентино. но и Горицу и Градишку, превратить Тріестъ съ областью въ нейтральное государство и основать тамъ итальянскій университетъ, равно какъ отдать Италіи семь островов у Далматинскаго прибрежья, признать за Италіей право на Валону съ ея округомъ, отказаться вообще отъ распространенія своей „сферы вліянія“ на Албанію въ интересахъ Италіи и исполнить всѣ эти обѣщанія, не дожидаясь конца войны, тройственное согласіе отдавало Итальянскому королевству всѣ перечисленныя выше области уже въ полное владѣніе и, сверхъ того, все Далматинское побережье до рѣки Нарента. Особенно, повидимому, подѣйствовали на рѣшеніе Италіи сообщенія ея дипломатическихъ представителей въ обѣихъ группахъ воюющихъ державъ и въ нѣкоторыхъ нейтральныхъ о томъ, что въ свою очередь Австро-Венгрія стремилась на извѣстныхъ условіяхъ къ сепаратному миру съ Россіей съ тѣмъ, чтобы выступить рѣшительно противъ Италіи.

Мы уже сказали, что рѣчь Саландры была встрѣчена необыкновенными рукоплесканіями. Рукоплесканія же сопровождали сонниновское изложеніе содержанія „Зеленой книги“, равно какъ докладъ правительственнаго законопроекта депутатомъ Бозелли, призывъ на тему „Нынѣ отпущаеши“, обращенный къ парламенту республиканцемъ Барцилаи и, наконецъ, заявленіе Чикотти отъ группы реформистскихъ соціалистовъ о томъ, что онъ и его фракція считаютъ нужнымъ поддерживать правительство въ этой „оборонительной“ войнѣ. И лишь рѣчь ортодоксальнаго соціалиста Шорати, настаивавшаго на долгѣ истинныхъ соціалистовъ снять съ себя отвѣтственность за предстоящее выступленіе, — которое будетъ фатально сопровождаться ослабленіемъ внутренняго прогресса въ странѣ и усиленіемъ военной диктатуры,— была встрѣчена крайне недружелюбно. Ни въ телеграммахъ, ни даже въ стенографическихъ отчетахъ о засѣданіи парламента не было ука-

зано основныхъ пунктовъ, развитыхъ Шорати. Эта рѣчь была почти повсюду скомкана и мимо нея прошло молчаніемъ большинство органовъ.

Самое объявленіе войны не заставило себя долго ждать. 23 (10) мая былъ опубликованъ текстъ циркулярной телеграммы, разосланной Соннино дипломатическимъ представителямъ Италіи за границей. И того же числа было заявлено, что Италія будетъ считать себя на положеніи войны съ Австро-Венгріей съ понедѣльника 24 мая [1]). Любопытную сторону офиціальнаго документа, которымъ Италія оправдываетъ свое выступленіе противъ бывшей союзницы, является мало подчеркнутое газетами выраженіе жалобъ Италіи на обращеніе Австріи съ итальянскимъ населеніемъ. Эту часть документа мы считаемъ наоборотъ настолько интересною, что приведемъ ее цѣликомъ, такъ какъ изъ нея можно сдѣлать выводы, рисующіе въ довольно оригинальномъ освѣщеніи отношенія Италіи къ ея врагамъ и друзьямъ. Напримѣръ: „австрійская политика втеченіе многихъ лѣтъ непрестанно стремилась къ уничтоженію итальянской національности и цивилизаціи на побережьѣ Адріатическаго моря... Постепенная замѣна чиновниковъ-итальянцевъ чиновниками другихъ національностей... Декреты... направленные къ исключенію изъ тріестскаго городского управленія и изъ городскихъ промышленныхъ предпріятій итальянскихъ служащихъ, денаціонализація главныхъ отраслей городской службы въ Тріестѣ, препятствія къ открытію новыхъ національныхъ школъ, денаціонализація судебнаго управленія, университетскій вопросъ, бывшій предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, политическіе процессы, имѣвшіе цѣлью покровительствовать другимъ національностямъ въ ущербъ итальянцамъ, вообще, обычная политика Австріи по отношенію къ ея подданнымъ итальянской національности—все это вызвано не исключительно соображеніями внутренней политики и мало имѣло отношенія къ общей борьбѣ національностей, происходившей въ монархіи. Напротивъ, эта политика преимущественно вдохновлялась сокровеннымъ чувствомъ вражды и ненависти къ Италіи“.

Пусть читатель вспомнитъ, что преобладающимъ населеніемъ итальянцы являются на Адріатическомъ побережьѣ Австріи только въ Тріестѣ, гдѣ они составляютъ 4/5 числа жителей, а что и въ

[1]) При этомъ Италія сочла возможнымъ не объявлять войны Германіи. И Саландра даже послѣ открытія военныхъ дѣйствій противъ Австріи старался говорить—напр., въ своей капитолійской рѣчи—о Германіи такъ, какъ въ эту войну отучились говорить о противникахъ: „Я не желаю говорить о Германіи безъ восхищенія и уваженія. Но я—итальянскій премьеръ, а не германскій канцлеръ, я не теряю хладнокровія, и, при всемъ уваженіи къ ученой, могучей, великой Германіи, къ этому удивительному образцу организаціи и силы сопротивленія, я заявляю отъ имени Италіи, что не желаю подчиненія ей, ни протектората!“ Удовлетворится-ли, однако Германія этими комплиментами?

Истріи, и въ Горицѣ и Градишкѣ, и въ Далмаціи они далеко уступаютъ численностью другимъ этническимъ элементамъ, а именно славянамъ. Пусть читатель припомнитъ съ другой стороны, что въ этихъ мѣстахъ Австрія обыкновенно покровительствовала славянамъ и выдвигала ихъ противъ итальянцевъ. И оказывается, что Италія объявляетъ главнымъ образомъ войну Австріи какъ бы за то, что послѣдняя не желала давать возможности итальянцамъ подавлять ради своихъ національныхъ интересовъ гораздо болѣе значительное славянское населеніе упомянутыхъ областей. Конечно, мы знаемъ часто изъ исторіи, что „мы любимъ кого-нибудь противъ кого-нибудь“,—какъ выражаются остроумно французы. Но во всякомъ случаѣ горькій юморъ разлитъ въ томъ обстоятельствѣ, что, вступая въ освободительную войну, которая началась во имя защиты одной изъ маленькихъ славянскихъ національностей отъ тевтонскаго насилія, Италія дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своихъ жалобъ какъ разъ ту политику Австріи, которая охраняла славянъ отъ подавленія ихъ итальянскимъ меньшинствомъ.

Друзьямъ прогресса остается пока только надѣяться, что война, предпринятая Италіей въ союзѣ съ Англіей, Франціей, Россіей и сербской національностью, сохранитъ свой освободительный характеръ, а не повернется въ ущербъ интересамъ славянъ, живущихъ на Адріатическомъ побережьѣ.

III.

Промежутокъ времени, охватываемый нашимъ текущимъ обозрѣніемъ (вторая половина 10-го мѣсяца и первая половина 11-го мѣсяца войны) особенно отличается разницею въ характерѣ операцій на западномъ и на восточномъ фронтѣ. Въ то время, какъ западный фронтъ представляетъ по-прежнему въ общемъ неподвижную линію, которую только мѣстами союзники изогнули впередъ, восточный фронтъ являетъ намъ картину обширныхъ маневренныхъ боевъ, гдѣ удача и неудача чередуется на той и на другой сторонѣ съ большой быстротой. Для объясненія сравнительной неподвижности западнаго фронта союзники сочли даже нужнымъ дать ободряющія поясненія, резюмэ которыхъ было сообщено русскими газетами во второй половинѣ мая. Средній читатель недоумѣваетъ, молъ, почему, не смотря на часто повторяющіяся большія сраженія въ этомъ районѣ, причемъ потери нѣмцевъ превышаютъ почти въ каждой изъ операцій полсотни тысячъ человѣкъ (союзники не говорятъ, сколько потерь у нихъ самихъ), въ результатѣ каждаго изъ такихъ сраженій захваченное нашими союзниками пространство никогда не превышаетъ трехъ-четырехъ километровъ, а порою сводится къ одному. И вотъ въ отвѣтъ на эти недоумѣнія западно-европейскіе авторитеты знакомятъ публику

съ тѣми особенностями германской фронтальной стѣны, которая тянется отъ Сѣвернаго моря до швейцарской границы и представляетъ собою нѣчто до сихъ поръ неслыханное въ лѣтописяхъ военнаго искусства.

Оказывается, что эта линія чрезвычайныхъ оборонительныхъ сооруженій германцевъ „совершенно безпрерывна и въ ней не имѣется нигдѣ какого-либо прохода, въ который могъ бы проскочить небольшой отрядъ или хотя бы развѣдчики. Эти оборонительныя сооруженія образуютъ: 1) рядъ сильныхъ линій и укрѣпленій, которыя, если артиллерія союзниковъ ихъ еще не разрушила и не причинила германцамъ большихъ потерь, могутъ нанести непрерывно въ нѣсколько мгновеній осаждающей пѣхотѣ убыль, превышающую всякое воображеніе; 2) другія защитныя сооруженія, почти непреодолимыя подъ огнемъ, если они еще уцѣлѣли; 3) рядъ оборонительныхъ сооруженій и ходовъ сообщеній, укрывающихъ защитниковъ отъ огня артиллеріи и дающихъ имъ возможность совершенно укрыто находиться въ положеніи для стрѣльбы; 4) весьма могущественная артиллерія“. Словомъ, на сторонѣ нѣмцевъ получается, согласно сообщенію, „могучая организація, которая можетъ быть лишь сравниваема съ огромнымъ укрѣпленнымъ плацдармомъ, устроеннымъ по послѣднему слову науки и снабженнымъ самыми усовершенствованными приспособленіями“. Таковы, не входя въ дальнѣйшія техническія подробности, тѣ препятствія, которыя лежатъ на пути союзниковъ къ болѣе или менѣе замѣтному успѣху. Здѣсь приходится поэтому говорить пока лишь о частныхъ продвиженіяхъ.

Къ числу такихъ продвиженій относятся дѣйствія французовъ въ уже столько разъ цитированномъ нами массивѣ Лореттской Богоматери, вся совокупность котораго вмѣстѣ съ нижними склонами перешла къ 21 (8) мая въ руки французовъ, отбившихъ ихъ у нѣмцевъ втеченіе цѣлаго полугода. Повидимому, французы окончательно укрѣпились въ этомъ пунктѣ, потому что послѣдующія атаки нѣмцевъ были отсюда отражены, и центръ тяжести столкновенія двухъ армій перемѣстился къ Невиллю-Сэнъ-Ваастъ, а именно въ районъ „Лабиринта“, названіе котораго столь часто встрѣчается теперь въ западно-европейскихъ военныхъ бюллетеняхъ и гдѣ дальнѣйшіе успѣхи были достигнуты французами къ 3 іюня (21 мая). Менѣе удачно на сей разъ было движеніе англичанъ, которые около 25 (12 мая) утеряли нѣсколько участковъ своей линіи къ востоку отъ Ипра, подъ напоромъ германцевъ, примѣнившихъ удушливые газы въ количествѣ, до сихъ поръ еще неслыханномъ: „на фронтѣ протяженіемъ въ 5 англійскихъ миль (8 километровъ), цилиндры выбрасывали струи газа втеченіе 4$^1/_2$ часовъ; кромѣ того, наши линіи,—сообщаетъ фельдмаршалъ Френчъ,—обстрѣливались артиллерійскими снарядами, распространявшими удушливые газы; въ нѣкоторыхъ пунктахъ столбы

газовъ поднимались на 40 футовъ (12 метровъ)". Тутъ же, впрочемъ, сообщалось, что англичане уже начали парировать губительное дѣйствіе этихъ газовъ различными аппаратами и приспособленіями, которые удачно отражаютъ атаки, предпринимаемыя нѣмцами при столь необычныхъ условіяхъ.

Другимъ замѣтнымъ продвиженіемъ союзниковъ впередъ были операціи французовъ въ лѣсу Лепретръ. Борьба съ нѣмцами, занимавшими это трудное для нападеній пространство, началась еще въ сентябрѣ. И лишь послѣ семи мѣсяцевъ непрестанныхъ атакъ, въ концѣ мая н. с., французы могли констатировать переходъ въ ихъ руки всего Лепретрскаго лѣса. Въ началѣ іюня н. с., а именно, 4 іюня (22 мая), обѣ стороны пытались бомбардировать другъ у друга важныя крѣпости. Нѣмцы стрѣляли по Вердену изъ дальнобойныхъ орудій, а французы бомбардировали южныя укрѣпленія у Меца. Вотъ, если не считать дѣятельности воздушнаго флота, о которомъ мы скажемъ ниже, главнѣйшіе факты на западномъ фронтѣ втеченіе послѣдняго мѣсяца.

Сильный маневренный характеръ, принимавшій порою формы почти молніеносныхъ наступленій и отступленій, сохранили операціи на восточномъ фронтѣ, отчасти въ сѣверной, нѣмецкой, его части, а главнымъ образомъ на австрійскомъ, галиційскомъ, направленіи. Что касается до нѣмецкаго фронта, то къ началу мая с. с. продвиженіе нѣмцевъ въ Ковенско-Прибалтійскомъ районѣ, въ результатѣ котораго нѣмцы овладѣли Либавой и временно заняли Шавли, было нами отчасти задержано. Пріостановилось и движеніе на Виндаву. И наши контръ-атаки раздѣлили нѣмецкія силы на 3 группы: Либавскую, Шавельскую и Россіенскую. Съ тѣхъ поръ нѣмцы были отодвинуты еще далѣе къ югу и къ юго-западу. Нападенія на Осовецъ оказываются пока безуспѣшными, а мы овладѣли сильной нѣмецкой позиціей у Бубье, въ 15 верстахъ къ юго-западу отъ Шавель, на узлѣ дорогъ Шавли-Таурогенъ-Тельши. Однако сообщеніе отъ 26 мая говоритъ о вторичномъ занятіи Бубье нѣмцами.

Но главною ареною по истинѣ колоссальной борьбы является теперь Галиція. Здѣсь къ 1 мая (14 мая) непріятель завязалъ бои въ районѣ Лезахова и Ярослава на Санѣ, постепенно расширяя ихъ къ югу до взятой нами 9 марта крѣпости Перемышля и еще далѣе. . . . .

. . . .

. . . .

. . . . Когда у публики начинали возникать опасенія относительно смысла нашего отхода отъ Дунайца на Санъ и отъ гребня Западныхъ Карпатъ въ долинную Галицію,—причемъ непріятель видимо избиралъ однимъ изъ главныхъ центровъ своего нападенія вышеупомянутую крѣпость Перемышль,—„Русскій Инвалидъ" предостерегалъ читателей отъ

излишняго пессимизма: „Когда мы осаждали Перемышль, было весьма логично подальше отодвинуть отъ него полукругъ армій противника, старавшихся освободить полуторастотысячную армію, попавшую въ эту фортификаціонную мышеловку. Но теперь, когда Перемышль спѣшно приведенъ въ сносный видъ починенной первоклассной нашей крѣпости—вовсе нѣтъ нужды держать противника въ отдаленіи отъ губительныхъ его верковъ. Онъ сталъ боевой единицей, которой теперь мы можемъ сыграть болѣе выгодную партію. Вотъ отчего надобно смотрѣть на нашъ отходъ, какъ на вполнѣ хорошій маневръ, обѣщающій гораздо болѣе выгодный бой въ будущемъ. Сокращеніе фронта избавитъ насъ, конечно, отъ посылки подкрѣпленій за счетъ ослабленія себя на берлинской дорогѣ. Словомъ, это мудрая мѣра, очень не нравящаяся нашимъ противникамъ, которые полагали, что разныя условности могутъ связать руки нашей стратегіи. Съ тѣхъ поръ, какъ русская стратегія сожгла Москву, странно думать, что она временно пожалѣетъ очистить кусочекъ Западной Галиціи, если это способно дать потомъ болѣе широкій шагъ къ Кракову и Берлину".

Но по мѣрѣ того, какъ непріятель начиналъ бомбардировку Перемышля (17-4 мая) и, переходя на правый берегъ Сана, ставилъ наши войска въ необходимость сдать крѣпость, авторы сообщеній принуждены были развивать нѣсколько иные взгляды. Въ Перемышль враги вступили 2 іюня (20 мая), и въ „Русскомъ Инвалидѣ" мы уже читаемъ: „Намъ предстоитъ трудная задача объяснить оставленіе нами Перемышля, къ чему мы уже подготовляли читателя. Не хотѣлось бы, чтобы въ нашихъ объясненіяхъ была усмотрѣна натяжка, фальшь, замаскированная ложь... мы откровенно и честно взглянемъ въ глаза событію и дадимъ его точную оцѣнку безъ всякихъ затаенныхъ мыслей. . . . .

. . . .

. . . .

Но съ точки зрѣнія военнаго искусства, съ технической точки зрѣнія слѣдуетъ вздохнуть облегченно, радостно: что было бы, еслибы... значительная часть нашей арміи соблазнилась засѣсть въ Перемышль и попробовать удивить міръ геройствомъ и самоотверженіемъ защиты полуразрушенной твердыни, безъ достаточныхъ запасовъ и лучше извѣстной противнику, строившему ее, чѣмъ намъ. Какое больное мѣсто было бы заложено въ наши души и на порядочный срокъ. . . . .

. . . .

. . . .

Въ данный моментъ врагъ пытается сдѣлать прорывъ въ нашей арміи одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ, онъ настойчиво ведетъ атаки къ юго-востоку отъ Перемышля, между рѣками Тисменицей и Стрыемъ, видимо, угрожая Львову. Его попытка

„въ ночь на 21 мая ворваться въ предмостныя укрѣпленія на Днѣстрѣ, на плечахъ отходившихъ нашихъ войскъ“ была однако отбита. Неудача постигла австрійцевъ къ этому же времени и къ сѣверо-западу отъ Перемышля, а именно въ углу, образованномъ Вислою и впадающимъ въ нее Саномъ, и въ частности у устья Ленга, праваго притока Вислы. До сихъ поръ нами еще не ликвидировано ожесточенное наступленіе австрійцевъ отъ Большеднѣстровскаго болота до Долины. Но за то фронтъ противника сильно утончился, вслѣдствіе расположенія его уступами между Ленгомъ и Саномъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, непріятель безуспѣшно атаковалъ наши предмостныя укрѣпленія на Днѣстрѣ у Жидачева. Но ему удалось, въ ночь на 24 мая, переправить нѣкоторыя части черезъ Днѣстръ у Журавно, гдѣ однако распространившіяся по фронту Журавковъ-Сивки силы непріятеля были задержаны нами 28 мая и даже отброшены снова на правый берегъ Днѣстра. Какъ бы то ни было, возникаетъ снова вопросъ о судьбахъ Львова. По этому поводу „Русскій Инвалидъ“ отъ 28 мая пишетъ такъ: „Мы въ фазисѣ львовской операціи. Противники, гонящіеся изъ цѣлей глубоко демонстративныхъ за Львовомъ, ставятъ добычу его интересомъ ближайшаго фазиса кампаніи. И они правы: это займетъ прочно насъ въ Галиціи, гдѣ роль Львова немаловажна. Конечно, хорошо бы проучить противника, заставить его зарваться подальше, вглубь нашихъ территорій, глотнуть изъ необъятнаго океана русскихъ земель. Но жалость къ странѣ не послѣднее соображеніе и стратегіи, а потому возможно, что мы увидимъ въ іюнѣ великую новую битву за Львовъ у сѣвернаго склона Карпатъ“.

На южномъ фронтѣ военныя операціи свелись почти на нѣтъ. Лишь кое-гдѣ, мѣстами, безъ особаго плана австрійцы пробуютъ атаковывать сербскія пограничныя мѣста, и нападенія албанскихъ племенъ безъ труда сдерживаются сербами. За то новый факторъ на южномъ фронтѣ представляетъ выступленіе Италіи, которая, какъ увѣряютъ спеціалисты, способна выставить при полномъ напряженіи своихъ силъ до 3½ милліоновъ солдатъ. Конечно, эта цифра существуетъ пока лишь на бумагѣ. Дѣло въ томъ, что итальянская армія состоитъ изъ дѣйствующихъ силъ, изъ такъ называемой подвижной милиціи и изъ милиціи территоріальной. Въ мирное время армія не превышаетъ 280.000 человѣкъ. Но въ военное время еще два года тому назадъ итальянскіе авторитеты разсчитывали на 735.000 полевой арміи, на 310.000 подвижной милиціи и на 3.300.000 территоріальной, что давало бы въ общемъ 4.345.000 (?) человѣкъ. Разумѣется, придать дѣйствительную боеспособность этой огромной силѣ можно, лишь справившись съ мобилизаціонными и организаціонными затрудненіями и сдѣлавъ изъ сравнительно незначительныхъ кадровъ ядро обширныхъ массъ

„комбаттантовъ". Пока считаютъ, что въ данный моментъ Италія въ состояніи выставить 800.000 человѣкъ постоянной арміи плюсъ 300.000 человѣкъ подвижной милиціи, всего 1.100.000 человѣкъ, что во всякомъ случаѣ должно оказать немаловажную помощь союзникамъ.

Пишущій эти строки лично, впрочемъ, думаетъ, что втеченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ давленіе свѣжихъ армій Италіи будетъ менѣе значительно, чѣмъ предполагаютъ. Дѣйствіе итальянскихъ силъ скажется въ эти первые мѣсяцы скорѣе косвеннымъ образомъ, заставивъ австро-германцевъ перевезти и перегруппировать свои силы на разныхъ флангахъ и тѣмъ самымъ ослабить сопротивленіе, которое они оказываютъ напору союзниковъ. До сихъ поръ ни съ той, ни съ другой стороны военныя операціи не вышли изъ подготовительной фазы. Австрійцы бомбардировали адріатическое побережье Италіи и обнаружили нѣкоторую дѣятельность на сѣверѣ со стороны Тироля и на сѣверо-востокѣ со стороны Австро-Иллирійскаго приморья, на границахъ итальянскаго Фріуля и австрійской Крайны (Карніи, какъ у насъ называютъ теперь эту область на итальянскій ладъ). Дѣйствительно, не успѣли итальянцы объявить войну Австріи, какъ австрійцы подвергли довольно безрезультатному обстрѣлу Порто Корсини, Анкону, Барлетту, тогда какъ итальянцы отправили свой контръ-миноносецъ въ Порто Бузо, гдѣ были разрушены пристани вокзала, казармы и потоплены моторныя лодки. 24 (11) мая итальянскія войска перешли австрійскую границу въ горной долинѣ Джудикарія, въ долинахъ Аньо и Верхней Бренты. На среднемъ и нижнемъ теченіи рѣки Изонцо итальянцы стремились достигнуть береговъ этой рѣки и перейти ее, не взирая на уничтожаемые непріятелемъ мосты. 27 (14) мая итальянцы продвинулись далѣе въ той части Тироля, которая подъ названіемъ Трентино составляетъ предметъ ихъ національныхъ стремленій и заняли территорію выше устья Кіезы. А нѣсколько позже итальянскіе отряды напали на Монфальконе, образующее треугольникъ съ Градишкою и Горицею и находящееся всего въ 25 километрахъ отъ Тріеста, которому итальянцы могутъ угрожать такимъ образомъ съ суши (особенно съ тѣхъ поръ, какъ Монфальконе было взято итальянцами 9 іюня (27 мая). 1 іюня (19 мая) итальянцы продвинулись еще далѣе на тирольской границѣ, занявъ, въ 6 километрахъ къ сѣверу отъ Алы, важную въ стратегическомъ отношеніи возвышенность, господствующую надъ Роверето. На этой части фронта итальянцы выпрямили линію своихъ войскъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ австрійская граница глубокимъ и опаснымъ клиномъ врѣзается со стороны Гардскаго озера въ ломбардскую провинцію Брешу и венеціанскую Верону. Ко 2 іюля (20 мая) итальянцы захватили Стору на тирольской границѣ и склоны горы Неро, на лѣвомъ берегу Изонцо, въ 10 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Тольмейна (Тольмино). Днемъ позже бои передвинулись на среднее Изонцо и

велись съ перемѣннымъ счастьемъ, а съ 4 іюня (22 мая) итальянцы ведутъ упорный артиллерійскій бой съ южно-тирольскими фортами на плоскогоріяхъ Лавароне и Фольгарія.

Втеченіе мая мѣсяца русскими велись частичныя, но безпрестанныя атаки противъ турокъ почти на всѣхъ частяхъ Кавказскаго фронта: приморскомъ, Ольтинскомъ, Ванскомъ и другихъ направленіяхъ. Особенно замѣтно было наше продвиженіе въ бассейнѣ Ванскаго озера, гдѣ нами были послѣдовательно взяты города Арджишъ на сѣверномъ берегу, городъ Ванъ—на восточномъ, Востанъ—на южномъ; и далѣе къ востоку, по направленію къ Персіи, Сарай и Башкала. Въ самой Персіи—въ той части ея, гдѣ сосредоточены турецкія войска,—мы заняли городъ Урмію. Совокупность этихъ завладѣній укрѣпляетъ наши позиціи въ турецкой Арменіи, гдѣ мѣстное христіанское населеніе находитъ поддержку противъ турокъ въ государствахъ тройственнаго соглашенія, публично заявившихъ, что за рѣзню армянъ, происходившую въ послѣдній мѣсяцъ на всемъ этомъ пространствѣ Малой Азіи, союзныя страны „возлагаютъ личную отвѣтственность на всѣхъ членовъ турецкаго правительства и на его мѣстныхъ представителей".

Переходя къ морскимъ операціямъ, мы прежде всего коснемся дѣйствій союзниковъ на Дарданеллахъ. Форсированіе проливовъ, какъ уже можно было предвидѣть, принадлежитъ къ разряду трудныхъ операцій и предполагаетъ совокупныя дѣйствія какъ морскихъ судовъ, бомбардирующихъ побережье, такъ въ особенности прямыхъ нападеній на врага при помощи дессанта. За подлежащій нашему обзору промежутокъ времени наши союзники постепенно, хотя и медленно, подвигаются на сѣверъ въ цѣломъ рядѣ ожесточенныхъ схватокъ съ турками. Покамѣстъ въ рукахъ союзниковъ находится южная часть Галлипольскаго полуострова, приблизительно по линію Критія-Ахибаба. Съ 4 іюня (22 мая) начался общій штурмъ турецкихъ позицій. Сильнѣйшей изъ нихъ является уже упомянутая Критія, вокругъ которой кипитъ ожесточенная борьба втеченіе трехъ недѣль.

Надо сказать, что союзный флотъ продолжаетъ отъ времени до времени испытывать потери. Такъ, 25 (12) мая погибъ отъ мины въ Дарданеллахъ „Тріумфъ", самый малый англійскій броненосецъ, водоизмѣщеніе котораго не достигаетъ и 12.000 тоннъ. И почти одновременно былъ потопленъ германской подводной лодкой устарѣлый, но все же довольно значительный англійскій броненосецъ „Меджестикъ", водоизмѣщеніемъ въ 15.000 тоннъ. Съ другой стороны, англійскія подводныя лодки совершили нѣсколько удачныхъ набѣговъ, проскочивъ черезъ проливы въ Мраморное море и достигнувъ даже Константинополя. Особенно удачна была экскурсія подводной лодки „Е 11", которая въ Мраморномъ морѣ потопила судно, нагруженное гаубичными снарядами и 6-дюймовыми пушками,

вблизи мола Родосто пустила ко дну другое судно съ большимъ грузомъ разныхъ припасовъ и, наконецъ, выпустила мину по транспорту, стоявшему у арсенала въ самомъ Константинополѣ. Желая усилить энергію операцій противъ Дарданеллъ, Англія 2 іюня (20 мая) объявила блокаду сосѣднихъ частей малоазіатскаго побережья (4 дня передъ этимъ, 29-16 мая, подъ блокадой было объявлено Италіей Адріатическое побережье).

Германскія подводныя лодки и мины продолжали свою разрушительную работу. Съ 19 (6) мая и по 10 іюня (28 мая), т. е. втеченіе трехъ недѣль нами было насчитано 40 погибшихъ судовъ, англійскихъ, русскихъ и нейтральныхъ, преимущественно шведскихъ, норвежскихъ и датскихъ. Наиболѣе крупными или важными въ какомъ-либо отношеніи были уже упомянутыя „Тріумфъ и „Меджестикъ" и русскій транспортъ, заградитель „Енисей" измѣщающій 2926 тоннъ (22 мая с. с.). Довольно значительная нѣмецкая эскадра показалась въ послѣднее время въ средней части Балтійскаго моря, приблизительно, между Эзелемъ и Готландомъ. 22 мая (4 іюня н. с.) наши суда перестрѣливались съ германскими вблизи Рижскаго залива. Было высказано предположеніе, что германцы, находя слабымъ положеніе захваченной ими Либавы, которую окружають теперь русскія силы намѣрены ударить на Ригу. Послѣднія сообщенія говорили, что 24 мая (6 іюня н. с.) намъ удалось при помощи подводныхъ лодокъ и минъ потопить и повредить 3 непріятельскихъ судна.

И воздушный флотъ продолжаетъ свои дѣйствія въ обоихъ лагеряхъ. 22 (9) мая леталъ надъ Парижемъ и сбросилъ 8 бомбъ германскій аэропланъ, а 23 (10) австрійскіе аэропланы бросали бомбы надъ Венеціей, но не причинили серьезнаго вреда. За то французы обнаружили 25 (12) мая очень энергичную дѣятельность на всемъ протяженіи фронта, выбросивъ болѣе 200 снарядовъ, произведшихъ взрывы въ германскомъ авіаціонномъ паркѣ въ Эрвильи и въ германскомъ же паркѣ въ Гранъ-Пріэлѣ, въ окрестностяхъ Сэнъ-Кантэна, тогда какъ въ самомъ Сэнъ-Кантэнѣ пострадалъ вокзалъ. 26 (13) мая нѣмцы бросали бомбы на Виленуа, близь Мо, въ 30 съ небольшимъ километрахъ къ востоку отъ Парижа. Но въ окрестностяхъ Суассона эти германскіе авіаторы были сбиты французскимъ аэропланомъ. На Англію нѣмцы въ это время сдѣлали три воздушныхъ налета. 26 (13) мая ихъ цеппелинъ бросалъ бомбы на Соусэндъ, въ 45 километрахъ къ востоку отъ Лондона. 2 іюня (20 мая) цеппелинъ же показался надъ окраинами Лондона и сбросилъ 90 преимущественно зажигательныхъ бомбъ, жертвами которыхъ пали четыре человѣка. Наконецъ, 6 іюня (24 мая) германскій цеппелинъ зажегъ нѣсколько зданій, убилъ 4 человѣка и ранилъ 40 на восточномъ побережьѣ. Въ свою очередь британскіе аэропланы произвели 7 іюня (25 мая) пожаръ въ германскомъ

ангарѣ цеппелиновъ къ сѣверу отъ Брюсселя и въ тотъ же день британскому авіатору удалось взорвать нѣмецкій цеппелинъ между Гептомъ и Брюсселемъ на огромной высотѣ въ 1800 метровъ. 3 іюня (21 мая) 30 французскихъ аэроплановъ бомбардировали главную квартиру германскаго кронпринца, сбросивъ около 180 снарядовъ и 1000 стрѣлъ, нанесшихъ непріятелю значительный вредъ. Французскіе аппараты подвергались сильному обстрѣлу, но возвратились безъ поврежденій. 8 іюня (26 мая) погибъ итальянскій дирижабль, бросавшій бомбы надъ Фіуме. 9 іюня (27 мая) нѣкоторые пункты итальянскаго побережья, въ томъ числѣ Венеція, подверглись набѣгу австрійскихъ аэроплановъ. Былъ убитъ 1 человѣкъ и ранено нѣсколько.

Н. С. Русановъ

О пастырѣ добромъ.

Памяти о. Филиппа Петровича Горбаневскаго.

Въ верени цѣ ежедневныхъ длинныхъ списковъ, несущихъ вѣсти о жертвахъ войны, проскользнулъ недавно одинъ до странности короткій. Въ немъ собраны были исключительно имена священнослужителей — убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Обычно торопливо пробѣгаешь глазами длинный рядъ фамилій съ темной тревогой предчувствія и ожиданія, что вотъ-вотъ непремѣнно наткнешься на знакомое имя —бывшаго ученика, или товарища, или родственника,—за десять мѣсяцевъ войны газетный листъ пріучилъ къ горькимъ этимъ встрѣчамъ. Но къ списку военныхъ священниковъ приступилъ я безъ этого тревожнаго чувства,—ни друзей, ни родства въ этой средѣ какъ будто не имѣлось. Однако уже во второй строкѣ нашелъ имя, дорогое мнѣ по воспоминаніямъ, имя человѣка, въ широкихъ кругахъ безвѣстнаго, но замѣчательнаго и рѣдкостнаго, любимаго всюду, гдѣ его знали,—о. Филиппа Горбаневскаго.

Можетъ быть, нигдѣ такъ остро не чувствуется, не рѣжетъ такъ глазъ противорѣчіе между идеей и ея практическимъ воплощеніемъ, между высотой задачи и долга—и житейской приверженностью къ мамонѣ, какъ въ санѣ іерейскомъ, и нигдѣ, въ то же время, жажда подвига любви и самопожертвованія не натыкается на болѣе колючія преграды... Почему-нибудь рѣдокъ *пастырь добрый*, душу свою за овцы полагающій... Встрѣчается пастырь смиренный, пастырь благодушный, пастырь робкій и уничиженный, но пастырь безпокойный, ищущій, непрестанно влекомый отъ обыденнаго церковнаго требоисправленія къ дѣлу подлиннаго служенія пастырскаго,—какъ малый огонекъ въ сыромъ осеннемъ полѣ, рѣдокъ и одинокъ...

Во-истину пастыремъ добрымъ былъ о. Филиппъ. Я помню первые шаги его на поприщѣ священнослужительства,—въ мою родную Глазуновскую станицу онъ пріѣхалъ съ не отросшими еще волосами, молодымъ семинаристомъ могучаго сложенія и неистребимой жизнерадостности. Это было въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ. Станица переживала тяжелый неурожайный годъ. У молодого іерея, кромѣ свѣжихъ долговъ, ничего не было,—изъ наслѣдственнаго—лишь старуха мать, вдовая дьячиха, да малые братья на попеченіи. Приходъ—правда, не бѣдный—въ переживаемый годъ не сулилъ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія: большая часть прихожанъ сама ходатайствовала у Войска о хлѣбной ссудѣ. Старый причтъ имѣлъ старые—и не скудные—запасцы, а передъ новымъ іереемъ стояла перспектива неминуемаго спартанскаго самоограниченія.

О. Филиппъ ни мало не пріунылъ. Знакомство свое съ приходомъ онъ началъ не съ тѣхъ сильныхъ прихожанъ, которые уважаютъ особливое вниманіе къ себѣ и, сообразуясь съ мѣрою онаго, воздаютъ соотвѣтственной мѣрой усердія къ духовенству, жертвуя барана или ярку или мѣшокъ-другой пшеницы,—онъ пошелъ къ бѣднотѣ и мелкотѣ, труднѣе всего переживавшей надвинувшуюся нужду. Знакомился, распрашивалъ, бесѣдовалъ, утѣшалъ, кое-гдѣ умудрялся даже помогать изъ личныхъ грошей. И сразу прослылъ „простымъ" батюшкой. Даже старообрядцы, всегда косо взиравшіе на іереевъ господствующей церкви, потянулись къ нему—сперва съ провѣряющимъ любопытствомъ, а потомъ съ самымъ душевнымъ расположеніемъ,—въ бесѣдахъ и словопреніяхъ съ ними ни разу не прозвучало у него ни одной ноты, похожей на обычный тонъ миссіонерскихъ состязаній съ безплодными пререканіями и—порой—перебранкой. Но особенно „простота" новаго священника сказалась въ необычайномъ дотолѣ отношеніи къ платѣ за требы: никакой торговли,—что дадутъ, то и благо. Конечно, прихожане—правду сказать, и ранѣе не обремененные чрезмѣрностью таксы за требоисправленіе—широко использовали новое обстоятельство въ ущербъ клиру, а такъ какъ церковь была двухштатная, то разница отношеній въ платѣ не могла не породить нѣкоторой смуты въ умахъ паствы и прискорбныхъ треній внутри клира...

Это была очень непріятная сторона духовнаго быта. Большихъ усилій стоило о. Филиппу не замѣчать ея и идти своей намѣченной тропой. Онъ продолжалъ суетиться, лечить, помогать и взывать о помощи тамъ, гдѣ она особенно настоятельно требовалась. Былъ полонъ плановъ, пытался устроить „что-нибудь просвѣтительное". Для общественной дѣятельности въ глухихъ уголкахъ и теперь не великъ просторъ, а тогда даже мысль о самыхъ благонамѣренныхъ чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ или о библіотечкѣ для народа

казалась покушеніемъ на потрясеніе основъ. Препоны ставились почти непреодолимыя. Помню, участковый засѣдатель (становой) на первыхъ же шагахъ нашей общественной станичной библіотеки подсѣкъ намъ крылья, изъявъ изъ обращенія книжку *О разведеніи тмина*—на томъ основаніи, что она не значилась въ каталогѣ разрѣшенныхъ книгъ...

Ко мнѣ о. Филиппъ захаживалъ частенько—почитать „Русскія Вѣдомости“ и что-нибудь „отъ Толстого“. Въ тѣ времена лишь въ литографированныхъ спискахъ ходили религіозныя и философскія творенія великаго писателя земли русской. У меня, только что оставившаго студенческую скамью, они имѣлись и для мѣстной нашей интеллигенціи составляли предметъ нѣкотораго притяженія. Самъ я въ то время стоялъ на распутьи. Хотѣлось чѣмъ-нибудь послужить родному краю, пойти въ народъ и именно въ *свой* народъ, среди котораго протекло дѣтство. Но съ филологическимъ дипломомъ не за что было уцѣпиться, подступовъ къ этому народу ни съ какой стороны не открывалось. Была даже кратковременная полоса, когда я подумывалъ, нельзя ли будетъ надѣть іерейскую рясу и этимъ способомъ стать поближе къ народу. Сдѣлалъ шаги въ этомъ направленіи, пошелъ къ донскому архіепископу Макарію. Покойный старичокъ, въ скромномъ монашескомъ подрясникѣ, благодушный и словоохотливый, выслушалъ мою спутанную просьбу, немножко подивился, окинулъ критическимъ окомъ мое безусое лицо и студенческую тужурку, въ которой я явился, и, очевидно, ничего не нашелъ во мнѣ соотвѣтствующаго просимому сану.

— Нѣтъ, братъ, не годишься,—сказалъ ласково владыка:—и что это тебѣ вздумалось?

Бывшій при этомъ законоучитель Новочеркасской гимназіи о. Кирилловъ—теперь, если не ошибаюсь, полтавскій архіепископъ Назарій—прибавилъ:

— Что за охота вамъ, въ самомъ дѣлѣ,—поповская стезя зѣло терниста...

— Да, братъ, вѣрно!—подхватилъ владыка:—я самъ былъ попомъ, собиралъ халтуру и все такое... горе! Иди лучше своей дорогой. Не хочешь въ учителя, подавайся въ артиллерію: парень крѣпкій, плечи у тебя здоровыя, орудія ворочать можешь,—казаку самое подходящее дѣло...

Каюсь: ушелъ я отъ архіерея тѣми же легкомысленно-веселыми ногами, какими и пришелъ, не огорчившись отказомъ. Неудачная эта попытка моя надолго послужила предметомъ юмористическихъ упражненій надо мной моихъ друзей и пріятелей. Не мало потѣшался и о. Филиппъ—въ немъ была сильна юмористическая жилка...

Но вскорѣ и ему самому пришлось предстать передъ тѣмъ же благодушнымъ архіереемъ и бесѣда съ нимъ закончилась не

столь безобидно, какъ со мной. Владыка держалъ въ рукахъ рукописное сочиненіе автора, оставшагося для насъ неизвѣстнымъ, и сталъ задавать вопросы, касавшіеся и просвѣтительной суеты о. Филиппа, и смуты приходскихъ умовъ по поводу неодинаковаго отношенія къ таксѣ за требоисправленіе, и почитыванія сочиненій Толстого.

— И яички вкушалъ въ Петровъ постъ?—подъ конецъ въ упоръ задалъ вопросъ архіерей.

О. Филиппъ, не разъ участвовавшій въ рыболовныхъ походахъ на рѣчку Медвѣдицу и раздѣлявшій съ молодой компаніей грѣховныя трапезы, не сталъ запираться:

— Грѣшенъ, вкушалъ.

— То-то вотъ... начитался Толстого-то!..

Вернулся изъ этой поѣздки къ архіерею о. Филиппъ лишь затѣмъ, чтобы забрать семью и распрощаться съ станицей. Архіерей за вольнодумство и въ видахъ охлажденія его просвѣтительнаго пыла перевелъ его въ бѣдный хохлацкій приходъ слободы Степановки. Проводили его прихожане и старообрядцы со слезами. И донынѣ глазуновцы, вспоминая о немъ, говорятъ, что такого славнаго, „простого" батюшки никогда у нихъ не было и не будетъ...

Въ Степановкѣ епархіальное начальство круто пресѣкло всякія попытки общественныхъ начинаній о. Филиппа. Тутъ же вскорѣ умерла его жена Анна Ивановна. Остался одинъ о. Филиппъ и тяжкое время настало для него. Рясу снимать не хотѣлось—былъ слишкомъ сердцемъ привязанъ къ церкви, вѣрилъ въ возможность—и дорожилъ ею—служить съ пользой народу въ санѣ духовно-пастырскомъ. Но стезя, подлинно, была зѣло тернистая... Послѣ долгихъ размышленій и колебаній рѣшилъ поискать укрѣпленія силъ въ наукѣ, поѣхалъ въ московскую духовную академію. Но наука открыла ему лишь дебри догматики, апологетики, гомилетики, патристики и духовнаго алканія не утолила. Пришлось, учась въ академіи, искать знаній путями окольными.—„Тоскуетъ душа въ этой каменной пустынѣ",—писалъ онъ мнѣ въ то время:—„хотѣлось бы назадъ, къ своимъ хохликамъ и казакамъ,—легче дышать тамъ. Понимаю теперь ап. Павла, который, гдѣ бы ни былъ, все своихъ родныхъ жидковъ въ сердцѣ держалъ"...

Послѣ академіи онъ остался однако въ Москвѣ—законоучителемъ Елизаветинской гимназіи. Педагогъ вышелъ изъ него хорошій,—мнѣ приходилось отъ учениц͏ъ его слышать восторженные о немъ отзывы. Но, судя по его письмамъ, педагогическая дѣятельность все-таки не давала ему надлежащаго удовлетворенія,—хотѣлось найти „настоящее" дѣло. Уже потомъ, въ московскихъ газетахъ 1905 года, я встрѣтилъ имя о. Филиппа:

Встрѣтились мы весною 1906 года. Розовыми упованіями были преисполнены оба, говорили о возрожденіи Россіи. О. Филиппъ съ восторгомъ распространялся о тогдашнемъ движеніи въ средѣ духовенства и о близкомъ очищеніи церкви отъ мусора и нечистотъ... Вспомнили молодые наши годы со всей ихъ тѣснотой и—даже не вѣрилось, что до такого чудеснаго времени дожили... Было намъ по 35 лѣтъ. Однако черная борода о. Филиппа уже замѣтно была переплетена серебряными нитями...

Не знаю, сколько серебра прибавилось въ ней послѣ, когда прахомъ разсыпались неумѣренныя наши упованія.. за послѣднія десять лѣтъ не пришлось намъ встрѣчаться, лишь изрѣдка переписывались...

И вотъ встрѣтилъ я его въ спискѣ убитыхъ въ бою... Съ трогательной простотой описалъ послѣдніе часы его жизни церковникъ полка Захаръ Селивановъ: „начался бой, батюшка пошли въ рядахъ солдатъ, съ крестомъ въ рукахъ, присутствуя съ крикомъ *ура* въ атакѣ, въ переднихъ рядахъ“...

Передъ глазами моими всталъ этотъ славный человѣкъ, всегда горѣвшій огнемъ самопожертвованія, болѣвшій болью родной страны, скромный, простой, чуждавшійся эффекта. Законоучитель женской гимназіи, онъ въ наши трудные дни оказался въ рядахъ бойцовъ, умирающихъ за честь родины. Мягкій, исключительно сердечный, чуждый вражды и крови, пастырь духовный, онъ, воодушевляя на бой, умеръ смертью героя рядомъ съ безвѣстными героями, добровольно принявъ на себя часть великаго скорбнаго бремени, несомаго родной землей...

Ѳ. Крюковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Серафимовичъ. т. VIII. Сухое море. Разсказы. Кн-во писателей въ Москвѣ. 1915. Стр. 226. Ц. 1 р. 25 к.

Восьмой томъ собранія сочиненій,—цифра солидная, позволяющая задаться вопросомъ о какихъ-либо общихъ и прочныхъ формулахъ писательской личности. Но—странное дѣло—читая „Сухое море“, испытываешь такое чувство, будто читаешь молодого автора, который неизвѣстно еще во что выльется. И это не только плохо, что достоинства и недостатки г. Серафимовича одинаково характерны для неопытнаго автора; однако съ невольнымъ изумленіемъ читаешь на обложкѣ книги: „томъ восьмой“...

Онъ искрененъ, онъ гуманно настроенъ, онъ наблюдаетъ съ преимущественной охотой людское горе и невзгоды, есть въ немъ

что-то привлекательное. Но что-то студенческое есть и въ его искренности, и въ гуманности, и въ его наблюденіяхъ. Жизнь жесточе литературы,—истина апріорная и безспорная,—но г. Серафимовичъ неизмѣнно старается сдѣлать свою литературу жесточе жизни, — точь въ точь какъ большинство новичковъ, которымъ всегда кажется, что читатель—существо безчувственное и его надобно пронять. Вотъ передъ нами шестидесяти-лѣтній Семишкура, тридцать лѣтъ проработавшій на угольныхъ шахтахъ и напослѣдокъ стосковавшійся по землѣ. Онъ бросаетъ шахту и отправляется на родину, но тамъ за тридцать лѣтъ все стало неузнаваемо, жизнь — хуже и злѣе, чѣмъ на шахтахъ, и Семишкура возвращается на шахту. Кажется, мотивъ достаточно драматиченъ, разочарованіе, постигшее Семишкуру, достаточно велико и тягостно. Г. Серафимовичу однако этого мало и онъ пытается усилить эффектъ совершенно ненужнымъ концомъ: контора рудника отказываетъ вернувшемуся Семишкурѣ, въ работѣ и онъ идетъ, куда глаза глядятъ. И въ лучшемъ случаѣ вниманіе читателя отвлечено отъ главнаго мотива побочнымъ эпизодомъ конторскаго безсердечія, а въ худшемъ (и болѣе къ тому-же естественномъ)— читатель и вовсе не вѣритъ въ такой конецъ.

Такими „усиленіями“ изобилуютъ почти всѣ разсказы въ книжкѣ и подъ конецъ къ нимъ относишься уже, какъ къ „беллетристикѣ“, равнодушно, даже не споря съ авторомъ, но и не вѣря ему.

Не послѣднюю роль въ этомъ убіеніи читательской вѣры играетъ и новая писательская манера г. Серафимовича, его нынѣшній стиль, —тоже съ примѣсью чего-то студенческаго. А именно: онъ слишкомъ явно заботится объ оригинальности своего стиля и самымъ удивительнымъ образомъ „модернизируетъ“ его. И всего удивительнѣе, что прежній его стиль былъ гораздо проще, естественнѣе и пріятнѣе. Ему самому однако онъ показался банальнымъ, что-ли, и онъ началъ какъ-то по хитрому разставлять фразы, а въ фразахъ — переставлять подлежащія и сказуемыя, опредѣленія и опредѣляемыя и т. д.—и въ результатѣ добился того, что теперь его фраза не бѣжитъ читателю навстрѣчу, а берется съ бою, рождая какое-то напряженное, царапающее впечатлѣніе.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

„Лошадь стояла, дремотно покачиваясь, заводя бѣлые глаза, подрагивая отвислой мягкой черной губой. И вдругъ покачнулась, переступивъ: косматая вспотѣвшая голова ткнулась въ холку, корявые пальцы впутались въ свалявшуюся гриву, и на взгорьѣ заметался глотаемый вой стараго цѣпного кобеля“,—чья голова ткнулась? чьи пальцы впутались? что за глотаемый вой и причемъ онъ тутъ? — никакъ не поймешь. Съ какимъ усиліемъ воспринимаешь такое описаніе: „Одиноко странно искривленное, протянувъ голые черные сучья, среди асфальта, каменныхъ стѣнъ

безплодно стоитъ чудомъ уцѣлѣвшее дерево, какъ призракъ, какъ темное полузабытое воспоминаніе, неподвижное, безлистное (воспоминаніе? или дерево? а неподвижное—то или другое?), точно въ отчаяньи закрывъ глаза",—какіе глаза? Кому нужны эти выверты? Что значитъ „тонко заговорила, *перебиваясь хрипотой*"? Неужели красива фраза: „То, что большого въ жизни, только это принадлежитъ ему"?.. И т. д.

Не представляешь себѣ случаевъ, когда бы такой стиль былъ умѣстенъ и что-нибудь давалъ читателю, но въ соціальныхъ очеркахъ г. Серафимовича съ ихъ подчеркнутымъ обычно вниманіемъ къ простой жизни, простому горю преимущественно простыхъ людей,—онъ положительно изумляетъ своей неумѣстностью. И невольно думаешь, что самъ авторъ не до конца захваченъ своими сюжетами, если ему до того, чтобы что-то искуственное вытворять надъ своимъ стилемъ и подражать дурнымъ образцамъ...

Мы не теряемъ надежды, что въ дальнѣйшемъ авторъ обрѣтетъ временно утерянную имъ простоту: этого вполнѣ заслуживаютъ и его симпатичныя темы, и его симпатичное, теплое дарованіе.

Маркъ Криницкій. Маскарадъ чувства. Романъ. Изд. „Наши дни". М. 1915. Стр. 427. Ц. 1 р. 50 к.

Скелетъ романа не сложенъ. Человѣкъ съ нѣсколько вялой, но честной душой расходится съ женой, которую онъ высоко цѣнитъ и уважаетъ за стойкій характеръ и смѣлыя убѣжденія, расходится, полюбивъ другую, дѣвушку изъ буржуазной семьи, со всѣми ея типичными особенностями. Дѣвушка въ свою очередь любитъ его, но признаетъ единственную форму любви—законный церковный бракъ. Однако послѣдній возможенъ лишь въ результатѣ развода героя съ женой, для чего является необходимой инсценировка прелюбодѣянія. Это крайне тягостно для героя, и въ колебаніяхъ, которыя сопровождаютъ каждый его шагъ для полученія развода,—въ сущности проходитъ весь романъ. И каждый такой шагъ незамѣтно отдаляетъ его отъ „буржуазной" невѣсты и столь же незамѣтно приближаетъ къ покинутой женѣ. Между тѣмъ послѣдняя въ свою очередь, подъ вліяніемъ всего происходящаго, уже не внѣшне, а внутренно отдаляется и отчуждается отъ мужа. И къ концу романа у героя не остается ни капли прежняго чувства къ невѣстѣ, а у его жены—къ нему, и всѣ три персонажа оказываются одинокими и несчастными, каждый по своему.

Не смотря на чрезмѣрное обиліе грязныхъ сценъ и эпизодовъ, романъ (въ сущности—нѣсколько растянутая повѣсть) г. Криницкаго въ общемъ интересенъ. Интересна не самая фигура героя, являющагося тысяча первымъ варіантомъ „лишняго человѣка", которому суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано:

въ этомъ „помощникѣ правителя дѣлъ Иванѣ Андреевичѣ Дурневѣ“ нѣтъ ничего новаго, ничего отъ его эпохи, или его быта, или его индивидуальности,—все тѣ же давно примелькавшіяся черты расхлябанной, не весело грѣшащей и скучно кающейся натуры, какихъ множество въ русской литературѣ; тѣ же знакомые нелѣпые поступки, тѣ же пьяныя слезы, тѣ же мольбы о прощеніи передъ оскорбленной проституткой, то же специфически умиленное чувство къ послѣдней. Гораздо любопытнѣе та среда, которая окружаетъ главнаго героя, та любовь и та семья, которыя созданы этой средою. Здѣсь у автора много мѣткихъ наблюденій, много подлинныхъ чертъ, столь же естественныхъ, сколько безпощадно обличающихъ и злыхъ. И, какъ это всего чаще бываетъ у художниковъ, наиболѣе характерны здѣсь эпизоды и положенія, авторомъ не подчеркнутые, какъ-бы случайно оказавшіеся на его картинѣ. Таковъ, напримѣръ, эпизодъ съ попыткой нѣкоей Юрасовой примириться съ мужемъ. Живутъ они грязно, развратно, угарно, по-долгу не видятся другомъ съ другомъ и внутренно далеко разошлись, до полнаго непониманія. Но у Юрасовой зарождается тоска по утраченной чистотѣ, по нормальной здоровой семьѣ. И она не находитъ лучшаго начала для примиренія и новой жизни, какъ нарядиться къ обѣду и заказать кухаркѣ раковый супъ, пирогъ съ вязигой и пельмени—любимыя блюда мужа.. Здѣсь психологія опредѣленной среды рисуется ярче и точнѣе чѣмъ въ десяткахъ длинѣйшихъ и подробнѣйшихъ описаній разнообразныхъ нарушеній седьмой заповѣди.

Общая формула любви въ этой средѣ—„маскарадъ чувства“. Общій смыслъ отношеній между обоими полами—стремленіе одного поработить себѣ другого. Адвокатъ-женоненавистникъ утверждаетъ, что въ бракѣ женщина всегда старается безраздѣльно завладѣть мужемъ, „имѣть право распорядиться вашею душою, вашими идеями, вашимъ богомъ по своему усмотрѣнію, всѣмъ вашимъ человѣческимъ нравственнымъ бытіемъ... Не признавать за вами права считать бѣлое бѣлымъ и справедливое справедливымъ“; ея цѣль—это „теплое уютное гнѣздо, гдѣ хорошо живется, гдѣ спятъ, плодятся и враждебно рычатъ на весь остальной Божій міръ“.

И авторъ старается обосновать эти злобныя рѣзкости специалиста-женоненавистника: женщина въ романѣ своими поступками оправдываетъ справедливость ужасной формулы; авторъ приблизительно такую же философію заставляетъ излагать и женщину. Такъ, уже упоминавшаяся Юрасова разводится съ любимымъ мужемъ только потому, что не выноситъ ни его свободы, ни собственной своей, фатально вырождающейся въ развратъ; она ищетъ для себя рабскаго уклада жизни, ищетъ сознательно и, выходя вторично замужъ за помѣщика съ типично-мѣщанскимъ воззрѣніемъ на жизнь, такимъ образомъ объясняетъ подругѣ свой выборъ: „Я теперь постигла жизнь. Наши „законныя“ жены или требуетъ себѣ равной

свободы: получается развратъ. Или начинаютъ выслѣживать мужей—тогда ихъ бросаютъ. И по заслугамъ... Довольно лжи и дѣтскаго самообмана: мужчины есть мужчины. Плюнь тому въ глаза, кто будетъ тебѣ вбивать въ голову сказку о мужской вѣрности. А завоевать его, удержать его около себя, заставить себя уважать, сдѣлаться въ его жизни необходимой, такой, къ которой онъ всегда будетъ возвращаться, то-есть: его подлинной настоящей женой, это всегда можно. А, ma chérie, довольно иллюзій! Женою я могу и хочу быть. И буду. Для этого, конечно, надо понять, кто мы. Мы—женщины. Намъ нужна крѣпкая рука, власть". — Для такихъ чувствъ—маскарадъ, конечно, самое подходящее названіе.

Романъ написанъ неровно. Мѣстами—весьма растянуто, мѣстами — сжато и энергично. Обиліе полового натурализма явно вредитъ общему впечатлѣнію: романъ, ходъ событій, психологія героевъ—вязнутъ въ этихъ грязныхъ деталяхъ... Странное впечатлѣніе производятъ нѣкоторые стилистическіе „выпады" автора на фонѣ простого его письма. Почему-то онъ пишетъ „ребенокъ *обмираетъ* по мнѣ", не брезгаетъ такими затасканными выраженіями, какъ „бездонный страхъ", а то даже „безумно захотѣлось пить"...

А въ общемъ авторъ не открываетъ Америкъ; за то видно, что изображаемый міръ онъ изучилъ, быть можетъ, нѣсколько односторонне, но не поверхностно.

Кличъ. Сборникъ на помощь жертвамъ войны. М. 1915. Стр. 240+III. Ц. 3 р.

Сборникъ „Кличъ" разошелся безъ остатка, кажется, въ первый день по выходѣ и это вполнѣ естественно: помимо цѣли сборника, какъ явленіе литературы и книжной техники, онъ вполнѣ заслужилъ свой успѣхъ. Въ немъ приняли участіе виднѣйшія силы нашей литературы, поэзіи, живописи, музыки. Нельзя сомнѣваться, что и второе изданіе, нынѣ печатаемое, будетъ разобрано столь-же быстро, какъ и первое.

Тѣмъ свободнѣе можно говорить о содержаніи сборника. Оно, конечно, не могло не быть пестрымъ уже по самому типу изданія, не смотря на редакцію такихъ почтенныхъ литературныхъ дѣятелей, какъ гг. Бунинъ, Вересаевъ и Телешовъ. Однако изъ всей этой пестроты переживаемое время невольно заставляетъ выдѣлить одинъ опредѣленный мотивъ—военный и только на немъ подробнѣе остановиться, какъ ни заманчиво для рецензента коснуться также такихъ вещей, какъ „мирный" чудесный разсказъ Бунина, какъ прекрасные мемуары Н. В. Давыдова, какъ интереснѣйшая библіографическая справка А. Ѳ. Кони, и т. д.

„Военныхъ" разсказовъ, стиховъ и очерковъ въ сборникѣ довольно много: Айзмана, Зайцева, Пришвина, Тренева, гр. Ильи

Толстого, Черемного, Ек. Экъ, Яблочкова, Тардова, Брюсова и др. Изъ нихъ военныхъ въ прямомъ значеніи слова—немного: Пришвина, Толстого и Яблочкова; остальные (не касаясь стиховъ) имѣютъ къ войнѣ то или иное косвенное отношеніе, по большей части отражая чувства, мысли и настроенія „тыла“ арміи, т. е. не воюющей, но переживающей войну Россіи.

И вотъ—интересно сопоставить очерки и разсказы той и другой категоріи. Какъ отражается война и все къ ней относящееся въ тѣхъ и другихъ?

Сравненіе даетъ то, чего можно было ждать и a priori. Чѣмъ ближе непосредственно къ войнѣ, тѣмъ суровѣе мотивъ и естественнѣе его отраженіе. Чѣмъ ближе къ тылу—тѣмъ это послѣднее субъективнѣе, капризнѣе и тѣмъ „пріятнѣе“ самый мотивъ, при всемъ порой кажущемся его трагизмѣ. Такъ, г. Яблочковъ, въ очень сильномъ (лучшемъ изъ всѣхъ въ сборникѣ на военный мотивъ) разсказѣ „Инвалидъ“ приводитъ бесѣду въ вагонѣ капитана, много разъ побывавшаго въ бояхъ, съ попутчиками. Капитанъ—несомнѣнно храбрый и при томъ какъ будто бы мало привязанный къ жизни человѣкъ. И послушайте, какой суровой правдой, безъ единой утѣшающей нотки и декоративной черты дышитъ его безпощадный къ себѣ самому и ни на волосъ не умаляющій его разсказъ! Онъ шелъ въ атаку по открытому полю подъ страшнымъ огнемъ непріятеля и, спасаясь отъ пуль, *пальцами* рылъ себѣ въ землѣ прикрытіе. И ничто не оставило въ немъ, много разъ раненомъ, такого душу опустошающаго впечатлѣнія, какъ это торопливое и судорожное рытье земли, спасшее ему жизнь. „Весь пустой! И здоровъ весь, и цѣло все, а точно выпотрошили изъ меня все нутро. Вотъ жукъ иной разъ такъ на дорогѣ лежитъ. По виду жукъ, какъ жукъ, а шевельнешь—одна кожура. Такъ вотъ и я“. Въ томъ же суровомъ и безпощадномъ духѣ очеркъ Толстого „Призраки“.

Совсѣмъ иное въ косвенно-военныхъ разсказахъ. Прочитайте разсказы такихъ разнородныхъ писателей, какъ Айзманъ, Зайцевъ, Треневъ, Екатерина Экъ,—каждый по иному, талантливо или безпомощно, но общее выразили они въ своихъ вещахъ и это общее такъ не похоже на то общее—безпощадную суровость,—что нашли мы въ военныхъ очеркахъ тоже разнородныхъ Яблочкова и Толстого...

Разсказъ Айзмана называется „Удачный случай“, и герой его—старый еврей, торгующій въ разносъ яблоками и лимонами. Въ примѣненіи къ такому герою читатель невольно подбираетъ и соотвѣтственный „удачный случай“,—удалось сбыть кому-нибудь гнилыя яблоки или взять за лимоны двойную цѣну, и т. п. Все это однако прозаическіе „удачные случаи“ для мирнаго времени. И хотя иногда говорятъ, что inter arma silent musae, бываетъ и какъ разъ наоборотъ: „музы“ только и ждутъ войны, чтобы любую

прозу передѣлать на поэзію. „Удачный случай" торговца фруктами состоитъ въ томъ, что Богъ надоумилъ его купить „пару индюшекъ" на обѣдъ дѣтишкамъ изъ семей воиновъ, затративъ на это скопленныя за два года и предназначенныя на покупку смертнаго савана деньги. „Саванъ—разсуждаетъ фруктовщикъ—это-таки очень пріятно. Но если угощеніе дѣточкамъ запасныхъ, то это поважнѣе"... Онъ старъ и немощенъ, корзины съ фруктами тяжелы, но „подумалъ о томъ, какъ веселы были дѣти, и ужъ я опять могу ходить",—вотъ каковъ этотъ „удачный случай", какъ характеризуетъ его самъ герой.

У Бор. Зайцева нѣтъ такого героя въ очеркѣ „Жизнь и смерть", гдѣ бѣгло изображены фигуры нѣсколькихъ раненыхъ, и при томъ изображены мѣтко и тонко. Но автору этого недостаточно: „Быть можетъ, слѣдуетъ взять руку Крысана, покрытую рыжеватыми волосками,—ту руку, что черезъ мѣсяцъ, два, снова будетъ держать ружье и отстаивать родину—взять ее и поцѣловать. Это вовсе не будетъ стыдно" (автору, разумѣется. Крысанъ непремѣнно сконфузится).

У Тренева въ разсказѣ „Письма" (съ чудесными солдатскими письмами) опять новый мотивъ и... опять та же знакомая аранжировка. Молоденькая дѣвушка Валя читаетъ прислугѣ письма съ войны отъ ея брата и мало-по-малу заочно влюбляется въ него, въ его страданія, величіе души и красоту его смиренія и простоты. „Никогда еще не знала Валя такой большой, не вмѣщаемой душою радости.—Господи! Какъ прекрасенъ міръ... Буду, буду твоей сестрой!—обѣщала Валя, глотая слезы счастья.—Рыцарь мой благородный...—И, смѣясь, цѣловала письмо",—въ которомъ солдатъ посылалъ ей привѣтъ и называлъ сестрой...

Вотъ и здѣсь умиленная радость, счастье, цѣлованіе письма (за которымъ слѣдуетъ извѣщеніе о томъ, что убитъ солдатъ, его написавшій), нѣчто высоко поэтическое и радостное...

У г-жи Экъ въ разсказѣ нѣтъ умиленія, но есть за то прозрѣніе. Была нѣкогда дѣвушка, которая не послушала матери и вышла замужъ за нѣкоего Генриха, германскаго подданаго. Началась война, и Генрихъ увозитъ жену за-границу, а самъ онъ будетъ воевать противъ Россіи. И жена въ письмѣ прощается съ матерью, обѣщаетъ держать себя за-границей, у родителей мужа, „настоящей русской женщиной" и признается матери, что ошиблась, не послушавъ ея совѣтовъ: „Теперь я начинаю понимать, что та любовь, которая сблизила насъ (т. е. героиню и Генриха), была, съ моей стороны, не настоящая любовь, а только увлеченіе, страсть, можетъ быть"...

Возможны различные вопросы у читателя этихъ косвенно-военныхъ разсказовъ. Но изъ нихъ самый неинтересный—похоже ли все это на правду. Пусть правда. Пусть былъ такой „Удачный случай", охотно вѣримъ, что Зайцеву хотѣлось поцѣловать у

Крысана руку, повѣримъ и въ Валю, цѣловавшую письмо, и въ жену Генриха, наконецъ-то понявшую гибельность ослушанія родителей,—пусть все это правда—какъ мало ея значеніе! Какъ оно мало, ничтожно и просто несоизмѣримо въ сравненіи съ тѣмъ, что сейчасъ творится на земномъ шарѣ, и какъ странно и, пожалуй, горестно, что изъ всего того, что творится, художники почерпнули эти поцѣлуи, умиленіе и прозрѣніе...

Представляешь себѣ невольно будущаго историка происходящихъ событій, который пожелаетъ по художественной литературѣ прошлаго познать отраженіе великой катастрофы въ душахъ людей.

Какъ изумленъ будетъ онъ! Или въ какое онъ впадетъ заблужденіе, обобщивъ настроеніе всѣхъ героевъ. Они умилялись, умилялись и умилялись,—скажетъ онъ. Для нихъ міровая война оказалась *поводомъ* для возвышеннаго настроенія, для того, чтобы фруктовщикъ жертвовалъ индюшекъ, Зайцевъ цѣловалъ у Крысана руку, Валя цѣловала письмо, а жена Генриха, наконецъ, поняла, что у нея была не любовь, а страсть, что худо не слушать материнскихъ совѣтовъ.

И только-то! И это есть то главное, что они замѣтили?! И въ этакомъ вотъ масштабѣ и колоритѣ восприняли они сами и раскрываютъ обществу „сумерки Европы“, культурный катаклизмъ, паденіе цѣлаго міра...

Хорошо, если тонъ „косвенно-военной“ беллетристики „Клича“—случайное явленіе. Въ противномъ случаѣ, если признать его характернымъ,—передъ нами окажется печальнѣйшій случай массового дальтонизма, какого-то необъяснимаго легкомыслія, непониманія ни сущности, ни формъ, ни значенія, ни послѣдствій той ужасной грозы, которая обрушилась на головы нашего поколѣнія и разрушительное дѣйствіе которой превышаетъ, быть можетъ, самыя мрачныя предсказанія

В. В. Брусянинъ. Дѣти и писатели. Литературно-общественныя параллели. Дѣти въ произведеніяхъ А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова. М. 1915. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Стр. 272. Ц. 80 к.

Попытки использовать созданные художниками образы для выясненія практическихъ жизненныхъ вопросовъ и задачъ имѣютъ свое законное оправданіе. Онѣ какъ бы возвращаютъ міру то, что взялъ изъ него художникъ, и съ помощью образа, претвореннаго изъ жизни, стремятся непосредственно воздѣйствовать и на самое косную жизнь. Поэтому и попытка автора привлечь для разрѣшенія „дѣтскаго вопроса“ дѣтскіе типы, разбросанные въ произведеніяхъ нашихъ писателей, сама по себѣ, конечно, заслуживаетъ вниманія.

Авторъ исходитъ изъ высказанной Н. К. Михайловскимъ мысли о тѣхъ людяхъ, для которыхъ любовь къ дѣтямъ разростается и

расширяется за предѣлы непосредственнаго родительскаго инстинкта. „Ихъ дѣти,—цитируетъ авторъ,—для нихъ не просто плоть отъ плоти и кровь отъ крови ихъ. Изъ голой физіологіи разростается глубокая и сложная психологія, захватывающая своими развѣтвленіями даже отдаленное потомство, а въ настоящемъ обнимающая все молодое, всѣ ростки жизни, „въ нихъ же царствіе небесное".

Такую любовь къ дѣтямъ авторъ находитъ у всѣхъ разсматриваемыхъ имъ писателей (хотя Михайловскій говоритъ именно о родительской, а не о писательской любви къ дѣтямъ). И у Чехова, и у Андреева, и у Ремизова, и у Куприна дѣтскіе типы изображаются не какъ жанровыя картинки, не какъ случайные образы или декораціи къ какой-нибудь общей темѣ, а какъ самостоятельныя личности, сами скрывающія въ себѣ глубокое и общее настроеніе: напоминаніе о какой-то другой лучшей жизни, къ которой мы еще не пріобщились, какую-то надежду, которая не осуществилась въ окружающемъ мірѣ, какую-то вѣру, которую взрослые утратили и забыли. Поэтому и страданія дѣтей въ изображеніи этихъ писателей производятъ особенно глубокое впечатлѣніе: на фонѣ этихъ страданій особенно ярко отражаются косность и несовершенства нашей жизни, которая вѣчно обманываетъ надежды и вѣру дѣтей и топчетъ и губитъ молодые, нѣжны побѣги.

Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ много какъ-то топчется вокругъ своихъ писателей, забѣгая впередъ, перебивая ихъ своими разсужденіями, подсказывая имъ свои толкованія, безъ конца разжижая и пережевывая яркую и выпуклую мысль художника, навязчиво подсовывая подъ живые и яркіе образы искусственные блѣдные символы или избитыя формулы дня, награждая своихъ писателей всяческими похвальными эпитетами вродѣ „прелестные разсказы Чехова" и вступая въ тягучія пререканія съ „недальновидными" родителями и воспитателями приведенныхъ имъ маленькихъ героевъ.

Тусклыхъ полуистинъ, которыя хуже неправды, полны разсужденія автора: и тамъ, гдѣ онъ вслѣдъ за кѣмъ-то характеризуетъ Андреева, какъ художника ницшеанской любви къ дальнему, потому что и Андреевъ любитъ дѣтей и животныхъ, и „великаго Заратустру мы видимъ со всѣхъ, сторонъ окруженнымъ животнымъ", и тамъ, гдѣ развивая ту же мысль, объясняетъ намъ, что „животныя являются какъ бы дальними изъ прошлой жизни"; и тамъ, гдѣ онъ по поводу словъ стараго Григорія въ „Карамазовыхъ" о Смердяковѣ заводитъ длинныя разсужденія о несправедливости особливаго закона для „незаконнорожденныхъ" и сословнаго воспитанія. То онъ начинаетъ увѣрять насъ, что Сашка изъ андреевскаго „ангелочка" вовсе не неисправимый мальчишка, котораго „надо уволить изъ гимназіи и въ крайнемъ случаѣ отдать въ ремеслен-

ную школу“, а, наоборотъ, надѣленъ такими чертами, которыя мы находимъ въ біографіяхъ великихъ людей, то онъ доказываетъ разныя новыя и оригинальныя истины вродѣ того, что благородный юноша Воскресенскій изъ разсказа „Корь“, „больше нравится“ Куприну, чѣмъ „бѣлоподкладочникъ“ изъ разсказа „Студентъ-драгунъ“. И, когда онъ попрекаетъ отца героя „Въ туманѣ“ за то, что тотъ не догадался „поговорить о тайнахъ своего сына съ какимъ-нибудь докторомъ“, или коритъ директора изъ андреевскаго разсказа „Молодежь“, которому „какъ формой воздѣйствія слѣдовало бы ограничиться только тѣмъ, что поставить за поведеніе всему классу двойки или тройки, а онъ провоцировалъ измѣну товариществу, пригрозивъ чрезмѣрной карой двумъ бѣднякамъ, учившимся на казенный счетъ“; когда онъ въ чеховскомъ „случаѣ съ классикомъ“ видитъ прежде всего протестъ противъ увлеченія „классицизмомъ по рецепту бывшаго министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого“, а въ описаніи материнской ласки, данномъ въ разсказѣ Куприна „На переломѣ“, усматриваетъ „какъ бы предостерегающій намекъ на несомнѣнную ненормальность этого явленія душевныхъ порывовъ“ и ихъ опасность „въ періодъ пробужденія весны“,—то всѣ эти вялыя и наивныя разсужденіи едва ли могутъ способствовать выясненію проблемъ и идей, таящихся въ художественныхъ образахъ, по той причинѣ, что лишь съ великимъ самопожертвованіемъ могутъ быть дочитаны до конца.

Густавъ Готеро. Франкъ-масонство. Пер. Е. А. Флейшеръ. Съ предисловіемъ и подъ редакціей С. С. Глаголева, проф. Московской Духовной Академіи. Сергіевъ Посадъ. 1914. Ц. 40 коп. Стр. 59.

Въ одномъ изъ послѣднихъ романовъ Абеля Эрмана (La biche relancée) выводится необычайно жизненная во Франціи фигура: публицистъ и немножко ученый, объясняющій *все* зло въ мірѣ—исключительно вмѣшательствомъ масонства, — въ частности приписывающій *всю* великую французскую революцію отъ начала до конца единственно лишь гнуснымъ проискамъ этого таинственнаго братства, въ безпредѣльное всемогущество коего онъ вѣритъ, какъ въ существованіе луны или солнца. Много разъ вспоминали мы этого маніака, читая курьезный и азартный памфлетъ Готеро, который счелъ долгомъ мужественно предупредить человѣчество о грозящей чудовищной опасности со стороны всесильной ассоціаціи. „Откуда такая страшная сила?“—съ отчаяніемъ спрашиваетъ нашъ авторъ. Объясненій представлено имъ нѣсколько, но главныя можно сообщить немедленно, дабы не томить читателя: 1) это сообщество дѣйствуетъ тайно и 2) „оно пользуется гордыней и злобой тѣхъ, которые, переставъ вѣрить въ Бога, слушаются только собственнаго разума и воображаютъ, что человѣкъ, подобно животному, можетъ отнынѣ удовлетворять только свою чувственность, отвергая всякое

сверхъестественное стремленіе". Переходя къ исторіи масонства, авторъ указываетъ на „затруднительность документаціи", что, впрочемъ, отнюдь не въ состояніи остановить его въ неблагодарной, но необходимой работѣ по раскрытію снѣдающаго человѣчество внутренняго недуга. Но сатана, лично (и съ давнихъ поръ) заинтересованный въ успѣхахъ франкмасонства, не дремлетъ. Врагъ—силенъ, и Готеро почти на каждой страницѣ вводится имъ въ заблужденія и соблазнъ. То онъ вдругъ причислитъ Томаса Мора къ „алхимикамъ и каббалистамъ" (стр. 11), то сообщитъ, что Стюарты „были побѣждены" въ 1715 году (вмѣсто указываемаго шаблонною исторіею 1688 года), то сочтетъ Фридриха II Фридрихомъ III (стр. 25), то укажетъ, что масоны дѣйствовали „подъ именемъ карбонаровъ" (стр. 32) и т. д. Неискушенность автора въ исторіи такова, что граничитъ съ полною его невинностью въ этомъ предметѣ. А между тѣмъ недоразумѣнія съ фактами, датами и тому подобной прозой, встрѣчающіяся на каждой страницѣ, расхолаживаютъ читателя и предрасполагаютъ съ недовѣріемъ относиться къ смѣлымъ общимъ теоріямъ автора. Новизны этихъ общихъ взглядовъ никто отрицать не станетъ. Многимъ ли, напр., извѣстно, что всѣ европейскія революціи 1848 года — дѣло рукъ однихъ только масоновъ? „Раздраженіе противъ Людовика-Филиппа еще болѣе усилилось въ тайныхъ обществахъ, управляющіе комитеты которыхъ рѣшили новую революцію. Эта революція, планъ которой былъ составленъ на Страсбургскомъ конгрессѣ 1847 г., должна была сверхъ того потрясти всю центральную Европу: извѣстно, что менѣе, чѣмъ въ пятнадцать дней, страшныя народныя движенія происходили отъ Пиренеевъ до Вислы, въ Берлинѣ и Миланѣ, Парижѣ, Венеціи, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи" (стр. 34). На совѣсти у масоновъ, впрочемъ, лежитъ не только февральская революція 1848 года, но и іюльская 1830 (стр. 33). О великой революціи — и говорить нечего: нашъ авторъ возмущается тѣмъ, что „находятся еще историки масоны или не масоны, отрицающіе рѣшающее значеніе франкмасонства во взрывѣ 1789 года!" (стр. 25). Впрочемъ, тутъ его мнѣнія предвосхищены отчасти героемъ Абеля Эрмана, о которомъ мы упомянули выше. Но за то совсѣмъ ужь свѣжи его сужденія о новѣйшихъ событіяхъ и позднѣйшихъ дѣятеляхъ: Гамбетта—„весьма сомнительный патріотъ", президентъ республики Тьеръ „думалъ спасти находящуюся въ опасности революцію" (стр. 40). Профессору московской духовной академіи С. С. Глаголеву показалось настолько необходимымъ ознакомить Россію съ открытіями Готеро, что онъ поспѣшилъ не только выпустить переводъ его брошюрки, но и снабдилъ ее своею ученою визою: „авторъ — безспорно человѣкъ знающій", читаемъ мы въ предисловіи. Что же, если „безспорно", то и воздержимся отъ „спора": удовольствуемся вышесказаннымъ. Но вотъ нехорошо, что самъ г. Глаголевъ Бенедикта XIVназы-

ваетъ „Бенуа" (стр. 57); что въ редактированномъ имъ переводѣ Rose-et-Croix переведено нелѣпымъ „розовымъ крестомъ" (стр. 14), Saint-Germain en Laye — „Санъ Жерменъ въ Лайѣ" (стр. 18); Мону названъ: „Моно" (20) и т. п. Если что, въ самомъ дѣлѣ, „безспорно", — такъ это полная „адэкватность" между достоинствами русскаго перевода и внутренними качествами самого произведенія.

Царьградъ. Изданіе Д. Я. Маковскаго, подъ редакціей Ив. Лазаревскаго. М. 1915. Стр. 78. Ц. 4 р.

Болѣе ярко, чѣмъ когда-либо, сказалась въ настоящіе дни неосвѣдомленность нашего общества въ прошлой и современной исторіи Балканскаго полуострова. Именно русская наука моглабы многое дать въ смыслѣ популяризаціи этихъ темъ, такъ какъ въ *научной* разработкѣ ихъ наши ученые сдѣлали очень много: и исторія Византіи и ея искусства, и исторія подвластныхъ Турціи народовъ, балканскихъ славянъ, армянъ и др., и изученіе тюркскихъ языковъ и ближневосточной литературы — все это науки, въ созданіи которыхъ принимали видное, а порою рѣшающее участіе русскіе ученые. Не смотря на это, лежащій предъ нами сборникъ нельзя назвать удавшимся. Книга эта, изданная съ большими претензіями, въ большомъ форматѣ альбома, съ массой иллюстрацій и за дорогую цѣну, представляетъ собою нѣчто среднее между собраніемъ научныхъ популяризацій, возбуждающихъ интересъ къ Турціи и Византіи, и публицистическимъ сборникомъ, пропагандирующимъ идею присоединенія Константинополя къ Россіи. При этомъ не достигается ни то, ни другое. Статьи историческаго и художественнаго содержанія слишкомъ кратки, бѣглы и случайны, чтобы заинтересовать прошлымъ великой византійской культуры и ея политической, но не духовной наслѣдницы, Турціи. Статьи политическія слишкомъ шаблонны и несолидны, чтобы кого-нибудь убѣдить или даже вызвать на продуманныя и серьезныя возраженія. Впрочемъ, *чисто*-политическихъ статей въ сборникѣ нѣтъ и читатель не долженъ искать въ немъ ни изложенія вопроса о проливахъ, ни очерковъ политическаго и экономическаго состоянія Турціи; политика проводится авторами лишь въ подборѣ темъ и въ общей прозрачной тенденціи ихъ очерковъ, а также въ отдѣльныхъ отступленіяхъ и въ заключительныхъ фразахъ статей. Книга открывается недурнымъ, но почти исключительно внѣшне-политическимъ очеркомъ „Исторія Турціи" проф. А. Крымскаго. Затѣмъ идетъ статья проф. А. Л. Погодина „Послѣдніе годы Турціи", гдѣ уже явственно звучитъ нота о Константинополѣ, какъ о „нашемъ исконномъ наслѣдіи" (стр. 38); эта же мысль доминируетъ и въ неподписанномъ очеркѣ „Сказанія о Царьградѣ", впрочемъ, очень бѣдномъ и далеко не использовавшемъ богатую тему о легендахъ,

доказывающихъ міровое значеніе Константинополя; конечно, эта же мысль развивается въ очеркѣ Н. Кубанина „Царьградъ—законное наслѣдіе земли русской“, но доказывается дѣтскими для двадцатаго вѣка аргументами: генеалогической связью послѣдняго византійскаго императора съ Рюриковичами и перенесеніемъ золотого трона византійскихъ царей въ Москву; наконецъ, и послѣдній очеркъ (анонимный) на эту же тему подъ названіемъ „Русскіе на Босфорѣ“ доказываетъ наши права на Константинополь тѣмъ, что мы нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ отрядомъ нашихъ войскъ, посланнымъ на Босфоръ, укрѣпили положеніе турецкаго султана въ моментъ грозившей ему опасности отъ возстанія египетскаго хедива. Читатель, намъ думается, согласится съ тѣмъ, что сложный и безконечно важный вопросъ о значеніи Константинополя для насъ и о нашемъ правѣ на него нельзя освѣщать такъ плоско и несерьезно; въ русскомъ обществѣ существуютъ два различныхъ взгляда на этотъ вопросъ, но взглядъ, представляемый составителями книги, конечно, можно было бы обосновать гораздо болѣе солидными аргументами.

Три очерка посвящены византійской старинѣ. „Паденіе Царьграда“ Н. В. Васильева даетъ живое изображеніе дней осады Константинополя турками въ 1453 году (правда, только по даннымъ русской Воскресенской лѣтописи), а очерки П. Гнѣдича „Саркофаги Стамбульскаго музея“ и Ив. Лазаревскаго „Искусство Византіи“ хотятъ заинтересовать читателя искусствомъ. Но статья г. Гнѣдича посвящена крайне узкому вопросу и притомъ весьма поверхностна, а очеркъ Лазаревскаго, какъ разъ наоборотъ, слишкомъ коротокъ для очень трудной и обширной темы и поэтому, не смотря на знакомство автора съ предметомъ тоже поверхностенъ. Такимъ образомъ во всей книгѣ нельзя назвать ни одной статьи, кромѣ очерка проф. А. Е. Крымскаго, которая была бы дѣйствительно полезна читателю.

Наряду съ текстомъ составители сборника захотѣли заинтересовать читателя еще и иллюстраціями. Книга и съ этой стороны не можетъ быть названа удачной. Есть виды Константинополя (одноцвѣтные и въ краскахъ), есть воспроизведенія съ старыхъ гравюръ, медалей, мозаикъ, рукописей—но все случайно, безсистемно и не очень художественно. Гравюры частью взяты изъ старыхъ изданій (напр., мы замѣтили рядъ перепечатокъ плохихъ гравюръ изъ „Исторіи Византіи“ Герцберга), затѣмъ есть какія-то устарѣвшія англійскія литографіи видовъ Константинополя и не очень удачныя автотипіи съ мозаикъ Равенны и съ рукописныхъ миніатюръ. Повидимому, именно для красочныхъ воспроизведеній выбранъ неудобный альбомный форматъ изданія — но онѣ художественно такъ незначительны, что съ успѣхомъ могли бы быть уменьшены.

Едва-ли опечатками объясняется то, что г. Гнѣдичъ называетъ

на стр. 61 античнаго скульптора Скопаса (или Скопада) Скопесъ, а извѣстнаго французскаго историка искусствъ и археолога Рейнака (Reinach) Рейнехъ (стр. 63). Н. Васильеву, пишущему о паденіи Царьграда, надо было бы знать, что городъ Адріанополь названъ въ честь римскаго императора Адріана, и потому не можетъ называться Андріанополемъ.

Э. Баркеръ. Г. Дэвисъ, А. Гассель, Л. Уингэмъ Леггъ, Ф. Морганъ, К. Флетчеръ. Изъ-за чего мы воюемъ? Петроградъ. 1915. Стр. 116+22+55. Цѣна 1 р. 25 коп.

Среди многочисленныхъ уже книгъ, появившихся въ Англіи съ начала великой войны и имѣющихъ цѣлью объяснить широкой публикѣ причины конфликта, есть немало такихъ, которыя гораздо лучше и содержательнѣе, чѣмъ коллективная работа профессоровъ оксфордскаго университета, удостоившаяся нынѣ перевода на русскій языкъ. Почему бы ужъ лучше не ознакомить русскаго читателя, напр., съ превосходною книгою Холлэнда Роза The Origines of the war? Но—habent sua fata libelli, вниманіе русскихъ переводчиковъ и издателей испоконъ вѣковъ капризно. Книга состоитъ изъ шести главъ текста и двухъ приложеній: въ первомъ данъ переводъ германской Бѣлой книги, во второмъ нѣкоторыя другія, относящіяся къ кризису 1914 года дипломатическія ноты. Въ шести главахъ этой коллективной работы говорится о „нейтралитетѣ Бельгіи и Люксембурга", о „развитіи союзовъ послѣ 1871 года", о „русской политикѣ", о кризисѣ 1914 года и всѣхъ его деталяхъ, наконецъ, излагается господствующая германская теорія имперіализма. Все это не возвышается ни въ смыслѣ содержанія, ни въ смыслѣ изложенія надъ уровнемъ самой банальной посредственности и являетъ собою образчикъ прѣсной и избитой популяризаціи. Впрочемъ, это—не единственный недостатокъ книги. Поражаетъ мѣстами неосвѣдомленность авторовъ въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ они взялись говорить. Напр., въ главѣ о русской политикѣ читаемъ: „однимъ словомъ, начало русскаго конституціонализма не только совпадаетъ по времени съ англо-русскимъ соглашеніемъ 1907 года, но и въ значительной степени обязано внушенію Англіи" (стр. 52). Полемизировать противъ подобныхъ афоризмовъ было бы въ русскомъ журналѣ совершенно излишне. На стр. 15 читаемъ: „Въ этихъ видахъ онъ (Бисмаркъ) опубликовалъ предложеніе, якобы сдѣланное ему въ 1866 году представителемъ Франціи Бенедетти,—предложеніе, согласно которому Пруссія должна помочь Франціи присоединить къ себѣ Бельгію, въ качествѣ компенсаціи за прусскія пріобрѣтенія въ сѣв. Германіи". Здѣсь слово „якобы" указываетъ лишь на незнаніе того несомнѣннаго факта, что Пруссіи въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано это предложеніе. На стр. 33 говорится о „германской оккупаціи Агадира", тогда какъ

оккупаціи никогда не было: стоянку одной канонерской лодки въ агадирской бухтѣ нельзя ни въ коемъ случаѣ называть „оккупаціей“ (матросамъ лодки даже воспрещалось—о чемъ, конечно, не знаютъ авторы—погулять на берегу, чтобы не вызвать инцидента!). Есть еще и еще подобныя же недопустимыя со стороны университетскихъ историковъ неточности и ошибки.

Переводъ читается довольно легко. Но нельзя сказать, что духъ англійской фразеологіи вполнѣ уловленъ переводчикомъ. На стр. 84: „...попытки въ одиннадцатомъ часу вечера начать вести переговоры“... Образное in the eleventh hour обозначаетъ просто *въ послѣднюю минуту*; навѣрное, русскій читатель вообразитъ, что это фонъ-Яговъ заѣхалъ къ британскому послу поговорить „въ одиннадцатомъ часу вечера“. Въ выраженіи: „Россія не любила тевтонской политики“ (стр. 51),—неловко переданы, очевидно, слова did not like; нужно сказать: Россіи *не нравилась* тевтонская политика; но это ужь неизбѣжно у большинства русскихъ переводчиковъ, точно такъ же, какъ курьезный переводъ слова practically—„практически“, вмѣсто *на самомъ дѣлѣ, фактически, по существу*. Есть и еще погрѣшности, которыя бросаются въ глаза, даже когда не имѣешь подъ руками подлинника.

Бар. Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. Изданіе склада „Право“. Петроградъ. 1915. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 коп.

Эта книга состоитъ изъ отдѣльныхъ, совершенно независимыхъ одинъ отъ другого очерковъ, трактующихъ о „началѣ великой войны“, о Босфорѣ и Дарданеллахъ, объ Италіи въ тройственномъ союзѣ, о Николаѣ I, о Россіи, Пруссіи и Польшѣ въ 1861—1863 гг., о прошломъ франко-русскихъ отношеній, о Римѣ и Наполеонѣ III, объ англійской политикѣ при Викторіи и, наконецъ, объ англо-японскомъ союзѣ. Авторъ—спеціалистъ по международному праву, и теперь его очерки, написанные въ послѣдніе годы, появляются весьма кстати въ видѣ отдѣльной книги. Не всѣ они равноцѣнны, но всѣ прочтутся съ интересомъ. Рядомъ съ очерками, не претендующими на самостоятельное научное значеніе, мы встрѣчаемъ интересное маленькое изслѣдованіе о русско-прусскихъ отношеніяхъ въ связи съ польскимъ вопросомъ въ началѣ 1860-хъ годовъ. Авторъ пользовался тутъ нѣкоторыми важными неизданными документами,—и наглядно показываетъ, до какой степени *активно* противодѣйствовала Пруссія всякимъ (даже самымъ слабымъ) попыткамъ Александра II (*предъ* возстаніемъ) провести коекакія реформы въ Польшѣ, и какъ искусно Бисмарку и Вильгельму I удалось извлечь при этомъ огромныя выгоды для Пруссіи, парализовавши Россію на десятки лѣтъ узами „благодарныхъ воспоминаній“ и т. п. До какой степени развязно вмѣшивался Вильгельмъ въ русскія дѣла, явствуетъ, напр., изъ такого рода

документа, переданнаго Горчакову Бисмаркомъ 23 февраля 1861 г.: „Его величество король, освѣдомившись, не знаю изъ какого источника, что одинъ изъ великихъ князей, по приказанію Его Величества Государя Императора, ѣдетъ въ Варшаву, приказалъ телеграфировать мнѣ, чтобы я представилъ Его Величеству Государю Императору и Вамъ, князь, что при существующихъ условіяхъ, всякая либеральная уступка представляется въ высшей степени опасной королю; послѣдній хотѣлъ бы знать, въ чемъ заключается миссія, которую имѣется въ виду поручить одному изъ великихъ князей". И россійское правительство не обидѣлось, но оправдывалось. Вся статья очень свѣжа и интересна. Одно только мѣсто можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. На стр. 179 читаемъ: „Какъ часто отзывы второстепенныхъ дѣятелей о людяхъ крупныхъ, эти колкости Горчакова (о Бисмаркѣ) забавны. Въ одномъ изъ писемъ... Горчаковъ говорилъ, напримѣръ: „мы льстимъ себя надеждой, что сознаніе государственнаго интереса одолѣетъ азартъ Бисмарка. Рискованный путь, на который онъ думаетъ кинуться, намъ кажется полнымъ опасности". Рѣчь идетъ о конфликтѣ Бисмарка съ ландтагомъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему бар. Нольде считаетъ „забавными" эти слова Горчакова. Напомнимъ, что, вѣдь, именно изъ за этого конфликта король Вильгельмъ I не только хотѣлъ отказаться отъ престола, но даже написалъ уже текстъ своего отреченія. Что же тутъ „забавнаго", если Горчаковъ считалъ обостреніе конфликта азартнымъ и рискованнымъ? Рискъ кончился къ выгодѣ Бисмарка, но этотъ рискъ (и серьезный), безспорно, *былъ* въ его игрѣ. Изъ другихъ статей больше всего интересенъ спокойный и безпристрастный анализъ документовъ, касающихся начала войны 1914 года. Авторъ приходитъ къ глубокому убѣжденію, что Австрія (уже съ 16 іюля) пошла на уступки и ни въ коемъ случаѣ не желала воевать, такъ что отвѣтственность лежитъ съ этого момента всецѣло на Вильгельмѣ II, необычайная торопливость котораго именно тѣмъ и объясняется, что онъ ясно увидѣлъ отступленіе Австріи. Небольшая статейка о Николаѣ I и Константинѣ Павловичѣ была бы много интереснѣе и значительнѣе, еслибы авторъ не удовольствовался выдержками изъ изданной переписки обоихъ братьевъ, а сличилъ бы эту переписку съ другими опубликованными документами (уже немалочисленными), касающимися внѣшней политики Николая и воззрѣній Константина. Да и воскресить предъ читателемъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ дипломатическую обстановку начала Николаевскаго царствованія было бы совершенно необходимо,—между тѣмъ авторъ даже не поминаетъ Каннинга и его политики, когда говоритъ о русско-англо-французскомъ сотрудничествѣ въ 1827 г., и неподготовленный читатель ничего не пойметъ въ приводимыхъ тутъ словахъ Константина (неодобрительно относившагося къ потрясенію основъ Священнаго союза). Вѣдь эти основы потрясалъ

именно Каннингъ! Въ общемъ книжка даетъ немало интереснаго матеріала и изложеніе ея очень живое; она, несомнѣнно, найдетъ читателей. Этому не помѣшаетъ и слишкомъ ужъ большая пестрота содержанія. Разсчитанная на большую публику литература по исторіи внѣшней политики у насъ очень ужъ невелика, да и числятся въ ней все больше фельетонно-анекдотическіе экскурсы Скальковскаго, елейно-чиновничьи, низкопоклонно-патріотическія произведенія Татищева и тому подобныя упражненія. Дѣльная книга бар. Нольде ничего общаго съ подобнаго сорта литературою не имѣетъ ни по содержанію, ни по тону.

Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ I. Созданіе имперіи. Переводъ Л. Захарова. М. 1915. Стр. 361. Ц. 1 р. 75 коп.

Трудъ Гульельмо Ферреро началъ появляться въ итальянскомъ оригиналѣ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и съ перваго же тома привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе,—въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ спустя нѣкоторое время сталъ выходить исправленный и дополненный авторомъ французскій переводъ. Этотъ успѣхъ объясняется нѣсколькими причинами. Во-первыхъ, авторъ оригинальный мыслитель и соціологъ, чувствующій себя хозяиномъ какъ въ источникахъ, такъ и въ литературѣ предмета; во-вторыхъ, его взгляды сплошь и рядомъ довольно рѣзко сталкиваются съ традиціонными и читатель постоянно ощущаетъ необходимость провѣрять многія свои воззрѣнія, пріобрѣтенныя еще на школьной скамьѣ: умственная работа, сама по себѣ дающая много наслажденія; въ-третьихъ, Ферреро блестящій стилистъ, ведущій оживленный разсказъ и безпрестанно дающій яркія характеристики дѣйствующихъ лицъ, умудряющійся дѣлать даже внѣшне-занимательною самую фабулу повѣствованія, давнымъ давно во всѣхъ деталяхъ, казалось бы, всѣмъ знакомую. Можно сказать, что за полстолѣтія со временъ появленія трудовъ Моммзена ни одна книга въ области древне-римской исторіи не производила столько шума, какъ работа Ферреро. Нечего и говорить, что у него тотчасъ появились подражатели, которые, какъ водится, восприняли отъ своего образца болѣе слабыя стороны. А этихъ слабыхъ сторонъ у Ферреро тоже не мало. Сплошь и рядомъ его оригинальность переходитъ въ оригинальничанье, въ какое-то кокетство неожиданностями, въ явное желаніе посильнѣе поразить читателя; въ связи съ этимъ стоитъ склонность къ излишнему сочинительству, къ довольно многословному „психологизму“, къ домысламъ, имѣющимъ цѣлью перебросить чисто словесный мостокъ между разъединенными и скудными фактическими указаніями источниковъ. Иногда ссылаться на факты въ томъ видѣ, какъ они изложены у Ферреро,—прямо бываетъ рискованно. Наконецъ, на-

зойливая и преувеличенная модернизація, стремящаяся во что бы то ни стало вести повѣствованіе въ духѣ и стилѣ разсказа о самоновѣйшихъ историческихъ происшествіяхъ,—уже самою нарочитостью своею производитъ нерѣдко непріятное впечатлѣніе, путаетъ и отвлекаетъ безъ нужды вниманіе и, словомъ, достигаетъ эффекта, прямо обратнаго тому, къ которому стремился авторъ. Всѣ эти недостатки у самостоятельнаго изслѣдователя Ферреро не такъ выпуклы, какъ у популяризаторовъ, но и у него они замѣтны, хотя и выкупаются указанными крупными достоинствами.

Въ вышедшемъ теперь на русскомъ языкѣ первомъ томѣ изслѣдованія Ферреро читатель находитъ пять большихъ вступительныхъ главъ, дающихъ сжатое (но очень живое) изложеніе исторіи римскаго государства отъ древнѣйшихъ временъ до выступленія Юлія Цезаря, затѣмъ идетъ перемежающійся разсказъ о завоеваніяхъ послѣдняго вѣка республики, войнахъ въ Виѳиніи, Понтѣ, Арменіи (съ блестящею и глубокою характеристикою историческаго значенія Лукулла и его походовъ) —и о внутреннихъ смутахъ въ Римѣ (о „демагогіи“ Цезаря, о Катилинѣ, объ образованіи цезаристскаго тріумвирата). Изложеніе въ этомъ первомъ томѣ доведено до того рѣшающаго момента, когда тріумвиры предъявили свои требованія къ безпомощному сенату. Послѣдняя глава (слишкомъ общая и бѣглая) посвящена соціально-экономическому положенію республики въ срединѣ I вѣка до Р. X.

Въ этомъ первомъ томѣ читатель еще не найдетъ почти вовсе тѣхъ оригинальныхъ гипотезъ и догадокъ, которыхъ такъ много въ слѣдующихъ томахъ. Въ сущности, весь томъ имѣетъ характеръ обширнаго введенія къ разсказу о гибели республики; и достоинства, и недостатки Ферреро тутъ сказываются слабѣе, чѣмъ въ слѣдующихъ частяхъ труда. Правда, и здѣсь не обошлось безъ рискованныхъ парадоксовъ. „Общее мнѣніе историковъ, что причиной земледѣльческаго кризиса, начавшагося въ Италіи послѣ 150 года до Р. X., была конкуренція иностраннаго, сицилійскаго и африканскаго хлѣба... Я, напротивъ, смотрю на это объясненіе, какъ на совершенно ложное“ (стр. 331). А дальше, въ видѣ доказательствъ, къ изумленію читателя, ему преподносится нѣсколько страницъ, трактующихъ *исключительно* о хлѣбной торговлѣ... въ древней Аттикѣ, — затѣмъ нѣсколько бездоказательныхъ словъ о томъ, что, очевидно, и въ Римѣ должно было дѣло обстоять точно такъ же, и еще болѣе бездоказательное предположеніе „я предполагаю, что причиной кризиса было увеличеніе стоимости жизни“; что это въ точности значитъ, — какъ именно „увеличеніе стоимости жизни“ могло повлечь за собою „земледѣльческій кризисъ“— объ этомъ не сказано ровно ничего: только, въ видѣ объясненія, предлагается сравнить древній Римъ съ... Италіей послѣ 1848 г. и Россіей послѣ 1861-го... Вотъ и все. И этотъ наборъ словъ гордо возглавляется: общее мнѣніе историковъ—такое-то и такое-то,—

а „я напротивъ, смотрю на это объясненіе, какъ на совершенно ложное“. Вотъ типичный образчикъ проявленія основной слабости Ферреро: страсти къ парадоксамъ, къ оригинальничанью даже тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни единаго факта въ подтвержденіе своей мысли. Мы нарочно выбрали для примѣра капитальный, коренной вопросъ исторіи Рима,—вопросъ о земледѣльческомъ кризисѣ. Въ проблемахъ меньшаго значенія Ферреро еще менѣе стѣсняется; но, повторяемъ, именно въ первомъ томѣ онъ все же сдержаннѣе, За то превосходны страницы о покореніи эллинистическаго востока, объ измѣненіи въ нравахъ; оригинальны и глубоки замѣчанія о дезорганизаціи арміи въ послѣдніе годы республики; объективно и ярко изображеніе начальныхъ стадій карьеры Цезаря (котораго Ферреро не любитъ).

Будемъ ждать появленія на русскомъ языкѣ и слѣдующихъ томовъ этого талантливаго труда. Русскій переводъ въ общемъ, удовлетворителенъ, хотя иногда тяжеловатъ.

I. М. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. Петроградъ. 1914. Стр. 465. Цѣна 3 р.

Въ самой значительной по размѣрамъ и существенной по содержанію части своей эта работа представляетъ собою историческое изслѣдованіе, которое съ пользой прочтетъ всякій, интересующійся западно-европейскимъ экономическимъ бытомъ въ его эволюціи. Авторъ выбралъ Германію „главнымъ образомъ, въ виду гораздо большаго, по сравненію съ другими странами, количества опубликованнаго матеріала, относящагося къ средневѣковому періоду“. Авторъ все же экономистъ, а не историкъ по спеціальности, его работа есть изслѣдованіе по экономикѣ и исторіи финансовъ,—а поэтому и тема взята имъ чрезвычайно обширная, рамки изслѣдованія—географически—охватываютъ всю Германію, хронологически—семьсотъ лѣтъ (XIV—XIX в.в.). Требовать при этихъ условіяхъ отъ автора, чтобы онъ произвелъ еще и самолично поиски въ архивахъ десятковъ городовъ и исчерпалъ весь рукописный матеріалъ, тамъ имѣющійся, было бы явно неумѣстно. Впрочемъ, и изданныхъ уже документовъ въ Германіи—цѣлыя горы,—и безспорно въ большую заслугу автору слѣдуетъ поставить его огромную освѣдомленность въ этихъ матеріалахъ; не менѣе бросается въ глаза и другая его черта—обширная начитанность въ литературѣ предмета. Иногда даже жаль, что г. Кулишеръ даетъ себѣ въ нѣкоторыхъ вопросахъ слишкомъ мало свободы, слишкомъ считается со взглядами своихъ предшественниковъ и авторовъ отдѣльныхъ монографій: это коегдѣ загромождаетъ изложеніе. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что въ разсматриваемомъ трудѣ не обойдено молчаніемъ ни одно сколько-нибудь существенное изслѣдованіе монографиче-

скаго характера, касающееся затронутой темы,—иногда даже имѣющее къ ней довольно отдаленное отношеніе.

Книга начинается обширнымъ вводнымъ очеркомъ, посвященнымъ общей характеристикѣ исторіи нѣмецкихъ городовъ: періода экономическаго и политическаго расцвѣта (т. е. XIV—XVI вв.), періода упадка (XVII—XVIII вв.) и періода новаго, бурнаго роста и подъема (XIX в.). Затѣмъ первыя три главы посвящены исторіи прямого и косвеннаго обложенія въ XIV—XVI вв., четвертая глава—прямому и косвенному обложенію въ городахъ въ XVII—XVIII вв., остальныя главы (5—9)—исторіи обложенія въ XIX столѣтіи, причемъ особое вниманіе обращено на анализъ новѣйшихъ реформъ въ области коммунальнаго прямого обложенія. Выводы, къ которымъ привело автора, въ конечномъ результатѣ, его изслѣдованіе, любопытны и поучительны. Въ первый періодъ (XIV—XVI вв.) усматривается стремленіе городовъ облагать „не своихъ, а чужихъ“, иноземныхъ и иногороднихъ купцовъ, новыхъ поселенцевъ и т. д.; затѣмъ обнаруживается нерасположеніе къ прямому обложенію и большое пристрастіе къ косвенному, болѣе выгодному для состоятельныхъ классовъ, такъ что бремя налоговъ лежитъ значительнѣйшею своею тяжестью на бѣдныхъ. Въ слѣдующій періодъ прямое обложеніе начинаетъ выдвигаться нѣсколько болѣе, и одновременно происходитъ процессъ огосударствленія городскихъ финансовъ, ибо подавляющее большинство городовъ теряетъ былую экономическую и политическую самостоятельность. Въ XIX столѣтіи, наконецъ, съ одной стороны завершается этотъ процессъ подчиненія городовъ государственной власти, съ другой стороны, прямое обложеніе начинаетъ все болѣе преобладать надъ косвеннымъ, и притомъ обложеніе по доходности обнаруживаетъ тенденцію къ превращенію въ обложеніе *по цѣнности* имущества. Въ самое послѣднее время возникаютъ такіе виды обложенія, какъ налогъ на приростъ цѣнности недвижимостей. Подобнаго рода налоги преслѣдуютъ цѣли не только непосредственно фискальныя, но и соціальныя. Общій демократическій сдвигъ жизни явно отражается на коммунально-финансовой и, особенно, фискальной политикѣ. Въ нѣкоторый упрекъ автору можно поставить то, что въ его изслѣдованіи мало выяснена (безспорно имѣвшая мѣсто, и даже очень оживленная) борьба *противъ* всякихъ попытокъ демократизаціи фиска сначала со стороны дворянско-юнкерскихъ элементовъ (до 1848 г. и потомъ съ 1851—2 гг.), а затѣмъ (уже послѣ образованія имперіи) со стороны городскихъ магнатовъ—на этотъ разъ въ нѣдрахъ самоуправленія. Характеристика XVII—XVIII вв. (въ общемъ, удавшаяся автору) много выиграла бы, еслибы онъ сопоставилъ германскую фискальную политику съ тогдашнею же англійскою: громадное соціальное значеніе косвеннаго обложенія со всѣми историческими послѣдствіями этого факта было бы чи-

тателю яснѣе, особенно—рѣшающая роль торжества косвеннаго обложенія для консолидаціи государственной власти (даже независимо отъ того, будетъ ли это власть нѣмецкаго Landesfürst'а или англійскаго парламента). Вообще авторъ скупъ на синхронистическія сопоставленія, онъ слишкомъ исключителенъ въ своемъ предпочтеніи среднеевропейскихъ матеріаловъ всякимъ инымъ. Но это—недостатокъ несущественный, по крайней мѣрѣ для спеціалиста; всякій историкъ будетъ благодаренъ автору за ту массу проработанныхъ и обдуманно систематизованныхъ фактовъ, которую онъ далъ.

Билимовичъ. А. Д. Къ вопросу о расцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ. Часть первая. Кіевъ. 1914.

До 1870-хъ годовъ въ Европѣ существовала въ сущности лишь одна теорія цѣнности, теорія объективная, выводившая цѣнность товаровъ изъ условій производства, хотя она и разбивалась на двѣ группы: согласно болѣе старому направленію, цѣнность опредѣляется издержками производства, напротивъ, по ученію Маркса и его послѣдователей—трудомъ, или точнѣе общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, затраченнымъ въ производствѣ.

Въ 1870-хъ годахъ появилось новое ученіе о цѣнности, субъективное; цѣнность товаровъ стали выводить изъ психики потребителя, покупателя, изъ его потребностей, изъ устанавливаемыхъ имъ оцѣнокъ хозяйственныхъ благъ. Въ то время, какъ прежде категорія цѣнности приводилась въ связь со всѣмъ современнымъ хозяйственнымъ строемъ—особенно рѣзко это обнаруживалось въ системѣ Маркса,—теперь цѣнность объявлялась логической категоріей, не имѣющей никакого отношенія къ организаціи хозяйства, цѣнность вытекаетъ всецѣло изъ индивидуальной психики, послѣдняя же во всѣ времена и у всѣхъ народовъ одинакова. У Робинзона на необитаемомъ островѣ и у человѣка, живущаго въ настоящее время въ многомилліонномъ европейскомъ городѣ, система оцѣнокъ одна и та же; въ т. наз. изолированномъ хозяйствѣ и на современномъ международномъ рынкѣ цѣны устанавливаются одинаковымъ образомъ, вытекаютъ изъ индивидуальной психики хозяйствующаго субъекта.

Эта новая теорія субъективной цѣнности или психологическая теорія въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ особенно ревностно разрабатывалась писателями въ Австріи, почему и дала названіе „австрійской школѣ". Позже австрійцы перестали заниматься этими вопросами и изученіе ихъ перешло главнымъ образомъ къ американскимъ экономистамъ; занялись ими и психологи-спеціалисты. Наконецъ, появилось математическое направленіе въ политической экономіи, которое старалось свести положенія экономической науки къ математическимъ формуламъ, пользуясь при этомъ высшей математикой. Особенно много оно изощрялось надъ мате-

матической формулировкой цѣнности, исходя изъ индивидуальной психики человѣка.

Все это новое направленіе въ ученіи о цѣнности, вся эта субъективная теорія построены на полнѣйшемъ отрицаніи общественнаго начала въ хозяйственной жизни. Современный строй, соціальная психологія, характеръ рынка—все это совершенно игнорируется. Проводится мысль, что политическая экономія есть наука, которая изучаетъ не общественное хозяйство, а хозяйство вообще, въ томъ числѣ и частное хозяйство отдѣльнаго лица. Послѣднее и является той исходной ячейкой, для которой выводятся законы цѣнности; затѣмъ они уже распространяются и на современное мѣновое хозяйство.

У насъ въ Россіи, до послѣдняго времени эта новая субъективная теорія цѣнности почти совершенно не находила себѣ послѣдователей. Русскіе экономисты стояли почти всецѣло на почвѣ объективной теоріи, преимущественно въ той формѣ ея, какая была установлена Марксомъ. Лишь въ самое послѣднее время стали появляться изслѣдованія, примыкающія къ психологическому ученію о цѣнности или—какъ его обыкновенно называютъ—къ теоріи предѣльной полезности, ибо, согласно этому ученію, (субъективная) цѣнность каждаго блага при данномъ запасѣ благъ этого рода равна полезности послѣдней единицы этого запаса, удовлетворяющей наименѣе важную потребность, или, иначе говоря, цѣнность равна предѣльной полезности даннаго блага.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой—въ отличіе отъ прежнихъ попытокъ этого рода—послѣдовательно проведенную теорію цѣнности этого направленія, изложенную русскимъ ученымъ. А. Д. Билимовичъ стоитъ всецѣло на почвѣ теоріи предѣльной полезности и систематически разрабатываетъ ее, пользуясь всей богатой, имѣющейся по этому вопросу, литературой. Первая, вышедшая пока, часть его сочиненія посвящена выясненію вопросовъ о потребностяхъ, о сущности и измѣримости ихъ, далѣе, опредѣленію понятія полезности и предѣльной полезности, хозяйственнаго блага, субъективной цѣнности, наконецъ, мѣновой цѣнности и цѣны. Къ сожалѣнію, на этомъ заканчивается первая часть сочиненія, такъ что не видно, какъ авторъ изъ субъективной цѣнности потребителя выведетъ систему рыночныхъ цѣнъ. Впрочемъ, изъ введенія къ книгѣ, въ которомъ проф. Билимовичъ излагаетъ методъ и планъ своего изслѣдованія, а также изъ того направленія, къ которому онъ примыкаетъ, можно усмотрѣть, что и у него, какъ и у прочихъ теоретиковъ предѣльной полезности, рыночная цѣна строится на индивидуальной психологіи потребителя, вытекаетъ изъ субъективной цѣнности. Не цѣна опредѣляется издержками производства, какъ учило старое направленіе, а размѣръ издержекъ зависитъ отъ субъективной цѣнности и цѣны. Авторъ, правда, указываетъ на то, что онъ намѣренъ при-

нимать во вниманіе и объективные моменты, но изъ всего характера его построеній видно, что они во всякомъ случаѣ могутъ играть лишь весьма подчиненную роль.

Авторъ указываетъ и на то, что при всей отвлеченности его схемы, при всей отдаленности ея отъ жизни, она все же не является невѣрной, а составляетъ лишь упрощеніе дѣйствительности, разложеніе ея на простѣйшіе элементы, анализъ лишь важнѣйшихъ моментовъ, вліяющихъ на цѣнность. Путемъ введенія новыхъ и новыхъ моментовъ, включенія дополнительныхъ факторовъ окажется возможнымъ приблизиться къ дѣйствительности. Но онъ упускаетъ изъ виду, что для того, чтобы сколько-нибудь приблизиться къ жизни, пришлось бы сдѣлать столько дополненій къ его схемѣ, произвести въ ней такую массу измѣненій, что первоначальныя построенія его затерялись бы во всемъ этомъ и потеряли бы всякое значеніе; въ настоящемъ же своемъ видѣ они никакого отношенія къ дѣйствительной экономической жизни не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Позволительно вообще усомниться въ томъ, можетъ ли анализъ *индивидуальной* психологіи потребителя служить исходной точкой для пониманія условій *общественнаго* хозяйства; можно ли, далѣе, рыночныя цѣны, являющіяся результатомъ борьбы между производителемъ и потребителемъ, понять, изучая психику одного лишь потребителя?

Надо однако отдать справедливость А. Д. Билимовичу: онъ вложилъ весьма много научнаго труда въ свою книгу, онъ продумалъ всѣ детали ученія о цѣнности, онъ глубоко убѣжденъ въ правильности своихъ воззрѣній и того метода изслѣдованія, которымъ онъ пользуется. И сторонники теоріи предѣльной полезности съ удовлетвореніемъ встрѣтятъ появленіе въ Россіи сочиненія, стоящаго на такой точкѣ зрѣнія.

Но гораздо большее число экономистовъ вообще не станетъ читать его книгу или отложитъ ее, не дочитавъ до конца, ссылаясь на то, что эта „экономическая психологія" никакого отношенія къ наукѣ народнаго хозяйства не имѣетъ, что книга эта безплодная, никому не нужная, не подвигающая ни на іоту выясненія проблемы цѣнности. А тѣ, кто знаетъ предыдущія работы автора, пожалѣютъ и о томъ, что онъ затратилъ столько труда понапрасну, тогда какъ могъ бы продолжать свои работы въ области изученія экономической жизни.

Проф. Билимовичъ всѣмъ этимъ противникамъ, конечно, отвѣтитъ, что онъ не первый и не послѣдній, что существуетъ цѣлое направленіе, насчитывающее много крупныхъ именъ, которое считаетъ возможнымъ изучать экономическія явленія только съ такой точки зрѣнія. И эта ссылка послужитъ ему оправданіемъ.

Р. Штейнметцъ. Философія войны. Пер. съ нѣм. Г. Абрамова. Петроградъ. 1915. Стр. 426. Ц. 2 р.

Основныя идеи своей „Философіи войны" (вышла въ оригиналѣ въ 1907 г.) Штейнметцъ изложилъ еще раньше въ небольшой, появившейся въ 1899 г., брошюрѣ; „Der Krieg als soziologisches Problem". Книга отъ брошюры отличается лишь бо̀льшимъ обиліемъ фактическаго матеріала, пространностью—иногда чрезмѣрной—аргументаціи и рядомъ претендующихъ на язвительность, а въ дѣйствительности довольно беззубыхъ выходокъ противъ соціалъ-демократіи, пацифистовъ и Толстого. Теоретическая же конструкція сохранилась почти вся цѣликомъ. И въ 1907 г., вскорѣ послѣ опыта русско-японской войны, голландскій соціологъ остался тѣмъ же убѣжденнымъ защитникомъ войны, какимъ онъ былъ наканунѣ гаагскаго конгресса и вооруженнаго столкновенія между бурами и англичанами. И если тогда онъ писалъ, что безъ войны человѣчество регрессировало бы морально, то въ новой книгѣ, перефразируя извѣстное изреченіе Вольтера, онъ восклицаетъ, что, не будь войны, ее слѣдовало бы выдумать.

О культурной всеміірно-исторической миссіи войны въ прошломъ писали такіе авторы, какъ Бэджготъ, Спенсеръ и др. Благодаря войнѣ, доказывали они, человѣчество вышло изъ стадіи мелкихъ ордъ и общежитій и сложилось въ тѣ огромные коллективы-государства, на основѣ которыхъ и могла только развиться цивилизація. Но эту функцію войны они не считаютъ вѣчной. Такъ, Спенсеръ на заключительныхъ страницахъ своей „Соціологіи" развиваетъ ту мысль, что вмѣстѣ съ индустріализаціей государствъ объединительная роль войнъ прекращается и что задача дальнѣйшаго интегрированія обществъ можетъ выполняться путемъ мирнаго сотрудничества. Въ отличіе отъ этого Штейнметцъ утверждаетъ, что война была полезна не только въ прошломъ и что у нея имѣется существенная и „вѣчная на всѣ времена", какъ онъ выражается, функція. Конечно, война несетъ съ собой жестокія испытанія: гибель десятковъ тысячъ молодыхъ жизней, безчисленныя страданія еще большаго количества близкихъ имъ существъ, эпидеміи, раззореніе, тяжесть военнаго бюджета и пр. (см. стр. 52—147)—но при объективной оцѣнкѣ ея нельзя довольствоваться однимъ лишь указаніемъ на отрицательныя стороны ея, нельзя поддаваться сантиментальнымъ доводамъ нашей чувствительности. Развѣ хирурга удерживаетъ отъ операціи мысль о предстоящихъ больному страданіяхъ? Вредъ, приносимый войной колоссаленъ, но за то и выгоды отъ нея велики. Выгоды эти заключаются въ томъ, что Штейнметцъ въ своей брошюрѣ резюмировалъ въ слѣдующихъ двухъ тезисахъ: „Мы въ правѣ заключить теперь, что государство необходимо для насъ и что оно вызываетъ необходимость въ извѣстной изолированности, а, слѣдовательно, влечетъ за собой возможность войны" и „прямой индивидуальный подборъ эгоистиченъ,

косвенный коллективный отборъ—альтруистиченъ. Способъ коллективнаго подбора—это война. Слѣдовательно, безъ войны человѣчество регрессировало бы съ моральной точки зрѣнія". Философія войны голландскаго автора такимъ образомъ тѣсно связана съ его философіей государства. Государство, утверждаетъ онъ, это самая обширная, живая и реальная организація, имѣющаяся на землѣ. Живя въ государствѣ, личность отрывается отъ эгоизма и пріобщается къ высшему, даваемому коллективомъ, существованію. Конечно, наряду съ государствомъ имѣются и другія соціальныя образованія, въ которыя входитъ личность; но по сравненію съ государствомъ они являются игрушками, между тѣмъ какъ оно одно лишь серьезная сторона жизни. „Государство—брачный союзъ, всѣ свободные союзы—конкубинаты" (с. 177). Есть личности, указывающія на верховный коллективъ—на человѣчество и противоставляющія любовь къ человѣчеству болѣе эгоистическому чувству любви къ своей родинѣ. Но человѣчество съ его полутора милліардами гражданъ, съ огромными различіями составляющихъ его соціальныхъ единицъ не представляетъ какой-нибудь реальной организаціи и любовь къ нему является чѣмъ-то абстрактнымъ и блѣднымъ по сравненію съ любовью къ отечеству. Если согласиться съ этой ролью государства, какъ наивысшаго, имѣющагося на землѣ, коллектива, то надо принять и неизбѣжно вытекающій отсюда фактъ войны. Государство, чтобы выполнить свою основную функцію пріобщенія личности къ болѣе высокой жизни, должно имѣть возможность бороться за свое существованіе всѣми своими силами. Но война является самой существенной формой примѣненія государствомъ своихъ силъ. „Война есть борьба коллективовъ и, наоборотъ, единственное оружіе коллективовъ есть война. Кто хочетъ устранить войну, тотъ хочетъ сдѣлать невозможной борьбу коллективовъ" (стр. 185), т. е. единственную альтруистическую—ибо личность здѣсь жертвуетъ собой въ пользу интересовъ цѣлаго—борьбу. Надо замѣтить еще и другое. Въ войнѣ осуществляется историческая справедливость. Побѣждаетъ здѣсь тотъ, кто долженъ побѣдить, кто обладаетъ наилучшими свойствами (въ смыслѣ многочисленности населенія, готовности гражданъ на самопожертвованіе, хорошаго управленія и пр.). Историческая Немезида пользуется войной, чтобы смести все старое и сгнившее и дать дорогу новому.

Въ книгѣ Штейнметца имѣется еще рядъ главъ, посвященныхъ вопросу о коллективномъ отборѣ, производимомъ войной, объ ослабленіи воинственнаго духа и пр. Но центръ тяжести всей его „Философіи войны" заключается именно въ этомъ оправданіи войны, какъ основной формы проявленія государствомъ своей особой индивидуальности. Въ этомъ ученіи о государствѣ голландскій соціологъ тѣсно примыкаетъ къ нѣмецкимъ теоретикамъ съ ихъ своеобразнымъ культомъ государства. Правда, Штейнметцъ пытается отгородить себя отъ гегеліанцевъ и, въ частности, отъ Трейчке, утвер-

ждая, что въ отличіе отъ нихъ онъ не разсматриваетъ государства, какъ цѣли въ себѣ,—но это лишь второстепенная подробность. Въ существенномъ, въ основномъ онъ разсуждаетъ, какъ и они. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ въ своей „Политикѣ“ Трейчке: „Безъ войны не существовало бы вовсе государства... И такимъ образомъ война будетъ существовать до конца исторіи, пока будетъ имѣться на лицо множество государствъ... Слѣпые поклонники вѣчнаго мира дѣлаютъ логическую ошибку, изолируя государство или мечтая о всемірномъ государствѣ, которое, какъ мы ужъ это отмѣтили, представляетъ нѣчто безсмысленное“. Здѣсь имѣются на лицо всѣ основные элементы построенія Штейнметца: и неразрывная связь войны съ государствомъ, и нереальность верховнаго коллектива—человѣчества, и вѣчная на всѣ времена роль войны. Въ работахъ нѣмецкихъ теоретиковъ эта сторона вопроса развита, пожалуй, еще ярче. И въ этомъ,—т. е. въ выясненіи неразрывной связи между государствомъ и войной—ихъ и Штейнметца заслуга. Здѣсь выбора нѣтъ. Если исторія не ведетъ къ образованію высшихъ чѣмъ государство, соціальныхъ единицъ, то она не ведетъ и къ окончательному уничтоженію войны. Раціоналистическій пацифизмъ, мечтающій о сохраненіи по прежнему обособленныхъ государственныхъ цѣлыхъ и о водвореніи въ то же время вѣчнаго мира на землѣ, попросту игнорируетъ природу войны, почти непреодолимо выростающую изъ самаго этого обособленія, какъ наиболѣе рѣзкое и могучее проявленіе его. Другой вопросъ, такая ли въ самомъ дѣлѣ нелѣпая мечта—мысль о „всемірномъ государствѣ“, какъ это думаютъ Трейчке и прочіе идолопоклонники государства. Не мечтой ли и утопіей является скорѣе мысль, согласно которой историческій процессъ собиранія человѣчества, приведшій отъ мелкихъ ордъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ къ современнымъ гигантскимъ обществамъ, обреченъ упереться въ какой-то непреодолимый барьеръ изъ десятка или двухъ, вѣчно борющихся между собой за гегемонію, государствъ?

О недостаткахъ русскаго перевода книги Штейнметца уже была рѣчь на страницахъ нашего журнала (№ 5, стр. 283).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Кн-во „Прометей". П. 1915.—М. Конопницкая. Прометей и Сизифъ. Ц. 20 к.—С. Чевкинъ. Торговый домъ „Востровъ и сынъ". Романъ. Ц. 1 р. 50 к.—Маріэтта Шагинянъ. Узкія ворота. Ц. 1 р. 25 к.—Анна Маръ. Тебѣ единому согрѣшили. Повѣсть. Ц. 80 к.—Л. Н. Андреевъ. Въ сей грозный часъ. Статьи. Ц. 50 к.—Ромэнъ Роланъ. Микель Анджело. Пер. съ франц. п. ред. П. Юшкевича. Ц. 2 р.—Ил. Шадринъ. Юный герой. Ц. 50 к.—Ал. Марковичъ. Въ царствѣ наукъ и техники. Ц. 1 р. 50 к.—Чего ждетъ Россія отъ войны. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 25 к.

Д. Г. Гинцбургъ, бар. О русскомъ стихосложеніи. П. 1915. Ц.

Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе". П. 1915.—М. Горькій. По Руси. Очерки. Ц. 1 р. 50 к.—Его-же. Матвѣй Кожемякинъ. Повѣсть. Книга 1-я и 2-я. Ц. 2 р. 60 к.—Влад. Бончъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса. Ц. 1 р.—С. Юшкевичъ. Леонъ Дрей. Ч. II. Ц. 1 р.—С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Мгла. Т. IX. Ц. 1 р.—С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.—С. А. Павловичъ. Repetitorium къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. Ц. 60 к.—А. П. Пинкевичъ. Краткій учебникъ химіи, минералогіи и геологіи. Ц. 1 р. 50 к.—Петръ Казанскій. Собраніе стихотвореній (1909—1914 г.). М. Ц. 2 р.

Из-во эго-футуристовъ. „Очарованный странникъ". Альманахъ весенній. Ц. 25 к.

Н. П. Карабчевскій. Мирные плѣнники. Въ курортномъ плѣну у нѣмцевъ. П. Ц. 1 р.

Алекс. Рославлевъ. Покойникъ Посудевскій и др. разсказы. П. 915. Ц. 1 р. 25 к.

Кайзеръ безъ маски. Пер. съ англ. Изъ дневника гр. Акселя ф. Шверина. П. 915. Ц. 75 к.

П. Ѳ. Каптеревъ. Дидактическіе очерки. Теорія образованія. Изд. 2-е, перераб. и расшир. П. 1915. Ц. 2 р. 40 к.

Н. Телешовъ. Вѣрный другъ и др. разсказы. М. 1915. Ц. 50 к.

Ю. Айхенвальдъ. Письма Чехова. М. 1915. Ц. 35 к.

Николай Леоновъ. Стихотворенія. М. 915. Ц. 1 р.

Викторъ Дворяшинъ. Въ преддверіи. Стихи. Кашинъ. 1914.

І. М. Гольдштейнъ. Нѣмецкое иго и освободительная война. М. 1915. Ц. 30 к.—Его-же. Война и русско-германскій торговый договоръ. 2-е испр. и доп. изд. М. 915. Ц. 60 к.

М. Клокова. Константинополь. Очеркъ. М. 915. Ц. 15 к.

П. Н. Ардашевъ, проф. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Ч. II. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

А. Лескинъ. Грамматика древне-болгарскаго языка. Пер. Н. Петровскаго. Казань. 1915. Ц. 2 р.

Учебныя записки Моск. Город. Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго. Т. I. В. I.—Труды біологической лабораторіи. П. ред. Н. К. Кольцова. В. I. М. 915. Ц. 2 р. 25 к.

Извѣстія Студенческихъ Организацій М. С.-Х. И. Петровской Академіи. В. I. 1915 г. Ц. 50 к.

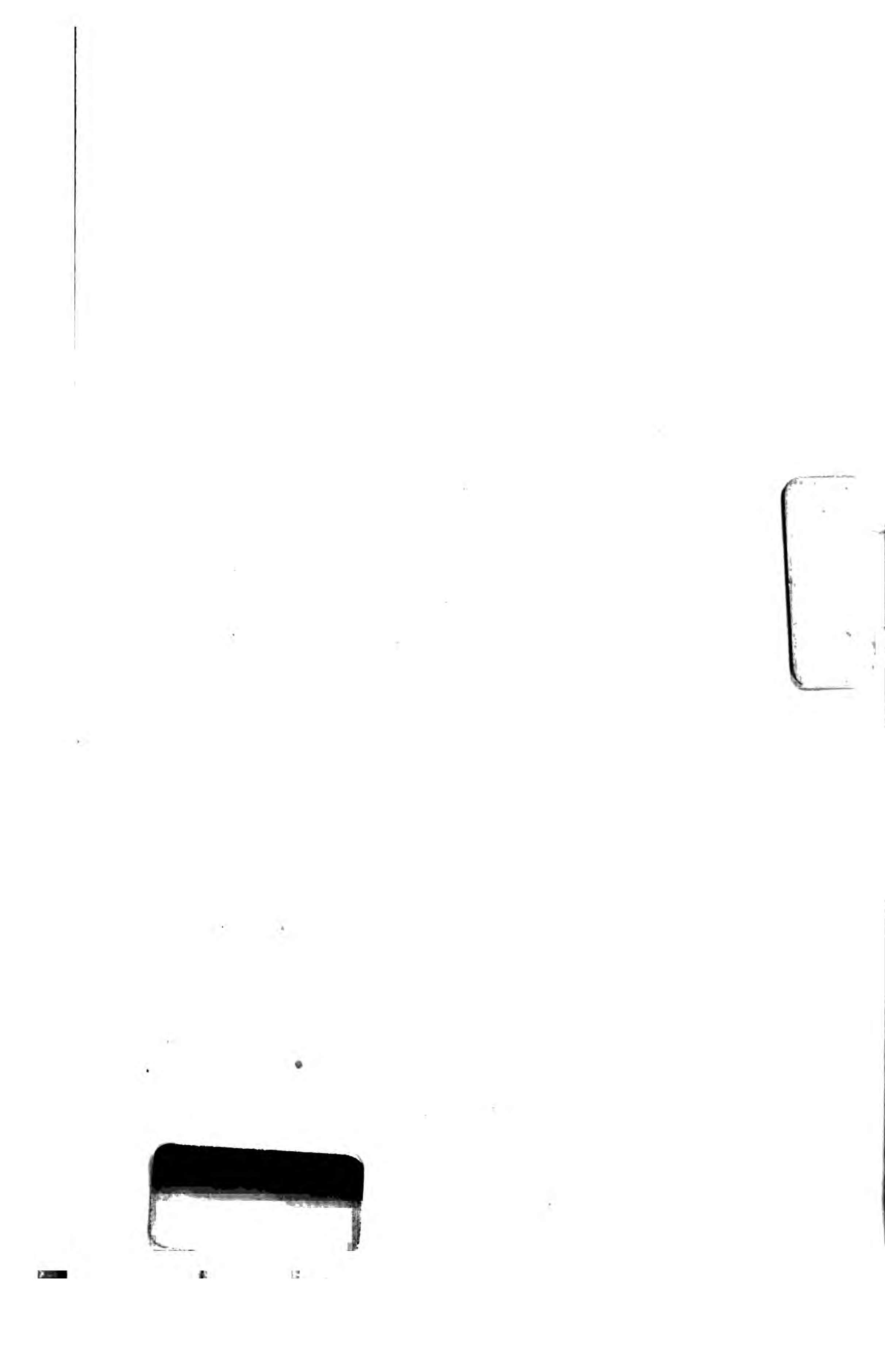
Изд. Т-ва. М. О. Вольфъ. П. 1915.—Н. Н. Ѳирсовъ проф. Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Ц. 75 к.—С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Ц. 1 р.—Викторъ Русаковъ. Юные русскіе герои.

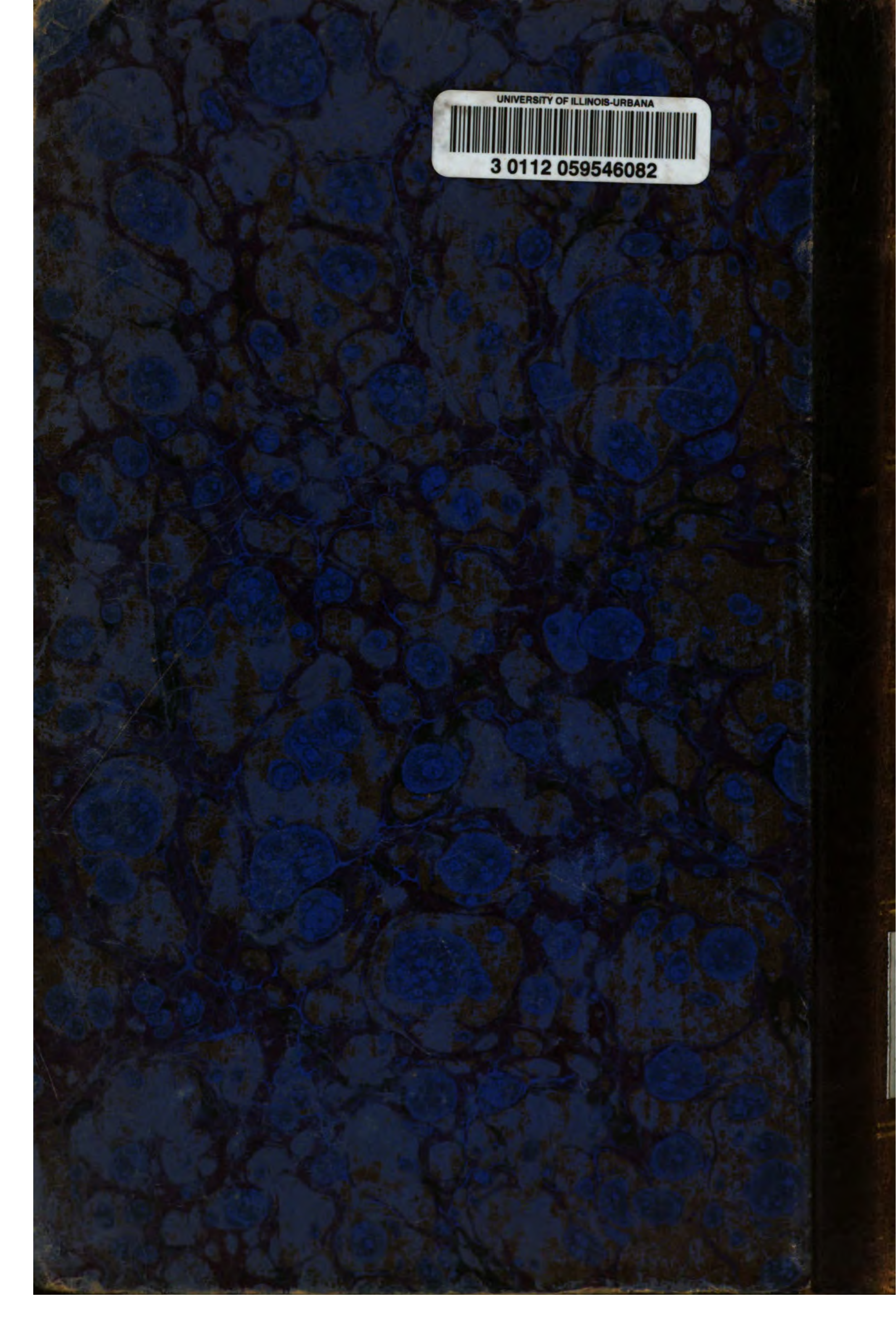
Анна Невская. На лонѣ мира и войны. Стихи. Н. Новгородъ. 1915 г. Ц. 40 коп.

В. Ржимовскій. Варшава—Россія. Перев. съ польскаго. Варшава. 1915. Ц.

Редакторъ В. Н. Цѣховская. Издатель Н. С. Русановъ.

[10p]




UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 059546082